

АКАДЕМИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Полное собрание сочинений

И. И. Потаповича

Томъ 5.

Издание

Разрѣда издѣній словесности
Императорской Академіи Наукъ.

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

1101—100000

141885-1

Академическая Библиотека Русскихъ Писателей.

Выпускъ 6-й.

Полное собраніе сочиненій
М. Ю. Лермонтова.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями

Проф. Д. И. Абрамовича.

Изданіе

Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.

1913.

149

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1918 года.

За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *А. Шахматовъ*.

Печатано въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

Автотипли и всѣ клише исполнены у Р. Голике и А. Вильборга и въ типографіи „Сиріусъ“.

Бумага — Т-ва Красносельской Писчебумажной фабрики насл. К. П. Печаткина.

Шрифтъ — Словолитни Г. Бертольда.

Перелетныя работы — фабрики Фр. Кана въ С.-Петербургѣ.

43 | ОМСКАЯ

МУК "Централизованная система муниципальных"

141885-1

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

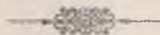
Отъ редактора.

1. — М. Ю. Лермонтовъ.	
Обзоръ источниковъ для біографіи.	I
Матеріалы для біографіи и литературной характеристики. .	XVI
2. — Хронологическая канва для біографіи Лермонтова.	1
3. — Рукописи Лермонтова.	
Рукописи Лермонтовскаго Музея.	26
Рукописи Императорской Публичной Библіотеки	33
Рукописи Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея	37
Рукописи библіотеки Императорской Академіи Наукъ	38
Рукописи Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ	38
Рукописи Лермонтова, принадлежащія разнымъ лицамъ и учрежденіямъ.	39
4. — Списокъ произведеній Лермонтова по времени перваго по- явленія ихъ въ печати	43
5. — Обзоръ изданій сочиненій Лермонтова.	60
6. — Лермонтовъ у славянъ, нѣмцевъ, французовъ и англи- чанъ.	77
Лермонтовъ у славянъ. Статья П. А. Заболотскаго	79
Лермонтовъ у нѣмцевъ. Статья Fr. Dikmejer'a	102
Лермонтовъ у французовъ. Статья А. Мазон'а.	116
Лермонтовъ у англичанъ. Статья К. Н. Фаминскаго	123
7. — Обзоръ литературы о Лермонтовѣ.	127
8. — О языкѣ Лермонтова.	182
9. — О стихѣ Лермонтова.	206
10. — Лермонтовъ — художникъ. Статья барона Н. Н. Врангеля. .	210

	стр.
11. — Обзоръ художественныхъ работъ Лермонтова. Статья Б. С. Мосолова.	218
12. — Иллюстрированныя изданія Лермонтова. Статья барона Н. Н. Врангеля.	227
13. — Лермонтовъ и русская музыка. Статья проф. С. К. Булича.	230
14. — Приложенія.	
1. Стихотворенія Лермонтова, не вошедшія въ собраніе его сочиненій.	236
2. Стихотворенія, приписываемыя Лермонтову	240
3. О воспроизведеніяхъ, помѣщенныхъ въ изданіи	243
15. — Указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ со- чиненіяхъ и письмахъ Лермонтова	247

Портреты, рисунки, факсимиле.

	стр.
М. Ю. Лермонтовъ въ 1841 году. (Съ портрета масляными красками, работы А. П. Шанъ-Гирея. Собственность Лермонтовскаго Музея).	IX
М. Ю. Лермонтовъ въ дѣтскомъ возрастѣ. (По фотографіи съ портрета масляными красками. Собственность Лер- монтовскаго Музея)	XXV
Памятникъ на могилѣ М. Ю. Лермонтова въ Тарханахъ. . .	CXXVIII
Факсимиле показанія Лермонтова, 16-го марта 1840 г., по дѣлу о дуэли съ Барантомъ	LXXXIX
Двадцать два воспроизведенія картинъ и рисунковъ Лер- монтова	224—225

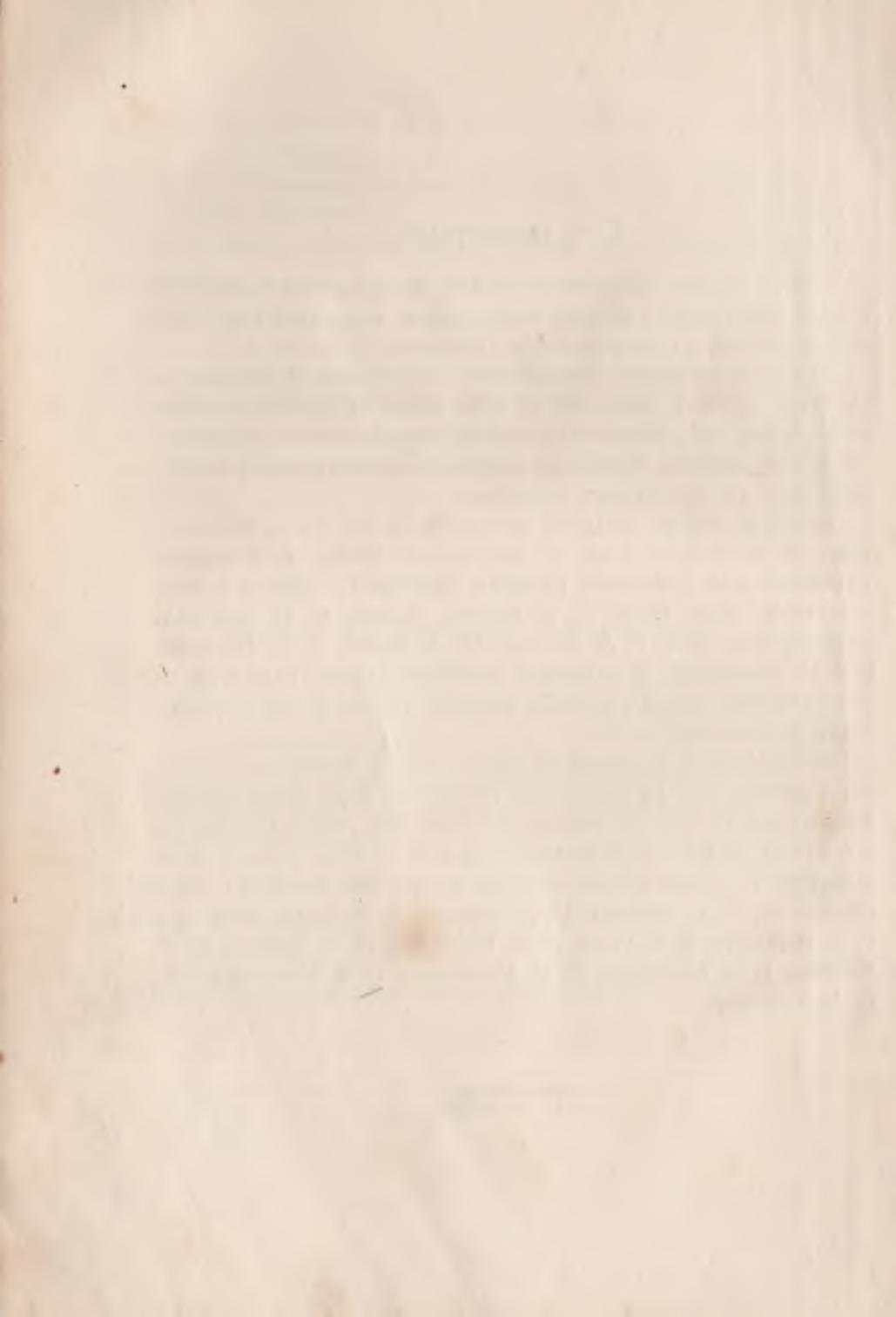
Отъ редактора.

Пятымъ томомъ заканчивается изданіе полнаго собранія сочиненій Лермонтова. Согласно общему плану изданія, весь пятый томъ отведенъ вводнымъ и объяснительнымъ статьямъ.

Изъ лермонтовскихъ произведеній сюда внесены тѣ, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ не могли войти въ предшествовавшіе томы; кромѣ того, въ этомъ же томѣ приведенъ перечень произведеній, приписываемыхъ Лермонтову, какъ напечатанныхъ, такъ и извѣстныхъ намъ по рукописнымъ собраніямъ.

Кромѣ редактора, которому принадлежатъ всѣ статьи безъ подписи, въ настоящемъ томѣ, по приглашенію Коммиссіи по изданію „Академической Библіотеки русскихъ писателей“, приняли участіе слѣдующія лица: проф. С. К. Буличъ, баронъ Н. Н. Врангель, Fr. Dukmeuer, проф. П. А. Заболотскій, А. Mazon, Б. С. Мосоловъ и К. Н. Фаминскій. За оказанное содѣйствіе изданію редакторъ съ своей стороны считаетъ долгомъ выразить глубокую благодарность всѣмъ означеннымъ лицамъ.

Въ заключеніе, редакторъ не можетъ обойти молчаніемъ, что изъ лицъ, упомянутыхъ въ предисловіи къ первому тому, многія продолжали оказывать помощь сообщеніемъ тѣхъ или иныхъ матеріаловъ и свѣдѣній за все время печатанія изданія; къ этому списку лицъ редакторъ съ признательностью присоединяетъ еще имена Н. Р. Александренко, А. И. Арапова, И. И. Байкова, А. Л. Бертъе-Делагарда, Я. Д. Верховца, В. В. Граве, В. Н. Кораблева, Э. Э. Лямбека, В. В. Майкова, Б. М. Микѣшина, М. М. Милевского, О. А. Новосильцовой, В. А. Францева.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

„Но лучше я, чѣмъ для людей кажусь“. (I, 146).

„Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
Съ желаньями безбрежными какъ вѣчность“. (II, 166).

„А душу можно-ль разсказать?“ (II, 311).

Обзоръ источниковъ для біографіи.

Фактическій матеріалъ для біографіи Лермонтова очень невеликъ и малозначителенъ.

О раннихъ годахъ жизни поэта, проведенныхъ въ Тарханахъ, о переѣздѣ въ Москву и пребываніи въ Благородномъ Пансіонѣ—разсказываетъ Акимъ Павловичъ Шанъ-Гирей, сынъ родной племянницы Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой („Русское Обозрѣніе“ 1890 г., кн. VIII, стр. 724—54) *).

Воспитываясь въ домѣ бабушки М. Ю. Лермонтова, сначала въ Тарханахъ, а потомъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, Шанъ-Гирей, повидимому, всегда былъ близокъ къ поэту, насколько позволяла разнища въ лѣтахъ и характеръ Лермонтова.

* Разказы Тархановскихъ старожиловъ—восьмидесятилѣтняго старика М. В. Шушера, „сверстника дѣтскихъ игръ Лермонтова“ („Саратовскій Листокъ“ 1901 г., № 151. Ср. „Новое Время“ 1901 г., № 9113), и церковнаго сторожа М. Каштанова, 95 лѣтъ (ср. „Новое Время“ 1901 г., № 9191), изобилуютъ явными несообразностями, вплоть до „воспоминаній“ о такихъ близкихъ Лермонтову лицахъ, которыя никогда въ Тарханахъ и не были.

Но свои воспоминанія о Лермонтовѣ, обнимающія всю жизнь поэта, Шанъ-Гирей записалъ лишь въ 1860 году, и этимъ, вѣроятно, объясняются нѣкоторыя фактическія неточности въ его разсказѣ, напр., что Лермонтовъ родился въ Тарханахъ; поступилъ въ Московскій университетъ въ 1831 г.; англійскому языку началъ учиться въ 1829-мъ; въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ Петербургъ къ новому 1841 году, и др.

Нѣсколько интересныхъ подробностей о дѣтствѣ Лермонтова находимъ также въ „Замѣткахъ и воспоминаніяхъ художника-живописца“ М. Е. Меликова („Русская Старина“ 1896 г., кн. VI, стр. 648—49).

Особенно любопытно признаніе Меликова, что онъ никогда не въ состояніи былъ бы написать портретъ Лермонтова, — до того были непостоянны и неправильны очертанія его лица. „Одинъ только К. П. Брюловъ совладалъ бы съ такой задачей, такъ какъ онъ писалъ не портреты, а взгляды“...

О пребываніи Лермонтова въ Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ и Университетѣ отрывочныя свѣдѣнія имѣемъ въ воспоминаніяхъ А. М. Миклашевскаго, товарища М. Ю. по Пансіону и Юнкерской школѣ („Русская Старина“ 1884 г., кн. XII, стр. 589—92), и П. Ф. Вистенгофа, поступившаго въ 1830 г. вольнымъ слушателемъ въ Московскій Университетъ („Историческій Вѣстникъ“ 1884 г., кн. V, стр. 328—37)*).

Много мѣста отведено воспоминаніямъ о Лермонтовѣ въ „Запискахъ“ Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой, составленныхъ въ 1836—1837 гг. Эти „Записки“, печатавшіяся сначала въ „Вѣстникѣ Европы“ (1869 г., кн. VIII и IX), а потомъ изданныя отдѣльно М. И. Семевскимъ, какъ „Матеріалы для біографіи поэта М. Ю. Лермонтова“ (С.-Пб. 1871 г.), — подверглись очень жестокой критикѣ со стороны родной сестры автора, Елизаветы Александровны Ладыженской („Русскій Вѣстникъ“ 1872 г., кн. II, стр. 637—62).

Называя „похвальнымъ словомъ“ ту оцѣнку „Записокъ“, которая сдѣлана ихъ издателемъ, Е. А. Ладыженская замѣчаетъ: „я согласна

*) Нѣсколько строкъ посвящено Лермонтову и въ университетскихъ воспоминаніяхъ Гончарова, поступившаго въ Московскій Университетъ осенью 1831 г.; познакомьтесь они не успѣли.

съ нимъ (т. е. М. И. Семеvскимъ) въ одномъ: подобный словесный памятникъ не *безцвѣтенъ*, на немъ ярко отцвѣчивается весь колоритъ вполне развитой галлюцинаціи, въ которой истинные друзья кажутся заклятыми врагами, жестокіе насмѣшники — наипреданными поклонниками. Каждый изъ насъ имѣетъ право въ своихъ четырехъ стѣнахъ марать бумагу чѣмъ и сколько ему угодно. Иногда занятіе это — единственное прибѣжище для разсѣянія слишкомъ сосредоточенной мысли, для успокоенія взволнованныхъ до боли чувствъ, для разрѣшенія, безъ пособій доктора, накопившейся желчи, и происходящихъ отъ того движеній досады, гнѣва, недоброжелательства. Но такіа бумагомаранія личностей, находящихся въ исключительномъ физическомъ или нравственномъ настроеніи, — *не для печати, или ихъ озаглавливаютъ иначе*. (Стр. 610).

Не будемъ спорить, что въ „Запискахъ“ Сушковой много преувеличеній и вольныхъ или невольныхъ ошибокъ, но что касается „исторіи любви“, то фактическая достовѣрность ея вполне подтверждается разсказомъ самой же Ладыженской (стр. 650—56).

Несомнѣнно также и то, что было время, когда Лермонтовъ серьезно увлекался Е. А. Сушковой, и его послѣдній поступокъ въ отношеніи къ ней является актомъ мести за прошлое. (Сочинен., т. IV, 322 — 24 и 400—401).

Наконецъ, сохранились свѣдѣнія, что отношенія Лермонтова къ Сушковой на этомъ не прекратились: онъ былъ у нея на свадьбѣ, при чемъ разсыпалъ соль по полу, говоря: „пусть молодые новобрачные ссорятся и враждуютъ всю жизнь“; навѣщалъ ее въ Тифлисѣ, когда она жила тамъ со своимъ мужемъ („Записки“, 182); умирая, послалъ ей, „какъ сестрѣ“, снятое съ руки кольцо („Русская Мысль“ 1890 г., кн. XI, стр. 100 — 101: Н. Д. Хвоцинская-Заіонковская въ письмѣ къ Н. К. Михайловскому).

О жизни Лермонтова въ Юнкерской школѣ вспоминаютъ его товарищи: А. М. Миклашевскій („Русская Старина“ 1884 г., кн. XII, стр. 589 — 92), А. Меринскій („Русскій Міръ“ 1872 г., № 205) и Н. С. Мартыновъ („Русскій Архивъ“ 1893 г., II (8), 586—91)*.

*) Миклашевскій былъ того-же X-го выпуска, что и Лермонтовъ, а Меринскій и Мартыновъ — слѣдующаго, т. е. XI-го (1835 г.). Наибольшій интересъ представляютъ воспоминанія Мартынова.

Что касается военной службы Лермонтова, то свѣдѣнія о ней даютъ мѣсячные отчеты тѣхъ полковъ, въ которыхъ онъ служилъ, формулярные списки, наградные и кондуитные. Но этотъ официальный матеріалъ, хранящійся въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба, въ Лермонтовскомъ Музеѣ, въ Военно-Историческомъ отдѣлѣ штаба Кавказскаго военнаго округа, въ Центральномъ архивѣ при управленіи Владикавказской мѣстной бригады и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, — особеннаго довѣрія не заслуживаетъ и требуетъ весьма критическаго отношенія. Напр., во многихъ формулярныхъ спискахъ значится, что Лермонтовъ въ 1837 г. „находился въ экспедиціи за Кубанью подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова“, а въ формулярѣ, составленномъ въ 1840 г., по случаю представленія къ наградѣ за Валерикъ, находимъ подробнѣйшія свѣдѣнія объ участіи поэта въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линіи на восточномъ берегу Чернаго моря, отъ крѣпости Геленджика до устья рѣки Вуланъ. Между тѣмъ, изъ другихъ, вполне компетентныхъ источниковъ узнаемъ, что Нижегородскій драгунскій полкъ, въ которомъ тогда служилъ Лермонтовъ, не принималъ никакого участія въ экспедиціи Вельяминова. Или: конецъ октября и начало ноября 1840 г. Лермонтовъ провелъ въ Крыму съ m-ше Гоммеръ де-Гелль, а по свѣдѣніямъ одного наградного списка, при рапортѣ командовавшаго кавалеріею на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, онъ въ это время принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе въ новомъ походѣ въ Большую и Малую Чечню. Въ отчетѣ Тенгинскаго пѣхотнаго полка за май 1841 г. Лермонтовъ показанъ „на левомъ флангѣ для участвованія въ экспедиціи съ 18 мая сего года“, а между тѣмъ въ это время поэтъ лѣчился въ Пятигорскѣ.

Любопытны служебныя аттестаціи Лермонтова, напр.: „Въ слабобомъ отправленіи обязанностей по службѣ замѣченъ не былъ, безпорядковъ и неисправностей между подчиненными не допускалъ“; „Къ повышенію чиномъ достоинъ, а къ знаку отличія беспорочной службы за невыслугу лѣтъ не аттестованъ“; „По службѣ — усерденъ, способностей ума — хорошихъ, въ нравственности — хорошъ, въ хозяйствѣ — хорошъ“, и т. п. *).

*) О прохожденіи Лермонтовымъ военной службы см. также: Историческій очеркъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища. С.-Пб. 1873г.; К. Манзей.

О литературно-общественныхъ отношеніяхъ Лермонтова и его свѣтской жизни узнаемъ изъ „Записокъ“ А. О. Смирновой (ч. II. С.-Пб. 1897 г.), воспоминаній Н. М. Сатина („Починъ“. Сборникъ Общества любителей. россійск. словесн. на 1895 г.), А. Н. Муравьева („Знакомство съ русскими поэтами“. Кіевъ, 1871), И. И. Панаева („Современникъ“ 1861 г., кн. II, стр. 656—63), М. Н. Лонгинова („Русск. Старина“ 1873 г., кн. III, стр. 380—92, и IV, стр. 566), гр. В. А. Соллогуба („Историч. Вѣстникъ“ 1886 г., кн. IV—VI), гр. Е. П. Ростопчиной („Русская Старина“ 1882 г., кн. IX, стр. 610—19), И. С. Тургенева, имѣвшего случай два раза видѣть Лермонтова, Фр. Боденштедта („Современникъ“ 1861 г., кн. II, стр. 326—28), кн. А. В. Мещерскаго („Русск. Архивъ“ 1900 г., № 9, стр. 80—81), Н. М. Смирнова („Русск. Архивъ“ 1882 г., № 2, стр. 240—41), А. Я. Головачевой-Панаевой („Историч. Вѣстникъ“ 1889 г., кн. II, стр. 313), гр. А. Д. Блудовой („Вѣстникъ Европы“ 1890 г., кн. V, стр. 293—94. Ср. „Русск. Арх.“ 1889 г., № 1), и др. *).

А. О. Смирнова относилась къ „Лермѣ“, — какъ она называетъ поэта въ своихъ „Запискахъ“, — нѣсколько покровительственно, но вполне доброжелательно. „Мнѣ всегда его было жаль: онъ чувствовалъ, чего ему недостаетъ, но его своенравный, бурный характеръ, отсутствіе простоты и страшное самолюбіе мѣшали ему порвать съ привычками... Странная натура, полная противорѣчій, — соединеніе чудныхъ вещей съ иногда просто антипатичными проявленіями“. (Стр. 41 и 44). Особенно подкупало Смирнову благоговѣйное отношеніе Лермонтова къ Пушкину. „Онъ весь оживляется, лицо его принимаетъ другое выраженіе, когда заговариваютъ о нашемъ Сверчкѣ, смерть котораго для него громадная потеря. Очевидно, онъ былъ-бы Жуковскимъ Лермонтова, имѣлъ-бы на него нравственное вліяніе... Онъ его любилъ; пожалуй, это даже единственный человѣкъ, котораго

Исторія Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго Его Величества полка. Ч. III; В. Потто. Исторія 44-го Драгунскаго Нижегородскаго полка. Т. IV; Ю. Елецъ. Исторія лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка. Т. I, С.-Пб. 1890; Д. В. Раковичъ. Тенгинскій полкъ на Кавказѣ. Тифлисъ 1900.

*) Много любопытнаго въ воспоминаніяхъ о Лермонтовѣ В. П. Бурнашева, относящихся къ 1836 и 1837 гг. („Русск. Архивъ“ 1872 г., № 9: „М. Ю. Лермонтовъ въ разсказахъ его гвардейскихъ однокашниковъ“), но достовѣрность этихъ разсказовъ очень сомнительна.

онъ такъ сильно любилъ, и смерть котораго была большимъ горемъ для Лермонтова. Онъ-бы его сдерживалъ, направлялъ, совѣтовалъ“... (Стр. 34—35). Если вѣрить „Запискамъ“ (стр. 26), поэты были и лично знакомы, встрѣчаясь въ салонѣ Смирновой.

Мужъ А. О. Смирновой, Н. М. Смирновъ, въ своихъ „памятныхъ замѣткахъ“, довольно подробно рассказываетъ о второй ссылкѣ Лермонтова (изъ-за дуэли съ Барантомъ) и даетъ характеристику Лермонтова по сравненію съ Пушкинымъ. „Онъ не имѣлъ начитанности Пушкина, ни рѣзкаго, пронизательнаго его ума, ни его глубокаго взгляда, ни чувствительной, всеобъемлющей души его. Его характеръ не былъ еще совершенно сформированъ и, безпрестанно увлеченный обществомъ молодыхъ людей, онъ характеромъ былъ моложе, чѣмъ слѣдовало по лѣтамъ. Онъ еще любилъ шумную, разгульную жизнь, волочиться за дамами, подражать на сабляхъ, заставить о себѣ говорить, подтрунить, пошутить и жаждалъ болѣе славы свѣтской, остряка, чѣмъ славы поэта. Эта молодость убила его... Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ и еслибъ могъ оставить службу и удалиться (какъ онъ хотѣлъ) въ деревню, онъ близко бы достигъ высоты Пушкина“.

Съ Н. М. Сатинымъ, товарищемъ по Московскому Благородному Пансіону, Лермонтовъ довольно близко сошелся лѣтомъ 1837 г., въ Пятигорскѣ; черезъ него онъ познакомился съ Бѣлинскимъ и докторомъ Майеромъ, а нѣсколько позже, въ Ставрополѣ, съ декабристами — кн. В. М. Голицынымъ, М. А. Назимовымъ, кн. А. И. Одоевскимъ и др.

Личное знакомство А. Н. Муравьева съ Лермонтовымъ началось вскорѣ послѣ производства поэта въ офицеры, но съ его стихами (между прочимъ, поэмою „Демонъ“) Муравьеву пришлось ознакомиться еще раньше, черезъ М. И. Цейдлера, товарища М. Ю. по Юнкерской Школѣ.

„Лермонтовъ, — вспоминаетъ Муравьевъ, — просиживалъ у меня по цѣлымъ вечерамъ: живая и остроумная его бесѣда была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкій и пронзительный его смѣхъ былъ непріятенъ для слуха, какъ бывало у Хомякова, съ которымъ во многомъ имѣлъ онъ сходство. Часто читалъ мнѣ молодой гусаръ свои стихи, въ которыхъ отзывались пылкія страсти юношескаго возраста, и я говорилъ ему: „отчего онъ не изберетъ болѣе высокаго

предмета для столь блестящаго таланта?“... Хорошія отношенія между ними сохранились на всю жизнь, и Муравьевъ нѣсколько разъ помогъ Лермонтову своими связями въ III Отдѣленіи.

И. И. Панаевъ познакомился съ Лермонтовымъ у А. А. Краевскаго, съ которымъ поэтъ былъ довольно близокъ и даже былъ съ нимъ на „ты“.

„Лермонтовъ, — передаетъ Панаевъ, — заѣзжалъ къ Краевскому по утрамъ (это было въ первые годы „Отечественныхъ Записокъ“, въ 1840 и 41 годахъ) и привозилъ ему свои новыя стихотворенія. Входя съ шумомъ въ его кабинетъ, заставленный фантастическими столами, полками и полочками, на которыхъ были аккуратно разставлены и разложены книги, журналы и газеты, Лермонтовъ подходилъ къ столу, за которымъ сидѣлъ редакторъ, разбрасывалъ корректуры и бумаги по полу и производилъ страшную кутерьму на столѣ и въ комнатѣ. Однажды онъ даже опрокинулъ Краевскаго со стула. Поэтъ пускался въ рассказы о своихъ свѣтскихъ походахъ, прочитывалъ свои новые стихи и уѣзжалъ. Посѣщенія его были непродолжительны... Между прочимъ, Панаеву пришлось быть свидѣтелемъ, какъ Лермонтовъ тщетно пытался исправить указанный Краевскимъ „маленькій грамматическій промахъ“ въ стихѣ „Изъ пламя и свѣта“. „Онъ взялъ листокъ со стихами, подошелъ къ высокому столу съ выемкой, обмокнулъ перо и задумался... Такъ прошло минутъ пять. Мы молчали. Наконецъ Лермонтовъ бросилъ съ досадой перо и сказалъ: „Нѣтъ, ничего нейдетъ въ голову. Печатай такъ, какъ есть. Сойдетъ съ рукъ“...

Гр. Е. П. Ростопчина помнила Лермонтова еще мальчикомъ, когда онъ „старался свернуть голову“ ея кузинѣ Е. А. Сушковой. „Онъ былъ дурень собой, и эта некрасивость, уступившая впослѣдствіи силѣ выраженія, почти исчезнувшая, когда геніальность преобразила простыя черты его лица, была поразительна въ его самые юношескіе годы. — Она-то и порѣшила образъ мыслей, вкусы и направленіе молодого человѣка, съ пылкимъ умомъ и неограниченнымъ честолюбіемъ. Не признавая возможнымъ нравиться, онъ рѣшилъ соблазнять или пугать и драпировался въ байронизмъ, который былъ тогда въ модѣ. Донъ-Жуанъ сдѣлался его героемъ, мало того, его образцомъ; онъ сталъ бить на таинственность, на мрачное и на колкости. Эта дѣтская игра оставила неизгладимые слѣды въ подвижномъ и впе-

чатлительномъ воображеніи; вслѣдствіе того, что онъ представлялъ изъ себя Лара и Манфреда, онъ привыкъ быть такимъ... Я до сей поры помню странное впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ бѣднымъ ребенкомъ, заgrimированнымъ въ старика и опередившимъ года страстей трудолюбивымъ подражаніемъ“...

Особенно близко они познакомились весною 1841 года, въ послѣдній пріѣздъ Лермонтова въ Петербургъ.

Своими воспоминаніями о поэтѣ Ростопчина подѣлилась съ А. Дюма уже не задолго до смерти. „Я еще больше разболѣлась, — читаемъ въ ея письмѣ, — такъ слаба, что почти не покидаю постели и такъ поглупѣла, что едва-едва себя узнаю. Однако, не сомнѣвайтесь ни въ одной изъ подробностей, мною вамъ сообщаемыхъ; онъ продиктованы мнѣ памятью сердца, а она, вѣрьте мнѣ, переживаетъ память разсудка“...

Гр. В. А. Соллогубъ, повидимому, довольно часто встрѣчалъ Лермонтова у Карамзиныхъ и въ другихъ домахъ. Но къ разсказамъ его о большой близости съ Лермонтовымъ и о томъ, что поэтъ посвящалъ его въ свои литературные замыслы — нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ, помня репутацію Соллогуба, „вертопраха“ и „хвастуна“, какъ характеризуетъ его А. О. Смирнова („Записки“, ч. II, стр. 9—10).

Между прочимъ, Соллогубъ признается, что онъ „изобразилъ свѣтское значеніе“ Лермонтова, подъ именемъ Леонина, въ повѣсти „Большой свѣтъ“, написанной по заказу великой княгини Маріи Николаевны.

Вотъ какъ характеризуетъ этого Леонина, въ разговорѣ съ его бабушкою, одинъ изъ героевъ повѣсти (Сафьевъ): „Леонинъ, внукъ вашъ, хорошій и добрый малый; но въ свѣтѣ, Настасья Александровна, онъ ничего не значить; онъ не что иное, какъ маленькій Леонинъ, офицерчикъ изъ арміи, довольно бѣдный, никому не родня; имя его — Леонинъ — похоже на водевильное и вовсе ничего не имѣетъ аристократическаго, т. е. знатнаго, однимъ словомъ, Миша вашъ въ свѣтѣ менѣе нуля... Не имѣя состоянія, ни родства, ни связей, вашъ внукъ бросился въ большой свѣтъ, втерся во всѣ переднія, кланялся всѣмъ нашимъ толстымъ барынямъ, началъ пренебрегать службой, надѣлалъ цѣлую пропасть долговъ, жилъ въ вѣчной лихорадкѣ“...

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ ВЪ 1841 ГОДУ.

Съ оригинала, писаннаго масляными красками Я. П. Шанъ-Гиреемъ.
(Собственность Лермонтовскаго Музея).

Изъ-за дуэли съ однимъ изъ великосвѣтскихъ пріятелей Леонина „выпроваживаютъ“ изъ Петербурга, гдѣ онъ, по его собственнымъ словамъ, „схоронилъ заживо свою молодость“ *).

Воспоминанія о Лермонтовѣ князя А. В. Мещерскаго относятся къ 1840 году. Познакомились они въ Москвѣ, въ семействѣ Мартыновыхъ. „Войдя въ многолюдную гостиную дома, принимавшаго всегда только одно самое высшее общество, я, — рассказываетъ Мещерскій, — съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣтилъ среди гостей какого-то небольшого роста пѣхотнаго армейскаго офицера, въ весьма нещегольской армейской формѣ, съ краснымъ воротникомъ безъ всякаго шитья. Мое любопытство не распространилось далѣе этого минутнаго впечатлѣнія: до такой степени я былъ увѣренъ, что этотъ бѣдненькій армейскій офицеръ, попавшій, вѣроятно, случайно въ чуждое ему общество, долженъ обязательно быть человѣкомъ весьма мало интереснымъ. Я уже было совсѣмъ забылъ о существованіи этого маленькаго офицера, когда случилось такъ, что онъ подошелъ къ кружку тѣхъ дамъ, съ которыми я разговаривалъ. Тогда я пристально посмотрѣлъ на него и такъ былъ пораженъ яснымъ и умнымъ его взглядомъ, что съ большимъ любопытствомъ спросилъ объ имени незнакомца. Оказалось, что этотъ скромный армейскій офицеръ былъ никто иной какъ поэтъ Лермонтовъ... Замѣчательно, какъ глаза и ихъ выраженіе могутъ изобличать геніальныя способности въ человѣкѣ“...

Кн. Мещерскій отзываясь о Лермонтовѣ, какъ о „препріятномъ собесѣдникѣ“ и неподражаемомъ рассказчикѣ анекдотовъ, особенно изъ малороссійскаго быта, но добавляетъ, что „изоцрять свой умъ въ насмѣшкахъ и остротахъ постоянно надъ намѣченной имъ въ обществѣ жертвой, составляло одну изъ рѣзкихъ особенностей его характера“ **).

Поэтъ и переводчикъ Фр. Боденштедтъ познакомился съ Лер-

*) Насколько удалась Соллогубу его попытка „вывести“ Лермонтова, можно судить по тому, что ни самъ Лермонтовъ, ни Бѣлинскій, повидимому, не отгадали замысловъ автора. (Ср.: Пыпинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 38).

**) По словамъ Мещерскаго, Лермонтовъ время отъ времени наѣзжалъ въ свое имѣніе въ Малороссію, гдѣ выучился хорошо говорить по-малороссійски. (Ср. замѣтку А. И. Маркевича въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г., № 12, стр. 622). Но къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ поэтъ относился съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ къ „ковырянію земли“.

монтовымъ весною 1841 года, когда Лермонтовъ, уѣзжая въ послѣдній разъ на Кавказъ, остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ (Боденштедтъ въ это время былъ воспитателемъ дѣтей князя М. Н. Голицына). Первое впечатлѣніе отъ знакомства было настолько непріятное, что „у меня, — замѣчаетъ Боденштедтъ, — пропала всякая охота поближе сойтись съ нимъ. Весь разговоръ... звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто кто-нибудь скребъ по стеклу“. Особенно непріятно поразили Боденштедта выраженія, которыя Лермонтовъ употреблялъ въ обращеніи къ прислугѣ. „Эти выраженія иностранецъ прежде всего выучиваетъ въ Россіи, потому что слышитъ ихъ повсюду и безпрестанно; но ни одинъ порядочный человекъ — кромѣ развѣ грека или турка, у которыхъ у самихъ въ ходу точь въ точь такія же выраженія, — не рѣшится написать въ переводѣ на свой родной языкъ“...

Но когда они встрѣтились на другой день въ какомъ-то салонѣ, а не въ ресторанѣ, какъ было наканунѣ, Лермонтовъ представился Боденштедту въ иномъ свѣтѣ и совсѣмъ обворожилъ его.

А. А. Головачева-Панаева видѣла Лермонтова одинъ только разъ, не задолго до его послѣдняго отъѣзда на Кавказъ, въ кабинетѣ Краевского. „У меня остался въ памяти — пишетъ она — пронизательный взглядъ его черныхъ глазъ... Онъ удивилъ меня своей живостью и веселостью и нисколько не походилъ на тѣхъ литераторовъ, съ которыми я познакомилась“.

Въ воспоминаніяхъ графини А. Д. Блудовой Лермонтовъ представляется страннымъ смѣшеніемъ не совсѣмъ ловкаго свѣтскаго человека и скромнаго даровитаго поэта, неумолимо строгаго въ оцѣнкѣ своихъ стиховъ, взыскательнаго до крайности къ собственному таланту и гордаго весьма посредственными успѣхами въ гостиныхъ. „Они скоро бы надоѣли ему, еслибы не сгубили безвременно тогда именно, когда возрасталъ и зрѣлъ его высокой поэтической даръ“.

Больше всего имѣется свѣдѣній о послѣднихъ дняхъ жизни Лермонтова: воспоминанія Э. А. Шанъ-Гирей („Русск. Архивъ“ 1889 г., № 6, стр. 315—320; „Новое Время“ 1881 г., № 1983; „Нива“ 1885 г., № 20; „Русск. Архивъ“ 1887 г., № 11; „Сѣверъ“ 1891 г., № 12; „Русск. Обзорѣніе“ 1891 г., кн. IV, стр. 707—712; „Новое Обзорѣніе“ 1891 г., № 2628), князя А. И. Васильчикова

(„Русск. Архивъ“ 1872 г., № 1: „Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ“), Н. П. Раевского („Нива“ 1885 г., №№ 7 и 8: „Разсказъ Раевского о дуэли Лермонтова. Записано В. Желиховской“), дѣло Слѣдственной Комиссиі о поединкѣ Лермонтова съ Н. С. Мартыновымъ (въ Лермонтовскомъ Музеѣ: отд. IV, № 15. Ср. „Русск. Архивъ“ 1893 г., кн. II (8), стр. 595—606), дѣло о погребеніи Лермонтова („Русск. Обзорѣніе“ 1895 г., кн. II, стр. 841—876), рассказы Христофора Саникадзе („Кавказъ“ 1891 г., № 185, и „Историч. Вѣстникъ“ 1895 г., кн. II, стр. 599—604), воспоминанія В. И. Чилиева („Историч. Вѣстн.“ 1892 г., кн. II—IV: ст. П. Мартынова „Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова), К. І. Карпова („Русская Мысль“ 1890 г., кн. XII, стр. 68—86: ст. С. Филиппова „Лермонтовъ на Кавказскихъ водахъ“), и др.

Наиболѣе цѣнный матеріалъ даютъ воспоминанія Эм. Ал. Шанъ-Гирей (урожденной фонъ-Клингенбергъ, жены Ак. Павл. Шанъ-Гирея, двоюроднаго брата М. Ю. Лермонтова) и князя А. И. Васильчикова.

Поселившись въ Пятигорскѣ, Лермонтовъ чуть не каждый день бывалъ въ домѣ матери Э. А. Шанъ-Гирей, М. И. Верзилиной. „Какъ сейчасъ вижу его,—вспоминаетъ Эмилія Александровна,—средняго роста, коротко остриженный, большіе красивые глаза; говорилъ онъ пріятнымъ груднымъ голосомъ; любилъ повеселиться, посмѣяться, поострить, затѣвалъ кавалькады, распоряжался на пикникахъ, дирижировалъ танцами и самъ очень много танцевалъ. Въ продолженіе послѣдняго мѣсяца передъ смертью онъ бывалъ у насъ ежедневно. Здѣсь, въ этой самой комнатѣ, онъ любилъ разсказывать, танцевать, слушать музыку; бывало, сестра заиграетъ на пѣяно, а онъ подсядетъ къ ней, опуститъ голову и сидитъ неподвижно часъ, другой. За то какъ разоидется да пустится бѣгать въ кошки-мышки, такъ, бывало, нѣтъ удержу... Характера онъ былъ неровнаго, капризнаго, то услужливъ и любезенъ, то разсѣянъ и невнимателенъ“... („Новое Обзорѣніе“ 1891 г., № 2628).

Личное знакомство Э. А. Шанъ-Гирей съ Лермонтовымъ началось, по ея собственнымъ словамъ, лишь лѣтомъ 1841 года, такъ что видѣть въ Шанъ-Гирей прототипъ княжны Мери изъ „Героя нашего времени“ нѣтъ никакихъ основаній.

Князь А. И. Васильчиковъ, секунданта Лермонтова на дуэли съ Мартыновымъ, встрѣчался съ поэтомъ и раньше, въ Петербургскихъ великосвѣтскихъ салонахъ, но болѣе близкія отношенія начались у нихъ во время послѣдняго пребыванія Лермонтова на Кавказѣ (кн. Васильчиковъ, числившійся по службѣ во II Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, сопровождалъ на Кавказъ сенатора Гана, ревизовавшаго гражданскую часть Кавказскаго Управленія). „Наше знакомство, — замѣчаетъ кн. Васильчиковъ, — не смѣю сказать наша дружба, были искренни, чистосердечны. Однако, глубокое уваженіе къ памяти поэта и добраго товарища не увлечетъ меня до односторонняго обвиненія того, кому, по собственному его выраженію, злой рокъ судилъ быть убійцею Лермонтова“.

„Въ Лермонтовѣ (мы говоримъ о немъ какъ о частномъ лицѣ), — продолжаетъ Васильчиковъ, — было два человѣка: одинъ добродушный для небольшого кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе, другой — заносчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ. Къ этому первому разряду принадлежали въ послѣднее время его жизни прежде всѣхъ Столыпинъ (прозванный имъ же Монго), Глѣбовъ, бывший его товарищъ по гусарскому полку, въ послѣдствіи тоже убитый на дуэли князь Александръ Николаевичъ Долгорукій, декабристъ М. А. Назимовъ и нѣсколько другихъ ближайшихъ его товарищей. Ко второму разряду принадлежалъ по его понятіямъ весь родъ человѣческой, и онъ считалъ лучшимъ своимъ удовольствіемъ подтрунивать и подшучивать надъ всякими мелкими и крупными странностями, преслѣдуя ихъ иногда шутивными, а весьма часто и язвительными насмѣшками... Лермонтовъ не принадлежалъ къ числу разочарованныхъ, озлобленныхъ поэтовъ, бичующихъ слабости и пороки людскіе изъ зависти, что не могутъ насладиться запрещеннымъ плодомъ; онъ былъ вполне человѣкъ своего вѣка, герой своего времени: вѣка и времени, самыхъ пустыхъ въ исторіи русской гражданственности. Но живя этою жизнію, къ коей всѣ мы, юноши 30 годовъ, были обречены, вращаясь въ средѣ великосвѣтскаго общества, придавленнаго и кассированнаго послѣ катастрофы 14-го декабря, онъ глубоко и горько сознавалъ его ничтожество и выражалъ это чувство не только въ стихахъ „Печально я гляжу на наше поколѣнье“, но и въ ежедневныхъ, свѣтскихъ и товарищескихъ

своих сношеніяхъ... Отдавая полную справедливость внутреннимъ побужденіямъ, которыя внушали Лермонтову глубокое отвращеніе отъ современнаго общества, нельзя однако не сознаться, что это настроеніе его ума и чувствъ было невыносимо для людей, которыхъ онъ избиралъ цѣлью своихъ придирокъ и колкостей, безъ всякой видимой причины, а просто какъ предметъ, надъ которымъ онъ изощрялъ свою наблюдательность... Я, — заканчиваетъ кн. Васильчиковъ свои воспоминанія, — какъ свидѣтель дуэли и другъ покойнаго поэта..., не считаю нужнымъ ни для славы Лермонтова, ни для назиданія потомства обвинять кого-либо въ преждевременной его смерти. Этотъ печальный исходъ былъ почти неизбеженъ при строптивомъ, безпокойномъ его нравѣ и при томъ непомѣрномъ самолюбіи или преувеличенномъ чувствѣ чести (*point d'honneur*), которое удерживало его отъ всякаго шага къ примиренію". („Русскій Архивъ" 1872 г., кн. I, 205—213. Ср. „Голосъ" 1875 г., № 15: „Нѣсколько словъ въ оправданіе Лермонтова отъ нареканій г. Маркевича").

Очень сомнительный матеріалъ даютъ воспоминанія отставнаго маіора В. И. Чиляева, которыми воспользовался П. Мартьяновъ въ своихъ статьяхъ „Послѣдніе дни жизни М. Ю. Лермонтова“.

Чиляевъ, а за нимъ и Мартьяновъ пытаются доказать, что въ дѣлѣ дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ очень некрасивую роль сыгралъ князь Васильчиковъ, у котораго были личные счеты съ М. Ю. „Затаивъ въ душѣ нерасположеніе къ поэту за безпощадное разоблаченіе его княжескихъ слабостей, онъ, какъ истинный рыцарь іезуитизма, сохраняя къ нему по наружности прежнія дружескія отношенія, взялся руководить интригою въ сердцѣ кружка и, надо отдать справедливость, мастерски исполнялъ порученное ему дѣло. Онъ сѣмъль подстрекнуть Мартынова обуздать челоуѣка, соперничавшаго съ нимъ за обладаніе красавицей, раздуть вспышку и, несмотрѣ на старанія прочихъ товарищей къ примиренію, довести соперниковъ до дуэли, уничтожить „высочку и задиру" и послѣ его смерти прикинуться и числиться однимъ изъ его лучшихъ друзей. Отъ него самого я слышалъ, — говорилъ В. И. Чиляевъ, — такого рода отзывъ о поэтѣ: „Мишеля, чтобы тамъ ни говорили, а поставить въ рамки слѣдуетъ!“ („Историческій Вѣстникъ" 1892 г., кн. III, стр. 712).

Противъ Э. А. Шанъ-Гирей Чиляевъ съ Мартьяновымъ выдвигаютъ то обвиненіе, что она сначала была „даже слишкомъ благо-

склонна“ къ Лермонтову, а потомъ предпочла ему Мартынова. „Все было сдѣлано съ ея стороны, чтобы завлечь „петербургскаго льва“, несмотря на его некрасивость. Взглядъ ея былъ нѣженъ, бесѣда интимна, разговоръ коротокъ (она называла его просто *Мишель*), прогулки и tête-à-tête'ы продолжительны, и счастье, казалось, было ужъ близко... какъ вдругъ дѣвица перемѣнила фронтъ. Ея вниманіе привлекъ другой, болѣе красивый и обаятельный мужчина. Мужчина тотъ былъ Н. С. Мартыновъ. Не стѣсняясь его ухаживаніемъ за Надеждой Петровной (сестрой Эмилиі Александровны), она быстро повела на него атаку, и онъ сдался. Ему стало совершенно ясно, что лучшей карьеры ему и не сдѣлать. Красавица жена и протекція тестя, бывшаго наказнаго атамана кавказскаго казачьяго войска, могли поставить вновь на ноги его, отставнаго маіора, уволеннаго изъ службы за какую-то амурную исторію. И онъ, не задумываясь, подалъ ей руку, и антагонизмъ соперниковъ обострился. Было ли это сдѣлано съ цѣлью испытанія привязанности М. Ю., или же съ намѣреніемъ подвинуть его на рѣшительный шагъ, или же, наконецъ, просто по вѣтренности и сердечному влеченію къ красавцу Мартынову, — осталось тайною Эмилиі Александровны“... (Тамъ же, стр. 706).

Какъ извѣстно, Лермонтовъ снималъ квартиру въ домѣ Чилиева, но дальше, повидимому, ихъ знакомство не простиралось; по крайней мѣрѣ, никто изъ свидѣтелей послѣднихъ дней жизни Лермонтова не называетъ Чилиева въ числѣ близкихъ къ поэту лицъ. Передаютъ даже, что когда Лермонтова похоронили, то Чилиевъ пригласилъ священника заново освятить, какъ оскверненныя, тѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Лермонтовъ и гдѣ лежало его тѣло. („Русское Обозрѣніе“ 1895 г., кн. II, стр. 853): для характеристики отношенія Чилиева къ памяти поэта это извѣстіе, конечно, не лишено нѣкотораго интереса и значенія.

Еще съ бѣльшимъ недоувѣріемъ слѣдуетъ относиться къ „воспоминаніямъ“ другого „маіора“, В. І. Карпова, который въ это время служилъ писаремъ при Пятигорскомъ комендантскомъ управленіи. По рассказамъ Карпова, онъ бывалъ въ домахъ, гдѣ собирались „далеко не всѣ, а самыя, такъ сказать, сливки Пятигорскаго общества“, „близко зналъ Михаила Юрьевича, былъ однимъ изъ первыхъ знакомыхъ его на водахъ, часто встрѣчался съ нимъ и послѣ и, наконецъ, въ качествѣ „оффиціальнаго лица“ принималъ дѣятельное

участіе какъ въ административныхъ распоряженіяхъ, слѣдовавшихъ непосредственно за дуэлью, такъ и въ той судной комиссіи, которая образована была потомъ для разсмотрѣнія дѣла о поединкѣ между Лермонтовымъ и Мартыновымъ“. („Русская Мысль“ 1890 г., кн. XII, стр. 69 и 78—79). Любопытный отзывъ о „майорѣ“ Карповѣ даетъ Пятигорскій старожиль, священникъ В. Эрастовъ. По словамъ В. Эрастова, Карповъ признавался ему, что, одоляемый газетными корреспондентами, онъ не разъ „придумывалъ различныя исторіи съ Лермонтовымъ, которыхъ съ нимъ никогда и въ жизни не было“... (Ср. „Новое Время“ 1901 г., № 9137).

Ничтожно значеніе воспоминаній и разсказовъ слуги Лермонтова Христофора Саникадзе, извозчика Чухнина, мѣшанина Евграфа Чалова (ср. Русская Мысль“ 1890 г., кн. XII, стр. 83—85) и другихъ Пятигорскихъ старожилловъ.

Не лишены интереса и общественнаго значенія официальные документы, относящіеся къ послѣднимъ днямъ жизни Лермонтова, а именно — слѣдственное дѣло о дуэли и дѣло о погребеніи.

Несомнѣнно, что чрезвычайно цѣннымъ источникомъ для біографіи Лермонтова служатъ письма поэта, къ сожалѣнію, сохранившіяся въ очень ограниченномъ количествѣ, а также художественно-литературныя произведенія; но послѣдними, какъ біографическимъ матеріаломъ, конечно, слѣдуетъ пользоваться съ извѣстною осторожностью и не слишкомъ преувеличивать автобіографическое значеніе отдѣльныхъ произведеній *).

*) Изъ біографическихъ очерковъ Лермонтова слѣдуетъ указать:

П. А. Висковатовъ. М. Ю. Лермонтовъ. Жизнь и творчество. М. 1891; его же статьи въ „Русск. Мысли“ 1881—84 гг.; А. М. Скабичевскій. М. Ю. Лермонтовъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Изд. 2. СПб. 1905. („Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова“); И. И. Ивановъ. М. Ю. Лермонтовъ статья при 1 т. художественнаго изданія сочиненій Лермонтова Т-ва Кушнеревъ и К^о и книжн. магазина Приишниковъ (М. 1891 г.); его же статья въ XVII^а т. Энциклопедич. Словаря изд. Брокгаузъ-Ефронъ; его же статья при 3 иллюстр. изданіи Т-ва Сытина (М. 1908); А. И. Введенскій. М. Ю. Лермонтовъ. Его жизнь и произведенія — статья при 1 т. Полн. собр. сочин. Лермонтова, изд. Т-ва „Просвѣщеніе“ (СПб. 1903).

Матеріалы для біографіи и литературной характеристики.

I.

Русская вѣтвь рода Лермонтовых *) ведетъ свое начало отъ Георга Лермонта, выходца изъ Шотландіи („Шкотскія земли“), взятаго въ плѣнъ русскими войсками при осадѣ польской крѣпости Бѣлой (нынѣ уѣздный городъ Смоленской губ.) осенью 1613 года.

Подобно другимъ „бѣльскимъ сидѣльцамъ“, Юшко Лермонтъ, — какъ онъ называетъ себя въ своихъ челобитныхъ, — счелъ за лучшее навсегда остаться въ Россіи и былъ принятъ на „государеву службу“ съ сохраненіемъ дворянскаго званія („въ шляхтичахъ“).

Въ 1618 г. Георгъ Лермонтъ, будучи прапорщикомъ, участвовалъ въ схваткѣ съ войсками королевича Владислава и гетмана Ходкевича подъ Можайскомъ и въ самой Москвѣ у Арбатскихъ воротъ.

Весною 1621 г. поручикъ Юрій Лермонтъ пожалованъ былъ помѣстьями въ Галицкомъ уѣздѣ Костромской губ., а въ 1632 — назначенъ обучать хитростямъ ратнаго строенія (въ конскомъ рейтарскомъ строю) дворянъ и дѣтей боярскихъ, а также новокрещенныхъ нѣмцевъ и татаръ. Во время второй польской войны, въ концѣ 1633 г. или въ началѣ 1634-го, ротмистръ Лермонтъ былъ убитъ „на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ“. Послѣ Юрія Лермонта осталась „горькая вдова“, три сына и дочь. Одинъ изъ сыновей его, Петръ Юрьевичъ, впослѣдствіи воевода Саранскій, принялъ въ 1653 г. „крещеніе въ православную христіанскую вѣру“ и, такимъ образомъ, окончательно акклиматизировался „среди чуждыхъ снѣговъ“.

Въ концѣ XVII в. внуки Г. Лермонта, стольники Евтихій и Петръ Петровы Лермонтовы подаютъ въ Разрядный Приказъ „поколѣнную

*) Въ официальныхъ документахъ, начиная съ метрическаго свидѣтельства о рожденіи и кончая приказомъ объ исключеніи М. Ю. Лермонтова изъ списковъ Тенгинскаго полка за смертью, фамилія его пишется черезъ „а“, а не черезъ „о“. Самъ поэтъ подписывался и такъ, и иначе: сначала — Лермантовъ, Lerma, Lermantoff, а потомъ — Лермонтъ, Lermontoff. Болѣе правильное написаніе этой фамиліи — черезъ „о“: отъ шотландской или англійской формы Learmont. (Ср. Encyclopaedia Britannica. Изд. 11-е. Т. XXVI, стр. 865; Dictionary of National Biography. London. 1908. VI, 803).

роспись“, въ которой называютъ своимъ родственникомъ - предкомъ того шотландскаго вельможу Лермонта, который, принадлежа къ „породнымъ людямъ Англинскіе земли“, принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ Малькольма, сына короля Дункана, съ Макбетомъ, за что и былъ пожалованъ въ 1061 г. „господиномъ Парси, которымъ господиномъ и нынѣ владѣютъ наслѣдники его“.

Фамилію Legmont или Leagmont носилъ и легендарный шотландскій бардъ XIII в., Thomas of Erceldoune, воспѣтый Вальтеръ-Скоттомъ въ балладѣ „Thomas the Rhymer“ *).

По народнымъ преданіямъ, Томасъ въ юномъ возрастѣ похищенъ былъ въ царство фей, гдѣ и получилъ свой вѣщій даръ. Черезъ семь лѣтъ ему разрѣшено было вернуться, но съ условіемъ, чтобы онъ, когда за нимъ придутъ, немедленно оставилъ землю **).

Преданіе о родоначальникѣ - шотландцѣ дошло и до М. Ю. Лермонтова, который называетъ Шотландію *своей*, а себя — „последнимъ потомкомъ отважныхъ бойцовъ“. Но въ то же время поэтъ лелѣетъ мечту и о родствѣ съ испанскимъ герцогомъ Лермоу: подписывается въ письмахъ „М. Лерма“, питаетъ слабость къ сюжетамъ изъ испанской жизни и исторіи (первоначальные очерки „Демона“ и драма „Испанцы“), даже рисуетъ портретъ своего воображаемаго предка.

Отецъ поэта, Юрій Петровичъ Лермантовъ родился въ 1787 году; по окончаніи курса въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ онъ поступилъ на службу въ Кексгольмскій пѣхотный полкъ, а оттуда перешелъ въ свой родной корпусъ; въ 1811 г., будучи въ чинѣ капитана, вышелъ въ отставку, по болѣзни, и поселился съ сестрами въ своемъ родовомъ имѣніи Кроптовка, Ефремовскаго уѣзда Тульской губ.

По отзывамъ близко знавшихъ Юрія Петровича, человекъ онъ былъ отъ природы добрый и отзывчивый, но крайне легкомысленный и несдержанный, въ минуты раздраженія способный на самыя дикія выходки; къ тому же, подъ влияніемъ провинціальной жизни, Ю. П., повидимому, преждевременно опустился.

*) Свѣдѣнія о немъ см. А. Н. Murray. The Romance and Prophecies of Thomas of Erceldoune. London 1875.

**) Нѣкоторые критики, напр. В. С. Соловьевъ, склонны думать, что отъ этого-то вѣщаго чародѣя и прорицателя, исчезнушаго въ царствѣ фей, М. Ю. Лермонтовъ и унаслѣдовалъ характерныя черты своего генія: страшную силу личнаго чувства и способность схватывать за предѣльную сторону жизни и жизненныхъ отношеній. („Вѣстникъ Европы“ 1901 г., кн. II, стр. 446—450).

По сосѣдству съ Кроптовкой было имѣніе Арсеньевыхъ—Васильевское, куда часто наѣзжала жена Михаила Васильевича Арсеньева, Елизавета Алексѣевна, урожденная Столыпина, съ своею единственною дочерью Марьей Михайловной. Здѣсь-то Ю. П. Лермантовъ и познакомился со своею будущей женою, которую онъ очень скоро плѣнилъ счастливою наружностью и столичнымъ лоскомъ. Мать Марьи Михайловны была противъ брака дочери, считая его неравнымъ, но вынуждена была уступить настойчивымъ просьбамъ своей любимицы; а чтобы не разлучаться съ дочерью, поручила зятю управлять ея имѣніями — Тарханы и Михайловское, въ Чембарскомъ уѣздѣ Пензенской губ.

Бракъ Юрія Петровича съ Марьей Михайловной, болѣзненной, романтически настроенной женщиной, былъ по любви, но семейное счастье продолжалось, повидимому, очень недолго.

Осенью 1814 г. больная Марья Михайловна съ мужемъ и матерью отправилась въ Москву и поселилась въ домѣ генерала Ѡ. Н. Толя на Садовой ул., противъ Красныхъ воротъ. Со 2 на 3 октября здѣсь и родился у Лермантовыхъ сынъ, названный въ память дѣда со стороны матери — Михаиломъ.

Рожденіе сына нисколько не улучшило отношеній между родителями; а весною 1817 г. Марья Михайловна Лермантова „въ слезахъ угаšla“, оставивъ трехлѣтняго ребенка на попеченіе бабушки.

Въ чуткую душу ребенка глубоко запали трогательные звуки колыбельной пѣсни, которую пѣвала ему покойная мать: „ее не могу теперь вспомнить, — пишетъ М. Ю. въ 1830 г., — но увѣренъ, что если-бъ услыхалъ ее, она произвела бы прежнее дѣйствіе“. (IV, 350 *).

Е. А. Арсеньева очень скоро привязалась къ внуку и перенесла на него всю свою любовь къ умершей дочери; но съ зятемъ отношенія у нея до того обострились, что Юрій Петровичъ на 9-й день по смерти жены уѣхалъ въ свое помѣстье и лишь изрѣдка навѣдывался въ Тарханы, запугивая Елизавету Алексѣевну намѣреніемъ взять Мишу къ себѣ въ Кроптовку.

*) Сохранился альбомъ Мар. Мих. Лермантовой, въ которомъ есть нѣсколько очень сентиментальныхъ стихотвореній, на русскомъ и французскомъ языкахъ, повидимому, ея собственнаго сочиненія. („Историч. Вѣстн.“ 1881 г., кн. X, стр. 374—78).

Въ Тарханахъ, въ богатой помѣщичьей усадьбѣ, окруженный общей заботой и баловствомъ, М. Ю. Лермонтовъ и провелъ свои дѣтскіе и отроческіе годы:

Все сердце грѣло тамъ,
Все было мнѣ наставникъ или другъ,
Все вѣрило младенческимъ мечтамъ...

(Сочинен., т. I, стр. 145).

Въ раннемъ дѣтствѣ Лермонтовъ перенесъ какую-то тяжелую болѣзнь, которая надолго приковала его къ постели и оставила слѣды на всю жизнь; этой болѣзни Лермонтовъ былъ обязанъ нѣкоторой кривизною ногъ; кромѣ того, онъ всегда былъ предрасположенъ къ различнымъ заболѣваньямъ на золотушной почвѣ.

Частое одиночество, неизбежное для больного ребенка, лишеннаго семьи въ собственномъ смыслѣ этого слова, пріучило мальчика слишкомъ рано задумываться надъ всѣмъ и безъ мѣры погружаться въ міръ фантазіи, мечты и грусти.

Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
До времени отвыкнувъ отъ игры,
Онъ жадному сомнѣнью сердце предалъ,
И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить міръ воздушной,
И въ немъ терялся мыслию послушной. (II 166).

Какъ Саша Арбенинъ въ отрывкѣ изъ начатой повѣсти, Лермонтовъ „шести лѣтъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу... Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой... Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей не мало помѣшало его выздоровленію“... (IV, 299—300).

Болѣзненное состояніе внука требовало частыхъ поѣздокъ Е. А. Арсеньевой на Кавказъ, который съ тѣхъ поръ дѣлается поэтической родиной Лермонтова, неизмѣннымъ вдохновителемъ и пѣстуномъ его музы.

„Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня приучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ, да о небѣ“. (I, 105).

Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой. (II, 414).

Здѣсь же на Кавказѣ, десятилѣтнимъ мальчикомъ, Лермонтовъ впервые узнаетъ „тоску любви знойной“ : „это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь... О, сія минута перваго безпокояства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ!... Горы Кавказскія для меня священны“... (IV, 349—350).

Когда мальчикъ началъ подростать, Е. А. Арсеньева взяла къ себѣ въ домъ сына одного изъ сосѣдей по имѣнію, Н. Г. Давыдова, и двухъ родственниковъ, двоюродныхъ братьевъ Миши: сначала М. А. Пожогина - Отрошкевича, сына родной сестры Ю. П. Лермонтова, а потомъ — Акима Павловича Шанъ-Гирея, сына своей родной племянницы. Часто и по-долгу гостили также въ Тарханахъ братья Юрьевы, дальніе родственники бабушки, и князя Максutowы.

По воспоминаніямъ А. П. Шанъ-Гирея, въ Тарханахъ домъ всегда былъ биткомъ набитъ народомъ, и жилось тамъ очень весело.

Правда, сама бабушка всегда была задумчива и грустна, не снимала траурнаго чернаго платья, но ко всѣмъ относилась ласково и любила, чтобы молодежь играла и веселилась. Когда собирались сосѣдки, устраивались танцы, и раза два былъ домашній спектакль. Мишель — смуглый, съ черными блестящими глазками, въ зеленой курточкѣ и съ клокомъ бѣлокурыхъ волосъ надо лбомъ, рѣзко отличавшихся отъ прочихъ, черныхъ какъ смоль, — проявлялъ большія способности къ искусствамъ: довольно порядочно рисовалъ акварелью и лѣпилъ изъ крашенаго воска цѣлыя картины; но поэтическихъ

талантовъ не обнаруживалъ и сочиненія на задаваемыя темы писалъ ничуть не лучше своихъ товарищей. („Русск. Обзор.“ 1890 г., кн. VIII, стр. 725—27).

Въ воспоминаніяхъ другого сверстника маленькій Миша Лермонтовъ рисуется не иначе, какъ съ нагайкой въ рукѣ, властнымъ руководителемъ дѣтскихъ забавъ, болѣзненно-самолюбивымъ, экзальтированнымъ ребенкомъ. („Русск. Стар.“ 1896 г., кн. VI, стр. 648. Ср. „Русск. Архивъ“ 1881 г., кн. III, стр. 457—58).

Первыми учителями были гувернеры - французы — Жако и Капэ, домашній докторъ Ансельмъ Левисъ и какой-то бѣглый Кефалонійскій грекъ, занимавшійся, впрочемъ, больше скорнячествомъ, чѣмъ уроками.

II.

Осенью 1827 г. Е. А. Арсеньева переѣхала въ Москву, желая опредѣлить своего внука въ Университетскій Благородный Пансіонъ. Для подготовки мальчика къ экзаменамъ приглашенъ былъ одинъ изъ воспитателей Пансіона, учитель латинскаго и русскаго языковъ, Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ.

Домашнимъ воспитателемъ оставался переѣхавшій изъ Тарханъ французъ Капэ, плѣнный офицеръ Наполеоновской гвардіи, счумѣвшій внушить своему питомцу неизмѣнный интересъ и уваженіе къ „герою дивному“ и „мужу рока“.

По смерти Капэ взяли въ домъ французскаго эмигранта Жандро, выведеннаго Лермонтовымъ въ „Сашкѣ“, подъ именемъ маркиза de Tess, „педанта полузабавнаго“, „покорнаго раба губернскихъ дамъ и музъ“, „парижскаго Адониса“. (II, 167—171).

Жандро пробылъ въ домѣ Арсеньевой не долго, и его смѣнилъ англичанинъ Виндсонъ, подъ руководствомъ котораго Лермонтовъ началъ учиться по англійски и, какъ выражается Шанъ-Гирей, „передразнивать“ Байрона *).

Въ 1828 г. Лермонтовъ поступилъ въ 4-й классъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, гдѣ, какъ извѣстно, издавна преобладало литературное направленіе. Насколько поощрялись среди учащихся

*) Висковатовъ (М. Ю. Л—въ, стр. 36) упоминаетъ еще объ ученомъ еврей Левѣ, бывшемъ послѣ Сарет.

занятія литературой, можно видѣть изъ того, что самъ инспекторъ Пансіона, М. Г. Павловъ, готовъ былъ помѣщать сочиненія воспитанниковъ въ проектировавшемся журналѣ „Калліопа“. Не преслѣдовались, конечно, и ученическіе рукописные журналы; въ одномъ изъ нихъ — „Утренней Зарѣ“ — Лермонтовъ былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ и помѣстилъ первую свою поэму — „Индіанка“. („Русск. Обозр.“ 1890 г., кн. VIII, стр. 727).

Къ выпускнымъ экзаменамъ, носившимъ публичный характеръ, приурочивались литературно-музыкальныя собранія, на которыхъ воспитанники Пансіона декламировали, пѣли и играли. На одномъ изъ такихъ актовъ Лермонтовъ съ большимъ успѣхомъ читалъ элегію Жуковского „Море“ („Русск. Обозр.“ 1890 г., кн. VIII, стр. 727, а на другомъ — исполнилъ на скрипкѣ „аллегро изъ Маурерова концерта“. („Дамскій Журналъ“ 1830 г., № 1, стр. 30—31).

Учился Лермонтовъ очень хорошо, такъ что на переходномъ экзаменѣ въ 5-й классъ получилъ шесть высшихъ баловъ (4) и только двѣ тройки (по Закону Божію и Латинскому языку). Изъ его пансіонскихъ наставниковъ, кромѣ Зиновьева, извѣстны: Дмитрій Никитичъ Дубенской, преподававшій латинскій и русскій языки, Александръ Степановичъ Солоницкій, учитель рисованья, Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, инспекторъ Пансіона, и небезызвѣстный писатель Семень Егоровичъ Раичъ.

Въ старшихъ классахъ русскую словесность преподавалъ А. Ѳ. Мерзляковъ, о которомъ Лермонтовъ былъ, повидимому, невысокаго мнѣнія; по крайней мѣрѣ, извѣстно, что Лермонтовъ возмущался его критикой стихотворенія Пушкина „Буря мглою небо кроетъ“, гдѣ всѣ сравненія Мерзлякову казались „невозможными и неестественными“. Поэтическіе опыты самого Лермонтова Мерзляковъ поощрялъ, снисходительно замѣчая: „молодо, зелено“. („Русск. Стар.“ 1884 г., кн. XII, стр. 589 *).

*) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, А. Ѳ. Мерзляковъ давалъ Лермонтову и частные уроки, такъ что, когда надъ поэтомъ стряслась бѣда изъ-за стихотворенія „Смерть поэта“, то бабушка Е. А. Арсеньева прямо винила Мерзлякова: „И зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего она довела его“. („Русск. Стар.“ 1873 г., кн. III, стр. 384).

Изъ своихъ школьныхъ друзей Лермонтовъ нѣсколько разъ вспоминаетъ Сабурова и Дурнова. „Женскій характеръ“ Сабурова, презрѣвшаго „священной дружбы узы“, не понимавшаго „пылкаго сердца“ своего друга, доставилъ юному поэту не мало разныхъ огорченій и не разъ наводилъ его на грустныя размышленія, что

„въ свѣтѣ нѣтъ друзей,
Нѣтъ дружбы нѣжно-постоянной,
И безкорыстной, и простой!“

Искреннѣе и сердечнѣе были отношенія съ „невиннымъ нѣжною душою“ Дурновымъ, котораго поэтъ называетъ своимъ „первымъ и послѣднимъ“ другомъ. Большинство товарищей не долюбливали Лермонтова за его насмѣшливый характеръ и приставанья („пристанеть — такъ не отстанеть“); между прочимъ, называли его почему-то лягушкой. (Воспоминанія А. М. Миклашевскаго въ „Русск. Стар.“ 1884 г., кн. XII, стр. 590).

Въ Москвѣ жило много родственниковъ Е. А. Арсеньевой (Лопухины, Верещагины, Бахметевы, Столыпины), и Лермонтовъ, какъ Печоринъ въ „Княгинѣ Лиговской“, могъ называть себя „племянникомъ двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ“.

Особенно близкія и дружественныя отношенія установились съ семействомъ Лопухиныхъ, состоявшимъ изъ старика-отца, сына Алексѣя и трехъ дочерей: Марьи, Варвары и Елизаветы.

Въ письмахъ къ старшей кузинѣ, Марьѣ Александровнѣ, Лермонтовъ называетъ ее „наперсницей своихъ юношескихъ мечтаній“ и съ грустью вспоминаетъ, какъ она облегчала самыя сильныя его горести: „Мнѣ бы очень хотѣлось съ вами повидаться..., потому что возлѣ васъ я нашелъ бы себя самого, сталъ бы опять, какимъ нѣкогда былъ, довѣрчивымъ, полнымъ любви и преданности, одареннымъ, наконецъ, всѣми благами, которыхъ люди не могутъ у насъ отнять, и которыя самъ Богъ у меня отнялъ!“... (IV, 399).

Нѣсколько позже, будучи уже студентомъ, Лермонтовъ страстно влюбилъ въ младшую кузину, Варвару Александровну, и „вѣрныя мечты“ навѣки сохранили этотъ нѣжный образъ въ мятежной груди поэта, „какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ“.

По воспоминаніямъ Шанъ-Гирея, молоденькая, милая, умная, всѣхъ очаровывающая, В. А. Лопухина — была натура пылкая, восторженная,

поэтическая и въ высшей степени симпатичная. Чувство къ ней Лермонтова было безотчетно, но глубоко и сильно. Временно заглушенное новою обстановкой, шумною жизнью, успѣхами въ обществѣ и литературѣ, оно внезапно и рѣзко пробудилось вновь при неожиданномъ извѣстїи о замужествѣ любимой дѣвушки. Любовь къ Варенькѣ сохранилась на всю жизнь, несмотря на частыя увлеченія поэта.

Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжной,
На зло враждующей судьбѣ
Имѣлъ онъ лишь одно въ предметѣ:
Всю душу посвятить тебѣ,
И больше никому на свѣтѣ. (III, 91).

И новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его не могъ:
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все богъ! (II, 209).

На лѣто бабушка Лермонтова уѣзжала въ подмосковное имѣние своего брата — Середниково, куда наѣзжали и другіе родственники Столыпиныхъ. Лѣтомъ 1830 г. по сосѣдству съ Середниковымъ жила Александра Михайловна Верещагина и ея подруга Екатерина Александровна Сушкова, съ которой Лермонтовъ познакомился еще въ Москвѣ, бывая у Верещагиныхъ. Молодежь собиралась вмѣстѣ, устраивали прогулки, кавалькады, пикники. Большой охотникъ до женскаго общества, Лермонтовъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ затѣяхъ и развлеченіяхъ, ухаживая за барышнями — сверстницами и влюбляясь то въ одну, то въ другую.

По разсказамъ Сушковой, барышни обращались съ Мишелемъ, какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. „Такое обращеніе, — вспоминаетъ Е. А. Сушкова, — бѣсило его до крайности, онъ домогался попасть въ юноши въ нашихъ глазахъ, декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ. Бродить, бывало, по тѣнистымъ аллеямъ и притворяется углубленнымъ въ размышленія, хотя ни малѣйшее наше

М. Ю. Лермонтовъ въ дѣтскомъ возрастѣ.
(По фотографіи съ портрета масляными красками, принадлежавшаго
Н. А. Шереметевой).

движеніе не ускользало отъ его зоркаго взгляда. Какъ любилъ онъ подъ вечерокъ пускаться съ нами въ самыя сентиментальныя сужденія! а мы, чтобъ подразнить его, въ отвѣтъ подадимъ ему воланъ или веревочку, увѣряя, что по его лѣтамъ ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ прикидываться не понятымъ и не оцѣненнымъ снимкомъ съ первѣйшихъ поэтовъ“. („Записки“, стр. 80—81).

Особенно часто подсмѣивались надъ чрезмѣрнымъ аппетитомъ Лермонтова и его неразборчивостью въ пищѣ. („Русск. Стар.“ 1896 г., кн. VI, стр. 648—49). Поводъ къ разнымъ насмѣшкамъ подавала, вѣроятно, и наружность мальчика, „неуклюжаго, косолапаго, съ красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливой улыбкой“, какъ описываетъ его Е. А. Сушкова („Записки“, стр. 78) *).

Подшучиванья кузины, Саши Верещагиной, носили, видимо, добродушный и дружескій характеръ; тогда какъ Сушкова своимъ грубоватымъ кокетствомъ доставила мальчику много муки и слезъ, и потомъ, когда они встрѣтились при совершенно иной обстановкѣ, Лермонтовъ отмстилъ ей очень зло и жестоко.

Весною 1830 г., когда началось преобразование Благороднаго Пансіона, Лермонтовъ подалъ прошеніе объ увольненіи и началъ готовиться къ поступленію въ Московскій Университетъ.

Осенью того же года онъ держалъ экзамены въ Комиссіи изъ университетскихъ профессоровъ, былъ найденъ способнымъ къ слу-

*) Насколько извѣстно, Лермонтовъ не отличался счастливою наружностью, и это служило для него, какъ для большого эстета и художника, источникомъ многихъ огорченій. Подобно Печорину въ „Княгинѣ Лиговской“ и Лугину въ отрывкѣ изъ начатой повѣсти, поэтъ, увлекаясь самъ наружною красотою, преувеличивалъ свои физическіе недостатки, думалъ, что „степень его безобразія исключаетъ возможность любви“, „сдѣлался недověрчивъ и приучился объяснять вниманіе или ласки женщинъ расчетомъ или случайностью“. (IV, 145 и 292).

„Въ дѣтствѣ, — замѣчаетъ художникъ Меликовъ, — наружность его невольно обращала на себя вниманіе: приземистый, маленькій ростомъ, съ большой головой и блѣднымъ лицомъ, онъ обладалъ большими карими глазами, сила обаянія которыхъ до сихъ поръ остается для меня загадкой. Глаза эти съ умными, черными рѣсницами, дѣлавшими ихъ еще глубже, производили чарующее впечатлѣніе на того, кто бывалъ симпатиченъ Лермонтову. Во время вспышекъ гнѣва, они бывали ужасны“. („Русск. Стар.“ 1896 г., кн. VI, стр. 648).

шанію профессорскихъ лекцій и зачисленъ въ студенты Нравственно-Политическаго Отдѣленія.

Какъ извѣстно, наука и преподаваніе въ тогдашнемъ Московскомъ Университетѣ стояли очень невысоко, такъ что Пушкинъ не безъ основаній писалъ Погодину (въ концѣ іюня 1831 г.): „Ученость, дѣятельность и умъ (несносны) чужды Московскому Университету“.

Профессора читали лекціи по чужимъ руководствамъ: „словесность—по Бургію“, „право—по Гейнецію“, „всеобщую исторію—по Пелицу“ и т. д., откровенно сознавая, что „умнѣе не сдѣлаешься, хоть и напишешь свое собственное“.

„Солнце истины свѣтило тогда тускло и холодно“,— жалуется К. С. Аксаковъ, поступившій въ Московскій Университетъ черезъ два года послѣ Лермонтова.

Больше лекцій и профессоровъ развивала студентовъ аудиторія:— юнымъ столкновеніемъ, обмѣномъ мыслей, чтеніемъ.

„Въ опальный Московскій Университетъ,— замѣчаетъ Герценъ,— какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предразсудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собой и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея“...

Что касается Лермонтова, то онъ, кажется, очень мало интересовался студенческою жизнью, держался въ сторонѣ отъ товарищей и на всѣхъ производилъ загадочное и непріятное впечатлѣніе.

„Студентъ Лермонтовъ,— вспоминаетъ одинъ изъ его однокурсниковъ (П. О. Вистенгофъ),— въ которомъ тогда никто изъ насъ не могъ предвидѣть будущаго замѣчательнаго поэта, имѣлъ тяжелый, несходчивый характеръ, держалъ себя совершенно отдѣльно отъ всѣхъ своихъ товарищей, за что въ свою очередь и ему платили тѣмъ же. Его не любили, отдалялись отъ него и, не имѣя съ нимъ ничего общаго, не обращали на него никакого вниманія. Онъ даже и садился постоянно на одномъ мѣстѣ, отдѣльно отъ другихъ, въ углу аудиторіи, у окна, облокотясь, по обыкновенію, на одинъ локоть и углубясь въ чтеніе принесенной книги, не слушалъ профессорскихъ лекцій. Это бросалось всѣмъ въ глаза.

Шумъ, происходившій при перемѣнѣ часовъ преподаванія, не производилъ никакого на него дѣйствія.

Роста онъ былъ меньшаго, сложенъ некрасиво, лицомъ смугль; темные его волосы были приглажены на головѣ, темнокаріе большіе глаза пронзительно впивались въ человѣка. Вся фигура этого студента внушала какое-то безотчетное къ себѣ нерасположеніе *).

Иногда въ аудиторіи нашей, въ свободные отъ лекцій часы, студенты громко вели между собой оживленныя бесѣды о современныхъ интересныхъ вопросахъ. Нѣкоторые увлекались, возвышая голосъ. Лермонтовъ иногда отрывался отъ своего чтенія, взглядывалъ на ораторствующаго, но какъ взглядывалъ! Говорившій невольно конфузился, умаляя свой экстазъ или совсѣмъ умолкалъ. Ядовитость во взглядѣ Лермонтова была поразительна. Сколько презрѣнія, насмѣшки и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣнія изображалось тогда на его строгомъ лицѣ "... („Историч. Вѣстн.“ 1884 г., кн. V, стр. 332—337).

По рассказамъ того же Вистенгофа, Лермонтовъ точно также чуждался своихъ товарищей и внѣ стѣнъ Университета.

„Лермонтовъ любилъ посѣщать каждый вторникъ тогдашнее великолѣпное Московское Благородное Собраніе, блестящіе балы котораго были очаровательны. Онъ всегда былъ изыскано одѣтъ, а при встрѣчѣ съ нами дѣлалъ видъ, будто насъ не замѣчаетъ. Непохоже было, что мы съ нимъ были въ одномъ университетѣ, на одномъ факультетѣ и на одномъ и томъ же курсѣ.

Онъ постоянно окруженъ былъ хорошенькими молодыми дамами высшаго общества, и довольно фамильярно разговаривалъ и прохаживался по заламъ съ почтенными и вліятельными лицами. Танцующимъ мы его никогда не видали“.

Повидимому, къ самому Лермонтову можно отнести многое изъ того, что онъ рассказываетъ о студенческихъ годахъ Печорина въ „Княгинѣ Лиговской“. (IV, 123—4).

Въ бытность Лермонтова въ Московскомъ Университетѣ, тамъ разыгралась (16 марта 1831 г.) извѣстная „Маловская исторія“, расска-

*) Такъ же обрисованъ Лермонтовъ и въ воспоминаніяхъ Гончарова: „смуглый, одутловатый юноша, съ чертами лица какъ будто восточнаго происхожденія, съ черными выразительными глазами. Онъ казался мнѣ апатичнымъ, говорилъ мало и сидѣлъ въ лѣнливой позѣ, полулежа, опершись на локоть“...

занная Герценомъ въ „Быломъ и Думахъ“. Въ числѣ пострадавшихъ имя Лермонтова оффиціально не значится (см. „Русск. Архивъ“ 1901 г., № 2, стр. 316 — 324), но онъ, — какъ передаетъ его товарищъ и другъ Н. И. Поливановъ, — былъ замѣшанъ въ эту исторію и ожидалъ большихъ неприятностей для себя: подъ впечатлѣніемъ суда надъ участниками написано стихотвореніе (въ альбомъ Н. И. Поливанову) „Послушай! вспомни обо мнѣ“... („Русск. Стар.“ 1875 г., т. XII, стр. 812—814).

Болѣе серьезныя послѣдствія для Лермонтова имѣли его столкновенія съ профессорами на репетиціяхъ и экзаменахъ.

„Передъ рождественскими праздниками, — рассказываетъ Вистенгофъ, — профессора дѣлали репетици, т. е. повѣряли знанія своихъ слушателей за пройденное полугодіе и, согласно отвѣтамъ, ставили баллы, которые брались въ соображеніе потомъ на публичномъ экзаменѣ. Профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій изящную словесность, задалъ Лермонтову какой-то вопросъ. Лермонтовъ началъ отвѣчать бойко и съ увѣренностью. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ: — Я вамъ этого не читалъ. Я желалъ бы, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я проходилъ. Откуда могли вы почерпнуть эти знанія? — Это правда, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ Лермонтовъ, — того, что я сейчасъ говорилъ, вы намъ не читали, и не могли передавать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь источниками изъ своей собственной библіотеки, снабженной всѣмъ современнымъ. — Мы всѣ переглянулись. Подобный отвѣтъ данъ былъ и адъюнкту-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику. Дерзкими выходками этими профессора обидѣлись и постарались срѣзать Лермонтова на публичныхъ экзаменахъ“.

Въ результатѣ Лермонтову, какъ и многимъ другимъ студентамъ, предложено было остаться второй годъ на томъ же курсѣ, но онъ, задѣтый за-живое, предпочелъ совсѣмъ оставить Московскій Университетъ и перейти въ Петербургскій. Е. А. Арсеньева одобрила намѣренія внука, и въ концѣ лѣта они переѣхали изъ Москвы въ Петербургъ.

Разставшись съ Москвою, Лермонтовъ пишетъ своей кузинѣ, Марьѣ Александровнѣ Лопухиной: „Москва моя родина, и такою будетъ для меня всегда: тамъ я *родился*, тамъ много *страдалъ* и

тамъ же былъ *слишкомъ счастливъ!* Пожалуй, лучше бы не быть ни тому, ни другому, ни третьему, но что дѣлать? "... (IV, 313 и 393).

...Покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву...
Москва, Москва!... Люблю тебя какъ сынъ,
Какъ русскій, — сильно, пламенно и нѣжно!... (II, 144—45).

Но воспоминанія объ Университетѣ звучатъ явной ироніей:

И, наконецъ, въ студенты посвященъ,
Вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки.
Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры:
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ пить — ромъ съ чаемъ или голый ромъ;
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки, висящіе клочками.

Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валить народъ ученый.
'Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяется чинно, —
Шумятъ... Онъ книгу взялъ, раскрылъ, — шумятъ;
Уходитъ, — втрое хуже. Сущій адъ!...
По сердцу Сашкѣ жизнь была такая,
И этотъ адъ считалъ онъ лучше рая. (II, 181—82).

И П. О. Вистенгофъ добавляетъ, что Лермонтовъ съ негодованіемъ покинулъ Московскій Университетъ, отзываясь о профессорахъ, какъ о людяхъ отсталыхъ, глупыхъ, бездарныхъ, устарѣлыхъ, какъ равно и о тогдашней университетской нелѣпой администраціи. („Историч. Вѣстн.“ 1884 г., кн. V, стр. 337).

Среди студентовъ ходило по рукамъ стихотвореніе Лермонтова къ Университету, начинавшееся такъ:

Хвала тебѣ, пріютъ лѣнтяевъ,
Хвала, ученья дивный храмъ,
Гдѣ цвѣлъ нашъ бурный Полежаевъ,
На зло завистливымъ властямъ.
Хвала и вамъ, студенты-братья...

(„День“ 1863 г., № 42).

Еще до переѣзда Лермонтова въ Петербургъ умеръ его отецъ, Юрій Петровичъ. Впослѣдствіи М. Ю. оплакалъ его въ стихотвореніи „Ужасная судьба отца и сына“.

Не мнѣ судить, виновенъ ты иль нѣтъ!..
Ты свѣтомъ осужденъ... но что такое свѣтъ?
Толпа людей, то злыхъ, то благосклонныхъ,
Собраніе похвалъ незаслуженныхъ
И столько же насмѣшливыхъ клеветъ... (I, 284—85).

Отношенія Ю. П. Лермонтова къ тещѣ, Е. А. Арсеньевой, до конца жизни не наладились; онъ нѣсколько разъ собирался увезти сына къ себѣ, но по недостатку средствъ на воспитаніе не могъ выполнить своихъ угрозъ.

Эти распри между отцомъ и бабушкой всей тяжестью падали на сына и доставили ему много „мукъ и безсонницъ“, какъ выражается Юрій въ драмѣ „Menschen und Leidenschaften“, имѣющей несомнѣнное автобіографическое значеніе. „Я здѣсь какъ добыча, раздираемая двумя побѣдителями, и каждый хочетъ обладать ею... Мой долгъ, долгъ природы и благодарность, — въ какой вы ужасной борьбѣ между собой“... (III, 120 и 114)*.

Умирая, Юрій Петровичъ оставилъ очень трогательное завѣщаніе сыну: „Благодарю тебя, безцѣнный другъ мой, за любовь твою ко мнѣ и нѣжное твое ко мнѣ вниманіе, которое я могъ замѣчать, хотя и лишень былъ утѣшенія жить въ мѣстѣ съ тобою. Тебѣ извѣстны причины моей съ тобою разлуки, и я увѣренъ, что ты за сіе укорять

*) Въ той же драмѣ очень характеренъ разговоръ между слугою Юрія и горничной Громовой.

меня не станешь. Я хотѣлъ сохранить тебѣ состояніе, хотя съ самою чувствительнѣйшею для себя потерею, и Богъ вознаградилъ меня, ибо вижу, что я въ сердцѣ и уваженіи твоёмъ ко мнѣ ничего не потерялъ. Прошу тебя увѣрить свою бабушку, что я вполне отдавалъ ей справедливость во всѣхъ благоразумныхъ поступкахъ ея въ отношеніи твоего воспитанія и образованія и, къ горести моей, долженъ былъ молчать, когда видѣлъ противное, дабы избѣгать неминуемаго неудовольствія. Скажи ей, что несправедливости ея ко мнѣ я всегда чувствовалъ очень сильно и сожалѣлъ о ея заблужденіи, ибо, явно, она полагала видѣть во мнѣ своего врага, тогда какъ я былъ готовъ любить ее всѣмъ сердцемъ, какъ мать обожаемой мною женщины! Но Богъ да проститъ ей сіе заблужденіе, какъ я ей его прощаю“.

(„Историч. Вѣстн.“ 1898 г., № 10).

III.

Къ книгамъ Лермонтовъ пристрастился очень рано и, будучи еще въ Пансіонѣ, перечиталъ все, что было лучшаго, не только въ русской, но и иностранной литературѣ, а затѣмъ и самъ началъ, какъ онъ выражается, „марать“ стихи.

За періодъ времени съ 1828 по 1832 г. до насъ дошло около 300 лирическихъ стихотвореній, 15 поэмъ („Черкесы“, „Кавказскій Плѣнникъ“, „Корсаръ“, „Два брата“, „Джюлю“, „Литвинка“, „Двѣ невольницы“, „Исповѣдь“, „Послѣдній сынъ вольности“, „Азраиль“, „Ангель смерти“, „Каллы“, „Ауль Бастунджи“, „Измаиль-Бей“ и „Демонъ“), три драмы („Испанцы“, „Menschen und Leidenschaften“ и „Станный человѣкъ“) и одна повѣсть („Вадимъ“).

Уже въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Лермонтова сказались всѣ характерныя черты его музы: грусти ранняя печать, жизни тяготѣнье, жажда забвенья, бесплодное раскаянье, мятежная тоска, буря тягостныхъ сомнѣній, неясныя мечты, пылкая любовь свободы, съ небомъ гордая вражда, отзывъ безпокойный невѣдомыхъ мукъ, тайная грусть обманутой любви, невѣріе въ счастье, месть судьбѣ и людямъ, славы жадныя муки, мрачныя предчувствія рокового конца.

Пятнадцатилѣтній юноша все проклинаетъ, „какъ лживый сонъ, какъ призракъ дымныя мечты“, оплакиваетъ „обломки сей жизни остылой“, презираетъ судьбу и міръ, живетъ „не вѣря ничему и

ничего не признавая“, скорбять о „годахъ развратныхъ“, жалуется на „старость безъ сѣдинъ“, на усталость отъ земныхъ заботъ, на скуку, на пережитыя надежды.

Среди людей онъ чувствуетъ себя, какъ „дубъ въ странѣ пустынной“, какъ „камень межъ камней“, какъ „листъ, грозой оборванный“, какъ „безпечный странникъ, для міра и небесъ чужой“, какъ „шести досокъ жилецъ уединенный... , оставленный, забвенный“.

Люди, въ глазахъ поэта, — „ничтожная толпа“ (I, 176), „собраніе глупцовъ и злодѣевъ“ (III, 161. Ср. III, 170; I, 92. 176).

Главный источникъ страданій и мукъ — нераздѣленное чувство, „погибшая любовь“.

Поэтъ хотѣлъ „сыскать отраду бытія“ въ женскомъ сердцѣ: „любилъ всѣмъ напряженіемъ силъ“, „любилъ и тѣломъ и душой“, — но

Обмануть жизнью былъ во всемъ,
И ненавидя, и любя. (I, 287. Ср. I, 129. 167. 256).

А безъ любви нѣтъ смысла и въ жизни: „надо любить, чтобы быть счастливою“.

Поэтъ чувствуетъ въ душѣ своей „силы необъятныя“, жаждетъ великихъ подвиговъ и славы:

Я рожденъ, чтобъ цѣлый міръ былъ зритель
Торжества иль гибели моей. (I, 302. Ср. I, 144. 255).

Но въ то же время poeta не оставляетъ предчувствіе, что свѣтъ не пойметъ великаго (I, 261), и онъ погибнетъ „въ цвѣтѣ лучшихъ дней“ (I, 188), „безъ цѣли, оклеветанъ, одинокъ“ (I, 255).

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ...

... Смерть моя

Ужасна будетъ; чуждые края

Ей удивятся, а въ родной странѣ

Всѣ проклянуть и память обо мнѣ. (I, 260—261).

Жизнерадостныя нотки звучатъ чрезвычайно рѣдко (I, 180 и 278—279: „Мой домъ вездѣ“ и „Когда-бъ въ покорности незнанья“).

Лишь близкое общеніе съ природой нѣсколько успокаивало поэта и унимало тревоги больного сердца.

Посѣщеніе Кавказа и деревенская жизнь пробудили въ поэтѣ любовь и тяготѣніе къ природѣ, мечты о томъ,

... еслибъ могъ онъ, какъ безплотный духъ,
Въ вечерній часъ сливаться съ облаками,
Склоняя къ волнамъ кипучимъ жадный слухъ
И долго упиваться ихъ рѣчами,
И обнимать ихъ перси, какъ супругъ!
Въ глуши степей дышать со всей природой
Однимъ дыханьемъ, жить ея свободой!... (II, 167).

Природа наводитъ поэта на думы о Богѣ, о вѣчности, о міровой гармоніи.

И мысль о вѣчности, какъ великанъ,
Умъ челоуѣка поражаетъ вдругъ,
Когда степей безбрежный океанъ
Синѣетъ предъ глазами; каждый звукъ
Гармоніи вселенной, каждый часъ
Страданья или радости — для насъ
Становится понятенъ, и себѣ
Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ. (I, 258).

Очень характерную картину внутренней жизни поэта, со всѣми ея загадочными исканіями и мучительнымъ надрывомъ, даетъ стихотвореніе „1831 года, іюня 11 дня“, которое по справедливости называютъ одной изъ первыхъ страницъ поэтической автобіографіи Лермонтова.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ,—
И тѣ мгновенья были мукъ полны;
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.

.....
Никто не дорожить мной на землѣ,
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ;
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
Толпѣ кажуся... Но ужель она
Проникнуть дерзко въ сердце мнѣ должна?
Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ—ей все равно!

.....
Подъ ношей бытія не устаетъ
И не хладѣетъ гордая душа;
Судьба ее такъ скоро не убьетъ,
А лишь взбунтуетъ; мщеніемъ дыша
Противъ непобѣдимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составитъ счастье тысячи людей;
Съ такой душой ты богъ или злодѣй!...
..... (I, 254—256).

Тѣ же мотивы и въ юношескихъ поэмахъ.

Такъ, Кавказскій плѣнникъ терзается прошлою мечтою—о
свободѣ и счастья, воспоминаетъ мѣста родной страны:

Гдѣ онъ провелъ златую младость,
Гдѣ испыталъ и жизни сладость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ зналъ веселье и страданье,
Гдѣ онъ, несчастный, погубилъ
Святыя сердца упованья... (I, 17).

Корсаръ, блѣдный, худой, вскормленный чужой семьей, поте-
рялъ единственнаго брата, „предметъ всѣхъ радостей любимыхъ“.

Съ тѣхъ поръ, съ обманутой душою,
Ко всѣмъ я недовѣрчивъ сталъ

.....
Всегда любя уединенье,

Возненавидя шумный свѣтъ,
Узнавъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ людей нашедъ измѣну,
Утративъ жизни лучшій цвѣтъ,
Ожесточился я, — угрюмой
Душа моя смутилась думой...
Не могли болѣе страдать,
Я вдругъ рѣшился убѣжать (I, 30—31).

Долго онъ, храбрый, кровожадный, носился въ буряхъ боевыхъ,
чего-то страшнаго ждалъ, грустилъ, томился и желалъ, а потомъ —
омертвѣлъ,

Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ. (I, 37 и 40).

На блѣдномъ челѣ Джуліо, который обманулъ мечты невинной
Лоры, — слѣды раскаянья и мукъ на всю жизнь.

Я жилъ, я жилъ и много испыталъ.
Не для корысти я въ странѣ чужой:
Могилы тѣма сходна съ моей душой,
Въ которой страсти, лѣта и мечты
Изыри бездну вѣчной пустоты... (I, 190).

.

Есть сумерки души во цвѣтѣ лѣтъ,
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ:
Жметъ сердце безотчетная тоска,
Жизнь ненавистна, но и смерть тяжка... (I, 202).

Арсеній въ поэмѣ „Литвинка“ избѣгаетъ довѣрчивыхъ бесѣдъ,
презрѣніемъ „дышетъ“ его привѣтъ, онъ даже лаской гостя унижаетъ.
Обманутый любимой женщиной, онъ „изъ безумца сталъ злодѣй“.

.... Онъ вѣкъ счастливый свой
Определилъ невѣрующей душой.
Онъ кончилъ жизнь съ досадой на челѣ,
Жалѣя, мысля объ одной землѣ;
Свой адъ и рай онъ здѣсь умѣлъ сыскать, —
Другихъ не зналъ и не хотѣлъ онъ знать. (I, 217).

Герой „Исповѣди“, молодой отшельникъ, обвиненный въ преступленіи, не ищетъ оправданья:

Онъ зналъ людей и зналъ законъ, —
И ничего отъ нихъ не ждалъ... (I, 219).

Меня могила не страшить:
Тамъ, говорятъ, страданье спить
Въ холодной вѣчной тишинѣ... (I, 220).

Вадимъ въ „Послѣднемъ сынѣ вольности“, когда предъ властію чужой склонилась гордая страна, — покидаетъ край родной,

Гдѣ игры дѣтства, какъ могли,
Ему веселье принесли,
И гдѣ лукавою толпой
Его надежды обошли;
И въ мірѣ можетъ только месть
Опять назадъ его привести!... (I, 236).

Измаилъ - Бей — „лишній межъ людьми“.

Бываютъ люди: чувства — имъ страданья,
Причуда злой судьбы — ихъ бытіе;
Чтобъ самовластье показать свое,
Она порой кидаетъ ихъ межъ нами...
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но чаще обвиняетъ, потому
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ,
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ. (II, 52—53).

Посланный отцомъ къ русскимъ, гдѣ онъ вкусилъ „разврата, яда просвѣщенья“, Измаилъ вернулся на родину съ мертвымъ сердцемъ и опустошенной душою.

Старикъ для чувствъ и наслажденья, безъ сѣдины между волосъ, повсюду ищетъ самозабвенья и покоя, но дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ, и онъ кончаетъ жизнь, какъ началъ, — одинокъ...

И презираль онъ этотъ міръ ничтожный,
 Гдѣ жизнь — измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
 Гдѣ радость и печаль — все призракъ ложный!...
 Гдѣ память о добрѣ и злѣ — все ядъ!
 Гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожить;
 Гдѣ сердца утѣшать добро не можетъ,
 И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
 Раскаянье одно приносятъ намъ. (II, 67).

Безпредметная тоска, разочарованіе, пресыщеніе, туманъ неопредѣленныхъ желаній, сильные, но неясные порывы — все это характеризуетъ и Демона, любимое дѣтище нашего поэта.

Поэма „Демонъ“, начатая Лермонтовымъ въ 1829 году, нѣсколько разъ передѣлывалась и была закончена не позже 1839-го года, когда поэтъ давалъ ее читать Жуковскому (Дневники В. А. Жуковскаго. Съ примѣчаніями И. А. Бычкова. С.-Пб. 1903 г., стр. 508) и хотѣлъ даже напечатать отрывки. (И. Панаевъ. Литературныя воспоминанія, стр. 256). Въ первоначальныхъ очеркахъ поэмы (II, 384—412) дѣйствіе происходитъ въ Испаніи; героиня — молодая отшельница, любимая „посланикомъ рая, ангеломъ нѣжнымъ“; въ первомъ очеркѣ душа ободщенной демономъ „смертной (монахини)“ улетаетъ въ адъ, во второмъ и четвертомъ „ангелъ милый“ и вся природа съ нимъ молятся Творцу за душу „грѣшницы молодой“, въ окончательной редакціи — благо Божіе рѣшенье, и рай открылся для любви (II, 380—81).

Лермонтову, несомнѣнно, извѣстны были многія художественно-поэтическія обработки легендъ о дьяволѣ: „Потерянный рай“ Мильтона, „Мессіада“ Клопштока, „Каинъ“, „Небо и Земля“, „Манфредъ“ Байрона, „The Loves of the angels“ Томаса Мура, „Eloa, ou la Soeur des anges“ Альфреда де-Виньи, „Фаустъ“ Гёте, „Marrion“ Вальтеръ-Скотта, и др. *).

*) Подробности см. Н. Дашкевичъ. Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова. „Демонъ“ — въ „Чтеніяхъ Общества Нестора Лѣтописца“, кн. VII (1892 г.); А. Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Изд. 3, стр. 182—184; В. Спасовичъ, Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова — „Вѣстн. Европы“ 1888 г., кн. IV, стр. 529—35; В. Розановъ. „Демонъ“ Лермонтова и его древніе родичи — „Русск. Вѣстникъ“ 1902 г., № 9, стр. 45—56, и „Демонъ“ Лермонтова въ окруженіи древнихъ мифовъ —

Но что касается основной идеи всей поэмы, а также обрисовки ее главного героя, то здѣсь Лермонтовъ вполне самостоятеленъ и независимъ отъ своихъ западно-европейскихъ великихъ предшественниковъ. Въ „Демонѣ“ нужно искать того, что передумалъ, пережилъ и перестрадалъ самъ поэтъ, назвавшій свою поэму „простымъ выраженьемъ тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ“. (II, 414).

Бѣглець Эдема, царь познанья и свободы, живеть забытымъ и одинокимъ, какъ грозой оторванный листокъ:

Угрюмъ и волень, избѣгая
И свѣтъ небесъ и ада тьму,
Онъ жиль, не вѣря ничему
И ничего не признавая. (II, 400).

Встрѣча съ прекрасной отшельницей пробуждаетъ въ Демонѣ давно забытыя тревоги — признакъ возрожденья:

...Ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь... (II, 407).

Духъ отверженья и зла чувствуетъ, что

...Любить онъ можетъ, можетъ...
И въ самомъ дѣлѣ любить онъ! (II, 404).

Но какъ только Демонъ одержалъ побѣду надъ „прекраснымъ созданиемъ“, наложилъ печать свою на „сердце, полное гордыни“, онъ снова погрузился въ прежній „желѣзный сонъ“, умеръ для непорочныхъ наслажденій, для надеждъ, для небесъ:

И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ, надменный,
Одинъ, какъ прежде, во вселенной,
Безъ упованья и любви!... (II, 381).

„Новое Время“ 1901 г., № 9146; E. Duchesne. Mich. Jour. Lermontov. Sa vie et ses oeuvres. Paris 1910; Н. А. Котляревскій. М. Ю. Лермонтовъ. Изд. 4, стр. 82—89.

Въ драмахъ и повѣсти Лермонтовъ пытается облечь въ болѣе реальныя, бытовыя очертанія печаль души своей и тотъ „могучій образъ“, какой, бывало, возмущалъ юный умъ поэта.

Фѣрнандо (въ драмѣ „Испанцы“) — не имѣеть ни друга, ни родни, ни мѣста въ цѣломъ королевствѣ, гдѣ-бъ могъ найти пріютъ; вся жизнь его въ страданьяхъ — онъ въ нихъ живетъ, онъ къ нимъ привыкъ. (III, 17. 50).

Но страсти въ немъ кипятъ сильнѣе, чѣмъ всѣ земныя бури.

... О! проклятье

Тому, кто далъ мнѣ жизнь! Несправедливый Богъ!...

...Я терпѣлъ — и полно мнѣ терпѣть!

Повиновался я судьбѣ довольно...

Я могъ быть счастливымъ!... довольно,

Довольно! никогда не буду счастливъ...

Отнынѣ отдаюся мести,

Союзъ съ землей и небомъ разрываю... (III, 55).

Юрій Волинъ („Menschen und Leidenschaften“) — человѣкъ безъ настоящаго и будущаго, съ однимъ прошедшимъ. Когда-то онъ нетерпѣливо старался узнавать сердце человѣческое, пламенно любилъ природу, мечталъ о свободѣ человѣчества, — но сонъ этотъ миновался, потому что онъ слишкомъ хорошо узналъ людей... Ихъ несправедливости и злоба оттолкнули и ожесточили его навсегда.

Обманутый любовью и дружбой, проклятый отцомъ, Юрій рѣшается насильно покончить жизненные счета и принимаетъ ядъ. „Мое терпѣнье кончилось... кончилось... я терпѣлъ, сколько могъ... но теперь... это выше силъ человѣческихъ!... Что мнѣ жизнь теперь, когда въ ней все отравлено?... Я молился... не было спасенья... я страдалъ... ничто не могло Его тронуть!“... (III, 143).

Глубоко несчастенъ въ своемъ одиночествѣ и Владимиръ Арбеинъ (драма „Станный человѣкъ“). „Никто меня не понимаетъ, никто не умѣеть обходиться съ этимъ сердцемъ, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно... (III, 150—51).

„Никто... никто... ровно, положительно никто не дорожить мною на землѣ... Я лишній!“... (III, 202).

Проклятый отцомъ, Арбенинъ рѣшается испытать послѣднее на землѣ — женскую любовь; но скоро и эта послѣдняя нить, привязывающая его къ жизни, обрывается. „Богъ, Богъ! во мнѣ отнынѣ къ Тебѣ нѣтъ ни любви, ни вѣры!... Но не наказывай меня за мятежное роптанье... Ты, ты самъ нестерпимую пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ ты далъ мнѣ огненное сердце, которое любить до крайности и не умѣть такъ же ненавидѣть! Ты виновенъ! пускай Твой громъ упадетъ на мою непокорную голову! я не думаю, чтобъ послѣдній вопль погибающаго червя могъ Тебя порадовать“... (III, 201). „Гдѣ мои исполинскіе замыслы? Къ чему служила эта жажда къ великому? Все прошло!... (III, 192).

Въ самой тѣсной связи съ героями поэмъ и драмъ стоитъ и герой повѣсти — Вадимъ.

„Его товарищи не знали, кто онъ таковъ, но сила души обнаруживается вездѣ: они боялись его голоса и взгляда, они уважали въ немъ какой-то величайшій порокъ, а не безграничное несчастье, демона, но не человѣка“... (IV, 2). „Онъ былъ духъ, отчужденный отъ всего живущаго, духъ всемогущій, не желающій, не сожалеющій ни объ чемъ, завладѣвшій прошедшимъ и будущимъ, которыя представлялись ему пестрой картиной, гдѣ онъ находилъ много смѣшного и ничего жалкаго. Его душа расширялась, хотѣла бы вырваться, обнять всю природу и потомъ сокрушить ее. Если это было желаніе безумца, то по крайней мѣрѣ великаго безумца. Что такое величайшее добро и зло? Два конца незримой цѣпи, которые сходятся, удаляясь другъ отъ друга“. (IV, 19).

Ненасытимое чувство мести, ненависть и презрѣніе къ людямъ наполняютъ все существо Вадима. „Онъ думалъ: „еслибъ я былъ чортъ, то не мучилъ бы людей, а презиралъ бы ихъ; стоять-ли они, чтобъ ихъ соблазнялъ изгнанникъ рая, соперникъ Бога!... Другое дѣло — человѣкъ: чтобъ кончить презрѣніемъ, онъ долженъ начать съ ненависти“. (IV, 2).

Юношескія произведенія Лермонтова, какъ и вся его поэзія, — продуктъ чисто-индивидуальнаго настроенія, которое сложилось частью подъ вліяніемъ прирожденныхъ задатковъ и склонностей къ меланхоліи и рефлексіи, частью — какъ результатъ несчастныхъ

жизненныхъ случайностей (ранняя смерть матери, одинокое дѣтство, болѣзнь, распри между отцемъ и бабушкою). Но не мало здѣсь и чужого, наноснаго, вычитаннаго изъ книгъ.

А. Шанъ-Гирей вспоминаетъ, что когда онъ, въ концѣ 1828 г., переѣхалъ въ Москву, то нашелъ у Мишеля много русскихъ книгъ: Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова, Пушкина.

Изъ русскихъ писателей наиболѣе замѣтное вліяніе оказалъ на Лермонтова Пушкинъ, предъ которымъ поэтъ всю жизнь преклонялся*). Отзвуки Пушкинской поэзіи слышатся не только въ юношескихъ опытахъ Лермонтова, но и въ зрѣлыхъ произведеніяхъ: общіе сюжеты, мотивы, образы; нерѣдко также Лермонтовъ заимствуетъ у Пушкина отдѣльные стихи и выраженія и переноситъ ихъ въ свои пьесы цѣликомъ или же съ небольшими варіаціями.

Поэма „Кавказскій плѣнникъ“ — пересказъ Пушкинскаго сюжета съ видоизмѣненіемъ конца; отрывокъ „Цыгане“ — механическая передѣлка поэмы Пушкина „Цыгане“ въ драму или либретто для оперы. Начало поэмы „Послѣдній сынъ вольности“ (I, 226) близко напоминаетъ „Осень“ Пушкина; разговоръ Ноэми съ Саррою во II-мъ дѣйствіи „Испанцевъ“ — ночной разговоръ Татьяны съ няней въ „Евгеніи Онѣгинъ“; конецъ первоначальныхъ очерковъ „Демона“ — Пушкинскаго „Ангела“.

Стихотвореніе „Мой демонъ“ навѣяно „Демономъ“ Пушкина, „Два ворона“ — „Шотландскою пѣснью“, „Олеги“ — „Олеговымъ щитомъ“, „Примите дивное посланье“ — „Отвѣтомъ Е. Н. Ушаковой“, „Вѣтка Палестины“ — „Цвѣткомъ“, „Журналистъ, читатель и писатель“ — „Разговоромъ книгопродавца съ поэтомъ“, „Опять, народные вѣти“ — „Клеветниками Россіи“, „Три пальмы“ — „Подражаніемъ Корану“, „Отчизна“ — „отрывкомъ изъ путешествія Онѣгина“, и др.

Въ „Menschen und Leidenschaften“ (III, 95) вставлено стихотвореніе Пушкина „Е. Н. Вульфъ“, а въ „Княжну Мери“ (IV, 243) — два стиха изъ посвященія къ „Евгенію Онѣгину“. Эпиграфъ „Княгини Лиговской“ (IV, 97) взятъ изъ XVI-й строфы 1-й гл. „Евгенія

*) „Передъ Пушкинымъ онъ благоговѣетъ, — пишетъ Бѣлинскій Боткину, — и больше всего любитъ Онѣгина“. (Пыпинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 38. Ср. „Записки“ А. О. Смирновой, ч. II, стр. 34—35).

Онѣгина“, а заключительныя строки поэмы „Послѣдній сынъ вольности“ (I, 253) — переводъ на англійскій языкъ изъ „Руслана и Людмилы“. Стихъ „Подъ сѣнь черемухъ и акацій“ (I, 48: Пирь) заимствованъ изъ VII-й строфы 6-й гл. „Евгенія Онѣгина“; „И на челѣ его высокою не отразилось ничего“ (II, 352: Демонъ) — изъ „Кавказскаго плѣнника“ Пушкина, оттуда же двустушія:

„И лучшихъ дней воспоминанія
Предъ нимъ тѣснилися толпой“ (II, 351) и
„Не спи, козакъ, во тѣмѣ ночной
Чеченцы ходять за рѣкой“ (I, 4: Черкесы);

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ“ (IV, 129) — изъ поэмы „Братья разбойники“, „Остылой жизни чаша“ — изъ стихотворенія Н. И. Кривоцу „Не пугай насъ, милый другъ“, „Не гнется гордый нашъ языкъ“ (III, 266) — изъ „Евгенія Онѣгина“ (XXVI строфа 3-й главы), и др.

Наконецъ, имѣются и прямыя ссылки на Пушкина: въ „Княгинѣ Лиговской“ (IV, 129), въ „Монго“ (II, 202), въ „Казначейшѣ“ (II, 229), въ „Героѣ нашего времени“ (IV, 237), „Додо“ (I, 94).

Знакомство Лермонтова съ „Горемъ отъ ума“ Грибоѣдова видно въ „Странномъ челоѣкѣ“ (III, 158 и 193), въ „Княгинѣ Лиговской“ (IV, 151), въ „Героѣ нашего времени“ (IV, 242); та же драма оказала очень замѣтное вліяніе и на „Маскарадъ“ Лермонтова.

Кромѣ Пушкина и Грибоѣдова, Лермонтовъ читалъ Рылѣва (подъ впечатлѣніемъ его „Думъ“ написаны стихотворенія „Жалоба турка“, „Сыны снѣговъ, сыны славянъ“, „Олеѣгъ“), Лажечникова (IV, 125), Кукольника (II, 210), Марлинскаго (его вліяніемъ можно объяснить обиліе романтической выпренности въ юношескихъ драмахъ и повѣсти), Полеваго (II, 174), Жуковскаго (IV, 199, 201, 203 и 339; чтеніемъ Жуковскаго навѣяны такія стихотворенія, какъ „Свѣча горить. Дрожащею рукою“, „Въ избушкѣ позднею порою“, „Гость“, „Любовь мертвеца“ и др.), Полежаева (II, 143), Козлова (II, 235), Мятлева (II, 294), гр. Ростопчину (IV, 339), а также разныхъ „сочинителей мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ“ (IV, 237).

Послѣ этого какъ-то страннымъ кажется замѣчаніе Лермонтова, что онъ ничѣмъ не обязанъ родной литературѣ.

„Наша литература, — читаемъ въ одной изъ его замѣтокъ, сдѣланной въ 1830 году, — такъ бѣдна, что я изъ нея ничего не могу заимствовать; въ 15-ть же лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ; но тогда я почти ничего не читалъ“. (IV, 350).

Мотивы народной поэзіи слышатся въ стихотвореніяхъ: „Что въ полѣ за пыль пылить“, „Русская пѣсня“, „Атаманъ“, „Воля“, „Бородино“, особенно же въ „Пѣснѣ про купца Калашникова“. О русскихъ народныхъ пѣсняхъ поэтъ былъ очень высокаго мнѣнія и сожалѣлъ только, что мамушкой у него была нѣмка, а не русская: „я не слышалъ сказокъ народныхъ“... (IV, 350—51).

Изъ другихъ славянскихъ поэтовъ Лермонтову извѣстенъ былъ Мицкевичъ, котораго онъ читалъ въ оригиналѣ, какъ показываетъ стихотвореніе „Видъ горъ изъ степей Козлова“, — переводъ изъ „Крымскихъ сонетовъ“, сдѣланный независимо отъ И. И. Козлова; слѣды вліянія „Конрада Валленрода“ того же Мицкевича замѣтны въ „Измаилъ-Беѣ“ и въ „Послѣднемъ сынѣ вольности“.

Очень рано Лермонтовъ начинаетъ знакомиться и съ западною литературою. Еще въ 1829-мъ году онъ переводитъ и варьируетъ цѣлый рядъ пьесъ Шиллера, поэзія котораго особенно увлекала его въ то время своимъ сентиментально-героическимъ характеромъ („Три вѣдьмы“, „Къ Нинѣ“, „Встрѣча“, „Надъ моремъ красавица-дѣва сидитъ“, „Перчатка“, „Дитя въ люлькѣ“, „Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь“); вліяніе Шиллера („Разбойники“, „Коварство и любовь“), а также Лессинга съ его „Натаномъ Мудрымъ“ замѣтно и въ юношеской драмѣ „Испанцы“. Слѣды Шиллера видны и въ одномъ изъ послѣднихъ стихотвореній Лермонтова: „Je l'attends dans la plaine sombre“ представляетъ почти переводъ изъ „Die Erwartung“ Шиллера *).

Къ болѣе позднему времени (1840—41 гг.) относятся переводы изъ Цедлица („Воздушный корабль“), Гёте („Горныя вершины“), Гейне („Сосна“, „Они любили другъ друга“). Читаніемъ Гофмана навѣяны отрывокъ изъ начатой повѣсти.

Что касается французской литературы, то Лермонтовъ цѣнилъ ее не особенно высоко и находилъ, что въ нашихъ народныхъ сказ-

*) Говорить въ данномъ случаѣ о посредствующемъ вліяніи Alfr. Musset (ср. замѣтку Н. Якоби въ „Русск. Старинѣ“ 1887 г., кн. VIII, стр. 445) нѣтъ никакихъ основаній.

какъ больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности. (IV, 350—51).

Во всякомъ случаѣ ему извѣстны были: Le Sage (II, 147), Вольтеръ (II, 273 и III, 246), Руссо (IV, 194 и 351: отзывъ о „Новой Элоизѣ“), La Harpe (эпиграфъ къ поэмѣ „Корсаръ“; „Казотъ“), Saint-Auge (выписки находимъ въ одной изъ юношескихъ тетрадей), Бомарше (IV, 186), А. Шенье, Шатобрианъ (IV, 356: упоминается романъ „Аттала“), Барбье (II, 255: эпиграфъ къ „Не вѣрь себѣ“), Ротру (II, 202: эпиграфъ къ „Смерть поэта“), Бальзакъ (IV, 189), Жоржъ Зандъ (ср. въ предисловіи къ Журналу Печорина: „Мы почти всегда извиняемъ то, что понимаемъ“ и „Tout comprendre c'est tout pardonner“ у Ж. Зандъ). Вліяніе В. Гюго („Orientales“, „Hernani“, „Notre Dame de Paris“) замѣтно въ кавказскихъ поэмахъ „Ауль Бастунджи“, „Хаджи-Абрекъ“, „Измаиль-Бей“, въ драмѣ „Испанцы“ и въ повѣсти „Вадимъ“ *).

Въ „Демонъ“ видно знакомство съ „Eloa“ Альфреда де Виньи, а въ „Героѣ нашего времени“ — съ „La Confession d'un enfant du siècle“ А. де Мюссе **).

Изъ англійскихъ писателей Лермонтовъ прежде всего началъ увлекаться Шекспиромъ. Еще въ 1831 г., въ одномъ изъ писемъ къ теткѣ М. А. Шанъ-Гирей, онъ очень горячо „вступаетъ за честь Шекспира“, какъ творца „Гамлета“, называя его „гениемъ необъемлемымъ, проникающимъ въ сердцѣ человѣка, въ законы судьбы, оригинальнымъ, т. е. неподражаемымъ Шекспиромъ“ (IV, 306—307). Въ другомъ письмѣ (IV, 339) проситъ Е. А. Арсеньеву прислать „полнаго Шекспира по-англійски“; въ „Сашкѣ“ (II, 164) приводитъ цитату изъ „Гамлета“; подъ вліяніемъ „Отелло“ задумываетъ драму „Маскарадъ“. Потомъ Лермонтовъ перечитываетъ Вальтеръ - Скотта (III, 99: Любенька въ „Menschen und Leidenschaften“ зачитывается „Вудстокъ“ или „Всадникомъ“; IV, 255: Печоринъ увлекается „волшебнымъ вымысломъ“ романа „Шотландскіе Пуритане“; „Казачья колыбельная пѣсня“ навѣяна стихотвореніемъ „Lullaby of an infant chief“. Ср. также IV, 38), Ф. Купера (въ его романахъ Лермонтовъ видѣлъ больше глубины и художественной цѣлости, чѣмъ у В. Скотта;

*) Подробн. см. E. Duchesne, op. c., 304—311.

**) См. Галаховъ — „Русск. Вѣстн. 1858 г., т. XVI, стр. 610, и К. Тр-н-каго М. Ю. Лермонтовъ, стр. 12—16.

ср.: Пыпинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 38), Томаса Мура (I, 143: ссылается на „Letters and journals of Byron“; „Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою“ и „The evening Gun“; подъ влияніемъ „The Loves of the angels“ задумана поэма „Демонъ“), Оссіана (I, 138), Стерна (въ черновыхъ тетрадяхъ сохранился французскій переводъ отрывковъ изъ „Sentimental Journey“), Ричардсона (I, 140).

Завершилось знакомство съ англійской литературой „огромнымъ“ Байрономъ, котораго поэтъ всю жизнь свою „достигнуть бы хотѣлъ“:

У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки;

О, если-бъ одинаковъ былъ удѣлъ!... (I, 143).

Первые слѣды знакомства съ поэзіей Байрона видимъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“: послѣдній стихъ этой поэмы („Гдѣ дочь моя?“ И отзывъ скажетъ: „Гдѣ?“) — переводъ изъ „Абидосской Невѣсты“ (II, XXVII — „Where is my child?“ — an Echo answers — „Where?“).

Въ „манерной и своенравно-печальной“ поэзіи Байрона Лермонтовъ нашель подтвержденіе того, что онъ самъ чувствовалъ, думалъ и переживалъ. Многочисленныя параллели и аналогіи, общіе мотивы, образы и драматическія положенія говорятъ не о заимствованіи одного поэта у другого, а скорѣе о родствѣ этихъ двухъ мятежныхъ душъ, такъ что Лермонтова съ полнымъ правомъ можно называть не подражателемъ Байрона, а его „младшимъ братомъ“ *).

Переводовъ изъ Байрона у Лермонтова сравнительно немного: Прости, Баллада („Берегись! берегись!“), „Ахъ, нынѣ я не тотъ совсѣмъ!“, Еврейская мелодія („Душа моя мрачна“), Въ альбомѣ („Какъ одинокая гробница“), Мракъ, The Giaour, Napoleon's Farewell, Верро.

Дань классицизму Лермонтовъ заплатилъ въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ „Заблужденіе Купидона“, „Панъ“, „Цѣвница“, „Къ

*) О влияніи Байрона на поэзію Лермонтова подробн. см.: А. Галаховъ. Лермонтовъ — въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1858 г., №№ 13, 14 и 16; В. Спасовичъ. Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова — въ „Вѣстн. Европы“ 1888 г., кн. IV, стр. 500—48; Н. Стороженко. Вліяніе Б. на европейскія литературы — въ сборникѣ „Изъ области литературы“ (М. 1902 г.), стр. 173—186; А. Н. Веселовскій. Этюды и характеристики. Изд. 4, т. I; Н. А. Котляревскій. Лермонтовъ. Изд. 4, стр. 61—65; E. Duchesne. M. I. Lermontov, 244—288; M. Zdziechowsky. Byron i jego wiek. T. II. Krak. 1897; В. Соловьевъ. Лермонтовъ — въ „Вѣстн. Европы“ 1901 г., кн. II, стр. 446; К. Д. Бальмонтъ. Горныя вершины, стр. 62.

генію“, „Пиръ“, „Арфа“. Встрѣчаются также упоминанія и ссылки на Сократа (II, 188. III, 107. IV, 3), Плутарха (IV, 357), Демосеена (II, 160), Ю. Цезаря (IV, 259), Цицерона (IV, 211), а въ „Джюліо“ (I, 195) приводится цѣлое осьмистишіе „римскаго поэта — мудреца“, подъ которымъ разумѣтся, повидимому, Виргилій.

Чтобы покончить съ мотивами юношескаго творчества Лермонтова, слѣдуетъ отмѣтить еще тѣ произведенія, которыя навѣяны разными событіями современной общественной и политической жизни: волненіями по поводу холеры 1830 г. („Чума въ Саратовѣ“, „Чума“, „Могила бойца“), аракчеевщиной и бунтами военныхъ поселеній („Сыны снѣговъ, сыны славянъ“), ужасами крѣпостнаго права („Странный человѣкъ“: III, 171—74), іюльской революціей во Франціи („10-е іюля 1830 г.“, „Парижъ 30 іюля 1830 г.“ („О, полно извинять развратъ“) и др.

Въ общественныхъ и политическихъ взглядахъ Лермонтова отразилось то свободололюбивое настроеніе, какимъ была охвачена прогрессивная часть тогдашней молодежи, помнившая еще завѣты Пестеля и Рылѣва.

Любовь къ свободѣ золотой
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный. (I, 45).

Называя свою отчизну Турціей, дикимъ краемъ, страной рабства и цѣпей (I, 65—66), поэтъ горячо привѣтствуетъ проявленіе борьбы съ тираніей (I, 161) и „мечтаетъ“ о наступленіи „чернаго года“ для Россіи,

Когда царей корона упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и кровь. (I, 144).

Сочувственный откликъ находить въ немъ и французская революція — возстаніе „за независимость страны“ и паденіе „самодержавія сыновъ“. (I, 150—51). Негодуетъ Лермонтовъ и на крѣпостное рабство, съ ужасами котораго онъ могъ близко познакомиться, когда живаль у родныхъ въ деревнѣ.

„Люди! люди!... О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство!... Все куплено кровавыми слезами... Несчастные мужики!

что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что имѣю, и попасть въ руки палачей!“... (III, 173) *).

IV.

Петербургъ произвелъ на Лермонтова неблагопріятное впечатлѣніе.

Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь, — красный воротъ,
Какъ шишъ, торчитъ передъ тобой;
Нѣтъ милыхъ сплетенъ, все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно и ново, —
А нѣтъ не пошлыхъ новостей!
Доволенъ каждый самъ собою,
Не беспокоясь о другихъ,
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ! (II, 13).

Я врагъ Невѣ и невскому туману.
Тамъ (я весь міръ въ свидѣтели возьму)
Веселье вредно русскому карману,
Занятія вредны русскому уму.
Тамъ жизнь грозна, пуста и молчалива,
Какъ плоскій берегъ Финскаго залива. (II, 144).

„Многіе жители Петербурга, — читаемъ въ „Княгинѣ Лиговской“, — проведеніе дѣтство въ другомъ климатѣ, подвержены странному вліянію здѣшняго неба. Какое-то печальное равнодушіе, подобное тому, съ какимъ наше сѣверное солнце отворачивается отъ благодарной здѣшной земли, закрадывается въ душу, приводитъ въ

*) По воспоминаніямъ мѣстныхъ старожиловъ, бабка поэта, Е. А. Арсеньева особенно жестокою не отличалась и къ розгамъ прибѣгала лишь въ исключительныхъ случаяхъ (напр., когда пьяный поваръ Петръ Алексѣевъ ударилъ своего барина), довольствуясь обрѣтіемъ половины головы или отрѣзаніемъ косы; но ея родственники Мосоловы и въ особенности Столыпина „могли уже смѣло назваться даже и по тогдашнему времени первоклассными деспотами“. („Живописное Обзорѣніе“ 1898 г., № 22: „Изъ колыбели замѣчательныхъ людей“ П. К. Шугаева).

оцѣпенѣніе всѣхъ жизненные органы. Въ эту минуту сердце неспособно къ энтузіазму, умъ къ размышленію“. (IV, 118).

Въ письмахъ къ друзьямъ (С. А. Бахметевой, А. М. Верещагиной и М. А. Лопухиной) поэтъ все жалуется на усталость, тоску, скуку, на непригодность для общества и людей, на то, что поэзія души его погасла.

„Преглупое состояніе человѣка то, когда онъ принужденъ занимать себя, чтобъ жить, какъ занимали нѣкогда придворные старыхъ королей: быть своимъ шутомъ!... Какъ послѣ этого не презирать себя, не потерять довѣренности, которую имѣлъ къ душѣ своей?... Одна вещь меня беспокоитъ... Тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ. Дорогой я еще былъ туда-сюда; пріѣхавши, не гоюсь ни на что. Право, мнѣ необходимо путешествовать: я — цыганъ“... (IV, 307—308).

„Назвать вамъ, — спрашиваетъ Лермонтовъ М. А. Лопухину, — всѣхъ, у кого я бываю? Я самъ та особа, у которой бываю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Правда, по пріѣздѣ, я навѣщалъ довольно часто родныхъ, съ которыми мнѣ слѣдовало познакомиться; но въ концѣ концовъ я нашель, что лучший мой родственникъ — это я самъ. Видѣлъ я обрачки здѣшняго общества: дамъ очень любезныхъ, молодыхъ людей очень вѣжливыхъ; всѣ они производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, очень тѣснаго и простаго, но въ которомъ въ первый разъ можно заблудиться, потому что ножницы хозяина уничтожили всякое различіе между деревьями“... (IV, 311 и 392).

„Не имѣю слишкомъ большаго влеченія къ обществу, — заканчиваетъ онъ одно изъ писемъ къ С. А. Бахметевой, — надоѣло! — Все люди, такая тоска; хоть бы черти для смѣха попадались“. (IV, 311).

Лучшій показатель душевнаго настроенія поэта, по его собственнымъ словамъ, — стихотворенія „Для чего я не родился“ и „Что толку жить!“ (IV, 312—13 и II, 14—16).

Что толку жить!... Безъ приключеній
И съ приключеньями — тоска
Вездѣ, какъ безпокойный геній,
Какъ вѣрная жена, близка! (II, 15).

Къ тому же времени относится стихотвореніе „Парусъ“, — образъ мятущейся души поэта, для котораго жизнь немислима безъ бурь и грозъ.

Намѣреніе Лермонтова перейти въ Петербургскій Университетъ встрѣтило совершенно неожиданныя препятствія: ему не зачли двухлѣтняго пребыванія въ Москвѣ и предложили держать вступительный экзамень на I-й курсъ. Тогда Лермонтовъ, по совѣту своего друга Алексѣя Аркадьевича Столыпина, рѣшилъ опредѣлиться въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ и началъ готовиться къ экзаменамъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (теперешнее Николаевское Кавалерійское Училище), куда и былъ зачисленъ, приказомъ отъ 10 ноября, сначала унтеръ-офицеромъ, а потомъ юнкеромъ.

Поступая въ Школу, Лермонтовъ ничѣмъ не обольщаль себя и думалъ лишь объ одномъ — о близкой свободѣ.

„Не могу представить себѣ, — пишетъ онъ М. А. Лопухиной, — какое впечатлѣніе произведетъ на васъ моя важная новость. До сихъ поръ я жилъ для литературной карьеры, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному кумиру, и вотъ теперь я — воинъ. Быть можетъ, это особенная воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь кратчайшій, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли, можетъ быть, не приведетъ ли онъ меня къ послѣдней цѣли всего существующаго: умереть съ пулею въ груди нисколько не хуже, чѣмъ умереть отъ медленной агоніи старости. Итакъ, если начнется война, клянусь вамъ Богомъ, что всегда буду впереди“... (IV, 316 и 395).

„Куртка тѣсная“, маршировка, парадировка, „въ манежѣ Алѣхинъ глась“ (II, 87: „Юнкерская молитва“), конечно, ничего не давали ни уму, ни душѣ.

Не могли наполнить жизни и тѣ „скучныя наслажденія“, о которыхъ поэтъ рассказываетъ въ „Гошпиталѣ“, „Петергофскомъ праздникѣ“, „Уланшѣ“.

Правда, въ письмахъ Лермонтова къ кузинѣ Лопухиной встрѣчаются оговорки, что онъ теперь „счастливецъ, чѣмъ когда-либо, веселѣе любого пьяницы, распѣвающего на улицѣ“, что ему „нужны чувственныя наслажденія, счастье осязательное, такое счастье, которое покупается золотомъ, чтобы можно было носить его съ собою въ

карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйстви души“... Но рядомъ съ этими „гусарскими бравадами“ слышатся жалобы на пошлость и пустоту жизни, опасеніе, что изъ него никогда ничего не выйдетъ, желаніе найти самого себя и стать такимъ, какимъ нѣкогда былъ; а проведенное въ Школѣ время прямо называется „двумя страшными годами“... (IV, 318—322 и 396—399).

По рассказамъ Шанъ-Гирея, Школа переродила Лермонтова не только физически, но и нравственно. Слѣды домашняго воспитанія и женскаго общества исчезли отъ царившаго въ Школѣ разгула, бамбошерства и кутежей. Домой Мишель приходилъ только по праздникамъ и воскресеньямъ и ровно ничего не писалъ. Способности свои къ рисованью и поэтической талантъ онъ обратилъ на карикатуры, эпиграммы и разныя неудобныя къ печати произведенія, помѣщавшіяся въ издаваемомъ въ Школѣ рукописномъ иллюстрированномъ журналѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ ходили по рукамъ и отдѣльными выпусками. По счастью,—заканчиваетъ Шанъ-Гирей,—Мишель поступилъ въ Школу не ранѣе девятнадцати лѣтъ и пробылъ тамъ не болѣе двухъ; по выпускѣ въ офицеры, все это пропало, какъ съ гуся вода. „Faut que jeunesse jette sa gourme“, говорятъ французы. („Русск. Обозр.“ 1890 г., кн. VIII, стр. 727—29).

Почти въ одно время съ Лермонтовымъ поступилъ въ Школу и его будущій убійца, Н. С. Мартыновъ. Въ автобіографическихъ запискахъ Мартынова сохранилось много интересныхъ подробностей о поэтѣ-юнкерѣ. „Наружность его,—пишетъ Мартыновъ,—была весьма невзрачна; маленькій ростомъ, кривоногій, съ большой головой, съ непомѣрно-широкимъ туловищемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ловкій въ физическихъ упражненіяхъ и съ сильно развитыми мышцами. Лицо его было довольно пріятное. Обыкновенное выраженіе глазъ въ покоѣ нѣсколько томное, но какъ скоро онъ воодушевлялся какими-нибудь проказами или школьничествомъ, глаза эти начинали бѣгать съ такой быстротой, что одни бѣлки оставались на мѣстѣ, зрачки же передвигались справа налево, и эта безостановочная работа съ одного человѣка на другого производилась иногда по нѣсколько минутъ сряду. Ничего подобнаго я у другихъ людей не видалъ... Волосы у него были темныя, но довольно рѣдкія, съ свѣтлой прядью немного повыше лба, виски и лобъ весьма открытые, зубы превосходные —

бѣлые и ровные, какъ жемчугъ... Онъ былъ ловокъ въ физическихъ упражненіяхъ, крѣпко сидѣлъ на лошади; но, какъ въ наше время преимущественно обращали вниманіе на посадку, а онъ былъ сложенъ дурно, не могъ быть красивъ на лошади: поэтому онъ никогда за хорошаго ѣздока въ школѣ не слылъ, и на ординарцы его не посылали... По пѣшему фронту Лермонтовъ былъ очень плохъ: тѣ же причины, какъ и въ конномъ строю, но еще усугубленныя, потому что пѣшкомъ его фигура еще менѣе выносила критику... Умственное развитіе его было настолько выше другихъ товарищей, что и параллели между ними провести невозможно. Онъ поступилъ въ Школу уже человѣкомъ, много читалъ, много передумалъ, тогда какъ другіе еще вглядывались въ жизнь, онъ уже изучилъ ее со всѣхъ сторонъ. Годами онъ былъ не старше другихъ, но опытомъ и возрѣніемъ на людей далеко оставлялъ ихъ за собой... Изъ наукъ Лермонтовъ съ особеннымъ рвеніемъ занимался Русскою словесностью и исторіей. Вообще онъ имѣлъ способности весьма хорошія, но съ любовію онъ относился только къ этимъ двумъ предметамъ... („Русск. Арх.“ 1893 г., кн. II (8), стр. 586—88).

По воспоминаніямъ другого товарища по Школѣ, Лермонтовъ ничѣмъ особенно не выдѣлялся среди товарищей-юнкеровъ, не прочь былъ пошкольничать и никогда не отставалъ отъ другихъ по части всевозможнаго озорства и молодечества. Страстью его было изводить кого-нибудь своими остротами и насмѣшками, иногда очень злыми, и этимъ онъ нажилъ себѣ не мало враговъ и недоброжелателей. Особенно часто доставалось кн. Юс. Шаховскому, прозванному за свой длинный носъ „князь Носъ“ (II, 106), кн. А. И. Бярятинскому, „любителю наслажденій“ (II, 432), Д. С. Бибикову, герою „Петергофскаго праздника“ (II, 432—33), и барону Тизенгаузену (II, 433).

Изъ школьныхъ друзей Лермонтова называютъ Алексѣя Аркадьевича Столыпина — „Монго“ (II, 444), Николая Ивановича Поливанова — „Лафа, буянъ лихой“ (II, 433), товарищей по Московскому Университету, Василя Александровича Вонлярлярскаго, впослѣдствіи извѣстнаго беллетриста, автора „Большой барыни“ и др.

Среди товарищей Лермонтовъ носилъ прозвище „Маѣшка“ — передѣлка на русскій ладъ имени фантастическаго урода „Monsieur Maueux“, похжденія котораго изображались въ разныхъ каррикатурныхъ листкахъ.

Разумѣтся, — замѣчаетъ Меринскій, — къ Лермонтову не шло это прозвище, и онъ всегда отъ души смѣялся надъ нимъ. Лермонтовъ былъ небольшого роста, плотный, широкоплечій и немного сутуловатый. Зимой, въ большіе морозы юнкера, уходя изъ Школы, надѣвали шинели въ рукава, сверхъ мундировъ и ментиковъ; въ этой формѣ онъ дѣйствительно казался неуклюжимъ, чтѣ и самъ сознавалъ, и однажды нарисовалъ себя въ этой одеждѣ въ каррикатурѣ. („Русск. Міръ“ 1872 г., № 205).

Въ первый годъ пребыванія Лермонтова въ Школѣ, съ нимъ случилось большое несчастье, едва не заставившее его совсѣмъ бросить военную службу. Во время верховой ѣзды въ манежѣ Лермонтовъ сильно повредилъ себѣ кость лѣвой ноги. Для поправленія здоровья ему разрѣшено было переѣхать въ домъ бабушки, и здѣсь онъ подготовился къ экзамену прямо въ первый классъ. („Русск. Стар.“ 1875 г., кн. IV, стр. 814. Ср. Сочинен. IV, 318).

Что касается литературной дѣятельности, то свое пребываніе въ юнкерской Школѣ Лермонтовъ ознаменовалъ нѣсколькими совершенно нецензурными произведеніями („Гошпиталь“, „Петергофскій праздникъ“, „Уланша“, „Къ Тизенгаузену“ и др.), предназначенными для рукописнаго журнала „Школьная Заря“, гдѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ (подъ псевдонимами „Гр. Діарбекиръ“, „Жрецъ н. . . . а“, „Инвалидъ Николай Ивановичъ“). „Зимой, въ началѣ 1834 года, — вспоминаетъ Меринскій, — кто-то изъ насъ предложилъ издавать журналъ, конечно, рукописный. Всѣ согласились, и вотъ какъ это было. Журналъ долженъ былъ выходить одинъ разъ въ недѣлю, по средамъ; въ продолженіи семи дней накоплялись статьи. Кто писалъ и хотѣлъ помѣщать свои сочиненія, тотъ клалъ рукопись въ назначенный для того ящикъ одного изъ столиковъ, находившихся при кроватяхъ въ нашихъ каморахъ. Желавшій могъ оставаться неизвѣстнымъ. По средамъ вынимались изъ ящика статьи и сшивались, составляя довольно толстую тетрадь, которая вечеромъ въ тотъ же день, при сборѣ всѣхъ насъ, громко прочитывалась. При этомъ смѣхъ и шутки не умолкали. Такихъ нумеровъ журнала набралось нѣсколько. Не знаю, чтѣ съ ними случилось, — но въ нихъ много было помѣщено стихотвореній Лермонтова, правда, большею частью, не совсѣмъ скромныхъ и не подлежащихъ печати... Никто изъ насъ тогда, конечно, не подозрѣвалъ и не разгадывалъ

великаго таланта въ Лермонтовѣ. Да были ли тогда досугъ и охота намъ что-нибудь разгадывать, намъ — юношамъ въ семнадцать лѣтъ, смѣло и горячо начинавшимъ жизнь, что называется, безъ оглядки и разгадки“... („Атеней“ 1858 г., № 48).

Въ свои серьезные литературные замыслы Лермонтовъ неохотно посвящалъ даже близкихъ и друзей, тая „надежды лучшія и голосъ благородный“. „По вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій, поэтъ нашъ часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты, въ то время пустыя, и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи, стараясь туда пробраться незамѣченнымъ товарищами. Иногда онъ занимался рисованіемъ; онъ недурно рисовалъ и любилъ изображать кавказскіе виды и черкесовъ, скакавшихъ по горамъ“... („Русск. Міръ“ 1872 г., № 205)*).

Высочайшимъ приказомъ отъ 22-го ноября 1834 г. Лермонтовъ произведенъ былъ по экзамену изъ юнкеровъ въ корнеты лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка и поселился съ А. А. Столыпинымъ въ Царскомъ Селѣ, на углу Большой и Манежной улицъ.

Бабушка Е. А. Арсеньева богато экипировала своего любимца, подарила ему тройку лошадей, выписала изъ Тарханъ двухъ кучеровъ, повара и лакея и дала обѣщаніе каждыя три мѣсяца высылать внуку по двѣ съ половиною тысячи рублей.

Еще за годъ до окончанія курса Школы, въ одномъ изъ писемъ къ М. А. Лопухиной, Лермонтовъ строить заманчивые планы свободной офицерской жизни: „Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь я намѣренъ вести! О, это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чу-

*) Къ числу тѣхъ немногихъ, съ кѣмъ Лермонтовъ дѣлился своими литературными планами, принадлежалъ и Меринскій. „Разъ, въ откровенномъ разговорѣ со мной, онъ мнѣ рассказалъ планъ романа, который задумалъ писать прозой и три главы котораго были тогда уже имъ написаны. Романъ этотъ былъ изъ временъ Екатерины II, основанный на истинномъ происшествіи, по рассказамъ его бабушки. Не помню хорошо всего сюжета, помню только, что какой-то нищій игралъ значительную роль въ этомъ романѣ; въ немъ также описывалась первая любовь, не вполне раздѣленная, и встрѣча одного изъ лицъ романа съ женщиной съ сильнымъ характеромъ, что разъ случилось и съ самимъ поэтомъ въ его ранней юности, какъ онъ мнѣ самъ о томъ рассказывалъ и о чемъ, кажется, намекаетъ въ одномъ мѣстѣ записокъ Печорина“... („Атеней“ 1858 г., № 48). Рѣчь идетъ о повѣсти „Вадимъ“, начатой Лермонтовымъ еще въ Московскомъ Университетѣ.

дачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ... Вотъ что мнѣ теперь необходимо, и вы видите, милый другъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я таки нѣсколько перемѣнился. Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя грезы мои разлетаются, я сказалъ себѣ, что не стоитъ создавать новыя; гораздо лучше, подумалъ я, приучить себя обходиться безъ нихъ. Попробовалъ — и походилъ въ это время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были бесполезны, и вскорѣ прошлое представилось мнѣ просто программю незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ походовъ... Предупреждаю васъ, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую и говорю иначе, и Богъ вѣсть, что изъ меня еще выйдетъ черезъ годъ. Моя жизнь до сихъ поръ была рядомъ разочарованій, — теперь они смѣшны мнѣ, я смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я только вкусилъ удовольствій жизни и, не насладившись ими, пресытился“... (IV, 319—20 и 397—98).

Въ разсказахъ Меринскаго („Атеней“ 1858 г., № 48), Бурнашева („Русск. Архивъ“ 1872 г., № IX), А. И. Васильчикова („Русск. Архивъ“ 1872 г., № 1) и др., Лермонтовъ рисуется веселымъ, жизнерадостнымъ повѣсой, любителемъ холостыхъ пирушекъ, кутежей и всевозможныхъ „гусарскихъ“ шалостей и дурачествъ. Самъ поэтъ характеризуетъ себя въ поэмѣ „Монго“.

Маешка былъ такихъ же правилъ:
Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.

Слова онъ вѣсилъ осторожно
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою, трезвый, вралъ безбожно,
И молчаливъ былъ на пирахъ.
Характеръ вовсе бесполезный
И для друзей и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ, — онъ былъ таковъ.

(II, 196—97).

„Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, — отзывается о Лермонтовѣ гр. Е. П. Ростопчина. Проказы, шалости, шутки всякаго рода — сдѣлались его любимымъ занятіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ, всего того, что составляетъ жизнь въ эти годы... Веселая холостая жизнь не препятствовала ему посѣщать и общество, гдѣ онъ забавлялся тѣмъ, что сводилъ съ ума женщинъ, съ цѣлью потомъ ихъ покидать и оставлять въ тщетномъ ожиданіи; другая его забава была разстраивать партіи, находящіяся въ зачаткѣ, и для того онъ разыгрывалъ изъ себя влюбленнаго въ продолженіе нѣсколькихъ дней; всѣмъ этимъ, какъ казалось, онъ старался доказать самому себѣ, что женщины могутъ его любить, несмотря на его малый ростъ и некрасивую наружность. Мнѣ случалось слышать признаніе нѣсколькихъ изъ его жертвъ, и я не могла удерживаться отъ смѣха, даже прямо въ лице, при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ, донжуанскимъ подвигамъ“... („Русск. Стар.“ 1882 г., т. XXXV, кн. IX, стр. 615—16).

То же слышимъ и отъ самого Лермонтова. „Я теперь, — пишетъ онъ М. А. Лопухиной, — бываю въ свѣтѣ, для того чтобы меня знали, для того чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ *хорошемъ обществѣ*... Ахъ!... я ухаживаю и, вслѣдъ за объясненіемъ въ любви, говорю дерзости. Это еще забавляетъ меня немного и хотя это не совсѣмъ ново, однако же, бываетъ не часто!... Вы думаете, что меня за то гонять прочь? О, нѣтъ! совсѣмъ напротивъ: женщины ужъ такъ сотворены. У меня смѣлость въ отношеніяхъ съ ними.

Ничто меня не смущает — ни гнѣвъ, ни нѣжность; я всегда настойчивъ и горячъ, но сердце мое холодно и способно забиться только въ исключительныхъ случаяхъ. Неправда-ли, я далеко пошелъ!... И не думайте, что это хвастовство: я теперь человѣкъ самый скромный и при томъ знаю, что этимъ ничего не выиграю въ вашихъ глазахъ“... (IV, 321 и 399).

Къ этому времени относится развязка давнишняго романа Лермонтова съ Е. А. Сушковой, о чемъ онъ съ удивительной откровенностью рассказываетъ въ письмѣ къ А. М. Верещагиной, какъ о самомъ „интересномъ и курьезномъ“ въ его тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ. „Если я,—читаемъ въ этомъ любопытнѣйшемъ документѣ,—началь за нею ухаживать, то это не было отблескомъ прошлаго. Вначалѣ это было просто развлеченіемъ, а затѣмъ, когда мы поладили, стало расчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталь: хорошее состояніе, имя, титуль, связи... Я увидаль, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другія незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Я понялъ, что m-elle S., желая изловить меня, легко себя скомпрометируетъ со мною. Вотъ я ее и скомпрометировалъ, насколько было возможно, не скомпрометировавъ самого себя. Я публично обращался съ нею, какъ если бы она была мнѣ близка, давалъ ей чувствовать, что только такимъ образомъ она можетъ покорить меня. Когда я замѣтилъ, что мнѣ это удалось, но что дальнѣйшій шагъ меня погубить, я прибѣгнулъ къ маневру. Прежде всего, на глазахъ свѣта я сталъ болѣе холоднымъ къ ней, а наединѣ болѣе нѣжнымъ, чтобы показать, что я ее болѣе не люблю, а что она меня обожаетъ (въ сущности, это неправда). Когда она стала замѣчать это и пыталась сбросить ярмо, я первый публично ее покинулъ. Я сталъ жестокъ и дерзокъ, сталъ ухаживать за другими и подъ секретомъ рассказывалъ имъ выгодную для меня сторону исторіи. Она такъ была поражена неожиданностью моего поведенія, что сначала не знала, что дѣлать и смирилась, что подало поводъ къ разговорамъ и придало мнѣ видъ человѣка, одержавшаго полную побѣду; затѣмъ она очнулась и стала вездѣ бранить меня, но я ее предупредилъ, и ненависть ея показалась и друзьямъ и недругамъ уязвленной любовью. Далѣе она попыталась вновь завлечь меня напускною печалью, рассказывала всѣмъ близкимъ моимъ знакомымъ, что любить меня; я не вернулся къ ней, а искусно

всѣмъ этимъ воспользовался... Не могу сказать вамъ, какъ все это пригодилось мнѣ; это было бы слишкомъ долго и касается людей, которыхъ вы не знаете. Но вотъ смѣшная сторона исторіи. Когда я увидалъ, что въ глазахъ свѣта надо порвать съ нею, а съ глазу на глазъ всетаки еще казаться ей вѣрнымъ, я живо нашелъ прелестное средство — написалъ анонимное письмо: „M-elle, я человѣкъ, знающій васъ, но вамъ неизвѣстный... и т. д.; я васъ предупреждаю, берегитесь этого молодого человѣка М. Л. Онъ васъ погубитъ и т. д. Вотъ доказательства (разный вздоръ) и т. д.“ Письмо на четырехъ страницахъ... Я искусно направилъ это письмо такъ, что оно попало въ руки тетки. Въ домѣ — громъ и молнія... На другой день ѣду туда рано утромъ, чтобы, во всякомъ случаѣ, не быть принятымъ. Вечеромъ на балу я выражаю свое удивленіе Екатеринѣ Александровнѣ. Она сообщаетъ мнѣ страшную и непонятную новость, и мы дѣлаемъ разныя предположенія, я все отношу насчетъ тайныхъ враговъ, которыхъ нѣтъ; наконецъ, она говоритъ мнѣ, что родные запрещаютъ ей разговаривать и танцовать со мною; я въ отчаяніи, но остерегаюсь нарушить запрещеніе дядюшекъ и тетушекъ. Такъ шло это трогательное приключеніе, которое, конечно, дастъ вамъ обо мнѣ весьма лестное мнѣніе! Впрочемъ, женщина всегда прощаетъ зло, которое мы дѣлаемъ другой женщинѣ (изреченіе Ларошфуко). Теперь я не пишу романовъ, я ихъ переживаю... Итакъ, вы видите, я хорошо отомстилъ за слезы, которыя меня заставило проливать 5 лѣтъ тому назадъ кокетство m-elle S. O, мы еще не расквитались. Она мучила сердце ребенка, а я только подвергъ пытку самолюбіе старой кокетки; которая, можетъ быть, еще болѣе... но во всякомъ случаѣ я въ выигрышѣ: она мнѣ сослужила службу. O, я вѣдь очень измѣнился. Я не знаю, какъ это происходитъ, но только каждый день даетъ новый оттѣнокъ моему характеру и взглядамъ, — это и должно было случиться, я это зналъ... но я не ожидалъ, что это будетъ такъ скоро“ ... (IV, 323—24 и 400—401).

Болѣе подробный разсказъ объ отношеніяхъ Лермонтова къ Е. А. Сушковой, подкупающей своею искренностью и непосредственностью, находимъ въ „Запискахъ“ самой героини, или точнѣе — жертвы этого романа. (Изд. 2, стр. 130—180). „Я не могу дать, — заканчиваетъ Сушкова свои записки, — и малѣйшаго понятія о тогдашнихъ моихъ страданіяхъ; въ одинъ мигъ я утратила все и утратила такъ

неожиданно, такъ незаслуженно!.. Какъ я переродилась; куда дѣ-
валась моя гордость, моя самоувѣренность, моя насмѣшливость! Я
готова была стать передъ нимъ на колѣни, лишь-бы онъ ласково
взглянулъ на меня!.. Отнимайте у меня настоящее и будущее, но
прошедшее — мое, оно одно мнѣ осталось и никому не удастся
отнять у меня *воспоминаніе*; оно моя собственность, — я дорого за-
платила за него. Мы холодно разстались... И вотъ я опять вступила
въ грустную, одинокую жизнь, болѣе грустную и холодную, чѣмъ
была она прежде; тогда я еще надѣялась, жаждала любви, а тутъ
ужъ и надежды не было, и любовь моя, схороненная въ глубинѣ
сердца, мучила и терзала меня. Все мнѣ надоѣло, всѣ окружающіе
меня сдѣлались мнѣ несомсны, противны, я рада была скорому отъѣзду
въ деревню“...

Во всей этой романической исторіи много неяснаго и недоговорен-
наго, но относительно поведенія Лермонтова, конечно, двухъ мнѣній
быть не можетъ. Впрочемъ, Лермонтовъ, повидимому, и самъ чувство-
валъ всю непорядочность своихъ поступковъ, такъ какъ въ томъ же
письмѣ къ Верещагиной читаемъ: „О, дорогая кузина, надо вамъ при-
знаться: причиной того, что не писалъ къ вамъ и M-elle Marie, былъ
страхъ, что вы по письмамъ моимъ замѣтите, что я почти не достоинъ
болѣе вашей дружбы, ибо отъ васъ обѣихъ я не могу скрывать истину;
отъ васъ, наперсницъ юношескихъ моихъ мечтаній, такихъ чудныхъ,
особенно въ воспоминаніи. И всетаки, если посмотрѣть на меня,
покажется, что я помолодѣлъ года на три, — такой у меня счастливый
и беззаботный видъ человѣка, довольнаго собою и всѣмъ міромъ;
этотъ контрастъ между душою и внѣшнимъ видомъ не кажется ли
вамъ страннымъ?“... (IV, 324 и 401).

Въ концѣ 1835 года до Лермонтова дошли слухи, что Варвара
Александровна Лопухина выходитъ замужъ за Н. Ѳ. Бахметева. „Не
знаю, — пишетъ онъ А. М. Верещагиной, — долженъ ли я вѣрить
г-жѣ Углицкой, но, во всякомъ случаѣ, я желаю M-elle Barbe жить
въ супружескомъ согласіи до празднованія ея *серебряной сватьбы* и
даже долѣе, если до тѣхъ поръ она не пресытится“. (IV, 325
и 402).

Какое впечатлѣніе произвело на Лермонтова это извѣстіе, можно
видѣть изъ разсказа Шань-Гирея. „Мы играли въ шахматы, человѣкъ
подаль письмо; Мишель началъ его читать, но вдругъ измѣнился въ

лицѣ и поблѣднѣль; я испугался и хотѣль спросить, что такое, но онъ, подавая мнѣ письмо, сказалъ: „вотъ новость — прочти“, и вышелъ изъ комнаты. Это было извѣстіе о предстоящемъ замужествѣ В. А. Лопухиной... Я имѣль случай убѣдиться, что первая страсть Мишеля не исчезла“... („Русск. Обозр.“ 1890 г., кн. VIII, 738—39).

Литературное наслѣдіе Лермонтова за эти годы Петербургской „свѣтской“ жизни (1834—36) довольно значительно: поэмы „Хаджи-Абрекъ“, „Бояринъ Орша“, „Сашка“ и „Казначейша“; романъ „Княгиня Лиговская“; драмы „Два брата“ и „Маскарадъ“; нѣсколько лирическихъ стихотвореній.

„Хаджи-Абрекъ“ — первое произведеніе Лермонтова, появившееся въ печати, хотя и безъ вѣдома самого поэта. По словамъ Меринскаго, осенью 1834 года, юнкеръ Н. Д. Юрьевъ, родственникъ и товарищъ Михаила Юрьевича по Школѣ, потихоньку отнесъ эту повѣсть къ Смирдину, въ „Библиотеку для чтенія“, гдѣ она и была напечатана въ слѣдующемъ году. („Атеней“ 1858 г., № 48). Лермонтовъ, — добавляетъ Шанъ-Гирей, — былъ взбѣшенъ; по счастью, поэму никто не разобралъ, напротивъ, она имѣла нѣкоторый успѣхъ... („Русск. Обозр.“ 1890 г., кн. VIII, стр. 737—38).

Поэма эта — побѣдный гимнъ кровавой мести. Герой, Хаджи безстрашный, потерявъ единственнаго брата, погибшаго отъ пули Бей-Булата, „все похоронилъ, чему вѣрилъ, что любилъ“; адъ и рай души его — „единный мщенья часъ“, за который онъ не взялъ бы и вселенной.

Любопытно, что эта кровавая поэма очень понравилась бабушкѣ поэта, Е. А. Арсеньевой. „Стихи твои, мой другъ, — пишетъ она внуку 18 октября 1835 г., — читала: безподобны, а всего лучше меня утѣшило, что тутъ нѣтъ модной неистойвой любви. И невѣстка сказывала, что Аванасію (братъ Елизаветы Алексѣевны) очень понравились стихи твои... Стихи твои я больше десяти разъ читала“... (Висковатовъ. М. Ю. Лермонтовъ. Приложен., 6).

Поэма „Бояринъ Орша“ навѣяна Байрономъ, въ частности „Абидосскою Невѣстою“, „Паризиною“, „Гяуромъ“.

Арсеній, „найденъшъ безъ креста“, „презрѣнный рабъ и сирота“, жилъ меньше, чѣмъ страдалъ, но сохранилъ свой гордый видъ и

гордый духъ, непреклонный предъ судьбой. Задумчивый, одинокій, томимый тоской невольности, онъ живетъ мечтами о свободѣ, любви и счастья. Потерявъ любимую дѣвушку, онъ навсегда оставляетъ край родной:

Иду отсюда навсегда,
Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
Одинъ съ тоской во тьмѣ ночной, —
И вьюга слѣдъ завѣтъ мой!... (II, 138).

Историческаго и народно-бытового элемента въ поэмѣ очень мало; бояринъ Орша скорѣе напоминаетъ феодальнаго барона, а сцена монастырскаго суда — инквизиціонный трибуналъ въ Испаніи. Но по художественнымъ достоинствамъ Бѣлинскій причисляетъ „Боярина Оршу“ къ „драгоцѣннѣйшимъ перламъ созданий“ Лермонтова *).

Въ основѣ поэмы „Казначейша“ лежитъ „печальная быль или сказка“, слышанная Лермонтовымъ въ Тамбовѣ, гдѣ онъ останавливался, проѣздомъ изъ Петербурга въ Тарханы, зимою 1836 года. Въ легкой юмористической формѣ Лермонтовъ рисуетъ передъ нами цѣлую драму изъ будничной жизни провинціальнаго захолустья. Намѣренно избѣгая „страстей“ и „крови“, поэтъ,

какъ робкій ученикъ,
Остановился въ лучшей мигъ;
Простымъ нервическимъ припадкомъ
Неловко сцену заключилъ,
Соперниковъ не помирилъ
И не поссорилъ ихъ порядкомъ.

Въ биографическомъ отношеніи очень интересно то мѣсто въ поэмѣ, гдѣ Лермонтовъ, жалуясь на усталость, сковавшую душу, и сожалѣя о „возрастѣ миломъ“, сравниваетъ себя съ молодымъ орломъ въ клѣткѣ и при этомъ высказываетъ гордую надежду, что

Не все-жъ томиться бесполезно
Орлу за клѣтку желѣзную:

*) Лучшія мѣста изъ „Боярина Орши“ перенесены Лермонтовымъ въ „Мири“, а первоначальный набросокъ этой поэмы можно видѣть въ „Исповѣди“, гдѣ дѣйствіе происходитъ на берегахъ Гвалдаквивира. (Подробн. см. „Русск. Старина“ 1887 г., т. LVI, кн. X, стр. 107—26).

Онъ свой воздушный прежній путь
Еще найдетъ когда-нибудь
Туда, гдѣ снѣгомъ и туманомъ
Одѣты темныя скалы,
Гдѣ гнѣзда вьютъ одни орлы,
Гдѣ тучи бродятъ караваномъ.
Тамъ можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь.

(II, 246—247) *).

Поэма „Сашка“ („нравственная“ поэма, какъ назвалъ ее самъ поэтъ) могла быть навѣяна „Сашкою“ А. И. Полежаева и „Донъ-Жуаномъ“ Байрова. Повидимому, Лермонтовъ замышлялъ какой-то большой романъ въ стихахъ — „глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье“ (II, 144), но до насъ дошло лишь нѣсколько набросковъ, и притомъ въ не очень исправныхъ копіяхъ. Несмотря на незаконченность, отсутствіе опредѣленной фабулы и полный лирической беспорядокъ, „Сашка“ даетъ очень много цѣннаго художественно-биографическаго матеріала, отражая „мечты, дѣла и приключенья“ самого поэта.

„Княгиня Лиговская“ — первый набросокъ „Героя нашего времени“. Повѣсть носитъ, несомнѣнно, автобиографическій характеръ. На лицѣ героя, блестящаго гвардейскаго офицера, — „глубокіе слѣды прошедшаго и чудныя обѣщанія будущности“, „въ его улыбкѣ, въ его странно блестящихъ глазахъ есть что-то“. „Хотя часто онъ выказывалъ лѣнь и беззаботное равнодушіе, которое теперь въ модѣ и въ духѣ вѣка..., но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человѣка; видно было, что онъ слѣдовалъ не всеобщей модѣ, а сжималъ свои чувства и мысли изъ недовѣрчивости или изъ гордости... Въ свѣтѣ утверждали, что языкъ его золъ и опасенъ, ибо свѣтъ не терпитъ въ кругу своемъ ничего сильнаго, потрясающаго, ничего, чтò бы могло обличить характеръ и волю:

*) Повѣсть Шидловскаго „Пригожая Казначейша“, помѣщенная въ „Библиотекѣ для Чтенія“ за 1835 г. (т. IX, стр. 127—147), „непосредственнаго отношенія“ къ поэмѣ Лермонтова (ср. П. В. Владиміровъ. Историч. и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова. Кіевъ 1892 г., стр. 9) не имѣетъ.

свѣту нужны французскіе водевили и русская покорность чуждому мнѣнію“ (IV, 99).

Въ обществѣ Печорина не всегда замѣчали, но онъ и „не оскорблялся равнодушіемъ свѣта къ нему, потому что оцѣнилъ свѣтъ въ настоящую его цѣну. Онъ зналъ, что заставить говорить объ себѣ легко, но зналъ также, что свѣтъ два раза сряду не занимается однимъ и тѣмъ же лицомъ: ему нужны новые кумиры, новыя моды, новые романы. Ветераны свѣтской славы, какъ и всѣ другіе ветераны, самыя жалкія созданія“... (IV, 104).

Обманутый женщиной, которая была постоянною его мечтою въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ которою онъ былъ связанъ прошедшимъ, для которой былъ готовъ отдать свою будущность, — Печоринъ рѣшилъ выместить свою „тайную досаду“ на другой. „Въ нашемъ бѣдномъ обществѣ фраза: онъ погубилъ столько-то репутаций — значитъ почти: онъ выигралъ столько-то сраженій“ (IV, 114).

Исторія Печорина съ княгиней Вѣрой и Лизаветой Николаевной Негуровой близко напоминаетъ личныя отношенія самого Лермонтова къ Варенькѣ Лопухиной и m-elle Сушковой. Что же касается другіхъ, выведенныхъ въ повѣсти лицъ, то въ князѣ Степанѣ Степановичѣ („старый, непріятный и обыкновенный человѣкъ“) можно видѣть мужа Вареньки, Н. Ѳ. Бахметева, а въ чиновникѣ Красинскомъ — С. А. Раевского, который былъ посвященъ въ литературные замыслы поэта (ср. IV, 332—33).

Драму „Маскарадъ“ Лермонтовъ нѣсколько разъ передѣлывалъ, настойчиво добиваясь постановки своей пьесы на сценѣ „Императорскаго Санктпетербургскаго театра“.

Первая редакція, въ трехъ дѣйствіяхъ, была представлена въ драматическую цензуру при III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ 1835 году.

Изложивъ содержаніе пьесы, оканчивавшейся тѣмъ, что Арбенинъ отравляетъ свою жену, — цензоръ Евстафій Ольдекопъ пишетъ въ своемъ докладѣ генералу Дуббельту: „Не знаю, можетъ ли пройти пьеса даже съ измѣненіями, въ особенности сцена, когда Арбенинъ кидаетъ карты въ лицо князю, должна быть совершенно измѣнена. Возможно, что вся пьеса основывается на событіи, происшедшемъ въ нашей столицѣ, но я не могу понять, какъ могъ авторъ бросить такой вызовъ костюмированнымъ въ домѣ Энгельгардовъ:

Я объявить вамъ, князь, должна,
Что эта клевета ни мало не смѣшна.
Какъ женщинѣ порядочной рѣшиться
Отправиться туда, гдѣ всякій сбродъ,
Гдѣ всякій вѣтренникъ обидитъ, осмѣетъ...
Рискнуть быть узнанной!... Вамъ надобно стыдиться,
Отречься отъ подобныхъ словъ“...

На этомъ докладѣ цензора сдѣлана помѣтка: „Возвращена для нужныхъ перемѣнъ. 8 ноября 1835 года“.

Получивъ драму обратно, Лермонтовъ прибавилъ еще одно дѣйствіе и въ концѣ того же года или въ началѣ слѣдующаго снова представилъ „Маскарадъ“ въ театральную цензуру. Цензоръ Ольдекопъ, повторивъ въ рапортѣ свой первый отзывъ, продолжаетъ: „Таковъ былъ первый рапортъ мой объ этой пьесѣ. Ваше Превосходительство сообщило мнѣ желаніе графа (т. е. Бенкендорфа) объ измѣненіи пьесы авторомъ такимъ образомъ, чтобы она кончалась примиреніемъ между господиномъ и госпожей Арбениными. Авторъ не подумалъ во время воспользоваться этимъ примѣчаніемъ. Въ новомъ изданіи мы находимъ тѣ же неприличныя нападки на костюмированные балы въ домѣ Энгельгардовъ, тѣ же дерзости противъ дамъ высшаго общества. Авторъ очень хотѣлъ прибавить другой конецъ, но не тотъ, какой былъ ему назначенъ. Арбенинъ отравляетъ свою жену. Какой-то незнакомецъ присутствуетъ при этой сценѣ. Мадамъ Арбенина умираетъ. Ея смертью кончалась пьеса въ первомъ изданіи. Теперь авторъ прибавилъ еще одинъ актъ. Неизвѣстный и князь находятся у Арбенина. Неизвѣстный говоритъ Арбенину, что 7 лѣтъ тому назадъ онъ обыгралъ его въ карты и что съ тѣхъ поръ онъ поклялся отомстить. Князь обвиняетъ Арбенина въ отравленіи жены и объявляетъ, что она была невинна. Князь вызываетъ Арбенина на дуэль, но послѣдній, пораженный новостью, что жена его невинна, сходитъ съ ума. Драматическіе ужасы прекратились во Франціи, нужно-ли ихъ вводить у насъ, нужно-ли вводить ихъ отраву въ семьяхъ. Дамскія моды, употребляемая въ Парижѣ, переняты у насъ: это невинно, но перенимать драматическія уродства, отъ которыхъ отвернулся даже Парижъ, это болѣе чѣмъ ужасно, это не имѣетъ имени“... („Ежегодникъ

Императорскихъ театровъ“. 1911 г. Вып. V, стр. 55—58). Пьеса была опять возвращена автору, но эта новая неудача не подѣйствовала на Лермонтова, и осенью того же 1836-го года онъ въ третій разъ представилъ „Маскарадъ“ въ цензуру, подъ заглавіемъ „Арбенинъ“ и уже въ пяти дѣйствіяхъ. „Эта пьеса, — писалъ цензоръ, — подъ названіемъ Маскарадъ, дважды была представлена на разсмотрѣніе цензуры и возвращена, какъ неумѣстная и слишкомъ похожая на новѣйшія уродливыя сочиненія французской школы. Нынѣ пьеса представлена совершенно передѣланная, только первое дѣйствіе осталось въ прежнемъ видѣ. Нѣтъ болѣе никакого отравленія, всѣ гнусности удалены“...

Однако, несмотря на сравнительно благосклонный и мягкій отзывъ Ольдекопа, пьеса всетаки не была одобрена къ представленію и на этотъ разъ.

Въ художественно-литературномъ отношеніи вторая редакція значительно уступаетъ первой, но что касается главнаго героя драмы — Арбенина, то онъ въ обѣихъ редакціяхъ обрисованъ одинаковыми чертами.

Въ типѣ Арбенина Лермонтовъ желалъ воплотить свои собственныя думы, тревоги и муки, но ему не удалось избѣжать большихъ преувеличеній, и вмѣсто живого человѣка получился какой-то полуфантастическій герой-злодѣй. Сгущены краски и въ обрисовкѣ другихъ типовъ *).

Отголоскомъ настроенія поэта можетъ служить и драма „Два брата“, тоже не лишенная автобіографическаго значенія. „Да, мнѣ 30 лѣтъ, — задумывается Александръ Радинъ, — что я сдѣлалъ? зачѣмъ жилъ?... Говорятъ, что я эгоистъ, — итакъ, я жилъ для себя?..“

*) Когда „Маскарадъ“ появился въ печати (1842 г.), критика отнеслась къ нему очень неодобрительно, называя пьесу „однимъ изъ первыхъ опытовъ еще совершенно неопытной юности“, „само-слабѣйшимъ опытомъ“, „нелѣпой, съ дѣтской небрежностью набросанной хаотической драмой“. Новѣйшая критика находитъ, что „по выполненію „Маскарадъ“ стоитъ безспорно выше всѣхъ предшествующихъ опытовъ въ этомъ родѣ: нѣтъ ни растянутости въ ходѣ дѣйствія, ни того обилія риторики, которая вредила юношескимъ драмамъ Лермонтова. Всѣ лица, и главные, и второстепенныя, изображены приблизительно съ одинаковой рельефностью, и тѣмъ спасена цѣльность впечатлѣнія, какое эта драма на насъ производитъ. Кромѣ того, сама форма стиха — не безъ подражанія Грибоѣдову, особенно въ краткихъ репликахъ и сентенціяхъ — придаетъ діалогу большую живость и извѣщаетъ дѣйствующихъ лицъ отъ излишнихъ разговоровъ“. (Котляревскій).

Нѣтъ, я во всемъ себѣ отказывалъ, вѣчно былъ молчаливой жертвой чужихъ прихотей, вѣчно боролся съ своими страстями, не искалъ никакихъ наслаждений, былъ самъ себѣ въ тягость, даже зла никомуумышленно не сдѣлалъ... Итакъ, я жилъ для другихъ?—Также нѣтъ: я никому не дѣлалъ добра, боясь встрѣтить неблагодарность, презиралъ глупцовъ, боялся умныхъ, былъ далекъ отъ всѣхъ, не заботился ни о комъ; одинъ, всегда одинъ, отверженный, какъ Каинъ, Богъ знаетъ, за чье преступленіе“... (III, 344).

„Моя безвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ судьбой и свѣтомъ; лучшія чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубину сердца, они тамъ и умерли; я сталъ честолюбивъ, служилъ долго, — меня обходили; я пустился въ большой свѣтъ, сдѣлался искусенъ въ наукѣ жизни, — а видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы... Въ груди моей возникло отчаянье, не то, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но то отчаянье, которому нѣтъ лѣкарства ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни; наконецъ, я сдѣлалъ послѣднее усиліе: я рѣшился узнать хоть разъ, что значить быть любимымъ“... (III, 334). Но и здѣсь его ждало полное разочарованіе. Противъ воли предавшись чудному, сладкому чувству, онъ вскорѣ остался опять одинъ: „съ ядовитымъ сомнѣніемъ въ груди, съ сомнѣніемъ вѣчнымъ, которому нѣтъ границы“. „Что мнѣ теперь отецъ, цѣлый міръ? — Я потерялъ все, послѣднее родство погибло, послѣднее чувство умерло... На что мнѣ жизнь?“... (III, 354).

Лирическія стихотворенія попрежнему носятъ мрачный, безотрадный характеръ. Успѣвъ „вычерпать до дна сосудъ надеждъ“, поэтъ съ завистью смотритъ на тѣхъ, кто еще „вѣритъ счастьемъ и любви“, „вѣритъ небу и пророкамъ“ (II, 190—91).

Дѣтскій глупый сонъ

Прошелъ давно, какъ тучка надъ степями;
Но пылкій духъ мой не былъ освѣженъ,
Въ немъ родилися бури, какъ въ пустынѣ,
Но скоро улеглись онѣ, и нынѣ
Осталось сердцу, вмѣсто слезъ и бурь тѣхъ,
Одинъ лишь отзывъ — звучный, горькій смѣхъ...
Тамъ, гдѣ весной бѣлѣлъ потокъ игривый,
Лежатъ кремни и блещутъ, но не живы! (II, 163).

генію“, „Пиръ“, „Арфа“. Встрѣчаются также упоминанія и ссылки на Сократа (II, 188. III, 107. IV, 3), Плутарха (IV, 357), Демосоена (II, 160), Ю. Цезаря (IV, 259), Цицерона (IV, 211), а въ „Джюліо“ (I, 195) приводится цѣлое осьмистишіе „римскаго поэта — мудреца“, подъ которымъ разумѣется, повидимому, Виргилій.

Чтобы покончить съ мотивами юношескаго творчества Лермонтова, слѣдуетъ отмѣтить еще тѣ произведенія, которыя навѣяны разными событіями современной общественной и политической жизни: волненіями по поводу холеры 1830 г. („Чума въ Саратовѣ“, „Чума“, „Могила бойца“), аракеевщиной и бунтами военныхъ поселеній („Сыны сиѣговъ, сыны славянъ“), ужасами крѣпостнаго права („Странный человѣкъ“: III, 171—74), іюльской революціей во Франціи („10-е іюля 1830 г.“, „Парижъ 30 іюля 1830 г.“ („О, полно извинять развратъ“) и др.

Въ общественныхъ и политическихъ взглядахъ Лермонтова отразилось то свободолобивое настроеніе, какимъ была охвачена прогрессивная часть тогдашней молодежи, помнившая еще завѣты Пестеля и Рылѣва.

Любовь къ свободѣ золотой
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный. (I. 45).

Называя свою отчизну Турціей, дикимъ краемъ, страной рабства и цѣпей (I, 65—66), поэтъ горячо привѣтствуетъ проявленіе борьбы съ тираніей (I, 161) и „мечтаетъ“ о наступленіи „чернаго года“ для Россіи,

Когда царей корона упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и кровь. (I, 144).

Сочувственный откликъ находитъ въ немъ и французская революція — возстаніе „за независимость страны“ и паденіе „самодержавія сыновъ“. (I, 150—51). Негодуетъ Лермонтовъ и на крѣпостное рабство, съ ужасами котораго онъ могъ близко познакомиться, когда живаль у родныхъ въ деревнѣ.

„Люди! люди!... О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство!... Все куплено кровавыми слезами... Несчастные мужики!

больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и ложными шагами на жизненномъ пути; мнѣ или не представляется случая, или недостаетъ рѣшимости. Мнѣ говорятъ, что случай когда-нибудь выйдетъ, а рѣшимость пріобрѣтется временемъ и опытностью!... А кто порукою, что, когда все это будетъ, я сберегу въ себѣ хоть частицу пламенной, молодой души, которою Богъ одарилъ меня весьма не кстати, что моя воля не истощится отъ выжиданія, что, наконецъ, я не разочаруюсь окончательно во всемъ томъ, что въ жизни служить двигающимъ стимуломъ?... (IV, 320—21 и 398). Въ томъ же письмѣ къ М. А. Лопухиной Лермонтовъ проситъ „ласковыми словами разогнать холодную иронию, которая неудержимо прокрадывается въ душу, какъ вода просачивается въ разбитое судно“...

Много разныхъ огорченій и непріятностей доставляло Лермонтову его настойчивое желаніе проникнуть въ „большой свѣтъ“, гдѣ вращались многіе изъ его товарищей по службѣ, а также и почти всѣ видные литераторы того времени — Пушкинъ, Жуковский, Гоголь, Соллогубъ, Одоевскій и др. Но по происхожденію Лермонтовъ не принадлежалъ къ высшему аристократическому кругу, и тамъ его долго не хотѣли признать своимъ. Поэтъ раздражался, таилъ злобную месть и какъ-бы совсѣмъ забывалъ то, что писалъ въ своихъ юношескихъ стихотвореніяхъ:

... передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои:
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви. (I, 107).

Но свѣтъ чего не уничтожить,
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ,
Чье самолюбье не умножить,
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей? (I, 105).

VI.

Ближайшим поводомъ бросить вызовъ „надменному глупому свѣту“ послужила для Лермонтова неожиданная смерть Пушкина, павшаго жертвою „клеветниковъ безбожныхъ“, „свободы, генія и славы палачей“.

„Я былъ еще боленъ, — рассказываетъ самъ Лермонтовъ, — когда разнеслась по городу *вѣсть* о несчастномъ поединкѣ Пушкина. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ привезли ее и ко мнѣ, обезображенную разными прибавленіями. Одни — приверженцы нашего лучшаго поэта — рассказывали съ живѣйшей печалью, какими мелкими мученіями, насмѣшками онъ долго былъ преслѣдуемъ и наконецъ принужденъ сдѣлать шагъ, противный законамъ *земнымъ* и *небеснымъ*, защищая честь своей жены въ глазахъ строгаго свѣта. Другіе, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднѣйшимъ человѣкомъ, говорили, что Пушкинъ не имѣлъ права требовать любви отъ жены своей, потому что былъ ревнивъ, дурень собою, — они говорили также, что Пушкинъ негодный человѣкъ и прочее... Не имѣя, можетъ быть, возможности защищать нравственную сторону его характера, — никто не отвѣчалъ на эти послѣднія обвиненія. Невольное, но сильное негодованіе вспыхнуло во мнѣ противъ этихъ людей, которые нападали на человѣка, уже сраженнаго рукою Божіей, не сдѣлавшаго *имъ* никакого зла и нѣкогда ими восхваляемаго, — и врожденное чувство въ душѣ неопытной — защищать всякаго невинно-осужденнаго — зашевелилось во мнѣ еще сильнѣе, по причинѣ болѣзнью раздраженныхъ нервъ. Когда я сталъ спрашивать, на какихъ основаніяхъ такъ громко они возстаютъ противъ убитаго, — мнѣ отвѣчали, вѣроятно чтобъ придать себѣ болѣе вѣсу, что весь высшій кругъ общества такого же мнѣнія. — Я удивился, — надо мною смѣялись. Наконецъ, послѣ двухъ дней безпокойнаго ожиданія, пришло печальное извѣстіе, что Пушкинъ умеръ — и вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ пришло другое, утѣшительное для сердца русскаго: Государь Императоръ, несмотря на его прежнія заблужденія, подаль великодушно руку помощи несчастной женѣ и малымъ сиротамъ его. Чудная противоположность *его* поступка съ мнѣніемъ (какъ меня увѣряли) высшаго круга общества, увеличила въ моемъ вообра-

женіи, очернила еще болѣе несправедливость послѣдняго. Я былъ твердо увѣренъ, что сановники государственные раздѣляли благородныя и милостивыя чувства Императора, Богомъ даннаго защитника всѣмъ угнетеннымъ; но, тѣмъ не менѣе, я слышалъ, что нѣкоторые люди, единственно по родственнымъ связямъ или вслѣдствіе искательства, принадлежащіе къ высшему кругу и пользующіеся заслугами своихъ достойныхъ родственниковъ, — нѣкоторые не переставали омрачать память убитаго и разсѣвать разные не выгодныя для него слухи. Тогда, вслѣдствіе необдуманнаго порыва, я излилъ горечь сердечную на бумагу, преувеличенными, неправильными словами выразилъ нестройное столкновение мыслей, не полагая, что написалъ нѣчто предосудительное, что многіе ошибочно могутъ принять на свой счетъ выраженія, вовсе не для нихъ назначенныя. Этотъ опытъ былъ первый и послѣдній въ этомъ родѣ, вредномъ (какъ я прежде мыслилъ и нынѣ мыслю) для другихъ еще болѣе, чѣмъ для себя. Но если мнѣ нѣтъ оправданія, то молодость и пылкость послужать хотя объясненіемъ, ибо въ эту минуту страсть была сильнѣе холоднаго разсудка“... (Дѣло о не позволенныхъ стихахъ—въ Лермонт. Музеѣ: отд. IV, № 11, лл. 15—16. Ср. „Вѣстн. Европы“ 1887 г., кн. I, стр. 340—41).

Стихотвореніе было написано въ два приема (сначала 1—56 стихи, а потомъ конецъ, начиная съ „А вы, надменные потомки“) и ходило по рукамъ въ разныхъ редакціяхъ.

О происхожденіи послѣднихъ 16-ти стиховъ С. А. Раевскій передаетъ слѣдующее. „Къ Лермонтову (кажется, въ воскресенье) пріѣхалъ братъ его, камеръ-юнкеръ Столыпинъ. Онъ отзывался о Пушкинѣ невыгодно, говорилъ, что онъ себя неприлично велъ среди людей большого свѣта, что Дантесъ обязанъ былъ поступить такъ, какъ поступилъ. Лермонтовъ, будучи, такъ сказать, обязанъ Пушкину извѣстностью, невольно сдѣлался его партизаномъ, и по враждебной пылкости повелъ разговоръ горячо. Онъ и половина гостей доказывали, между прочимъ, что даже иностранцы должны щадить людей замѣчательныхъ въ государствѣ, что Пушкина, несмотря на его дерзости, щадили два Государя и даже осыпали милостями, и что затѣмъ о его строптивости мы не должны уже судить. Разговоръ шелъ жарче; молодой камеръ-юнкеръ Столыпинъ сообщалъ мнѣнія, рождавшія новые споры, и въ особенности на-

ставивалъ, что иностранцамъ дѣла нѣтъ до поэзіи Пушкина, что дипломаты свободны отъ вліянія законовъ, что Дантесъ и Гекернъ, будучи знатные иностранцы, не подлежатъ ни законамъ, ни суду русскому. Разговоръ принялъ было юридическое направленіе, но Лермонтовъ прервалъ его словами, которыя послѣ почти вполнѣ помѣстилъ въ стихахъ: „Если надъ ними нѣтъ закона и суда земнова, если они палачи генія, такъ есть Божій судъ“. Разговоръ прекратился, а вечеромъ, возвратясь изъ гостей, я нашелъ у Лермонтова и извѣстное прибавленіе, въ которомъ явно выражался весь споръ. Нѣсколько времени это прибавленіе лежало безъ движенія; потомъ, по неосторожности объявлено о его существованіи и дано для переписыванія; чѣмъ болѣе говорили Лермонтову и мнѣ про него, что у него большой талантъ, тѣмъ охотнѣе давалъ я переписывать экземпляры“. (Дѣло о непозволительныхъ стихахъ — въ Лермонт. Муз.: отд. IV, № 11, лл. 2—7. Ср. „Вѣстн. Евр.“ 1887 г., кн. I, стр. 338—39. Разказъ Н. Д. Юрьева о томъ же — въ ст. В. Бурнашева. М. Ю. Лермонтовъ въ разказахъ его гвардейскихъ однокашниковъ — „Русск. Арх.“ 1872 г., № 9, стлб. 1829—1830).

Стихотвореніе на смерть Пушкина („Смерть поэта“) имѣло большой успѣхъ, и съ тѣхъ поръ, — замѣчаетъ Шанъ-Гирей, — всѣмъ, кому дорого русское слово, стало извѣстно имя Лермонтова. („Русск. Обозрѣн.“ 1890 г., кн. VIII, стр. 739). С. А. Раевскій, пострадавшій за распространеніе этого стихотворенія, въ своемъ показаніи пишетъ: „Стихи эти появились прежде многихъ и были лучше всѣхъ, что я узналъ изъ отзыва журналиста Краевского, который сообщилъ ихъ В. А. Жуковскому, князьямъ Вяземскому, Одоевскому и проч. Знакомые Лермонтова безпрестанно говорили ему привѣтствія, и пронеслась даже молва, что В. А. Жуковскій читалъ ихъ его императорскому высочеству Государю Наслѣднику, и что Онъ изъявилъ высокое Свое одобреніе“. (Дѣло о непозволительныхъ стихахъ — въ Лермонт. Муз.: отд. IV, № 11, лл. 2—7 и 9—14. Ср. „Вѣстн. Евр.“ 1887 г., кн. I, стр. 338).

Изъ „Записокъ“ А. О. Смирновой (ч. II, стр. 42) узнаемъ, что и Государь съ большой похвалою отзывался о стихотвореніи: „Стихи прекрасны и правдивы; за нихъ однихъ можно простить ему всѣ его безумства“.

В. В. Стасовъ, учившійся въ то время въ Училищѣ Правовѣдѣ-

нія, вспоминають, что когда стихотвореніе Лермонтова проникло къ нимъ въ Училище („тайкомъ, въ рукописи“), оно „глубоко взволновало насъ, и мы читали и декламировали его съ безпредѣльнымъ жаромъ, въ антрактахъ между классами. Хотя мы хорошенько и не знали, да и узнать-то не отъ кого было, про кого это рѣчь шла въ строфѣ: „А вы, толпою жадною стоящіе у трона“ и т. д., но все-таки мы волновались, приходили на кого-то въ глубокое негодованіе, пылали отъ всей души, наполненной геройскимъ воодушевленіемъ, готовые, пожалуй, на что угодно, — такъ насъ подымала сила Лермонтовскихъ стиховъ, такъ заразителенъ былъ жаръ, пламенѣвшій въ этихъ стихахъ. Наврядъ-ли когда-нибудь еще въ Россіи стихи производили такое громадное и повсемѣстное впечатлѣніе“... („Русск. Старина“ 1881 г., кн. II, стр. 410—11)*).

Но тѣ, кто узнавалъ себя въ „клеветникахъ безбожныхъ“, „наперсникахъ разврата“, „свободы, генія и славы палачахъ“, — тѣ приняли стихотвореніе Лермонтова за „воззваніе къ революціи“ и добились того, что въ концѣ февраля, по запискѣ генераль-адъютанта, графа Бенкендорфа, началось дѣло о „непозволительныхъ стихахъ, написанныхъ корнетомъ Лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Лермонтовымъ, и распространеніи оныхъ губернскимъ секретаремъ Раевскимъ“ (**).

На судѣ Лермонтовъ показалъ, что стихи принадлежатъ, дѣйствительно, ему, но вина въ распространеніи ихъ всецѣло падаетъ на С. А. Раевского. „Когда я написалъ стихи мои на смерть Пушкина (что, къ несчастію, я сдѣлалъ слишкомъ скоро), то одинъ мой хорошій пріятель Раевскій, слышавшій, какъ и я, многія неправильныя обвиненія и, по необдуманности, не видя въ стихахъ моихъ противнаго законамъ, просилъ у меня ихъ списать; вѣроятно, онъ показалъ ихъ какъ новость другому, — и такимъ образомъ они разошлись. Я еще не выѣзжалъ, и потому не могъ вскорѣ узнать впечатлѣнія, произведеннаго ими, не могъ во-время ихъ возвратить

*) Ср. также „Воспоминанія Царскосельскаго лицеиста 1832—38 гг. А. Н. Яхонтова—въ „Русск. Старинѣ“ 1888 г., кн. X, стр. 119).

**) По слухамъ, Елизавета Михайловна Хитрово, — „la lèpre de la société“, какъ называли ее въ „свѣтѣ“, — послала Государю полный экземпляръ стихотворенія съ надписью „Воззваніе къ революціи“. (Ср. „Русск. Архивъ“ 1872 г., № 9, стлб. 1832—33).

назадъ и сжечь. Самъ я ихъ никому больше не давалъ, но отречься отъ нихъ, хотя постигъ свою необдуманность, я не могъ: *правда* всегда была моею святыней — и теперь, принося на судъ свою повинную голову, я съ твердостью прибѣгаю къ *ней*, къ единственной защитницѣ благороднаго человѣка передъ лицомъ Царя и лицомъ Божиимъ“ *).

Что касается Раевского, то онъ не отрицалъ, что, изъ любви къ Лермонтову и желанія славы таланту, охотно давалъ переписывать экземпляры стихотворенія, но „политическихъ мыслей и, тѣмъ болѣе, противныхъ порядку, установленному вѣковыми законами“, у него не было и быть не могло. „Обязанный дружбою и одолженіями Лермонтову и видя, что радость его очень велика отъ соображенія, что онъ въ 22 года отъ роду сдѣлался всѣмъ извѣстнымъ, я съ удовольствіемъ слушалъ всѣ привѣтствія, которыми осыпали его за экземпляры... Лермонтову, по его состоянію, образованію и общей любви, ничего не остается желать — развѣ кромѣ славы. Я трудами и небольшимъ имѣніемъ могу также жить не хуже моихъ родителей. Сверхъ того, оба мы— русскіе душою и, еще болѣе, вѣрноподданные **)... Разъ пришло было намъ на мысль, что стихи темны, что за нихъ можно пострадать, ибо ихъ можно перетолковывать по желанію; но сообразивъ, что фамилія Лермонтова подъ ними подписывалась вполне, что высшая цензура давно бы остановила ихъ, еслибъ считала это нужнымъ, и что Государь Императоръ осыпалъ семейство

*) Лермонтовъ прямо считалъ себя виновникомъ постигшихъ Раевского несчастій. „Ты не можешь вообразить моего отчаянія, — читаемъ въ одномъ изъ его писемъ, — когда я узналъ, что я виной твоего несчастія, что ты, желая мнѣ же добра, за эту записку пострадаешь... Я сначала не говорилъ про тебя, но потомъ меня допрашивали отъ Государя: сказали, что тебѣ ничего не будетъ, и что если я запущу, то меня въ солдаты... Я вспомнилъ бабушку... и не смогъ. Я тебя принесъ ей въ жертву... Что во мнѣ происходило въ эту минуту, не могу сказать, — но я увѣренъ, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь еще достойнымъ своей дружбы... Кто-бъ могъ ожидать!...“ (IV, 327). Въ этомъ письмѣ Лермонтовъ имѣетъ въ виду записку Раевского, при которой тотъ посылалъ Лермонтову черновую копію своего показанія на допросѣ, предупреждая, „чтобы онъ отвѣчалъ согласно съ нею, и тогда дѣло кончится ничѣмъ. А если онъ станетъ говорить иначе, то можетъ быть худо“ („Вѣстн. Евр.“ 1887 г., кн. I, стр. 337).

**) Въ доказательство, что Лермонтовъ „не равнодушенъ къ славѣ и чести своего Государя“, Раевскій ссылается на стихотвореніе „Опять, народныя вѣти“, въ которомъ поэтъ „обнаружилъ русское негодованіе противъ французской безнравственности, ихъ палать и т. п.“

Пушкина милостями, слѣдовательно — дорожилъ имъ, — положили, что, стало быть, можно было бранить враговъ Пушкина, — оставили было идти дѣло такъ, какъ оно шло, но вскорѣ вовсе прекратили раздачу экземпляровъ съ прибавленіями, потому что бабуку его Арсеньеву, и не знавшую ничего о прибавленіи, начали беспокоить общіе вопросы о ея внука, и что она этого пожелала“...

Дѣло кончилось тѣмъ, что, несмотря на всѣ хлопоты и заступничество бабушки Е. А. Арсеньевой, ея брата Аѳ. Ал. Столыпина, А. Н. Муравьева, А. Н. Мордвинова, тогдашняго начальника III Отдѣленія *), и др., Лермонтовъ, по Высочайшему повелѣнію отъ 25-го февраля, переведенъ былъ тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а Раевскій, по выдержаніи на гауптвахтѣ въ теченіе одного мѣсяца, высланъ въ Олонецкую губ., на службу по усмотрѣнію тамошняго губернатора.

Товарищи Лермонтова по лейбъ-гвардіи Гусарскому полку хотѣли было устроить ему прощальный обѣдъ по подпискѣ, но полковой командиръ не разрѣшилъ, находя, что подобные проводы могутъ быть истолкованы, какъ протестъ противъ перевода поэта въ другой полкъ („Историч. Вѣсти“. 1892 г., кн. XI, стр. 385).

По воспоминаніямъ А. Н. Муравьева, ссылка Лермонтова на Кавказъ надѣлала много шума; на него смотрѣли какъ на жертву, и это не мало способствовало его извѣстности **).

VII.

По дорогѣ на Кавказъ, въ Кахетію, гдѣ въ это время стоялъ Нижегородскій драгунскій полкъ, Лермонтовъ простудился, схватилъ ревматизмъ и вынужденъ былъ остановиться на довольно продолжительное время въ Пятигорскѣ.

*) А. Н. Муравьевъ. Знакомство съ русскими поэтами. Кіевъ 1871, стр. 23—25.

***) Насколько неясны и загадочны были для всѣхъ причины этой неожиданной ссылки, можно видѣть изъ „походныхъ записокъ“ одного Кавказскаго офицера, М. Ф. Федорова, относящихся къ 1835—42 гг.

„Въ этомъ стихотвореніи, — замѣчаетъ авторъ записокъ, — я не нашелъ ничего особеннаго, хотя, дѣйствительно, тамъ есть строфы, въ которыхъ высказаны истины, подобныя тѣмъ, которыя мы находимъ у Державина въ его одахъ: „Вельможа“, „Счастіе“ и др., Оды Державина въ этомъ родѣ помѣщаются и до настоящаго времени въ изданіи его сочиненій, — почему же современному поэту не говорить всѣмъ извѣстной правды“... („Кавказскій Сборникъ“, т. III, стр. 63).

„У меня здѣсь, — пишетъ онъ М. А. Лопухиной, — очень хорошее помѣщеніе; каждое утро изъ своего окна смотрю на всю цѣпь снѣжныхъ горъ и на Эльбрусъ; вотъ и теперь, сидя за письмомъ къ вамъ, я по временамъ кладу перо, чтобы взглянуть на этихъ великановъ: такъ они прекрасны и величественны. Надѣюсь порядкомъ скучать все время, покуда останусь на водахъ, и хотя очень легко завести знакомства, однако я стараюсь избѣгать ихъ. Ежедневно брожу по горамъ и ужъ отъ этого одного укрѣпилъ себѣ ноги; хожу постоянно: ни жара, ни дождь меня не останавливаютъ... Вотъ вамъ мой образъ жизни, милый другъ; особенно хорошаго тутъ нѣтъ, но... когда я выздоровѣю, и когда здѣсь будетъ государь, отправлюсь въ осеннюю экспедицію противъ черкесовъ“. (IV, 328 и 403).

Оправившись отъ болѣзни, Лермонтовъ заводитъ многочисленныя знакомства среди „водяного“ общества и принимаетъ самое живое участіе во всевозможныхъ курортныхъ развлеченияхъ — объѣздахъ, пикникахъ, праздникахъ, не торопясь съ отъѣздомъ въ отрядъ. Въ Пятигорскѣ въ это время лѣчился Николай Михайловичъ Сатинъ, товарищъ Лермонтова по Благородному Пансіону, другъ Огарева и Герцена, съ которыми онъ и пострадалъ изъ-за студенческой пирушки 24 іюня 1834 г. Довольно часто навѣщая больного Сатина, Лермонтовъ встрѣтился и познакомился здѣсь съ Бѣлинскимъ. „Познакомились, — вспоминаетъ Сатинъ, — и дѣло шло ладно, пока разговоръ вертѣлся на разныхъ пустякахъ; они даже открыли, что оба уроженцы города Чембаръ (Пензенской губ.). Но Бѣлинскій не могъ долго удовлетворяться пустословіемъ. На столѣ у меня лежалъ томъ записокъ Дидерота; взявъ его и перелиставъ, онъ съ удивленіемъ началъ говорить о французскихъ энциклопедистахъ и остановился на Вольтерѣ, котораго именно онъ въ то время читалъ. Такой переходъ отъ пустого разговора къ серіозному разбудилъ юморъ Лермонтова. На серіозныя мнѣнія Бѣлинскаго онъ началъ отвѣчать разными шуточками; это явно сердило Бѣлинскаго, который начиналъ горячиться; горячность же Бѣлинскаго болѣе и болѣе возбуждала юморъ Лермонтова, который хохоталъ отъ души и сыпалъ шутками. „Да я вотъ что скажу вамъ о вашемъ Вольтерѣ, — сказалъ онъ въ заключеніе: если бы онъ явился теперь къ намъ въ Чембары, то его ни въ одномъ порядочномъ домѣ не взяли бы въ гувернеры“. Такая неожиданная выходка, впрочемъ, не лишенная смысла и правды,

совершенно озадачила Бѣлинскаго. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ посмотрѣлъ, молча, на Лермонтова, потомъ, взявъ фуражку и едва кивнувъ головой, вышелъ изъ комнаты. Лермонтовъ разразился хохотомъ. Тщетно я увѣрялъ его, что Бѣлинскій замѣчательно умный человѣкъ; онъ передразнивалъ Бѣлинскаго и утверждалъ, что это не доучившійся фанфаронъ, который, прочитавъ нѣсколько страницъ Вольтера, воображаетъ, что проглотилъ всю премудрость. Бѣлинскій съ своей стороны иначе не называлъ Лермонтова, какъ *пошлякомъ*, и когда я ему напоминалъ стихотвореніе Лермонтова „На смерть Пушкина“, — онъ отвѣчалъ: „Вотъ важность написать нѣсколько удачныхъ стиховъ! Отъ этого еще не сдѣлаешься поэтомъ и не перестанешь быть пошлякомъ!“ На впечатлительную натуру Бѣлинскаго встрѣча съ Лермонтовымъ произвела такое сильное вліяніе, что въ первомъ же письмѣ изъ Москвы онъ писалъ ко мнѣ: „Повѣрь, что пошлость заразительна, и потому, пожалуйста, не пускай къ себѣ такихъ пошляковъ, какъ Лермонтовъ“. Такъ встрѣтились и разошлись въ первый разъ эти двѣ замѣчательныхъ личности, — заканчиваетъ Сатинъ. Черезъ два или три года они глубоко уважали и цѣнили другъ друга“. („Починъ“. Сборникъ Общества любителей. російск. словесн. на 1895 г., стр. 239—41).

Въ Пятигорскѣ Лермонтовъ познакомился и съ докторомъ Майеромъ, послужившимъ прототипомъ Вернера изъ „Княжны Мери“.

Въ свой полкъ, находившійся въ Караагачѣ, Лермонтовъ пріѣхалъ слишкомъ поздно, когда лѣтнія военныя экспедиціи уже закончились, такъ что, по его собственнымъ словамъ, слышалъ только два, три встрѣла (IV, 330).*)

*) Въ формулярныхъ спискахъ Лермонтова значится, что онъ „находился въ экспедиціи за Кубанью подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова“, а въ формулярѣ, составленномъ въ 1840 г., по случаю представленія къ наградамъ за Валерикъ, находимъ подробныя свѣдѣнія объ участіи поэта въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линіи на восточномъ берегу Чернаго моря, отъ крѣпости Геленджика до устья рѣки Вуланъ: *апрѣля 26* — перестрѣлка на р. Кунипсѣ; *апрѣля 29* — перестрѣлка близъ Абина, при слѣдованіи отряда изъ Ольгинскаго тетъ-те-пона къ Геленджику; *мая 10* — перестрѣлка въ Чумбайскомъ лѣсу; *мая 11* — перестрѣлка въ Богаюкской долині; *мая 12* — перестрѣлка близъ Николаевского укрѣпленія; *мая 17* — перестрѣлка въ долині Инаго (Иноуо); *мая 23* — перестрѣлка у переправы Воробуей (Вордовіе); *мая 24* — перестрѣлка на р. Дообъ; *мая 25* — перестрѣлка на р. Пшадь; *мая 29* — и *юня 2, 5 и 22* — дѣло при соженіи контрабандныхъ турецкихъ суденъ на р. Шапсухо, во время пере-

Зато, воспользовавшись случаемъ, Лермонтовъ изъѣздилъ весь Кавказъ и набрался самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. „Съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ изъ Россіи, повѣришь-ли, — пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Раевскому, — я находился до сихъ поръ въ непрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ Линію всю вдоль, отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами; ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское даже... Два раза въ моихъ путешествіяхъ отстрѣливался: разъ ночью мы ѣхали втроемъ изъ Кубы, я, одинъ офицеръ нашего полка и черкесь (мирной, разумѣется), — и чуть не попались шайкѣ лезгинъ. — Хорошихъ ребятъ здѣсь много, особенно въ Тифлисѣ есть люди очень порядочные; а что здѣсь истинное наслажденіе, такъ это татарскія бани! — Я снялъ на скорую руку виды всѣхъ примѣчательныхъ мѣстъ, которыя посѣщаль, и везу съ собою порядочную коллекцію; однимъ словомъ, я вояжировалъ. Какъ перевалился черезъ хребетъ въ Грузію, такъ бросилъ телѣжку и сталъ ѣздить верхомъ; лазилъ на снѣговую гору (Крестовая) на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузіи, какъ на блюдечкѣ, и, право, я не берусь объяснить

хода изъ Новотроицкаго укрѣпленія къ р. Вуланъ; *юля 11* — перестрѣлка при ущельи Каріокъ; *юля 12* — перестрѣлка при урочищѣ Шатухой; *юля 13* — перестрѣлка при Ченчуашѣ; *юля 14* — перестрѣлка на р. Вуланъ; *юля 31* и *августа 2, 23* и *26* — стычки во время фуражировокъ на р. Вуланъ; *сентября 2, 3, 4, 5, 6* и *7* — стычки при возвращеніи отряда къ Геленджику; *сентября 25—29* — перестрѣлки при слѣдованіи къ берегамъ р. Кубани.

Свѣдѣнія эти объ участіи Лермонтова въ экспедиціи за Кубанью, повторыма Н. Н. Буковскимъ, Висковатовымъ, Введенскимъ, А. К. Бороздинымъ, Е. Duchesn'омъ и др. биографами Лермонтова, нисколько не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Нижегородскій драгунскій полкъ не принималъ никакого участія въ экспедиціи Вельяминова (ср. А. Юровъ. Три года на Кавказѣ. 1837—1839 — въ „Кавказскомъ Сборникѣ“, т. VIII, стр. 134) и всю весну и лѣто простоялъ въ Карагачѣ, причемъ лишь два пѣшихъ эскадрона занимались рекогносцировкой Главнаго Кавказскаго хребта и Лезгинской линіи. (В. Потто. Исторія 44-го Драгунскаго Нижегородскаго полка. Т. IV, стр. 73—78). Въ собраніи рукописей Тихонова (Имп. Публичн. Библіот.) сохранился дневникъ одного гвардейскаго офицера, прикомандированнаго къ Навагинскому полку и принимавшаго участіе въ экспедиціи Вельяминова и встрѣчѣ Государя въ Анапѣ. Съ Лермонтовымъ авторъ дневника встрѣтился лишь 14 декабря, на ст. Прохладная, когда поэтъ возвращался съ Кавказа въ Петербургъ. Что Лермонтовъ не принималъ участія въ экспедиціи за Кубанью, можно видѣть и изъ „Походныхъ Записокъ“ М. Ф. Федорова въ „Кавказскомъ Сборникѣ“, т. III.

или описать этого удивительнаго чувства: для меня горный воздухъ— бальзамъ; хандра къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышитъ— ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь. — Началъ учиться по-татарски — языкъ, который здѣсь и вообще въ Азін необходимъ, какъ французскій въ Европѣ, — да жаль, теперъ не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлялъ планы ѣхать въ Мекку, въ Персію и проч., теперъ остается только проситься въ экспедицію въ Хиву съ Перовскимъ.— Ты видишь изъ этого, что я сдѣлался ужаснымъ бродягой; а, право, я расположенъ къ этому роду жизни“... (IV, 330).

10 октября, въ Тифлисѣ, состоялся Высочайшій смотръ четыремъ эскадронамъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Государь нашелъ полкъ въ отличномъ видѣ, и это косвеннымъ образомъ повліяло на дальнѣйшую судьбу Лермонтова. Сопровождавшій Государя графъ Бенкендорфъ, давнишній знакомый Е. А. Арсеньевой, воспользовался удобнымъ случаемъ и началъ просить о помилованіи Михаила Юрьевича, при чемъ ссылался на Жуковскаго, который знаетъ и очень высоко цѣнить литературный талантъ молодого поэта.

Государь уваживъ ходатайство Бенкендорфа, и на другой же день послѣ смотра 11 октября, послѣдовалъ приказъ о переводѣ Лермонтова въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ корнетомъ.

Неохотно разставаясь съ Кавказомъ и подумывая даже объ отставкѣ (IV, 330), Лермонтовъ почти всю зиму провелъ въ Ставрополѣ, куда въ то время переселились изъ Пятигорска Сатинъ и докторъ Майеръ. Очень часто посѣщая Сатина и Майера, Лермонтовъ перезнакомился съ декабристами: кн. Валеріаномъ Михайловичемъ Голицынымъ, Сергѣемъ Ивановичемъ Кривцовымъ, Владимиромъ Николаевичемъ Лихаревымъ, Николаемъ Ивановичемъ Лореромъ, Михаиломъ Александровичемъ Назимовымъ, Михаиломъ Михайловичемъ Нарышкинымъ, кн. Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, барономъ Андреемъ Евгеньевичемъ Розеномъ.

Но о какомъ-нибудь вліяніи кружка Сатина и Майера на Лермонтова едва-ли можно говорить. „Лермонтовъ, — передавалъ Назимовъ Висковатову въ 1879 или 1880 году, — сначала часто заглаживалъ къ намъ и охотно и много говорилъ съ нами о разныхъ вопросахъ личнаго, соціальнаго и политическаго міровоззрѣнія. Со-

знаюсь, мы плохо другъ друга понимали. Передать теперь черезъ сорокъ лѣтъ разговоры, которые вели мы, невозможно. Но насъ поражала какая-то словно сбивчивость, неясность его возрѣній. Онъ являлся подѣ часъ какимъ-то реалистомъ, прилѣпленнымъ къ землѣ, безъ полета, тогда какъ въ поэзіи онъ рѣялъ высоко на могучихъ своихъ крылахъ. Надъ нѣкоторыми распоряженіями правительства, коимъ мы отъ души сочувствовали и о коихъ мы мечтали въ нашей несчастной молодости, онъ глумился. Статьи журналовъ, особенно критическія, которыя являлись будто наслѣдіемъ лучшихъ умовъ Европы и заживо задѣвали насъ и вызывали восторги, что въ Россіи можно такъ писать, не возбуждали въ немъ удивленія. Онъ или молчалъ на прямой запросъ, или отдѣльвался шуткой и сарказмомъ. Чѣмъ чаще мы видѣлись, тѣмъ менѣ клеилась серіозная бесѣда. А въ немъ теплился огонекъ оригинальной мысли, — да впрочемъ и молодъ же онъ былъ еще!“ (Висковатовъ. М. Ю. Л.—въ, 303—304).

Болѣе рѣзко отзывается о Лермонтовѣ самъ Сатинъ. „Позднѣе,— читаемъ въ отрывкахъ изъ его воспоминаній, — зимой, къ нашему обществу присоединился Лермонтовъ, но — признаюсь — только помѣшала ему. Этотъ человѣкъ постоянно шутилъ и подтрунивалъ, что наконецъ надоѣло всѣмъ... Бѣлинскій, какъ рассказываетъ Панаевъ, имѣлъ хотя разъ случай слышать въ ордонансгаузѣ серьезный разговоръ Лермонтова о Вальтеръ-Скоттѣ и Куперѣ. Мнѣ — признаюсь —, несмотря на мое продолжительное знакомство съ нимъ, не случилось этого. Этотъ человѣкъ постоянно шутилъ и подтрунивалъ. Ложно понятой Байронъ сбиль его съ обычной дороги. Пренебреженіе къ пошлости есть дѣло достойное всякаго мыслящаго человѣка; но Лермонтовъ доводилъ это до *absurdum*, не признавая въ окружающемъ его обществѣ ничего достойнаго его вниманія“. („Починъ“. Кн. I, стр. 250).

Въ VI т. „Современника“ за 1837 г. появилось стихотвореніе Лермонтова „Бородино“, обратившее на себя вниманіе простотою и безыскусственностью содержанія, ровнымъ и умѣреннымъ тономъ. Какъ можно видѣть изъ черноваго наброска показанія Раевского по дѣлу о стихахъ на смерть Пушкина (Лерм. Муз.: отд. IV, № 11,

лл. 9—14), пьеса „Бородино“ написана была Лермонтовымъ еще до ссылки и тогда же передана для напечатанія А. А. Краевскому.

На Кавказѣ Лермонтовъ закончилъ поэму „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ и переслалъ ее А. А. Краевскому, для помѣщенія въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“, но цензура не нашла возможнымъ допустить къ печати произведеніе опального поэта. Издатель обратился къ содѣйствію Жуковскаго, и, благодаря заступничеству послѣдняго, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, разрѣшилъ печатаніе „Пѣсни“, но безъ имени поэта, за подписью: „—въ“.

Поэма эта, — писалъ Бѣлинскій, — „несмотря на ея великое художественное достоинство, совершенную оригинальность и самобытность, не обратила на себя особеннаго вниманія всей публики и была замѣчена только немногими... Толпа и не подозрѣваетъ ея высокаго достоинства. Здѣсь поэтъ отъ настоящаго міра неудовлетворяющей его русской жизни перенесся въ ея историческое прошлое, подслушалъ бѣненіе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій размахъ его чувства и, какъ будто современникъ этой эпохи, принялъ условія ея грубой и дикой общественности, со всѣми ихъ оттѣнками, какъ будто бы никогда и не знавалъ о другихъ, — и вынесъ изъ нея вымышленную бѣль, которая достовѣрнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣ всякой исторіи... („Отечеств. Записки“ 1841 г., т. XIV. Отд. V, стр. 54 и 61).

Мысль написать эту поэму явилась у Лермонтова, какъ передаютъ, подъ впечатлѣніемъ дѣйствительнаго случая, имѣвшаго мѣсто въ Москвѣ, въ дни студенчества поэта. У молодого Замоскворѣцкаго купца была жена-красавица, никуда не выходившая изъ дому, кромѣ церкви и родныхъ, да и то не иначе, какъ въ сопровожденіи старухи няньки. Какой-то лихой гусарь, тщетно добивавшійся знакомства съ красавицей-купчихой, похитилъ ее на улицѣ, когда она возвращалась отъ всенощной. Мужъ отмстилъ за поруганіе семьи и затѣмъ, арестованный, наложилъ на себя руки. („Историч. Вѣстн.“ 1884 г., кн. IX, стр. 593—95).

По формѣ и стилю поэма представляетъ собою очень удачное подражаніе народной пѣснѣ, въ которой Лермонтовъ подозрѣвалъ „больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“ (IV, 350—51) *).

Обращаетъ еще на себя вниманіе полное отсутствіе въ поэмѣ какихъ бы то ни было протестующихъ и негодующихъ нотъ, которыя такъ рѣзко звучатъ въ другихъ произведеніяхъ Лермонтова.

Ко времени первой ссылки на Кавказъ относятся также стихотворенія „Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою“ и „Когда волнуется желтѣющая нива“, написанныя въ минуты высокаго религіознаго подъема. „Въ духѣ мощномъ и гордомъ, въ натурѣ львиной, — замѣчаетъ Бѣлинскій, — все это больше, чѣмъ умиительно“.

УІІІ.

Съ Кавказомъ Лермонтовъ разстался въ очень тревожномъ настроеніи:

Боюсь сказать... Душа дрожить...
Что если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забуду?
Найду-ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу-ли привѣтъ?
Узнаютъ-ли друзья и братья
Страдальца послѣ многихъ лѣтъ?
Или среди могилъ холодныхъ
Я наступлю на прахъ родной
Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ,
Дѣлившихъ молодость со мной?
О! если такъ... своей метелью,
Казбекъ, засыпъ меня скорѣй,
И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй! (II, 213—14).

*) По мѣстамъ поэма очень близко напоминаетъ историческую пѣсню о Матрюкѣ Темрюковичѣ, извѣстную по „Древнимъ Россійскимъ Стихотвореніямъ“ Кириши Данилова и другимъ сборникамъ. Подробности см. П. В. Владиміровъ. Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Л-ва. Кіевъ. 1892. Стр. 16—26. Ср. также статьи В. Балталона и С. Браиловскаго въ „Русской Школѣ“ за 1892 (№ 5—6) и 1893 (№№ 7—8 и 9—10) гг.

Въ первыхъ числахъ января поэтъ прїѣхалъ въ Петербургъ и прожилъ здѣсь до половины февраля. „Первые дни послѣ прїѣзда,— рассказываетъ онъ въ письмѣ къ М. А. Лопухиной,— прошли въ постоянной бѣготнѣ: представленія, церемонные визиты — вы знаете; да еще каждый день ѣздилъ въ театръ; онъ хорошъ, это правда, но мнѣ ужъ надоѣлъ. Вдобавокъ, меня преслѣдуютъ всѣ эти милые родственники! Не хотятъ, чтобъ я бросилъ службу, хотя это мнѣ и было бы можно: вѣдь тѣ господа, которые вмѣстѣ со мною поступили въ гвардію, теперь ужъ тамъ не служатъ. Наконецъ, я порядкомъ упалъ духомъ и хотѣлъ бы даже какъ можно скорѣе бросить Петербургъ и уѣхать куда бы то ни было, въ полкъ-ли, или хотъ къ чорту: тогда, по крайней мѣрѣ, былъ бы предлогъ жаловаться, а это утѣшеніе не хуже всякаго другого... Прїѣхавъ сюда, я нашелъ дома цѣлый хаосъ сплетенъ. Я навелъ порядокъ, поскольку это возможно, когда имѣешь дѣло съ тремя или четырьмя женщинами, которымъ ничего не втолкуешь... Когда я возвращаюсь домой, я только и слышу, что исторіи безъ конца, жалобы, упреки, подозрѣнія и заключенія; это просто несносно, особенно для меня, потому что я отвыкъ отъ этого на Кавказѣ, гдѣ общество дамъ — рѣдкость, или же онѣ мало разговорчивы (въ особенности грузинки: онѣ не говорятъ по-русски, а я по-грузински)... Я все поджидаль, не случится-ли со мною чего хорошаго, чтобы сообщить вамъ о томъ; но ничего не случилось, и я рѣшаюсь писать къ вамъ, что мнѣ смертельно скучно“... (IV, 330—32 и 404—5).

Въ томъ же письмѣ Лермонтовъ сообщаетъ, что былъ у Жуковского и передалъ ему, по его просьбѣ, „Тамбовскую Казначейшу“. Жуковский прочиталъ поэму вмѣстѣ съ кн. П. А. Вяземскимъ, отозвался очень одобрительно и уговорилъ поскорѣе напечатать въ „Современникѣ“ *).

25 февраля Лермонтовъ прибылъ въ Новгородъ, а оттуда — въ Селищенскія казармы, мѣсто стоянки Гродненскаго гусарскаго полка **).

*) По сообщенію А. А. Краевского, Жуковский сдѣлалъ довольно много измѣненій въ „Казначейшѣ“, и это до того возмутило Лермонтова, что онъ готовъ былъ изорвать книжку „Современника“, въ которой появилась поэма. (Ср. Висковатовъ. М. Ю. Л.—въ, стр. 294).

**) Первый день пребывания Лермонтова въ Гродненскомъ полку ознаменовался крупной карточной игрою, въ которой Лермонтовъ не только проигралъ всѣ свои наличныя деньги (тысячу рублей), но и занятыя у А. И.

Въ новомъ полку Лермонтовъ прослужилъ меньше двухъ мѣсяцевъ. За этотъ короткій срокъ онъ восемь разъ былъ дежурнымъ по 2-ой половинѣ полка, два раза былъ въ церковномъ парадѣ, при чемъ одинъ разъ командовалъ взводомъ, и дважды пользовался восьмидневнымъ отпускомъ въ Петербургъ.

„За свое пребываніе въ полку, — пишетъ историкъ Гродненскаго гусарскаго полка, — Лермонтовъ не оставилъ по себѣ того непріятнаго впечатлѣнія, какимъ полны отзывы многихъ сталкивавшихся съ нимъ лицъ. Правда, отзывы Гродненскихъ офицеровъ о Лермонтовѣ устанавливали одно общее мнѣніе о язвительности его характера, но это свойство не мѣшало Лермонтову быть коноводомъ всѣхъ гусарскихъ затѣй и пирушекъ и оправдывалось товарищами, какъ одно изъ проявленій его исключительной натуры. Въ обществѣ нашихъ полковыхъ дамъ Лермонтовъ былъ скученъ и угрюмъ и, посѣщая чаще другихъ баронессу Сталь-фонъ-Гольштейнъ, обыкновенно садился въ уголь и, молча, прислушивался къ пѣнію и шуткамъ собравшагося общества. Въ служебномъ отношеніи поэтъ былъ всегда исправенъ“... (Ю. Елецъ. Исторія лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка. Т. I, стр. 207—208).

Благодаря усиленнымъ хлопотамъ Е. А. Арсеньевой и другихъ родственниковъ Лермонтова, графъ Бенкендорфъ, который и раньше принималъ участіе въ судьбѣ поэта, обратился 24 марта къ военному министру, графу А. И. Чернышеву, съ такого рода письмомъ.

„Родная бабка корнета Лермонтова, огорченная невозможностью непрерывно видѣть его, ибо по старости своей она уже не въ состояніи переѣхать въ Новгородъ, осмѣливается всеподданнѣйше повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества просьбу свою о всемилостивѣйшемъ переводѣ внука ея въ Л. Гв. Гусарскій полкъ, дабы она могла въ глубокой старости (ей уже 80 лѣтъ) спокойно наслаждаться небольшимъ остаткомъ жизни и внушать своему внуку правила чести и преданности къ Монарху, за оказанное уже ему благодѣяніе. Принимая живѣйшее участіе въ просьбѣ этой доброй и почтенной старушки и душевно желая содѣйствовать къ доставленію ей въ престарѣлыхъ лѣтахъ сего великаго утѣшенія и счастья, видѣть

Арнольди восемьсотъ рублей. (Ю. Елецъ. Исторія лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка. Т. I, стр. 205—206).

при себѣ единственнаго внука своего, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство, въ особенное, личное мнѣ одолженіе, испросить у Государя Императора къ празднику Св. Пасхи всемилостивое совершенное прощеніе корнету Лермонтову и переводъ его въ Л.-Гв. Гусарскій полкъ“.

Ходатайство военнаго министра Государь велѣлъ передать на заключеніе великаго князя Михаила Павловича, лично знавшаго Лермонтова и расположеннаго къ нему, и 9 апрѣля Лермонтовъ переведенъ былъ въ свой прежній лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ.

По возвращеніи въ Петербургъ Лермонтовъ, по его собственному выраженію, „пустился въ большой свѣтъ“, возобновилъ свои прежнія знакомства и завязалъ много новыхъ.

„Въ теченіе мѣсяца, — пишетъ онъ М. А. Лопухиной, — на меня была мода, меня наперерывъ отбивали другъ у друга. Это, по крайней мѣрѣ, откровенно. Весь этотъ народъ, которому доставалось отъ меня въ моихъ стихахъ, старается осыпать меня лестью. Самыя хорошенькія женщины выпрашиваютъ у меня стиховъ и хвастаются ими, какъ триумфомъ... Было время, когда я, въ качествѣ новичка, искалъ доступа въ это общество; это мнѣ не удалось: двери аристократическихъ салоновъ закрылись предо мной; а теперь въ это же самое общество я вхожу уже не какъ искатель, а какъ чловѣкъ, добившійся своихъ правъ. Я возбуждаю любопытство, предо мной заискиваютъ, меня всюду приглашаютъ, а я и вида не подаю, что хочу этого. Дамы, желающія, чтобы въ ихъ салонахъ собирались замѣчательные люди, хотятъ, чтобы я бывалъ у нихъ, потому что я вѣдь тоже левъ, да! я, вашъ Мишель, добрый малый, у котораго вы и не подозрѣвали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянять; къ счастью, моя природная лѣнь беретъ верхъ, и мало-по-малу я начинаю находить все это несноснымъ“... (IV, 333—34 и 405—6).

Лермонтовъ началъ бывать у графини Александры Кирилловны Воронцовой-Дашковой, домъ которой, по словамъ гр. В. А. Соллогуба, былъ самымъ блестящимъ, моднымъ и привлекательнымъ въ Петербургѣ (II, 463—64), у графини Эмили Карловны Муסיной-Пушкиной, у княгини Марьи Алексѣевны Щербатовой, воспѣтой въ стихотвореніи „На свѣтскія цѣпи“, у „финляндской звѣзды“ Авроры Карловны Шернваль-Демидовой (II, 454—55), у графа Эссена, тогдашняго Петербургскаго генераль-губернатора, у адмирала А. С. Шишкова,

въ „эклектической“ гостиной Елизаветы Михайловны Хитрово, у графини Александры Григорьевны Лаваль и др. Но особенно близко сошелся съ семейю Карамзиныхъ, состоявшею изъ матери Екатерины Андреевны, вдовы исторіографа, дочери Софьи Николаевны и сына Андрея Николаевича. Еще раньше, до первой ссылки на Кавказъ, Лермонтовъ познакомился съ Александрой Осиповной Смирновой, рожденной Россетъ, другомъ Плетнева, Пушкина, Жуковского, Гоголя; салонъ Смирновой долго служилъ притягивающимъ центромъ для всѣхъ выдающихся писателей, художниковъ и мыслителей. (Ср. II, 463).

Въ литературныхъ кругахъ Лермонтовъ поддерживаетъ отношенія съ Жуковскимъ, кн. Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, кн. Владимиромъ Ѳедоровичемъ Одоевскимъ, Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ, А. Н. Муравьевымъ, графомъ Соллогубомъ и въ особенности съ Краевскимъ, который началъ (съ 1839 года) издавать „Отечественныя Записки“, гдѣ М. Ю. скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ.

Интересуетъ Лермонтова и общественно-политическая жизнь, и между прочимъ осенью 1839 г. онъ, вмѣстѣ съ Монго-Столыпинымъ, посѣщаетъ собранія одного нелегальнаго общества, которое называли, по числу его членовъ, „кружкомъ шестнадцати“. „Это общество,— пишетъ одинъ изъ его участниковъ,— составилось частью изъ университетской молодежи, частью изъ кавказскихъ офицеровъ. Каждую ночь, возвращаясь изъ театра или бала, они собирались то у одного, то у другого. Тамъ, послѣ скромнаго ужина, куря свои сигары, они разсказывали другъ другу о событіяхъ дня, болтали обо всемъ и все обсуждали съ полнѣйшей непринужденностью и свободой, какъ будто бы III-го Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и не существовало: до того они были увѣрены въ скромности всѣхъ членовъ общества“.

Кромѣ Лермонтова и А. А. Столыпина, къ „кружку шестнадцати“ принадлежали: графъ Браницкій, гусарскій поручикъ и флигель-адъютантъ, князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ, перешедшій потомъ въ католичество и вступившій въ орденъ іезуитовъ, графъ Петръ Александровичъ Валуевъ, впоследствии предсѣдатель Комитета Министровъ, князь Сергѣй Долгорукій, графъ Андрей Шуваловъ и др. *).

*) Xavier Kocczak-Branicki. Les nationalités Slaves. Lettres au révérend P. Gagarin (S.-J). Par. 1879, p. 1—3; Н. Викторовъ. Кружокъ шестнадцати —

Весною 1838 года Лермонтову пришлось встрѣтиться съ Варварой Александровной Лопухиной, когда она съ мужемъ, проѣздомъ за границу, остановилась въ Петербургѣ.

„Лермонтовъ,—разсказываетъ Шанъ-Гирей,—былъ въ Царскомъ; я послалъ къ нему нарочнаго, а самъ поскакалъ къ ней. Боже мой, какъ болѣзненно сжалось мое сердце при ея видѣ! Блѣдная, худая, и тѣни не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блескъ и были такіе же ласковые, какъ и прежде. „Ну, какъ вы здѣсь живете?“ — Почему же это *вы*? — „Потому, что я спрашиваю про двоихъ“. — „Живемъ, какъ Богъ послалъ, а думаемъ и чувствуемъ, какъ въ старину. Впрочемъ, другой отвѣтъ будетъ изъ Царскаго черезъ два часа“. Это была наша послѣдняя встрѣча,—добавляетъ Шанъ-Гирей,—ни ему, ни мнѣ не суждено было ее больше видѣть. Она пережила его, томилась долго, и скончалась, говорятъ, покойно, лѣтъ десять тому назадъ“. („Русск. Обзор.“ 1890 г., кн. VIII, стр. 745).

На память объ этой встрѣчѣ Лермонтовъ послалъ Варенькѣ только что законченнаго „Демона“ съ посвященіемъ, въ которомъ нѣсколько разъ энергично перечеркнулъ букву Б.—Бахметевой и поставилъ Л.—Лопухиной.

Жизнь въ „большомъ свѣтѣ“, когда-то казавшаяся Лермонтову такою привлекательною и заманчивою, очень скоро начинаетъ тяготить его. „Я скучаю,—жалуется онъ въ письмѣ къ М. А. Лопухиной. Можетъ быть, эти жалобы покажутся вамъ, милый другъ, неискренними; вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что я гонюсь за удовольствіями, чтобы скучать, слоняюсь по гостинимъ, когда тамъ нѣтъ ничего интереснаго. Ну, такъ я открою вамъ мои побужденія... Эта новая опытность полезна въ томъ отношеніи, что дала мнѣ оружіе противъ общества: если оно будетъ преслѣдовать меня клеветой (а это непременно случится), у меня будетъ средство отомстить; нигдѣ вѣдь нѣтъ столько пошлаго и смѣшнаго, какъ тамъ... А по-

въ „Историч. Вѣстн.“ 1895 г., кн. X, стр. 175—182; В. Бильбасовъ, Самаринъ Гагарину о Лермонтовѣ—„Новое Слово“ 1894 г., № 2, стр. 37—47.

томъ, такъ пріятно исподтишка посмѣяться надъ тѣмъ, чего такъ добиваются и чему такъ завидуютъ дураки“... (IV, 333—34 и 405—6).

Ни военная служба, ни тѣ свѣтскіе и литературные кружки, въ которыхъ приходится вращаться поэту, не удовлетворяютъ его, и онъ то просится въ отпускъ, то мечтаетъ о возвращеніи на Кавказъ.

„Просилъ отпуска на полгода—отказали, на 28 дней—отказали, на 14 дней—великій князь и тутъ отказалъ... Просился на Кавказъ—не пускаютъ, не хотятъ даже, чтобы меня убили“... (IV, 333—34 и 405—6).

„Какой онъ взбалмошный, вспыльчивый человѣкъ, — дѣлится своими наблюденіями А. О. Смирнова,—навѣрно кончить катастрофой!... Въ полку офицеры ему все спускаютъ, гордясь его талантомъ, но онъ отличается невозможною дерзостью. Онъ погибаетъ отъ скуки, возмущается собственнымъ легкомысліемъ, но въ то же время не обладаетъ достаточно характеромъ, чтобы вырваться изъ этой среды. Это — странная натура“... („Записки“, ч. II, стр. 36).

„Парады и разводы для военныхъ, придворные балы и выходы для кавалеровъ и дамъ, награды въ торжественные сроки праздниковъ 6-го декабря, въ новый годъ и въ пасху, производство въ гвардейскихъ полкахъ и пожалованіе дѣвицъ во фрейлины, а молодыхъ людей въ камеръ-юнкеры — вотъ и все, рѣшительно все, чѣмъ интересовалось это общество..., — замѣчаетъ князь А. Васильчиковъ, близко наблюдавшій окружающую Лермонтова среду.— Лермонтовъ и тѣ немногіе изъ его сверстниковъ и единомышленниковъ, которыхъ рожденіе обрело на прозябаніе въ этой холодной средѣ, сознавали глубоко ея пустоту и, не зная, куда дѣться, не находя пищи ни для дѣла, ни для ума, предавались буйному разгулу — разгулу, погубившему многихъ изъ нихъ; лучшіе изъ офицеровъ старались вырваться изъ михайловскаго манежа и красносельскаго лагеря на Кавказъ, а молодые люди, привязанные родственными связями къ гвардіи и къ придворному обществу, составляли группу самыхъ бездарныхъ и безцвѣтныхъ парадѣровъ и танцоровъ“. („Голосъ“ 1875 г., № 15: „Нѣсколько словъ въ оправданіе Лермонтова отъ нареканій г. Маркевича“. Ср. также письмо М. И. Назимова — тамъ же, № 56).

„Большинство его знакомыхъ, — добавляетъ И. И. Панаевъ, — состояло или изъ людей свѣтскихъ, смотрящихъ на все съ легкомысленной, узкой и поверхностной точки зрѣнія, или изъ тѣхъ мелко-

плавающихъ мудрецовъ-моралистовъ, которые схватываютъ только одни внѣшнія явленія и по этимъ внѣшнимъ явленіямъ и поступкамъ произносятъ о человѣкѣ рѣшительные и окончательные приговоры. Лермонтовъ былъ неизмѣримо выше среды, окружавшей его, и не могъ серьезно относиться къ такого рода людямъ. Ему, кажется, были особенно досадны послѣдніе — тупые мудрецы, важничающіе своею дѣльностью и разсудочностью и невидящіе далѣе своего носа. Есть какое-то наслажденіе (это очень понятно) казаться самымъ пустымъ человѣкомъ, даже мальчишкой и школьникомъ передъ такими господами. И для Лермонтова это было, кажется, дѣйствительнымъ наслажденіемъ. Онъ не отыскивалъ людей, равныхъ себѣ по уму и по мысли, внѣ своего круга. Натура его была слишкомъ горда для этого, онъ былъ весь глубоко сосредоточенъ въ самомъ себѣ и не нуждался въ посторонней опорѣ“. („Литерат. воспоминанія“, стр. 178—180).

Осенью 1839 года до Лермонтова дошла вѣсть о смерти князя Александра Ивановича Одоевскаго, декабриста-поэта, съ которымъ М. Ю. близко сошелся во время своихъ скитаній по Кавказу. Памяти безвременно погибшаго друга, „милаго Саши“, Лермонтовъ посвятилъ очень задушевную элегію „Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ“.

Къ концу этого года относится встрѣча И. С. Тургенева съ Лермонтовымъ — въ домѣ княгини Шаховской:

„У княгини Ш...ой,— рассказываетъ Тургеневъ въ своихъ Воспоминаніяхъ,— я, весьма рѣдкій, непривычный посѣтитель свѣтскихъ вечеровъ, лишь издали, изъ уголка, куда я забился, наблюдалъ за быстро вошедшимъ въ славу поэтомъ. Онъ помѣстился на низкомъ табуретѣ передъ диваномъ, на которомъ, одѣтая въ черное платье, сидѣла одна изъ тогдашнихъ столичныхъ красавицъ — бѣлокурая графиня М(усина) П(ушкина)—рано погибшее, дѣйствительно прелестное созданіе! На Лермонтовѣ былъ мундиръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка; онъ не снялъ ни сабли, ни перчатокъ — и, сгорбившись и насупившись, угрюмо посматривалъ на графиню. Она мало съ нимъ разговаривала и чаще обращалась къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ графу Ш...у, тоже гусару. Въ наружности Лермонтова было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью вѣяло отъ его смуглаго лица,

отъ его большихъ и неподвижно-темныхъ глазъ. Ихъ тяжелый взоръ странно не согласовался съ выраженіемъ почти дѣтски-нѣжныхъ и выдававшихся губъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ, широкихъ плечахъ возбуждала ощущение непріятное; но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій. Извѣстно, что онъ до нѣкоторой степени изобразилъ самого себя въ Печоринѣ. Слова: „Глаза его не смѣялись, когда онъ смѣялся“ и т. д. — дѣйствительно, примѣнялись къ нему. Помнится, графъ Ш. и его собесѣдница внезапно засмѣялись чему-то и смѣялись долго; Лермонтовъ также засмѣялся, но въ то же время съ какимъ-то обиднымъ удивленіемъ оглядывалъ ихъ обоихъ. Несмотря на это, мнѣ все-таки казалось, что и графа Ш... а онъ любилъ, какъ товарища, и къ графинѣ питалъ чувство дружелюбное. Не было сомнѣнія, что онъ, слѣдуя тогдашней модѣ, напустилъ на себя извѣстнаго рода Байроновскій жанръ, съ примѣсю другихъ, еще худшихъ капризовъ и чудачествъ. И дорого же онъ поплатился за нихъ! — Внутренно Лермонтовъ, вѣроятно, скучалъ глубоко; онъ задыхался въ тѣсной сферѣ, куда его втокнула судьба“.

Подъ новый годъ Лермонтовъ былъ на маскарадномъ балу въ Благородномъ Собраніи. Присутствовавшій здѣсь Тургеневъ наблюдалъ, что поэту „не давали покоя, безпрестанно приставали къ нему, брали его за руки; одна маска смѣнялась другою, а онъ почти не сходилъ съ мѣста и молча слушалъ ихъ пискъ, поочередно обращая на нихъ свои сумрачные глаза. Мнѣ тогда же почудилось, что я уловилъ на лицѣ его прекрасное выраженіе поэтическаго творчества“...

Передаютъ, что на этомъ балу присутствовали двѣ высокиихъ особы, пожелавшія сохранить инкогнито. Когда онѣ, одна въ розовомъ, а другая въ голубомъ домино, проходили мимо поэта и чѣмъ-то задѣли его, Лермонтовъ, притворившись, что не знаетъ, съ кѣмъ говоритъ, отвѣтилъ очень смѣло и прошелся съ ними по залѣ, такъ что смущенныя дамы поторопились совсѣмъ оставить маскарадъ. Выходка Лермонтова была истолкована какъ непростительная дерзость „азнавшагося стихотворца“. (Висковатовъ. М. Ю. Л — въ, 315). Новогоднимъ маскарадомъ навѣяно стихотвореніе „Первое января“, въ которомъ поэтъ, „при шумѣ музыки и пляски“, „при дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей“, старается забыться воспоминаньями о недавней старинѣ, о миломъ дѣтствѣ.

16-го февраля, на балу у графини Лаваль произошло столкновение Лермонтова съ сыномъ французскаго посланника Эрнестомъ Барантомъ. До Баранта дошли слухи, что Лермонтовъ распространяеть на его счетъ „невыгодныя вещи“, стараясь скомпрометировать его въ глазахъ „извѣстной ему особы“, и онъ потребоваль у Лермонтова объясненій. Лермонтовъ отвѣчалъ, что все, переданное ему, несправедливо, такъ какъ онъ никому не говорилъ ничего предосудительнаго о Барантѣ. Однако Барантъ отнесся съ недоувѣриемъ къ словамъ Лермонтова и, послѣ взаимныхъ колкостей, замѣтилъ, что если бы онъ находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы, какъ кончить это дѣло. На это Лермонтовъ возразилъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ, и что мы меньше другихъ позволяемъ себя оскорблять безнаказанно. За этимъ послѣдовалъ вызовъ со стороны Баранта, принятый Лермонтовымъ. Никто изъ присутствующихъ на балу, повидимому, не зналъ ни объ этой ссорѣ, ни о предстоящей дуэли.

„18-го числа,—читаемъ въ письмѣ Лермонтова къ генералу Н. О. Плаутину, командиру полка,—въ воскресенье, въ 12 часовъ утра, съѣхались мы за Черною рѣчкою на Парголовской дорогѣ. Его секундантомъ былъ французъ, котораго имени я не помню и котораго никогда до сего не видѣлъ. Такъ какъ господинъ Барантъ почиталъ себя обиженнымъ, то я предоставилъ ему выборъ оружія. Онъ избралъ шпаги, но съ нами были также и пистолеты. Едва успѣли мы скрестить шпаги, какъ у моей конецъ переломился, а онъ слегка оцарапалъ мнѣ грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрѣлять вмѣстѣ, но я немного опоздалъ. Онъ далъ промахъ, а я выстрѣлилъ уже въ сторону. Послѣ сего онъ подаль мнѣ руку, и мы разошлись“... (IV, 336)*).

Когда слухи о дуэли получили слишкомъ широкое распространение

*) По рассказамъ Шанъ-Гирея, столкновение Лермонтова съ Барантомъ произошло изъ-за княгини Щербатовой. „Немножко слишкомъ явное предпочтеніе, оказанное на балѣ счастливому сопернику, взорвало Баранта; онъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ запальчиво: „Vous profitez trop, Monsieur, de ce que nous sommes dans un pays ou le duel est défendu“. — „Qu'à ça ne tiennent, Monsieur, отвѣчалъ тотъ, — je me mets entièrement à votre disposition“, — и на-завтра назначена была встрѣча. Это случилось въ среду на масляницѣ 1840 года“. („Русск. Обзор. 1890 г., кн. VIII, стр. 748). Ср. также „Изъ памятныхъ замѣтокъ“ Н. М. Смирнова въ „Русск. Архивѣ“ 1882 г., № 2, стр. 240.

ніе и дошли до высшаго начальства, Лермонтовъ былъ арестованъ и заключенъ сначала въ ордонансъ-гаузъ, а потомъ въ арсенальную гауптвахту, но при этомъ пользовался довольно большою свободою, такъ что къ нему допускали не только близкихъ родственниковъ, но и совершенно постороннихъ лицъ. Между прочимъ, въ ордонансъ-гаузѣ навѣстилъ Лермонтова Бѣлинскій. „Недавно былъ я у Лермонтова въ заточеніи,—пишетъ Бѣлинскій Боткину,—и въ первый разъ поразговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокий и чисто-непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура! Я былъ безъ памяти радъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что Куперъ выше В. Скотта, что въ его романахъ больше глубины и больше художественной цѣлости. Я давно такъ думалъ и еще перваго человѣка встрѣтилъ, думающаго также. Передъ Пушкинымъ онъ благоговѣетъ, и больше всего любитъ „Онѣгина“. Женщинъ ругаетъ: однихъ за то..., другихъ за то... Мужчинъ онъ также презираетъ, но любитъ однѣхъ женщинъ, и въ жизни только ихъ и видитъ. Взглядъ — чисто-онѣгинскій. Печоринъ — это онъ самъ какъ есть. Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отраднo было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другаго. Я это сказалъ ему—онъ улыбнулся и сказалъ: дай Богъ! Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ, и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превосходствѣ. Каждое его слово — онъ самъ, вся его натура во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ — меня давятъ такія цѣлостныя, полныя натуры, я передъ нимъ благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества“... (Пыпинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 38) *).

Сидя подъ арестомъ, поэтъ написалъ нѣсколько стихотвореній: „Плѣнный рыцарь“, „Сосѣдка“, „Журналистъ, читатель и писатель“.

*) Объ этомъ свиданіи съ Лермонтовымъ, продолжавшемся глазъ на глазъ часа четыре, Бѣлинскій подробно рассказывалъ и И. И. Панаеву. „Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!... Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ наконецъ удалось-таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ. Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хотя на минуту быть самимъ собою, — я увѣренъ въ этомъ“... („Литерат. воспоминанія“, стр. 178—180).

Военное слѣдствіе по поводу дуэли шло своимъ чередомъ и, по-видимому, кончилось бы ничѣмъ, еслибы не новая выходка со стороны Лермонтова, значительно осложнившая его вину. „Знаете ли вы, — спрашиваетъ А. О. Смирнова Жуковскаго въ письмѣ отъ 12 апрѣля, — что Лермонтовъ сидитъ подъ арестомъ за свою дурацкую болтовню и неосторожность? Надо надѣяться, что въ день Пасхи или именинъ (императрицы Александры Ѳеодоровны, т. е. 23 апрѣля) судьба его рѣшится благопріятно; а до сихъ поръ еще дѣла его плохи. Онъ дрался на дуэли съ Barante; это бы ничего, si par des imprudences impardonnables il n'avait pas aggravé son premier délit. Мнѣніе сперва было въ его пользу, но теперь очень ему не благопріятствуетъ. Только сожалѣніе, la compassion seule amoindrit le blâme“... („Русск. Архивъ“ 1902 г., кн. V, стр. 100—101).

До Лермонтова стали доходить слухи, что Барантъ очень недоволенъ его показаніями на судѣ, будто онъ, великодушно щадя своего противника, намѣренно стрѣлялъ на воздухъ, не цѣля. Тогда Лермонтовъ, черезъ графа Браницкаго, пригласилъ Баранта къ себѣ на гауптвахту, чтобы лично объясниться съ нимъ.

„Я, — читаемъ въ показаніи Лермонтова, данномъ 25 марта, — спросилъ его: правда ли, что онъ недоволенъ моимъ показаніемъ? Онъ отвѣчалъ: „Точно, и не знаю, почему вы говорите, что стрѣляли не цѣля на воздухъ“. Тогда я отвѣчалъ, что говорилъ это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что это правда, а во-вторыхъ, потому, что я не вижу нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему неприятна, а мнѣ можетъ служить въ пользу; но что если онъ недоволенъ этимъ моимъ объясненіемъ, то когда я буду освобожденъ и когда онъ возвратится, то я готовъ буду вторично съ нимъ стрѣляться, если онъ этого пожелаетъ. Послѣ сего г. Барантъ, отвѣчавъ мнѣ, что онъ драться не желаетъ, ибо совершенно удовлетворенъ моимъ объясненіемъ, уѣхалъ“ *).

Какъ передаетъ Шанъ-Гирей, мать Баранта пожаловалась командиру гвардейскаго корпуса, что Лермонтовъ, будучи подъ арестомъ, приглашалъ ея сына къ себѣ и снова вызывалъ на дуэль. Прибавилось новое дѣло — о побѣгѣ изъ-подъ ареста и вторичномъ вызовѣ

*) Ср. письмо г-жи Гоммеръ де-Гелль въ „Русск. Архивъ“ 1887 г., № 9, стр. 139.

на дуэль, закончившееся тѣмъ, что Лермонтовъ, по Высочайшей резолюции отъ 13 апрѣля, переведенъ былъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ.

Графъ Бенкендорфъ, очень замѣтно перемѣнившійся въ своихъ отношеніяхъ къ поэту, началъ настаивать, чтобы онъ письменно извинился передъ Барантомъ въ томъ, что „несправедливо показалъ въ судѣ, что выстрѣлилъ на воздухъ“. Но Лермонтовъ рѣшительно отказался отъ этого новаго униженія и обратился къ великому князю Михаилу Павловичу съ просьбой защитить и оправдать его во мнѣніи Государя, ибо въ противномъ случаѣ онъ теряетъ „невинно и невозвратно имя благороднаго человѣка“.

„Ваше Императорское Высочество,—читаемъ въ этомъ письмѣ,—позвольте сказать мнѣ со всею откровенностью: я искренно сожалею, что показаніе мое оскорбило Баранта; я не предполагалъ этого, не имѣлъ этого намѣренія, но теперь не могу исправить ошибку посредствомъ лжи, до которой никогда не унижался. Ибо, сказавъ, что выстрѣлилъ на воздухъ, я сказалъ истину, готовъ подтвердить оную честнымъ словомъ, и доказательствомъ можетъ служить то, что на мѣстѣ дуэли, когда мой секундантъ, отставной поручикъ Столыпинъ подалъ мнѣ пистолеть, я сказалъ ему именно, что выстрѣлю на воздухъ, что и подтвердить онъ самъ. Чувствуя въ полной мѣрѣ дерзновеніе мое, я, однако, осмѣливаюсь надѣяться, что Ваше Императорское Высочество соблагovolите обратить вниманіе на горестное мое положеніе и заступленіемъ Вашимъ возстановитъ мое доброе имя во мнѣніи Его Императорскаго Величества и Вашемъ“. (IV, 337).

Въ день отъѣзда изъ Петербурга Лермонтовъ былъ у Карамзинныхъ и здѣсь, стоя у окна и любясь тучами, которыя ползли надъ Лѣтнимъ садомъ и Невою, набросалъ стихотвореніе:

Тучки небесныя, вѣчныя странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную... (II, 289).

Когда онъ кончилъ декламировать, — добавляетъ очевидецъ, — глаза были влажные отъ слезъ.

IX.

Живя въ Петербургѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ, Лермонтовъ закончилъ поэму „Демонъ“, написалъ „Мцири“ и „Сказку для дѣтей“, напечаталъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ два отрывка изъ „Героя нашего времени“ — „Бѣла“ и „Фаталистъ“ — и нѣсколько стихотвореній: „Дума“, „Поэтъ“, „Не вѣрь, не вѣрь себѣ“, „Въ минуту жизни трудную“, „Три пальмы“, „Дары Терека“, „Памяти А. И. Одоевскаго“ и др.

Послѣднюю обработку поэмы „Демонъ“, сдѣланную подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ Кавказской жизни и природы, Лермонтовъ посвятилъ В. А. Лопухиной, какъ своей вдохновительницѣ.

Я кончилъ, — и въ груди невольное сомнѣнье:
Займетъ-ли вновь тебя давно знакомый звукъ,
Стиховъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный другъ?
Пробудится-ль въ тебѣ о прошломъ сожалѣнье?
Иль, быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
Ты — только мертваго, пустого одобренья
Наложишь на нее тяжелую печать;
И не узнаешь здѣсь простого выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ,
И примешь за игру иль сонъ воображенья
Больной души тяжелый бредъ!

Устами Демона поэтъ оплакиваетъ муки своего одиночества, жизнь „безъ цѣли и слѣда“, безумныя мечты, бесплодныя надежды.

Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья
И наслаждаться, и страдать;
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья! (II, 370).

Въ любви Демона къ Тamarѣ кроется трагедія самого Лермонтова, который, „съ любовію въ сердцѣ, боялся любить“. (I, 168).

Любить... но кого же?... На время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно. (II, 286).

Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ... (II, 299).

Подобно Демону, поэтъ думалъ, что любовь можетъ наполнить „нѣмой души его пустыню“, но вскорѣ убѣдился, что на землѣ „нѣтъ ни истиннаго счастья, ни долговѣчной красоты“.

Страстная жажда любви и тоска по ней у Лермонтова неразрывны съ какимъ-то холоднымъ отчаяніемъ и невѣріемъ въ возможность и счастье любить тамъ, „гдѣ страсти мелкой только жить“.

Довольно любилъ я, чтобъ вѣчно грустить,
Для счастья же мало любилъ. (I, 167).

Страшись любви: она придетъ,
Она мечтой твой умъ встревожитъ,
Тоска по ней тебя убьетъ,
Ничто воскреснуть не поможетъ. (I, 110).

Любовь для неба и земли святыня,
И только для людей порокъ она! (II, 82).

Закончивъ „Демона“ Лермонтовъ читалъ его у Смирновой, въ присутствіи Мятлева и Вяземскаго, давалъ читать Жуковскому и хотѣлъ даже напечатать отрывки въ „Отечественныхъ Запискахъ“, но, — жалуется Краевскій Панаеву, — „бабы чортъ знаетъ куда дѣли его, а у него ужъ разумѣется нѣтъ чернаго“ *).

Поэма имѣла очень большой успѣхъ, особенно среди молодежи, и задолго еще до появленія въ печати разошлась въ огромномъ количествѣ списковъ. „Дѣтское, незрѣлое и колоссальное созданіе, — отзывается Бѣлинскій, собственноручно списавшій „Демона“ для своей невѣсты, Марьи Васильевны Орловой. — Трудно найти въ немъ и четыре стиха сряду, которыхъ нельзя было бы окритиковать за не-

*) „Записки“ А. О. Смирновой, ч. II, стр. 35—36; Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 508; И. И. Панаевъ. Литерат. воспомин., стр. 256.

точность въ словахъ и выраженіяхъ, за натянутость въ образахъ; съ этой стороны „Демонъ“ долженъ уступить даже „Эдъ“ Баратынскаго; но — Боже мой! — что же передъ нимъ всѣ антологическія стихотворенія Майкова или и самого Анакреона, да еще въ подлинникѣ?... „Демонъ“ сдѣлался фактомъ моей жизни, я твержу его другимъ, твержу себѣ, въ немъ для меня міры истинъ, чувствъ, красоты“... (Пыпинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 139—140).

Поэма „Мцири“ задумана Лермонтовымъ много раньше, какъ это можно видѣть изъ черновой замѣтки въ одной юношеской тетради (1831 г.): „Написать записки молодого монаха 17 лѣтъ. Съ дѣтства онъ въ монастырѣ; кромѣ священныхъ книгъ не читалъ. Страстная душа томится. Идеалы“. (IV, 356).

„Мцири“ — апоѳеозъ личности, всѣми силами своей души и страсти рвущейся „отъ келій душныхъ“

Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны какъ орлы. (II, 311).

Нельзя не видѣть въ поэмѣ и автобіографическихкихъ чертъ: „пламень съ юныхъ лѣтъ“, „желанья и тоска“, „блаженство вольности“, „надеждъ обманутыхъ укоръ“ — все это подлинныя переживанья са­мого поэта.

Изумляетъ своимъ исполненіемъ художественная сторона поэмы — неисчерпаемой роскошью поэтическихъ картинъ и „алмазной крѣпостью и блескомъ“ стиха. „Такой стихъ, — писалъ Бѣлинскій, — булатный мечъ; и кто, едва взявшись за него, вертитъ имъ какъ тросточкою, — тотъ богатырь“... („Отеч. Зап.“ 1840 г., т. XIII, № 11).

Въ „Сказкѣ для дѣтей“, которую Бѣлинскій и Гоголь находятъ самымъ зрѣлымъ изъ всѣхъ произведеній Лермонтова, поэтъ хотѣлъ бы окончательно разстаться съ тѣмъ „могучимъ образомъ“, который, бывало, возмущалъ его „юный умъ“; но поэма обрывается въ самомъ началѣ, и остается загадкою, кто этотъ „хитрый демонъ“ „Сказки“ —

самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ, семейныхъ и любовныхъ... (II, 269).

Особенный интересъ представляетъ героиня поэмы, маленькая Нина, зародышъ женской демонической природы, родственной и близкой самому поэту.

... Душа ея была

Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ;
Ихъ чувствамъ повторяться не дано...
Такія души я любилъ давно
Отыскивать по свѣту на свободѣ:
Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ! (II, 274).

Стихотвореніе „Дума“, по словамъ Бѣлинскаго, всѣхъ изумило не только „громовою силою одушевленія, исполинскою энергіею благороднаго негодованія и глубокой грусти“, но также и „поразительной вѣрностью идей“.

„Эти стихи писаны кровью; они вышли изъ глубины оскорбленнаго духа: это вопль, это стонъ человѣка, для котораго отсутствіе внутренней жизни есть зло, въ тысячу разъ ужаснѣйшее физической смерти!... И кто же изъ людей новаго поколѣнія не найдетъ въ немъ разгадки собственнаго унынія, душевной апатіи, пустоты внутренней, и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ?“... („Отеч. Зап.“ 1840 г., т. X. Отд. V, стр. 26, и 1841 г., т. XIV. Отд. V, 65—66)*).

Съ тревогой и грустью задумывается Лермонтовъ надъ призваніемъ поэта и его ролью въ современномъ обществѣ. Въ нашъ „вѣкъ

*) Этотъ сочувственный отзывъ Бѣлинскаго — лучшее доказательство, что Лермонтовъ былъ очень далекъ отъ намѣренія своею „Думою“ безпошадно унижить поколѣніе „сороковыхъ годовъ“. Брошенный поэтомъ укоръ, — справедливо замѣчаетъ С. А. Андреевскій, — можно впредь до окончанія міра повторять всякому поколѣнію, какъ и двустипіе „Демона“:

Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!

(„Литерат. чтенія“. Изд. 2, стр. 235).

изнѣженный“ участь поэта напоминаетъ заброшенный кинжалъ, без-
славный и безвредный, игрушкой золотой блестящей на стѣнѣ.

...Не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣннѣ?

* * * * *
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ножонъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья? (II, 254).

Въ стихотвореніи „Не вѣрь себѣ“ поэтъ съ горькой ироніей
предостерегаетъ „мечтателя молодого“ отъ порывовъ вдохновенья.

Закрадется-ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ-ли страсть съ грозой и вьюгой, —
Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя....
На диво черни простодушной.

* * * * *
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ,
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ. (II, 256).

Свои грустныя размышленія о трудной миссіи поэта Лермонтовъ
продолжаетъ и въ стихотвореніи „Журналистъ, читатель и писатель“:

Скажите-жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы благодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь?
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойной
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?

О, нѣтъ! — преступною мечтою
Не ослѣпяя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю!... (II, 284).

Къ началу слѣдующаго года Лермонтовъ закончилъ и „Героя нашего времени“. 19 февраля 1840 г. романъ разрѣшенъ былъ цензурою къ печати, а въ первыхъ числахъ мая появился уже въ продажѣ. Подъ общимъ заглавіемъ „Герой нашего времени“ (первоначальное заглавіе было иное: „Одинъ изъ героевъ начала вѣка“) объединено нѣсколько отдѣльныхъ разсказовъ: „Бѣла“, „Максимъ Максимычъ“, „Тамань“, „Княжна Мери“ и „Фаталистъ“.

„Не думайте, — читаемъ въ предисловіи къ роману, — чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему просто было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить — это ужъ Богъ знаетъ!“ (IV, 154).

По сравненію съ героями другихъ произведеній, Печоринъ ближе всего стоитъ къ Александру Радину (изъ драмы „Два брата“), но есть въ немъ и такія черты, которыя роднятъ его съ Юріемъ Волинымъ изъ „Menschen und Leidenschaften“ и Владимиромъ Арбенинымъ въ „Странномъ человѣкѣ“. Болѣе отдаленные предки „героя нашего времени“ — это Демонъ, Измаиль, Арсеній (изъ „Боярина Орши“).

Навѣянь романъ „Евгеніемъ Онѣгинымъ“ Пушкина и „La Confession d'un enfant du siècle“ А. Мюссэ.

„Изъ жизненной бури, — говоритъ о себѣ Печоринъ, — я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслить и судить его“... (IV, 256—57).

„У меня врожденная страсть противорѣчить; цѣлая жизнь моя была только цѣпь грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку. Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ,

и, я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя“.

Изъ этой душевной неуравновѣшенности и происходитъ роковая двойственность загадочной натуры Печорина, непослѣдовательность въ его рѣчахъ и поступкахъ.

Холодный, черствый эгоистъ, доходящій до жестокости и цинизма, неспособный ни къ любви, ни къ дружбѣ, ни къ другимъ благороднымъ порывамъ, изъ боязни „показаться смѣшнымъ самому себѣ“,— Печоринъ въ то же время хочетъ быть любимымъ, ищетъ одной постоянной привязанности, плачетъ какъ ребенокъ послѣ прощанья съ Вѣрой, въ порывѣ жалостной любви, готовъ отдать жизнь за Бѣлу и такъ воспримчивъ къ красотамъ природы, что „нѣтъ женскаго взора, котораго бы онъ не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубого неба или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ“.

Избытокъ рефлексіи, неспособность жить полною жизнью, „рѣшительное бездѣйствіе, или пустая дѣятельность“, все это отлично сознается Печоринымъ и наводитъ его на чрезвычайно грустныя размышленія.

„Душа Печорина, — замѣчаетъ Бѣлинскій, — не каменистая почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля“.

„Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился? А, вѣрно, она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій — лучшей цвѣтъ жизни... Можетъ быть, я завтра умру!... и не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе — мерзавецъ. И то и другое будетъ ложно. Послѣ этого стоитъ ли труда жить? а все живешь — изъ любопытства: ожидаешь чего-то новаго... Смѣшно и досадно“. (IV, 254).

Но выхода изъ своего мучительнаго состоянія Печоринъ не знаетъ и не ищетъ, равнодушно переходя отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, безъ всякой цѣли и надежды.

„Я часто, пробѣгая мыслию прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?... Нѣтъ, я бы не ужился съ этой долею! Я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига“... (IV, 268).

„Въ первой молодости моей я былъ мечтателемъ; я любилъ ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе. Но что отъ этого мнѣ осталось?— одна усталость, какъ послѣ ночной битвы съ привидѣніемъ, и смутное воспоминаніе, исполненное сожалѣній. Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и жаръ души и постоянство воли, необходимое для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ“. (IV, 273).

Печорина Лермонтовъ надѣлилъ многими характерными чертами своей собственной природы, и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста романа, несомнѣнно, исповѣдъ самого поэта.

„У меня несчастный характеръ, — жалуется Печоринъ Максиму Максимычу, — воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ, — не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе, только дѣло въ томъ, что это такъ...“

Во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало: къ печали я такъ же легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день ото дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь, — только не въ Европу, избави Боже! — поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію, — авось гдѣ-нибудь умру на дорогѣ! По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе не скоро истощится, съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ“. — (IV, 178—79).

Х.

Изъ Петербурга Лермонтовъ отправился въ Москву и прожилъ тамъ около мѣсяца. Познакомился съ Юріемъ Ѳедоровичемъ Самаринимъ, Аксаковыми, княземъ А. В. Мещерскимъ и др.

„Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда, — пишетъ Самаринъ кн. И. С.

Гагарину, — чрезъ Москву потянулась вся плеяда 16-ти, направляющаяся на югъ. Я часто видѣлъ Лермонтова за все время его пребыванія въ Москвѣ. Это чрезвычайно артистическая натура, неуловимая и неподдающаяся никакому внѣшнему вліянію, благодаря своей наблюдательности и значительной дозѣ индифферентизма. Вы еще не успѣли съ нимъ заговорить, а онъ васъ уже насквозь раскусилъ; онъ все замѣчаетъ; его взоръ тяжель и чувствовать на себѣ этотъ взоръ утомительно. Первые минуты присутствіе этого человѣка было мнѣ непріятно; я чувствовалъ, что онъ очень проницателенъ и читаетъ въ моемъ умѣ, но въ то же время я понималъ, что сила эта имѣла причиною одно лишь простое любопытство, безъ всякаго иного интереса, и потому поддаваться этой силѣ казалось мнѣ унижительнымъ. Этотъ человѣкъ никогда не слушаетъ то, что вы ему говорите — онъ васъ самихъ слушаетъ и наблюдаетъ, и послѣ того, какъ онъ вполне понялъ васъ, вы продолжаете оставаться для него чѣмъ-то совершенно внѣшнимъ, не имѣющимъ никакого права что-либо измѣнить въ его жизни. Въ моемъ положеніи, мнѣ очень жаль, что знакомство наше не продолжалось дольше. Я думаю, что между имъ и мною могли бы установиться отношенія, которыя помогли бы мнѣ постичь многое“. („Новое Слово“ 1894 г., кн. II, стр. 44—45).

9 мая Лермонтовъ, вмѣстѣ съ И. С. Тургеневымъ, кн. П. А. Вяземскимъ, М. А. Дмитриевымъ, М. Н. Загоскинымъ и др., былъ на именинномъ обѣдѣ у Гоголя, устроенномъ въ саду при домѣ Погодина, и читалъ наизусть отрывки изъ поэмы „Мцири“. (Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. V, стр. 360).

10 іюня Лермонтовъ пріѣхалъ въ Ставрополь, главную квартиру командующаго войсками Кавказской линіи, и былъ прикомандированъ къ отряду генераль-лейтенанта Галафѣева. Состоя отряднымъ адъютантомъ, онъ принимаетъ участіе въ двухъ большихъ походахъ: съ 6 по 14 іюля—въ Малую Чечню и съ 27 сентября по 18 октября—въ Большую Чечню; ему же поручено было и вести „Журналъ военныхъ дѣйствій“ своего отряда.

Выйдя 6 іюля изъ крѣпости Грозной, отрядъ Галафѣева очень быстро и почти безпрятственно достигъ Гехинскаго лѣса, гдѣ

непріятель собралъ всѣ свои силы, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему движенію. 11 іюля произошло памятное сраженіе при Валерикѣ — „рѣчкѣ смерти“.

„Впереди — читаемъ въ „Журналъ военныхъ дѣйствій“, — виднѣлся лѣсъ, двумя клиньями подходящій съ обѣихъ сторонъ къ дорогѣ. Рѣчка Валерикъ, протекая по самой опушкѣ лѣса, въ глубокихъ, совершенно отвѣсныхъ берегахъ, пересѣкала дорогу въ перпендикулярномъ направленіи, дѣлая входящій уголъ къ сторонѣ Ачхой. Правый берегъ былъ болѣе открытъ, по лѣвому тянулся лѣсъ, который былъ около дороги прорубленъ на небольшой ружейный выстрѣлъ, такъ что вся эта мѣстность представляла нѣчто въ видѣ бастионнаго фронта съ глубокимъ водянымъ рвомъ... Добѣжавъ до лѣсу, войска неожиданно остановлены были отвѣсными берегами рѣчки и срубамъ изъ бревенъ, за трое сутокъ впередъ приготовленными непріателемъ, откуда онъ производилъ смертоносный ружейный огонь... Помогая другъ другу, солдаты перебирались черезъ оврагъ по обрывамъ, по грудь въ водѣ, и вскочили въ лѣсъ въ одно время съ обѣихъ сторонъ дороги. Въ лѣсу они сошлись съ чеченцами лицомъ къ лицу; огонь умолкъ на время; губительное холодное оружіе заступило его. Бой продолжался не долго. Кинжалъ и шашка уступили штыку! Фанатическое изступленіе отчаянныхъ мюридовъ не устояло противъ хладнокровной храбрости русскаго солдата! Числительная сила разбросанной толпы должна была уступать нравственной силѣ стройныхъ войскъ, и чеченцы выбѣжали на поляну на лѣвомъ берегу рѣчки Валерика, откуда картечь изъ двухъ конныхъ орудій... снова вогнала ихъ въ лѣсъ... Въ лѣсу снова начали раздаваться весьма частые ружейные выстрѣлы; но это не былъ уже бой, а походило болѣе на травлю дикихъ звѣрей! Избѣгая смерти съ одной стороны и пробираясь между кустами, чеченецъ встрѣчалъ ее неожиданно съ другой стороны... Мало-по-малу бой началъ утихать; въ лѣсу остались одни только мертвые, и войска начали вытягиваться съ другой стороны поляны, чтобы обезпечить переправу, которую разрабатывали саперы, съ трудомъ отозванные изъ лѣсу, гдѣ они нашли пищу для своей необыкновенной храбрости“... (Г. С. Лебединцевъ. М. Ю. Лермонтовъ въ битвахъ съ черкесами въ 1840 году — „Русск. Стар.“ 1891 г., кн. VIII, стр. 355—68).

Что касается Лермонтова, то онъ, во время штурма непріятель-

скихъ заваловъ на р. Валерикъ, имѣлъ отвѣтственное порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. „Но офицеръ этотъ, — доносить начальник отряда, — не смотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отмѣннымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы“.

За дѣло при Валерикѣ Лермонтовъ, не имѣвшій никакого ордена, представленъ былъ прямо къ Владимиру 4-й степени, но въ Петербургѣ въ наградѣ ему отказали.

Подъ впечатлѣніемъ кроваваго сраженія при Валерикѣ Лермонтовъ пишетъ небольшую поэму „Валерикъ“, въ видѣ письма къ В. А. Лопухиной. Это стихотвореніе даетъ намъ не только жанровую картину боевой жизни, но и удивительнѣйшую страницу исповѣди поэта, поражающую „сосредоточенною и жестокою печалью“.

Перечитывая страницы прошлаго, поэтъ, „теперь остынувшимъ умомъ“, отмѣчаетъ послѣдовательные моменты своей жизненной драмы: сначала была любовь, потомъ страданье и тревога, какъ расплата за дни блаженства, затѣмъ тяжелые годы бесплоднаго раскаянья и, наконецъ, холодное размысленіе, убившее послѣдній жизни цвѣтъ...

Мой крестъ несу я безъ роптанья:
То иль другое наказанье —
Не все-ль одно?... Я жизнь постигъ.
Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
За все я равно благодаренъ;
У Бога счастья не прошу
И молча зло перенешу... (II, 299).

Кочевая военная жизнь, труды, заботы, ночью и днемъ, отвлекаютъ поэта отъ его прежнихъ тяжелыхъ думъ, но въ то же время просыпается новая грусть:

. . . Жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ, —
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?... (II, 304).

„Я надѣялся, — сознается Лермонтовъ словами Печорина, — что скука не живетъ подь чеченскими пулями, — напрасно: черезъ мѣсяць я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ, — и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду“... (IV, 179).

По окончаніи экспедиціи въ Малую Чечню Лермонтовъ уѣхалъ въ Пятигорскъ, чтобы отдохнуть и полѣчиться. Наѣзжая изъ Пятигорска въ Кисловодскъ, онъ познакомился съ женою французскаго консула въ Одессѣ, Аделью Гоммеръ де-Гелль, поэтессою, очень красивою и образованною женщиною, пользовавшеюся громаднымъ успѣхомъ среди многочисленныхъ поклонниковъ.

Начавъ ухаживать за Лермонтовымъ, чтобы „позлить“ влюбленную въ него Нину Александровну Реброву и какую-то „Петербургскую франтиху“, обворожительная француженка, повидимому, сама увлеклась поэтомъ, „этимъ, какъ она выражалась, Прометеемъ, прикованнымъ къ скаламъ Кавказа“, „золотымъ руномъ Колхиды“, которымъ такъ заманчиво было бы овладѣть...

„Мы очень весело провели время, — пишетъ она одной изъ своихъ подругъ. Лермонтовъ былъ блистателенъ, Реброва очень оживлена. Петербургская франтиха старалась афишировать Лермонтова, но это ей не удавалось. Въ часъ мы пошли домой. Лермонтовъ заявилъ Ребровой, что онъ ея не любитъ и никогда не любилъ. Я ее бѣдную уложила спать, и она вскорѣ заснула. Было около 2 часовъ ночи. Я только что вошла въ мою спальню. Вдругъ тукъ-тукъ въ окно, и я вижу моего Лермонтова, который у меня просить позволенія скрыться отъ преслѣдующихъ его непріятелей. Я, разумѣется, открыла дверь и впустила моего героя. Онъ у меня всю ночь остался до утра. Бѣдная Реброва лежала при смерти. Я около нея ухаживала. — Я принимаю только одного Лермонтова. Сплетнямъ не было конца. Онъ оставилъ въ ту же ночь свою военную фуражку съ краснымъ околышкомъ у Петербургской дамы. Всѣ говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ имѣлъ въ ту же ночь rendez-vous съ Ребровой. Петербургская франтиха проѣзжала верхомъ мимо моихъ оконъ въ фуражкѣ Лермонтова, и Лермонтовъ ей сопутствовалъ. Меня это совершенно взорвало, и я его болѣе не принимала подь предлогомъ моихъ заботъ о несчастной дѣвушкѣ“... „Я правды такъ и не добилась. Лер-

монтовъ всегда и со всѣми лжетъ. Такая его система. Всѣ знакомые, имѣвшіе съ нимъ сношенія, говоря съ его словъ, рассказывали все разное. Обо мнѣ онъ ни полслова не говорилъ. Я была тронута“... („Русск. Арх.“ 1887 г., № 9, стр. 131).

Въ концѣ августа пріѣхалъ въ Кисловодскъ мужъ г-жи Гоммеръ де-Гелль, и она уѣхала съ нимъ въ Крымъ, взявъ съ Лермонтова слово, что онъ, при первой же возможности, пріѣдетъ къ нимъ въ Ялту, чтобы получить отъ нея отвѣтное стихотвореніе.

Возвратившись въ дѣйствующій отрядъ, Лермонтовъ, съ конца сентября до половины октября, участвуетъ въ 20-дневной экспедиціи генерала Галафѣева въ Большую Чечню, командуя небольшимъ отрядомъ охотниковъ, прозваннымъ „Лермонтовскимъ отрядомъ“. „Не знаю, что будетъ дальше,—пишетъ поэтъ А. А. Лопухину,—а пока судьба меня не очень обижаетъ: я получилъ въ наслѣдство отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ, состоящую изъ ста козаковъ — разный сбродъ, волонтеры, татары и проч., это нѣчто въ родѣ партизанскаго отряда, и если мнѣ случится съ нимъ удачно дѣйствовать, то, авось, что-нибудь дадутъ; я ими только четыре дня въ дѣлѣ командовалъ и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но такъ какъ, вѣроятно, мы будемъ еще воевать цѣлую зиму, то я успѣю ихъ раскусить“... (IV, 340).

„Эта команда головорѣзовъ,— добавляетъ историкъ Тенгинскаго полка,— рыская впереди главной колонны войскъ, открывала присутствіе непріятеля; какъ снѣгъ на голову, сваливалась на аулы чеченцевъ и, дѣйствуя исключительно холоднымъ оружіемъ, не давала никому пощады“... (Д. В. Раковичъ. Тенгинскій полкъ на Кавказѣ, стр. 247—50. Ср. „Русск. Стар.“ 1884 г., кн. I, стр. 85).

Принимая участіе въ нѣсколькихъ „дѣлахъ“, Лермонтовъ обратилъ на себя вниманіе начальника отряда „расторопностью, вѣрностью взгляда, пылкимъ мужествомъ“ и, по окончаніи экспедиціи, представленъ былъ къ награждѣ золотую саблею съ надписью: „За храбрость“.

18 октября, по приказанію военнаго министра, въ командованіе Чеченскимъ отрядомъ Галафѣева вступилъ генераль-адъютантъ Граббе, предпринявшій новый походъ въ Большую и Малую Чечню, но Лермонтовъ, по всей вѣроятности, въ этихъ экспедиціяхъ уже не принималъ участія, такъ какъ въ концѣ октября и въ началѣ ноября мы

видимъ его въ Крыму съ Гоммеръ де-Гелль, а 18 ноября отрядъ былъ распущенъ на зимнія квартиры.

29 октября Гоммеръ де-Гелль пишетъ своей подругѣ: „Лермонтовъ сидитъ у меня въ комнатѣ, въ Мисхорѣ, принадлежащемъ Ольгѣ Нарышкиной, и поправляетъ свои стихи... Какъ я къ нему привязалась! Мы такъ могли быть счастливы вмѣстѣ! Не подумай чего дурного, у тебя на этотъ счетъ большой запасъ воображенія. Между нами все чисто. Мы оба поэты.... Онъ сблизился со мною за четыре дня до моего отъѣзда изъ Пятигорска и бросилъ меня изъ-за старой рыжей франтихи, которая до смерти всѣмъ въ Петербургѣ надоѣла и пріѣхала попробовать счастья на Кавказскихъ водахъ. Они меня измучили, и я выѣхала изъ Кисловодска совсѣмъ больная. Теперь я счастлива, но не надолго“...

Изъ дальнѣйшихъ ея писемъ видно, что Лермонтовъ пробылъ въ Крыму до 5 ноября, торопился въ Петербургъ и ужасно боялся, чтобы не узнали тамъ, что онъ заѣзжалъ въ Ялту, такъ какъ изъ-за этого можетъ пострадать его карьера. Разставаясь съ Гоммеръ де-Гелль, Лермонтовъ написалъ ей на память по-французски стихотвореніе — „Près d'un bouleau qui balance“, въ которомъ разказалъ объ одномъ курьезномъ приключеніи во время ихъ совмѣстной прогулки въ Симеизъ.

„Не правда-ли,—спрашиваетъ Гоммеръ де-Гелль свою подругу,— стихи очень звучны? Они такъ и льются въ душу. Я ихъ ставлю выше стиховъ, которые мнѣ посвятилъ Альфредъ Мюссэ... По смерти Пушкина Лермонтовъ — величайшій поэтъ Россіи... Мнѣ жаль его: онъ дурно кончитъ. Онъ не для Россіи рожденъ“...

Встрѣча съ Гоммеръ де-Гелль и на Лермонтова произвела сильное впечатлѣніе. Вспоминая о ней черезъ годъ, онъ признавался барону Е. И. фонъ-Майделю: „О, если бы вы знали, что это за женщина! Умна и обольстительна, какъ фея. Я въ телѣжкѣ проскакалъ до двухъ тысячъ верстъ, чтобы нѣсколько часовъ пробыть наединѣ съ нею“... („Историч. Вѣстн.“ 1893 г., кн. XII, стр. 854).

Конецъ года Лермонтовъ проводитъ въ Ставрополѣ, гдѣ въ ту зиму собралась вся „la fine fleur“ военной молодежи, пріѣхавшей на Кавказъ „за лаврами“: баронъ Ип. Ал. Вревскій, Д. А. Столыпинъ (братъ Монго), графъ Карлъ Ламбертъ, князь Сергѣй Трубецкой, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, Д. С. Бибииковъ, Р. И. Дороховъ, бар.

Л. В. Россильонъ и др. Время отъ времени наѣзжалъ изъ Прочнаго Окопа (крѣпость на Кубани) Мих. Алекс. Назимовъ, декабристъ *).

„Несмотря на скромность свою, — вспоминаетъ А. Есаковъ, — М. А. (Назимовъ) какъ-то само-собою выдвигался на почетное мѣсто и все, что имъ говорилось, бывало выслушиваемо безъ перерывовъ и шалостей, въ которыя чаще другихъ вдавался М. Ю. (Лермонтовъ). Никогда я не замѣчалъ, чтобы въ разговорѣ съ М. А. Назимовымъ, а также съ И. А. Вревскимъ Лермонтовъ позволялъ себѣ обычный свой тонъ *persiflage*'а. Не то бывало со мной. Какъ младшій, юнѣйшій въ этой избранной средѣ, онъ школьничалъ со мной до предѣловъ возможнаго; а когда замѣчалъ, что теряю терпѣніе (что впрочемъ не долго заставляло себя ждать), онъ, бывало, ласковымъ словомъ, добрымъ взглядомъ или поцѣлуемъ тотчасъ уйметъ мой пылъ“.

(„Русск. Стар.“ 1885 г., кн. II, стр. 474).

Во время походовъ въ Чечню Лермонтовъ познакомился и близко сошелся съ генераломъ К. Х. Мамацевымъ, въ то время молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ.

„Я хорошо помню Лермонтова, — рассказываетъ Мамацевъ, — и какъ сейчасъ вижу его передъ собою то въ красной канаусовой рубашкѣ, то въ офицерскомъ сюртукѣ безъ эполетъ, съ откинутымъ назадъ воротникомъ и переброшенною черезъ плечо черкесской шашкой, какъ обыкновенно рисуютъ его на портретахъ. Онъ былъ средняго роста, съ смуглымъ или загорѣлымъ лицомъ и большими карими глазами. Натуру его постичь было трудно. Въ кругу своихъ товарищей, гвардейскихъ офицеровъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ экспедиціи, онъ былъ всегда веселъ, любилъ острить, но его остроты часто переходили въ мѣткіе и злые сарказмы, не доставлявшіе особаго удовольствія тѣмъ, на кого были направлены.

Когда онъ оставался одинъ или съ людьми, которыхъ любилъ, онъ становился задумчивъ, и тогда лицо его принимало необычно-

*) Въ Ставрополѣ познакомился съ Лермонтовымъ бар. А. И. Дельвигомъ. „Лермонтова, — пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — я увидалъ въ первый разъ за обѣдомъ 6-го января. Онъ и Пушкинъ много острили и шутили съ женою Граббе, женщиною небольшого ума и мало образованною... Я тутъ же познакомился съ Лермонтовымъ и въ продолженіе моего пребыванія въ Ставрополѣ всего чаще я видѣлся съ нимъ и съ Пушкинымъ. Они бывали у меня, но съ перваго раза своими рѣзкими манерами, не всегда приличными остротами и въ особенноти своею страстью къ вину, не понравились женѣ моей“.

(„Мои воспоминанія“ . Т. I. М. 1912, стр. 297).

венно выразительное, серьезное и даже грустное выражение; но стоило появиться хотя одному гвардейцу, какъ онъ тотчасъ же возвращался къ своей банальной веселости, точно стараясь выдвинуть вперед одну пустоту свѣтской петербургской жизни, которую онъ презиралъ глубоко. Въ эти минуты трудно было узнать, что происходило въ тайникахъ его великой души. Онъ имѣлъ склонность и къ музыкѣ, и къ живописи, но рисовалъ однѣ каррикатуры, и если чѣмъ интересовался, такъ это шахматною игрою, которой предавался съ увлеченіемъ“... („Кавказъ“ 1897 г., № 235).

У Мамацева осталось впечатлѣніе, что Лермонтовъ никогда бы не сдѣлалъ на военномъ поприщѣ блестящей карьеры, — для этого у него недоставало терпѣнія и выдержки. Онъ былъ отчаянно храбръ, удивлялъ своею удалею даже старыхъ Кавказскихъ джигитовъ, но это не было его призваніемъ, и военный мундиръ онъ носилъ только потому, что тогда вся молодежь лучшихъ фамилій служила въ гвардіи. Даже въ походахъ онъ никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, какъ блуждающая комета, бродила всюду, появляясь тамъ, гдѣ ей вздумается, въ поискахъ самыхъ опасныхъ мѣстъ.

XI.

Въ половинѣ января 1841 года Лермонтовъ получилъ отпускъ и уѣхалъ въ Петербургъ.

На другой же день по прїѣздѣ онъ отправился на балъ къ графинѣ Воронцовой-Дашковой. Появленіе опального офицера на балу, гдѣ были Высочайшія Особы, сочли „неприличнымъ и дерзкимъ“, а разные недоброжелатели воспользовались этимъ случаемъ, какъ доказательствомъ, что поэтъ совершенно неисправимъ въ своихъ выходкахъ.

Зато общество встрѣтило его чрезвычайно радушно.

„Три мѣсяца, проведенные тогда Лермонтовымъ въ столицѣ, — пишетъ въ своихъ замѣткахъ графиня Е. П. Ростопчина, — были, какъ я полагаю, самые счастливые и самые блестящіе въ его жизни. Отлично принятый въ свѣтѣ, любимый и балованный въ кругу близкихъ, онъ утромъ сочинялъ какіе-нибудь прелестные стихи и приходилъ къ намъ читать ихъ вечеромъ. Веселое расположеніе духа проснулось въ немъ опять, въ этой дружественной обстановкѣ, онъ

придумывалъ какую-нибудь шутку или шалость, и мы проводили цѣлые часы въ веселомъ смѣхѣ, благодаря его неисчерпаемой веселости“. („Русск. Стар.“ 1882 г., кн. IX, стр. 619. Ср. Замѣтки и воспоминанія М. Н. Лонгинова, стр. 10).

Когда срокъ отпуска приходилъ къ концу, друзья поэта начали хлопотать объ отсрочкѣ, и Лермонтову разрѣшено было еще остаться въ Петербургѣ на нѣкоторое время. Въ надеждѣ получить полную отставку, Лермонтовъ пропустилъ и этотъ новый срокъ, и рѣшилъ уѣхать лишь послѣ очень энергичнаго приказанія дежурнаго генерала Клейнмихеля оставить столицу въ 48 часовъ. Говорили, что на этомъ очень настаивалъ Бенкендорфъ, тяготившійся присутствіемъ въ Петербургѣ такого „безпокойнаго“ человѣка, какъ Лермонтовъ *).

Оставляя Петербургъ, Лермонтовъ былъ въ очень угнетенномъ состояніи и не переставалъ увѣрять своихъ друзей, что онъ уже не вернется живымъ. Князь В. Ѳ. Одоевскій, прощаясь съ Лермонтовымъ, подарилъ ему на память свою старую любимую записную книгу, съ тѣмъ, чтобы поэтъ возвратилъ ее самъ и всю исписанную. По смерти Лермонтова эта записная книжка была возвращена Одоевскому Е. Е. Хастатовымъ, 30 декабря 1843 года, и въ ней оказались такіе перлы Лермонтовской поэзіи, какъ: „Споръ“, „Сонъ“, „Утесъ“, „Они любили другъ друга“, „Тамара“, „Свиданье“, „Дубовый листокъ оторвался“, „Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю“, „Выхожу одинъ я на дорогу“, „Морская царевна“ и „Пророкъ“. Рукою Одоевскаго вписаны сюда нѣсколько текстовъ изъ апостольскихъ посланій, имѣющихъ отношеніе къ тѣмъ религіознымъ спорамъ, какіе бывали между Лермонтовымъ и Одоевскимъ.

*) Всю горечь обиды и негодованія по этому поводу поэтъ излилъ въ стихотвореніи:

Прощай, немая Россія,
Страна рабовъ, страна господь,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный имъ народъ.
Быть - можетъ, за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ пашей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей. (II, 336—37).

Въ послѣднихъ стихотвореніяхъ Лермонтова слышатся прежніе мотивы. Поэтъ сравниваетъ себя съ „бѣднымъ листочкомъ дубовымъ“, созрѣвшимъ до срока, выросшимъ „въ отчизнѣ суровой“:

Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя. (II, 345).

Какъ и раньше, поэтъ ропщетъ на „судьбы рѣшенье“, жалуется на скуку и грусть, на горечь слезъ, на месть враговъ и клевету друзей; скорбитъ, что жаръ души растраченъ въ пустынь (II, 288—89).

Ни поворота въ настроеніи, ни просвѣтленнаго примиренія съ міромъ, ни желанія слиться съ людьми и жизнью.

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть... (II, 348).
За все, за все Тебя благодарю я...
За все, чѣмъ я обмануть въ жизни былъ,—

съ горькой ироніей обращается поэтъ къ Творцу.

Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ. (II, 288).

Мысль о „жалкомъ“ человѣкѣ способна отравить и тѣ недолгія минуты покоя и забвенья, какія доставляетъ поэту общеніе съ природою (II, 304).

Не даромъ природа, въ стихотвореніи „Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой“, такъ недружелюбно встрѣтила человѣка, когда онъ пришелъ къ ней въ поискахъ пріюта.

На что мнѣ тебя! отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...
Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море. (II, 345) *).

*) Объ отношеніи Лермонтова къ природѣ подробности см.: И. Ф. Анненскій. Объ эстетическомъ отношеніи Л-ва къ природѣ—„Русск. Школа“

Въ Москвѣ Лермонтову пришлось познакомиться съ выдающимся нѣмецкимъ поэтомъ и критикомъ, Фридрихомъ Боденштедтомъ.

„Лермонтовъ,—вспоминаетъ Боденштедтъ,—вполнѣ умѣлъ быть милымъ. Отдаваясь кому-нибудь, онъ отдавался отъ всего сердца; только едва-ли это съ нимъ часто случалось... Людей же, недостаточно знавшихъ его, чтобы извинять его недостатки за его высокія, обаятельные качества, онъ скорѣе отталкивалъ, нежели привлекалъ къ себѣ, давая слишкомъ много воли своему нѣсколько колкому остроумію. Впрочемъ, онъ могъ быть, въ то же время, кротокъ и нѣженъ какъ ребенокъ, и вообще въ характерѣ его преобладало задумчивое, часто грустное настроеніе. Серьезная мысль была главною чертою его благороднаго лица, какъ и всѣхъ значительнѣйшихъ его твореній, къ которымъ его легкія, шуточные произведенія относятся такъ же, какъ его насмѣшливый, тонко-очерченный ротъ къ его большимъ, полнымъ думы глазамъ“... („Современникъ“ 1861 г., т. LXXXV. Отд. II, стр. 326—28).

Послѣдній, кто пожалъ руку Лермонтова въ Москвѣ, былъ Юрій Самаринъ. „Во время его послѣдняго проѣзда чрезъ Москву, — пишетъ Самаринъ Гагарину, — мы очень часто встрѣчались. Я никогда не забуду нашего послѣдняго свиданія, за полчаса до его отъѣзда... Все это возстаетъ у меня въ памяти съ поразительною ясностью. Онъ сидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ я вамъ теперь пишу. Онъ говорилъ мнѣ о своей будущности, о своихъ литературныхъ проектахъ, и среди всего этого онъ проронилъ о своей скорой кончинѣ нѣсколько словъ, которыя я принялъ за обычную шутку съ его стороны... Прощаясь со мной, онъ оставилъ мнѣ стихи, его послѣднее твореніе“. („Новое Слово“ 1894 г., кн. II, стр. 47).

Изъ Москвы Лермонтовъ отправился вмѣстѣ съ А. А. Столыпнымъ, который вновь поступилъ на службу и былъ прикомандированъ къ Нижегородскому драгунскому полку. По дорогѣ они останавливались въ Тулѣ, у А. Меринскаго („Атеней“ 1848 г., № 48), и заѣзжали въ усадьбу „Мишково“, Мценскаго у. Орловской губ., къ М. П. Глѣбову, будущему секундantu Лермонтова на его послѣдней

1891 г., № 12, стр. 73—83; В. О. Саводникъ. Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М. 1911 г., стр. 85—136; В. В. Розановъ „Демонъ“ Лермонтова и его древніе родичи — „Русск. Вѣстникъ“ 1902 г., № 9, стр. 45—46.

дуэли. (В. Смысловскій. Воспоминаніе о пребываніи М. Ю. Лермонтова въ Орловской губ. Ор. 1909).

Изъ Ставрополя Лермонтовъ писалъ бабушкѣ о своемъ намѣреніи сначала отправиться въ крѣпость Шуру, гдѣ въ то время находился его полкъ, а оттуда — на минеральныя воды (IV, 342); но, доѣхавъ до Георгіевской крѣпости, онъ измѣнилъ свой прежній планъ. Характерныя для Лермонтова подробности по этому поводу находимъ въ воспоминаніяхъ ремонтера Борисоглѣбскаго уланскаго полка П. И. Магденко, познакомившагося съ Лермонтовымъ и Столыпинымъ на станціи Георгіевской. „На другое утро, — рассказываетъ Магденко, — Лермонтовъ, входя въ комнату, въ которой я со Столыпинымъ сидѣли уже за самоваромъ, обратясь къ послѣднему, сказалъ: „Послушай, Столыпинъ, а вѣдь теперь въ Пятигорскѣ хорошо, тамъ Верзилины (онъ назвалъ еще нѣсколько именъ); поѣдемъ въ Пятигорскъ“. Столыпинъ отвѣчалъ, что это невозможно. „Почему? — быстро спросилъ Лермонтовъ, — тамъ комендантъ старый Ильяшевичъ и явятся къ нему нечего, ничто намъ не мѣшаетъ. Рѣшайся, Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ“... Съ этими словами вынулъ онъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами, взялъ изъ него монету и сказалъ: „вотъ послушай, бросаю полтинникъ, если упадетъ кверху орломъ — ѣдемъ въ отрядъ; если рѣшеткой — ѣдемъ въ Пятигорскъ. Согласенъ?“ Столыпинъ молча кивнулъ головой. Полтинникъ былъ брошенъ и упалъ къ нашимъ ногамъ рѣшеткою вверхъ. Лермонтовъ вскочилъ и радостно закричалъ: „въ Пятигорскъ, въ Пятигорскъ! позвать людей, намъ уже запрягли!“ Люди, два дюжихъ татарина, узнавъ въ чемъ дѣло, упали передъ господами и благодарили ихъ, выражая непритворную радость. Вѣрно, — думалъ я, — нелегка пришлась бы имъ жизнь въ отрядѣ“ *).

Когда пришло время ѣхать дальше, Магденко пригласилъ Лермонтова и Столыпина въ свою коляску. „Лермонтовъ и я сидѣли на задней скамьѣ, Столыпинъ на передней. Намъ обдавало цѣлымъ по-

*) Этотъ рассказъ Магденки подтверждается письмомъ А. А. Кикина къ М. А. Бабиной отъ 2 августа 1841 г., изъ с. Воробьева. „Лермонтовъ, — читаемъ здѣсь, — въ послѣднемъ письмѣ къ Мартынову писалъ сюда, что онъ кидаль вверхъ гривенникъ, загадывалъ, куда ему ѣхать. Онъ упалъ рѣшетомъ. Сіе означало — въ Пятигорскъ, и отъ того тамъ погибъ. Пишетъ: „хочу ѣхать къ истинному моему другу, который болѣе двадцати нашихъ русскихъ зарѣзалъ и теперь смиренный!“ Довольно этого, чтобы знать, каковъ былъ“... (Русск. Стар. 1896 г., кн. II, стр. 316).

токомъ дождя. Лермонтову хотѣлось закурить трубку, — оно оказалось немислимымъ. Дорогой и Столыпинъ и я молчали, Лермонтовъ говорилъ почти безъ умолку и все время былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Между прочимъ онъ указывалъ намъ на озеро, кругомъ котораго онъ джигитовалъ, а трое черкесъ гонялись за нимъ, но онъ ускользнулъ отъ нихъ на лихомъ своемъ карабахскомъ конѣ. Говорилъ Лермонтовъ и о вопросахъ, касавшихся общаго положенія дѣлъ въ Россіи. Объ одномъ высокопоставленномъ лицѣ я услышалъ отъ него тогда въ первый разъ въ жизни моей такое жесткое мнѣніе, что оно и теперъ еще кажется мнѣ преувеличеннымъ.

Промокшіе до костей, пріѣхали мы въ Пятигорскъ и вмѣстѣ остановились на бульварѣ въ гостинницѣ, которую содержалъ армянинъ Найтаки. Минуть черезъ 20 въ мой номеръ явились Столыпинъ и Лермонтовъ, уже переодѣтыми, въ бѣломъ какъ снѣгъ бѣльѣ и халатахъ. Лермонтовъ былъ въ шелковомъ темно-зеленомъ, съ узорами халатѣ, опоясанный толстымъ шнуркомъ съ золотыми жолудями на концахъ. Потирая руки отъ удовольствія, Лермонтовъ сказалъ Столыпину: „Вѣдь и Мартышка, Мартышка здѣсь. Я сказалъ Найтаки, чтобы послали за нимъ“. Именемъ этимъ, — заканчиваетъ Магденко, — Лермонтовъ пріятельски называлъ стариннаго своего хорошаго знакомаго, а потомъ скоро противника, которому рокъ судилъ убить надѣжу русскую на поединкѣ“... („Русск. Стар.“ 1879 г., кн. III, стр. 525—30)*).

ХІІ.

По пріѣздѣ въ Пятигорскъ (23 мая) Лермонтовъ подалъ рапортъ о болѣзни и началъ хлопотать, сначала передъ Пятигорскимъ комендантомъ, а потомъ передъ командиромъ Тенгинскаго полка, о разрѣшеніи ему пользоваться минеральными водами въ Пятигорскѣ. Съ этою цѣлью было представлено имъ медицинское свидѣтельство, въ которомъ значилось, что Лермонтовъ одержимъ золотухою и цын-

*) Вскорѣ по отъѣздѣ Лермонтова изъ Петербурга, посланъ былъ приказъ командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, „дабы поручикъ Лермонтовъ непременно состоялъ на лицо во фронтѣ и чтобы начальство отнюдь не осмѣливалось ни подъ какимъ предлогомъ удалять его отъ фронтовой службы въ своемъ полку“. („Русск. Арх.“ 1911 г., № 9, стр. 159).

готнымъ худосочиємъ, сопровождаемымъ припухlostью и болью десенъ, а также изъязвленіемъ языка и ломотою ногъ, — почему ему необходимо продолжать пользованіе минеральными водами въ теченіе цѣлаго лѣта 1841 г. (Д. В. Раковичъ. Тенгинскій полкъ на Кавказѣ. Приложенія, стр. 33—34).

Получивъ разрѣшеніе остаться въ Пятигорскѣ, Лермонтовъ съ Столыпинымъ сняли квартиру въ домѣ В. И. Чилиева, на краю города, недалеко отъ подошвы Машука *).

По сосѣдству, на томъ же дворѣ и черезъ садъ, поселились давнишніе знакомые Лермонтова и Столыпина—кн. А. И. Васильчиковъ, М. Н. Глѣбовъ, Н. С. Мартыновъ и кн. С. В. Трубецкой.

„Мы, — вспоминаетъ князь А. И. Васильчиковъ, — жили дружно, весело и нѣсколько разгульно, какъ живется въ этомъ беззаботномъ возрастѣ, 20—25 лѣтъ“. Время проходило въ шумныхъ пикникахъ, кавалькадахъ, вечеринкахъ съ музыкою и танцами. Чаше и охотнѣе всего собирались въ домѣ хлѣбосольной Марьи Ивановны Верзилиной, жены генерала П. С. Верзилина, имѣвшей трехъ дочерей — Аграфену Петровну, Надежду Петровну и Эмилию Александровну. Особеннымъ успѣхомъ среди Пятигорской молодежи пользовалась Эмилія Александровна, дочь М. И. Верзилиной отъ перваго брака съ полковникомъ Клингенбергомъ, — прозванная „розой Кавказа“.

По воспоминаніямъ Эмилиі Александровны, вышедшей впоследствии замужъ за родственника и друга дѣтства Лермонтова, Ак. П. Шанъ-Гирея, — Лермонтовъ былъ представленъ ей, въ числѣ прочей молодежи, въ маѣ мѣсяцѣ 1841 года, по пріѣздѣ въ Пятигорскъ, и нисколько не ухаживалъ за нею, а находилъ особенное удовольствіе, — какъ она выражается, — „me taquíner“. „Я отдѣлывалась какъ могла то шуткою, то молчаньемъ, ему же крѣпко хотѣлось меня рассердить; я долго не поддавалась, наконецъ это мнѣ надоѣло, и я

*) Весною 1912-го года бывшая усадьба Чилиева пріобрѣтена Пятигорскою городскою управою, и въ „Лермонтовскомъ домикѣ“ устроенъ музей памяти поэта. („Кавказскіе курорты“ 1912 г., № 7). Впрочемъ, въ какомъ именно изъ принадлежавшихъ Чилиеву флигелей жилъ Лермонтовъ, наружномъ или двухэтажномъ (теперешнемъ сараѣ), — мѣстные старожилы спорятъ. (Ср. „Кавказскій Край“ 1911 г., №№ 143 и 156; 1912 г., № 159). Подробное описаніе „Лермонтовскаго домика“ см. „Историч. Вѣстн.“ 1892 г., кн. II, стр. 438—40 (ст. П. Мартынова); „Новое Время“ 1908 г., № 11,601 (ст. В. В. Розанова); „Кавказск. Край“ 1912 г., № 159 (ст. Е. Осипова), и др.

однажды сказала Лермонтову, что не буду съ нимъ говорить и прошу его оставить меня въ покоѣ. Но, повидимому, игра эта его забавляла, просто отъ нечего дѣлать, и онъ не переставалъ меня злить. Однажды онъ довелъ меня почти до слезъ; я всплила и сказала, что ежели-бъ я была мужчина, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его изъ-за угла въ упоръ. Онъ какъ будто остался доволенъ, что наконецъ вывелъ меня изъ терпѣнья, просилъ прощенья, и мы помирились, конечно, не надолго. Какъ-то разъ, — продолжаетъ Э. А., — ѣздили верхомъ большимъ обществомъ въ колонку Карасъ. Неугомонный Лермонтовъ предложилъ мнѣ пари à discrétion, что на обратномъ пути будетъ ѣхать рядомъ со мною, что ему рѣдко удавалось. Возвращались мы поздно, и я, сядясь на лошадь, шепнула старику Зельмицу и юнкеру Бенкендорфу, чтобы они ѣхали подлѣ меня и не отставали. Лермонтовъ ѣхалъ сзади и все время зло шутилъ на мой счетъ. Я сердилась, но молчала. На другой день, утромъ рано, уѣзжая въ Желѣзноводскъ, онъ прислалъ мнѣ огромный прелестный букетъ въ знакъ проиграннаго пари“. („Русск. Арх.“ 1889 г., кн. VI, стр. 315—16).

На одной изъ вечеринокъ въ домѣ Верзилиныхъ и произошла роковая ссора Лермонтова съ Мартыновымъ, закончившаяся „вѣчно печальною“ дуэлью.

Николай Соломоновичъ Мартыновъ, отставной маіоръ Гребенскаго козачьяго полка, служившій раньше въ кавалергардахъ, былъ товарищемъ Лермонтова по Юнкерской Школѣ и издавна находился въ довольно короткихъ отношеніяхъ съ поэтомъ. Лермонтовъ бывалъ въ домѣ его родителей и, повидимому, очень неравнодушно относился къ сестрѣ Мартынова, Натальѣ Соломоновнѣ, которой посвящено стихотвореніе „Когда поспорить вамъ придется“ (I, 93).

Не долюбливала Лермонтова мать Мартынова, какъ-то писавшая своему сыну: „У него слишкомъ злой языкъ и, хотя онъ выказываетъ полную дружбу къ твоимъ сестрамъ, я увѣрена, что при первомъ случаѣ онъ не пощадитъ и ихъ“.

Изъ семейной переписки Мартыновыхъ видно, что Лермонтова подозрѣвали въ намѣренной непередачѣ Н. С. Мартынову писемъ отъ его сестеръ и отца. Лермонтовъ сказалъ Мартынову, что пакетъ съ письмами у него украли на дорогѣ, но въ то же время хотѣлъ вернуть ему находившіяся въ этомъ пакетѣ деньги, о которыхъ

Лермонтову ничего не должно было быть извѣстно. „Я думаю, — говорилъ потомъ старикъ Мартыновъ сыну, — что если Лермонтовъ узналъ, что въ письмѣ было вложено триста рублей, то онъ либо ясновидецъ, либо письмо это вскрылъ“. („Русск. Арх.“ 1893 г., кн. II (8), 608—9 и 619; „Русск. Обозр.“ 1898 г., кн. I, стр. 313—26; „Нов. Время“ 1892 г., № 5783).

Недалекій, но въ сущности очень добродушный и безобидный человѣкъ, Мартыновъ любилъ пооригинальничать, порисоваться, обратить на себя вниманіе. Желая казаться лихимъ чеченомъ-джигитомъ, онъ брилъ голову, наряжался въ какія-то необыкновенныя черкески и бешметы, засучивалъ рукава, привѣшивалъ съ боку огромнѣйшій кинжалъ и принималъ смѣлыя, вызывающія позы; по временамъ же Мартыновъ „напускалъ на себя байронизма“ и ходилъ мрачный, молчаливый, въ нахлобученной папахѣ. На „водяныхъ“ дамъ Мартыновъ производилъ неотразимое впечатлѣніе, и этимъ нажилъ себѣ не мало завистниковъ и недоброжелателей.

Лермонтовъ скоро подмѣтилъ слабости „Мартышки“, — какъ онъ называлъ своего пріятеля, — и сдѣлалъ его излюбленною мишенью для своихъ шутокъ и насмѣшекъ, подчасъ очень злыхъ; особенно нравилось Лермонтову ставить Мартынова въ смѣшное положеніе передъ дамами, къ обществу которыхъ они въ одинаковой мѣрѣ были неравнодушны.

Какъ передавалъ кн. Васильчиковъ Висковатову, по рукамъ ходило много каррикатуръ Лермонтова на Мартынова, напр. „Monsieur le poignard faisant son entrée à Piatigorsk“: Мартыновъ, верхомъ на лошади, въѣзжаетъ въ Пятигорскъ, гдѣ его съ восторгомъ встрѣчаютъ влюбленныя дамы; или: Мартыновъ, огромнаго роста, съ внушительнымъ кинжаломъ отъ пояса до земли, объясняется въ любви передъ миниатюрной Надеждой Петровной Верзилиной, у которой на поясѣ также кинжалчикъ, но только очень маленькій. Надѣливъ Мартынова такими прозвищами, какъ „montagnard au grand poignard“, „le sauvage au grand poignard“, „monsieur le poignard“, — Лермонтовъ иногда просто чертилъ характерную кривую линію и на ней длинный кинжалъ. (Висковатовъ. М. Ю. Лермонтовъ, стр. 403—4).

„По воскресеньямъ, — рассказываетъ Эм. Ал. Шанъ-Гирей, — бывали собранья въ рестораціи, и вотъ именно 13-го іюля собралось

къ намъ нѣсколько дѣвиць и мужчинъ и порѣшили не ѣхать въ собранье, а провести вечеръ дома, находя это и пріятнѣе, и веселѣе *). Я не говорила и не танцевала съ Лермонтовымъ, потому что и въ этотъ вечеръ онъ продолжалъ свои поддразниванія. Тогда, перемѣнивъ тонъ насмѣшки, онъ сказалъ мнѣ: „Mlle Émilie, je vous en prie, un toug de valse seulement, pour la dernière fois de ma vie“. — Ну, ужъ такъ и быть, въ послѣдній разъ, пойдемте. — М. Ю. далъ слово не сердить меня больше, и мы, провальсировавъ, усѣлись мирно разговаривать. Къ намъ присоединился Л. С. Пушкинъ, который также отличался злоязычіемъ, и принялись они вдвоемъ острить свой языкъ à qui mieux mieux. Ничего злого особенно не говорили, но смѣшного много; но вотъ увидѣли Мартынова, разговаривающаго очень любезно съ младшей сестрой моей, Надеждой, стоя у рояля, на которомъ игралъ кн. Трубецкой. Не выдержалъ Лермонтовъ и началъ острить на его счетъ, называя его *montagnard au grand poignard*.

Надо же было такъ случиться, что, когда Трубецкой ударилъ послѣдній аккордъ, слово *poignard* раздалось по всей залѣ. Мартыновъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы, глаза его сверкнули гнѣвомъ; онъ подошелъ къ намъ и голосомъ весьма сдержаннымъ сказалъ Лермонтову: „сколько разъ просилъ я васъ оставить свои шутки при дамахъ“, и такъ быстро отвернулся и отошелъ прочь, что не далъ и опомниться Лермонтову, а на мое замѣчаніе „языкъ мой — врагъ мой“ М. Ю. отвѣчалъ спокойно: „ce n'est rien; demain nous serons bons amis“. Танцы продолжались, и я думала, что тѣмъ кончилась вся ссора“. („Русск. Арх.“ 1889 г., кн. VI, стр. 316—17 **).

Когда гости начали расходиться, Мартыновъ возобновилъ объясненіе съ Лермонтовымъ. „Я, — пишетъ онъ въ своемъ показаніи Слѣдственной Коммиссіи, — удержалъ его за руку, чтобы онъ шелъ рядомъ со мной; остальные всѣ уже были впереди. Тутъ я сказалъ ему, что прежде я просилъ его прекратить эти несносныя для меня шутки, но что теперъ предупреждаю, что если бы онъ еще вздумалъ

*) Сынъ Н. С. Мартынова передаетъ со словъ отца, что вечеръ у Верзилиныхъ происходилъ не 13 Іюля, а гораздо раньше, именно около Петрова дня. („Русск. Обзор.“ 1898 г., кн. I, стр. 320).

**) Разказы Н. П. Раевского („Нива“ 1885 г., №№ 7 и 8) и В. И. Чиляева („Истор. Вѣстн.“ 1892 г., кн. III, стр. 717—19) объ этомъ столкновеніи Лермонтова съ Мартыновымъ, дошедшіе до насъ уже изъ вторыхъ рукъ, ничего существеннаго не прибавляютъ къ воспоминаніямъ Э. А. Шанъ-Гирей.

выбрать меня предметомъ для своей остроты, то я заставлю его перестать. Онъ не давалъ мнѣ кончить и повторялъ нѣсколько разъ сряду, что ему тонъ моей проповѣди не нравится, что я не могу запретить ему говорить про меня то, что онъ хочетъ, и въ довершеніе прибавилъ: „Вмѣсто пустыхъ угрозъ, ты гораздо бы лучше сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ. Ты знаешь, что я никогда не отказываюсь отъ дуэлей; слѣдовательно, ты никого этимъ не испугаешь“. Въ это время мы подошли къ его дому. Я сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ пришло къ нему своего секунданта, и возвратился къ себѣ. Раздѣваясь, я велѣлъ человѣку попросить ко мнѣ Глѣбова, когда онъ придетъ домой. Черезъ четверть часа вошелъ ко мнѣ въ комнату Глѣбовъ. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, просилъ его быть моимъ секундантомъ и, по полученіи отъ него согласія, сказалъ ему, чтобы онъ на другой же день, съ разсвѣтомъ, отправился къ Лермонтову. Глѣбовъ попробовалъ было меня уговаривать; но я рѣшительно объявилъ ему, что онъ изъ словъ самого же Лермонтова увидитъ, что въ сущности не я его вызываю, но меня вызываютъ, и что потому мнѣ невозможно сдѣлать первому шагъ къ примиренію“.

„На другой день описаннаго мною происшествія, — продолжаетъ Мартыновъ, — Глѣбовъ и Васильчиковъ пришли ко мнѣ и всѣми силами старались меня уговорить, чтобы я взялъ назадъ свой вызовъ. Увѣрившись, что они все это говорятъ отъ себя, но что со стороны Лермонтова нѣтъ даже и тѣни сожалѣнія о случившемся, я сказалъ имъ, что не могу этого сдѣлать, что мнѣ на другой же день пришлось бы съ нимъ пойти на то же. Они настаивали, напоминали мнѣ прежнія мои отношенія, говорили о веселой жизни, которая съ нимъ ожидаетъ насъ въ Кисловодскѣ, и что все это будетъ разстроено глупой исторіей. Чтобы выйти изъ непріятнаго положенія человѣка, который мѣшаетъ веселиться другимъ, я сказалъ имъ, чтобы они сдѣлали воззваніе къ самимъ себѣ: поступили бы они иначе на моемъ мѣстѣ? Послѣ этого меня уже никто больше не уговаривалъ“. („Русск. Арх.“ 1893 г. кн. II (8), стр. 597—99).

Назначили время и мѣсто дуэли, выработали условія, но друзья поэта, какъ сознается кн. Васильчиковъ, до послѣдней минуты были увѣрены, что дуэль кончится пустыми выстрѣлами и что, обмѣнявшись для соблюденія чести двумя пулями, противники подадутъ другъ

другу руки и поѣдутъ... ужинать. („Русск. Арх.“ 1872 г., кн. I, стр. 210. Ср. „Нива“ 1885 г., №№ 7, стр. 170 и 8, стр. 186)*).

Въ ожиданіи конца переговоровъ, Лермонтовъ уѣхалъ въ Желѣзноводскъ и очень упрашивалъ пріѣхать туда m-lle Быховець („la belle poire“ и „charmante cousine Лермонтова“, какъ называли ее въ обществѣ), съ которой былъ въ очень дружескихъ и сердечныхъ отношеніяхъ, такъ какъ она во многомъ напоминала поэту Вареньку Лопухину.

„Я ему обѣщала, — пишетъ m-lle Быховець своей сестрѣ, — и 15-го (іюля) мы отправились въ шесть часовъ утра, я съ Обыденной въ коляскѣ, а Дмитревскій, Бенкендорфъ и Пушкинъ — братъ сочинителя — верхами. На половинѣ дороги, въ колонкѣ мы пили кофе и завтракали. Какъ пріѣхали на Желѣзныя, Лермонтовъ сейчасъ прибѣжалъ; мы пошли въ рошу и все тамъ гуляли. Я все съ нимъ ходила подъ руку. На мнѣ было бандо. Ужъ не знаю, какими судьбами, коса моя распустилась и бандо свалилось, которое онъ взялъ и спряталъ въ карманъ. Онъ при всѣхъ былъ веселъ, шутилъ, а когда мы были вдвоемъ, онъ ужасно грустилъ, говорилъ мнѣ такъ, что сейчасъ можно догадаться, но мнѣ въ голову не приходила дуэль. Я знала причину его грусти и думала, что все та же; уговаривала его, утѣшала какъ могла, и съ полными глазами слезъ (онъ меня) благодарилъ, что я пріѣхала, умаливалъ, чтобъ я пошла къ нему на квартиру закусить, но я не согласилась; поѣхали назадъ, онъ поѣхалъ тоже съ нами. Въ колонкѣ обѣдали. Уѣзжавши, онъ цѣлуетъ нѣсколько разъ

* Какъ можно видѣть изъ переписки Глѣбова и Васильчикова съ Мартыновымъ, условія дуэли были очень тяжелыя — стрѣлять до трехъ разъ („Русск. Арх.“ 1893 г. кн. II (8), стр. 600).

П. К. Мартыновъ („Послѣдніе дни жизни М. Ю. Лермонтова“ — въ „Историч. Вѣстникѣ“ за 1892 г.), а за нимъ и другіе биографы Лермонтова, основываясь на очень сомнительныхъ воспоминаніяхъ отставнаго майора В. И. Чилева, — много распространяются объ интригахъ „кружка Мерлинистовъ“ (такъ называли общество, собиравшееся у жены генерала Е. И. Мерлини), избравшаго своимъ орудіемъ Мартынова, а рукой, направлявшей орудіе, — князя Ксандра“, т. е. А. И. Васильчикова („истиннаго рыцаря іезуитизма“, какъ характеризуетъ его Мартыновъ). Несомнѣнно, что у Лермонтова были недоброжелатели, но говорить о какомъ-то сплоченномъ заговорѣ, участники котораго хотѣли „проучить ядовитую гадину“ и добивались, чтобы прахъ поэта, какъ самоубійцы, брошенъ былъ въ оврагъ за рѣкой Подкумкомъ (ср. „Историч. Вѣстн.“ 1895 г., кн. VI, стр. 824), — для этого нѣтъ никакихъ основаній!

мою руку и говорить: „Cousine, душенька, щастливѣе этого часа не будетъ больше въ моей жизни“. Я еще надъ нимъ смѣялась; такъ мы и отправились. Это было въ пять часовъ, а (въ) 8 пришли сказать, что онъ убитъ“... („Русск. Стар.“ 1892 г., кн. III, стр. 765—68).

Дуэль состоялась 15 іюля, въ 7 часовъ вечера, верстахъ въ четырехъ отъ Пятигорска, у подошвы Машука, на самой дорогѣ въ Нѣмецкую колонію *). Секундантами были — князь Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ и корнетъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка Михаилъ Николаевичъ Глѣбовъ; здѣсь же находились А. А. Столыпинъ и князь С. В. Трубецкой. („Русск. Арх.“ 1893 г., кн. II (8), 599).

„Мы, — передаетъ кн. Васильчиковъ, — отмѣрили съ Глѣбовымъ 30 шаговъ; послѣдній барьеръ поставили на 10-ти и, разведя противниковъ на крайнія дистанціи, положили имъ сходитьса каждому на 10 шаговъ по командѣ: маршъ. Зарядили пистолеты. Глѣбовъ подаль одинъ Мартынову, я другой Лермонтову и скомандовали: сходиcь. Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслонясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста. Въ эту минуту, и въ послѣдній разъ, я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него **). Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ. Лермонтовъ упалъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ, не сдѣлавъ движенія ни взадъ, ни впе-

*) Въ протоколѣ комиссіи, осматривавшей мѣсто дуэли 16 іюля, читаемъ: „Это мѣсто отстоитъ на разстояніи отъ города Пятигорска верстахъ въ четырехъ, на лѣвой сторонѣ горы Машухи, при ея подошвѣ. Здѣсь пролегаеть дорога, ведущая въ Нѣмецкую Николаевскую колонію. По правую сторону дороги образуется впадина, стирающаяся съ вершины Машухи до самой ея подошвы, а по лѣвую сторону дороги впереди стоитъ небольшая гора, отдѣлившаяся отъ Машухи; между ними проходитъ въ колонію означенная дорога. Отъ этой дороги начинаются первые кустарники, кои, изгибаясь къ горѣ Машухѣ, округляютъ небольшую поляну. Тутъ-то поединщики избрали мѣсто для стрѣляннѣя“. Въ показаніяхъ Глѣбова и Васильчикова значитса, что дуэль происходила „на самой дорогѣ“. (Лермонт. Муз.: отд. IV, № 15).

**) Мартыновъ передавалъ своему сыну, что Лермонтовъ стоялъ въ рейтузахъ и красной канаусовой рубашкѣ и съ кажущеюся или дѣйствительною беззаботностью сталъ ѣсть вишни и выплевывать косточки. („Русск. Обзор.“ 1898 г., кн. I, стр. 323).

редь, не успѣвъ даже захватить большое мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлають люди, раненные или ушибленные*). Мы подбѣжали. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ — сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкія. Хотя признаки жизни уже видимо исчезли, но мы рѣшили позвать доктора. По предварительному нашему приглашенію присутствовать при дуэли, докторѣ, къ которымъ мы обращались, всѣ на-отрѣзъ отказались. Я поскакалъ верхомъ въ Пятигорскъ, заѣзжалъ къ двумъ господамъ медикамъ, но получилъ такой же отвѣтъ, что на мѣсто поединка, по случаю дурной погоды (шелъ проливной дождь), они ѣхать не могутъ, а приѣдутъ на квартиру, когда привезутъ раненнаго.

Когда я возвратился, Лермонтовъ уже мертвый лежалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ упалъ; около него Столыпинъ, Глѣбовъ и Трубецкой. Мартыновъ уѣхалъ прямо къ коменданту объявить о дуэли. Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонтѣ, разразилась страшной грозой, и перебаты грома пѣли вѣчную память новопреставленному рабу Михаилу. Столыпинъ и Глѣбовъ уѣхали въ Пятигорскъ, чтобы распорядиться перевозкой тѣла, а меня съ Трубецкимъ оставили при убитомъ. Какъ теперь помню странный эпизодъ этого рокового вечера. Наше сидѣнье въ полѣ при трупѣ Лермонтова продолжалось очень долго, потому что извозчики, слѣдуя примѣру храбрости гг. докторовъ, тоже отказались одинъ за другимъ ѣхать для перевозки тѣла убитаго. Наступила ночь, ливень не прекращался... Вдругъ мы услышали дальній топотъ лошадей по той же тропинкѣ, гдѣ лежало тѣло, и, чтобы оттащить его въ сторону, хотѣли его приподнять; отъ этого движенія, какъ и обыкновенно случается, спертый воздухъ выступилъ изъ груди, но съ такимъ звукомъ, что намъ показалось, что это живой и болѣзненный вздохъ, и мы нѣсколько минутъ были увѣрены, что Лермонтовъ еще живъ. Наконецъ часовъ въ 11 ночи явились товарищи съ извозчикомъ, наряженнымъ, если не ошибаюсь, отъ полиціи. Покойника уложили на дроги, и мы прово-

*) Медицинскій осмотръ тѣла показалъ, что пистолетная пуля, попавъ въ правый бокъ ниже послѣдняго ребра, при сростеніи ребра съ хрящемъ, пробила правое и лѣвое легкое; поднимаясь вверхъ, вышла между пятымъ и шестымъ ребромъ лѣвой стороны и при выходѣ прорѣзала мягкія части лѣваго плеча: „отъ которой раны поручикъ Лермонтовъ мгновенно на мѣстѣ поединка померъ“. (Лермонт. Муз.: отд. IV, № 15, л. (7) 13).

дили его всѣ вмѣстѣ до общей нашей квартиры“. („Русск. Арх.“ 1872 г., кн. I, стр. 211—12) *).

На слѣдующій день начались хлопоты съ похоронами убитаго поэта. Протоіерей Павелъ Александровскій, къ которому обратились кн. Васильчиковъ, Столыпинъ и кн. Трубецкой, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, послалъ причетниковъ читать Псалтырь надъ покойникомъ, а самъ запросилъ коменданта, не имѣется ли какихъ-нибудь препятствій къ погребенію Лермонтова. По предложенію коменданта, члены слѣдственной комиссіи по дѣлу о дуэли отвѣтили о. Александровскому, что „приключившаяся Лермонтову смерть не должна быть причтена къ самоубійству, лишающему христіанскаго погребенія. Не имѣя въ виду законоположенія, противящагося погребенію поручика Лермонтова, мы полагаемъ бы возможнымъ предать тѣло его землѣ такъ точно, какъ въ подобномъ случаѣ камеръ-юнкеръ Александръ Сергѣевъ Пушкинъ отпѣтъ былъ въ церкви конюшень Императорскаго двора въ присутствіи всего города“. Такой отвѣтъ успокоилъ о. Александровскаго, и погребеніе было назначено на 17 іюля. Но другой священникъ той же Скорбященской церкви, о. Василій Эрастовъ не только отказался принять участіе въ погребеніи, но даже унесъ съ собою ключъ отъ церкви, такъ что нельзя было взять ризницы, и всѣ собравшіеся на похороны вынуждены были ожидать около двухъ часовъ **).

*) Насколько были противорѣчивы свѣдѣнія и разказы о дуэли Лермонтова, можно видѣть, напр., изъ „Записокъ“ М. Ф. Федорова, который въ это время самъ находился на Кавказѣ. „Несмотря на то, — пишетъ онъ, — что дуэль была при свидѣтеляхъ, подробности о ней чрезвычайно разнообразны: одни говорятъ, что Лермонтовъ получилъ рану въ правый бокъ навилетъ, упалъ, не успѣвъ выстрѣлить; другіе говорятъ напротивъ, Лермонтовъ выстрѣлилъ первый и выстрѣлилъ вверхъ; Мартыновъ, будто-бы, сказалъ на это: „я не пришелъ съ тобой шутить“, — и сдѣлалъ выстрѣлъ, но пистолетъ оскѣлся по случаю дождя; онъ вновь насыпалъ на полку пороху и вторымъ выстрѣломъ, попавъ въ грудь, положилъ Лермонтова на мѣстѣ. Дуэль была во время сильной грозы, безъ медика, на случай раны; убитый, а, можетъ быть, еще живой Лермонтовъ, говорятъ, оставался безъ пособія часа три на мѣстѣ; что барьеръ былъ отмѣренъ на покатости горы и Лермонтовъ стоялъ выше Мартынова, — однимъ словомъ, всѣ обвиняютъ секундантовъ, которые, если не могли отклонить дуэли, могли бы отложить, когда пройдетъ гроза“.... („Кавказск. Сборникъ“, т. III, стр. 194).

**) Вѣроятно, подъ влияніемъ того же о. Эрастова, В. И. Чилиевъ рѣшилъ заново освятить, какъ оскверненныя, тѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Лермонтовъ и гдѣ лежало его тѣло. („Русск. Обзоръ“ 1895 г., кн. II, стр. 853). Отголоскомъ подобнаго отношенія къ памяти поэта можетъ служить и кар-

Поведеніе священника Эрастова, видимо, повліяло и на о. Александровскаго, такъ что онъ въ самыя послѣднія минуты рѣшилъ, вмѣсто „погребенія по чиноположенію церковному“, ограничиться „препровоженіемъ тѣла до склепа съ пропѣтіемъ пѣсни „Святой Боже“ *).

Весною 1842 года тѣло Лермонтова, съ Высочайшаго разрѣшенія, было перевезено въ Тарханы и погребено (23 апрѣля) на фамильномъ кладбищѣ **).

ХІІІ.

Военно-судное дѣло о дуэли Лермонтова закончилось тѣмъ, что Мартыновъ, Глѣбовъ и кн. Васильчиковъ были признаны виновными (первый — въ произведеніи дуэли и убійствѣ на ней, а послѣдніе — въ томъ, что не донесли начальству о намѣреніи дуэлянтовъ и были секундантами) и приговорены всѣ трое къ лишенію чиновъ и правъ состоянія. Но командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, принимая во вниманіе молодость и прежнія выдающіяся заслуги подсудимыхъ, полагалъ, съ своей стороны: Мартынова, лишивъ чиновъ и орденовъ, записать въ солдаты до выслуги; князя Васильчикова выдержать еще въ крѣпости одинъ мѣсяць, а Глѣбова — перевести изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ.

Дѣло было представлено на Высочайшее усмотрѣніе, и 3 января 1842 г. послѣдовала такая конфирмація: „Маіора Мартынова посадить въ крѣпость на гаубтвахту на три мѣсяца и предать церковному покаянію, а титулярнаго совѣтника князя Васильчикова и корнета Глѣ-

тина страшнаго суда въ церкви с. Подмоклова, Подольскаго уѣзда Московской губ., гдѣ Лермонтовъ помѣщенъ въ числѣ горящихъ въ огнѣ грѣшниковъ. („Сѣверн. Курьеръ“ 1900 г., № 187).

*) Особенно подробно рассказываетъ о похоронахъ Лермонтова чиновникъ Рошинскій, выступавшій потомъ свидѣтелемъ по этому дѣлу. („Русск. Обозр.“ 1895 г., кн. II, стр. 858—859). Менѣе вѣроятный, но любопытный рассказъ другаго очевидца,—Н. П. Раевского. („Нива“ 1885 г., № 8, стр. 187—190).

**) Послѣ Лермонтова осталось двое крѣпостныхъ людей (Иванъ Вертюковъ и Иванъ Соколовъ), денегъ ассигнаціями 2610 рублей и довольно много разнаго имущества, въ томъ числѣ четыре образа и серебряный нагѣльный крестикъ, вызолоченный, съ мощами. („Историч. Вѣстн.“ 1892 г., кн. IV, стр. 99—100).

бова простить, перваго во вниманіе къ заслугамъ отца, а втораго по уваженію полученной имъ въ сраженіи тяжелой раны“.

Послѣ того какъ Мартыновъ выдержалъ военный арестъ на Кіевской крѣпостной гауптвахтѣ, Кіевская духовная консисторія назначила ему 15 лѣтъ церковнаго покаянія. Оставшись недоволенъ судомъ консисторіи, Мартыновъ подавалъ прошеніе на Высочайшее имя, черезъ св. синодъ, о смягченіи приговора и дозволеніи, во время церковнаго покаянія, имѣть жительство тамъ, гдѣ домашнія обстоятельства потребуютъ. „Не имѣя средства, — пишетъ онъ, — доказать положительно, что убійство было неумышленное, я могу однакоже представить нѣкоторыя обстоятельства изъ самаго дѣла, сообразуясь съ которыми и послѣдовало столь милостивое рѣшеніе Вашего Императорскаго Величества. По слѣдствію оказалось, что я былъ вынужденъ стрѣляться вызовомъ моего противника, что уже на мѣстѣ происшествія выжидаль нѣсколько времени его выстрѣла, стоя на барьерѣ, и наконецъ, что въ самую минуту его смерти былъ возлѣ него, стараясь подать ему помощь, но, видя бесполезность моихъ усилій, простился съ нимъ, какъ должно христіанину. Взявъ во вниманіе всѣ вышеизложенныя мною обстоятельства, я всеподданнѣйше прошу, дабы повелѣно было истребовать означенное дѣло изъ Кіевской Духовной Консисторіи и, разсмотрѣвъ его, сколько возможно облегчить мою участь“. („Русск. Арх.“ 1893 г., кн. II (8), стр. 605—6) *).

Въ концѣ 1841 года, по доносу священника Пятигорской Скорбященской церкви о. В. Эрастова, началось дѣло „о погребеніи той же церкви протоіереемъ Павломъ Александровскимъ тѣла напаваль убиитаго на дуэли порутчика Лермонтова“. Главнымъ мотивомъ для возбужденія дѣла послужило, повидимому, то, что прот. Александровскій не внесъ „въ доходную кружку причта, для обыкновеннаго раздѣла“, полученные имъ за погребеніе двѣсти рублей ассигнаціями.

*) Отбывая эпитимію въ Кіевѣ, Мартыновъ женился на С. І. Проскуръ-Сушинской; послѣдніе годы почти безвыѣздно прожилъ въ Москвѣ; умеръ 15 декабря 1875 г. Послѣ Мартынова остались литературныя произведенія: повѣсть „Гуаша“, двѣ поэмы („Герзель-ауль“ и „Ужасный сонъ“) и нѣсколько стихотвореній: „Чеченская пѣсня“, „Изъ Андре Шенье“, „Экспромптъ Н. П. В... ой“, „Нева“, „Свиданіе“, „На покушеніе 4 апрѣля 1866 года“, „Къ декабристамъ“. („Извѣстія Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи“. Вып. XLVII, приложен. VI, стр. 111—140).

Дѣло тянулось почти два года и кончилось тѣмъ, что протоіерея Александровскаго оштрафовали въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія на 25 рублей ассигнаціями и обязали подпискою „впредь подобныхъ самоубійцъ церковной чести не сподоблять“. („Русск. Обзор.“ 1895 г., кн. II, стр. 841—76).

Смерть Лермонтова встрѣчена была сожалѣніемъ о немъ, какъ о поэтѣ, но не какъ о человѣкѣ. „Извѣстіе о смерти Лермонтова подтвердилось, — замѣчаетъ К. А. Полевой въ своемъ дневникѣ. Жаль: онъ былъ человѣкъ съ дарованіемъ, хоть, кажется, безъ сердца“. („Историч. Вѣстн.“ 1887 г., кн. XI, стр. 347). „У Карамзинныхъ“, — читаемъ въ „Запискахъ“ А. О. Смирновой, — много спорили о дуэли. Віельгорскій правъ. Пушкинъ мстилъ за свою честь, а главное за честь жены. Лермонтовъ оскорбилъ товарища; вина, увы, на его сторонѣ, и съ его взглядами *противъ дуэли*, онъ еще болѣе виновенъ, такъ какъ почти принудилъ къ ней Мартынова, и даже въ этомъ какой-то фатализмъ, иронія судьбы. Государь дважды отсылалъ его, чтобы избѣжать дуэли, и все-таки онъ убитъ и изъ-за такой ничтожной причины. Говорятъ, что здѣсь замѣшана женщина, что Лермонтовъ компрометировалъ родственницу Мартынова; другіе говорятъ, что онъ нарисовалъ на него и какую-то даму карриатуру, и что, вообще, онъ во всемъ виноватъ. Богъ знаетъ, гдѣ правда, но теперь видна разница между нимъ и Пушкинымъ, она чувствуется. Нашего дорогого Пушкина жалѣли, какъ поэта и какъ человѣка. У него были друзья, а враги его были посредственности, педанты, легкомысленные модники. Лерма не имѣлъ друзей, оплакиваютъ только поэта. Пушкинъ былъ жертвою клеветы, несправедливости, его смерть являлась трагичною, благодаря всему предшествовавшему; смерть же Лермонтова — потеря для литературы, самъ по себѣ человѣкъ не внушалъ истинной симпатіи“... (Ч. II, стр. 41).

„Я представляю себѣ, — вспоминаетъ одинъ изъ товарищей поэта, А. И. Арнольди, — непремѣнно два Лермонтова: одного — великаго поэта, котораго я узналъ по его произведеніямъ, а другого — ничтож-

наго, пустого человѣка, какимъ онъ мнѣ казался, дерзкаго, безпокойнаго офицера, непріятнаго товарища, со стороны котораго всегда нужно было ждать какой-нибудь шпильки, обидной выходки... Мы всѣ, его товарищи — офицеры, нисколько не были удивлены тѣмъ, что его убилъ на дуэли Мартыновъ, которому столько непріятностей дѣлалъ и говорилъ Лермонтовъ; мы были увѣрены, что Лермонтова все равно кто-нибудь убилъ бы на дуэли: не Мартыновъ, такъ другой кто-нибудь“... (См. „Нов. Время“ 1903 г., № 9760).

„Всѣ пріятели Лермонтова ожидали сего печальнаго конца, ибо знали его страсть насмѣхаться и его готовность отвѣчать за свои насмѣшки“ (Памятныя замѣтки Н. М. Смирнова въ „Русск. Арх.“ 1882 г., № 2, стр. 240—41) *).

Насмѣшливый, придирчивый, скрытный, всегда занятый только самимъ собою, готовый видѣть въ каждомъ мужчинѣ льстеца, въ каждой женщинѣ Иуду (II, 15), — Лермонтовъ, по отзывамъ многихъ современниковъ, на всѣхъ производилъ тяжелое и непріятное впечатлѣніе.

„Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ. Такая его система“, — жалуются Гоммеръ де-Гелль своей подругѣ. („Русск. Арх.“ 1887 г., № 9, стр. 131).

„Лермонтовъ мнѣ не понравился, — вспоминаетъ Н. И. Лореръ о своемъ первомъ знакомствѣ съ поэтомъ. Онъ мнѣ показался холоднымъ, желчнымъ, раздражительнымъ и ненавистникомъ человѣческаго рода вообще... До сихъ поръ не могу себѣ отчета дать, почему мнѣ съ нимъ было какъ-то неловко, и мы разстались вѣжливо, но холодно“... („Русск. Арх.“ 1874 г., кн. II, стр. 600—601).

Лишь очень немногіе знали, насколько Лермонтовъ былъ лучше, чѣмъ казался, сколько въ немъ таилось искренней нѣжности и задушевной отзывчивости.

Какъ поэтъ, Лермонтовъ очень скоро и единодушно былъ признанъ прямымъ наслѣдникомъ лиры Пушкина. „Чортъ знаетъ — страшно сказать, — пишетъ Бѣлинскій Боткину еще въ началѣ 1840 года, — а

*) Извѣстны и болѣе рѣзкіе приговоры надъ поэтомъ. Передаютъ, напримеръ, о рѣзкомъ отзывѣ императора Николая Павловича. („Русск. Арх.“ 1911 г., № 9, стр. 160), графа В. Ѳ. Адлерберга и др. (Ср. Д. С. Мережковский. Лермонтовъ, стр. 24).

мнѣ кажется, что въ этомъ юношѣ готовится *третій* русскій поэтъ, и что Пушкинъ умеръ не безъ наслѣдника“... (Пыпинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 18). „Лермонтовъ, — читаемъ въ другомъ его письмѣ, — далеко уступилъ Пушкину въ художественности и виртуозности, въ стихѣ музыкальномъ и упругогибкомъ...; но содержаніе, добытое со дна глубочайшей и могущественной натуры, исполинскій взмахъ, демонскій полетъ—*съ небомъ гордая вражда*—все это заставляетъ думать, что мы лишились въ Лермонтовѣ поэта, который, по содержанію, шагнулъ бы дальше Пушкина“. (Тамъ же, 139).

Художественное значеніе поэзіи Лермонтова Бѣлинскій раскрылъ съ такой глубиной, тонкостью и талантомъ, что вся дальнѣйшая критика ни одного новаго штриха не прибавила къ этой геніальнѣйшей оцѣнкѣ. Но отъ Бѣлинскаго не укрылся и общественно-философскій смыслъ Лермонтовской поэзіи — „безвѣріе въ жизнь и чувства человѣческія, при жадѣ жизни и избыткѣ чувства“.

Судъ потомства надъ поэзією Лермонтова поражаетъ своимъ разнообразіемъ, неустойчивостью и противорѣчіями. Для однихъ Лермонтовъ — поэтъ „сверхчеловѣчества“, родоначальникъ „нищенства“, „человѣкъ не отъ міра сего“, забросившій къ намъ откуда-то, съ недосыгаемой высоты, свои чарующія пѣсни; для другихъ онъ—„истинный сынъ вѣка“, „герой безвременья“. Одни слышатъ въ поэзіи Лермонтова проповѣдь „богоборчества“, „непріятія міра“, „лѣшее начало“, призывъ къ бунту — „возстань, униженный человѣкъ“, а другіе считаютъ ее лишь выраженіемъ извѣстнаго общественнаго настроенія, отзывомъ на то броженіе нравственныхъ понятій и чувствъ, какимъ была его эпоха, отголоскомъ „практической русско-христіанской грусти“. Однимъ кажется, что Лермонтовъ всю жизнь гордо враждовалъ съ небомъ и землею, не переставая презирать людей и злословить судьбу, другіе находятъ, что подъ конецъ своей короткой жизни поэтъ „просвѣтленно примирился съ міромъ“, и его поэзія становится „художественнымъ выраженіемъ того стиха молитвы, который служитъ формулой русскаго религіознаго настроенія: *да будетъ воля Твоя*“.

Такія разнорѣчивыя сужденія о характерѣ и сущности поэзіи Лермонтова — лучшій показатель того, сколько загадочнаго, неяснаго и спорнаго въ многогранной душѣ поэта.

„Душу можно-ль рассказать?“ — съ изумленіемъ спрашиваетъ самъ Лермонтовъ и приходитъ въ ужась при одной мысли, что „дерзкая толпа“ можетъ проникнуть въ его гордое сердце:

Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?

Огонь иль сумракъ тамъ—ей все равно! (I, 256).

Счастливыцы... не поймутъ

Того, что самъ не разберу я... (I, 113).

Хронологическая канва

для біографіи М. Ю. Лермонтова *).

І.

1057—1061.

По Шотландскимъ преданіямъ, записаннымъ въ хроникахъ Боэція и Леслея, одинъ изъ рода *Leirmont* или *Lermont* принималъ участіе въ борьбѣ Малькольма, сына короля Дункана, съ Макбетомъ и послѣ коронованія Малькольма (25 апрѣля 1061 г.) былъ пожалованъ „господинствомъ Парси, которымъ господинствомъ и нынѣ владѣютъ наслѣдники его“. (Никольскій, 550—551).

1613.

Сентября 5. „Шкотскій нѣмецъ“ Георгъ Лермантъ вышелъ изъ Бѣлой „на государево имя“, „въ шляхтичахъ“. (Сторожевъ, 8—9).

1618.

Сентябрь. Челобитная „иноземца бѣльскихъ нѣмецъ, шкоцкой роты прапорщика Юшки Лерманта“ о прибавкѣ жалованья. (Сторожевъ, 19—20).

Декабрь. Челобитная „иноземца бѣльскихъ нѣмецъ, шкоцкой роты поручика Юшки Лерманта“, въ которой онъ, рассказывая о своемъ участіи въ битвѣ у Арбатскихъ воротъ, проситъ прибавки жалованья „за многую службу и за кровь“. (Сторожевъ, 20).

*) Сокращенія при цитатахъ: Висковатовъ — П. А. Висковатый. М. Ю. Лермонтовъ. Жизнь и творчество. Москва, 1891; „Записки“ — Записки Е. А. Хвостовой, рожденной Сушковой. Изд. 2-е. Спб. 1871; Меринскій — А. Меринскій. Воспоминаніе о Лермонтовѣ — въ „Атенеѣ“ 1858 г., № 48; Никольскій — В. В. Никольскій. Предки М. Ю. Л-ва — въ „Русск. Стар.“ 1873 г., апрѣль, 547—66; Раковичъ — Д. В. Раковичъ. Тенгинскій полкъ на Кавказѣ. Тифл. 1900; Сторожевъ — В. Н. Сторожевъ. Родоначальникъ русской вѣтви Лермонтовыхъ. М. 1894.

1619.

Челобитная „иноземцевъ бѣльскихъ нѣмецъ, шкоцкой роты порутчика Юшки Лерманта съ товарищи своими“, дабы государь, „для своего царского многолѣтнovo здравія и для нашихъ многихъ службипокъ и крови“, велѣлъ „своимъ царскимъ великимъ жалованьемъ, помѣсными оклады и денежнымъ жалованьемъ поверстать“. (Сторожевъ, 21—22).

1619—20.

„Порутчикъ Юрьи Лермантъ испомѣщенъ въ Галичѣ, въ Заболоцкой волости“. (Сторожевъ, 12. 29—30).

1621.

Марта 9. Ввозная грамота на Галицкое помѣстье („окладъ въ 600 четвертей вмѣстѣ со всѣми угоды“) поручика Юрья Лерманта. (Сторожевъ, 24—25).

1632.

По Государеву указу велѣно быть у ротмистра Юрья Лерманта въ учении „дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и новокрещеннымъ нѣмцомъ стараго и новаго выѣзду, и татаромъ въ конскомъ рейтарскомъ строю“. (Никольскій, 550).

1633—34.

„На государевой службѣ подъ Смоленскимъ“, во время второй польской войны, убитъ ротмистръ рейтарскаго полка Юрьи Лермантъ. (Сторожевъ, 14—15. 22).

1652.

Юль. Челобитная вдовы Юрья Лерманта Екатерины Ѳедоровой. (Сторожевъ, 22).

1653.

Августъ. Галицкій помѣщикъ Петръ Юрьевъ сынъ Лермантъ принимаетъ „крещенье православныя христіанскіе вѣры“, за что „велѣно ему Петру быть въ маєорахъ“, а также „ему учинить помѣстный окладъ и съ прежнимъ 600 чети, денегъ изъ четверти 40 рублевъ“. (Сторожевъ, 17).

1656—57.

Петръ Юрьевичъ Лермантовъ — воевода въ Саранскѣ. (Сторожевъ, 33; Никольскій, 550).

1688.

Февраля 10. Поколѣнная роспись рода Лермантовыхъ, поданная въ разрядъ внуками Георга Лерманта, Евтихіемъ и Петромъ Петровыми. (Никольскій, 550—51; Сторожевъ, 33).

1725.

Марта 20. Петръ Юрьевичъ Лермантовъ, въ чинѣ прапорщика, присланъ былъ отъ императора Петра I съ порученіемъ къ императрицѣ Екатеринѣ I, которая велѣла выдать ему наградныхъ 10 червонцевъ. („Русск. Арх.“ 1874 г., т. XII, стр. 530).

1740.

Мая 27. Юрья Лермантовъ, прадѣдъ поэта, вступилъ въ Сухопутный Шляхетскій Кадетскій Корпусъ. („Русск. Арх.“ 1875 г., № 9, стр. 107).

1745.

Юрья Лермантовъ „за болѣзнью отставленъ изъ капраловъ подпоручикомъ, съ таковымъ аттестатомъ: чертитъ хорошіе чертежи, рисуеть ландшафты красками и миніатюрою, разумѣеть и говоритъ нѣсколько понѣмецки, началъ переводить съ Россійскаго на Нѣмецкій языкъ, учится танцовать“. („Русск. Арх.“ 1875 г., № 9, стр. 107).

1768.

Ноября 8. Родился дѣдъ поэта, Михаилъ Васильевичъ Арсеньевъ, мужъ Елизаветы Алексѣевны. (Висковатовъ, 9).

1787.

Родился Юрій Петровичъ Лермантовъ, отецъ поэта. (Никольскій, 563).

1795.

Марта 17. Родилась Марья Михайловна Арсеньева, мать поэта. (Висковатовъ, 16).

1804.

Октября 29. Юрій Петровичъ Лермантовъ выпущенъ въ Кексгольмскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ. (Никольскій, 563).

1805.

Сентября 4. Юрій Петровичъ Лермантовъ произведенъ въ подпоручики и опредѣленъ на службу въ 1-й Кадетскій Корпусъ. (Никольскій, 563).

1808.

Августа 10. Юрію Петровичу Лермантову объявлены Высочайшее удво-льствие и благодарность. (Никольскій, 563).

1810.

Января 2. Скончался дѣдъ поэта, Михаилъ Васильевичъ Арсеньевъ, мужъ Елизаветы Алексѣевны. (Висковатовъ, 9).

Мая 28. Юрій Петровичъ Лермантовъ произведенъ въ поручики. (Никольскій, 563).

Августа 18. Юрію Петровичу Лермантову объявлены Высочайшее удо-вольствие и благодарность. (Никольскій, 563).

1811.

Июля 26. Юрію Петровичу Лермантову объявлены Высочайшее удо-вольствие и благодарность. (Никольскій, 563).

Ноября 7. Юрій Петрович Лермантовъ, за болѣзнію, уволенъ отъ службы въ чинѣ капитана и съ мундиромъ. (Никольскій, 564).

Декабря 13. Указъ объ отставкѣ Юрія Петровича Лермантова. (Никольскій, 563—64).

Отъ Юрія (Юшки) Андреевича Лерманта слѣдуютъ по прямой линіи:
Петръ Юрьевичъ,

Евтихій Петровичъ,

Петръ Евтихievичъ,

Юрій Петровичъ,

Петръ Юрьевичъ,

Юрій Петровичъ,

Михаилъ Юрьевичъ.

II.

1814.

Октября 2—3. „Въ домѣ господина покойнаго генераль-маіора и кавалера Ѳедора Николаевича Толя, у живущаго капитана Юрія Петровича Лермантова родился сынъ Михаилъ. Молитвовалъ протоіерей Николай Петровъ съ дьячкомъ Яковомъ Ѳедоровымъ. Крещенъ того жъ октября 11-го дня. Воспреемникомъ былъ господинъ коллежскій ассесоръ Ѳома Васильевичъ Хотяинцевъ; воспреемницею были вдовствующая госпожа гвардіи поручица Елисавета Алексѣевна Арсеньева. Оное крещеніе отправляли протоіерей Николай Петровъ, діаконовъ Петръ Ѳедоровъ, пономарь Алексѣй Никифоровъ“. (Русск. Стар.“. 1873 г., кн. VII, стр. 113).

1817.

Февраля 24. Скончалась Марья Михайловна Лермантова, мать поэта. (Висковатовъ, 16).

Юня 5. Сперанскій пишетъ Арк. Алекс. Столыпину, что „Елизавету Алексѣевну (бабку поэта) ожидаетъ крестъ новаго рода: Лермантовъ (Юрій Петровичъ) требуетъ къ себѣ сына и едва согласился оставить еще на два года“ (Русск. Арх.“ 1870 г., № 6, 1136).

1825.

Въ началѣ лета. Поѣздка Лермантова на Кавказъ, въ Пятигорскъ, съ бабушкою, кузинами Столыпиными, домашнимъ учителемъ Ив. Капз, гувернанткой Хр. Ремеръ и др. („Отеч. Зап. 1825 г., № 64, стр. 260; Висковатовъ, 24—25). Первая любовь Лермантова. (Сочинен., т. IV, стр. 349).

1827.

Въ Ефремовской деревнѣ (Кроптовка) 12-лѣтній Лермантовъ во второй разъ влюбляется. (Сочинен. I, стр. 53).

Осенью. Переѣздъ Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой съ внукомъ въ Москву. („Русск. Обзор.“ 1890 г., августъ, стр. 727).

Октября 27. Вдовѣ гвардіи поручицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Арсеневой выдано изъ Московской духовной консисторіи свидѣтельство о рожденіи и крещеніи внука Михаила, „для отдачи его къ наукамъ и воспитанію въ казенныя заведенія, а потомъ и въ службу, гдѣ принять быть можетъ“. (Висковатовъ, приложен., стр. 2).

Ноября 6. Дата на юношескомъ альбомѣ Лермонтова. (Собр. автогр. Имп. Публ. Библ. № 352!).

Письмо Лермонтова къ М. А. Шанъ-Гирей изъ Москвы, въ которомъ онъ рассказываетъ о своихъ учебныхъ занятіяхъ, а также о домашнемъ времяпрепровожденіи.

1828.

Лермонтовъ принятъ въ 4-й классъ Благороднаго Пансіона при И. Московскомъ Университетѣ („Русск. Стар.“ 1896 г., кн. VI, стр. 648).

Декабря 13—20. Лермонтовъ держитъ переходные экзамены въ Благородномъ Пансіонѣ. (Письмо къ М. А. Шанъ-Гирей).

Лермонтовъ „началъ марать стихи“. (Сочинен. IV, стр. 349).

Декабрь. Письмо къ М. А. Шанъ-Гирей изъ Москвы, въ которомъ Лермонтовъ сообщаетъ о своихъ литературныхъ успѣхахъ въ Пансіонѣ и посылаетъ для альбома стихотвореніе „Поэтъ“.

Осень. — Заблужденіе купидона. — Цѣвница. — Поэтъ („Когда Рафаэль вдохновенный“). — Черкесы. — Кавказскій плѣнникъ. — Корсаръ.

1829.

Декабря 10—20. Испытанія воспитанниковъ Благороднаго Пансіона въ языкахъ и наукахъ. („Дамскій Журналъ“ 1830 г., № 1, стр. 30—31. Ср. „Новости“ 1894 г., № 142: ст. бар. Н. В. Дризена).

Декабря 21. На испытаніи въ искусствахъ Лермонтовъ съ большимъ успѣхомъ исполнилъ на скрипкѣ аллегро изъ Маурерова концерта. (Дамскій Журналъ“ 1830 г., № 1, стр. 30—31. „Новости“ 1894 г., № 142. Ср. Висковатовъ, стр. 40; „Русское Обозр.“ 1890 г., августъ, стр. 727).

Письмо Лермонтова къ М. А. Шанъ-Гирей изъ Москвы, въ которомъ онъ старается увѣрить „милую тетиньку“, что Мочаловъ, какъ артистъ, нисколько не уступаетъ Каратыгину.

Преступникъ. — Къ друзьямъ („Я рожденъ съ душою пылкой“). — Къ Пу ну (Забудь, любезный П нъ“). — Къ Д ву („Я пробѣгалъ страны Россіи“). — Посвященіе NN („Вотъ, другъ, плоды моей небрежной музы“). — Пиръ. — Веселый часъ. — Эпиграмма („Дуракъ и старая кокетка“). — Мадригалъ („Душа тѣлесна“). — Романсъ („Коварной жизнью недовольный“). — Портреты. — Къ генію. — Покаяніе. — Письмо („Свѣча горитъ“). — Война. — Русская мелодія. — Пѣсня („Свѣтлый призракъ дней минувшихъ“). — Къ А. С. („Не привлекай меня красой“). — Романсъ („Невинный вѣжною душою“). — Три вѣдьмы. — Къ Нинѣ. — Къ NN („Ты не хотѣлъ! Но скоро волю рока“). — Эпиграммы (1. „Есть люди странные“. — 2. „Тотъ самый человѣкъ пустой“. — 3. „Поэтомъ (хоть и это бремя“). — 4. „Аминтъ твой на глупца походить“. — 5. „Стыдитъ лжеца, шутитъ надъ дуракомъ“). — 6. „Дамонъ, нашъ врачъ, о другѣ прослезился“). — Къ Грузинову. — Наполеонъ („Гдѣ бьетъ волна о брегъ высокой“). —

Пань.—Жалоба турка.—Къ NN * * * („Не играй моею тоской“).—Черкешенка.—
 Отвѣтъ.—Два сокола.—Грузинская пѣсня.—Мой демонъ („Собранье золь —
 его стихія“).—Жена съвера.—Къ другу („Взлелѣянный на лонѣ вдохно-
 венья“).—Цыгане.—Элегія („О, если-бъ дни мои текли“).—* * * („Забывши
 волненія жизни мятежной“).—Къ * * * („Глядися чаще въ зеркала“).—Въ день
 рожденія NN („Чего тебѣ, мой милый, пожелать“).—Къ * * * („Мы снова
 встрѣтились съ тобой“).—Монологъ („Повѣрь, ничтожество есть благо въ
 здѣшнемъ свѣтѣ“).—Встрѣча.—Баллада („Надъ моремъ красавица дѣва си-
 дитъ“).—Перчатка.—Дитя въ люлькѣ.—Къ * * * („Дѣлись со мною тѣмъ, что
 знаешь“).—Молитва („Не обвиняй меня, Всесильный“).—1-й очеркъ „Демона“.—
 Олеги.—Два брата.—Венеція.

1830.

Въ началѣ года (въ Пансіонѣ). Лермонтовъ пишетъ 2-й очеркъ „Демона“.

Апрѣля 16. „Свидѣтельство изъ Благороднаго Пансіона И. Московскаго
 Университета пансіонеру Михаилу Лермантову въ томъ, что онъ въ 1828 г.
 былъ принятъ въ Пансіонъ, обучался въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса
 разнымъ языкамъ, искусствамъ и преподаваемымъ въ ономъ нравственнымъ,
 математическимъ и словеснымъ наукамъ, съ отличными прилежаніемъ, съ по-
 хвальнымъ поведеніемъ и съ весьма хорошими успѣхами; нынѣ же по прошенію
 его отъ Пансіона съ симъ уволенъ“. (Висковатовъ, приложенія, стр. 2).

Августа 21. Прошеніе пансіонера Университетскаго Благороднаго Пан-
 сіона Михаила Лермантова въ Правленіе И. Московскаго Университета о
 включеніи въ число своекоштныхъ студентовъ Нравственно-Политическаго
 Отдѣленія и допущеніи къ слушанію профессорскихъ лекцій. (Висковатовъ,
 приложенія, стр. 1).

Августъ. Донесеніе экзаменаціонной комиссіи въ Правленіе И. Москов-
 скаго Университета объ испытаніи Михаила Лермантова, сына капитана Юрія
 Лермантова, въ языкахъ и наукахъ, требуемыхъ отъ вступающаго въ универ-
 ситетъ въ званіе студента. (Висковатовъ, приложенія, стр. 3).

Сентября 1. Лермонтовъ принятъ въ И. Московскій Университетъ по
 экзамену студентомъ. (Висковатовъ, приложенія, стр. 4).

Знакомство Лермонтова (въ Москвѣ и въ Середниковѣ) съ Екатериной
 Александровною Сушковой. („Записки“, стр. 78—99).

Мая 16. Стихотвореніе „1830. Мая 16 числа“.

Юля 8, ночь. Записка Лермонтова. (Сочиненія, т. IV, стр. 349—50).

Юля 10. Стихотвореніе „10-е юля 1830 г.“.

Юля 11. Стихотвореніе „11-го юля“.

Юля 15. Стихотвореніе „1830 годъ. Юля 15-го“.

Юля 30. Стихотвореніе „Парижъ 30 юля 1830 г.“.

Августа 12. „Благодарю“.

Августа 15. „Чума въ Саратовѣ“.

Августа 28. „Ночь IV“.

Октября 1. „Свершилось! полно ожидать“.

Октября 4. „Глупой красавицѣ“.

Октября 5. „Могила бойца“.

Октября 13. „Сыны снѣговъ, сыны славянъ“.

* * („Когда послѣднее мгновенье“).—* * („Я не ддя ангеловъ и рай“). — Портретъ („Взгляни на этотъ ликъ“). —* * („Настанетъ день, — и, міромъ осужденный“).—К. Д. („Будь со мною, какъ прежде бывала“).—Пѣсня („Желтый листъ о стебель бьется“).—Къ Нэерѣ.—Отрывокъ („Три почи я провель безъ сна, въ тоскѣ“).—Силуеть.—* * („Какъ духъ отчаянья и зла“).—* * („Я не люблю тебя“).—Н. Ф. И. („Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали“). — Бухариной („Не чудно-ль, что зовуть васъ Вѣра“).—Трубецкому („Нѣтъ! міръ совсѣмъ пошелъ не такъ“).—Г. Павлову („Какъ васъ зовутъ? Ужель поэтомъ“).—Алябьевой („Вамъ красота, чтобы блеснуть, дана“).—Л. Нарышкиной („Всѣмъ жалко васъ: вы такъ устали“). — Толстой („Не даромъ она“). — Бартеневой („Скажи мнѣ, гдѣ переняла“). — Мартыновой („Когда поспоритъ вамъ придется“).—Додо („Умѣешь ты сердца тревожить“).—Башилову („Вы старшина собранья, вѣрно“).—Крапоткиной („Я оклеветанъ передъ вами“).—Щербатовой („Повѣрю-ль я, чтобъ вы хотѣли“). — Булгакову („На вздоръ и шалости ты хватъ“).—Сабуровой („Какъ? вы поэта огорчили“). — Уваровой („Вы мнѣ однажды говорили“).—* * („Вы не знавали князь Петра“).—Н. Н. Арсеньеву („Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся“).—* * („Люблю я цѣпи синихъ горъ“).—Солнце.—* * („Я счастливъ: тайный ядъ течетъ въ моей крови“).—Прощанье („Не уѣзжай, лезгинецъ молодой“).—* * („Она была прекрасна, какъ мечта“).—* * („Время сердцу быть въ покоѣ“).—* * („Склонись ко мнѣ, красавицъ молодой“).—* * („Девятый часъ, ужъ темно“). —* * („Какъ въ ночь звѣзды падуцей пламень“).—Къ* * („Я не унижусь предъ тобою“).—* * („Какъ лучъ зари, какъ розы Леля“). —* * („Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ!“). — Романсъ („Стояла сѣрая скала на берегу морскомъ“).—Прелестницъ* * („Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей“). — Had we never loved so kindly. — Эпитафія („Прости! Увидимся-ль мы снова“).—* * („Измученный тоскою и недугомъ“).—Кавказъ („Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней“).—Къ* * („Не говори: однимъ высокими“).—Опасеніе.—Стансы („Люблю, когда, борясь съ душою“).—Н. Ф. И. . . . вой („Любилъ съ начала жизни я“). — Ночь I („Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я“).—Разлука („Я виноватъ передъ тобою“).—Ночь II („Погаснудъ день, И тьма ночная своды“).—* * („Въ старинны годы жили-были“).—Незабудка. — Совѣтъ. — Одиночество. — Въ альбомъ („Нѣтъ, я не требую вниманья“). — Въ альбомъ („Прими, хотя и безъ вниманья“). — Гроза. — Звѣзда („Свѣтись, свѣтись, далекая звѣзда“). — Звѣзда („Видали-ль когда, какъ ночная звѣзда“).—Вечеръ послѣ дождя.—Наполеонъ („Въ невѣрный часъ, межъ днемъ и темнотой“). — Эпитафія Наполеону. — Къ глупой красавицѣ („Тобой плѣняться издала“). — Очи NN („Нѣтъ смерти здѣсь“). — Кавказу („Кавказъ! далекая страна!“). — Утро на Кавказѣ („Свѣтаегъ. Вьется дикой пеленой“).—Крестъ на скалѣ. — Стансы („Я не крушуся о быломъ“). —* * („Прости, мой другъ!... какъ призракъ я лечу“). — Челнокъ. — Отрывокъ („На жизнь иадѣяться страшась“). — Въ Воскресенскѣ. — Къ . . . („Простите мнѣ, что я рѣшился къ вамъ“).—Ночь III („Темно. Все спитъ. Лишь только жукъ ночной“). Прости („Прости! Коль могутъ къ небесамъ“) — Элегія („Дробись, дробись, волна ночная“).— Эпитафія („Простосердечный сынь свободы“). — Sentenz. — Гробъ Оссіана.—Посвященіе („Прими, прими мой грустный трудъ“). — Кладбище. — Посвященіе („Тебѣ я нѣкогда ввѣрять“). — Моя моляба. — Къ С. („Вблизи тебя до этихъ поръ“). — Гость („Какъ пришлецъ иноплеменный“).—

Къ * * * („Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья“). — Эпитафія („Кто яму для другихъ копать трудился“). — Дереву. — Предсказаніе. — * * * („Все тихо. Полная луна“). — Булеварь. — Пѣснь Барда. — Чума („Два человѣка въ этотъ страшный годъ“). — * * * („Плачь, плачь, Израиля народъ“). — Нищій. — Къ . . . („Не говори, — я трусь, глупецъ“). — Стансы („Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ“). — Экспромтъ („Три граціи считались въ древнемъ мірѣ“). — Весна. — * * * („Когда къ тебѣ молвы разсказъ“). — * * * („Передо мной лежитъ листокъ“). — * * * („Итакъ, прощай! впервые этотъ звукъ“). — Смерть („Закать горитъ огнистой полосой“). — Баллада („Въ избушкѣ позднею порою“). — * * * („Нерѣдко люди и бранили“). — Романсъ („Въ тѣ дни, когда ужъ нѣтъ надежды“). — Отрывокъ („Примѣтивъ юной дѣвы груди“). — Баллада („Берегись! берегись! Надъ бургскимъ путемъ“). — * * * („Вверху одна“). — Раскаянье. — * * * („Случалось, съ вихремъ и грозой“). — * * * („Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала“). — Подражаніе Байрону. — Къ Дурнову („Довольно любилъ я, чтобъ вѣчно страдать“). — Арфа. — * * * („На темной скалѣ, надъ шумящимъ Днѣпромъ“). — Пѣсня („Что въ полѣ за пыль пылить“). — Пѣсня („Не знаю, обмануть-ли былъ я“). — Пиръ Асмодея. — Сонъ („Я видѣлъ сонъ. Прохладный гаснулъ день“). — На картину Рембрандта. — Къ * * * (Q, полно извинять развратъ“). — Прощанье („Прости, прости“). — Къ другу („Мой другъ, не плачь передъ разлукой“). — Смерть. („Оборвана цѣпь жизни молодой“). — Волны и люди. — Звуки. — Первая любовь. — Поле Бородина. — Мой домъ. — Смерть („Ласкаемый цвѣтущими мечтами“). — Стансы („Мнѣ любить до могилы Творцомъ суждено“). — * * * „Quand je te vois sourire“. — Русская пѣсня („Клоками бѣлый снѣгъ валится“). — Романсъ къ И . . . („Когда я унесу въ чужбину“). — Двѣ невольницы. — Черны очи („Много звѣздъ у лѣтней ночи“). — Къ * * * („Когда твой другъ съ пророческой тоскою“). — Джюліо. — Литвинка. — Исповѣдь („День гасъ. Въ нарядѣ голубомъ“). — Послѣдній сынъ вольности. — 2-й очеркъ „Демона“. — Испанцы. — Menschen und Leidenschaften.

1831.

Января 28. Духовное завѣщаніе Юрія Петровича Лермантова. („Историч. Вѣстн.“ 1898 г., № 10).

Въ началѣ года. Письмо Лермонтова къ М. А. Шанъ-Гирей, въ которомъ онъ вступаетъ за честь Шекспира.

Марта 16. Исторія съ проф. Маловымъ въ Московскомъ Университетѣ. (Герценъ. „Былое и Думы“, т. I, гл. 5; „Русск. Стар.“ 1875 г., кн. IV, стр. 812—14; „Русск. Арх.“ 1901 г., № 2, стр. 316—324).

Январь. „Рѣдѣють блѣдныя туманы“.

Юня 7. Письмо Лермонтова къ Н. И. Поливанову изъ Москвы, въ которомъ онъ жалуется, что боленъ, разстроены, глаза каждую минуту мокры — сумасшедшій совѣмъ.

Юня 11. Стихотвореніе „1831 года, юня 11 дня“.

Юля 17. Кончена драма „Странный человѣкъ“. (Собр. автогр. Лерм. Муз., т. X).

Юля 29. „Желаніе“.

Августа 7. Стихотвореніе „7-го августа“.

Сентября 4. Посвященіе поэмы „Ангель Смерти“.

Сентября 28. Стихотвореніе „Сентября 28“.

Въ альбомъ Н. И. Поливанову. — Гость („Клариссу юноша любилъ“). — За-
вѣщаніе („Есть мѣсто: близъ тропы глухой“). — * * * („Сижу я въ комнатѣ стари-
ринной“). — Къ * * * („Всевышній произнесъ свой приговоръ“). — Къ дѣвѣ не-
бесной. — Св. Елена. — Къ другу В. Ш. („До лучшихъ дней“). — Романсъ
(„Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки веселья“). — Атаманъ. — Исповѣдь
(„Я вѣрю, общаю вѣрить“). — Надежда („Есть птичка рая у меня“). — Чаша
жизни. — Къ Л. * * * („У ногъ другихъ не забывалъ“). — Къ Н. И. . . („Я не
достойнъ, можетъ быть“). — А. Д. З. („О, ты, котораго клеветъ твой вѣрныи
Павель“). — Волл. — Къ * * * („Не вѣр хвалами и увѣреньямъ“). — * * * („Пре-
красны вы, поля земли родной“). — * * * („Метель шумить, и снѣгъ валить“). —
Пѣсня („Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверхъ дномъ“). — Счастливый мигъ. —
Небо и звѣзды. * * * („Когда-бъ въ покорности незнанья“). — Къ кн. Л. Г — ой
(„Когда ты холодно внимаешь“). — * * * („Кто видѣлъ Кремль въ часъ утра зо-
лотой“). — * * * („Я видѣлъ тѣнь блаженства“). — Къ * * * („О, не скрывай! ты
плакала о немъ“). — * * * („Ты слишкомъ для невинности мила“). — * * * („Кто
въ утро зимнее, когда валить“). — Стансы къ Д. . . („Я не могу ни произ-
нести“). — Ангель. — * * * („Ужасная судьба отца и сына“). — Стансы („Гляжу
впередъ сквозъ сумракъ лѣтъ“). — Къ другу („Забудь опять“). — * * * („Пора
уснуть послѣднимъ сномъ“). — Изъ Паткуля. — Солнце осени. — Потокъ. —
Къ * * * („Не ты, но судьба виповата была“). — Ночь. („Въ чугунъ печальный
сторожъ бьетъ“). — Къ себѣ („Какъ я хотѣлъ себя увѣрить“). — * * * („Душа
моя должна прожить въ земной неволѣ“). — * * * („Пускай поэта обвиняетъ“). —
Слава. — * * * („Унылый колокола звонъ“). — Пѣсня („Колоколь стонетъ“). —
Вечеръ („Когда садится алыи день“). — * * * („Хоть давно измѣнила мнѣ ра-
дость“). — Звуки и взоръ. — Земля и небо. — Къ * * * („Дай руку мнѣ, склонись
къ груди поэта“). — Изъ Андрея Шенье. — Къ * * * („Не медли въ дальній стор-
онѣ“). — Сосѣдъ („Погаснулъ день на вышинахъ небесныхъ“). — Стансы („Не
могу на родинѣ томиться“). — Мой демонъ („Собранье золь его стихія“). —
* * * („Нѣтъ, я не Байронъ, я другой“). — Романсъ („Ты идешь на поле
битвы“). — Сонетъ („Я памятью живу съ увядшими мечтами“). — * * * („Болѣзнь
въ груди моей, и нѣтъ мнѣ исцѣленья“). — * * * („Мы случайно сведены судь-
бою“). — * * * („Поцѣлуями прежде считалъ“). — * * * („Послушай, быть можетъ,
когда мы покинемъ“). — Къ * * * („Оставь напрасныя заботы“). — Азраилъ. —
Ангель Смерти. — Каллы. — Ауль Бастунджи. — III-й очеркъ „Демона“.— Драма
„Странныи чловѣкъ“.

1832.

Мая 10. Дата на одномъ изъ списковъ поэмы „Измаилъ-Бей“. (Собр.
автогр. Имп. Публ. Библ. № 352¹⁰).

Юля 1. Прошеніе въ Правленіе И. Московскаго Университета отъ свое-
коштнаго студента Михаила Лермантова объ увольненіи его „по домашнимъ
обстоятельствамъ“ и о снабженіи надлежащимъ свидѣтельствомъ, для пере-
вода въ И. С.-Петербургскій Университетъ. (Висковатовъ, приложен., стр. 4).

Юля 18. Свидѣтельство объ увольненіи Михаила Лермантова изъ И.
Московскаго Университета „по прошенію“ (Висковатовъ, приложен., стр. 4).

Осенью. Переѣздъ Лермонтова съ бабушкою въ Петербургъ. („Русск. Обозр.“ 1890 г., авг., стр. 732—33).

Августа 18. Письмо къ Лермонтову А. М. Верещагиной (См. „Русск. Обозр.“ 1890 г., августъ, стр. 731 — 32).

Августъ. Два письма Лермонтова къ С. А. Бахметевой: въ одномъ онъ горько жалуется, что не годится ни на что, а въ другомъ — что поэзія души его погасла и что каждый мигъ у него новыя фантазіи (здѣсь же приводятся стихотворенія „Примите дивное посланье“ и „По произволу дивной власти“).

Августа 28. Письмо Лермонтова къ М. А. Лопухиной, въ которомъ онъ жалуется на пустоту окружающаго общества и посылаетъ два стихотворенія: „Для чего я не родился“ и „Конецъ! какъ звучно это слово“.

Сентября 2. Письмо Лермонтова къ М. А. Лопухиной, съ приложеніемъ стихотворенія „Блѣвъ парусъ одинокой“.

Октября 12. Письмо къ Лермонтову А. М. Верещагиной. (См. „Русск. Обозр.“ 1890 г., августъ, стр. 734 — 36).

Ноябрь. Письмо Лермонтова къ А. М. Верещагиной, въ которомъ онъ, между прочимъ, выясняетъ причины своего поступленія въ Юнкерскую Школу.

Ноября 10. Приказъ по Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ: „Недоросля изъ Дворянъ, Михаила Лермантова, просящагося па службу въ Л.-Гв. Гусарскій полкъ, зачислить въ Школу кандидатомъ и числить на лицо“. (Дѣло Лермонт. Муз.: отд. IV, № 1).

Ноября 13. Предписаніемъ завѣдывающаго Школою Гв. Подпр. и Кавалер. Юнкеровъ, недоросль изъ Дворянъ Михайлъ Лермантовъ, просящійся на службу въ Л.-Гв. Гусарскій полкъ, зачисленъ на правѣ вольноопредѣляющагося унтеръ-офицеромъ. (Дѣло Лермонт. Муз.: отд. IV, № 2).

Декабря 18. На основаніи предписанія завѣдывающаго Школою, опредѣленный па службу на правѣ вольноопредѣляющагося въ Л.-Гв. Гусарскій полкъ, Михайлъ Лермантовъ, переименованъ въ юнкера, съ показаніемъ по спискамъ изъ дворянъ“. (Дѣло Лермонт. Муз.: отд. IV, № 3).

Умеръ Юрій Петровичъ Лермантовъ, отецъ поэта. (Ср. Ревизскую Сказку за 1834 г. въ дѣлахъ И. Рос. Историч. Музея. Инв. № 26275).

Морякъ. — * * * („Ахъ, нынѣ я не тотъ совсѣмъ“). — Баллада („Куда такъ проворно, жидовка младая“). — Гусарь. — Тростникъ. — Баллада („Изъ воротъ выѣзжаютъ три витязя въ рядъ“). — Бой. — * * * („Я жить хочу! хочу печали“). — * * * („Non, si j' en crois mon espérance“). — * * * („Смѣло вѣрь тому, что вѣчно“). — Новгороду. — Къ * * * („Мой другъ, напрасное старанье“). — Къ * * * („Печаль въ монхъ пѣсняхъ, но что за нужда“). — Два великана. — Желаніе („Отворите мнѣ темницу“). — Къ * * * („Прости! мы не встрѣтимся болѣ“). — * * * („Примите дивное Посланье“). — Челнокъ („По произволу дивной власти“). — * * * („Для чего я не родился“). — * * * („Что толку жить!... Безъ приключеній“). — Парусъ. — * * * („Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ“). — * * * („Слова разлуки повторяя“). — * * * („Безумецъ я! въ правы, правы“). — * * * („Она не гордой красотою“). — Измаиль-Бей. — Повѣсть „Вадимъ“. Письма къ С. А. Бахметевой изъ Твери и къ М. А. Лопухиной съ при-

ложеніемъ стихотворенія „Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ“ (передъ экзаменами въ Юнкерскую Школу).

1833.

Начало года. Лермонтовъ упалъ въ манежѣ съ лошади, сломалъ ногу и пролежалъ больнымъ (въ домѣ бабушки) больше двухъ мѣсяцевъ. (Меринскій, 287; Висковатовъ, 177).

Юля 19. Письмо къ М. А. Лопухиной, въ которомъ Лермонтовъ намекаетъ на какія-то странныя обстоятельства, сдѣлавшія его счастливымъ, чѣмъ былъ когда-либо, веселѣе любого пьяницы, распѣвающего на улицѣ.

Августа 4. Письмо къ М. А. Лопухиной, въ которомъ Лермонтовъ мечтаетъ о жизни по выходѣ въ офицеры и рассказываетъ о происшедшихъ въ немъ перемѣнахъ съ тѣхъ поръ, какъ они разстались.

1834.

Начало года. Лермонтовъ принимаетъ участіе въ изданіи рукописнаго журнала „Школьная Заря“. (Меринскій, 288).

Ноября 22. Высочайшимъ приказомъ Лермонтовъ произведенъ по экзамену изъ юнкеровъ въ корнеты Л.-гв. Гусарскаго полка. (Дѣло Лермонт. Муз.: отд. IV, № 5).

Декабря 4. Встрѣча Лермонтова съ Е. А. Сушковой на балу у г-жи К. („Записки“, стр. 133 — 36).

Декабря 6. Лермонтовъ на танцевальномъ вечерѣ у Сушковыхъ. („Записки“, стр. 136 и д.).

Декабря 23. Письмо къ М. А. Лопухиной, въ которомъ Лермонтовъ высказываетъ опасеніе, что изъ него никогда ничего не выйдетъ, говорить о своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ и предостерегаетъ брата М. А. отъ увлеченія m-lle Souchkoff—летучей мышью, крылья которой зацѣпляются за все встрѣчное.

Декабря 26. Балъ у Петербургскаго генераль-губернатора, на которомъ Е. А. Сушкова признается Лермонтову въ любви. („Записки“, стр. 158 и д.).

1833 — 34 гг.

* * („Когда, надеждѣ недоступный“). — * * („Онъ былъ въ краю святомъ“). — * * („Посреди небесныхъ тѣлъ“). — Юнкерская молитва. — * * („На серебряныя шпоры“). — * * („Въ рядахъ мы стояли безмолвной толпой“). — А. А. Ѳ. . . . в у („О, ты, котораго зовутъ“). — Ода къ нужнику. — Къ Тизенгаузену. — Гошпиталь. — Петергофскій праздникъ. — Уланша — Хаджи Абрекъ. — Панорама Москвы. — IV очеркъ „Демона“.

1835.

Января 5. Лермонтовъ посылаетъ анонимное письмо Е. А. Сушковой. („Русск. Вѣстн.“ 1872 г., № 2, стр. 652—656. Ср. „Записки“, стр. 162—180).

Юля 6, 7, 8, 9. Ноября 6. За бывшіе въ Высочайшемъ присутствіи смотры, парады, маневры и ученія Лермонтовъ, въ числѣ прочихъ офицеровъ, удо-

стоился получить Высочайшее благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ. (Раковичъ, приложен. стр. 27—32).

Августъ. Въ „Библиотекѣ для чтенія“ напечатана поэма Лермонтова „Хаджи Абрекъ“.

Октября 18. Письмо къ Лермонтову Е. А. Арсеньевой, въ которомъ она сообщаетъ, что больше десяти разъ перечитала его стихи („Хаджи-Абрекъ“): „безподобны, а всего лучше меня утѣшило, что тутъ нѣтъ нынѣшней модной неистойвой любви“. Здѣсь же обѣщаніе посылать всякіе три мѣсяца по 2,500 рублей. (Висковатовъ, приложен., стр. 5—6).

Декабря 20. Лермонтовъ отправляется въ отпускъ по домашнимъ обстоятельствамъ въ Тульскую и Пензенскую губ. на шесть недѣль. (Мѣсячные отчеты полка въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба).

Письмо къ А. М. Верещагиной, въ которомъ Лермонтовъ рассказываетъ о концѣ своихъ „амуретокъ“ съ м-ле Сушковой. Выходъ замужъ (за Бахметева) Вареньки Лопухиной. (Висковатовъ, 278—9).

* * („Опять народные вѣтн“). — Бояринъ Орша. — Маскарадъ.

1836.

Январь—марта 14. Лермонтовъ въ отпускѣ, сначала по домашнимъ обстоятельствамъ, а потомъ по болѣзни. (Раковичъ, приложен., стр. 29).

Января 16. Письмо къ С. А. Раевскому изъ Тарханъ, въ которомъ Лермонтовъ рассказываетъ о своей деревенской жизни, сообщаетъ о новой драмѣ и безпокоится насчетъ „Арбенина“, что его снова не пропустили.

Января 22. Довѣренность Лермонтова Григ. Вас. Арсеньеву на раздѣлъ отцовскаго имѣнія „Кропотово“. (Дѣло И. Рос. Ист. Муз. Инв. № 26275).

Февраля 2. „Умиравшій гладиаторъ“.

Февраля 4. Лермонтовъ представляетъ свидѣтельство о болѣзни начальнику 1-й легкой Гвардейской кавалерійской дивизіи. (Мѣсячные отчеты полка).

Мартъ. Лермонтовъ на лицо въ полку. (Мѣсячные отчеты полка).

Весною. Письмо къ Е. А. Арсеньевой, въ которомъ Лермонтовъ сообщаетъ о покупкѣ лошади у генерала и проситъ выслать 1580 рублей.

Мая 2, 18, 19. Июня 14, 15, 16. Июля 14, 15, 23, 24, 25, 26, 27. Августа 1. Октября 12. За бывшіе въ Высочайшемъ присутствіи смотры, парады, маневры и ученія Лермонтовъ удостоился получить, въ числѣ прочихъ офицеровъ, Высочайшее благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ. (Раковичъ, приложен., 27—32).

Сентября 15. Лермонтовъ, уходя отъ А. И. Синицына, встрѣчается на лѣстницѣ съ В. П. Бурнашевымъ. („Русск. Арх.“ 1872 г., № 9, 1770 и д.).

Декабря 24. Лермонтовъ заболѣлъ простудою. (Мѣсячные отчеты полка).

Умирающій гладиаторъ. — Русалка. — Еврейская мелодія. — Въ альбомѣ („Какъ одинокая гробница“). — Вѣтка Палестины. — Къ портрету стараго гусара. — Къ Бухарову. — Сашка. — Два брата. — Княгиня Лиговская. — Монго.

Января 28. „Смерть поэта“.

Января 30. В. П. Бурнашевъ въ кондитерской Вольфа списываетъ у С. Н. Глинки стихотвореніе Лермонтова на смерть Пушкина, оканчивавшееся тогда словами: „И на устахъ его печать“. („Русск. Арх.“ 1872 г., № IX, слб. 1811—1816).

Февраль 2. А. И. Тургеневъ въ своемъ дневникѣ дѣлится впечатлѣніемъ отъ стихотворенія „Смерть поэта“: „Стихи Лермонтова прекрасные“. („Русск. Слово“ 1912 г., № 22).

Февраль 6. А. И. Тургеневъ обѣщаетъ П. А. Осиповой стихи Лермонтова „Смерть поэта“ („Русск. Слово“ 1912 г., № 22).

Февраль 11. А. И. Тургеневъ читаетъ И. И. Козлову стихотвореніе Лермонтова „Смерть поэта“. (К. Я. Гротъ. Дневникъ И. И. Козлова. С.-Пб. 1906, стр. 23).

Февраль 21. Показаніе С. А. Раевского по дѣлу о „непозволительныхъ стихахъ, написанныхъ корнетомъ Л.-гв. гусарскаго полка Лермонтовымъ“. (Дѣло Лермонт. Музея: отд. IV, № 11, лл. 2—7 и 9—14).

Февраль. Объясненіе Лермонтова по тому же дѣлу. (Дѣло Лермонт. Музея: отд. IV, № 11, лл. 15—16).

Февраль 27. Высочайшій приказъ о переводѣ Л.-гв. гусарскаго полка корнета Лермонтова въ Нижегородскій драгунскій полкъ прапорщикомъ. (Дѣло Лермонт. Муз.: отд. IV, № 6).

Марта 2. Лермонтовъ даетъ довѣренность Е. А. Арсеньевой на продажу полученной имъ по смерти отца части наслѣдства. (Дѣло И. Рос. Ист. Муз. Инв. № 26275).

Мартъ. Три письма Лермонтова къ С. А. Раевскому, въ которыхъ Лермонтовъ сознается, что, щадя бабушку, онъ принесъ ей въ жертву своего друга; выражаетъ увѣренность, что тотъ пойметъ и проститъ.

Весною. Лермонтовъ въ Тамани. (Висковатовъ, 252).

Мая 25. Мать Н. С. Мартынова пишетъ сыну изъ Москвы: „Лермонтовъ у насъ чуть-ли не каждый день. По правдѣ сказать, я его не особенно люблю; у него слишкомъ злой языкъ и, хотя онъ выказываетъ полную дружбу къ твоимъ сестрамъ, я увѣрена, что при первомъ случаѣ онъ не пощадитъ и ихъ... Славу Богу, онъ скоро уѣзжаетъ; для меня его посѣщенія всегда неприятны“. (Русск. Архивъ“ 1893 г. II (8), стр. 608).

Мая 31. Письмо къ М. А. Лопухиной, въ которомъ Лермонтовъ рассказываетъ о своей жизни на Кавказѣ.

Юня 2. Лермонтовъ въ Пятигорскомъ госпиталѣ. (Мѣсячные отчеты полка).

Юня 21. Полюбовный раздѣлъ Лермонтова съ тетками доставшагося по смерти отца имѣнія „Кропотово“. (Дѣло И. Рос. Ист. Муз. Инв. № 26275).

Юля 18. Письмо къ Е. А. Арсеньевой, въ которомъ Лермонтовъ жалуется на ужасную погоду и проситъ прислать денегъ.

Юль. Е. А. Арсеньева продаетъ принадлежавшую Лермонтову часть имѣнія „Кропотово“ титулярн. совѣтн. Ел. Петр. Віолевой за 25 тысячъ ассигн. (Дѣло И. Рос. Ист. Муз. Инв. № 26275).

Лѣтомъ. Живя въ Пятигорскѣ, Лермонтовъ знакомится съ докторомъ Ник. Вас. Майеромъ и В. Г. Бѣлинскимъ. (Воспоминанія Н. М. Сатина — „Починъ“, кн. I, стр. 238 — 41).

Юля 29 — сентябрь. Два пѣшихъ эскадрона Нижегородскаго драгунскаго полка находятся въ рекогносцировкѣ Кавказскаго хребта и Лезгинской линіи. (В. Потто. Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка. Т. IV, стр. 73—78) *).

Сентябрь 21. Имп. Николай прибылъ съ Наслѣдникомъ въ Геленджикъ и былъ встрѣченъ генераль-лейтенантомъ А. А. Вельяминовымъ. („С.-Петербург. Вѣдом.“ 1837 г., № 226).

Сентября 23. Имп. Николай прибылъ изъ Геленджика въ Анапу. („С.-Петербург. Вѣдом.“ 1837 г., № 226).

Октябрь 5. Н. С. Мартыновъ пишетъ своему отцу изъ Екатеринодара: „Триста рублей, которые Вы мнѣ послали черезъ Лермонтова, получилъ, но писемъ никакихъ, потому что его обокрали въ дорогѣ, и деньги эти, вложенныя въ писемъ, также пропали; но онъ, само собою разумѣется, отдалъ мнѣ свои. Если вы помните содержаніе вашего письма, то сдѣлайте одолженіе — повторите; также и сестеръ попросите отъ меня“... („Русск. Архивъ“ 1893 г., II (8), стр. 606—7).

Октябрь 10. Высочайшій смотръ четыремъ эскадронамъ Нижегородскаго драгунскаго полка въ Тифлисъ. (В. Потто, т. IV, стр. 86).

Октября 11. Высочайшій приказъ о переводѣ Нижегородскаго драгунскаго полка прапорщика Лермонтова въ Л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ корнетомъ. (Дѣло Лерм. Муз.: отд. IV, № 7).

Октябрь 21. В. А. Жуковскій записалъ въ своемъ дневникѣ: „Пребываніе въ Новочеркасскѣ. . . обѣдъ за маршальскимъ столомъ. Разказы о опасности государя. Прощеніе Лермантова. Почему Бенкендорфъ упомянулъ обо

*) Въ одномъ изъ позднѣйшихъ формулярныхъ списковъ Лермонтова (1840 г.) находимъ подробныя свѣдѣнія объ участіи его въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линіи на восточномъ берегу Чернаго моря, отъ крѣпости Геленджика до устья р. Вуланъ: *апрѣля 26* — перестрѣлка на р. Кунипсъ; *апрѣля 29* — перестрѣлка близъ Абина, при слѣдованіи отряда изъ Ольгинскаго тетъ-де-пона къ Геленджикѣ; *мая 10* — перестрѣлка въ Чумбайскомъ лѣсу; *мая 11* — перестрѣлка въ Богаюкской долинѣ; *мая 12* — перестрѣлка близъ Николаевскаго укрѣпленія; *мая 17* — перестрѣлка въ долинѣ Инаго; *мая 23* — перестрѣлка у переправы Вародобуй; *мая 24* — перестрѣлка на р. Дообъ; *мая 25* — перестрѣлка на р. Пшадь; *мая 29* и *юля 2, 5 и 22* — дѣло при сожженіи контрабандныхъ турецкихъ суденъ на р. Шапсухо, во время перехода изъ Новогроицкаго укрѣпленія къ р. Вуланъ; *юля 11* — перестрѣлка при ущельи Каріокъ; *юля 12* — перестрѣлка при урочищѣ Шатухоя; *юля 13* — перестрѣлка при Чемчуашѣ; *юля 14* — перестрѣлка на р. Вуланъ; *юля 31* и *августа 2, 23 и 26* — стычки во время фуражировокъ на р. Вуланъ; *сентября 2, 3, 4, 5, 6 и 7* — стычки при возвращеніи отряда къ Геленджикѣ; *сентября 25—29* — перестрѣлки при слѣдованіи къ берегамъ р. Кубани. Но къ даннымъ этого формулярнаго списка нельзя относиться съ большимъ довѣріемъ, такъ какъ онъ составленъ спустя 3 года, по случаю представленія Лермонтова къ награждѣ за Валерикъ. Самъ Лермонтовъ въ письмѣ къ С. А. Раевскому сознается, что пріѣхалъ въ отрядъ слишкомъ поздно и „слышалъ только два, три выстрѣла“. (Сочин., т. IV, 330).

миѣ?« (Дневники В. А. Жуковского. Съ примѣчаніями И. А. Бычкова. С.-Пб. 1903, стр. 369).

Осень. Письмо къ С. А. Раевскому, въ которомъ Лермонтовъ разсказываетъ о своихъ скитаньяхъ по Кавказу.

Ноября 6. Мать Н. С. Мартынова пишетъ сыну изъ Москвы: „Какъ мы всѣ огорчены тѣмъ, что наши письма, писанныя черезъ Лермонтова, до тебя не дошли. Онъ освободилъ тебя отъ труда ихъ прочитать, потому что въ самомъ дѣлѣ тебѣ бы пришлось читать много: твои сестры цѣлый день писали ихъ... Послѣ этого случая даю зарокъ не писать никогда иначе, какъ по почтѣ; по крайней мѣрѣ остается увѣренность, что тебя не прочтутъ“... („Русск. Архивъ“ 1893 г. II (8), стр. 608—9).

Ноября 25. Лермонтовъ выключенъ изъ списковъ Нижегородскаго драгунскаго полка. (Мѣсячн. отчеты полка).

Декабря 14. Лермонтовъ на ст. Прохладная. (Дневникъ Кавказскаго офицера въ собран. рукоп. Тихонова № 326. Тетр. III, л. 4).

Зимой. Въ Ставрополѣ Лермонтовъ знакомится (черезъ Сатина и Майера) съ декабристами: Вл. Ник. Лихаревымъ, Ник. Ив. Лореромъ, Мих. Ал. Назимовымъ, Мих. Мих. Нарышкинымъ, кн. А. И. Одоевскимъ, бар. А. Е. Розеномъ, кн. Вал. Мих. Голицынымъ, С. И. Кривцовымъ. (Воспоминанія Н. М. Сатина — „Починъ“, кн. I, стр. 242—50; Висковатовъ, 264—68 и 302—4).

Бородино. — Узникъ („Отворите миѣ темницу“). — Молитва („Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою“). — * * * („Когда волнуется желтѣющая нива“). — Сосѣдъ („Кто-бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣд“). — * * * („Разстались мы, но твой портретъ“). — Эпиграмма на Кукольника. — * * * („Гляжу на будущность съ боязнью“). — * * * („Она поетъ — и звуки таютъ“). — Кинжалъ. — * * * („Слышу-ли голосъ твой“). — * * * („Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ“). — * * * („Расписку просишь ты, гусаръ“). — Казбску. — Ребенку („Ну, что скажу тебѣ я спросту“). — * * * („Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ“). — * * * („Не смѣйся надъ моею пророческою тоскою“). — Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. — Казначейша. — Отрывокъ: „Я въ Тифлисъ у Петр. Г. — ученый татар. Али и Ахметъ“...

1838.

Начало года. Лермонтовъ знакомится съ Жуковскимъ: передаетъ ему, по его просьбѣ, „Тамбовскую Казначейшу“ и получаетъ экземпляръ „Ундины“ съ собственноручною надписью. (Сочинен., IV, стр. 330—32; „Русск. Обозр.“ 1890 г., августъ, стр. 745).

Февраля 15. Канунъ отъѣзда Лермонтова въ Новгородъ. Письмо къ М. А. Лопухиной, въ которомъ Лермонтовъ сообщаетъ о разныхъ домашнихъ неурядицахъ и жалуется, что ему смертельно скучно; здѣсь же стихотвореніе „Молитва странника“.

Февраля 25 — апрѣля 19. Лермонтовъ въ л.-гв. Гродненскомъ гусарскомъ полку: 8 разъ былъ дежурнымъ по 2-й половинѣ полка, 2 раза былъ въ церковномъ парадѣ, при чемъ одинъ разъ командовалъ взводомъ, и два раза

былъ въ отпуску въ Петербургъ каждый разъ по 8 дней. (*Сообщеніе командира полка, гр. Олсуфьева. Ср. Висковатовъ, 295.*)

Марта 24. Письмо графа Бенкендорфа къ Военному Министру, графу Чернышеву, въ которомъ онъ, принимая „живѣйшее участіе“ въ просьбѣ Е. А. Арсеньевой, „этой доброй и почтенной старушки“, просить Чернышева, въ особенное, личное ему отдолженіе, „испросить у Государя Императора къ празднику Св. Пасхи Всемиловѣйшее, совершенное прошеніе Корнету Лермантову, и переводъ его Лейбъ-Гвардіи въ Гусарскій полкъ“. (Дѣло Лерм. Муз. отд. IV).

Апрѣля 9. Высочайшій приказъ о переводѣ Лермонтова въ Лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ. (Дѣло Лерм. Муз.: отд. IV, № 8).

Мая 14. Лермонтовъ прибылъ въ Лейбъ-гв. гусарскій полкъ. (Формулярный списокъ).

Весною. Приѣздъ въ Петербургъ Вареньки Лопухиной (Бахметевой) съ мужемъ. (Висковатовъ, 290; „Русск. Обзор.“ 1890, августъ, стр. 745).

Юля 8. Письмо къ С. А. Раевскому, въ которомъ Лермонтовъ жалуется на скуку, усталость и невозможность работать.

Сентября 8. Дата на списокъ „Демона“, посланномъ В. А. Лопухиной. (Висковатовъ, 290—91).

Юля 6, 11; октября 5 и 6; ноября 6. За бывшіе въ Высочайшемъ присутствіи смотры, парады, маневры и ученья Лермонтовъ удостоился получить, въ числѣ прочихъ офицеровъ, Высочайшее благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ. (Формулярн. спис. Ср. Раковичъ, приложен., стр. 27—32):

Письмо къ М. А. Лопухиной, въ которомъ Лермонтовъ рассказываетъ о своихъ успѣхахъ въ „большомъ свѣтѣ“ и замѣчаетъ, что нигдѣ нѣтъ столько пошлаго и смѣшного, какъ тамъ.

Дума. — Къ М. И. Цейдлеру. — Поэтъ („Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ“).

1839.

Февраль — мартъ. Письмо Лермонтова къ Ал. Ал. Лопухину, въ которомъ онъ поздравляетъ Лопухина и его жену съ новорожденнымъ и посылаетъ „самые нравоучительные“ стихи: „Ребенка милого рожденье“.

Августа 5. Дата на заглавномъ листѣ автографа „Мицири“. (Лерм. Муз. т. XIII).

Сентября 12. А. И. Тургеневъ присутствуетъ при чтеніи Лермонтовымъ отрывка изъ „Героя нашего времени“. (Дневники А. И. Тургенева).

Октября 10. Письмо А. А. Краевского къ Панаеву: „Лермонтовъ отдалъ бабамъ читать своего „Демона“, изъ котораго хотѣлъ напечатать отрывки, и бабы чортъ знаетъ куда дѣли его, а у него ужъ разумѣется нѣтъ черноваго; таковъ мальчикъ уродился!“... (Панаевъ. Литерат. воспомин., стр. 256).

Октября 24 (вторникъ). В. А. Жуковскій по дорогѣ изъ Царскаго Села въ Петербургъ читаетъ „Демона“. (Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 508).

Ноября 5 (воскресенье). Вечеромъ. Лермонтовъ у Карамзиныхъ встрѣчается съ В. А. Жуковскимъ. (Дневники, стр. 510).

Осенью и зимою. Лермонтовъ участвуетъ въ „кружкѣ шестнадцати“. (Истор. Вѣстн. 1895 г., кн. X, стр. 175—82).

Декабря 6. Высочайшій приказъ о производствѣ корнета Лермонтова въ поручики. (Дѣло Лерм. Муз.: отд. IV, № 9).

Конецъ года. Встрѣча Лермонтова съ И. С. Тургеневымъ. (Тургеневъ. Литерат. воспомин.).

Марта 16; мая 9 и 27; июня 12, 13, 14 и 23; июля 14, 15, 26, 27, 30 и 31; августа 2 и 7; октября 21; ноября 6. За бывшіе въ Высочайшемъ присутствіи смотры, парады, маневры и ученья Лермонтовъ удостоился получить, въ числѣ прочихъ офицеровъ, Высочайшее благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ. (Формулярн. спис. Ср. Раковичъ, приложен., 27—32).

На рожденіе сына у А. А. Лопухина. — Не върѣ себѣ. — Молитва („Въ минуту жизни трудную“). — Три пальмы. — Дары Терека. — Памяти Александра Ивановича Одоевскаго. — Казоть. — Къ гр. Э. К. Музиной-Пушкиной. — Бѣглець. — Сказка для дѣтей. — Бѣла. — Фаталистъ.

1840.

Января 1. Стихотвореніе „Какъ часто, пестрою толпою окружонъ“.

Февраля 9. Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину дѣлится впечатлѣніемъ отъ стихотворенія „Терекъ“: „Чортъ знаетъ — страшно сказать, а мнѣ кажется, что въ этомъ юношѣ готовится третій русскій поэтъ, и что Пушкинъ умеръ не безъ наслѣдника“. (Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. II, стр. 18).

Февраля 12 и марта 5. За бывшіе въ Высочайшемъ присутствіи смотры, парады, маневры и ученья Лермонтовъ удостоился получить, въ числѣ прочихъ офицеровъ, Высочайшее благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ. (Формулярн. спис. Ср. Раковичъ, приложен., 27—42).

Февраля 16. Балъ у графини Лаваль, на которомъ произошло столкновение между Лермонтовымъ и Эрн. де-Барантомъ. (*Письмо Лермонтова къ генералу Н. Ѳ. Плаутину*: Сочинен. IV, 336).

Февраля 18. Дуэль Лермонтова съ де-Барантомъ за Черною рѣчкою на Парголовской дорогѣ. (*Письмо Л — ва къ генералу Н. Ѳ. Плаутину*: Сочинен. IV, стр. 336). Лермонтовъ у А. А. Краевскаго. (Панаевъ. Литерат. воспом., стр. 177; Висковатовъ, 322).

Февраля 19. Цензурное разрѣшеніе печатать романъ „Герой нашего времени“.

Въ концѣ февраля. Письмо Лермонтова къ генералу Н. Ѳ. Плаутину по дѣлу о дуэли съ де-Барантомъ.

Марта 11. Приказомъ по отдѣльному гвардейскому корпусу Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка поручикъ Лермонтовъ за произведенную имъ, по собственному его сознанию, дуэль и за недонесеніе о томъ тотчасъ своему Начальству, предается Военному суду при Гвардейской Кирасирской дивизіи, арестованнымъ. (Дѣло Лерм. Муз.: отд. IV, № 14, л. 6).

Марта 18. Показаніе А. А. Столыпина по дѣлу о дуэли Лермонтова съ де-Барантомъ. (Дѣло Лерм. Муз.: отд. IV, № 14).

Марта 21. „Журналистъ, читатель и писатель“.

Марта 22 (вечеромъ). Свиданіе Лермонтова съ де-Барантомъ на арсенальной гауптвахтѣ. (Дѣло Лерм. Муз.: отд. IV, № 14).

Мартъ. Свиданіе Лермонтова съ Бѣлинскимъ въ ордонансъ-гауздѣ. (Панаевъ. Литерат. воспомин., стр. 178—180; Пыпинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 38).

Апрѣля 3. Письмо Лермонтова къ К. Ѳ. Опочинину. (Сочинен. IV, стр. 336).

Апрѣля 10. К. А. Полевой пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Въ Петербургѣ таскаютъ теперь исторію Лермонтова — глупѣйшую!“ (Историч. Вѣсти.“ 1887 г., кн. XI, стр. 328).

Апрѣля 12. А. О. Смирнова сообщаетъ В. А. Жуковскому, что Лермонтовъ „подъ арестомъ за свою дурацкую болтовню и неосторожность“ и при этомъ высказываетъ надежду, что въ день Пасхи или именинъ (императрицы Александры Ѳеодоровны) судьба его рѣшится благопріятно. („Русск. Архивъ“ 1902 г., кн. V, стр. 100—101).

Апрѣля 13. Высочайшимъ приказомъ по кавалеріи Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка поручикъ Лермонтовъ переводится въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, тѣмъ же чиномъ. (Дѣло Лерм. Муз.: отд. IV, № 13, л. 50).

Апрѣля 16. Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину рассказываетъ о своемъ свиданіи съ Лермонтовымъ „въ заточеніи“. (Пыпинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 38).

Апрѣль. Письмо Лермонтова къ великому князю Михаилу Павловичу, въ которомъ онъ оправдывается отъ обвиненія въ ложномъ показаніи по дѣлу о дуэли съ де-Барантомъ.

Апрѣль. Стихотвореніе „Тучи“.

Мая 3. Поступленіе въ продажу романа „Герой нашего времени“. („Сѣв. Пчела“. 1840 г., № 98).

Мая 9. На именинномъ обѣдѣ у Гоголя (въ Москвѣ, въ саду у Погодина) Лермонтовъ читаетъ отрывки изъ „Мцири“. (Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. V, стр. 360).

Мая 22. Лермонтовъ встрѣчается въ Москвѣ съ А. И. Тургеневымъ. (Дневники А. И. Тургенева).

Весною. Лермонтовъ въ Москвѣ, въ семействѣ Мартыновыхъ, знакомится съ княземъ А. В. Мещерскимъ. („Русск. Арх.“ 1900 г., кн. IX, стр. 79—84).

Юля 10. Лермонтовъ пріѣхалъ въ Ставрополь, главную квартиру командующаго Кавказскою линіею. (Раковичъ, 239).

Юля 11. Лермонтовъ прикомандированъ къ отряду генераль-лейтенанта Галафѣева.

Юля 17. Письмо къ А. А. Лопухину (изъ Ставрополя), въ которомъ Лермонтовъ рассказываетъ о посѣщеніи „театра“ въ Черкасскѣ.

Юль. Статья Бѣлинскаго о „Героѣ нашего времени“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Юля 6—10. Лермонтовъ принимаетъ участіе въ перестрѣлкахъ, бывшихъ во время десятидневнаго похода изъ крѣпости Грозной въ Малую Чечню: 6—при истребленіи деревень Большой Чечень и Дуду-Юртъ; 7—у деревень Большой Атагъ и Чахъ-Гери на р. Аргунъ; 8—при слѣдованіи черезъ Гойтинскій лѣсъ, у заваловъ, устроенныхъ въ лѣсу, и при уничтоженіи деревень Ахшпатовъ-Гойта и Чунгорой-Юртъ; 9—при сожженіи деревень Таибъ, Урусъ-Мартана и фуражировкѣ на равнинѣ между деревнями Урусъ-Мартанъ и

Хажи-Рошни; 10 — при слѣдованіи изъ лагеря при дер. Урусъ-Мартана къ дер. Гехи и истребленіи деревень Чурикъ-Рошни, Пешхой-Рошни, Хажи-Рошни и Гехи. (*Журналъ военныхъ дѣйствій отряда ген.-л. Галафѣева*).

Юля 11. Сраженіе при Валерикѣ. „Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ заваловъ на р. Валерикъ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностію отъ непріятеля, скрывшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, не смотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отмѣннымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы“. (*Донесеніе начальника отряда генер.-адъют. Граббе отъ 8 окт. 1840 г.: Раковичъ, 246*).

Юля 12. Лермонтовъ принимаетъ участіе въ перестрѣлкѣ при соженіи деревни Ачхой.

Юля 13. Лермонтовъ принимаетъ участіе въ перестрѣлкѣ при слѣдованіи отряда изъ лагеря на р. Натахы, черезъ дер. Чильчихи, въ Казахъ-Кичу, на лѣвый берегъ р. Сунжи.

Юля 14. Лермонтовъ принимаетъ участіе въ перестрѣлкѣ при слѣдованіи отряда изъ лагеря на р. Сунжи въ крѣпость Грозную.

Юля 28. Лермонтовъ въ Пятигорскѣ.

Письмо къ Е. А. Арсеньевой, въ которомъ Лермонтовъ проситъ прислать ему въ Пятигорскъ книгу гр. Ростопчиной, полное собраніе сочиненій Жуковского и полнаго Шекспира по-англійски.

Августа 13. Цензурное разрѣшеніе печатать „Стихотворенія“ Лермонтова. *Августа вторая половина.* Лермонтовъ въ Кисловодскѣ. Знакомство съ Ад. Гоммеръ де - Гелль. („Русск. Арх.“ 1887 г., № 9, стр. 129—31; „Историч. Вѣстн.“ 1893 г., кн. XII, стр. 833—56).

Сентября 12. Лермонтовъ въ Пятигорскѣ. Письмо къ А. А. Лопухину, въ которомъ Лермонтовъ описываетъ сраженіе при Валерикѣ.

Сентября 29 и октября 3. Лермонтовъ участвуетъ въ „дѣлахъ“ и обращаетъ на себя „особенное вниманіе отряднаго начальника расторопностію, вѣрностію взгляда и пылкимъ мужествомъ“. (*1 наградной списокъ поручику Лермонтоосу при рапортѣ начальника 20-й пѣхотн. дивизіи ген.-л. Галафѣева отъ 9 дек. 1840 г.: Раковичъ, приложен., стр. 32*).

Октября 10. Когда выбылъ раненымъ изъ строя Малороссійскаго казакъ. № 1 полка юнкеръ Руфицъ Дороховъ, Лермонтовъ принялъ отъ него начальство надъ охотниками, выбранными въ числѣ 40 человекъ изъ всей кавалеріи. (Раковичъ, 247).

Октября 12. „На фуражировкѣ за Шали, пользуясь плоскостію мѣстоположенія, Лермонтовъ бросился съ горстью людей на превосходнаго числомъ непріятеля и неоднократно отбивалъ его нападенія на цѣпь нашихъ стрѣлковъ и поразилъ неоднократно собственною рукою хищниковъ“. (*1 наградной списокъ: Раковичъ, приложен., стр. 32*).

Октября 15. „Лермонтовъ съ командою первый прошелъ Шалинскій лѣсъ, обращая на себя всѣ усилія хищниковъ, покушавшихся препятствовать нашему движенію, и занялъ позицію въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ

опушки. При переправѣ черезъ Аргунъ онъ дѣйствовалъ отлично противъ хищниковъ и, пользуясь выстрѣлами нашихъ орудій, внезапно кинулся на партію непріятели, которая тотчасъ же ускакала въ ближайшій лѣсъ, оставивъ въ рукахъ нашихъ два тѣла". (*И наградн. стис.*: Раковичъ, приложен., 32).

Октябрь. Поручику Лермонтову выдано изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи командующаго войсками Кавказской линіи и Черноморіи, заимобрано 100 рублей. („Всемирный Трудъ“ 1870 г., № 10, стр. 599).

Октября 28. „A madame Hommaire de Hell“.

Конецъ октября — начало ноября. Лермонтовъ въ Крыму съ Ад. Гоммеръ де-Гелль. („Русск. Арх.“ 1887 г., № 9, стр. 132—39) *).

Ноябрь. Письмо Лермонтова къ А. А. Лопухину изъ крѣпости Грозной, въ которую возвратился отрядъ Галафѣева послѣ 20-дневной экспедиціи въ Чечнѣ. (Сочинен., т. IV, стр. 340—41).

Декабря 9. Рапортъ начальника 20-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта Галафѣева, съ приложеніемъ наградного списка поручику Лермонтову. (Раковичъ, приложен., стр. 32).

Декабря 24. Рапортъ командовавшего всею кавалеріею дѣйствующаго отряда на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, полковника князя Голицына, съ приложеніемъ наградного списка поручику Лермонтову. (Раковичъ, приложеніе, стр. 32—33).

Декабря 31. Приказомъ по полку Лермонтовъ зачисленъ на лицо въ Тенгинскій полкъ. (Раковичъ, 251).

Первое января. — Казачья колыбельная пѣсня. — Воздушный корабль. — И скучно и грустно. — Ребенку („О грезахъ юности томимъ воспоминаемъ“). — Отчего. — Благодарность („За все, за все тебя благодарю я“). — Изъ Гете („Горныя вершины“). — Сосна. — Любовь мертвеца. — Марья Павловнѣ Соломирской. — Плѣнный рыцарь. — Сосѣдка. — Александръ Осиповнѣ Смирновой. — Къ портрету („Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва“). — Кн. Марья Алексѣевнѣ Щербатовой. — Въ альбомѣ автору „Курдюковой“. — Изъ альбома

*) По даннымъ же II-го наградного списка поручику Лермонтову (*не заслуживающаго большого доверія*), при рапортѣ командовавшего всею кавалеріею дѣйствующаго отряда на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, полковника князя Голицына, отъ 24 дек. 1840 г., Лермонтовъ съ 27-го октября по 6 ноября участвовалъ въ экспедиціи въ Малой Чечнѣ. *Октября 28.* Лермонтовъ „первый открылъ отступленіе хищниковъ изъ аула Алды и при отбитіи у нихъ скота принималъ дѣятельное участіе, врываясь съ командою въ чашу лѣса и отличаясь въ рукопашномъ бою съ защищавшими уже болѣе себя, нежели свою собственность, чеченцами“. *Октября 28.* „При переходѣ черезъ Гойтинскій лѣсъ, Лермонтовъ открылъ первый завалы, которыми укрѣпился непріятель, и, перейдя тѣнистую рѣчку, вправо отъ помянутаго завала, онъ выбилъ изъ лѣса значительное скопище, покушавшееся противиться слѣдованію нашего отряда, и гналъ его въ открытомъ мѣстѣ и уничтожилъ большую часть хищниковъ, не допуская ихъ собрать своихъ убитыхъ; по минованіи дефиле поручикъ Л — въ съ командою былъ отряженъ къ отряду г. генерал-лейт. Галафѣева, съ которымъ слѣдовалъ и 29-го числа, дѣйствуя всюду съ отличною храбростію и знаніемъ военного дѣла“. *Октября 30.* „При рѣчкѣ Валерикъ поручикъ Лермонтовъ явилъ новый опытъ хладнокровнаго мужества, отрѣзавъ дорогу отъ лѣса сильной партіи непріятельской, изъ которой малая часть только обязана спасеніемъ быстротѣ лошадей, а остальная уничтожена“. (Раковичъ, приложен., стр. 33).

(„Любилъ и я въ былые годы“).—Завѣщаніе („Наединѣ съ тобою, братъ“). — * * („Есть рѣчи — значенье“).— Валерикъ.— Послѣднее новоселье.— Мцири.— „Герой нашего времени“.

1841.

Января 14. Лермонтовъ уѣзжаетъ въ отпускъ въ Петербургъ. (Раковичъ, 251).

Начало февраля. Пріѣздъ Лермонтова въ Петербургъ. („Русск. Стар.“ 1882 г., кн. IX, стр. 618). Балъ у гр. Воронцовой-Дашковой, присутствіе на которомъ Лермонтова найдено „неприличнымъ и дерзкимъ“. (Сочинен., т. IV, стр. 341).

Февраль. Близкое знакомство и дружба Лермонтова съ гр. Е. П. Ростопчиной. („Русск. Стар.“ 1882 г., кн. IX, стр. 619).

— Статья Бѣлинскаго о „Стихотвореніяхъ“ Лермонтова въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Конѣцъ февраля. Письмо Лермонтова къ Д. С. Бибикову, въ которомъ онъ сообщаетъ, что у него началась новая драма, которой завязка очень замѣчательная, зато развязки, вѣроятно, не будетъ, ибо 9 марта онъ уѣзжаетъ изъ Петербурга заслуживать себѣ на Кавказѣ отставку. (Сочинен., т. IV, 341). Лермонтовъ покупаетъ для общаго обихода „L'Art de connaître les hommes par la physionomie“ Лафатера, — „Anatomie et physiologie du système nerveux“ Гала и множество другихъ книгъ. (Сочинен., т. IV, стр. 341 и 409).

Апрѣля 13. Кн. В. Одоевскій даритъ Лермонтову свою старую и любимую записную книжку съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ ему ее самъ, и всю исписанную. (Собр. Автогр. Имп. Публ. Библ.).

Письмо Лермонтова къ А. А. Краевскому, въ которомъ онъ выражаетъ сожалѣніе, что не могъ лично проститься и подписывается на 2 экземпляра „Отечеств. Записокъ“. (Сочинен., т. IV, стр. 341).

Апрѣля 20. Гр. Е. П. Ростопчина даритъ Лермонтову сборникъ своихъ стихотвореній — „въ знакъ удивленія къ его таланту и дружбы искренней къ нему самому“.

Мая 2. Отъѣздъ Лермонтова изъ Петербурга. (Сочинен., т. IV, стр. 342. Ср. „Русск. Стар.“ 1882 г., кн. IX, стр. 619; „Русск. Обозр.“ 1890 г., кн. VIII, стр. 751).

Начало мая. Письмо къ Е. А. Арсеньевой изъ Москвы, гдѣ Лермонтовъ пробылъ нѣсколько дней, остановившись у Розена. (Сочинен., т. IV, стр. 342).

— Встрѣча съ Боденштедтомъ. (Висковатовъ, 380—82; „Современникъ“ 1861 г., т. LXXXV. Отд. II, стр. 326—28).

Половина мая. Лермонтовъ въ Тулѣ обѣдаетъ у А. Меринскаго. („Атеней“ 1858 г., № 48). Лермонтовъ въ усадьбѣ „Мишкова“, Мценскаго у. Орловской губ., у М. П. Глѣбова. (В. Смысловскій. Воспоминаніе о пребываніи М. Ю. Л. — ва въ Орловской губ. Орель, 1909 г.).

Май. Лермонтовъ въ Ставрополѣ. Встрѣча съ ремонтеромъ Борисоглѣбскаго Уланскаго полка Магденко. („Русск. Стар.“ 1879 г., кн. III, стр. 525—30). Письмо къ Е. А. Арсеньевой изъ Ставрополя, въ которомъ Лермонтовъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи прежде отправиться въ крѣпость Шуру, гдѣ полкъ, а оттуда — на воды. (Сочинен., т. IV, стр. 342).

Мая 20. Хомяковъ пишетъ Языкову о ссылкѣ Лермонтова на Кавказъ и выражаетъ опасеніе, какъ бы его тамъ не убили. („Русск. Архивъ“ 1884 г., № 5, стр. 206).

Мая 23. Приѣздъ Лермонтова въ Пятигорскъ. („Историч. Вѣстн.“ 1892 г., кн. II, стр. 433).

Мая 24. Рапортъ Пятигорскаго коменданта о болѣзни Лермонтова и ходатайство о разрѣшеніи ему пользоваться минеральными водами въ Пятигорскѣ. („Историч. Вѣстн.“ 1880 г., кн. IV, стр. 881).

Юля 8. Приказъ начальника штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморья Пятигорскому коменданту — отправить Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова „по назначенію“. („Историч. Вѣстн.“ 1880 г., кн. IV, стр. 881).

Юля 13. Рапортъ Лермонтова, поданный командиру Тенгинскаго пѣхотнаго полка, полковнику Хлюпину, о томъ, что онъ, отправляясь въ отрядъ командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи г.-ад. Граббе, заболѣлъ по дорогѣ лихорадкой и получилъ отъ Пятигорскаго коменданта позволеніе остаться въ Пятигорскѣ впредь до излѣченія. (Раковичъ, приложен., стр. 33).

Юля 15. Медицинское свидѣтельство, выданное Лермонтову ординаторомъ Пятигорскаго военнаго госпиталя, лѣкаремъ Барклай-де-Толли, въ томъ, что Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ М. Ю. сынъ Л — въ одержимъ золотухою и цынготнымъ худосочиємъ, сопровождаемымъ припухlostью и болью десенъ, также изъязвленіемъ языка и ломотою ногъ, — почему ему необходимо продолжать пользованіе минеральными водами въ теченіи цѣлаго лѣта 1841 г. (Раковичъ, приложен., стр. 33—4).

— Ю. Ѳ. Самаринъ посылаетъ Погодину стихотвореніе Лермонтова „Споръ“ и проситъ напечатать его „просто, безъ всякихъ примѣчаній отъ Издателя, съ подписью его имени“. (Барсуковъ. Жизнь и труды М. И. Погодина, кн. VI, стр. 236).

Юля 17. Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину дѣлится впечатлѣніемъ отъ стихотвор. „Послѣднее новоселье“. (Пыпинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 119 и 121).

Юля 18. Рапортъ Лермонтова о болѣзни, поданный Пятигорскому коменданту. („Историч. Вѣстн.“ 1880 г., кн. IV, стр. 881—82).

Юль 8. Пикникъ и балъ въ гротѣ Дианы возлѣ Николаевскихъ ваннъ. („Русск. Стар.“, 1892 г., кн. III, стр. 766—68. Ср. „Русск. Арх.“ 1874 г., № 6 и 1889 г., № 9; „Нива“ 1885 г., № 7). Въ бесѣдѣ съ П. А. Гвоздевымъ Лермонтовъ говоритъ о своемъ предчувствіи, что ему „очень мало осталось жить“. („Атеней“ 1858 г., № 48).

Юля 13. Вечеръ у Верзилиныхъ и столкновеніе между Лермонтовымъ и Мартыновымъ. (Дѣло Лерм. Муз.: отд. IV, № 15).

Юля 14. Отъѣздъ Лермонтова въ Желѣзноводскъ. („Историч. Вѣстн.“ 1892 г., кн. IV, стр. 85).

Юля 15. Именинный обѣдъ у кн. Вл. Серг. Голицына. („Историч. Вѣстн.“ 1892 г., кн. IV, стр. 87—8). Встрѣча Лермонтова съ Катей Быховецъ въ колоніи Каррасъ или Шотландка. („Русск. Стар.“ 1892 г., кн. III, стр. 767—8).

— *Въ 7 ч. пополудни.* Дуэль Лермонтова съ Мартыновымъ и смерть. (Дѣло Лерм. Муз.: отд. IV, № 15).

Юля 16. Осмотръ мѣста поединка Лермонтова слѣдственной комиссіею. (Дѣло Лерм. Муз.: отд. IV, № 15, л. (14) 8).

Юля 17. Медицинскій осмотръ тѣла убитаго Лермонтова. (Дѣло Лерм. Муз.: отд. IV, № 15, л. (13) 7).

Юля 17. „Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Мих. Юр. Лермонтовъ, 27 лѣтъ, убитъ на дуэли 15-го, а погребенъ 17 юля. Погребеніе пѣто не было“. (*Метрическія книги Пятигорской Скорбященской церкви* за 1841 г., ч. III, № 35. Ср. „Русск. Обзор.“ 1895 г., кн. II, стр. 850).

Августа 8. Письмо Мартынова къ Глѣбову, въ которомъ онъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи просить (графа Бенкендорфа), чтобы его судили „военными законами“. („Русск. Арх.“ 1893 г. II, (8), стр. 601).

Августа 18. Рапортъ начальника штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генераль-адъютанту и кавалеру Граббе, въ которомъ сообщается, что Государь Императоръ, замѣтивъ въ представленіи корпуснаго командира отъ 5 минувшаго марта № 548 съ ходатайствомъ о наградахъ, что переведенный 13 апрѣля 1840 года за проступокъ изъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка въ Тенгинскій пѣхотный полкъ поручикъ Лермантовъ при своемъ полку не находился, но былъ употребленъ въ Чеченской экспедиціи съ особо порученною ему казачьею командою, повелѣтъ соизволилъ сообщить г. корпусному командиру о подтвержденіи, дабы поручикъ Лермантовъ непременно состоялъ на лицо во фронтѣ и чтобы начальство отнюдь не осмѣливалось ни подъ какимъ предлогомъ удалять его отъ фронтальной службы въ своемъ полку. („Русск. Архивъ“ 1911 г., № 9, стр. 159).

Декабрь 19. Началось дѣло о проводѣ Пятигорской Скорбященской церкви протоіереемъ Павломъ Александровскимъ тѣла на повалъ убитаго пулею на дуэли поручика Лермонтова*. Кочено и сдано въ архивъ послѣ 24 авг. 1854 г. („Русск. Обзор.“ 1895 г., кн. II, 841—76).

Отчизна. — Оправданіе. — Договоръ. — * * („Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою“). — * * („Изъ подъ таинственной, холодной полумаски“). — * * („Не плачь, не плачь, мое дитя“). — * * („Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима“). — Видъ горъ изъ степей Козлова. — Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой. — Гр. Ростопчиной. — Эпиграмма („Подъ фирмой иностранной иноземецъ“). — * * („Прощай, немытая Россія“). — * * („Je l'attends dans la plaine sombre“). — Споръ. — Сонъ („Въ полдневный жаръ, въ долині Дageстана“). — Утесъ. — * * („Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно“). — Тамара. — Свиданіе. — * * („Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой“). — Морская царевна. — Пророкъ. — * * („Выхожу одинъ я на дорогу“). — * * („Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю“). — Н. П. Верзилиной. — Отрывокъ изъ начатой повѣсти. — Другой отрывокъ изъ начатой повѣсти.

1842.

Января 3. Высочайшая конфирмація по военно-судному дѣлу о маюрѣ Мартыновѣ, корнетѣ Глѣбовѣ и тит. сов. князѣ Васильчиковѣ.

Января 21. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомляетъ Пензенскаго Гражданскаго Губернатора, что „Государь Императоръ, снисходя на просьбу По-

мѣщницы Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпной, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на перевозъ изъ Пятигорска тѣла умершаго тамъ въ юлѣ мѣсяцѣ прошедшаго года внука ея Михаила Лермонтова, Пензенской губерніи Чембарскаго уѣзда въ принадлежащее ей село Тарханы, для погребенія на фамильномъ кладбищѣ, съ тѣмъ, чтобы помянутое тѣло закупорено было въ свинцовомъ и засмоленномъ гробѣ и съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, употребляемыхъ на сей предметъ". (Висковатовъ, приложен., стр. 23).

Апрѣля 25. Н. С. Мартыновъ освобожденъ изъ крѣпости, „съ тѣмъ, чтобы онъ для выполненія назначенной ему Кіевскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ на 15 лѣтъ церковной эпитимьи, явился къ священнику Прозоровской Александро-Невской церкви, на коего возложено наблюденіе за исполненіемъ этой эпитимьи Мартыновымъ". (Дѣло Лермонт. Муз.: отд. IV, № 15).

Апрѣль. Рапортъ Чембарскаго Земскаго Исправника о томъ, „что помѣщцы Ел. Ал. Арсеньевой внука Михаила Лермонтова тѣло изъ Пятигорска привезено въ г. Чембаръ 21 апрѣля и того-жъ числа привезено въ село Тарханы, гдѣ тѣло погребено 23-го числа апрѣля на фамильномъ кладбищѣ, въ свинцовомъ ящикѣ и съ соблюденіемъ всѣхъ употребляемыхъ на сей предметъ предосторожностей". (Висковатовъ, приложен., стр. 23).

III.

1843.

Стихотворенія М. Лермонтова. Части I—III.

Юля 29. Кавказское епархіальное начальство опредѣлило взыскать съ протоіерея Пятигорской Скорбященской церкви П. Александровскаго въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія 25 р. ассигнаціями, равно взыскать съ него же протоіерея и прочаго притча и полученные ими за проводъ тѣла Лермонтова 33 р. 32 к. ассигнаціями же, „какъ стяжаніе несправедное", тоже на бѣдныхъ духовнаго званія. („Русск. Обзор." 1895 г., кн. II, стр. 872—76).

1844.

Стихотворенія М. Лермонтова. Ч. IV.

1847.

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія Лермонтова. Т. I—II. Изданіе Александра Смирдина.

1858.

Мая 27. Книгопродавецъ А. И. Глазуновъ приобрѣтаетъ отъ вдовы маіора Авд. Петр. Пожогоиной-Отрошкевичъ право на изданіе сочиненій Лермонтова. (Ср. „Новое Время" 1887 г., № 3988 отъ 8 апрѣля).

1860.

Сочиненія Лермонтова, приведенныя въ порядокъ и дополненныя С. С. Дудышкинымъ. Т. I—II. Изд. Глазунова.

1871.

Юля 23. Состоялось Высочайше одобренное предположеніе о сооруженіи въ г. Пятигорскѣ памятника М. Ю. Лермонтову и разрѣшенъ повсемѣстный по Россіи сборъ пожертвованій.

1875.

Декабрл 15. Кончина Н. С. Мартынова.

1881.

Юлл 15. Торжественное чествованіе памяти Лермонтова въ Пятигорскѣ („Новое Время“ 1881 г., № 1934 и 1939).

Сентября 12. Протоколъ Комиссіи по опредѣленію мѣста дуэли Лермонтова близъ Пятигорска. („Русск. Стар.“ 1882 г., кн. I, стр. 259—62).

Основаніе Лермонтовскаго Музея въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ. („Русск. Стар.“ 1881 г., кн. III, стр. 709—13).

1883.

Декабря 18. Открытіе Лермонтовскаго Музея. („Русск. Стар.“ 1884 г., кн. IV, стр. 425—28).

1889.

Августа 16. Открытіе памятника Лермонтову въ Пятигорскѣ.

Сочиненія Лермонтова. Изданіе седьмое, вновь исправленное, подъ редакціей П. А. Ефремова.

1889—1891.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Первое полное изданіе В. Θ. Рихтера подъ редакцію Пав. Ал. Висковатова. Т. I—V.

1891.

Юля 15. Пятидесятилѣтіе со дня смерти Лермонтова. Истекъ срокъ литературной собственности на произведенія Лермонтова.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Изданіе А. Ф. Маркса. Т. I—IV.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Подъ редакціей и съ примѣчаніями И. М. Болдакова. Изданіе Ел. Гербекъ. Т. I—V.

1903.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Изданіе Т-ва „Просвѣщеніе“. Т. I—IV.

1910—1912.

Академическая Библиотека Русскихъ Писателей. Вып. 2—6: *Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова.* Подъ редакціей и съ примѣчаніями Д. И. Абрамовича. Изданіе Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ.

Рукописи Лермонтова.

Рукописи Лермонтовскаго Музея.

Тетрадь I. Записная книжка въ темнозеленомъ сафьяновоу переплетѣ, въ 8-ю д. л., на 43 лл. На внутренней сторонѣ обложки наклеена виньетка: два пистолета, сложенные накрестъ, и кучка ядеръ или пуль, сверху каллиграфическая надпись—Черкесы; надъ виньеткой лира, два лавровыхъ вѣнка и двѣ стрѣлы; внизу эпитаграфъ:

„Подобно племени Батыя,
Измѣнить прадѣдамъ Кавказъ; —
— Забудетъ брани вѣщій гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя...
... И къ тѣмъ скаламъ, гдѣ скрылись вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни;
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы"!...

А. Пушкинъ.

Пожертвована А. А. Краевскимъ.

Въ этой тетради: 1) Лл. 2—27. *Кавказскій Пльщикъ. Сочиненіе М. Лермантова. Москва 1828.* 2) Лл. 28 — 43. *Корсаръ.*

На лл. 4 об. и 30 об. рисунки: 1) Кавказскій видъ; скачущій на конѣ черкесъ тащитъ на арканѣ русскаго плѣнника (см. въ I т. *Сочиненій*); 2) два ангела оберегаютъ двухъ малютокъ, внизу подпись: „Невинность всегда охранена“. (Ср. „Отеч. Зап.“ 1859 г., № VII, 5; „Русск. Мысль“ 1881 г., кн. XII, 11).

Тетрадь II — на 19 листахъ, въ листъ, на бумагѣ 1821 г., подъ заглавіемъ: *Мелкія стихотворенія. Москва въ 1829 г.* Пожертвована А. А. Краевскимъ.

Въ этой тетради: 1) *Посвященіе NN.* („Вотъ, другъ, плоды моей небрежной музы“). — 2) *Пиръ.* — 3) *Осень.* — 5) *(Поэтъ).* „Таковъ поэтъ: лишь мысль блеснетъ“. (*Безъ заглавія и начала*). — 6) *Заблужденіе Купидона.* — 7) *Цвѣница.* — 8) *Веселый часъ.* — 9) *Къ друзьямъ.* — 10) *Эпиграмма* („Дуракъ и старая кокетка“). — 11) *Мадригалъ.* — 12) *Романсъ* („Коварной жизнью недовольный“). — 13) *Пор-*

треть. („Онъ некрасивъ, онъ не высокъ“). — 14) *Къ Геню*. — 15) *Покаяніе*. — 16) *Письмо*. 17) *Война*. 18) *Русская мелодія*. — 19) *Писья* („Свѣтлый призракъ дней минувшихъ“). — 20) *Къ А. С.* („Не привлекай меня красой“). — 21) *Романсъ* („Невинный нѣжною душою“). — 22) *Три отдымы*. — 23) *Къ Нинъ*. — 24) *Къ NN*. („Ты не хотѣлъ“). — 25) *Эпиграммы*. 1. „Есть люди странные“; 2. „Тотъ самой человѣкъ пустой“; 3. „Поэтомъ (хоть и это бремя“); 4. „Г-ну П...“; 5. „Стыдиться лжеца“; 6. „Дамонъ, нашъ врачъ“.—26) *Къ Грузинову*.—27) *Напомонъ*.—28) *Пакъ*.—29) *Жалобы турка*. — 30) *Къ NN*. * * („Не играй моей тоской“). — 31) *Черкешенка*. — 32) *Ототъ*. — 33) *Два сокола*. — 34) *Грузинская пѣсня*. — 35) *Мой демонъ*. — 36) *Жена съвера*. — 37) *Къ другу* („Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья“).

Тетрадь III — на 21 листѣ, въ 4-ю д. л. Водяные знаки на бумагѣ: 1) 1828 г.; 2) „Pro patria“; 3) буквы ФКНГ. Пожертвована А. А. Краевскимъ. Въ этой тетради: 1) *Цыганы*. — 2) *Элея* („О! Еслибъ дни мои текли“). — 3) * * „Забывши волненія жизни мятежной“ (Зачеркнуто).—4) *Къ * * ** („Глядися чаще въ зеркала“). — 5) *Въ день рожденія NN*. — 6) *Къ * * ** („Мы снова встрѣтились съ тобой“). — 7) *Монологъ*. — 8) *Встрѣча*. — 9) *Баллада* („Надъ моремъ красавица дѣва сидитъ“). — 10) *Перчатка*. — 11) *Дитя съ люлькы*. — 12) *Къ * * ** („Дѣлись со мною тѣмъ что знаешь“). — 13) *Молитва* („Не обвиняй меня, всесильной“). — 14) *Посвященіе* („Я буду пѣть пока поется, пока волненья позабытъ“). — 15) *Посвященіе* („Я буду пѣть пока поется, пока, друзья, въ груди моей“).—16) „Печальный демонъ духъ изгнанья“ (1-й очеркъ „Демона“). — 17) *Олеъ*. — 18) *Два брата*.

Тетрадь IV — на 23 листѣ, въ листѣ (1 и 23 лл. приклеены къ обложкѣ). Водяные знаки на бумагѣ: 1) 1828 г.; 2) „Pro patria“; 3) буквы ФКНГ. Пожертвована А. А. Краевскимъ. Въ этой тетради:

1) „Когда послѣднее мгновенье“. — 2) *Демонъ*. (2-й очеркъ). — 3) „Я не для ангеловъ и рая“. — 4) *Письмо монахини*. — 5) *Портретъ* („Взгляни на этотъ ликъ“). — 6) „Настанетъ день, и міромъ осужденный“. — 7) „Будь со мною, какъ прежде бывала“. — 8) *Писья* („Желтый листъ о стебель бьется“). — 9) *Къ Наяръ*. — 10) *Отрывокъ* („Три ночи я провелъ безъ сна“). — 11) *Силуэтъ*. — 12) *Сюжетъ* (повѣсти „Мстиславъ“). — 13) *Программа*. — 14) (Метод). „Поэма на Кавказѣ“. — 15) „Какъ духъ отчаянья и зла“. — 16) „Я не люблю тебя“. — 17) „Я ждалъ тебя, жена разврата (2 стиха). — 18) *Н. Ф. И.* („Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали“). — 19) *Бухариной* („Не чудно-ль, что зовутъ васъ Вѣра“). — 20) *Трубецкому*. — 21) *Павлову*. — 22) *Алябьевой*. — 23) *Щербатовой*. („Вамъ знакома вся Москва. (Перечеркнуто).—24) *Ей же* („Вы уѣзжаетъ—напрасно!) (Перечеркнуто). — 25) *Л. Нарышкиной*. — 26) *Толстой*. — 27) *Бартаневой*. — 28) *Мартиновой*. — 29) *Додо*. — 30) *Башилову*. — 31) *Кратоткиной*. (Перечеркнуто). — 32) *Щербатовой* („Повѣрю-ль я, чтобъ вы хотѣли“). — 33) *Бумакову*. — 34) *Сабуровой*. — 35) *Уваровой*. — 36) „Вы не звали князь Петра“. — 37) „Люблю я дѣпи синихъ горъ“. — 38) *Солнце*. — 39) „Я щастливъ; — тайный ядъ течетъ въ моей крови“. (Перечеркнуто). — 40) *Процанъе*. („Не уѣзжай, лезгинецъ молодой“). — 41) „Она была прекрасна, какъ мечта“. — 42) „Время сердцу быть въ покоѣ“. — 43) „Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой“. — 44) *Отрывокъ* („Монахъ въ послѣдствіи сидитъ у окна“). (Перечеркнуто). — 45) „Девятый часъ; ужь темно“. — 46) „Какъ въ ночь звѣзды падающей пла-

мень". — 47) *Къ *.** („Я не унижусь предъ тобою"). — 48) „Какъ лучъ зари, какъ розы Леля". — 49) „Синія горы Кавказа, привѣтвую васъ". — 50) „Воздухъ тамъ чистъ, какъ молитва ребенка". (Перечеркнуто). — 51) *Романсъ* („Стояла стѣна скала). — 52) *Прелестьищъ*. — 53) „Ты молодежь; цвѣтъ твоихъ кудрей". — 54) „*Had we never loved so kindly*". — 55) „Онъ угрожаетъ ей гибелью отца". — 56) Эпитафія. („Прости! увидимся ль мы снова"). — 57) „Измученный тоскою и недугомъ".

Тетрадь V — на 13 листахъ, въ 4-ю д. л. Пожертвована А. А. Краевскимъ. Въ этой тетради:

1) *Вступленіе*. — 2) *Джюльо*. — 3) 1830. Замѣчаніе („Когда я началъ мартъ стихи въ 1828 г.). — 4) *Кавказъ*. („Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней").

Тетрадь VI — на 35 листахъ, въ 4-ю д. л.: подъ заглавіемъ: *Разныя стихотворенія (1830 годъ)*. Водяные знаки на бумагѣ: 1) „*Pto patria*"; 2) буквы ФКНГ; 3) 1828 г. Пожертвована А. А. Краевскимъ.

Въ этой тетради: 1) *Къ *.** („Не говори: однимъ высокимъ"). — 2) *Опасеніе*. — 3) *Стансы*. („Люблю, когда борясь съ душою"). — 4) *Н. Ф. И—вой*. — 5) *Ночь I*. — 6) *Разлука*. (Зачеркнуто). — 7) *Ночь II*. — 8) „*Въ старинныя годы жили бымы*". — 9) „*Had we never loved so kindly*". (Зачеркнуто). — 10) *Незабудка*. — 11) *Совѣтъ*. — 12) *Одиночество*. — 13) *Въ альбомъ*. („Прими, хотя и безъ вниманья"). (Перечеркнуто). — 14) *Сюжетъ трагедіи*. („Отецъ съ дочерью ожидаютъ сына"). — 15) *Въ альбомъ* („Нѣтъ, я не требую вниманья"). (Перечеркнуто). — 16) *Гроза*. — 17) *Сюжетъ трагедіи*. („Дикіе, угнетенные испанцами"). — 18) *Звѣзда*. („Свѣтись, свѣтись"). — 19) *Звѣзда*. („Видали ль когда, какъ ночная звѣзда"). — 20) *Вечеръ послѣ дождя*. — 21) „*Природа подобна печи...*" (Замѣтка). — 22) „*Прежде отъ матерей и отцовъ продавали дочерей...*" (Замѣтка). — 23) *Наполеонъ*. („Въ невѣрный часъ"). — 24) *Эпитафія Наполеону*. (Перечеркнуто). — 25) *Сюжетъ*. („Въ Испаніи у матери дочь увезъ...") — 26) *Къ милой красавицѣ*. („Тобой плѣняться издали"). — 27) *Очи NN*. — 28) *Кавказу*. („Кавказъ! далекая страна"). — 29) *Утро на Кавказѣ*. — 30) *Стансы*. („Я не крушуся о быломъ"). — 31) „Когда испанецъ вынимаетъ портретъ" (Замѣтка къ трагедіи). — 32) „*Прости, мой другъ! какъ призракъ я лечу*". — 33) *Челнокъ*. („Воетъ вѣтеръ и свиститъ"). — 34) *(Отрывокъ)*. „На жизнь надѣяться страшась". — 35) „Въ первомъ дѣйствіи моей трагедіи молодой Испанецъ" (къ трагедіи). — 36) *Сюжетъ трагедіи*. „Молодой человекъ въ Россіи". — 37) *Въ Воскресенскѣ*. („Оставленная пустынь предо мной"). — 38) (Тамъ же въ монастырѣ). — 39) *Къ *.** („Простите мнѣ, что я рѣшился"). — 40) *Ночь III*. — 41) *Прости* (изъ Байрона). — 42) *Элеилъ* („Дробись, дробись, волна ночная"). — 43) *Эпитафія* („Просто-сердечный сынъ свободы"). — 44) *Sentenz.* — 45) Дѣйствующія лица (къ трагедіи „Испанцы"). — 46) *Гробъ Оссиана*. — 47) *Посвященіе* („Прими, прими мой грустный даръ"). — 48) *Кладбище*. — 49) „Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ". — 50) „Въ первомъ дѣйствіи такъ начинается..." (Замѣтка къ трагедіи „Испанцы"). — 51) *Моя мольба*. — 52) *Къ С.* („Вблизи тебя до этихъ поръ"). — 53) *Гость*. — 54) *Записка 1830 в. 8 июля*. („Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь"). — 55) 1830 г. Мая 16 число. — 56) *Къ *.**. „Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья". — 57) *Эпитафія* („Кто яму для другихъ"). — 58) 1830 г. „Когда я былъ трехъ лѣтъ..." — 59) 1830 г. „Я помню одинъ сонъ..." — 60) „Въ первомъ дѣйствіи моей трагедіи..." (Замѣтка). — 61) „Взгляни на тихую луну" (къ

трагедіи). — 62) 1830 (миѣ 15 лѣтъ). „Я однажды, 3 года назадъ украль...“ (Замѣтка). — 63) 1830. „Наша литература такъ бѣдна что я...“ — 64) *Дерево*. — 65) *Мое заветчаніе*. „Схороните меня подъ этимъ сухимъ деревомъ...“ — 66) *Предсказаніе*. („Настанеть годъ“).

Тетрадь VII — на 5 листахъ, въ 4-ю д. л. Водяные знаки на бумагѣ: 1) „Pro patria“; 2) буквы ФКНГ; 3) 1828 г. Пожертвована А. А. Краевскимъ. Въ этой тетради:

1) *Эпитафія плодовитаго писаки*. (Замѣтка). — 2) 1830 г. „Еще сходство въ жизни моей съ лордомъ Байрономъ...“ — 3) „*Все тихо... Полая луна*“. — 4) 1830 года *Юля 15-го*. (Москва) („Зачѣмъ семьи родной“). — 5) „Въ слѣдующей сатиры...“ (Замѣтка). — 6) *Булеваръ*. — 7) *Письмъ барда*. — 8) *10 Юля* (1830).

Тетрадь VIII — на 14 листахъ, въ 4-ю д. л. Водяные знаки на бумагѣ: 1) „Pro patria“; 2) буквы ФКНГ; 3) 1828 г. Пожертвована А. А. Краевскимъ. Въ этой тетради:

1) *Ночь*. — 2) „*Jorisse à Elise*“. — 3) *Новгородъ*. („Сыны снѣговъ“). (Перечеркнуто). — 4) *Глухой красавицѣ*. („Амуръ спросилъ“). — 5) *Моиша Бойца*. — 6) *Мракъ. Тѣма*. — 7) *The Giaour*. — 8) *Napoleon's Farewell*. — 9) *Верро*. — 10) *Къ * * **. „Не говори: я трусъ, глупецъ“. — 11) *Чума въ Саратовѣ*. — 12) „*Плачь, плачь, Израилья народъ*“. — 13) *30 юля 1830 года (Парижъ)*. — 14) (Еврейская мелодія). Плачь, Израиль! о! плачь! — 15) *Стансы*. („Взгляни, какъ мой спокоень взоръ“). — 16) *Чума*. (Послѣдняя строфа зачеркнута). — 17) *Нерядко люди и браними*. 18) *Романсъ*. („Въ тѣ дни, когда ужъ нѣтъ надеждъ“). — 19) *Отрывокъ*. („Примѣтливъ юной дѣвы грудь“). — 20) *Баллада*. („Берегись, берегись!“).

Тетрадь IX — на 17 листахъ, въ листъ, бумага 1826 г., безъ начала и конца. Пожертвована А. А. Краевскимъ. Въ этой тетради черновые наброски трагедіи „*Испаницы*“.

Тетрадь X — на 38 лист., въ 4-ю д. л., бумага 1829 г. Пожертвована А. А. Краевскимъ.

Въ этой тетради: 1) *Странный человекъ*. (Сцена 5). — 2) *Заветчаніе* („Есть мѣсто близъ тропы глухой“). — 3) „Я читаю Новую Элоизу...“ (Замѣтка). — 4) „Сижу я въ комнатѣ старинной“. — 5) „По голубому небу пролеталь“ (3-й очеркъ „Демона“). — 6) „Я хотѣлъ описать эту поэму въ стихахъ...“ (Замѣтка).

Тетрадь XI — на 31 лист., въ 4-ю д. л., бумага 1829 г. На лл. 1 об., 11, 18 об. и 31 об. — фигурныя изображенія, сдѣланныя перомъ. Пожертвована А. А. Краевскимъ.

Въ этой тетради: 1) *Къ * * **. „Всевышній произнесъ свой приговоръ“. — 2) *Желаніе*. („Зачѣмъ я не птица“). — 3) *Къ днѣвъ небесной*. — 4) *Св. Елена*. — 5) *Къ другу В. Ш.* („До лучшихъ дней“). — 6) *7-ю Августа* („Блестящая, пробѣгаютъ облака“). — 7) *Атаманъ*. — 8) *Метор*: „Написать шутиливую поэму...“ — 9) *Метор*: „Перевести въ прозѣ...“ — 10) „*Dir folgen meine Thränen*“. (Съ нѣмецкаго). „Я проводилъ тебя со слезами...“ — 11) *Исповѣдь*. — 12) *Надежда*. — 13) *Виднѣе*. — 14) *Метор*: „Написать трагедію Маріи...“ — 15) *Метор*: „Прибавить къ Странному человеку...“ — 16) *Чаща жизни*. — 17) При дворѣ Владиміра былъ одинъ молодой витязь... — 18) *Метор*: „Написать поэму Ангелъ Смерти...“ — 19) *Къ Л.* („У ногъ другихъ не забываль“). — 20) *Къ Н. И.* („Я не достоинъ, можетъ быть“). —

21) А. Д. З. («О ты, котораго клевететь твой вѣрный Павелъ»). — 22) *Ангель Смерти*. — 23) *Метор*: «Написать длинную сатирическую поэму: — приключеніе демона». — 24) *Посвященіе* («Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный»). — 25) *Воля*. — 26) *Сентября 28*. («Опять, опять я видѣлъ»). — 27) *Къ * * ** («Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ»). — 28) Еще сцена для «Страннаго Человѣка». — 29) «Прекрасны вы, поля земли родной». — 30) «Метель шумить, и снѣгъ валить». — 31) *Писья*. («Ликуйте, друзья!»). — 32) *Небо и звезды*. — 33) *Счастли- вый мизъ*. — 34) «Когда бѣ въ покорности незнанья». — 35) Сцена (X) для «Стран- наго Человѣка». — 36) Къ кн. Л. Г — ой. («Когда ты холодно внимаешь»). — 37) *Молодого*. («Станный человѣкъ»). — 38) «Кто видѣлъ Кремль». — 39) «Я ви- дѣлъ тѣнь блаженства». — 40) «Ecrire une tragédie „Neron“». — 41) *Къ * * ** («О не скрывай: ты плакала о немъ»). — 42) «Sie ist zu schon». — 43) «Кто въ утро зим- нее». — 44) «Ты слышомъ для невинности мила». — 45) *Писью Ангела*. — 46) *Стансы къ Д.* («Я не могу ни произнестъ»). — 47) «Ужасная судьба отца и сына». — 48) *Тебѣ*. (Набросокъ къ «Не вѣрь хваламъ»). — 49) Отрывокъ изъ первоначальнаго очерка «Демона». — 50) *Стансы*. («Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ»). — 51) «2 Декабря: Св. Варвары вечеромъ...» (Замѣтка). — 52) Къ другу. («Забудь опять»). — 53) Наброски къ «Мстиславу». — 54) «Пора уснуть послѣднимъ сномъ».

Тетрадь XII — на 14 лист., въ листъ. Въ концѣ помѣтка карандашомъ: «1836» (рукою Лермонтова). Пожертвована А. А. Краевскимъ. Въ этой тетради поэма *Бояринъ Орша*.

Тетрадь XIII — на 14 лист., въ листъ. На заглавномъ листѣ рукою Лер- монтова: «Бэри, поэма. 1839 года. Августа 5». Пожертвована А. А. Краев- скимъ. Въ этой тетради поэма *Мири*. На л. 14 об. рукою кн. В. Одоев- скаго: «Ты узнаешь кто привезъ тебѣ эти двѣ вещи — одно прекрасное и рѣдкое изданіе мое любимое — читай Его. О другомъ напиши, что почувствуешь прочитавши. Можеть быть сегодня еще разъ заѣду. Одоевскій. Жена была со мною и кланяется тебѣ, жалѣла что не застали». Тамъ же рисунокъ перомъ — голова офицера (въ профиль).

Тетрадь XIV — на 11 лист., въ листъ, на лл. 1—4 водяные знаки: 1) гербъ г. Ярославля; 2) б. АО и 3) 1816 г. На л. 5 двѣ мужскихъ головы. Пожертво- вана А. А. Краевскимъ. Въ этой тетради *Сказка для дѣтей* (въ черновомъ видѣ и переписанная набѣло).

Тетрадь XV — на 19 лист. разнаго формата и времени. Пожертвована А. А. Краевскимъ.

Въ этой тетради: 1) *Русалка*. — 2) *Узникъ*. — 3) *Ангель*. — 4) «Когда волнуется желтѣющая нива». — 5) *Молитва Странника*. — 6) *Сосѣдь*. — 7) «Раз- стались мы, но твой портретъ». — 8) *Вѣтка Палестины*. — 9) *Дна Великана*. — 10) *Ужирасій Гладіаторъ* (рукою Лермонтова эпитафъ и дата «1836»). — 11) *Желанье* («Отворите мнѣ темницу»). — 12) «На сѣверѣ дикомъ». — 13) *Па- русь*. — 14) «На свѣтскія цѣпи». — 15) *Журналистъ, читатель и писатель* (со словъ «И съ этимъ надо согласиться»). — 16) *Благодарность*. — 17) *Отчизна*. — 18) *Послѣднее Новоеселье* (рукою Лермонтова 23-й стихъ и поправки въ сти- хахъ 14, 27, 49 и 51). — 19) *Книжкаль*. — 20) *Плѣнный Рыцарь*. — 21) *Сосѣдка*. — 22) «Есть рѣчи — значенье». — 23) *Договоръ*. — 24) «Во всякой книгѣ пре-

дисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя... вещь... (Предисловіе къ „Герою нашего времени“).

Тетрадь ХVI — на 50 лист., въ листъ, безъ начала и конца. На обложкѣ рисунокъ (перомъ) М. Ю. Лермонтова (воспроизведенъ въ IV т. нашего изданія), а на лл. 33, 45 и 46 — фигуриыя изображенія. Пожертвована Е. П. Веселовской, урожденной Шанъ-Гирей. Повѣсть *Вадимъ*.

Тетрадь ХVII — на 39 лист., въ листъ, безъ конца. Пожертвована Б. Н. Чичеринимъ. — Драма *Испанцы*.

Тетрадь ХVIII — на 54 лист., въ листъ. Пожертвована Б. Н. Чичеринимъ. Въ этой тетради: 1) Драма *Странный человекъ* и 2) Стихотвор. *Изъ Паткуля*.

Тетрадь ХIX — на 20 лист., въ листъ, безъ начала. Пожертвована Б. Н. Чичеринимъ. Драма *Два брата*.

Тетрадь ХХ — на 50 лист., въ листъ. Водяные знаки на бумагѣ: 1) буквы ФКНГ и 2) 1829 г. Лл. 1—47 (№№ 1—105) писаны не Лермонтова рукою, но съ его поправками. Пожертвована И. И. Глазуновымъ. Въ этой тетради: 1) *Звѣзда*. — 2) *Перчатка* (изъ Шиллера). — 3) *Раекальме*. — 4) *Венеція*. — 5) „Случалось, съ вихремъ и грозой“. (Перечеркнуто). — 6) „Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала“. — 7) *Весна*. — 8) *30 Июня 1830 года*. — 9) *Чума*. (Отрывокъ). — 10) *Ночь* („Одинъ я въ тишинѣ ночной“). — 11) *Челнокъ*. — 12) *Элея* („Дробись, дробись, волна ночная“). — 13) *Эпитафія*. („Простосердечный сынъ свободы“). — 14) *Кладбище*. — 15) *1830 года Маія 16-ю дня*. — 16) *Подражаніе Байрону*. — 17) Къ * * *. „Не думай, чтобы я былъ достоинъ сожалѣнья“. — 18) *Ночь* („Погаснулъ день, и тьма ночная своды“). — 19) *Гроза*. — 20) *Звѣзда* („Видали-ль когда“). — 21) *Вечеръ послѣ дождя*. — 22) *Наполеонъ*. — 23) *Жена свѣра*. — 24) *Къ другу* („Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья“). — 25) *Русская мелодія*. — 26) *Къ Дурнову* („Довольно любилъ я“). — 27) *Аруба*. — 28) *Кавказъ*. — 29) *Нищій*. — 30) „На темной скалѣ, надъ шумящимъ Днѣпромъ“. — 31) *Farewell*. (Изъ Байрона). — 32) *Пѣсня*. („Что въ полѣ за пыль пылить“). — 33) *Пѣсня* („Не знаю, обмануть-ли быть я“). — 34) *Пиръ Асмодея*. (Сатира). — 35) *Сонъ* („Я видѣлъ сонъ“). — 36) *На картину Рембрандта*. — 37) Къ * * *. „О, полно извинять развратъ“. — 38) *Процанье*. — 39) *Къ пріятелю*. — 40) *Смерть* („Оборвана цѣпь жизни молодой“). — 41) *Волны и люди*. — 42) *Звуки*. — 43) *11-ю Июля*. — 44) *Первая любовь*. — 45) *Поле Бородина*. — 46) *Могила бойца*. — 47) *Пѣсь Барда*. — 48) *Мой домъ*. — 49) *Смерть* („Ласкаемый цвѣтущими мечтами“). — 50) *Стансы* („Мнѣ любить до могилы Творцомъ суждено“). — 51) *1831 года Июня 11 дня*. — 52) *Солнце осени*. — 53) *Потокъ*. — 54) Къ * * *. „Не ты, но судьба виновата была“. — 55) *Ночь* („Въ чугунъ печальный сторожъ бьетъ“). — 56) *1831-ю Января*. — 57) *Азраилъ*. — 58) *Къ себѣ*. — 59) „Душа моя должна прожить въ земной неволѣ“. — 60) *Пѣсня* („Колоколъ стонеть“). — 61) „Пуская поэта обвиняетъ“. — 62) *Слава*. — 63) *Вечеръ*. — 64) „Унылый колокола звонъ“. — 65) „Хоть давно измѣнила мнѣ радость“. — 66) *Русская пѣсня*. — 67) *Звуки и взоръ*. — 68) *Земля и небо*. — 69) Къ * * *. „Дай руку мнѣ“. — 70) *Изъ Андрея Шенъ*. — 71) Къ * * *. „Не медли въ дальней сторонѣ“. — 72) *Сосѣдъ* („Погаснулъ день“). — 73) *Стансы* („Не могу на родинѣ томиться“). — 74) *Мой Демонъ*. — 75) *Завѣщаніе*. (Изъ Гете). — 76) Желаніе („За чѣмъ я не птица“). — 77) *Къ Дъвь Небесной*. — 78) *Св. Елена*. — 79) *Атаманъ*. — 80) Надежда. — 81) Чаша жизни. — 82) *Воля*. — 83) Сентября 28. — 84) *Пѣсня*

(„Ликуйте, друзья“). — 85) *Небо и звезды*. — 86) „Когда бъ въ покорности незнанья“. — 87) *Къ * * **. „О, не скрывай, ты плакала объ немъ“. — 88) *Письма ангела* („По небу полуночи“). — 89) *Стансы* („Я не могу ни произнестъ“). — 90) „Ужасная судьба отца и сына“. — 91) „Пусть я кого нибудь люблю“. — 92) *Письма* („Желтый листъ о стебель бьется“). — 93) *Отрывокъ* („Три ночи я провель“). — 94) *Силуэтъ*. — 95) „Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой“. — 96) *Къ * * **. „Я не унижусь предъ тобою“. — 97) *Прелестница*. — 98) „Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей“. — 99) „Нѣтъ, я не Байронъ, я другой“. — 100) *Романсъ* („Ты идешь на поле битвы“). — 101) *Советъ* („Я памятью живу“). — 102) „Болѣзнь въ груди моей, и нѣтъ мнѣ исцѣленья“. — 103) *Къ * * **. „Мы случайно сведены судьбою“. — 104) „Пощѣлуями прежде считалъ“. — 105) „Послушай, быть можетъ, когда мы покинемъ“. — 106) *Къ * * **. „Оставь напрасныя заботы“. — 107) *Балада* („Изъ воротъ выѣзжаютъ“). — 108) *Бой*. — 109) „Я жить хочу, хочу печали“. — 110) „Смѣло вѣрь тому, что вѣчно“. — 111) „Привѣтствую тебя, воинственныхъ Славянъ“. — 112) „Отворите мнѣ темницу... И не надо счастья мнѣ!“ — 113) *Къ * * **. „Мой другъ, напрасное старанье!“ — 114) *Къ * * **. „Печаль въ моихъ пѣсняхъ“. — 115) *Два великана*. — 116) *Къ * * **. „Прости, мы не встрѣтимся болѣ“. 117) „Слова разлуки повторяя“. — 118) „Безумецъ я! вы правы, правы!“ — 119) „Она не гордой красотою“.

Тетрадь XXI — на 16 листахъ разнаго формата. Въ ней: 1) *Аулъ Бастунджи*. — 2) „На серебряныя шпоры“. — 3) *Каллы*. — 4) *С. А. Бажетевова*. („Примите дивное посланье“). — 5) *Любовь мертвеца*. — 6) „На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко“. — 7) *Исповѣдь*.

Тетрадь XXII — на 12 лист., въ 4 д. л., въ шагреневомъ переплетѣ. Въ ней II-й (первоначальный) очеркъ „Демона“. На верхней доскѣ переплета: Демонъ Лермонтова. 1831. Н. И. Ш. На 1 л. надпись: „Михайлы Лермонтова его собственная рукопись и первое сочиненіе. Принадлежитъ Марьи Дешанъ де Виллеръ“.

По этому списку текстъ II-го очерка поэмы изданъ т-вомъ „Просвѣщеніе“, подъ редакціей А. И. Введенскаго (т. I, стр. 197—214), но съ неточностями: „Я въ мірѣ поселился зломъ“ вмѣсто „Я въ мірѣ *вселился* зломъ“; „И все, и все въ ея чертахъ“ *вм.* „И, *мнилось*, все въ еѣ чертахъ“; „Слова *твоей* вдохновенной“ *вм.* „Слова *твоей* вдохновенной“; „Онъ отблескъ *славы* твоихъ“ *вм.* „Онъ отблескъ *величій* твоихъ“; „Въ душѣ *твояся*! сколько думъ“ *вм.* „Въ душѣ *твояся*! сколько думъ“; „И все въ немъ было бы чужое“ *вм.* „*Оно* въ немъ было бы чужое“; „Онъ *занятъ* небомъ, не землей“ *вм.* „Онъ *небомъ* занятъ, не землей“; „Ты былъ любимъ и не любилъ“ *вм.* „Ты былъ любимъ, а не любилъ“; „Ты-бъ могъ спастись, а погубилъ“ *вм.* „Ты могъ спастись, а погубилъ“.

Тетрадь XXIII. Въ ней: 1) Письмо къ генераль-майору Н. Ѳ. Платину. — 2) Показаніе по дѣлу о дуэли съ Барантомъ. — 3) „Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли“.

Рукописи Императорской Публичной Библиотеки.

1) Записная книжка на 28 лист., въ 4 д. л., въ голубомъ бархатномъ переплетѣ, обшитомъ золотымъ шнуркомъ. Водяные знаки на бумагѣ (начиная съ 4 л.): 1) буквы УФЛН и 2) 1822 г. На лицевой сторонѣ переплета монограмма ML, а на задней — 1826. На л. 7: *Размыя Сочиненія принадлежатъ М. Л. 1827 года 6-го ноября*. Три первыхъ листа вставлены позже и писаны болѣе зрѣлымъ почеркомъ.

Въ ней: 1) Нѣсколько стихотвореній и черновыхъ писемъ на французскомъ языкѣ.

Dans les vœux, qu'on vous adresse,
Que les miens soient exaucés.
Ils sont dictés par la tendresse,
Mieux sentis que bien exprimés;
Vous souhaiter bonheur durable,
Tout celui que vous méritez,
Lors qu'on est comme vous aimable,
Le trop n'est pas même assez.

Ah! quel plaisir de te (vous) revoir,
Lieux chéris de mon enfance,
Ah! quel plaisir de vous revoir,
Après une aussi longue absence.
Séjour de ma jeunesse,
De mes premiers plaisirs,
....Je vis sans cesse
De mes vieux souvenirs.
Mais, amis, quelle ivresse!
Pour mon coeur quel plaisir!

De cette erreur où le sommeil me plonge,
Pourquoi voudrais-tu me priver?
Le bonheur n'existe qu'en songe,
Et je m'endors pour le trouver.

La guerre est ma patrie,
Mon harnois — ma maison.
Et en toute saison
Combattre c'est ma vie.

Je vous excuse facilement de ne m'avoir point écrit, car vous avez, j'espère, quelque chose de mieux à faire; quant à moi vous devez me pardonner de solliciter si souvent votre attention, parce que je n'ai en ce moment rien qui vienne se placer entre vous et mes lettres.Je ne suis pas tout-à-fait seul maintenant; j'ai

avec moi une vieille connaissance, un camarade, mais si *ancien*, que nous n'avons rien de *nouveau* à nous dire sur aucun sujet, et que nous baillons au nez l'un de l'autre dans une sorte de *quiète inquiétude*. Je n'entends parler ni de N, ni du capitaine N. avec leur *in-quarto*. Dieu ait pitié de la pauvre humanité! Nous allons fondre sur elle comme Cerbère avec nos trois livres.

Quant à moi qui vais paraître accompagné de *moi-même*, je me contente d'être comparé à Janus. Je ne suis pas du tout satisfait de N. qui s'estJe suis arrivé en ville hier soir et je serai très aise de vous voir, quand cela vous sera agréable.

Croyez moi très sincèrement. —
Tout à Tous.

— Hier justement ayant acheté quatre chevaux russes que je viens d'envoyer à la campagne, dans ce moment je n'ai plus besoin de chevaux — et je suis fâché de ne pas pouvoir faire usage des vôtres.

Je sous prie, M-r, d'agréer l'assurance de mon estime la plus parfaite avec la quelle je suis...

— Monsieur, me dit-il assez haut, vous n'avez point voulu parler sur cette affaire quand on vous en priait ainsi, à present vous fairiez mieux de vous taire.— Je lui repliquai que ce ne serait jamais lui qui pourrait m'imposer silence. Après le dîner je lui dis: Vous m'avez tenu un propos offensant parce que votre emportement vous a ôté toute réflexion. Vous avez dix aus de plus que moi. Votre réputation est faite et trop faite par vingt combats; la mienne ne fait que s'établir. Vous sentez qu'il m'fait une satisfaction, et il en est de deux genres: Vous pouvez tout finir, si vous le voulez, en disant devant nos convives qui sont tous vos amis que vous vous reprochez votre vivacité, n'ayant eu aucune intention de m'offenser. Si je n'obtiens pas cette satisfaction, vous savez qu'il m'en faudra une autre.— Je n'en ai point à vous donner. „Eh bien, demain à sept heures du matin, j'irai chez vous pour vous demander raison d'une si étrange conduite“.

Je vous souhaite un bon voyage, ma chère cousine, et je vous prie de remettre ce paquet à ma cousine N. Je vais à la messe, et ne manquerai pas de faire un signe de croix quand on priera *за плавающих и путешствующих*. Car je predis que vous voyagerez à la nage par ce mauvais chemin.

2) Выписки изъ *Saint-Ange* и *La Harpe*: „La flamme qui le brûle au-dans“, „Borée et Orithye“, „Hero et Leandre“, „Echo et Narcisse“, „Orphée et Euridyce“ (лл. 4—7). 3) *Бахчисарайскій фонтанъ. Сочинение Александра Пушкина* (лл. 8—19); 4) *Шильонской узникъ. Сочинение Байрона. Переводъ Василія Жуковскаго* (лл. 20—28).

2) **Общая тетрадь** — на 65 лист., въ 4 д. л. На л. 1 об.:

Владѣльца книги сей
Коль хочеть кто узнать
Вотъ имя здѣсь на ней
Изволь внизу читать.

М. Лермантовъ.

На л. 2: *Общая тетрадь принадлежит М. Лермонтову. 1829 годъ.* Въ ней: 1) ученическія упражненія въ переводахъ съ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ и 2) конспекты одиннадцати „лекцій“ по всеобщей исторіи.

3) **Лекціи изъ географіи.** Тетрадь на 64 лист., въ 4 д. л. Водяные знаки на бумагъ: 1) гербъ г. Ярославля; 2) буквы НЩ и 3) 1831 г. На внутренней сторонѣ верхней доски переплета надпись: *Л. Г. Гусарскаго Полка Юнкера Лермантова.* Въ ней: 1) Географія. Въ военномъ отношеніи Европейскихъ Государствъ (лл. 1—56: не Лермонтова рукою); 2) „Какая сладость въ мысли я отецъ“ (л. 57 об., карандашомъ); 3) „Таинственная цель есть у людей“ (л. 57 об., карандашомъ); 4) отрывокъ какого-то ученическаго сочиненія *) 5) „Когда надѣждѣ недоступный“ (лл. 58 об.—59, карандашомъ); 6) наброски *Сашки* (лл. 60—64).

4) **Альбомъ** на 29 лист. картонной бумаги, въ 4 д. л. Въ немъ: 1) *Новый мертвецъ* (л. 2); 2) *Последнее покоемъ* (лл. 10—11, карандашомъ); 3) предисловіе къ „Герою нашего времени“ (лл. 4—6, карандашомъ); *Сосна* (лл. 3 и 15, два наброска).

На лл. 7—9, 12—14, 16—17, 18—29 *рисунки* карандашомъ и въ краскахъ (битва при Валерикѣ на л. 28 об.), а на 3 и 4 — фигурныя изображенія. На л. 1 об. рукою Лермонтова записано нѣсколько адресовъ: Ахвердова, гр. Завадовскаго, Леон. Голицына и др.

5) **Лекціи изъ судопроизводства.** Тетрадь на 57 лист., въ 4 д. л. На л. 1: *Л. Г. Гусарскаго полки юнкера Лермантова.* Рукою Лермонтова переписаны лл. 49 об. — 55.

6) **Лекціи изъ военнаго устава.** Тетрадь на 186 лист., въ 4 д. л. Не Лермонтова рукою.

7) **Лекціи изъ воинскаго устава.** Тетрадь на 115 лист., въ 4 д. л., 1833 г. Лл. 113—15 переписаны рукою Лермонтова, а остальное — съ его поправками и дополненіями.

8) **Лекціи изъ Закона Божія.** Тетрадь на 71 лист., въ 4 д. На 1 л.: *Л. Гвардіи Гусарскаго Полка Юнкера Лермантова.* Остальное писано не Лермонтова рукою. На лл. 67—71 *рисунки*, сдѣланные перомъ (4 всадника и 2 головы).

9) **Лекціи изъ военнаго слова** (по теоріи словесности). Тетрадь на 30 лист., въ 4 д. л. На 1 л.: *Л. Г. Гусарскаго Полка юнкера Лермантова.* Рукою Лермонтова переписаны лл. 23 об. — 30, а остальное — съ его помѣтками. На л. 13 *рисункъ*, сдѣланный перомъ (голова въ очкахъ).

10) **Червасы.** Тетрадь на 9 лист., въ 4 д. л. Водяные знаки на бумагъ: 1) „Pro patria“ и 2) буквы МОКФЕБ.

*) („Разсматривать какъ) то первое положеніе можетъ показаться справедливымъ; крестьянинъ имѣющій опредѣленный кругъ дѣйствій, невыходившій ни разу изъ границъ своей сферы подобенъ дереву, которое растетъ, цвѣтеть и засыхаетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оно посажено; сельской житель, безпечно отдыхая отъ трудовъ своихъ, не имѣетъ никакой заботы о будущемъ: его *завтра* всегда (одно) похоже на вчера: — трудъ, молитва и отдыхъ; — онъ слушаетъ рассказы про городскіе шумные удовольствія, (съ тою же... такъ не чувствуя въ се...) какъ внимаешь дальнему грому, какъ смотритъ на тучу проходящую далеко мимо его усѣяннаго поля“...

11) *Menschen und Leidenschaften*. Тетрадь на 57 лист., въ листъ, бумага 1828 г.

12) *Панорама Москвы*. Тетрадь на 4 листахъ, въ 4 д. л. Не Лермонтова рукою, но съ его собственноручною подписью.

13) *Бояринъ Орша*. Тетрадь на 12 лист., въ листъ. На лл. 1 и 12 *рисунки*, сдѣланные перомъ.

14) *Княгиня Лиговская*. Тетрадь на 57 лист., въ листъ. Лл. 12—20, 22 — 49, 52 — 3, 54 — 55 не Лермонтова рукою, но съ его поправками.

15) *Демонъ*. Тетрадь на 19 лист., въ листъ. Лл. 1 (заглавіе и дата: 1838 г. *Сентября 8 дня*) и 19 об. (Посвященіе) писаны рукою Лермонтова, а остальное — съ его небольшими вставками и поправками. На л. 1 рукою П. А. Висковатова: Въ Императорскую Публичную Библіотеку. Изъ рукописей Варвары Александровны Лопухиной (Бахметевой), сохранившихся у брата Алексѣя Александровича Лопухина. Рукопись унаслѣдоваль сынъ его и передала мнѣ жена послѣдняго Елизавета Дмитріевна, рожденная Голохвостова. Пав. Висковатовъ.

Текстъ этого очерка „Демона“ изданъ *Висковатовымъ* въ „Русск. Вѣстн.“ 1889 г., III, 411—25 (ср. *Сочинен.* III, 94—106), но съ нѣкоторыми неточностями: „Подъ *небомъ* юга не цвѣла“ *см.* „Подъ *солнцемъ* юга не цвѣла“; „*Меня смущаетъ* духъ лукавый“ *см.* „*Меня тревожитъ* духъ лукавый“; „*Катились дальше* межъ кустовъ“ *см.* „*Катились даль* межъ кустовъ“; „*Мы, дѣти волмаго ээира,*“ *см.* „*Мы, дѣти вольные ээира,*“ и др.

16) *Смерть поэта* — собраніе бумагъ кн. В. Θ. Одоевскаго: пер. 101, № 7.

17) *Одинъ изъ героевъ начала вѣка*. Тетрадь на 59 лист., въ листъ. Черновые наброски разсказовъ: „Максимъ Максимычъ“, „Княжна Мери“ и „Фаталистъ“.

18) *Таманъ*. Тетрадь на 10 лист., въ листъ, бумага 1837 г. Не Лермонтова рукою, но съ его вставками и поправками.

19) *Записная книжка отъ князя В. Θ. Одоевскаго* — на 27+12 лист., въ 8-ю долю листа, въ кожаномъ переплетѣ, записана съ двухъ концовъ. На л. 1-мъ рукою князя Одоевскаго: 1) „Поэту Лермонтову дается сія моя старая и любимая книга съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ мнѣ ее самъ, и всю исписанную. Кн. В. Одоевскій. 1841. Апрѣля 13-е. С.-Пб.“ и 2) „Сія книга покойнаго Лермонтова возвращена мнѣ Екимомъ Екимовичемъ Хостатовымъ — 30-го Декабря 1843 года. Кн. В. Одоевскій“. Тутъ же рукою Лермонтова замѣтка карандашомъ: 19-го мая — буря“. На лл. 2 об. — 3 рукою князя Одоевскаго. „Эти выписки имѣли отношеніе къ религіознымъ спорамъ, которые часто подымались между Лермонтовымъ и мною. Кн. В. Одоевскій. 1857“. „*Иоаннъ*. И міръ переходитъ и похоть его; а творяя волю Божію пребываетъ во вѣки. — Аще зазираетъ намъ сердце наше, колыми паче Богъ, яко болій есть Богъ сердца нашего и вѣсть вся. — Сіе есть дерзновеніе, еже имамы къ Сыну Божіему, яко аще чесо просимъ по воли Его, послушаетъ насъ.

Павелъ. Не вѣсте-ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ? — Держитесь любви, ревнуйте же къ дарамъ духовнымъ, да пророчествуете. —

Любовь же николи отпадаетъ; аще и пророчествія упразднятся, аще и языцы умолкнутъ, аще и разумъ испразднится.

Съется тѣло душевное, возстае тѣло духовное. Есть тѣло душевное и тѣло духовное.

Тако и писано есть: первый человекъ Адамъ бысть въ душу живущую, послѣдній Адамъ есть духъ животворящій.

Не слышите-ли гласа глаголющаго: непрестанно молитесь!*

1) Лл. 4—13. *Споръ*. (Два наброска: черновой—карандашомъ и бѣловой—чернилами). — 2) Л. 14. *Сонъ*. — 3) Л. 15. *Утесъ*. — 4) Л. 15. * * * („Они любили другъ друга“, два наброска). — 5) Лл. 16—17. *Тамара*. — 6) Лл. 18—20. *Свиданье*. — 7) Лл. 20—1. * * * („Дубовый листокъ оторвался“). — 8) Л. 22. * * * („Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю“). — 9) Лл. 22—3. * * * („Выхожу одинъ я на дорогу“). — 10) Лл. 23—5. *Морская царица*. — 11) Лл. 26—7. *Пророкъ*.

Съ другого конца: 1) Л. 1. *Утесъ* (карандашомъ). — 2) Л. 1. Отрывокъ: „Да кто же ты, ради Бога“... (Ср. Сочинен., т. IV, 389). — 3) Лл. 2 об. — 3. *Пророкъ*. — 4) Л. 3 об. Набросокъ (карандашомъ) „Лилеиной рукой поправляя“. — 5) Л. 4. Набросокъ (карандашомъ) „На буркѣ, подъ тѣнью чинары“. — Л. 5. *Сонъ* („Мнѣ снилась разъ долина Дагестана“). — 7) Л. 6. *Тамара* (карандашомъ). — 8) Л. 7. * * * („Они любили другъ друга“). — 9) Л. 7 об. Набросокъ: „У Россіи нѣтъ прошедшаго“... — 10) Лл. 7 об. — 8. * * * („Зеленый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой“). — 11) Л. 8 об. *Свиданье* (безъ заглавія). — 12) Л. 10 об. (карандашомъ). * * * („Je l'attends dans la plaine sombre“). — 13) Л. 11. * * * („Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю“).

На л. 12-мъ замѣтки (рукою Лермонтова): *Смирновой* (чернилами), *Погодину*, *Кошинцевъ* (карандашомъ), *Семень Осиповичъ Жинимовъ*.

20) *Письма М. Ю. Лермонтова* (17): три письма къ М. А. Шанъ-Гирей; два письма къ Е. А. Арсеньевой; восемь писемъ къ М. А. Лопухиной; два письма къ А. М. Верещагиной; одно письмо къ К. Ѳ. Опочинину и одно — къ А. А. Краевскому.

Рукописи Имп. Россійскаго Историческаго Музея (Чертковской библіотекі).

Тетрадь на 67 лист. разнаго формата, въ сафьяновомъ переплетѣ. На верхней доскѣ переплета золотомъ: „Собственноручныя бумаги Лермонтова“; на обложкѣ: „Собственноручныя бумаги Л—ва. Получены отъ В. Д. Арнольди, урожд. Свербеевой. Съ ея мужемъ Лерм. былъ дружень“; на 1 л.: Собственноручныя, черновыя бумаги покойнаго Лермонтова, доставшіяся мнѣ отъ его двоюроднаго брата Шанъ-Гирея“. Въ этой тетради: 1) *Маскарадъ* (лл. 1—40: не Лермонтова рукою, но съ его поправками и вставками); 2) *Два великана* (л. 41); 3) *Желанья* (л. 41 об.); 4) „Гляжу на будущность съ боязнью“ (л. 42); 5) „Пускай сльву я старовѣромъ“ (л. 42: посвященіе „Казначейши“ *); 6) „Она

*) Варианты: 2. Между писакъ—я очень радъ. 4. Пою, друзья, на прежній ладъ. 6. Ее печальную развязку. 9. Обычай древній сохраняя. 13. Съ своею шумною семьей.

поеть, и звуки тають“ (л. 42 об.); 7) *Кинжалъ* (л. 42 об.) *); 8) „Расписку про-
сишь ты, гусаръ“ (л. 43: карандашомъ); 9) „Спѣша на сѣверъ изъ далека“
(л. 44) **); 10) набросокъ: „Я въ Тифлисъ у Петр. Г. — ученый татар. Али и
Ахметъ“ . . . (л. 45); 11) „Слышу-ли голосъ твой“ (л. 45 об.); 12) *Отрывокъ изъ*
начатой повѣсти (лл. 46—52); 13) „Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ“
(лл. 53—4); 14) „На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ“ (л. 54);
15) „Графиня Эмилиа“ (л. 54); 16) *Молитва странника* (л. 55); 17) „Разстались
мы“ (л. 55) ***); 18) „Въ Большомъ театрѣ я сидѣлъ“ (л. 55 об.: два наброска);
19) *Былеизъ* (лл. 56—57); 20) „Опять, народные вити“ (л. 58); 21) набросокъ:
„Александръ. У него любовница, которую онъ взялъ изъ жалости“ . . . (л. 58
об.); 22) „Но честь Россіи невредима“ (л. 59: отрывокъ изъ „Опять, народные
вити“) ****); 23) „Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ“ (л. 60); 24) „И
понялъ данный знакъ монахъ... Ты мнѣ дала свои повѣрь“... (л. 60 об.: отрыв-
вокъ изъ „Боярина Орши“); 25) „Отворите мнѣ темницу“; 26) „Какъ небеса
твой взоръ блистаетъ“ (л. 62); 27) „Но только цвѣтъ ее чела. . . Ухъ, я не
выношу клеветъ“ (л. 62 об.: отрывокъ изъ „Казначейши“); 28) „Я не хочу,
чтобъ свѣтъ узналъ“ (л. 63); 29) „Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою“
(л. 63 об.); 30) „Свершить блистательную тризну“ (л. 64); 31) Письмо къ С. А.
Бахметевой (лл. 65—6: 1832 г.); 32) Письмо къ ней же (л. 67: августъ 1832 г.).

Рукописи библіотеки Императорской Академіи Наукъ.

Тетрадь на 9 лист., въ листъ (отъ В. Е. Якушкина). Въ ней: 1) *Демонъ*
(лл. 1—8: IV-й первоначальный очеркъ); 2) отрывки изъ „Боярина Орши“
(л. 9):

„Умчался далѣ шумный бой...
Да, я узналъ тебя, узналъ“.

Рукописи Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музея.

- 1) Валерикъ.
- 2) „Когда волнуется желтѣющая нива“.
- 3) „Люблю я цѣпи синихъ горъ“.
- 4) Ангелъ *****).

*) На л. 42 сбоку наброски: „которой (какъ рай) плодъ лишенъ... она
увяла въ буряхъ рока подъ знойнымъ“...

**) На л. 44 об. карандашомъ: „майко“, „мая“.

***) На л. 55 сбоку: „Ей скучныя пѣсни земли“.

****) Далѣ проба пера („тузъ — дама, дама — тройка, тройка — шестерка,
тройка — десятка, шестерка — двойка“) и рядъ какихъ-то именъ.

*****) Нижняя половина листка, на которомъ написано это стихотвореніе,
въ тетради автогр. Чертковской библ. (л. 55).

Рукописи Лермонтова, принадлежащія разнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Августѣйшему Президенту Императорской Академіи Наукъ, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу принадлежитъ автографъ письма М. Ю. Лермонтова къ М. А. Лопухиной отъ 15 февраля 1838 г.

Въ бібліотекѣ Имп. Юрьевскаго Университета: письмо къ Д. С. Бибикову.

Въ архивѣ драматической цензуры при Главномъ Управленіи по дѣламъ печати: драма „Маскарадъ“ (1-я редакція). Тетрадь на 104 лист., въ 4-ю д. л. Не Лермонтова рукою, но съ его помѣтками на 1 л.: 1) „Для бенефиса Г. Велберховой къ будущей осени“ и 2) „Соч. Лермонтова“.

Въ Архивѣ Департамента Полиціи, въ архивѣ бывш. III Отдѣленія: письмо къ великому князю Михаилу Павловичу.

Въ собраніи А. А. Бахрушина (въ Москвѣ) стихотворенія: 1) *Дочь невольницы*; 2) *Черныя очи*; 3) *Къ * * ** („Когда твой другъ съ пророческой тоскою“ *).

Въ собраніи П. Л. Вакселя въ Петербургѣ: письмо къ Е. А. Арсеньевой отъ 27 июля 1837 г.

Въ собраніи барона Д. Г. Гинцбурга въ Петербургѣ: четыре письма къ А. А. Лопухину 1839—40 гг.

У Е. А. Гончаровой (г. Перемышль, Калужской губ., с. Покровское) стихотворенія: 1) *Ребенку * * **; 2) *Молитва* („Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою“) ***); 3) *А. О. Смирновой*:

Въ простосердечіи невѣжды
Короче знать (я васъ) желалъ я васъ
Но лучъ заманчивой надежды...
Безъ васъ хочу сказать вамъ много
При васъ я слушать васъ хочу
Но молча — вы смотрите строго
И я въ смущеніи молчу
Словами важными порою
Вашъ смѣхъ боясь я возмутить...
Что дѣлать. Рѣчи не искусно
Занять вс . . .

*) Ср. „Русское Слово“ 1909 г., № 277 (3 декабря).

**) Стихотвореніе помѣчено 1838 г. Варіанты къ тексту, изданному въ *Стихотворенія* 1840 г.:

6. И очи темные и кудри золотые.

27. Названье въ этотъ мигъ забытое тобой . . .

32. Ты вспомни(шь), и его, дитя, не прокляни.

***) Стихотвореніе дважды помѣчено 1836 г.

Въ собраніи П. Я. Дашкова въ Петербургѣ: 1) стихотвореніе Журналистъ, Писатель и Читатель (ср. Полевой. Ист. Русск. Словесн., т. III); 2) письмо къ Е. А. Арсеньевой отъ весны 1836 г.

У Н. А. Еремѣева: стихотвореніе „Когда стою подъ древнимъ сводомъ храма“. (Въ альбомѣ *).

Въ собраніи А. Θ. Кони въ Петербургѣ: письмо Е. А. Арсеньевой отъ апрѣля 1841 г.

Въ архивѣ свѣтлѣйшаго князя Меншикова: письмо къ Ал. Ал. Вадковской, урожденной кн. Меншиковой (на листкѣ почтовой бумаги, на верху давленный штемпель „М. Л.“ и дворянская коронка): Je vous remercie bien pour l'adresse de cette maison qui me sera éternellement hère et je me recommande au souvenir de mon aimable cousine en la suppliam de me donner la mazourka.

Вотре bien dѣvoue

Lermontoff.

Въ Музеѣ А. Θ. Оиѣгина въ Парижѣ: стихотвореніе „Въ простосердечіи невѣжды“ (Ср. „Пушкинъ и его современники“, в. XII, 25).

Въ собраніи гофмейстера В. Н. Поливанова: 1) письмо Лермонтова къ Н. И. Поливанову отъ 7 іюня 1831 г. изъ Москвы**); стихотвореніе „Послушай! вспомни обо мнѣ“. (Въ альбомѣ ***)).

У полковника Д. В. Раковича во Владикавказѣ: черновой журналъ военныхъ дѣйствій отряда генерала Галафѣева на 204 лист., изъ которыхъ многіе писаны, несомнѣнно, рукою Лермонтова****).

Въ Татевскомъ архивѣ, принадлежащемъ В. А. Рачинской, стихотворенія: 1) черновой набросокъ стихотворенія *Смерть поэта*; 2) „Посреди небесныхъ тѣлъ“; 3) *И скучно и грустно*; 4) *Къ портрету* („Какъ мальчикъ кудрявый рѣзав“)*****).

У Н. В. Соловьева (въ Петербургѣ): стихотвореніе „Морякъ“.

По сравненію съ извѣстными до сихъ поръ текстомъ, автографъ даетъ эпиграфъ изъ „Корсара“ Байрона, нѣсколько существенныхъ вариантовъ и 42 совершенно новыхъ стиха, которые приводимъ здѣсь съ любезнаго разрѣшенія Н. В. Соловьева.

*) Ср. „Сѣверъ“ 1912 г., № 1.

***) Приписка къ письму В. Шеншина, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Мнѣ здесь очень душно и только одинъ Лермонтовъ, съ которымъ я уже 5 дней не видался (онъ былъ въ нашемъ сосѣдствѣ у Ивановыхъ), меня утѣшаетъ своею бѣседою... Прими мой совѣтъ, слѣдуй Шпигельбергу, а не Лермонтову, котораго ты безжалостно изувечилъ, подражая ему на французскомъ языкѣ... Твой другъ, хотя тебя и уверяютъ твоей папинка, что мы пострѣлы, негодяи, но пожалуста не вѣрь“...

****) Сбоку приписка: 28-го марта 1831 г. Москва. Михайла Юрьевичъ Лермонтовъ написалъ эти строки въ моей комнатѣ во флигелѣ нашего дома на Молчановкѣ, ночью, когда, въ слѣдствіи какой то университетской шалости, онъ ожидалъ строгаго наказанія. Н. Поливановъ“.

*****) Свѣдѣнія объ этомъ Журналѣ см. въ „Русск. Старинѣ“ 1891 г., кн. VIII, стр. 355—68. Какъ можно видѣть изъ книги Д. В. Раковича „Тенгинскій полкъ на Кавказѣ“, стр. 243, примѣч. 1, этотъ журналъ еще въ 1900 г. хранился въ Военно-историч. отдѣлѣ при штабѣ Кавказскаго военнаго округа.

*****) Ср. „Пушкинъ и его современники“, вып. VIII, 37—9.

12. И, какъ раба, мы топчемъ горе.
Послѣ 18. Какъ я могушь себѣ казался
Когда на воздухѣ качался
Держась упругою рукой
За парусъ иль канатъ сырой;
Я былъ межъ небомъ и волнами,
На облака и въ низъ глядѣлъ,
И не смущался, не робѣлъ,
И все окинувши очами,
Я мчался выше — о! тогда
Я щастливъ былъ, да, щастливъ, да!

-
- Найдите счастье мнѣ другое! —
Родными былъ оставленъ я;
Моя кровь сталь — небо голубое,
Корабль сталь родина моя.
20. Я какъ цѣпей земли боялся.
Послѣ 22. Катились слѣдомъ, забѣгали,
Шумя, толкаясь впередъ,
И намъ нестись по лону водъ
Казалось запретить желали;
Но это шутка лишь была,
Они не дѣлали намъ зла.
Послѣ 28. И каждой вечеръ предо мной
Они въ одѣждѣ парчевой,
Какъ люди, гордые, являлись;
Обвороженъ, я началъ имъ
Молится, какъ богамъ морскимъ,
И чувства прежніе умчались
Съ непостижимой быстротой,
Предъ этой новою мечтой!...
Міръ обольстительный и странный,
Міръ не бывалый, но живой,
Блестящій вмѣстѣ и туманный
Тогда открылся предо мной;
Все оживилось: безъ значенья
Межъ тучекъ не было движенья.
57. И безполѣзный етотъ шумъ.
62. И наконецъ, всѣ ети силы.
Послѣ 62. Употребленные на то
Чтобъ малость обращать въ ничто!

Какъ я люблю ихъ дерзкой шопоть
Передъ летучимъ кораблемъ;
Ихъ дикой плескъ, упрямый ропоть,

Когда утѣсь склоняясь челомъ,
Всѣ ихъ усилья презираеть;
Не имъ грозить, не имъ внимаеть;
Люблю ихъ ревъ и тишину.

(Въ полномъ видѣ автографъ воспроизведенъ въ журналѣ „Русскій Библюфилъ“ 1913 г., январь).

У И. Е. Цвѣткова, въ Москвѣ: два письма къ С. А. Раевскому 1836 и 1837 гг.

У В. Н. Шеншина, въ Петербургѣ: 1) поэма *Послѣдній сынъ волюности* и 2) стихотвореніе *Романъ къ И.* („Когда я унесу въ чужбину“) въ двухъ спискахъ.

Списокъ произведеній Лермонтова по времени перваго появленія ихъ въ печати.

1835.

- 1) *Хаджи Абрекъ* — „Библиотека для чтенія“, т. XI, стр. 81—94.

1837.

- 2) *Бородино* — „Современникъ“, т. VI, № 2, стр. 207—211.

1838.

- 3) *Пьеса про купца Клашкикова* — „Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду“, № 18 (30 апрѣля), стр. 344—347.

- 4) *Казначейша* — „Современникъ“, т. XI, № 3, стр. 149—178.

1839.

- 5) *Дума* — „Отечественныя Записки“, т. I, стр. 148—149.

- 6) *Поэтъ* („Отдѣлкой золотой“) — тамъ же, т. II, стр. 163—164.

- 7) *Бѣла* — тамъ же, стр. 167—212.

- 8) *Русалка* — тамъ же, т. III, стр. 131—132.

- 9) *Вѣтка Палестины* — тамъ же, стр. 275—276.

- 10) „*Не вѣрь себѣ*“ — тамъ же, стр. 277—8.

- 11) *Еврейская мелодія* — тамъ же, т. IV, стр. 80.

- 12) *Въ альбомъ* („Какъ одинокая гробница“) — тамъ же, стр. 81.

- 13) *Три пальмы* — тамъ же, т. V, стр. 168—170.

- 14) *Фаталистъ* — тамъ же, т. VI, стр. 146—158.

- 15) *Молитва* („Въ минуту жизни трудную“) — тамъ же, стр. 272.

- 16) *Дары Терека* — тамъ же, т. VII, стр. 1—3.

- 17) *Памяти А. И. Одоевскаго* — тамъ же, стр. 209—10.

1840.

- 18) *Узникъ* („Отворите мнѣ темницу“) — „Одесскій альманахъ“ на 1840 г., стр. 567—568.

- 19) *Ашелъ* — тамъ же, стр. 702—3.

20) „И скучно и грустно“ — „Литературная Газета“ № 6 (января 20), стлб. 133.

21) *Первое января* — „Отеч. Зап.“, т. VIII (№ 1), стр. 140.

22) *Тамань* — тамъ же, т. VIII (№ 2), стр. 144—154.

23) *Казачья колибельная пѣсня*, тамъ же, стр. 245—246.

24) *Журналистъ, читатель и писатель* — тамъ же, т. IX (№ 4), стр. 307—310.

25) *Воздушный корабль* — тамъ же, т. X (№ 5), стр. 1—3.

26) *Отчего* — тамъ же, стр. 280.

27) *Благодарность* — тамъ же, стр. 290.

28) *Молитва* („Я, мать Божія, нынѣ съ молитвою“) — тамъ же, т. XI (№ 7), стр. 1.

29) *Изъ Гете* („Горныя вершины“) — тамъ же, стр. 1.

30) *Герой нашего времени*. 2 ч. (Отдѣльное изданіе).

31) *Ребенку* („О грезахъ юности“) — „Отеч. Зап.“, т. XII (№ 9), стр. 1—2.

32) *А. О. Смирновой* („Безъ васъ хочу сказать вамъ много“) — тамъ же, стр. 229.

33) *Мцири* — „Стихотворенія М. Лермонтова“, стр. 121—159.

34) *„Когда возмущается желтыющая шива“* — тамъ же, стр. 161—62.

35) *Сосѣдъ* („Кто-бъ ни былъ ты“) — тамъ же, стр. 163—64.

36) *„Разстались мы“* — тамъ же, стр. 165.

37) *Тучи* — тамъ же, стр. 167—8.

38) *Къ портрету* („Какъ мальчикъ кудрявый рѣзва“) — „Отеч. Зап.“, т. XIII (№ 12), стр. 290.

1841.

39) *„Есть тѣчи“* — „Отеч. Зап.“, т. XIV (№ 1), стр. 2.

40) *Завѣщаніе* („Наединѣ съ тобою, братъ“) — тамъ же, т. XIV (№ 2), стр. 157—58.

41) *Оправданіе* — тамъ же, т. XV (№ 3), стр. 44.

42) *Отчизна* — тамъ же, т. XV (№ 4), стр. 283.

43) *Предисловіе къ журналу Печорина* — 2-е изданіе романа, ч. II, стр. 1—VI.

44) *Последнее новоселье* — „Отеч. Зап.“, т. XVI (№ 5), стр. 1—2.

45) *Екижалъ* — тамъ же, т. XVI (№ 6), стр. 234.

46) *Споръ* — „Москвитянинъ“, ч. III (№ 6), стр. 291—4.

47) *Плѣнный рыцарь* — „Отеч. Зап.“, т. XVII (№ 8), стр. 268.

48) *Парусъ* — тамъ же, т. XVIII (№ 10), стр. 161.

49) *Желаніе* („Отворите мнѣ темницу“) — тамъ же, т. XIX (№ 11), стр. 1—2.

50) *Изъ альбома С. Н. Карамлиной* („Любилъ и я“) — „Русская Бесѣда“, т. II, стр. 1.

51) *Гр. Растопчиной* („Я вѣрю: подъ одной звѣздою“) — тамъ же, стр. 2.

1842.

52) *Любовь мертвеца* — альманахъ „Утренняя Заря“ на 1842 г., стр. 44—46.

53) *Сказка для дѣтей* — „Отеч. Зап.“, т. XX (№ 1), стр. 116—123.

54) *Сосна* — тамъ же, стр. 124.

55) *Ен. М. А. Щербатовой* („На свѣтскія цѣпи“) — тамъ же, стр. 126.

56) *Сосѣдка* — тамъ же, т. XX (№ 2), стр. 127—28.

- 57) *Договор* — тамъ же, т. XXI (№ 3), стр. 1—2.
 58) *„Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою“* — тамъ же, стр. 203.
 59) *Умирающий гладиаторъ* — тамъ же, т. XXI (№ 4), стр. 378.
 60) *Дни великана* — тамъ же, т. XXII (№ 5), стр. 1—2.
 61) Отрывки изъ поэмы *„Демонъ“* — тамъ же, т. XXII (№ 6), стр. 187—201.
 62) *Бояринъ Орша* — тамъ же, т. XXIII (№ 7), стр. 1—24.
 63) *Въ альбомъ автору „Курдюковой“* — тамъ же, т. XXIV (№ 9), стр. 174.
 64) *М. П. Соломирской („Надъ бездною адскою“)* — тамъ же, т. XXIV (№ 10), стр. 320.
 65) *Маскарадъ* — „Стихотворенія М. Лермонтова“, ч. III, стр. 1—188.

1843.

- 66) *Валерикъ* — альманахъ „Утренняя Заря“ на 1843 г., стр. 66—77.
 67) *Измаилъ Бей* — „Отеч. Зап.“, т. XXVII (№ 3), стр. 1—25.
 68) *Сожъ („Въ полдневный жаръ“)* — тамъ же, т. XXVII, стр. 183.
 69) *Тамара* — тамъ же, стр. 193—94.
 70) *Утесъ* — тамъ же, стр. 331.
 71) *„Выхожу одинъ я на дорогу“* — тамъ же, стр. 332.
 72) *Морская царевна* — тамъ же, т. XXVIII (№ 5), стр. 1—2.
 73) *„Изъ подъ таинственной холодной полумаски“* — тамъ же, стр. 80.
 74) *„Дубовый листокъ оторвался отъ ветки родимой“* — тамъ же, т. XXVIII (№ 6), стр. 193.
 75) *„Нить, не тебѣ такъ пылко я люблю“* — тамъ же, стр. 194.
 76) *„Не плачь, не плачь, мое дитя“* — тамъ же, стр. 195.
 77) *Посвященіе „Демона“ („Я кончилъ, — и въ груди невольное сомнѣнье“)* — тамъ же, стр. 376.
 78) *Къ портрету старика гусара* — тамъ же, т. XXXI (№ 12), стр. 194.
 79) *Пезабудка* — тамъ же, стр. 195—196.
 80) *Моя молюба* — тамъ же, стр. 279.
 81) *Смерть („Закать горить“)* — тамъ же, стр. 279.
 82) *Романсъ къ * * ** („Когда я унесу въ чужбину“) — тамъ же, стр. 280.
 83) *„Они любимы другъ друга“* — тамъ же, стр. 317.
 84) *Весна* — тамъ же, стр. 318.
 85) *На рожденіе сына у А. А. Лопухина* — тамъ же, стр. 342.

1844.

- 86) *Пророкъ* — „Отеч. Зап.“, т. XXXII (№ 1), стр. 197.
 87) *Свиданіе* — тамъ же, стр. 198—200.
 88) *„На буржъ, подъ тнью чинары“* — тамъ же, стр. 200—201.
 89) *„Линейной рукою поправляя“* — тамъ же, стр. 201.
 90) *Къ Кавказу* — альманахъ „Молодикъ“ на 1844 г., стр. 8.
 91) *Къ Бухарову* — тамъ же, стр. 9.
 92) *А. Г. Хомутовой* — тамъ же, стр. 10.
 93) *Къ С. („Вблизи тебя до этихъ поръ“)* — „Библиотека для Чтенія“, т. LXIV, ч. 1-я (№ 5), стр. 5.
 94) *Благодарю* — тамъ же, стр. 6.

- 95) *Въ альбомъ* („Нѣтъ, я не требую вниманья“) — тамъ же, стр. 6—7.
 96) *Стансы* („Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ“) — тамъ же, стр. 7—8.
 97) *(Звѣзда) Еврейская мелодія* („Я видѣлъ иногда“) — тамъ же, стр. 8.
 98) *„Итакъ прощай“* — тамъ же, часть 2-я (№ 6), стр. 129.
 99) *„Зови надежду свидѣльемъ“* — тамъ же, стр. 129.
 100) *Звѣзда* („Вверху одна“) — тамъ же, стр. 130.
 101) *Романсъ* („Хоть бѣгутъ по струнамъ“) — тамъ же, стр. 131.
 102) *Нищій* („У вратъ обители святой“) — тамъ же, стр. 132.
 103) *„Я не люблю тебя“* — тамъ же, стр. 132.

1845.

- 104) *Раскаianie* — „Библиотека для Чтенія“, т. LXVIII (№ 1), стр. 5—6.
 105) *На картину Рембрандта* — тамъ же, стр. 6—7.
 106) *Къ пріятелю* — тамъ же, стр. 7—8.
 107) *Волны и люди* — тамъ же, стр. 8.
 108) *11-го іюля* — тамъ же, стр. 8—9.
 109) *Небо и звѣзды* — тамъ же, стр. 9.
 110) *Элегія* („Дробись, дробись“) — тамъ же, стр. 10.
 111) *Кавказъ* — тамъ же, стр. 11.
 112) *„Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей“* — тамъ же, стр. 11—12.
 113) *„Нѣтъ, я не Байронъ“* — тамъ же, стр. 12.
 114) *Отрывокъ изъ начатой повѣсти* — Литературный сборникъ „Вчера и Сегодня“, кн. 1, стр. 71—87.
 115) *Другой отрывокъ изъ начатой повѣсти* — тамъ же, стр. 87—91.
 116) *„Слышу ли голосъ твой“* — тамъ же, стр. 92.
 117) *„Это случилось въ послѣдніе годы“* — тамъ же, стр. 92—93.
 118) *Казбеку* — тамъ же, стр. 93—94.
 119) *„Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ“* — тамъ же, стр. 94—95.
 120) *„Гляжу на будущность съ болзнью“* — тамъ же, стр. 95.

1846.

- 121) *„Не смѣйся надъ моею пророческой тоскою“* — литературный сборникъ „Вчера и Сегодня“, кн. II, стр. 153.
 122) *Видъ юръ изъ степей Козлова* — тамъ же, стр. 153—154.
 123) *Былецъ* — тамъ же, стр. 154—158.
 124) *Ашикъ Керибъ* — тамъ же, стр. 159—167.

1851.

- 125) *Морлякъ* — литературный сборникъ „Рауть“, стр. 197—99.

1854.

- 126) *Письмо Лермонтова къ С. А. Бахметевой съ стихотвореніемъ „Я жить хочу“* — „Современникъ“, т. XLIII (№ 1), стр. 5—7.
 127) *Письмо Д—ва къ С. А. Бахметевой съ отрывками стихотвореній: „Примите дивное посланье“ и „Челнокъ“* — тамъ же, стр. 6—7.

128) *Казнь* — тамъ же, стр. 8.

129) „*Опять, народные вѣтн*“ — тамъ же, т. XLV (№ 5), стр. 5.

1855.

130) „*Прими мой даръ*“ (Посвященіе къ „*Демону*“) — „Москвитянинъ“, № 6, стр. 186 и „Современникъ“, т. L, апрѣль, стр. 435—36.

1856.

131) „*Когда стою подь древнимъ сводомъ храма*“ — „Русскій Вѣстникъ“, т. IV, июль, № 14, стр. 325—26. Ср. „Сѣверъ“ 1912 г., № 1.

1857.

132) *Ангелъ смерти* — отдѣльное изданіе, вышедшее въ Карлсруэ.

133) *Испанцы* (отрывки съ посвященіемъ „Не отвергай мой слабый даръ“ и стихотвореніемъ: „Еврейская мелодія“) — „Русскій Вѣстникъ“, т. IX, май, кн. 2, стр. 204—257.

134) *Странный человекъ* (отрывки съ стихотвореніями: „Моя душа, я помню“, „Такъ! для прекраснаго могилы нѣтъ“, „Я видѣлъ юношу“, „Когда одни воспоминанья“) — „Русск. Вѣстн.“, т. IX, июнь, кн. 1, стр. 317—332.

135) *Два брата* (отрывокъ) — тамъ же, стр. 338.

136) „*Три грации считались*“ — тамъ же, т. XI, кн. 2, стр. 402.

137) „*Когда къ тебѣ молвы разсказъ*“ — тамъ же, стр. 405.

138) „*У ногъ дружихъ не забывалъ*“ — тамъ же, стр. 405—406.

139) „*Передо мной лежитъ листокъ*“ — тамъ же, стр. 406.

140) *Свершилось! помю ожидать*“ — тамъ же, стр. 407.

141) „*Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ*“ — „Современникъ“, т. LXV (№ 10), стр. 190.

1858.

142) *Уланиа* (Отрывокъ) — „Атеней“, ч. VI (№ 48), стр. 289.

143) *Юнкерская молитва* — тамъ же, стр. 289.

144) *Къ М. И. Цейдлеру* („Русскій нѣмецъ бѣлокурый“) — тамъ же, стр. 303.

145) „*Посреди небесныхъ тѣлъ*“ — „Библиографическія Записки“, т. I, № 20, стлб. 634—635.

146) *Смерть поэта* (До стиха: „И на устахъ его печать“) — тамъ же, стлб. 635—636.

1859.

147) „*Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ*“ — „Библиографич. Записки, т. II, № 1, стлб. 22—23.

148) „*Она поетъ, и звуки таинъ*“ — тамъ же, стлб. 23.

149) „*Quand je te vois sourire*“ — тамъ же, стлб. 23.

150) *Монго* (Отрывки) — тамъ же, № 12, стлб. 373.

151) *Петергофскій праздникъ* — тамъ же, стлб. 374—375.

152) *3-й очеркъ „Демона“* — тамъ же, стлб. 378—379.

153) *Демонъ* — тамъ же, стлб. 379—382.

- 154) *Къ кн. Л. Г-ой* („Когда ты холодно внимаешь“) — тамъ же, стлб. 383—384.
- 155) *Кавказскій плимникъ* — „Отечественныя Записки“, т. СХХV (№ 7), стр. 5—11.
- 156) *Корсаръ* — тамъ же, стр. 11—13.
- 157) *Пиръ* — тамъ же, стр. 14.
- 158) *Портретъ* („Онъ не красивъ“) — тамъ же, стр. 15.
- 159) *Къ гению* — тамъ же, стр. 15—16.
- 160) *Записка. 1830 г., 8 июля, ночь.* — тамъ же, стр. 16—17.
- 161) *Письмо* — тамъ же, стр. 18.
- 162) *Русская мелодія* — тамъ же, стр. 18.
- 163) „*Не привлекай меня красой*“ — тамъ же, стр. 18—19.
- 164) *Эпиграмма* („Стыдись лжеца“) — тамъ же, стр. 19.
- 165) *Къ Грузинову* — тамъ же, стр. 19.
- 166) *Два сокола* — тамъ же, стр. 20—21.
- 167) *Грузинская пьсня* (Отрывокъ) — тамъ же, стр. 21.
- 168) *Мой демонъ* — тамъ же, стр. 21.
- 169) *Преступникъ* — тамъ же, стр. 22—26.
- 170) *Цыгане* — тамъ же, стр. 26—27.
- 171) *Монологъ* — тамъ же, стр. 28.
- 172) *Молитва* („Не обвиняй меня, Всесильный“) — стр. 28—29.
- 173) *I-й очеркъ „Демона“* (съ двумя посвященіями) — тамъ же, стр. 29—33.
- 174) *Олець* — тамъ же, стр. 34.
- 175) *Два брата* — тамъ же, стр. 35.
- 176) *II-й очеркъ „Демона“* — тамъ же, стр. 35—47.
- 177) „*Я не для ангеловъ и райа*“ — тамъ же, стр. 48.
- 178) „*Настанетъ день и міромъ осужденный*“ — тамъ же, стр. 49.
- 179) *Къ Д.* („Будь со мною, какъ прежде бывало“) — тамъ же, стр. 49—50.
- 180) *Пьсня* („Желтый листь о стебель бьется“) — тамъ же, стр. 50.
- 181) *Мстиславъ и сюжетъ* „Три ночи я провелъ безъ сна“ — тамъ же, стр. 50—53.
- 182) *Силуетъ* — тамъ же, стр. 53.
- 183) „*Какъ духъ отчаянья и зли*“ — тамъ же, стр. 53—54.
- 184) *Н. Ф. И.* („Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали“) — тамъ же, стр. 54.
- 185) *Вухариной* — тамъ же, стр. 54.
- 186) *Трубецкому* — тамъ же, стр. 54.
- 187) *Нарышкиной* — тамъ же, стр. 54—55.
- 188) *Толстой* — тамъ же, стр. 55.
- 189) *Мартыновой* — тамъ же, стр. 55.
- 190) *Додо* — тамъ же, стр. 55.
- 191) *Башилову* — тамъ же, стр. 55—56.
- 192) *Булакову* — тамъ же, стр. 56.
- 193) „*Вы не знали ль князь Петра*“ — тамъ же, стр. 56.
- 194) „*Люблю я цѣпи синихъ горъ*“ — тамъ же, стр. 57—58.
- 195) „*Время сердцу быть въ покоѣ*“ — тамъ же, стр. 58.
- 196) „*Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой*“ (Отрывки) — тамъ же, стр. 58—59.
- 197) „*Какъ въ ночь звѣзды падуцей пламень*“ — тамъ же, стр. 59.

- 198) Къ * * * („Я не унижусь предъ тобою“) — тамъ же, стр. 59—60.
 199) „Какъ лучъ зари, какъ розы Лелл“ — тамъ же, стр. 60.
 200) „Синія горы Кавказа“ — тамъ же, стр. 60—61.
 201) „Воздухъ тамъ чистъ“ — тамъ же, стр. 61.
 202) Романсъ („Стояла сѣрая скала“) — тамъ же, стр. 61.
 203) Прелестниця — тамъ же, стр. 61—62.
 204) *Had we never loved so kindly* — тамъ же, стр. 62.
 205) Эпитафія („Прости! увидимся ль мы снова“) — тамъ же, стр. 62.
 206) 1830 года, іюля 15 („Зачѣмъ семьи родной“) — „Отеч. Записки“
 т. СХХVII (№ 11), стр. 246—247.
 207) „Взгляни на тихую луну“ (Отрывокъ) — тамъ же, стр. 248.
 208) „Наша литература такъ бѣдна“ — тамъ же, стр. 248.
 209) „Я читаю Новую Элоизу“ — тамъ же, стр. 248.
 210) *Мое застѣпаніе* — тамъ же, стр. 249.
 211) М. Ф. М—ой („Любилъ съ начала жизни я“) — тамъ же, стр. 250—251.
 212) Ночь II (подъ заглавіемъ „Смерть“) — тамъ же, стр. 251—252.
 213) Отрывокъ („На жизнь надѣяться страшась“) — тамъ же, стр. 252—253
 (стихи 57—80).
 214) Въ Воскресенскъ — тамъ же, стр. 253.
 215) Прости („Прости! коль могутъ къ небесамъ“) — тамъ же, стр. 253—254.
 216) Эпитафія („Прости сердечный сынъ свободы“) — тамъ же, стр. 254.
 217) *Sentenz* — тамъ же, стр. 254.
 218) *Посвященіе* („Прими, прими мой грустный даръ“) — тамъ же,
 стр. 254—255.
 219) *Посвященіе* („Тебѣ я нѣкогда ввѣрять“) — тамъ же, стр. 255.
 220) Къ * * * („Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья“) — тамъ же,
 стр. 255—256.
 221) Къ * * * („Всевышній произнесъ свой приговоръ“) — тамъ же, стр. 259.
 222) Желаніе („Зачѣмъ я не птица“) — тамъ же, стр. 259—260.
 223) Св. Елена — тамъ же, стр. 260.
 224) Къ другу В. Ш. („До лучшихъ дней“) — тамъ же, стр. 261.
 225) 7-ю августа — тамъ же, стр. 261—262.
 226) Атаманъ — тамъ же, стр. 262—264.
 227) Исповѣдь („Я не вѣрю, общаю вѣрить“) — тамъ же, стр. 264.
 228) Чаша жизни — тамъ же, стр. 264—265.
 229) Воля — тамъ же, стр. 265—266.
 230) „Метель шумитъ“ — тамъ же, стр. 266.
 231) „Когда бъ въ покорности незнамя“ — тамъ же, стр. 267.
 232) „Я видѣлъ тѣнь блаженства“ — тамъ же, стр. 267—268.
 233) Стансы къ Д. — тамъ же, стр. 268—270.

1860.

- 234) *Наводненіе* (Отрывокъ). — Русскій Вѣстникъ, т. XXVI (книга 2, № 8)
 стр. 387.
 235) „Графиня Эмилиа“ — тамъ же, стр. 387.
 236) *Черкесы* (Отрывокъ изъ поэмы) — „Сочиненія Лермонтова“, т. II, стр. 3—4.

- 237) *Посвященіе къ „Menschen und Leidenschaften“* — тамъ же, т. II, стр. 90.
 238) *Джумло* (Отрывокъ) — тамъ же, стр. 91—92.
 239) *Поле Бородина* — тамъ же, стр. 102—105.
 240) *1831 г., іюня 11* — тамъ же, стр. 105—115.
 241) *Страшный человекъ* — тамъ же, стр. 197—282.
 242) *Литвинка* (Отрывокъ) — тамъ же, стр. 287—290.
 243) *Ауль Бастунджи* (Отрывокъ) — тамъ же, стр. 290—292.
 244) *Каллы* (Отрывокъ) — тамъ же, стр. 292—293.
 245) *Къ Нитъ* — „Разныя сочиненія Шиллера, въ переводахъ русскихъ писателей, издан. подъ редакц. Н. В. Гербея“, т. VIII, стр. 316—17.
 246) *Перчатка* — тамъ же, стр. 319—321.
 247) *Дитя въ мюлькѣ* — тамъ же, стр. 321.
 248) *Встрѣча* — тамъ же, стр. 321—322.
 249) *Къ * * ** („Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь“) — тамъ же, стр. 322.
 250) *Три вѣдъмы* — тамъ же, стр. 325—326.
 251) *Баллада* („Надъ моремъ красавица дѣва сидитъ“) — тамъ же, стр. 327—328.

1861.

- 252) *„Онъ былъ въ краю святомъ“* — „Библиографическія Записки“, т. III, № 1, стлб. 19.
 253) *Цвѣтица* — тамъ же, № 16, стлб. 487.
 254) *Панъ* — тамъ же, стлб. 488.
 255) *Сентября 28* — тамъ же, стлб. 495—496.
 256) *„Ахъ, нынѣ я не тотъ совѣтъ“* (Мазепа) — тамъ же, стлб. 496—497.
 257) *Эпиграмма Сенковскому* — тамъ же, № 18, стлб. 556.
 258) *Сашка* (Отрывки) — тамъ же, стлб. 557—563.
 259) *IV-й очеркъ „Демона“* — тамъ же, № 20, стлб. 643—653.

1862.

- 260) *Письмо Л—ва къ г.-м. Плаутинку* — „Вѣкъ“, № 3, стр. 57—58.
 261) *Показаніе Л—ва о дуэли съ де-Барантомъ* — тамъ же, стр. 58—59.
 262) *Жалоба турка* — „Стихотворенія Л—ва“ 1862 г., Берлинъ, стр. 6.
 263) *Къ Неартъ* — тамъ же, стр. 17—18.
 264) *Предсказаніе* — тамъ же, стр. 19.
 265) *Могила бойца* — тамъ же, стр. 20—21.
 266) *Баллада* („Берегись, берегись“) — тамъ же, стр. 22—23.
 267) *„Она была прекрасна, какъ мечта“* — тамъ же, стр. 26.
 268) *А. А. Ѳ—ву* („О ты, котораго зовуть“) — тамъ же, стр. 80.
 269) *10 іюля 1830 г.* — тамъ же, стр. 118.
 270) *„Ахъ какъ мила моя княгиня“* — тамъ же, стр. 126.

1863.

- 271) *Письмо Л—ва къ М. А. Лопухиной отъ 28 августа 1832 г.* (со стихотвореніями: „Для чего я не родился“ и „Конецъ! какъ звучно это слово“) — „Русскій Архивъ“, вып. III-й, стлб. 265—268.

272) *Письмо Л—ва къ М. А. Лопухиной отъ 1832 г.* (со стихотвореніемъ: „Онъ былъ рожденъ для счастья“) — тамъ же, вып. 4-й, стлб. 292—295.

273) *Письмо Л—ва къ М. А. Лопухиной отъ 19 іюня 1833 г.* — тамъ же, вып. 5—6, стлб. 417—418.

274) *Письмо Л—ва къ М. А. Лопухиной отъ 4-ю августа 1833 г.* — тамъ же, стлб. 419—421.

275) *Письмо Л—ва къ М. А. Лопухиной отъ 2 сентября 1832 г.* — тамъ же, стлб. 421—424.

276) *Письмо Л—ва къ М. А. Лопухиной отъ 23 декабря 1834 г.* — тамъ же, стлб. 424—428.

277) *Письмо Л—ва къ М. А. Лопухиной отъ 31 мая 1837 г.* — тамъ же, стлб. 428—430.

278) *Письмо Л—ва къ М. А. Лопухиной отъ 15 февраля 1838 г.* — тамъ же, стлб. 430—433.

279) *Письмо Л—ва къ М. А. Лопухиной отъ 1839 г.* — тамъ же, стлб. 962—966.

1864.

280) *Ребенку* („Ну, что скажу тебѣ я спросту“) — „Русскій Архивъ“, вып. X, стлб. 1088.

1871.

281) *Н. Н. Арсеньеву* — „Русскій Архивъ“, № 7—8, стлб. 1271—1272.

1872.

282) *„Ужасная судьба отца и сына“* — „Русскій Архивъ“, № 9, стлб. 1849—1852.

283) *„Когда, надеждъ недоступный“* — „Русская Старина“, т. V (№ 2), стр. 287—288.

284) *„Что толку жить“* — тамъ же, стр. 289.

285) *Эпиграмма* („Поэтомъ, хоть и это время“) — тамъ же, стр. 291.

286) *Къ другу* („Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья“) — тамъ же, стр. 291.

287) *Письмо Лермонтова къ М. А. Шамъ-Гирей отъ 1828 г.* — тамъ же, стр. 293.

288) *Письмо Л—ва къ М. А. Шамъ-Гирей* (со стихотвореніемъ *Поэтъ*. „Когда Рафаель вдохновенный“) — тамъ же, стр. 293—295.

289) *Черновое письмо Л—ва къ Вел. Кн. Михаилу Павловичу* — тамъ же, стр. 295—296.

1873.

290) *Шуточное письмо Л—ва къ С. А. Бахметевой* — „Сочиненія Л—ва“, т. II, стр. 501.

291) *Kleine Betrachtungen* (Размышленія), *Kleine Einfälle und Ausfälle* (Случайныя пьесы и замѣтки) и *Hinaus* (На волю) — переводъ въ прозѣ Г. С. Чирикова неизданныхъ стихотвореній Л—ва съ нѣмецкаго перевода Боденштедта — „Русская Старина“, т. VII, № 3, стр. 395—402.

292) *Гробъ Оссиана* — тамъ же, т. VII, № 4, стр. 562.

293) *Юношеская повесть* (со стихотворениями „Воетъ вѣтеръ“ и „Моя мать родная“ и „Воетъ вѣтеръ“) — „Вѣстникъ Европы“ № 10, стр. 458—557.

294) *Стансы* („Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ“) — „Сочиненія Л—ва“, изданіе 1873 г., т. II, стр. 501.

1875.

295) *Въ альбомъ Н. И. Поливанову* — „Русская Старина“, т. XII (№ 4), стр. 812.

296) *Маскарадъ* (новое изданіе по рукописи автора, окончательно имъ отдѣланное) — тамъ же, т. XIV (№ 9), стр. 3—56.

297) * * * „Свершить блистательную тризну“ — тамъ же, стр. 58.

298) * * * „Расписку просишь ты, гусарь“ (отрывокъ) — тамъ же, стр. 59.

299) *Эпиграмма на Кукольника* — тамъ же, стр. 59.

300) *Письмо Л—ва къ Поливанову* — тамъ же, стр. 59.

301) „*Безумецъ я. Вы правы, правы*“ („Толпѣ“) — „Саратовскій справочный листокъ“, № 246, стр. 1.

302) *Тростникъ* — тамъ же.

303) *Первая любовь* — тамъ же, № 256.

304) „*Я видѣлъ разъ ее*“ — тамъ же.

305) *Звуки* — тамъ же.

306) *Пысля* („Что въ полѣ за пыль пылить“) — тамъ же.

1876.

307) „*Смѣло вѣрь тому, что вѣчно*“. — „Саратовскій справочный листокъ“, № 1, стр. 1.

308) *Къ * * ** („Печаль въ моихъ пѣсняхъ“) — тамъ же.

309) *Къ * * ** („Прости! мы не встрѣтимся болѣ“) — тамъ же.

310) „*Слова разлуки повторя*“ — тамъ же.

311) „*Она не гордой красотой*“ — тамъ же.

312) *Баллада* („Куда такъ проворно“) — тамъ же.

313) *Гусарь* — тамъ же.

314) „*На сажеряныя шпоры*“ — тамъ же.

315) „*Пускай поэта обвиняютъ*“ — тамъ же, № 43.

316) *Завѣщаніе* („Есть мѣсто“) — тамъ же.

317) *Романъ* („Ты идешь на поле битвы“) — тамъ же.

318) *Къ * * ** („Оставь напрасныя заботы“) — тамъ же.

319) *Азраиль* — тамъ же.

1877.

320) *Письмо Л—ва къ Е. А. Арсеневой отъ 1837 г.* — Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1875 г., стр. 107—108.

321) *Гошпиталь* — „*Erot Russe. Русскій эротъ. Не для дамъ*“, стр. 3—9.

322) *Тизетаузену* — тамъ же, стр. 9.

323) *Ода къ и . . . къ* — тамъ же, стр. 10—11.

1880.

324) *Аллѣевой* — „Сочиненія Лермонтова“, т. II, стр. 70.

325) *Menschen und Leidenschaften* — „Юношескія драмы М. Ю. Л—ва“, стр. 129—195.

326) „Плачь, плачь, Израиля народъ“ — тамъ же, стр. 318.

327) *Изъ Паткуля* — тамъ же, стр. 321.

1881.

328) „Кто въ утро зимнее“ — „Русь“ № 10, стр. 21.

329) *Наполеонъ* („Гдѣ бьетъ волна“) — „Русская Мысль“, № 11, стр. 152.

330) *Наполеонъ* („Въ невѣрный часъ“) — тамъ же, стр. 152—154.

331) *Эпитафія Наполеону* — тамъ же, стр. 154.

332) Надпись на юношескомъ альбомѣ: „Владѣльца книги сей“ — тамъ же, № 12, стр. 4.

333) *Портретъ* („Довольно толстъ“) — тамъ же, стр. 5.

334) *Портретъ* („Лукавъ, завистливъ“) — тамъ же, стр. 5.

335) „Все въ мирѣ суета“ — тамъ же, стр. 5.

336) „Всегда отъ съ улыбкой веселой“ — тамъ же, стр. 5—6.

337) „Онъ любимецъ мялкой мни“ — тамъ же, стр. 6.

338) *Эпиграмма* („Дамонъ, нашъ врачъ“) — тамъ же, стр. 6.

339) *Къ друзьямъ* — тамъ же, стр. 12.

340) *Сабурову* — тамъ же, стр. 12—13.

341) *Эпиграмма* („Есть люди странные“) — тамъ же, стр. 13.

342) *Баллада* („Въ избушкѣ позднею порою“) — тамъ же, 20—21.

343) „Ты слишкомъ для невинности мила“ — тамъ же, стр. 30.

1882.

344) *Клиппа Лиювская* — „Русскій Вѣстникъ“, т. CLVII (№ 1), стр. 120—181.

345) „Служу я въ комнатѣ старинной“ — „Русская Мысль“, № 2, стр. 167.

346) *Дереву* — тамъ же, стр. 170.

347) *Эпитафія плодовитого писака* — тамъ же, стр. 172.

348) „Все тихо“ — тамъ же, стр. 172.

349) *Сабуровой* — тамъ же, стр. 173.

350) *Уваровой* — тамъ же, стр. 173.

351) *Щербатовой* („Повѣрю-ль я“) — тамъ же, стр. 174.

352) „Предъ мной готическое зданье“ — тамъ же, стр. 179—180.

353) „Пора уснуть послѣднимъ сномъ“ — тамъ же, стр. 180.

354) *Письмо Л—ва къ А. М. Верещиной* отъ 1835 г. (Отрывокъ) — „Русскій Вѣстникъ“, т. CLVIII (№ 3), стр. 337—339—342.

355) *Письмо Л—ва къ Раевскому*. (Отрывокъ) — тамъ же, стр. 346.

356) *Гость* („Кларису юноша любилъ“) — „Русская Старина“, т. XXXV (№ 8), стр. 389—390.

357) „Non, si j'en crois ton espérance“ — тамъ же, стр. 391.

358) *Письмо Л—ва къ Е. А. Арсѣевой* отъ 1836 г. — „Сочиненія Лермонтова“, т. I, стр. 540.

359) *Письмо Л—ва къ Е. А. Арсѣевой* отъ 18 іюля 1837 г. — тамъ же, стр. 540—541.

1883.

360) *Парижъ 30 іюля 1830 года* — „Русская Мысль“ № 4, стр. 54.

361) „Сыны ситовъ, сыны славянъ“ — тамъ же, стр. 55—56.

- 362) *Чума въ Саратовъ* — тамъ же, стр. 76—77.
363) *Чума* — тамъ же, стр. 77—78.
364) *Письмо Л—ва къ А. М. Верещаиной* отъ 1832 г. (Отрывки) — тамъ же, стр. 72—73, 83.

1884.

- 365) *Письмо Л—ва къ А. А. Лопухину* отъ 4 ноября 1840 г. (Отрывокъ). — „Русская Старина“, т. XL1 (№ 1), стр. 86.
366) *Письмо Л—ва къ А. А. Лопухину* отъ 12 сентября 1840 г. — тамъ же, стр. 90.
367) *Одиночество* — „Нива“, № 12, стр. 270.
368) *Къ другу* („Забудь опять“) — „Русская Мысль“, № 4, стр. 59—60.
369) *„Измученный тоскою и недугомъ“* — тамъ же, стр. 60.
370) *Письмо Л—ва къ Раевскому* отъ 16 января 1836 г. — „Русская Старина“, т. XLII (№ 5), стр. 388—389.
371) *Письмо Л—ва къ Раевскому* отъ 1837 г. — тамъ же, стр. 390.

1885.

- 372) *„Н. П. Верзилиной“* — „Нива“, № 7, стр. 167.

1886.

- 373) *Письмо Л—ва къ М. А. Шанъ-Гирей* отъ 1829 г. — „Русская Старина“, т. L (№ 5), стр. 442.

1887.

- 374) *Показаніе Л—ва* по поводу стихотворенія „Смерть поэта“ — „Вѣстникъ Европы“, № 1, стр. 340—342.
375) *Письмо Л—ва къ Ѳ. Б. Опочинину* отъ 3 апрѣля 1840 г. — „Сочиненія Лермонтова“, т. I, стр. 475.
376) *Письмо Л—ва къ Великому Князю Михаилу Павловичу* — тамъ же, стр. 483—484.
377) *Къ * * ** („Не говори: однимъ высокимъ“) — тамъ же, т. II, стр. 83.
378) *Мал 16 числа* („Предчувствіе“) — тамъ же, стр. 89.
379) *„Не удалось мнѣ сжать руки твоей“* — тамъ же, стр. 146.
380) *„Je l'attends dans la plaine sombre“* — „Русская Старина“, т. LIV (№ 5), стр. 405—406.
381) *Исповѣдь* („День гасъ“) — тамъ же, т. LVI (№ 10), стр. 112—119.
382) *„Прощай, немытая Россія“* — тамъ же (№ 12), стр. 738—739.

1889.

- 383) *Письмо Л—ва къ М. А. Шанъ-Гирей* отъ 1831 г. — „Русская Старина“, т. LXI (№ 1), стр. 165—166.
384) *Потокъ* — „Сѣверный Вѣстникъ“, № 1, стр. 9.
385) *Къ * * ** („О, полно извинять развратъ“) — тамъ же, стр. 10.

- 386) *Ночь* („Въ чугунокъ печальный сторожъ бьетъ“) — тамъ же, стр. 10—11.
- 387) „Унылый колокола звонъ“ — тамъ же, стр. 11—12.
- 388) *Изъ Андрел Шенье* — тамъ же, стр. 12—13.
- 389) *Сосѣдъ* („Погаснулъ день“) — тамъ же, стр. 13.
- 390) *1831 г. Января . . .* — тамъ же, стр. 15.
- 391) *Вечеръ* — тамъ же, стр. 15—16.
- 392) „Хоть давно измѣнила мнѣ радость“ — тамъ же, стр. 16.
- 393) *Стансы* („Не могу на родинѣ томиться“) — тамъ же, стр. 16—17.
- 394) „Больши въ груди моей“ — тамъ же, стр. 17—18.
- 395) *Къ * * ** („Не ты, но судьба виновата была“) — тамъ же, стр. 18—19.
- 396) *Къ себѣ* — тамъ же, стр. 19.
- 397) „Душа моя должна прожить въ земной неволѣ“ — тамъ же, стр. 19.
- 398) *Звуки и взоръ* — тамъ же, стр. 20.
- 399) *Къ * * ** (Дай руку мнѣ“) — тамъ же, стр. 20.
- 400) *Сжеть* — тамъ же, стр. 20.
- 401) *Къ * * ** („Мы случайно сведены судьбою“) — тамъ же, стр. 21—22.
- 402) „Послушай, быть можетъ, когда мы покинемъ“ — тамъ же, стр. 22.
- 403) *Подражаніе Байрону* — тамъ же, № 2, стр. 121.
- 404) *Арфа* — тамъ же, стр. 122.
- 405) *Сонъ* („Я видѣлъ сонъ“) — тамъ же, стр. 122—123.
- 406) *Смерть* („Оборвана цѣпь жизни“) — тамъ же, стр. 123—124.
- 407) *Смерть* („Ласкаемый цвѣтущими мечтами“) — тамъ же, стр. 124—127.
- 408) *Стансы* („Мнѣ любить до могилы“) — тамъ же, стр. 127.
- 409) *Надежда* — тамъ же, стр. 127—128.
- 410) *Къ * * ** („О, не скрывай“) — тамъ же, стр. 128.
- 411) *Къ * * ** („Мой другъ, напрасное старанье“) — тамъ же, стр. 128—129.
- 412) *Гроза* — тамъ же, стр. 129—130.
- 413) *Къ * * ** („Не медли въ дальней сторонѣ“) — тамъ же, стр. 130.
- 414) *Демонъ* — „Русскій Вѣстникъ“, т. ССІ (№ 3), стр. 411—425.
- 415) *Венеція*. — „Сѣверный Вѣстникъ“, № 3, стр. 81—82.
- 416) *Ночь* („Одинъ я въ тишинѣ ночной“) — тамъ же, стр. 83—84.
- 417) *Къ Дурнову* — тамъ же, стр. 84.
- 418) „На темной скалѣ“ — тамъ же, стр. 84.
- 419) *Писья* („Не знаю, обмануть ли былъ я“) — тамъ же, стр. 85.
- 420) *Прощанье* („Прости, прости“) — тамъ же, стр. 85—86.
- 421) *Осень* — „Сочиненія М. Ю. Л.—ва“ подъ редакц. П. В. Висковатова, т. I, стр. 1.
- 422) *Заблужденіе кутидона* — тамъ же, т. I, стр. 1.
- 423) *Къ друзьямъ* — тамъ же, т. I, стр. 25—26.
- 424) *Къ П . . . ну* — тамъ же, т. I, стр. 26.
- 425) *Къ Д . . . ву* — тамъ же, т. I, стр. 27.
- 426) *Посвященіе NN* („Вотъ, другъ, плоды моей небрежной музы“) — тамъ же, т. I, стр. 22—23.
- 427) *Веселый часъ* — тамъ же, т. I, стр. 24—25.
- 428) *Эпиграмма* („Дуракъ и старая кокетка“) — тамъ же, т. I, стр. 27.
- 429) *Мадригалъ* — тамъ же, т. I, стр. 27.
- 430) *Романсъ* („Коварной жизнью недовольный“) — тамъ же, т. I, стр. 28.

- 431) *Покаяніе* — тамъ же, т. I, стр. 32—33.
- 432) *Война* — тамъ же, т. I, стр. 35—36.
- 433) *Пѣсня* („Свѣтлый призракъ“) — тамъ же, т. I, стр. 37.
- 434) *Романсъ* („Невинный нѣжною душою“) — тамъ же, т. I, стр. 38.
- 435) *Эпиграмма* („Тотъ самый человекъ пустой“) — тамъ же, т. I, стр. 39.
- 436) *Эпиграмма* („Аминтъ твой на глупца походить“) — тамъ же, т. I, стр. 40.
- 437) *Наполеонъ* („Гдѣ бьетъ волна“) — полный текстъ — тамъ же, т. I, стр. 362—364.
- 438) *Къ Н. Н.* („Не играй моей тоской“) — тамъ же, т. I, стр. 42.
- 439) *Черкешенка* — тамъ же, т. I, стр. 42—43.
- 440) *Отвѣтъ* („Кто муки зналъ“) — тамъ же, т. I, стр. 43.
- 441) *Жена съвера* — тамъ же, т. I, стр. 46, а также въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, № VIII, стр. 6.
- 442) *Элегія* („● если-бъ дни мои текли“).— „Сочиненія М. Ю. Л—ва“ подь редакціей Висковатова, т. I, стр. 9.
- 443) „Глядися чаще въ зеркала“ — тамъ же, т. I, стр. 20.
- 444) *Въ день рожденія NN* — тамъ же, т. I, стр. 27.
- 445) „Мы снова встрѣтились съ тобой“ — тамъ же, т. I, стр. 21.
- 446) *Олего* — тамъ же, т. I, стр. 17—20.
- 447) *Венеція* — тамъ же, т. I, стр. 139—140, а также въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ № III, стр. 81—82.
- 448) „Когда послѣднее мновенье“ — „Сочиненія М. Ю. Л—ва“ подь редакц. Висковатова, т. I, стр. 75.
- 449) *Портретъ* („Взгляни на этотъ ликъ“) — тамъ же, т. I, стр. 48.
- 450) *Павлову* — тамъ же, т. I, стр. 58.
- 451) *Бартеневой* — тамъ же, т. I, стр. 55—56.
- 452) *Крапоткиной* — тамъ же, т. I, стр. 56.
- 453) *Солнце* — тамъ же, т. I, стр. 60.
- 454) „Я счастливъ. Тайный ядъ“ — тамъ же, т. I, стр. 60.
- 455) *Процаніе* („Не уѣзжай“) — тамъ же, т. I, стр. 62—63.
- 456) „Девятый часъ, ужъ темно“ — тамъ же, т. I, стр. 63—64.
- 457) *Опасеніе* — тамъ же, т. I, стр. 76—77.
- 458) *Стансы* („Люблю, когда, борясь съ душою“) — тамъ же, т. I, стр. 77.
- 459) *Ночь I* („Я зрѣлъ во снѣ“) — тамъ же, т. I, стр. 361—362.
- 460) *Разлука* — тамъ же, т. I, стр. 82—83.
- 461) „Въ старинны годы жили-были“ — тамъ же, т. I, стр. 85.
- 462) *Совѣтъ* — тамъ же, т. I, стр. 87—88.
- 463) *Гроза* — тамъ же, т. I, стр. 90, и въ „Сѣверн. Вѣстн.“, № II, стр. 129 (безъ послѣдней строфы).
- 464) *Звѣзда* („Свѣтись, свѣтись“) — „Сочиненія М. Ю. Л—ва“ подь ред. Висковатова, т. I, стр. 91.
- 465) *Къ глупой красавицѣ* („Тобой плѣняться“) — тамъ же, т. I, стр. 95.
- 466) *Вечеръ постъ дожда* — тамъ же, т. I, стр. 92, и въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, № VIII, стр. 5.
- 467) *Очи NN* — „Сочиненія М. Ю. Л—ва“ подь ред. Висковатова, т. I, стр. 95.

- 468) *Кавказу* („Кавказъ, далекая страна“) — тамъ же, т. I, стр. 96.
- 469) *Утро на Кавказъ* — тамъ же, т. I, стр. 96.
- 470) *Крестъ на скаль* — тамъ же, т. I, стр. 57—58.
- 471) *Стансы* („Я не крушуся о быломъ“) — тамъ же, т. I, стр. 97.
- 472) „*Прости, мой другъ*“ — тамъ же, т. I, стр. 98.
- 473) *Челнокъ* („Воетъ вѣтеръ“) — тамъ же, т. I, стр. 98—99, и въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, № VIII, стр. 3.
- 474) *Отрывокъ* („На жизнь надѣяться страшась“) — полный текстъ въ „Сочин. М. Ю. Л.—ва“ подъ редакц. Висковатова, т. I, стр. 99—101.
- 475) *Къ . . .* („Простите мнѣ“) — тамъ же, т. I, стр. 103—104.
- 476) *Ночь III* („Темно. Все спить“) — тамъ же, т. I, стр. 104.
- 477) *Кладбище* — тамъ же, т. I, стр. 107—108, и въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ № VIII, стр. 3—4.
- 478) *Гость* („Какъ прошлецъ иноплеменный“) — „Сочиненія М. Ю. Л.—ва“ подъ редакц. Висковатова, т. I, стр. 109—110.
- 479) *Мая 16 числа* — полный текстъ, тамъ же, т. I, стр. 112, и въ „Сѣв. Вѣстн.“ № VIII, стр. 4—5.
- 480) *Эпитафія* (Утонувшему игроку) — „Сочиненія М. Ю. Л.—ва“ подъ редакц. Висковатова, т. I, стр. 113.
- 481) *Булеваръ* — тамъ же, т. I, стр. 119—121.
- 482) *Къ * * ** („Не говори, — я трусь, глупецъ“) — тамъ же, т. I, стр. 132.
- 483) *Ночь IV* („Одинъ я въ тишинѣ ночной“) — тамъ же, т. I, стр. 129—130, и въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, № 3, стр. 83—84.
- 484) *Глупой красавицѣ* (Амуръ спросилъ меня однажды“) — „Сочиненія М. Ю. Л.—ва“ подъ редакц. Висковатова, т. I, стр. 130.
- 485) „*Нерядко люди и брали*“ — тамъ же, т. I, стр. 134.
- 486) *Романсъ* („Въ тѣ дни, когда ужъ нѣтъ надеждъ“) — тамъ же, т. I, стр. 134.
- 487) *Подражаніе Байрону* („Не смѣйся, другъ“) — тамъ же, т. I, стр. 140—141, и „Сѣверный Вѣстникъ“, № II, стр. 121.
- 488) *Къ Дурново* („Довольно любилъ я“) — „Сочиненія“ Лермонтова подъ редакц. Висковатова, т. I, стр. 141, и „Сѣверный Вѣстникъ“ № III, стр. 84.
- 489) *Арфа* — тамъ же, т. I, стр. 142, и № II, стр. 122.
- 490) „*На темной сколь надъ шумлицимъ Дмитромъ*“ — тамъ же, т. I, стр. 142, и № III, стр. 84.
- 491) *Пьсня* („Не знаю, обмануть ли былъ я“) — тамъ же, т. I, стр. 145 и № III, стр. 85.
- 492) *Пиръ Асмодея* — тамъ же, т. I, стр. 145—147, и № VIII, стр. 6—8.
- 493) *Сонъ* („Я видѣлъ сонъ“) — тамъ же, т. I, стр. 147—148, и № II, стр. 122—123.
- 494) „*О, помлю извинять разоратъ*“ — тамъ же, т. I, стр. 149, и № I, стр. 10.
- 495) *Прощанье* („Прости, прости“) — тамъ же, т. I, стр. 149—150, и № III, стр. 85—86.
- 496) *Смерть* („Оборвана цѣпь жизни молодой“) — тамъ же, т. I, стр. 151, и № 2, стр. 123.
- 497) *Мой домъ* — тамъ же, т. I, стр. 156, и № III, стр. 88.

- 498) *Смерть* („Ласкаемый цвѣтущими мечтами“) — тамъ же, т. I, стр. 79—82, и № II, стр. 124—127.
- 499) *Стансы* („Мнѣ любить до могилы“) — тамъ же, т. I, стр. 157, и № II, стр. 127.
- 500) *Русская тѣня* — тамъ же, т. I, стр. 212, и № III, стр. 91.
- 501) *1831 г., января* — тамъ же, т. I, стр. 158, и № I, стр. 15.
- 502) *Къ дѣвѣ небесной* — тамъ же, т. I, стр. 179, и № VIII, стр. 8—9.
- 503) *Надежда* — тамъ же, т. I, стр. 185, и № II, стр. 127—128.
- 504) *Къ * * ** („О, не скрывай!“) — тамъ же, т. I, стр. 196, и № II, стр. 128.
- 505) *Солнце осени* — тамъ же, т. I, стр. 203—204, и № III, стр. 88—89.
- 506) *Потокъ* — тамъ же, т. I, стр. 204, и № I, стр. 9.
- 507) *Къ * * ** („Не ты, но судьба виновата была“) — тамъ же, т. I, стр. 205, и № I, стр. 18—19.
- 508) *Ночь* („Въ чугуунъ печальный сторожъ бьетъ“) — тамъ же, т. I, стр. 206, и № I, стр. 10—11.
- 509) *Къ себѣ* — тамъ же, т. I, стр. 207, и № I, стр. 19.
- 510) *„Душа моя должна прожить въ земной неволе“* — тамъ же, т. I, стр. 207, и № I, стр. 19.
- 511) *Слава* — тамъ же, т. I, стр. 209, и № I, стр. 11—12.
- 512) *„Унылый колокола звонъ“* — тамъ же, т. I, стр. 210—211, и № I, стр. 11—12.
- 513) *Пѣсня* („Колоколь стонетъ“) — тамъ же, т. I, стр. 208, и № III, стр. 89.
- 514) *Вечеръ* — тамъ же, т. I, стр. 210, и № I, стр. 15—16.
- 515) *„Хоть давно измѣнила мнѣ радость“* — тамъ же, т. I, стр. 211, и № I, стр. 16.
- 516) *Звуки и взоръ* — тамъ же, т. I, стр. 212—213, и № I, стр. 20.
- 517) *Земля и небо* — тамъ же, т. I, стр. 213, и № III, стр. 92.
- 518) *„Дай руку мнѣ“* — тамъ же, т. I, стр. 213—214, и № I, стр. 20.
- 519) *Изъ Андрея Шенье* — тамъ же, т. I, стр. 214, и № I, стр. 12—13.
- 520) *Къ * * ** („Не медли въ дальной сторонѣ“) — тамъ же, т. I, стр. 215, и № II, стр. 130.
- 521) *Сосѣдъ* („Погаснулъ день“) — тамъ же, т. I, стр. 215—216, и № I, стр. 13.
- 522) *Стансы* („Не хочу на родинѣ томиться“) — тамъ же, т. I, стр. 216—217, и № I, стр. 16—17.
- 523) *Мой демонъ* — тамъ же, т. I, стр. 217—218, и № I, стр. 13—14.
- 524) *Сонетъ* — тамъ же, т. I, стр. 220, и № I, стр. 21.
- 525) *„Больше въ груди моей“* — тамъ же, т. I, стр. 220, и № I, стр. 17—18.
- 526) *Къ * * ** („Мы случайно сведены судьбою“) — тамъ же, т. I, стр. 221, и № I, стр. 21—22.
- 527) *„Почтлуями прежде считалъ“* — тамъ же, т. I, стр. 221, и № III, стр. 93.
- 528) *„Послушай: быть можетъ“* — тамъ же, т. I, стр. 222, и № I, стр. 22.
- 529) *Къ Н. И.* („Я не достоинъ, можетъ быть“) — „Сочин. М. Ю. Л.—ва“ подъ редакц. Висковатова, т. I, стр. 187—188.
- 530) *„Прекрасны вы, поля земли родной“* — тамъ же, т. I, стр. 191.
- 531) *„Забывши волненія жизни мятежной“* — тамъ же, т. I, стр. 9.
- 532) *Въ альбомѣ* („Прими, хотя и безъ вниманья“) — тамъ же, т. I, стр. 89.

533) *Письма* („Ликуйте, друзья“) — тамъ же, т. I, стр. 176.

534) *„Кто видѣлъ Кремль“* — тамъ же, т. I, стр. 194.

1891.

535) *Черкесы* (полный текстъ) — „Сочиненія М. Ю. Л—ва“, подъ редакц. П. В. Висковатова, т. III, стр. 164—172, и А. И. Введенскаго, т. II, стр. 312—317.

536) *Кавказскій плытникъ* (полный текстъ) — въ тѣхъ же изданіяхъ, т. III, стр. 152—163, и т. II, стр. 317—329.

537) *Джюльо* (полный текстъ) — въ тѣхъ же изданіяхъ, т. III, стр. 184—199, и т. II, стр. 336—346.

538) *Отрывокъ* („Примѣтивъ юной дѣвы грудь“) — „Полное собраніе сочиненій М. Ю. Л—ва“, подъ редакц. Арс. И. Введенскаго, т. I, стр. 187.

539) *„Случалось, съ вихремъ и грозой“* — тамъ же, т. I, стр. 190.

1908.

540) *Смерть поэта* (черновой автографъ) „Пушкинъ и его современники“, вып. VIII, стр. 37—39.

1910.

541) *Дѣтъ невольницы* — „Академическая Библиотека Русскихъ Писателей“ — „Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова“, т. I, стр. 186—188.

542) *Черныя очи* — тамъ же, т. I, стр. 188.

543) *Къ * * ** („Когда твой другъ съ пророческой тоскою“) — тамъ же, т. I, стр. 188—189.

544) *Послѣдній смѣхъ вольности* — тамъ же, т. I, стр. 225—253.

Обзоръ изданій сочиненій М. Ю. Лермонтова.

1840.

Герой Нашего Времени. Сочиненіе М. Лермонтова. Ч. I—II. С.-Пб. Въ типографіи Ильи Глазунова и К^о.

(Критико-библіографическія статьи и замѣтки см.: „Литературная Газета“ 1840 г., №№ 34 и 42; „Отечествен. Записки“ 1840 г., т. X—XI, №№ 5—8; „Библиотека для чтенія“ 1840 г., т. XXXIX, отд. VI, стр. 17; „Современникъ“ 1840 г., т. XIX, отд. III, стр. 138—139; „Сынъ Отечества“ 1840 г., т. II, отд. VI, стр. 856—857; „Маякъ“ 1840 г., ч. IV, V и IX; „Сѣверная Пчела“ 1840 г., №№ 246, 271, 284 и 285; „Москвитянинъ“ 1841 г., ч. 1, № 2, стр. 515—538; „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1841 г., ч. XXXI, отд. VI, стр. 3—8).

Стихотворенія М. Лермонтова. С.-Пб. Въ типографіи И. Глазунова и К^о. Въ этотъ сборникъ, приготовленный къ печати самимъ поэтомъ, вошли слѣдующія произведенія: I. Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова. II. Бородино. III. Узникъ. IV. Молитва. V. Дума. VI. Русалка. VII. Вѣтка Палестины. VIII. Не вѣрь себѣ. IX. Еврейская мелодія. X. Въ альбомѣ. XI. Три пальмы. XII. Молитва. XIII. Дары Терека. XIV. Памяти А. И. О-го. XV. 1-е Января. XVI. Казачья колыбельная пѣсня. XVII. Журналистъ, Читатель и Писатель. XVIII. Воздушный корабль. XIX. И скучно, и грустно. XX. Ребенку. XXI. Отъ чего. XXII. Благодарность. XXIII. Изъ Гёте. XXIV. Мцыри. XXV. Когда волнуется желтѣющая нива. XXVI. Сосѣдъ. XXVII. Разстались мы; но твой портретъ. XXVIII. Тучи.

(Критико-библіографическія статьи и замѣтки см.: „Отечествен. Записки“ 1840 г., т. XIII (№ 11) и 1841 г., т. XIV (№ 2) и XVII (№ 8); „Библиотека для чтенія“ 1840 г., т. XLIII, отд. VI, стр. 1—11; „Маякъ“ 1840 г., ч. XII—4, стр. 149—171; „Современникъ“ 1841 г., т. XXI, отд. II, стр. 98—99; „Сынъ Отечества“ 1841 г., т. I, стр. 3—13; „Москвитянинъ“ 1841 г., ч. II, № 4, стр. 525—540; „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1841 г., ч. XXXII, отд. VI, стр. 28—32).

1841.

Герой Нашего Времени. Сочиненіе М. Лермонтова. Ч. I—II. Изданіе второе. С.-Пб. Въ типографіи И. Глазунова и К^о. (См. „Отечествен. Записки“ 1841 г., т. XV (№ 4), XVII (№ 8) и XVIII (№ 9).

Стихотворенія М. Лермонтова. Ч. I, II, III. С.-Пб. Въ типографіи И. Глазунова и Комп.

„Здѣсь, — читаемъ въ предисловіи „Отъ Издателей“, — собраны *все* стихотворенія, доселѣ напечатанныя въ разныхъ журналахъ и альманахахъ, равно какъ и тѣ изъ не напечатанныхъ, которыя только могли дойти до нашего свѣдѣнія. Вѣроятно, по выпускѣ этихъ трехъ частей, найдутся, современемъ, и другія произведенія поэта, еще намъ неизвѣстныя: мы также соберемъ ихъ въ отдѣльную книжку, которая будетъ продолженіемъ нынѣ издаваемыхъ, т. е. *четвертою* ихъ частію, и издается точно въ такомъ же видѣ, какъ и эти три... Общій энтузіазмъ, такъ быстро возбужденный въ русской публикѣ твореніями Лермонтова, убѣдительно доказываетъ, въ какой высокой степени оцѣнила она талантъ его, и какъ важно было бы для нея знать все, что сдѣлано юнымъ поэтомъ, такъ скоро похищеннымъ смертію у литературы, которая имѣетъ полное право гордиться имъ и считать его однимъ изъ благороднѣйшихъ своихъ представителей“.

Въ I и II части вошли извѣстныя въ то время лирическія стихотворенія и поэмы, а въ III — драма „Маскарадъ“. При III ч. дано „Оглавленіе стихотвореній М. Ю. Л-ва, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были написаны“.

Самымъ ожесточеннымъ нападкамъ изданіе подверглось въ „Библиотекѣ для чтенія“ (1843 г., т. LVI, ч. 2. Отд. VI, стр. 39—46). Критикъ видитъ въ издателяхъ враговъ славы поэта и называетъ ихъ Геростратами. „Я не знаю, какъ назвать иначе тѣхъ, которые, ради спекуляціи, нарушаютъ послѣднюю волю только что скончавшагося таланта, его литературное завѣщаніе. Лермонтовъ оставилъ завѣщаніе, утвержденное пятьюдесятью тысячами свидѣтелей. Это завѣщаніе — изданное имъ самимъ передъ смертію собраніе его стихотвореній... Въ немъ помѣстилъ онъ все, что считалъ достойнымъ себя и читателей изъ первыхъ своихъ опытовъ. Остальное онъ благо разумно передалъ забвенію. По какому же праву, едва закрылъ онъ глаза, спекуляція тотчасъ исторгаетъ изъ забвенія всѣ эти неудавшіяся, непризнанныя пробы юнаго пера, перемѣшиваетъ ихъ съ хорошими и признанными сочиненіями, составляетъ изъ этого безвкусную кашу, и издаетъ ее въ трехъ тетрадкахъ или, какъ говорится, въ высококомъ книгопродавческомъ слогѣ, въ трехъ *частяхъ*? Кто разрѣшилъ спекуляціи затмевать блескъ этого таланта тѣмъ, что онъ передъ кончиною старался самъ скрыть отъ публики? Что это такое? необдуманное-ли усердіе или коварная злоба?... Разобрать трудно: но, я думаю, тутъ нѣтъ ни усердія, ни злобы, а просто спекуляція. Новое изданіе! Три *части*, вмѣсто двухъ-съ! Портретецъ автора-съ! Пойдетъ!... Вотъ вся исторія“...

Особенно возмущаетъ критика появленіе въ печати драмы „Маскарадъ“. „Отстань, не срами насъ передъ людьми, не тревожь нашего вѣчнаго покоя! отвѣчаютъ тѣни великихъ писателей: мы — люди мертвы, мы — мертвыя души. „Мертвые!“ восклицаетъ спекуляція. А въ писаніи сказано: *мертвые бо сраму не имутъ*. Слѣдственно, я безъ спросу воспользуюсь всѣмъ, что скрываете, выскребу ножомъ всѣ журналы, всѣ портфели, всѣ столики, и буду торговать, не только вашими литературными грѣхами, но вашими любовными

записочками, счетами ваших прачек". . . Такимъ образомъ и драма Лермонтова увидѣла дневной свѣтъ. Самая хронологія ея, 1835 годъ, показывается, что это одинъ изъ первыхъ опытовъ еще совершенно неопытной юности. . . Несмотря на нѣсколько хорошихъ стиховъ, нельзя не признать этой драмы само-слабѣйшимъ опытомъ Лермонтова. Другія прибавленія къ первому изданію, вышедшему при жизни поэта, не лучше драмы. Но развѣ Лермонтовъ виноватъ этому? Само собою разумѣется, виновата спекуляція!

На иной точкѣ зрѣнія стоитъ критикъ „Литературной Газеты“ (1843 г., № 9, стр. 176—187). Онъ согласенъ, что „Лермонтовъ чувствовалъ въ себѣ много силы творческой, и не хотѣлъ являться въ свѣтъ съ произведеніями, которыя признавалъ ниже своего таланта, но теперь, когда поэтъ не стало, всякая строка его сдѣлалась драгоценною, и потому нельзя не поблагодарить издателей за то, что они собрали и издали *всю* стихотворенія Лермонтова, какія только могли достать. Конечно, странно, и даже непріятно поражаютъ васъ съ перваго раза въ книгѣ, которая называется „Стихотвореніями“ Лермонтова, между прекраснѣйшими созданіями поэта по мысли и выполненію, — нѣсколько посредственныхъ пьесъ, бѣдныхъ мыслью и чувствомъ, невыдержанныхъ, и такая драма, какъ „Маскарадъ“; но, размысливъ хорошенько, соглашаешься, что иначе не могло быть. Законъ постепенности такъ же необходимъ въ поэзіи, какъ и во всемъ; не вдругъ дѣлаются великими поэтами. Перечитавъ пьесы Лермонтова въ такомъ порядкѣ, какъ онѣ были написаны, вы ясно увидите каждую ступень лѣстницы совершенствованія, по которой шелъ поэтъ и на половинѣ которой остановила его неумолимая смерть“ . . .

Подобное читаемъ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Такіе поэты, какъ Лермонтовъ, бываютъ строже къ самимъ-себѣ, нежели самые строгіе и взыскательные ихъ критики. Къ тому же, передъ Лермонтовымъ лежалъ длинный и широкий путь будущей славы, и поэтъ гордо чувствовалъ въ себѣ прозябаніе сѣмянъ великихъ будущихъ твореній; отъ этого, естественно, онъ и не придавалъ слишкомъ большаго значенія своимъ первымъ опытамъ. Но неожиданная и преждевременная смерть поэта дала совсѣмъ другой оборотъ дѣлу, и издатели его стихотвореній не должны были, скажемъ болѣе, не имѣли права не собрать и не сдѣлать извѣстнымъ публикѣ всего написаннаго Лермонтовымъ, всего, что только могли они отыскать. . . Публика многого, слишкомъ многого лишилась бы, еслибъ издатели стихотвореній Лермонтова не сдѣлали извѣстными ей этихъ великихъ начатковъ будущей колоссальной славы будущаго великаго поэта“ . . . (1843 г. Т. XXVI. Отд. VI, стр. 1—2).

1843.

Герой Нашею Времени. Сочиненіе М. Лермонтова. Ч. I—II. Изданіе третье С.-Пб. Въ типографіи И. Глазунова и К^о.

(Критико-библиографическія замѣтки см.: „Отечествен. Записки“ 1844 г., т. XXXII, отд. VI, стр. 52—53; Библиотека для чтенія¹⁾ 1844 г., т. LXIII, ч. I, отд. VI, стр. 11—12; „Литературная Газета“ 1844 г., № 11, стр. 197—198; „Москвитянинъ“ 1844 г., ч. II, № 4).

1844.

Стихотворенія М. Лермонтова. Ч. IV. С.-Пб. Въ типографіи И. Глазунова и К^о.

Сюда вошла поэма „Измаилъ-Бэй“ и лирическія стихотворенія, напечатанныя въ „Отечествен. Запискахъ“ 1843—1844 годъ. (Критико-библиографическія замѣтки см.: „Литературная Газета“ 1844 г., № 44; „Маякъ“ 1844 г., ч. XVIII, кн. 36, стр. 56—57; „Библіотека для чтенія“ 1844 г., т. LXVII, ч. I, отд. VI, стр. 1—5; „Русскій Инвалидъ“ 1844 г., № 259; „Отечествен. Записки“ 1844 г., т. XXXVI и XXXVII, отд. VI, стр. 83 и 1—4; „Финскій Вѣстникъ“ 1845 г., т. I, стр. 54—56).

1847.

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія Лермонтова. Т. I—II. Изданіе Александра Смирдина. С.-Пб. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

Въ I т. вошли эпическія и лирическія произведенія, расположенныя, повидимому, безъ всякой системы, а во II — драма „Маскарадъ“ и проза. Съ текстуальной стороны изданіе менѣе исправно, чѣмъ предыдущія. (Критико-библиографическія замѣтки см.: „Литературная Газета“ 1847 г., № 44; „Финскій Вѣстникъ“ 1847 г., т. XXII, № 10, стр. 31—32).

1852.

Сочиненія Лермонтова. Т. I—II. Изданіе третье. С.-Пб. Въ типографіи И. Глазунова и К^о. Повидимому, перепечатка изданія Смирдина 1847 г. (Критико-библиографическія замѣтки см.: „Библіотека для чтенія“ 1852 г., т. CXIV, ч. II, отд. VI, стр. 68—72; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1852 г., № 156).

1856.

Сочиненія Лермонтова. Т. I—II. Изданіе четвертое, дополненное нѣсколькими стихотвореніями, непомѣщенными въ прежнихъ изданіяхъ. С.-Пб. Въ типографіи И. И. Глазунова и К^о. Перепечатка изданія 1852 г. Стихотворенія, не помѣщенныя въ прежнихъ изданіяхъ: *Морякъ, Къ Кавказу* (Посвященіе къ поэму „Демонъ“), *Къ Бухарову, Другое посвященіе къ поэму „Демонъ“, Отрывокъ изъ письма къ * * ** (С. А. Бахметевой), *Отрывокъ („На буйномъ пиршествѣ“)*. (Критико-библиографическія замѣтки см.: „Сѣверная Пчела“ 1856 г., № 103; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1856 г., № 133).

Демонъ. Поэма М. Ю. Лермонтова. Берлинъ. Изд. Fr. Schneider.

Демонъ. Восточная повѣсть, сочиненная М. Ю. Лермонтовымъ. Карлсруэ. Въ Придворной типографіи В. Гаспера.

1857.

Демонъ. Поэма М. Ю. Лермонтова. Изданіе второе (исправленное и дополненное). Берлинъ. Изд. F. Schneider.

Демонъ. Восточная повѣсть, сочиненная М. Ю. Лермонтовымъ. Карлсруэ. Въ Придворной типографіи В. Гаспера.

Ангель смерти. Восточная повѣсть. Сочиненіе М. Ю. Лермонтова. Карлсруэ. Въ Придворной типографіи В. Гаспера.

Сочиненія Лермонтова, приведенныя въ порядокъ и дополненыя С. С. Дудышкинымъ. Съ портретомъ поэта, гравированнымъ профессоромъ Э. Юрданомъ, и двумя снимками съ почерка Лермонтова. Т. I—II. С.-Пб. 80. XXIV+432 и XXII+700 стр. Изданіе книгопродавца А. И. Глазунова. При I т. вводная статья редактора „Вмѣсто предисловія“ (стр. VII—XXIV), а при II — „Материалы для біографіи и литературной оцѣнки Лермонтова“ (стр. VII—XXII). Въ изданіи принятъ хронологическій порядокъ, какъ „единственное средство для уясненія развитія таланта“, но съ подраздѣленіемъ всѣхъ произведеній на два „главные отдѣла“. „Первый отдѣлъ (и первый томъ), — читаемъ въ примѣчаніяхъ редактора къ I т. (стр. 422), — заключаетъ все то, что самъ Лермонтовъ печаталъ или признавалъ годнымъ къ печати; второй отдѣлъ (и томъ) будетъ заключать всѣ стихотворенія Лермонтова, отъ первыхъ попытокъ до полного образованія лермонтовскаго стиха и прозы. Найденныя нами тетради Лермонтова и многія новыя стихотворенія дѣлаютъ весь художническій, постепенно развивающійся трудъ Лермонтова, почти нагляднымъ и во многихъ случаяхъ замѣняютъ недостаточныя біографическія свѣдѣнія о поэтѣ“. Насколько искусственно и спорно принятое редакторомъ подраздѣленіе сочиненій Лермонтова, можно видѣть изъ того, что въ I т. не вошли „Хаджи-Абрекъ“, „Казначейша“ и „Маскарадъ“, хотя два первыхъ произведенія были напечатаны при жизни поэта, а драму „Маскарадъ“ Лермонтовъ настойчиво желалъ видѣть даже на сценѣ. Съ другой стороны, во II т. попало посвященіе къ „Демону“, напечатанному въ I т., и цѣлый рядъ произведеній 1840 г., которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отнесены къ „раннимъ“.

(Существенныя дополненія и поправки П. Ефремова въ „Библиографическ. Запискахъ“ 1861 г., №№ 3, 16, 18 и 20. Другія критико-библиографическія замѣтки см.: „Русск. Слово“ 1860 г., № 5, отд. II, стр. 55—59; „Русскій Вѣстникъ“ 1860 г., т. XXVI, № 8. Современ. Лѣтоп., стр. 383—388; „Сѣверная Пчела“ 1860 г., №№ 110 и 281; „Дамскій Вѣстникъ“ 1860 г., кн. I, стр. 108—110; „Библиотека для чтенія“ 1860 г., т. CLXI, № 9. Литерат. Лѣтопись, стр. 5—6; „Московскія Вѣдомости“ 1860 г., №№ 87 и 270; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1860 г., № 279; „Разсвѣтъ“ 1861 г., т. IX, № 2, стр. 17—30; „Русск. Вѣстникъ“ 1861 г., № 3. Современ. Лѣтопись, стр. 27—28; *Сочиненія Лермонтова* . . . подъ редакціей П. А. Ефремова. 1873 г. Т. I, стр. X—XI).

1861.

Стихотворенія Лермонтова. (Gedichte von Lermontoff). Т. I. Лейпцигъ. 160. 192 стр.

1862.

Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. (Соч. Лермонтова). С.-Пб. 120. 22 стр. Въ типогр. Н. П. Рейхельта.

Стихотворенія Лермонтова. (Gedichte von Lermontoff). Т. II. Лейпцигъ. 160. 311 стр. Перепечатка стихотвореній Петербургскаго изданія 1860 г.

Стихотворенія М. Ю. Лермонтова, не вошедшія въ послѣднее изданіе его сочиненій. Изд. Ф. Шнейдера. Берлинъ. 160. VIII+163 стр. (О стихотвореніяхъ, напечатанныхъ здѣсь впервые, см. выше).

1863.

Сочиненія Лермонтова, приведенныя въ порядокъ С. С. Дудышкинымъ. Изданіе второе, свѣренное съ рукописями, исправленное и дополненное; съ двумя портретами поэта и двумя снимками съ его почерка. Т. I—II. С.-Пб. 8^о. X + 664 и XLIX + 494 стр.

Общій планъ изданія нѣсколько измѣненъ, сравнительно съ предыдущимъ изданіемъ 1860 г. „*Первый отдѣлъ* (и томъ) заключаетъ всѣ стихотворенія Лермонтова, отъ первыхъ попытокъ до полного образованія лермонтовскаго стиха и прозы... Чтобы не перерывать рядъ мелкихъ стихотвореній большими произведеніями, мы сочли необходимымъ сдѣлать въ этомъ томѣ еще два подраздѣленія: въ одномъ собрали всѣ мелкія лирическія стихотворенія, а въ другомъ помѣстили драмы и поэмы. *Второй отдѣлъ* (и томъ) заключаетъ все то, что самъ Лермонтовъ печаталъ или признавалъ годнымъ къ печати. Сюда-же мы отнесли и тѣ немногія стихотворенія *послѣднихъ годовъ* его дѣятельности, которыя были: 1) пропущены въ изданіи 1840 г., 2) напечатаны самимъ Лермонтовымъ уже по выходѣ этого изданія и 3) напечатаны послѣ смерти поэта по его рукописямъ“. (*Примечанія* къ I т., стр. 651).

Что же касается отмѣчаемыхъ издателемъ (т. I, стр. III) новинокъ („Петергофскій Праздникъ“, „Уланша“, „Монго“, „Онъ былъ въ краю святомъ“, „Наводненіе“ и проч.), то всѣ онѣ появились въ печати раньше. (Критико-библиографическія статьи и замѣтки см.: „Русское Слово“ 1863 г., № 6, отд. II, стр. 13—28; „Современная Лѣтопись“ 1863 г., № 16).

1865.

Письма про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Съ 12 рисунками К. Г. Шарлеманя и новымъ портретомъ, гравирован. въ Лейпцигѣ. С.-Пб. 8^о. 39 стр. Изданіе книгопродавца А. И. Глазунова.

1866.

То же. Изданіе второе. 8^о. 28 стр.

1872.

То же. Изданіе третье. 8^о. 28 стр.

1873.

Сочиненія Лермонтова съ портретомъ его, двумя снимками съ почерка и статьею о Лермонтовѣ *А. Н. Пытина.* Изданіе третье, вновь свѣренное съ рукописями, исправленное и дополненное, подъ редакціей *П. А. Ефремова.* Т. I—II. С.-Пб. 8^о. XCVI + 404 и VII + 508 стр. Изданіе книгопродавца А. И. Глазунова.

Общій планъ изданія — тотъ, какой былъ принятъ въ изданіи 1860 г. „Мы имѣли въ виду, — заявляетъ новый редакторъ, — чтобы читатель прежде всего встрѣтился съ *тѣмъ* Лермонтовымъ, какимъ онъ самъ желалъ быть передъ обществомъ, и для этого назвали *первымъ томомъ* собраніе всѣхъ тѣхъ произведеній, которыя *самъ* Лермонтовъ печаталъ или признавалъ годными для печати, и къ нимъ добавили только немногія произведенія преимущественно *изъ двухъ послѣднихъ лѣтъ* его поэтической дѣятельности, произведе-

нія, которыя хотя и не были напечатаны при жизни самого поэта, но отличаются высокими достоинствами. Къ этому мы присоединили *письма* Лермонтова, не печатавшіяся въ прежнихъ изданіяхъ. За тѣмъ вся предварительная, внутренняя, такъ сказать, работа писателя — отъ первыхъ попытокъ почти ребенка до полного образованія Лермонтовскаго стиха и прозы — отнесена въ составъ *второго тома*. Сверхъ сочиненій, взятыхъ изъ подлинныхъ тетрадей покойнаго поэта, писанныхъ имъ еще во время пребыванія въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ и петербургской юнкерской школѣ (1828—1834 г.), въ составъ второго тома вошли и тѣ изъ его произведеній, которыя были напечатаны при его жизни, но помимо его желанія и *не внесены* имъ самимъ въ сдѣланное имъ въ 1840 г. изданіе его стихотвореній; а равно и тѣ, которыя были написаны имъ въ сравнительно позднѣйшую эпоху его дѣятельности, но не были имъ отданы въ печать“.

Объ искусственности и спорности такого плана мы уже говорили; еще бѣльшей непослѣдовательностью со стороны редактора является внесеніе въ I т. писемъ, которыхъ *самъ* Лермонтовъ и не печаталъ и не признавалъ годными къ печати.

Въ приложеніяхъ къ I т. напечатаны: 1) Списокъ сочиненій Лермонтова, составленный въ хронологическомъ порядкѣ ихъ напечатанія; 2) Списокъ статей и замѣтокъ о Лермонтовѣ и его сочиненіяхъ; 3) Списокъ портретовъ и рисунковъ.

(Критико-библіографическія замѣтки см.: „Вѣстникъ Европы“ 1873 г., т. VI, № 5; „Голось“ 1873 г., № 98; „Русская Старина“ 1873 г., т. VII, № 5; „Биржевыя Вѣдомости“ 1873 г., № 121; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1873 г., № 100).

1874.

Русская Библіотека. II. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.—Демонъ.—Ангель.—Русалка.—Сонъ.—Пѣсня про Калашникова.—Мцыри.—Бородино.—Сказка для дѣтей.—Дума.—Проза. Портреть. Біографія. Бѣлинскій о поэзіи Лермонтова. Печатано въ типографіи М. Стасюлевича. С.-Пб. 16°. LXXI+243 стр. (Критико-библіографическія замѣтки см.: „Вѣстникъ Европы“ 1874 г., № 6; „Голось“ 1874 г., № 134; „Русская Старина“ 1874 г., № 10; „Русскій Міръ“ 1874 г., № 140).

1875.

Стихотворенія М. Ю. Лермонтова, не вошедшія въ послѣднее изданіе его сочиненій. Изданіе второе. Berlin. 16°. VIII+163 стр.

Демонъ. Поэма М. Ю. Лермонтова. Lermontow, Dämon. Изданіе четвертое. Berlin. 8°. 72 стр.

Народная Читальня. Избранныя мѣста изъ сочиненій Лермонтова съ объясненіями и примѣчаніями. Пѣсня про Калашникова, Ангель, Бородино, Тамань и пр. Изданіе Народнаго Календаря. Кіевъ. 16°. 78 стр.

1876.

Русская Библіотека. Т. II. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Второе изданіе. С.-Пб. 16°. LXXI+243 стр.

Демонъ и запрещенныя стихотворенія М. Ю. Лермонтова. Первое полное изданіе. Лейпцигъ. Э. Л. Каспровичъ. 32°. 164 стр.

То же. Третье и четвертое полныя изданія *).

Стихотворенія Лермонтова. Т. I—II. Второе и третье полныя народныя изданія. Съ портретомъ автора. Лейпцигъ. Вольфгангъ Гергардъ. 160. 192 + 312.

Сочиненія Лермонтова съ портретомъ его, двумя снимками съ рукописи и биографическимъ очеркомъ. Изданіе четвертое, вновь свѣренное съ рукописями, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Т. I—II. С.-Пб. Изданіе книгопродавца Глазунова. 8°. XXXVI + 580. VII + 624 стр.

Общій порядокъ распредѣленія произведеній поэта оставленъ прежній, но въ частностяхъ сдѣланы нѣкоторыя перестановки, необходимыя для приданія болѣе точнаго хронологическаго порядка, на основаніи вновь открытыхъ рукописей и указаній. Во 2-мъ томѣ приняты также одинъ *общій* хронологическій порядокъ, съ уничтоженіемъ прежде бывшаго раздѣленія на два отдѣла — мелкихъ и крупныхъ произведеній, изъ которыхъ однако послѣднія отчасти заносились и въ первый отдѣлъ. Кромѣ того, изъ этого тома перенесены въ первый всѣ стихотворенія, написанныя въ послѣдніе годы жизни поэта, и поэма „Измаиль-Бей“. Вслѣдствіе этого во 2-мъ томѣ остались только юношескія произведенія, написанныя Лермонтовымъ еще въ пансіонѣ (1828—1831 г.) и затѣмъ въ школахъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (въ 1832—1834 г.), вовсе не предназначавшіяся къ печати. Такъ же оставлены и нѣсколько произведеній, написанныхъ вскорѣ по выходѣ изъ школы; а равно и тѣ произведенія, которыя впоследствии подвергались значительному исправленію, какъ напр. *Маскарадъ*. Не перенесена въ этотъ же томъ „Казначейша“, единственно потому, что поэма напечатана съ большими пропусками, а полной рукописи не удалось розыскать. (Ср. т. I, стр. VII—VIII). (Критико-библиографическія замѣтки см.: „Вѣстникъ Европы“ 1880 г., № 2; „Русская Старина“ 1880 г., т. XXVII, № 2; „Будильникъ“ 1880 г., № 7, стр. 195; „Россійская Библиографія“ 1880 г., № 53, стр. 13—14; „Кругозоръ“ 1880 г., № 2, стр. 15; „Новое Время“ 1880 г., № 1397, стр. 2—3; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1880 г., № 8; „Недѣля“ 1880 г., № 7, стр. 218—223; „Современность“ 1880 г., № 61).

Юношескія драмы М. Ю. Лермонтова. Изданы подъ редакціей П. А. Ефремова. С.-Пб. Изданіе книжнаго магазина „Новаго Времени“. 8°. II + 322 стр.

„Печатаемая нами юношескія драмы Лермонтова, — читаемъ въ предисловіи, — конечно, ничего не прибавятъ ни къ его извѣстности, ни къ его значенію, но онѣ важны, какъ матеріалъ для развитія его литературной дѣятельности и, кромѣ того, три послѣднія несомнѣнно заключаютъ въ себѣ многія авто-биографическія черты. До сихъ поръ въ полномъ составѣ, да и то по черновому неисправленному списку, была напечатана только одна драма „Станный человѣкъ“; изъ двухъ другихъ („Испанцы“ и „Два брата“) приводились только небольшіе отрывки, а четвертая: „Menschen und Leidenschaften“ — была извѣстна въ печати лишь по имени. . . Нечего и говорить, что каждая строка такого писателя, какъ Лермонтовъ, служащая къ разъясненію

*) Изданіе второе, безъ обозначенія года.

его личности или развитія его таланта, должна быть дорога для русской печати, и прискорбно было бы, еслибъ эти пьесы утратились, что легко могло случиться, потому что уже и теперь въ одной изъ нихъ недостаетъ послѣдняго листа, а у другой исчезло заглавіе, а можетъ быть и предисловіе или посвященіе“. (Стр. I). (Критико-библіографическія замѣтки см.: „Русскій Вѣстникъ“ 1880 г., № 11, стр. 386—394; „Россія“ 1880 г., № 64; „Россійская Библіографія“ 1880 г., № 71 (19); „Московскія Вѣдомости“ 1880 г., №№ 261 и 292; „Русь“ 1881 г., № 10; „Отечествен. Записки“ 1881 г., т. ССLIV, отд. II, стр. 206—211).

Переводъ 18 стихотвореній М. Ю. Лермонтова, сообщенныхъ на нѣмецкомъ языкѣ Фр. Боденштедтомъ. Переводъ П. Висковатова. Дерптъ. 16^о. 25 стр.

1881.

Письма про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Написана М. Ю. Лермонтовымъ. Съ 12 картинками и съ портретомъ Лермонтова. Изданье третье. С.-Пб. 8^о, 28 стр.

1882.

Сочиненія Лермонтова съ портретомъ его и двумя снимками съ рукописи. Изданіе пятое, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Т. I — II. С.-Пб. Изданіе книгопродавца Глазунова. 8^о. XXXVI + 628. VII + 664 стр.

Въ настоящее изданіе сочиненій Лермонтова внесены всѣ появившіяся въ печати послѣ изданія 1880 года существенныя поправки и дополненія. Общій порядокъ распредѣленія произведеній поэта оставленъ прежній, и только въ частностяхъ сдѣланы незначительныя перестановки, необходимыя для приданія болѣе точнаго хронологическаго порядка на основаніи новыхъ рукописей и указаній. Помѣстивъ въ приложеніи къ I тому повѣсть „Княгиня Лиговская“ и внеся во II томъ вновь открытую поэму „Сашка“, редакція, во избѣжаніе излишняго увеличенія размѣровъ и цѣны изданія, не рѣшилась, однако, перепечатать произведенія болѣе ранней поры, именно: дѣтскіе стихи, появившіеся въ „Русской Мысли“, и „юношескія драмы“ поэта, вышедшія въ 1880 году отдѣльной книжкою. Подробное изложеніе ихъ содержанія, наиболѣе характерныя отрывки и полный текстъ драмы „Маскарадъ“, печатавшіеся въ прежнихъ изданіяхъ, повторены и въ нынѣшнемъ. (Стр. VII).

(Критико-библіографич. замѣтку см. „Вѣстникъ Европы“ 1883 г., № 1).

1883.

Герой Нашего Времени. Романъ М. Лермонтова. Берлинъ. А. Дейбнеръ. 8^о. 222 стр.

1887.

Сочиненія Лермонтова съ портретомъ его и двумя снимками съ рукописи. Изданіе шестое, вновь исправленное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Т. I—II. С.-Пб. Изданіе книгопродавца Глазунова. 8^о.

Въ нынѣшнемъ изданіи сочиненій Лермонтова, — предупреждаетъ издатель, — всѣ его произведенія вновь были сличены, по возможности, съ подлинными рукописями и первоначально напечатаннымъ текстомъ. Затѣмъ, внесены изъ появившихся въ печати послѣ изданія 1882 года тѣ стихотворенія, которыя имѣютъ сколько-нибудь существенное значеніе для біографіи поэта

или для исторіи развитія его поэтической дѣятельности; письма дополнены новыми, а прежнія исправлены по рукописямъ. Общій порядокъ распредѣленія произведеній оставленъ прежній, и только въ частностяхъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія. Въ видахъ сокращенія размѣровъ изданія, выпущены двѣ неоконченныхъ повѣсти, какъ не представляющія существеннаго интереса для большинства читателей, и значительно сокращены отрывки изъ стихотвореній, написанныхъ поэтомъ въ юнкерской школѣ и вскорѣ по выходѣ изъ нея. (Стр. VII).

Сборникъ: „Изъ области русской словесности“. № 4. *Повѣсти М. Ю. Лермонтова.* Дерптъ. Изд. Э. Ю. Карова.

1888.

Сборникъ стихотвореній „Родные поэты“. Вып. I: М. Ю. Лермонтовъ. Москва. Изданіе типо-литографіи В. В. Васильева.

1889.

Сочиненія Лермонтова съ портретомъ его и двумя снимками съ рукописи. Изданіе седьмое, вновь исправленное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Т. I—II. С.-Пб. Изданіе книгопродавца Глазунова. 8^о. XXXVI + 555. VII + 536 стр.

„Въ нынѣшнемъ изданіи сочиненій Лермонтова, — пишетъ издатель, — мы повторили безъ перемѣнъ предыдущее изданіе, но всѣ произведенія поэта вновь были тщательно пересмотрѣны, при чемъ исправлены неточности и ошибки, вошедшія въ предшествовавшія изданія. Самый порядокъ распредѣленія произведеній также оставленъ прежній, и по прежнему же устранены изъ изданія всѣ юношескія произведенія Лермонтова, напечатанныя по выходѣ изданія 1882 г., не представляющія существеннаго значенія для біографіи поэта или для исторіи развитія его поэтической дѣятельности. Только необходимыя добавки, съ указаніями на нѣкоторыя изъ такихъ произведеній, внесены въ „примѣчанія“, помѣщенные въ концѣ каждого тома“. (Т. I, стр. VII).

1891.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова съ портретомъ его и біографическимъ очеркомъ. Въ одномъ томѣ. Изданіе Глазунова. С.-Пб. 8^о. 460 стр. (Цѣна съ пересылкою 1 р. 25 к.).

1889 — 1891.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Первое полное изданіе В. Θ. Рихтера подъ редакціей Пав. Ал. Висковатова. Т. I. Лирическія стихотворенія (XVIII + 381 стр.). Т. II. Поэмы (2 + 348 стр.). Т. III. Поэмы и бібліографія, составленная Н. Н. Буковскимъ (2 + 202 + 64 + XIII стр.). Т. IV. Драматическія произведенія (2 + 431 стр.). Т. V. Проза (2 + 442 стр.). Т. VI. Пав. Ал. Висковатый. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Жизнь и творчество. (6 + 454 + 25 стр.). Москва. 12^о (I, II и IV томы помѣчены 1889-мъ годомъ, а III и V — 1891-мъ).

„Безъ сомнѣнія, — читаемъ въ предисловіи редактора, — окажутся люди, готовые упрекнуть меня за то, что я печатаю каждую почти строчку, писанную поэтомъ, каждое несовершенное произведеніе юноши, которое самъ писатель не предалъ бы гласности. Но въ отвѣтъ на это я замѣчу: Кто-же мо-

жетъ взять на себя смѣлость сдѣлать выборку? Положимъ, можно сказать, что прямо хорошо и что плохо, но сколько произведеній занимаютъ середину между этими крайностями, и кто здѣсь судья? Самъ поэтъ—скажутъ мнѣ. Печатайте, что самъ онъ призналъ достойнымъ печати. Но поэтъ, въ изданіи, вышедшемъ при жизни его въ 1840 году, помѣстилъ лишь 28 своихъ стихотвореній, да затѣмъ еще нѣсколько въ періодическихъ изданіяхъ. Большинство произведеній вышло въ свѣтъ послѣ смерти его, и тутъ дѣлали выборку весьма произвольно и часто исправляли текстъ, не всегда къ выгодѣ произведеній. Если, слѣдовательно, останавливаться только на томъ, что печатано было при жизни поэта, то не должно выпускать въ свѣтъ такихъ вещей, какъ, напримеръ: Парусъ — На свѣтскія цѣпи... — Валерикъ — Слыну-ли голосъ твой — На сѣверѣ дальнемъ — Любовь мертвеца и т. д. Не слѣдовало бы печатать: Демона—Боярина Оршу—Измаила бея—Маскарада и проч. Зачѣмъ же въ прежнихъ изданіяхъ печаталось все это и многое другое въ отрывкахъ и съ искаженіями, что вмѣстѣ составляло два увѣсистыхъ тома? Кто судьи, дерзающіе такъ безцеремонно распоряжаться наслѣдіемъ великаго поэта? Когда разъ публикѣ все, что оставлено имъ, будетъ предложено во всей полнотѣ, и наука и искусство будутъ имѣть возможность располагать для своихъ цѣлей всѣмъ матеріаломъ, тогда только мыслимо взяться за изданіе избранныхъ сочиненій Лермонтова, и каждому будетъ дана возможность выбирать между ними, сообразуясь съ личнымъ вкусомъ... Въ настоящемъ случаѣ издатель задался мыслью выпустить *первое общедоступное полное собраніе сочиненій Лермонтова*... Пора же наконецъ представить на судъ публикѣ тщательное и полное собраніе величайшаго послѣ Пушкина русскаго поэта!... Матеріаль въ каждомъ томѣ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ... При опредѣленіи времени, когда написано то или другое стихотвореніе, брались въ соображеніе, кромѣ указаній самого Лермонтова: тщательное сравненіе почерковъ, бумага, свидѣтельства близкихъ къ поэту людей и т. п. По этому читатель найдетъ иногда сравнительно съ прежними изданіями существенную разницу и въ текстѣ и въ хронологіи". (Т. I, стр. III — VI).

Произведенія, впервые появившіяся въ изданіи Висковатова, отмѣчены выше. О текстуальныхъ и другихъ недочетахъ изданія см. статьи: А. Н. Пылина въ „Вѣстникѣ Европы“ 1891 г., сентябрь, стр. 341 — 365; А. И. Введенскаго въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1906 г., № 5, отд. 2, стр. 64—108; В. Якушкина въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1891 г., №№ 239 и 243. (Ср. также „Новое Время“ 1891 г., №№ 5527 и 5552; „Историч. Вѣстникъ“ 1891 г., октябрь, стр. 119—136; „Русская Мысль“ 1891 г., кн. VIII, стр. 337 — 340; „Книжки Недѣли“ 1891 г., № 9, стр. 135 — 145, и др.).

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Въ 4-хъ томахъ. Съ біографическимъ очеркомъ, факсимиле и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Маркса. 8^о. Томъ I. Стихотворенія (XIV + 282 стр.). Т. II. Поэмы (374 стр.). Т. III. Проза (272 стр.). Т. IV. Драмы (320 стр.).

„Въ распредѣленіи матеріала, — читаемъ въ предисловіи, — мы не рѣшились измѣнить — по нашему мнѣнію справедливому — принципу, примѣнявшемуся въ прежнихъ изданіяхъ. Дѣля сочиненія Лермонтова на 4 тома (Стихотворенія, Поэмы, Проза, Драмы), мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздѣлили томы на

части, помѣщая въ первыхъ частяхъ то, что составляетъ въ сочиненіяхъ Лермонтова истинное достоинство русской литературы, и относя ко вторымъ то, что имѣетъ значеніе второстепенное. Стихотворенія расположены нами въ каждой части въ хронологическомъ порядкѣ, по времени написанія. Внося въ наше изданіе все написанное Лермонтовымъ, мы не хотѣли выбросить немногія дѣйствительно слабыя, въ полномъ смыслѣ слова, произведенія. Въдѣ, и въ прежнихъ изданіяхъ было помѣщено не мало слабого (напр. „Недаромъ она не даромъ“), въ то время какъ пропускались стихотворенія прекрасныя и значительныя. Исключить что-либо въ полномъ изданіи значило-бы вырвать страницу изъ книги, къ явному нарушенію цѣлости послѣдней“. (Критико-библиографическія статьи и замѣтки см.: „Вѣстникъ Европы“ 1891 г., сентябрь, стр. 355—358; „Русскія Вѣдомости“ 1891 г., №№ 239 и 243; „Библиографич. Записки“ 1892 г., № 5, стр. 374—76; „Новое Время“ 1891 г., № 5537; „Книжки Недѣли“ 1891 г., сентябрь, стр. 140—141; К. Тр-н-кій. М. Ю. Лермонтовъ. Спб. 1855 г., стр. 41—44).

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Провѣренное по рукописямъ изданіе съ портретомъ автора, подъ редакціей и съ примѣчаніями И. М. Болдакова, бібліотекаря Императорской Публичной Библіотеки *). Т. I. Произведенія въ прозѣ, письма и примѣчанія (VIII + 459 стр.). Т. II. Лирическія стихотворенія, поэмы и примѣчанія (436 + IV стр.). Т. III. Драматическія произведенія и примѣчанія (492 стр.). Т. IV. Лирическія и эпическія произведенія первыхъ лѣтъ (438 стр.). Т. V. Юношескія произведенія, повѣсти, стихотворенія и біографія (372 стр.). Изданіе Елизаветы Гербекъ. Москва. 12^о.

Три первыхъ тома редактированы очень тщательно и снабжены историко-литературными примѣчаніями.

(Критико-библиографическія статьи и замѣтки см.: „Вѣстникъ Европы“ 1891 г., сентябрь, стр. 352—355; „Новое Время“, 1891 г., № 5552; „Историч. Вѣстникъ“ 1891 г., октябрь, стр. 132—135; „Русскія Вѣдомости“ 1891 г., № 239; „Книжки Недѣли“ 1891 г., № 9, стр. 139—140; К. Тр-н-кій. М. Ю. Лермонтовъ, стр. 44—47).

М. Ю. Лермонтовъ. Сочиненія. Художественное изданіе Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о и книжнаго магазина П. К. Прянишникова. Т. I—II. Москва. Больш. 8^о. VI + LIV + 140. VI + 220 стр. Рисунки художниковъ: И. К. Айвазовскаго, В. М. Васнецова, А. М. Васнецова, М. А. Врубеля, Е. Е. Волкова, Н. Н. Дубовскаго, С. В. Иванова, К. А. Коровина, В. К. Менка, В. Е. Маковскаго, В. Д. Полѣнова, Л. О. Пастернака, И. Е. Рѣпина, К. А. Савицкаго, В. А. Сѣрова, К. А. Трутовскаго, И. И. Шишкина. Текстъ вновь провѣренъ и исправленъ по рукописямъ поэта Н. Н. Буковскимъ, однимъ изъ основателей Лермонтовскаго музея. Статья: „М. Ю. Лермонтовъ“ написана Ив. Ив. Ивановымъ.

Что касается юношескихъ опытовъ поэта и произведеній „юнкерскаго періода“, то издатели рѣшили выдѣлить ихъ въ третій дополнительный томъ, присоединивъ сюда и переписку, — но томъ этотъ, насколько извѣстно, не являлся въ печати.

*) Изъ письма И. М. Болдакова въ № 266 „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1891 г. видно, что имъ редактированы только первый, второй и третій томы, и то съ оговоркой относительно послѣдняго, что корректура въ немъ читана не г. Болдаковымъ.

(Критико-библиографическія статьи и замѣтки см.: „Вѣстникъ Европы“ 1891 г., сентябрь, стр. 358 — 361; „Новое Время“ 1891 г., № 5552; „Историч. Вѣстникъ“ 1891 г., октябрь, стр. 135; „Русская Мысль“ 1891 г., августъ, стр. 341; „Книжки Недѣли“ 1891 г., сентябрь, стр. 144—145; „Русск. Вѣстн.“ 1893 г., июнь, стр. 323—336; К. Тр-н-кій. М. Ю. Л.—въ, стр. 25—26).

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Полное собраніе въ одномъ томѣ. Издано подъ редакціей А. Скабичевскаго. Съ портретомъ Лермонтова, его біографіей и 115 рисунками художника М. Малышева. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 8^о. LXIV + 768 стр. въ два столбца.

То же изданіе въ 4-хъ томахъ. Томъ I. Поэмы, баллады и легенды. Повѣсти изъ современной жизни. Т. II. Лирическія и драматическія произведенія. Т. III. Проза. Романы и повѣсти. Т. IV. Проза. Драматическія произведенія. Письма. Біографія поэта. С.-Пб. 16^о. 388 + 385 + 508 + 373 стр.

(Критико-библиографич. замѣтки см.: „Новое Время“ 1891 г., № 5527; „Книжки Недѣли“ 1891 г., сентябрь, стр. 136 — 138).

Сочиненія М. Ю. Лермонтова подъ редакціей П. В. Быкова. Съ библиографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова, съ иллюстраціями и виньетками. Изданіе С. Добродѣева. Приложение къ журналу „Живописное Обзорѣніе“. Т. I — III. Спб. 8^о. LXXVIII + 368. 330. 340 стр.

„Настоящее изданіе сочиненій Лермонтова, — читаемъ въ Предисловіи, — является совершенно въ обновленномъ видѣ. Произведенія поэта, до сихъ поръ печатавшіяся или съ ошибками, или съ пропусками, по возможности исправлены и дополнены... Внесено до пятидесяти произведеній, до сихъ поръ не появившихся въ печати. Порядокъ распредѣленія произведеній принятъ иной.

Прежде всего проза и драматическія произведенія выдѣлены въ отдѣльный томъ, а стихотворенія раздѣлены на два отдѣла. Въ первый отдѣлъ включено все, что представляетъ жемчужины Лермонтовской поэзіи, что создало славу поэту. Во второмъ — помѣщены раннія, юношескія произведенія, вещи *сравнительно* слабыя, неотдѣланныя, вообще не представляющія особеннаго значенія. Кромѣ того, оба стихотворные отдѣла подраздѣлены какъ бы на группы. Сперва выдѣлены крупныя по объему вещи, затѣмъ слѣдуютъ мелкія, подобранныя по характеру пьесъ, по направленію. Въ одну группу, напримѣръ, помѣщены пьесы, посвященныя привязанностямъ поэта, чисто субъективныя вещи, въ другомъ — заключающія его воззрѣнія на жизнь и людей, въ третьемъ — переводы, въ четвертомъ — шуточные, легкія вещи и т. д. Сдѣлано это съ той цѣлью, чтобы при чтеніи получалось извѣстное цѣльное впечатлѣніе. При расположеніи пьесъ въ хронологическомъ порядкѣ, когда хорошо перемѣшано съ слабымъ, великосъ смѣшнымъ, для обыкновеннаго читателя, ищущаго въ чтеніи поэтическихъ произведеній наслажденія, это наслажденіе какъ-то теряется, расхолаживается. Такъ какъ имѣлось въ виду большинство публики, масса, а не ограниченный кругъ читателей, то при нынѣшнемъ изданіи обращалось вниманіе не на библиографическую сторону его, не на разныя подобныя тонкости, — главною заботою было дать публикѣ настоящую *книгу пьесъ* любимаго поэта“... (Критико-библиографическую замѣтку объ этомъ претенціозномъ изданіи см. въ „Нов. Врем.“ 1891 г., № 5552).

Лермонтовъ. Сочиненія. Полное собраніе въ одномъ томѣ. Подъ редакціей А. Скабичевскаго. Съ портретомъ Лермонтова, его біографією, факсимиле

и 130 рисунками М. Малышева. Издание 2-е, пересмотрѣнное и исправленное, Ф. Павленкова. С.-Пб. 8^о. XXVIII+LXIV+906 стр. столб.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Съ портретомъ автора. Подъ редакціей В. Михайлова. Изданіе Е. И. Абрамовой. Москва. 8^о. 456 стр.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Съ біографіей автора, портретомъ, снимкомъ съ его рукописи и съ 7-ю иллюстраціями. Общедоступное изданіе О. И. Анскаго. Москва. 8^о. 340 стр.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Съ портретомъ его, біографическимъ очеркомъ и снимкомъ съ рукописи. Изданіе И. Сытина. Т. I—III. Москва. 16^о. 446 + 343 + 397 стр. („Дешевая семейная бібліотека“).

Собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Съ портретомъ автора, автографомъ, біографіей и примѣчаніями. Подъ редакціей Д. П. Сильчевскаго. Изданіе типографіи Муллера и Богельмана. С.-Пб. 8^о. LXXX + 430 + 32 стр. (Приложеніе къ журналу „Колосья“).

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Съ портретомъ автора, его біографіей и 41 отдѣльн. картин. художника В. А. Полякова. Подъ редакціей В. В. Чуйко. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Въ 2-хъ томахъ. (Приложеніе къ журналу „Новь“).

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Въ одномъ томѣ. С.-Пб. 8^о. VIII + 447 стр. (Приложеніе романовъ къ газетѣ „Свѣтъ“).

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Въ 2-хъ частяхъ. (Приложеніе къ журналу „Родина“).

Собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Съ портретомъ автора и статьей К. Арабажина. Изданіе Ф. Иогансона. Кіевъ. 8^о. XXXI + 716 стр., въ 2 столбца.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Съ портретомъ его и гравюрами памятника въ Пятигорскѣ и могилы поэта. С.-Пб. 8^о. 552 стр. (Приложеніе къ журналу „Лучъ“).

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Съ портретомъ. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“. Въ 2-хъ томахъ. 8^о. 384 + 276 стр.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Съ біографіей и портретомъ. Одесса. 16^о. 528 стр.

Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова. Подъ редакціей В. Острогорскаго. Изданіе С.-Пб. Комитета грамотности. С.-Пб. 8^о. 192 стр. и 1 портретъ.

Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова. Съ краткой біографіей, примѣчаніями, портретомъ и 3 рисунками. Изданіе Московскаго Комитета грамотности. Москва. 8^о. 139 стр.

Лермонтовъ, М. 15 іюля 1841 г. — 15 іюля 1891 г. Для школъ и народа. Изданіе Одесскаго Комитета народныхъ чтеній при Славянскомъ благотворительномъ Обществѣ. Съ портретомъ автора. Одесса. 12^о. 179 стр.

М. Ю. Лермонтовъ. Избранныя сочиненія. Съ портретомъ автора. Астрахань. 8^о. 129 стр.

„Дешевая Библіотека“, изданіе А. С. Суворина:

Герой нашего времени. Романъ. Съ портретомъ и факсимиле автора. С.-Пб. 16^о. 211 стр.

Маскарадъ. С.-Пб. 16^о. 128 + 72 стр.

Поэмы „Мцыри“ и „Демонъ“. С.-Пб. 16^о. 104 стр.

Стихотворенія. Съ портретомъ и факсимиле автора. С.-Пб. 16^о. 143 стр.

1892*).

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Общедоступное (2-е) изданіе
Ө. И. Анскаго. Москва. 8^о. 360 стр.

Лермонтовъ, М. Ю. Собраніе сочиненій съ его портретами и статьею К. И. Арабажина. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, Ф. Югансона, съ рисунками Михайлова по эскизамъ Брожа. Кіевъ. 8^о. XXVIII+840 стр. столб.

1893.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ. Подъ редакціею В. Чуйко. Съ портретомъ Лермонтова, его біографіею и 41 отд. картинами В. Полякова. Изданіе типографіи товарищества М. Вольфъ. С.-Пб. 8^о. Т. I. XIV+303 + VI стр. Т. II. 366+VIII+II стр. (Изданіе повторялось, безъ всякихъ измѣненій, пять разъ; послѣднее изданіе вышло въ 1911 году).

1895.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Въ одномъ томѣ. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 8^о.

1896.

Поэмы. Съ очеркомъ „Жизнь и поэзія Лермонтова“ П. В. Быкова, съ иллюстраціями и виньетками художниковъ: Кандаурова, Козачинскаго, Навозова, Овсянникова, Самокиша, Самокишъ-Судковской, Табурина, Чикина и др. Изданіе А. С. Суворина.

Письма про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Рисунки С. С. Соломко. Изданіе А. С. Суворина.

1897.

Поэма М. Ю. Лермонтова Демонъ. Иллюстрированное изданіе съ 12-ю оригинальными рисунками художника К. В. Изенбергъ.

1898.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Въ одномъ томѣ. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 8^о.

1900.

Альбомъ. Княжна Мери съ 24 рисунками съ ориг. художн. Зичи.

1901.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Подъ редакціею Арс. И. Введенскаго. Второе изданіе А. Ф. Маркса. Въ 4-хъ томахъ. Съ біографическимъ очеркомъ, факсимиле и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на

*) При обзорѣ изданій, вышедшихъ послѣ 1891 года, не преслѣдуется исчерпывающая полнота и имѣются въ виду лишь полныя собранія сочиненій, болѣе или менѣе обширные сборники произведеній Лермонтова или наконецъ изданія, чѣмъ-либо примѣчательныя, напр., иллюстрированныя. Для установленія текста произведеній Лермонтова имѣютъ значеніе лишь такія изданія, какъ Висковатова, Введенскаго, Болдакова, редакторы которыхъ, дѣйствительно, пользовались подлинными рукописями поэта. Правда, и въ другихъ изданіяхъ (напр., П. В. Быкова) читаемъ, что „весь текстъ провѣренъ по рукописямъ поэта“, но ближайшее ознакомленіе съ этими изданіями, заставляетъ относиться къ такимъ заявленіямъ очень скептически.

стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. С.-Пб. 8^о. Т. I—II. Стихотворенія и поэмы. Т. III—IV. Проза и драмы.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Подъ редакціей П. Смирновскаго. Изданіе Панафидина. Москва.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Иллюстрированное изданіе М. Конради. Москва. 8^о.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Въ одномъ томѣ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Въ одномъ томѣ. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 8^о.

1903.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Критически провѣренный текстъ, біографія, вступительныя статьи, примѣчанія, художественныя приложения и проч., подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Изданіе т-ва „Просвѣщеніе“. Т. I. Стихотворенія и поэмы. (CX + 332 стр.). Т. II. Проза (VII + 584 стр.). Т. III. Юношескія стихотворенія и поэмы. (618 стр.). Т. IV. Драматическія произведенія. (561 стр.). С.-Пб. 8^о. По полнотѣ и исправности текста это изданіе, несомнѣнно, превзошло всѣ предшествовавшія.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Въ одномъ томѣ. 2-е изданіе Панафидина. Москва. 8^о.

1904.

М. Ю. Лермонтовъ. Полное собраніе сочиненій. Въ одномъ томѣ. 1-е иллюстрированное изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. 8^о.

1905.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Въ одномъ томѣ. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 8^о.

Герой нашего времени. Романъ М. Ю. Лермонтова. Изданіе А. С. Суворина.

1906.

М. Ю. Лермонтовъ. Полное собраніе сочиненій. Въ одномъ томѣ. 2-е иллюстрированное изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 8^о.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Въ одномъ томѣ. 3-е изданіе Панафидина. М. 8^о.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Иллюстрир. изданіе М. Конради. М. 16^о.

1907.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова подъ редакціей и съ критико-біографическимъ очеркомъ проф. А. К. Бороздина. Съ портретомъ и факсимиле. Въ трехъ томахъ. Изданіе М. И. Акинфіева. С.-Пб. 8^о. („Библиотека русскихъ классиковъ“. № 2).

1908.

М. Ю. Лермонтовъ. Полное собраніе сочиненій. Со статьей о жизни и произведеніяхъ поэта, написанной проф. Ив. Ив. Ивановымъ. Съ рисунками художниковъ А. Маковского, Э. Пичугина и др. Подъ редакціей Н. В. Тулупова. 3-е иллюстрированное изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. 8^о. XXXV + 680 стр. Текстъ провѣренъ по послѣднему Ефремовскому изданію.

То же. Въ двухъ томахъ. Т. I. XXXVI + 304 стр. Т. II. 377 стр.

1910.

Демонъ М. Ю. Лермонтова. Иллюстраціи А. Эберлинга. Изданіе т—ва Р. Голике и А. Вильборгъ. С.-Пб.

Демонъ. Поэма М. Ю. Лермонтова. Съ рисунками: М. А. Врубеля, А. М. Васнецова, В. Д. Полѣнова, Л. О. Пастернака и В. А. Сѣрова. Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

1910 — 1912.

Академическая Библиотека Русскихъ Писателей. Вып. 2—6: *Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова.* Пять томовъ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Д. И. Абрамовича. Изданіе разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ.

1911.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія. Изданіе Акц. Общ. Типографскаго Дѣла. Т. I, ч. 1—2. II, 1—2. С.-Пб. 1911. 8^о. (Ср. „Всеобщая Библиотека“ №№ 57—69).

1912.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій (провѣренное по академич. изданію). Со статьей К. И. Арабажина. Съ портретомъ Лермонтова, его собственными рисунками и отдѣльными картинами Михайлова, по эскизамъ Брожа. Кіевъ. Изд. П. И. Бонадурера. XIV+XXXII+1160 стр. (въ 2 столбца)+33 листа рис., портр. и табл.

Полное собраніе сочиненій. Со статьей о жизни и о произведеніяхъ поэта, написанною Ив. Ив. Ивановымъ. Съ рисунками А. Маковского, З. Пичугина и др. Москва. Изд. т—ва И. Д. Сытина. XXXV+680 стр.

Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ. Подъ редакціей П. Б. Смирновскаго и съ составленнымъ имъ же біографич. очеркомъ Лермонтова. Москва. Изд. А. С. Панафидиной. XLII+1062 стр. (въ два столбца)+2 нен. стр.+62 листа рис.

Школьная библиотека великихъ писателей, съ подробными историко-литературными комментаріями. Одесса. Вып. I. *Сочиненія М. Ю. Лермонтова* съ объяснительными статьями К. Бархина. Ч. I. Лирическія стихотворенія. Изд. кн—ства „Порядокъ“ въ Одессѣ.

„Книга эта, — читаемъ въ предисловіи, — предназначена для учащихся и учащихся старшихъ классовъ и вообще лицъ, занимающихся изученіемъ Л—ва. Въ ней данъ текстъ произведеній, обыкновенно читаемыхъ въ школѣ, и наши историко-литературные комментаріи къ каждому изъ приводимыхъ произведеній... Текстъ взятъ изъ изданія Академіи Наукъ, и только въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, очень немногихъ, случаяхъ мы принуждены были отклониться отъ него“ (стр. V).

Лермонтовъ у славянъ, нѣмцевъ, французовъ и англичанъ.

Сочиненія Лермонтова и личность поэта издавна привлекали къ себѣ вниманіе и продолжаютъ возбуждать интересъ далеко за предѣлами нашей родины; переводы его произведеній имѣются на всѣхъ европейскихъ и на многихъ восточныхъ языкахъ. Наибольшимъ же уваженіемъ имя и сочиненія Лермонтова пользуются, конечно, у нашихъ сородичей-славянъ, гдѣ поэзія Лермонтова давно стала предметомъ изученія въ школахъ; не мало интереса проявили къ нашему поэту нѣмцы, а отчасти и французы; любопытно отношеніе къ нему англичанъ. Краткому обзору переводовъ сочиненій Лермонтова у только что перечисленныхъ народовъ и посвящена глава: „Лермонтовъ у славянъ, нѣмцевъ, французовъ и англичанъ“. Обзоръ „Лермонтовъ у славянъ“ сдѣланъ профессоромъ П. А. Заболотскимъ; „Лермонтовъ у нѣмцевъ“ — бібліотекаремъ Королевской Библіотеки въ Берлинѣ Фр. Дукмейеромъ; „Лермонтовъ у французовъ“ — бібліотекаремъ Ecole des langues orientales vivantes въ Парижѣ А. Мазономъ; „Лермонтовъ у англичанъ“ — К. Н. Фаминскимъ.

І.

Лермонтовъ у славянъ.

1. Лермонтовъ у болгаръ.

Въ болгарской школѣ болгары знакомятся съ творчествомъ и личностью Лермонтова по учебникамъ русскаго языка. Въ одной изъ лучшихъ и распространенныхъ болгарскихъ хрестоматій русскаго языка, именно „Учебна читанка за руски езикъ съ руско-български рѣчникъ, нареди Петко Кол. Гжбьовъ, В. Търново, 1910“, видное мѣсто отведено и Лермонтову: изъ его произведеній даются небольшіе отрывки, затѣмъ сообщаются свѣдѣнія изъ біографіи поэта и, наконецъ, приводится въ оригиналѣ цѣлый рядъ лирическихъ и эпическихъ его произведеній, напр., „Сосна“, „Тучки небесныя“, отрывки изъ „Демона“, изъ „Мцири“, „Выхожу одинъ я на дорогу“, „Пророкъ“, „На смерть Пушкина“, отрывки изъ „Героя нашего времени“ и др.

Современная болгарская учащаяся молодежь въ принятыхъ въ школѣ русскихъ хрестоматіяхъ, а болгарская интеллигенція — въ получаемыхъ въ бібліотекахъ и книжныхъ магазинахъ русскихъ книгахъ черпаетъ свѣдѣнія о личности и творествѣ русскихъ писателей, въ томъ числѣ и Лермонтова, по оригинальнымъ произведеніямъ послѣднихъ.

При такихъ условіяхъ нужда въ переводахъ не такъ настоятельна, какъ у тѣхъ народовъ, которые не владѣютъ языкомъ подлинника. Однако, число переводовъ произведеній Лермонтова на болгарскій языкъ весьма значительно.

Въ популярной „Българска хрестоматия или съборникъ отъ избрани образци по всички-тѣ родове съчинения съ приложение на кратки жизнеописания на най-заменити-тѣ писатели, съставиха Ив. Вазовъ и К. Величковъ, Пловд. 1884, ч. II“ помѣщена на болгарскомъ языкѣ краткая біографія Лермонтова съ отзывомъ о немъ Бѣлинскаго и удачно сдѣланные извѣстнымъ болгарскимъ поэтомъ Ив. Вазовымъ переводы „Умирающія Гладіаторъ“, „Пророкъ“, „Самъ излѣзохъ на поле широко“ (Выхожу одинъ я...), „Корабъ“ (Парусъ) и отрывки изъ „Демона“, а также переводъ Д. Попова „Въздушный корабъ, отъ Зедлица“ и переводъ того же произведенія К. Величкова; въ той же хрестоматіи находимъ переводъ Лермонтовскаго „Пророка“, принадлежащій поэту П. Р. Славейкову; въ предназначенной для широкой публики хрестоматіи „Лжичитѣ на поезията, стихотв. сборникъ събралъ и наредилъ Г. Бакаловъ, Варна, 1901“¹⁾ Лермонтовская муза представлена упомянутымъ уже Вазовскимъ переводомъ „Умирающія гладіаторъ“, переводомъ Н. А. „На Пушки-

1) Библиотека „Почивка“, № 3.

новата смъртъ" и подражаніемъ Г. К. Лермонтовскому „И скучно, и грустно“, но не совсѣмъ удачнымъ „И бързо, и мудро“ . . .

Въ смыслѣ широкаго распространенія Лермонтовскаго творчества важную роль играютъ въ Болгаріи доступные по цѣнѣ и дѣльные по составу сборнички: „Ив. Вазовъ. Изъ голѣмитѣ поети, стихотворни прѣводи 1)“, „Кир. Христовъ. Приближни хоризонти. Стихотворниа, прѣведена отъ руски, нѣмски, италянски и френски“ 2). Въ первомъ изъ сборниковъ находимъ 3 Вазовскихъ перевода изъ Лермонтова, помѣщенныхъ и въ упомянутой выше „Българска христоматія“. Во второмъ сборникѣ Лермонтовъ представленъ сдѣланными поэтомъ К. Христовымъ 2 переводами.

Первымъ по времени переводчикомъ Лермонтовскихъ произведеній на болгарскій языкъ является П. Р. Славейковъ; переводы его ни полнотою, ни точностью, однако, не отличаются. Изъ Лермонтова въ „Български Книжици 1859, стр. 421 онъ помѣщаетъ подъ заглавіемъ „Проповѣдникъ“ вольный переводъ Лермонтовскаго „Пророка“. Этотъ переводъ, перепечатанный впоследствии въ „Българска христоматія, 1884“, но не вошедшій въ „П. Р. Славейковъ, Избрани съчинения, кн. I, София. 1901“ значительно уступаетъ и въ смыслѣ точности передачи подлинника, и въ смыслѣ красоты позднѣйшему переводу того же произведенія, сдѣланному Ив. Вазовымъ.

П. Славейкову принадлежитъ вольный и при томъ не полный переводъ Лермонтовскихъ „Узника“ и „Нѣтъ, я не Байронъ“. Изъ „Узника“ Славейковъ въ „Календарче, 1877, изд. Н. Тодоровъ“ помѣстилъ въ 12 строкахъ переводъ первыхъ 4 строкъ оригинала и не вполне точный пересказ остальныхъ; такъ, начиная свой переводъ близко къ подлиннику „Я ми отворете тъмната тъмница“, онъ заканчиваетъ: „Воля ви ми дайте — шастие ми не трѣба“ 3). Въ томъ же „Календарче 1877“ находится подъ заглавіемъ „Разбити надѣжди“ переводъ-пересказъ въ 14 строкахъ 6 заключительныхъ строкъ Лермонтовскаго „Нѣтъ, я не Байронъ“ 4).

Подражаніемъ Лермонтову является помѣщенное въ 1862 г. въ Московскомъ изданіи „Братски трудъ“ (стр. 29) произведеніе одного изъ болгарскихъ поэтовъ старшей генерациі Р. Жинзифова „Я, майко Божія, днесъ сось молитва“ . . .

Настоящимъ переводчикомъ на болгарскій языкъ Лермонтовскихъ произведеній слѣдуетъ признать крупнаго болгарскаго писателя И. М. Вазова. Достоинствомъ Вазовскихъ переводовъ изъ Лермонтова является между прочимъ стремленіе сохранять при переводѣ и размѣръ подлинника. Неточности при передачѣ оригинала неизбежны, однако, даже въ самыхъ удачныхъ переводахъ съ одного языка на другой.

Очень близокъ къ Лермонтовскому тексту и переводъ „Умирающий Гладиаторъ“, хотя всюду при этомъ произведеніи находимъ помѣтку „Отъ Байрона“ 5). Изъ „Демона“ Вазовъ перевелъ 3 главы первой части и нѣсколько

1) Нова библиотека, №№ 25—26, книгоизд. „Знание“, София.

2) Всемирна библиотека; №№ 17—18, книгоизд. Паскалевъ, София.

3) Период. Спис., LVII, 1898, стр. 100.

4) Период. Спис. LVII, 1898, стр. 101—2.

5) Бълг. христ., 84; И. Вазовъ, Поля и гори, 2 изд., стр. 59.

строкъ 4-й главы. Въ редакціонномъ отношеніи Вазовскій переводъ „Демона“ нѣсколько отличенъ отъ перевода, сдѣланнаго Пенчо Славейковымъ и Ал. Константиновымъ: „Демонъ“ прѣвели А. Константиновъ и П. П. Славейковъ, Соф. 1895¹⁾).

Въ отдѣльныхъ мѣстахъ Вазовскій переводъ болѣе соотвѣтствуетъ тексту оригинала, чѣмъ второй изъ отмѣченныхъ нами переводовъ.

Переводъ „Демона“, сдѣланный П. П. Славейковымъ и А. Константиновымъ, можетъ быть признанъ въ цѣломъ очень удачнымъ; текстъ подлинника передается полно, близко къ оригиналу, красивымъ языкомъ и съ соблюденіемъ размѣра Лермонтовскаго стиха.

Перу того же Пенчо П. Славейкова принадлежитъ красивый переводъ Лермонтовской „Казачей колыбельной пѣсни“. Подъ наименованіемъ „Майчина пѣсень“²⁾ этотъ переводъ вошелъ въ книжку „Блѣнове“. Сохраняя размѣръ подлинника и правильно передавая общій духъ и настроеніе Лермонтовскаго произведенія, болгарскій поэтъ, однако, далекъ въ данномъ переводѣ отъ точности въ деталяхъ. Изъ большихъ Лермонтовскихъ поэмъ имѣются въ болгарскомъ переводѣ, кромѣ „Демона“ еще „Мцири“ и „Бояринъ Орша“, а также „Валерикъ“ и „Бѣглець“; несомнѣннымъ же пробѣломъ болгарской переводной литературы изъ Лермонтова является отсутствіе перевода „Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ“ и поэмъ „Измаиль-бей“ и „Кавказскій плѣнникъ“.

„Мцири“ имѣется въ двухъ переводахъ, а именно: „Мцири, прѣводъ на Ив. А. Драгнева, Пловдивъ, 1888“ и „Мцири, прѣв. Д. К. Поповъ; София 1895“³⁾. Оба перевода полные; переводъ Попова, лишь за немногими исключеніями, точенъ; онъ правильно передаетъ оригиналъ съ сохраненіемъ размѣра послѣдняго и удачной обрисовкой его красоты; неточности, сводящіяся либо къ ничтожнымъ пропускамъ, либо къ незначительнымъ добавленіямъ, не портятъ общаго благопріятнаго впечатлѣнія отъ перевода. „Бояринъ Орша“ переведенъ полностью и безъ крупныхъ недочетовъ Ст. М. Поповымъ⁴⁾, а „Бѣглець“ упомянутыми уже нами болгарскими поэтами Пенчо Славейковымъ и Алек. Константиновымъ⁵⁾.

Переводъ „Валерика“ даетъ болгарскій поэтъ К. Христовъ⁶⁾; переводъ полонъ; размѣръ подлинника сохраненъ; въ общемъ подлинникъ передается правильно, но въ частностяхъ не мало неточностей.

Менѣ извѣстные переводчики брались за переводъ драматическихъ произведеній и повѣстей Лермонтова. Такъ, отмѣтимъ переводъ: 1) Хората и страститѣ. Драма въ 5 дѣйствія, Пловдивъ, 1895; 2) Человѣкътъ и страститѣ. Трагедія въ 5 дѣйств., прѣв. Г. Бъчваровъ, Шуменъ, 1896; 3) Чудактъ.

1) Библиотека за мало и голѣмо, № 5 (Ново издание, Соф. 1895).

2) Пенчо Славейковъ, Блѣнове. Епически пѣсни, кн. II, Пловдивъ 1898, стр. 81—82.

3) Библ. за мало и голѣмо, № 5.

4) Бояринъ Орша, прѣв. Стоянъ М. Поповъ, Соф. 1898 въ „Библ. за мало и гол.“, № 16, стр. 4—39.

5) Бѣглець, прѣв. Константиновъ и П. Славейковъ, Соф. 1895 (Библ. за мало и голѣмо, № 5, стр. 60—69).

6) Кир. Христовъ, Приближни хоризонти въ „Всем. библ. №№ 17—18, стр. 80—92.

Романтична драма, отъ М. Ю. Лермонтова. Перевода „Маскарада“ намъ неизвѣстно.

Изъ переводовъ повѣстей упомянемъ: 1) Ашикъ-Керибъ, приказка, прѣв. К. К(амбосевъ), Разградъ; 2) Безименна повѣсть, прѣв. отъ петото руско издание И. М., Варна, 1898. 3) Клеветникъ. Расказъ за пропадналитъ драгоцѣнности отъ живота на Старий Истокъ. Прѣвелъ отъ руски изъ Лермонтова Ив. П. Данаиловъ. Ловечъ 1893 г. Что же касается перевода „Героя нашего времени“, то намъ извѣстенъ по названію переводъ „Герой на нашето врѣме, отъ М. Ю. Лермонтовъ, прѣв. Т. Странски, Пловдивъ 1888“; кромѣ того въ числѣ книгъ, готовимыхъ къ печати болгарскимъ издательствомъ „Всемирна библиотека“ мы находимъ „Лермонтовъ—Герой на нашето врѣме“ безъ указанія, однако, имени переводчика и времени, когда появится этотъ переводъ.

Изъ переводовъ отдѣльныхъ Лермонтовскихъ стихотвореній на болгарскій языкъ упомянемъ „Не, не тебя любя (Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю), прѣв. Н. Д. Юрдановъ“¹⁾, „Слънце“ (Какъ солнце зимнее прекрасно)²⁾, „На Пушкиновата смѣрътъ, прѣв. Н. А.—въ“³⁾ и „Бородино, прѣв. К. Христовъ“⁴⁾, при чемъ обращаютъ на себя вниманіе два послѣднихъ перевода.

Ни оригинальныхъ болгарскихъ біографій Лермонтова, ни самостоятельныхъ монографій о немъ не имѣется. Свѣдѣнія о Лермонтовѣ переводнаго или компилятивнаго характера находимъ на болгарскомъ языкѣ въ книгѣ: „А. М. Скабичевски. М. Ю. Лермонтовъ. Прѣвелъ М. Московъ, Търново, 1894“, а также въ книгѣ „Й. Ивановъ. Историја на славянскитѣ литератури. Пловдивъ, 1896, 168—180“, равно какъ и въ учебныхъ болгарскихъ хрестоматіяхъ.

2. Лермонтовъ у сербовъ и хорватовъ.

Въ сербской школѣ съ произведеніями Лермонтова въ оригиналѣ учащійся можетъ ознакомиться по хрестоматіи Р. Кошутича: „Примери књижевнога језика руског. Текстови. Беогр. 1910“. Почтенный составитель руководства приводитъ изъ Лермонтовской прозы рядъ мыслей и афоризмовъ и изъ „Героя нашего времени“ „Бѣлу“ (въ сокращеніи), а изъ стихотворныхъ произведеній 1-ю часть „Демона“, „Мцири“ и 25 лирическихъ стихотвореній, среди которыхъ представлены лучшіе образцы Лермонтовской музыки. Произведенія напечатаны съ удареніями и расположены въ порядкѣ трудности для учащихся. Во второй части своего труда, содержащей „Напомене“ (примѣчанія), Р. И. Кошутичъ даетъ обстоятельный біографическій, историко-литературный, реальный, этнографическій и географическій комментарий къ приведеннымъ въ 1-й части Лермонтовскимъ произведеніямъ, при чемъ, напр., детально произво-

1) Бѣлг. Прѣгл. III, кн. 4.

2) Бѣлг. Прѣгл. IV, кн. 5—6.

3) Бѣлг. Прѣгл. V, кн. 9—10, а также „Лжчитѣ на поезията, нар. Бакаловъ, Варна 1901, стр. 270—2.

4) Всем. библ., №№ 17—18, стр. 5—8 и „Славянски Календаръ за 1912 г.“, стр. 131.

дится сличеніе 2-х редакцій поэмы „Демон“ съ параллельнымъ указаніемъ типическихъ въ редакціонномъ отношеніи мѣствъ.

Для ознакомленія съ Лермонтовымъ въ сербско-хорватскомъ переводѣ служить руководство: „Іов. Максимовић. Песнички зборник. Угледни производи српског, хрватског и страног песништва за школску и домаћу употребу, са краткимъ теоријскимъ прегледомъ песничкихъ врста. У Мостару, 1900“ и „Т. Maretić. Čitanka iz slavenske i mađarske književnosti, Zagr. 1896“.

Въ руководствѣ Іов. Максимовића Лермонтовъ представленъ исключительно лирическими произведеніями, изъ которыхъ „Облаци“ (Тучи), „Анђео“ (Ангель) и „Изађем ли сам на друм (Выхожу одинъ я на дорогу...)“ приведены въ прозаическомъ переводѣ Іов. Максимовића, а „Када се таласа пожутела нива“ (Когда волнуется желтѣющая нива) въ стихотворномъ переводѣ Мил. Митровића и „Тамничар“ (Узникъ) въ стих. переводѣ Ст. Бузолића.

Указанные переводы Іов. Максимовића отличаются точностью, вѣрностью подлиннику и съ содержаніемъ и образами переводимыхъ произведеній знакомыя воплифъ, но, къ сожалѣнію, не передаютъ прелести ихъ формы.

Знакомство сербовъ и хорватовъ съ именемъ Лермонтова восходитъ къ послѣднимъ годамъ жизни поэта и на первыхъ порахъ ограничивается либо бѣглыми упоминаніями о немъ, либо далекими отъ совершенства переводами изъ Лермонтова. Такъ, въ „Danica Ilirska“ 1) въ статьѣ „Pregled krasne literature ruske od god. 1840“ мы находимъ первое извѣстное намъ въ сербо-хорватской литературѣ упоминаніе о Лермонтовѣ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ, наряду съ Кольцовымъ и гр. Ростопчиной. Сравнивая Лермонтова съ гр. Ростопчиной авторъ замѣтки говоритъ: „ne više duha, nu više smjlosti imade Lermontov, te je kao pjesnik posle smrti Puškina parvi (da tako kažemo) načelnik ruskih pjesnikah“. Бѣглое упоминаніе о Лермонтовѣ, какъ одной изъ яркихъ звѣздъ на небосклонѣ русской литературы, находимъ мы въ появившемся въ журналѣ „Kolo“ 2) за 1843 годъ письмѣ извѣстнаго проф. Дубровскаго изъ Варшавы о русской литературѣ. Къ концу 40 годовъ мы находимъ въ сербскомъ альманахѣ „Авала“ 3) крайне неудачный переводъ, „Таманъ“, изъ „Героя нашего времени“; этотъ переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго языка, отличается неполнотой и наличиемъ германизмовъ, а также тѣмъ, что русскій авторъ оригинала совершенно не названъ.

Въ началѣ 50-хъ годовъ въ хорватскомъ журналѣ „Neven“ 4) находимъ перепечатанный изъ „Беогр. Срп. Нов.“ переводъ другого отрывка изъ „Героя нашего времени“, именно „Fatalista“, при чемъ и имя Лермонтова уже упомянуто, и въ смыслѣ полноты и точности этотъ переводъ значительно выше помѣщеннаго въ „Авала“.

Въ томъ же журналѣ въ 1853 г. появляется переводъ повѣсти „Ашикъ-Керибъ“ 5), которому, какъ и отрывку „Таманъ“ особенно посчастливилось въ

1) Dan. II. 1841, 151. Pregled krasne literature ruske od god. 1840.

2) Kolo, 1843, III, 108; Ruska literatura (dopis prof. P. Dubrovskoga — 20 stud. 1842).

3) Авала 1846, 136—50.

4) Neven, 1852, XXXII, 509—11; XXXIII, 522—6.

5) Neven, 1853, XXXVII, 423—5; XXVIII, 440—3. Ašik-Kerib, turska priča od Lermontova, pr. I. T.

сербо-хорватской переводной литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ „Ашикъ-Керибъ“ извѣстенъ намъ еще въ 3 переводахъ, именно Поповича 1) въ концѣ 50-хъ годовъ, Т. Мареѳи'а 2) въ концѣ 70-хъ годовъ и наконецъ въ переводѣ 90-хъ годовъ 3).

Что же касается „Тамани“, то помимо того, что этотъ отрывокъ входитъ въ общіе переводы „Героя нашего времени“, мы находимъ его въ переводѣ Стоисилевича 4) въ 80-хъ годахъ и въ удачномъ переводѣ отлично владеющей русскимъ языкомъ г-жи Вук. Иванишевичъ-Ђоровић въ 90-хъ годахъ 5).

Первой попыткой полного перевода „Героя нашего времени“ на сербо-хорватскій языкъ является напечатанный въ 1856 г. въ журналѣ „Седмица“ вполне удовлетворительный переводъ „Предговоръ сочинителей“, „Бела“, „Тамань“, „принцеза Марія“ и „Фаталиста“. Переводъ съ достаточной полнотой и точностью передаетъ текстъ подлинника, при чемъ стихотворныя части оригинала, какъ пѣсня Казбича и пѣсня дѣвушки-контрабандистки приводятся въ стихотворномъ же переводѣ С. Каћанскаго: излишняя растянутасть и несоблюденіе размѣра подлинника составляютъ недочетъ этихъ стихотворныхъ переводовъ.

Полный переводъ „Иунак нашего доба“ изъ-подъ пера В. Поповича является въ Н. Садскомъ изданіи 1863 г. 6) и перепечатывается въ 80 годахъ въ изданіи „Народна Библиотска“ 7).

Лермонтовская проза предупредила на сербо-хорватской почвѣ Лермонтовскую поэзію. Первыми извѣстными намъ по времени стихотворными переводами изъ Лермонтова на сербо-хорватскій языкъ являются: цѣнный переводъ „Демона“, напечатанный выдающимся сербскимъ поэтомъ Зм. Іов. Іовановић'емъ въ 1862 г. 8) и сдѣланные раньше этого, но появившіеся лишь послѣ смерти крупнаго хорватскаго поэта Ст. Вразы 9) переводы лирическихъ произведеній Лермонтова „Пророк“, „Косаѳка uz kolievku“, „Ангјео“, „Pregovor“.

Изъ позднѣйшихъ переводовъ „Демона“ можемъ отмѣтить очень точный, полный и сдѣланный умѣлой рукой переводъ Іов. Максимовић'а 10), къ сожалѣнію, однако не стихотворный, а прозаическій.

Изъ упомянутыхъ выше лирическихъ произведеній Лермонтова, переведенныхъ Ст. Вразомъ, намъ извѣстны, помимо раньше отмѣченнаго перевода Іов. Максимовића „Анђео“ 11), еще 2 перевода „Пророка“, именно І. Т. въ

1) Седмица, 1858 — Лермонтовъ, Ашикъ-Кериб.

2) Vjesac, 1878, XLIV, Ašik-Kerib pr. T. Maretić.

3) Босанска Вила, 1893, 141. 173.

4) Таман, приповетка из руског живота, прев. М. Н. Стоисилевичъ, Беогр. 1880.

5) Босанска Вила 1895, 294. 309—Тамань, прев. Вук. Иванишевичева.

6) Лермонтовъ, Иунак нашего доба, прев. Ы. Поповић, Н. Сад, 1863. Рецензія Ст. Новаковића см. Вид. Дан 1863, 76. 77; см. Zvezda, 1863, XII.

7) Народна библиотека, св. 78. 82.

8) Лет. Мат. Срп. 1862, CVI, 106; реценз. М. Іовановић'а см. СІХ, 171.

9) Dèla St. Vraza, IV dio. Razlike pjesme, prevodi. Troškom Matice Ilirske, и Zagrebu 1868, 65—74.

10) М. І. Лермонтов. Демон. Источна повест, с руског прево Іов. Максимовић. Београд, 1910.

11) Песнички сборник, 134.

70 годах¹⁾ и В. Ивановић'а въ 80-хъ²⁾, и 2 перевода „Козачьей колыбельной пѣсни“, а именно L. Vukelić'а въ 70-хъ годах³⁾ и Рајко въ 80-хъ⁴⁾.

Поэмы Лермонтова, кромѣ „Измаиль-Бей“, всѣ переведены на сербо-хорватскій языкъ, при чемъ, помимо „Демона“, въ 2 переводахъ извѣстна намъ поэма „Бояринъ Орша“⁵⁾; въ одномъ прозаическомъ переводѣ, сдѣланномъ удачно В. Иванишевић, появился „Кавказскій плѣнникъ“⁶⁾ и въ стихотворныхъ единичныхъ переводахъ намъ извѣстны „Пѣснь о царѣ Иванѣ Васильевичѣ и купцѣ Калашниковѣ“⁷⁾ „Мцири“⁸⁾ и „Хаджи-Абрекъ“⁹⁾.

Лермонтовская лирика представлена въ сербо-хорватскихъ переводахъ довольно обильно, но произведенія очень разбросаны по разнымъ періодическимъ изданіямъ, и было бы вполне своевременно позаботиться о сборникѣ этихъ переводовъ, среди которыхъ не мало есть очень удачныхъ: Больше всего по обилію переводовъ посчастливилось стихотвореніямъ „Узникъ“ и „Желаніе“ (Отворите мнѣ темницу), которыя переведены I. T.¹⁰⁾ и Б.¹¹⁾ въ 1869 г., Поповић-Липовацъ въ 1884 г.¹²⁾ и Р. Кривоканић въ 1901 г.¹³⁾ подъ наименованіемъ „Узникъ“ и „Сужан“, а подъ наименованіемъ „Жела“ и „Želikovanje“ въ 1874¹⁴⁾ и 1901¹⁵⁾ годахъ.

По нѣскольку разъ переведены изъ Лермонтовскихъ стихотвореній: „Вѣтка Палестины“¹⁶⁾, „Нищій“¹⁷⁾, „Ребенку“¹⁸⁾, „Разстались мы“¹⁹⁾, „Выхожу

1) Vjenac, 1874, XII, 180—1.

2) Бос. Вила, 1887, I.

3) Vjenac, 1872, 18, 278. Kozacka ljuljanca, pr. L. Vukelić.

4) Јавор, 1883, 609 — Казачка успаванка, пр. Рајко.

5) Lermontov, Boljar Orša, pr. T. Maretić — Vjenac, 1875, XVI, 252—4; XVII, 274—6; XVIII, 286—8. Лермонтов. Властелин Орша, прев. Ж. Драгојевић, II. 1898.

6) По Лермонтову „Заробљеник на Кавказу“, прозой удесила В. Иванишевићева — Бос. Вила 1897, 55.

7) Vjenac 1873, XXV, 384 — 90. Lermontov, Pjesma o caru Iv. Vasiljeviću mladome stražaru i smjelome trgovcu Kolašnikovu, pr. V-ž-č. (Vežić).

8) Лермонтовъ, Мцири, прев. Н. Љубиша, Цет. 1899.

9) Лермонтовъ, Хаджи-Абрек, пр. И. Поповић — Срђ, 1903, XIX, 895 — 8, XX, 949—52.

10) Vienac, 1869, XVI, 295 — Uzник, pr. I. T.

11) Матица, 1869, 428 — Сужан, пр. Б.

12) Црногорка, 1884, II, 16 — Узник, пр. Поповић-Липовац.

13) Кн. лист, 1901, T, 125 — Сужан, пр. Р. Кривоканић; см. также Песнички зборник, 341.

14) Vienac, 1874, XIII — Želikovanje, pr. I. T.

15) Кн. лист, 1901, 158 — Жела, пр. М. Дрепун.

16) Босанска Вила 1896, 205 — Палестинска гранчица, пр. Лара; Подмладак, 1897—8, I, Палестинска грана, пр. В. Бошњаковић.

17) Вила, 1865, I — Лермонтовъ, На праг светог храма, пр. С. К.; Книж. Лист, 1902, 249. На прагу свете обители, пр. Р. Кривоканић.

18) Vjenac, 1875, XIII, 204 — Malomu zlatanu; Стражилово, 1892, 305 — Дету, пр. Ленскій.

19) Јавор 1863, 125 — Растаемо се, пр. С. Новаковић; Бр. Коло, 1895, 781 — Растаемо се, пр. Р. Одавић.

одинъ я на дорогу“ 1), „Завѣщаніе“ 2), „Тамара“ 3), „Когда волнуется желтѣющая нива“ 4).

Многія изъ весьма извѣстныхъ и популярныя Лермонтовскія стихотворенія извѣстны намъ всего лишь въ одномъ переводѣ, напр. „Молитва“ (Въ минуту жизни трудную) 5), „Дума“ 6), „Сонъ“ 7) (Въ полдневный жаръ . . .), „Кинжалъ“ 8), „Воздушный корабль“ 9), „Чаша жизни“ 10), „Морская царевна“ 11).

Не мало однако весьма характерныя для музы Лермонтова стихотворенія не дождались еще перевода на сербо-хорватскій языкъ.

Болѣе или менѣе самостоятельныя и обстоятельныя біографіи о Лермонтовѣ или монографіи о немъ на сербо-хорватскомъ языкѣ намъ неизвѣстны; краткихъ же біографическихъ замѣтокъ съ той или иной оцѣнкой его музы находимъ мы немало, при чемъ эти замѣтки обыкновенно предпосылаются переводамъ его произведеній или его портретамъ. Такъ, напр., помимо отмѣченныхъ уже нами сопоставленій Лермонтова съ Кольцовымъ и гр. Ростопчиной въ „Danica Ilirska“ 1841 г. и въ „Kolo“ 1843 г., находимъ сопоставленіе его жизни и поэзіи съ судьбою и творчествомъ Пушкина и Кольцова въ „Vjencas“ 1877 г. 12). Выше всего изъ его произведеній ставится въ этой замѣткѣ „Pesma o caru Ivanu Vasiljeviću“, переведенная въ „Vjencas“ Вежичемъ (Vežić). Подобную замѣтку при портретѣ Лермонтова находимъ мы и въ „Зора“ за 1896 г. 13) и въ др.

Вліяніе Лермонтовской музы въ сербо-хорватской литературѣ не исчерпывается тѣмъ, что она будила созвучныя струны въ сердцахъ цѣлаго ряда сербо-хорватскихъ поэтовъ съ Змаемъ Ювановичемъ и Станко Вразомъ во главѣ и побуждала ихъ братья за переводъ Лермонтовскихъ произведеній. Въ творествѣ талантливаго сербскаго поэта Воислава Илића мы находимъ, какъ показалъ это извѣстный сербскій молодой ученый профессоръ І. Скерлић 14), Лермонтовское вліяніе на цѣломъ рядѣ его собственныхъ произведеній: такъ „Тамара“ Лермонтова повліяла на „Тамару“ В. Илича, „Демонъ“ на

1) Hrvatska Vila 1882, 176 — Na put, pr. Tugomil; Мост. Зора 1898, 50 — Жеља, пр. Др. Илић.

2) Vjencas 1876, № 50—Опорука, пр. Т. Maretić; Бранк. Коло 1896, 193—Опорука, пр. Змај Ювановић.

3) Vjencas, 1873, 52—Тамара, рођив. І. Т. Црногорка, 1884, VI, 45—Тамара, пр. Поповић-Липовац . . .

4) Стражилово, 1886, 1729 „Когда златно класе“ пр. Рајко; Песнички зборник, 213.

5) Црногорка, 1885, III, 19—пр. Поповић-Липовац.

6) Vjencas, 1874, II—Дума, рођив. І. Т.

7) Јавор 1878, 1385 — Сан, пр. М. Илић.

8) Hrvatska Lipa 1875, 103—Bodež, пр. D. Trnski.

9) Книж. Лист. 1901, I, 19—Воздушна лађа, пр. М. Дрецуц . . .

10) Prosvjeta 1894, 83 — Vila slovenkinja — M. Sabić.

11) Црногорка 1885, XXIV—Кћер морскога цара, пр. І. Поповић-Липовац.

12) Vjencas, 1877, XXXII, 522. Mihajlo Lermontov (k slici).

13) Зора, 1896, IV — Лермонтовъ (са сликом).

14) І. Скерлић, Војислав І. Илић, Беогр. 1907, 58—9.

„Рибар; „Парусъ“ на „Бродар“, „Русалка“ на „На дну реке“; Лермонтовское вліяніе сказалося и на пристрастіи В. Илича къ восточнымъ мотивамъ и на отдѣльныхъ выраженіяхъ въ его поэзи.

3. Лермонтовъ у словинцевъ.

Словинцы знакомятся съ Лермонтовымъ главнымъ образомъ по переводамъ.

Переводная изъ Лермонтова литература у словинцевъ обильна и Лермонтовъ является среди русскихъ поэтовъ однимъ изъ наиболее любимыхъ у словинцевъ; переводомъ его произведеній занимались такіе почтенные дѣятели словинскаго слова, какъ I. Vesel, S. Gregorčič, I. Mencinger, dr. I. Prijatelj, R. Peterlin, I. Pintar, а изъ новыхъ переводчиковъ любитель и знатокъ Лермонтовской поэзи dr. L. Lenard; мало того, лирика Лермонтова представлена въ переводахъ у словинцевъ даже богаче, чѣмъ у другихъ славянъ 1).

Старіише по времени переводы изъ Лермонтова относятся къ 70-мъ годамъ и принадлежать перу большого любителя русской литературы И. Весела, издававшего съ поэтомъ А. Ашкерцомъ сборникъ „*Ruska antologija v slovenskih prevodih*, Gorica, 1901.

Изъ крупныхъ Лермонтовскихъ поэмъ I. Vesel перевелъ „Демона“ и „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ“, а также „Измаилъ-бей“; кромѣ того его перу принадлежать переводы „Дары Терека“, „Казачья колыбельная пѣсня“, „Любовь мертвеца“, „Желаніе“, „Сосѣдка“, „Тамара“, „Споръ“, „Молитва“. Въ переводахъ И. Весела соблюдается размѣръ подлинника и умѣло переданы наиболее красивыя мѣста оригинала.

И. Весель знакомилъ своихъ читателей съ эпикой и лирикой Лермонтова 2), д-г I. Mencinger, I. Prijatelj, R. Peterlin, S. Gregorčič, L. Lenard, Kržišnik знакомятъ словинцевъ съ лирикой Лермонтова.

Словинскій поэтъ С. Грегоричъ перевелъ изъ Лермонтовскихъ произведеній „На смерть Пушкина“, которое кромѣ того было переведено д-ромъ Пріятелемъ 3) и д-ромъ Ленардомъ 4).

Не совсѣмъ удаченъ переводъ стих. „Ангель“, сдѣланный Юс. Кржишникомъ 5), и значительно лучше переводъ того же стихотворенія у д-ра Ленарда 6).

1) Характернымъ является фактъ, что въ средней школѣ Словеніи учащіяся избираютъ для самостоятельнаго изученія и для рефератовъ биографію и творчество Лермонтова; см. „*Jahresbericht des k. k. I Staatsgymnasiums zu Laibach*, 1902, 38 (Prosti govori — VII в. Klasse — M. I. Lermontov-Lah); то-же, 1905, 47 (Prosti govori — VIII klas. — Lermontov-Janežič).

2) M. I. Lermontova, *Izbrane lirične pesni v slovenskem prevodu*, tisk „Zvezne tiskarne“ v Celju, 6 zvez., стр. 161.

3) Slovanska knjižnica, №№ 55—56, стр. 176.

4) *Izbrane lirične pesni*, 4—5, стр. 120—124.

5) *Rus. Antol.* 73.

6) *Izbr. lir. p.*, 1, стр. 5—6; см. *Рус. Ф. Вѣстн.* 1905, 418.

Изъ 3 переводчиковъ лирическихъ произведеній Лермонтова, Л. Ленарда, д-ра Менцингера и Р. Петерлина, первому принадлежит наибольшее число переводовъ, свыше 100, помѣщенныхъ на 224 страницахъ въ 7 книжкахъ, д-ру Менцингеру — 18 переводовъ и Р. Петерлину — 6 переводовъ.

Главнымъ достоинствомъ переводовъ д-ра Ленарда, помимо ихъ полноты и обилія, является правильное пониманіе русскаго текста, близость къ подлиннику и сохраненіе размѣра оригинала.

Среди Лермонтовскихъ стихотвореній, переведенныхъ Менцингеромъ, обращаютъ на себя вниманіе переводы: „Молитва“, „Три пальмы“, „Дума“, „Отчизна“ и др. Переводы Менцингера можно признать въ общемъ удачными, но уступающими переводамъ тѣхъ же произведеній у д-ра Ленарда.

Переводовъ на словинскій языкъ драматическихъ произведеній Лермонтова намъ неизвѣстно, романъ же его „Герой нашего времени“ появился въ 1883 г. въ словинскомъ переводѣ И. Пинтара сначала въ одной изъ самыхъ распространенныхъ словинскихъ газетъ „Slovenski Narod“, потомъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Junak našega časa“ 1).

Переводами почти и исчерпывается литература о Лермонтовѣ на словинскомъ языкѣ; говорить о самостоятельныхъ словинскихъ монографіяхъ о Лермонтовѣ, о болѣе или менѣе замѣтномъ вліяніи его музы на музу тѣхъ или иныхъ словинскихъ поэтовъ пока не приходится.

Краткія біографическія свѣдѣнія о Лермонтовѣ съ общей оцѣнкой его творчества поэтомъ А. А. Ашкерцомъ находимъ мы въ „Življenjepisne in literarnozgodovinske črtice o prevedenih pesnikih“ 2), въ приложеніи къ Ruska antologija. Лермонтовъ характеризуется здѣсь, какъ могучая поэтическая натура, полная юношескаго огня и бурная по темпераменту.

Нѣсколько словъ о Лермонтовѣ, его жизни и музѣ находимъ мы также при передачѣ содержанія „Измаиль-бея“ въ біографіи и характеристикѣ Ив. Весела, сдѣланныхъ д-ромъ К. Глазеромъ 3).

4. Лермонтовъ у поляковъ.

Говоря о Лермонтовѣ у поляковъ на польскомъ языкѣ, приходится главнымъ образомъ имѣть въ виду польскую переводную литературу изъ Лермонтовскихъ произведеній.

Изъ всѣхъ произведеній Лермонтова наиболѣе посчастливилось по количеству, а отчасти и по качеству польскихъ переводовъ его „Демону“.

Старѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ польскихъ переводовъ, Демона, является помѣщенный въ „Biblioteka Warszawska“, 1859, zes. XXXIV, стр. 58—84 переводъ Wł. Sabowskiego.

1) M. Lermontov—I. P. Junak našega časa, Roman (Ponatisnjeni listki iz Slov. Naroda). V Ljubljani, 1883, 264 str.

2) Rusk. ant., str. 427—8.

3) Zgodovina slovenskega slovstva. IV zvezek, spisal d-r K. Glazer, Ljubl., 1898, str. 54—55.

Перепечаткой этого перевода съ нѣкоторыми измѣненіями, о которыхъ будетъ рѣчь дальше, представляется намъ изданный въ 1881 г. безъ обозначенія имени переводчика „Lermontow, Demon, Warsz. 1881“ въ 35 книжкѣ изд. Wislickiego Adama wydawnictwo dzieł tanich.

Въ 1889 году появляется „Szatan (powieść wschodnia) Lermontowa, z wydania szóstego przelozył M. Koroway-Metelicki, Warszawa“.

Въ слѣдующемъ 1890 г. мы находимъ переводъ Лермонтовскаго „Демона“ въ сборникѣ „M. Lermontow, Wybór pism przelożony przez Czesł. Mąkowskiego, Warsz., гдѣ этому переводу посвящены стр. 177—210.

Новѣйшими переводами „Демона“ являются „M. I. Lermontow. Demon, poemat przelożaczyl z rosyjskiego Alf. Wróblewski“, Warszawa, 1901, 51 стр. и переводъ М. М. Божавола-Познанскаго, появившійся дважды, а именно въ 1910 г. въ изданіи „Książki dla wszystkich, 53 стр. и въ 1911 г. особымъ изданіемъ М. Arcta въ Варшавѣ также въ 53 стр., при чемъ на этомъ послѣднемъ изданіи имѣется помѣтка, что переводъ законченъ 23 апр. 1907 г.

Такимъ образомъ имѣется 5 переводовъ Лермонтовской поэмы въ 7 изданіяхъ.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ польскихъ переводовъ „Демона“ лишь Врублевскій помѣщаетъ передъ текстомъ посвященіе (dedykacja oryginala), являющееся переводомъ или точнѣе переложеніемъ, каковымъ является и весь переводъ „Демона“ у Врублевскаго, одного изъ 3 извѣстныхъ посвященій поэмы „Демонъ“, а именно: „Прими мой даръ, моя Мадонна“ (Przyjmij ten dar, o mia dopna).

Наибольшей полнотой и близостью къ подлиннику, установленному академическимъ изданіемъ, отличается новѣйшій изъ переводовъ „Демона“, именно Божавола-Познанскаго, въ которомъ сохраняется между прочимъ и размѣръ подлинника.

Правильное пониманіе текста оригинала, умѣнье проникнуться настроеніемъ поэта и удачно воспроизвести его въ переводѣ на родной языкъ составляютъ несомнѣнное достоинство перевода г. Бож.-Познанскаго и заставляютъ признать его наиболѣе удачнымъ по большей сравнительно съ переводами Коровая-Метелицкаго, Монковскаго и Врублевскаго точности, легкости и изяществу стиха. Незбѣжные при переводѣ частью по требованію языка, частью по требованію стиха отступленія отъ оригинала не искажаютъ однако смысла, настроения и общаго духа послѣдняго.

По достоинствамъ въ смыслѣ полноты при воспроизведеніи русскаго текста и въ смыслѣ возможной точности и близости перевода къ оригиналу мы считаемъ наиболѣе послѣ разсмотрѣннаго перевода Божавола-Познанскаго удачнымъ старшій изъ извѣстныхъ намъ переводовъ „Демона“ В. Сабовскаго, который старается сохранять и размѣръ подлинника.

Появившійся въ 1889 г. переводъ Коровая-Метелицкаго въ редакціонномъ отношеніи не отстаетъ отъ русскаго текста Ефремовскаго изданія; въ смыслѣ же точности перевода, близости къ оригиналу этотъ переводъ заставляетъ желать многого: то допускаются пропуски цѣлыхъ образовъ и картинъ, то дѣлаются излишнія вставки и чуждые русскому подлиннику измѣненія образовъ.

Переводъ Монковскаго, относящійся къ 1890 г., является, какъ и всѣ упомянутые, удовлетворительнымъ съ точки зрѣнія полноты, но размѣра подлинника въ немъ не сохранено, а также нѣтъ точности выраженій при передачѣ оригинала.

Самымъ слабымъ изъ всѣхъ польскихъ переводовъ „Демона“ является переводъ или скорѣе пересказъ А. Врублевскаго, появившійся въ 1901 г. Размѣръ подлинника въ немъ не сохраненъ. Отступленій отъ текста оригинала въ смыслѣ сокращеній, пропуска цѣлыхъ образовъ и картинъ очень много, равно какъ и неточностей, и даже неправильностей при передачѣ подлинника.

Изъ другихъ Лермонтовскихъ поэмъ ни одной не посчастливилось привлечь къ себѣ вниманіе столькихъ переводчиковъ, какъ „Демону“, а нѣкоторыя, даже такія извѣстныя, какъ „Измаилъ-бей“, „Кавказскій плѣнникъ“ и др. совершенно не дождались польскаго перевода.

Имѣются два польскихъ перевода Лермонтовской поэмы „Хаджи-Абрекъ“, а именно: „Chadży Abrek, przekład z Lermontowa, Bolesław-Wiktor“ въ „Biblioteka Warszawska, 1854, III, 434—444 и „Chadży Abrek, powieść kaukaska, przełożył St. Grudziński“, Poznań, 1872, str. 16.

Что касается перваго изъ указанныхъ переводовъ, то онъ является полнымъ и точнымъ; размѣръ подлинника не сохраненъ.

Польскихъ переводовъ „Мцири“ извѣстно намъ два, при чемъ одинъ изъ нихъ Вл. Сырокомли изданъ дважды; такимъ образомъ можемъ отмѣтить слѣдующія изданія Лермонтовской поэмы „Мцири“ на польскомъ языкѣ: 1) *Laik klasztorny (Мцири) z Lermontowa prz. Wł. Syrokomli* въ „Gawędy i rymy ulotne Władysława Syrokomli“, Wilno, 1854, str. 37—67; 2) *Laik klasztorny, prz. Wł. Syrokomli, bibliot. Mrówki, 17, Lwów, 1883, str. 31*; 3) *Mcyri, prz. Czesł. Małowski* въ изд. *Mich. Lermontow, Wybór pism, Warsz. 1890.*

Оба перевода и Сырокомли, и Монковскаго можно признать удачными какъ по полнотѣ, такъ и по правильности въ общемъ перевода. Размѣръ подлинника не сохраненъ ни въ томъ, ни въ другомъ изъ польскихъ переводовъ.

Извѣстны намъ два польскихъ перевода Лермонтовской „Пѣсни про царя Ивана Васильевича . . .“, а именно „Pieśń o Carze Iwanie Wasiliewiczu . . .“ prz. Szepielewicza въ „Athenaeum 1845, III, 122 и „Pieśń o Carze Iwanie Groźnym, o jego młodym opruczniku i dzielnym kupcu Kałasznikowie, prz. Cz. Małowski“ въ „M. Lermontow, Wybór pism“, Warsz. 1890, str. 211—227.

Второй изъ указанныхъ переводчиковъ, Монковскій, полностью передаетъ текстъ оригинала со всѣми припѣвками и старается держаться размѣра подлинника. Переводъ этого произведенія можно признать болѣе удавшимся этому переводчику, чѣмъ переводъ „Демона“ и „Мцири“, хотя, какъ было отмѣчено, переводы и тѣхъ поэмъ нельзя признать неудачными. Неизбѣжная, какъ и во всякомъ стихотворномъ переводѣ, неточность, объясняемая нерѣдко особенностями языковъ оригинала и перевода, требованіями размѣра и рифмы и т. д., есть и здѣсь, но она обыкновенно мало существенна.

Другая поэма Лермонтова на тему изъ древне-русской жизни „Бояринъ Орша“ извѣстна намъ лишь по одному указанному у Estreicher'a¹⁾, но ока-

1) Estreicher, Bibl. polska XIX st., Kraków 1874, t. II, 578.

завшемся недоступнымъ для пользованія переводу: „Bojar Orsza, poemat. Przełożył z rossyjskiego G(ust.) C(zernicki). Wydanie ozdobne. (Oddruk z Dziennika literackiego), Lwów, 1855, str. VII i 51.

Изъ извѣстныхъ намъ въ одномъ и при томъ старомъ польскомъ переводѣ Лермонтовскихъ поэмъ отмѣтимъ еще „Zbieg, legenda górali kaukaskich z Lermontowa“ 1); этотъ переводъ Лермонтовской горской легенды „Бѣглець“ 2) появился въ 1858 г. и сдѣлалъ его „Bolesław Wictor“ достаточно полно, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ общепринятаго русскаго текста частью въ сторону черновыхъ вариантовъ, частью по самостоятельнымъ соображеніямъ переводчика.

„Ангель Смерти“ переведенъ на польскій языкъ переводчикомъ „Демона“ Альф. Врублевскимъ въ 1901 г. „M. I. Lermontow. Anioł śmierci, poemat. Przetłumaczył z rossyjskiego Alfons Wróblewski. Warszawa, 1901“.

Въ смыслѣ полноты картины при передачѣ оригинала переводъ является удовлетворительнымъ и значительно лучшимъ, чѣмъ переводъ „Демона“ у того же Врублевскаго. Размѣръ подлинника не сохраненъ. Однако, переводъ не свободенъ отъ недочетовъ, которые сводятся главнымъ образомъ къ несогласнымъ съ подлинникомъ добавленіямъ и сокращеніямъ.

Изъ переводовъ драматическихъ произведеній Лермонтова на польскій языкъ можно отмѣтить: „Maskarad, dramat w 4 aktach, tłumaczenie Antoniego Kolonkowskiego“, 1875 3).

Обращаясь отъ Лермонтовскихъ поэмъ и драмъ къ его роману „Герой нашего времени“, мы можемъ отмѣтить 3 польскихъ перевода этого произведенія, а именно 1) Bohater naszych czasów. Tłóm. Teodor Kõn. Tom. I—II. Warszawa, 1844, str. 157 i 238 4) 2) „Bohater naszych czasów, powieść. prz. Cz. Małkowski“ 5) въ 1890 г. и 3) „Bohater naszych czasów, Romans, prz. W. Luboradzki, Złoczów“ 1894 и „Księżyczka Mary“ 1896 6). Оба послѣднихъ перевода являются полными, но въ расположеніи отдѣльныхъ главъ романа между ними наблюдается нѣкоторая разница.

Съ точки зрѣнія полноты перевода къ достоинству обоихъ переводовъ слѣдуетъ отнести то, что даже стихи, встрѣчающіеся въ „Бѣла“ и „Тамань“ сохранены въ переводѣ и переданы Люборадскимъ въ изящномъ и сохраняющемъ размѣръ подлинника переводѣ Jul. Choromańskiego, а Монковскимъ, хотя безъ соблюденія размѣра подлинника и съ нѣкоторыми отступленіями отъ оригинала, но тоже достаточно точно и красиво.

Сравнительное изученіе обоихъ польскихъ текстовъ съ русскимъ приводитъ къ выводу, что полнѣе и точнѣе вплоть до употребленія русскихъ оборотовъ рѣчи переводъ Люборадзкаго, польскій же колоритъ болѣе сохраненъ у Монковскаго наряду, однако, съ терминологіей подлинника при передачѣ

1) Bibl. Warsz. 1858, 117—120. У Estreicher'a этотъ переводъ не указанъ.

2) Сочиненія, II, 263—67.

3) Kłosy, XIV.

4) Этого перевода, къ сожалѣнію, достать не удалось.

5) M. Lermontow. Wybór pism, Warsz. 1890, 53—176.

6) Biblioteka powszechna, nakł. W. Zukerkandlu, w Złoczowie, № 183—4, 105—6.

спеціальнихъ типическихъ выраженій кавказскихъ и русскихъ, поясняемыхъ въ примѣчаніяхъ. Полагаемъ, что переводомъ изъ „Героя нашего времени“ является отмѣченный у Estreicher'a и извѣстный намъ лишь по названію переводъ „Pojedunek na Kaukazu“. Z Pamiętników oficera rossyjskiego przez L(eszka) B(orkowskiego), Lwów, Iabłoński, 1848, str. 167.

Судя по всему, — это переводъ отрывка романа „Герой нашего времени“, переименованный въ „Поединокъ“ вмѣсто „Княжна Мери“.

Лермонтовская лирика не можетъ похвалиться обиліемъ переводовъ на польскій языкъ; наиболѣе богато и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно удачно представлена она въ не разъ упомянутомъ сборникѣ „M. Lermontow, Wybór pism“, гдѣ находимъ переводъ наиболѣе извѣстныхъ лирическихъ произведеній Лермонтова, какъ: „Modlitwa“ 1), „Duma“, „Ojczyzna“, „Na zgon Puszkina“, „Koly-sanka kozacza“, „Prorok“, „Trzy palmy“, „Tamara“ и др., всего 35 стихотвореній.

Въ качествѣ же старшаго по времени польскаго перевода изъ области Лермонтовской лирики отмѣтимъ „Więzień, z ross. Fl. Jalowiecki“ 2) въ 1842 г.

Монографическая литература о Лермонтовѣ на польскомъ языкѣ, насколько намъ извѣстно, не можетъ быть признана богатой.

Наиболѣе цѣннымъ въ этой области представляется намъ трудъ Вл. Спасовича, помѣщенный, правда, сначала въ журналъ „Вѣстникъ Европы“ 3) подъ заглавіемъ „Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова“, а затѣмъ переведенный подъ заглавіемъ „Wajronizm Lermontowa“ и помѣщенный какъ „wstęp krytyczny“ въ изданіи избранныхъ сочиненій Лермонтова Ч. Монковскаго 4).

Болѣе другихъ цѣнными являются и труды М. Здѣховскаго, писавшаго, какъ извѣстно, о Лермонтовѣ и на польскомъ, и на русскомъ языкахъ, а также И. Матушевскаго. Не можемъ не отмѣтить, что выдающіеся польскіе ученые, читающіе въ нѣмецкихъ университетахъ, какъ напр. извѣстный профессоръ Берлинскаго университета полякъ А. Брюкнеръ и нынѣ уже покойный профессоръ Бреславльскаго университета полякъ В. Нерингъ удѣляли серьезное вниманіе обзору дѣятельности и оцѣнкѣ значенія Лермонтова при университетскихъ чтеніяхъ передъ своими главнымъ образомъ славянскими слушателями.

1) Bibl. najcelniejszych utworów lit. Europejskiej. Literatura Ruska, W. 1890—M. Lermontow. Wybór pism.

2) Athenaeum, 1842, I, 195—196. Слѣдуетъ отмѣтить передѣлку Лермонтовской „Казначейши“ въ „Pani Kазnaczejowa A. Kł.“ въ Pamiętnik Naukowo-Literacki, 1850, II, 28—48*, о чемъ подробнѣе см. Рус. Фил. Вѣстн. 1912, I—II, стр. 344—350.

3) Вѣстн. Евр. 1888, III. IV.

4) Lermontow. Wybór pism, Warsz. 1890, str. 5—50.

5. Лермонтовъ у чеховъ.

Ознакомленіе чеховъ съ Лермонтовскимъ творчествомъ въ подлинникъ за послѣдніе годы можетъ быть признано успѣшнымъ: изученіе русскаго языка въ качествѣ необязательнаго, но охотно изучаемаго предмета въ цѣломъ рядѣ чешскихъ школъ, быстрый ростъ по лицу всей Чехо-Моравской земли „кружковъ“ любителей русскаго языка содѣйствуютъ тому, что Лермонтовъ, наряду съ другими коренными русскою литературой, становится постепенно доступнымъ чешскому читателю въ подлинникѣ, а ростъ русско-чешскихъ книжныхъ торговыхъ сношеній и появленіе на чешскомъ рынкѣ недорогихъ русскихъ изданій Лермонтова, несомнѣнно, еще болѣе будутъ содѣйствовать ознакомленію чеховъ съ нашимъ поэтомъ въ оригиналѣ.

При отсутствіи пока у чеховъ перевода полнаго собранія сочиненій Лермонтова, у нихъ, однако, можно найти уже двѣ подобныя попытки подойти къ нему: мы имѣемъ въ виду переводъ важнѣйшихъ произведеній Лермонтова на чешскій языкъ и изданіе ихъ особыми книжками, способными дать общее представленіе о музѣ поэта, сначала въ 1872—74 гг. у А. Дурдика ¹⁾, а затѣмъ въ 1892—94 г. у Таборскаго ²⁾.

И тотъ, и другой переводчики отнеслись къ своему дѣлу серьезно, выполнили его тщательно, но переводы Таборскаго стоятъ выше. Таборскому въ заслугу можно поставить и систему въ расположеніи избранныхъ для перевода Лермонтовскихъ произведеній: система эта хронологическая, и ходъ поэтическаго развитія Лермонтова обрисовывается благодаря ей рельефнѣе передъ читателемъ.

Въ числѣ именъ первыхъ провозвѣстниковъ ознакомленія чеховъ съ Лермонтовскою музой надо поставить имена такихъ видныхъ чешскихъ поэтовъ и знаменитыхъ борцовъ за возрожденіе своей родины, какъ Л. Челаковскій и К. Гавличекъ Боровскій.

Правда, ихъ переводы изъ Лермонтова появились въ печати уже послѣ ихъ смерти, именно переводы Челаковскаго въ 1857 г. ³⁾, а Гавличка въ 1870 ⁴⁾; однако, если принять во вниманіе широкую популярность обоихъ поэтовъ въ свое время и ихъ вліяніе на современное мыслящее и чувствующее чешское общество, то фактъ перевода ими Лермонтовскихъ произведеній и извѣстность этихъ переводовъ сначала хотя бы въ рукописномъ видѣ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

У Гавличка намъ извѣстенъ переводъ лишь Лермонтовской „Козачьей колыбельной пѣсни“ — *Kozácká ukolébavka*, рѣ. K. Havlíček Borovský, N. Brod

1) Lermontov. Básně, рѣ. A. Durdík—Poesie světova, III, 1872 и X, 1874.

2) M. Lermontov. Básně přel Fr. Táborský I sv. (1828—32). Sborník světové poesie, vydává Česká Akademie, sv. 7—Praha 1892—192 str. Тамъ же, sv. 38 (1833—37) Praha 1895—162 str.

3) Čas. Česk. Mus. 1857, 23—26.

4) Sebr. spisy, sv. I, 1870, 39—40.

1845, а у Челаковскаго находимъ переводы: „Три пальмы“ (Tři palmy), „Козачья колыбельная пѣсня“ (Ukolebavka kozačsky), „Споръ“ (Spor), „Пророкъ“ (Prorok) и „Вѣтка Палестины“ (Větev Palestiny). Кромѣ перваго изъ отмѣченныхъ стихотвореній, Челаковскій сохраняетъ въ остальныхъ размѣръ подлинника, обнаруживаетъ всюду правильное пониманіе текста. Мы встрѣчаемъ на чешской почвѣ и нѣсколько антологій изъ русскихъ поэтовъ вообще и изъ Лермонтова въ частности; въ качествѣ наиболее извѣстныхъ и распространенныхъ изъ нихъ отмѣтимъ: Vymazal. „Slovanska poesie“, Brno, 1874; „Květobor z předních básníků slovanských“, Brno, 1875; Chalupa, „Kvítí z ruských luhů“, v Praze, 1885; „Niva“ 1893 и др.

Въ послѣднемъ изъ отмѣченныхъ сборниковъ рассчитанныхъ, повидимому, на широкую публику, переводы изъ Лермонтова (Ukolébavka, Borodino, Letorost palestinská), особенно переводъ „Козачей колыбельной пѣсни“, не могутъ быть признаны удовлетворительными изъ-за обилія неточностей, пропусковъ въ однихъ мѣстахъ и растянутости въ другихъ и т. д.

Важнѣйшія поэмы Лермонтова имѣются въ чешскомъ переводѣ и часто не въ одномъ; по обилію переводовъ болѣе всего изъ Лермонтовскихъ поэмъ посчастливилось „Демону“, а по обилію и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинству переводовъ „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ“ и „Хаджи-Абреку“.

Различныхъ переводовъ „Демона“ намъ извѣстно 5, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ перепечатывались; переводы эти вышли изъ подъ пера Е. Вавры въ 1863 г. 1), А. Дурдика въ 1872 г. 2), И. Прокеша въ 1875 г. 3), К. Гупнера въ 1882 4) и неизв. въ 1897 г. 5); кромѣ того можемъ отмѣтить и переводъ оперы „Демонъ“, поставленной впервые въ чешскомъ національномъ театрѣ въ 1885 г. 6) и съ тѣхъ поръ не сходящей съ чешской сцены и пользующейся на ней успѣхомъ. Изъ извѣстныхъ намъ чешскихъ переводовъ „Демона“ наиболее удовлетворительнымъ представляется переводъ Дурдика.

„Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“ извѣстна намъ въ 3 чешскихъ переводахъ Дурдика 7), Ф. В. 8) и Таборскаго 9), при чемъ наиболее вѣрно схваченъ и переданъ духъ оригинала у послѣдняго изъ переводчиковъ; кромѣ того можемъ отмѣтить перепечатку этого Лермонтовскаго произведенія въ оригиналѣ съ

1) Demon (I—XIX), př. E. Vávra-Lumír 1863, 625.

2) Demon, př. A. Durdík—Poes. svět. III, 1872, str. 5—54. (перепечатано въ отрывкахъ „Slovanska poesie, sstr. 181).

3) Demon, př. I. Prokeš — Album Slov. Listů, 1875.

4) Demon, př. K. Hupner — Buch, 1882, 99.

5) Demon, př. N. Velehrad, 1897, č. 12.

6) Demon, fantastická opera dle básně Lermontova napsali Viskovatov a Offerman, přel. A. Mužik. Praha, 1883 (Opery Nár. Divadla, VI).

7) Lermontov. Píseň o caři Ivanu Vasiljeviči, mladém oprýčnicku a statečném kupci Kalašnikovu, Přel. A. Durdík. — Poesie světova, Sbirka X, V Praze, 1874, I — 25.

8) Lermontov. Píseň o caru Ivanu Vasiljeviči, mladém oprýčnicku a smělém kupci Kalašnikovu, Přel. F. V. — Slovanska poezije, T. Fr. Vymazal, V Brně, 1874, 167.

9) Píseň o caru Ivanu Vasiljeviči, mladém oprýčnickovi a smělém kupci Kalašnikovu, přel. F. Táborský. — Sbornik svět. poes., č. 38, str. 136 — 156 — Praha.

переводомъ лишь менѣ понятныхъ словъ въ упомянутомъ уже раньше сборникѣ „Květobor“ 1).

Однимъ изъ наиболѣ раннихъ чешскихъ переводовъ Лермонтовскихъ поэмъ является переводъ Е. Вавры 2) „Хаджи Абрека“ въ концѣ 50-хъ годовъ; тоже произведеніе переведено въ 70-хъ годахъ Дурдикомъ и въ 90-хъ Таборскимъ. Если переводы Дурдика и Таборскаго и въ данномъ случаѣ имѣютъ тѣ же особенности, достоинства и недостатки, которые свойственны этимъ 2 главнѣйшимъ переводчикамъ Лермонтова на чешскій языкъ, то переводъ Вавры интересенъ для нихъ, какъ одинъ изъ старшихъ переводовъ крупныхъ произведеній Лермонтова на чешскій языкъ. Въ переводѣ Вавры сохраненъ размѣръ подлинника. Переводъ безъ пропусковъ передаетъ оригиналъ, сохраняя обыкновенно типическія выраженія, поясняемая въ примѣчаніяхъ. Отступленія отъ подлинника наблюдаются, но носятъ скорѣе характеръ неточностей, чѣмъ непониманія или искаженія оригинала: то эти неточности сводятся къ растянутости, то къ меньшей опредѣленности, чѣмъ въ оригиналѣ. Что касается перевода Дурдика 3), то, до появленія въ сборникѣ переводовъ изъ Лермонтова, онъ былъ напечатанъ въ журналѣ Květy 4). Переводъ Таборскаго 5) красивѣе обоихъ предшествующихъ.

Въ переводѣ и Дурдика 6) и Таборскаго 7) имѣется поэма „Бояринъ Орша“.

Изъ остальныхъ крупныхъ эпическихъ произведеній Лермонтова имѣются въ переводѣ Дурдика „Сказка для дѣтей“ 8) и въ переводѣ Таборскаго „Ангель смерти“ 9), „Измаиль-бей“ 10), „Сашка“ 11).

Кромѣ того намъ извѣстны въ переводѣ Ф. Прокеша 70-хъ годовъ „Аулъ Бастунджи“ 12) и самый старшій изъ извѣстныхъ намъ переводовъ Лермонтовскихъ поэмъ переводъ І. Коржинка „Мцири“ 13), сдѣланный въ началѣ 50-хъ годовъ. Переводъ обнаруживаетъ знакомство съ извѣстнымъ Боденштедтовскимъ переводомъ Лермонтова, называемымъ Коржинкомъ „zdařilý převod básnických spisův Lermontova od vutečného Bodenštedta v německém rouše“. Переводъ „Мцири“ является полнымъ.

1) Píseň o caru Ivanu Vasiljeviči, o mladém osobním strážci a o smělem kupci Kalašnikovu . . . — Květobor z předních básníků slovanských, vyd. Fr. Vymazal. V Brně 1885, 120—48.

2) Chadži Abrek, přel. E. Vávra. — Čas. Čes. Mus. 1859, str. 347—52.

3) Chadži Abrek, přel. A. Durdik—Poesie světova, X, Praha 1874, II, 26—42.

4) Květy 1871, str. 6.

5) Chadži-Abrek, přel. F. Taborský, Sborn. svět. poesie, č. 38, str. 37—54.

6) Bojarin Orša, př. A. Durdik—Poes. sv. III, Praha 1872, I, 71—111.

7) Bojarin Orša, př. Fr. Taborský—Sborn. svět. poesie, č. 38, str. 94—135.

8) Povídka pro děti, př. A. Durdik—Poes. sv. III, 1872, I, 55—70.

9) Anděl smrti. Východní pověst, př. Fr. Taborský—Sborn. svět. poes., č. 7, str. 75—95.

10) Izmajil bej. Východní pověst, př. F. Taborský—Zl. Praha 1891, str. 351. 363. 374. 386. 399. 410. 426. 438. 450. 462. 471. 483, а также въ „Sborn. svět. poesie, č. 7, str. 96—188.

11) Saska. Verš. roman, př. Fr. Taborský—Sborn. sv. poes., č. 38, str. 55—61.

12) Aul Bastundži, přel. F. Prokeš-Lumír, 1875, str. 271.

13) Mcirí, př. J. B. Kořínek—Čas. Čes. Mus. 1853, str. 280—303.

Передача подлинника можетъ быть признана въ общемъ правильной и отвѣчающей высказанному самимъ переводчикомъ желанію „дать переводъ по возможности вѣрный, поскольку это допустимо духомъ чешскаго языка“. Размѣръ подлинника сохраненъ. Изъ произведеній Лермонтова не переведенными на чешскій языкъ остались „Кавказскій Пльнникъ“, „Валерикъ“, „Казначейша“, „Корсаръ“ и нѣкоторыя другія.

Не можемъ указать чешскихъ переводовъ и драматическихъ произведеній Лермонтова.

Зато Лермонтовская лирика представлена на чешской почвѣ очень богато, гл. обр. благодаря тѣмъ же умѣлымъ и очевидно прочувствовавшимъ Лермонтовскую поэзію переводчикамъ А. Дурдику и Ф. Таборскому, которыхъ мы уже не разъ упоминали и общая оцѣнка переводовъ которыхъ не можетъ не быть лестной.

Изъ всѣхъ произведеній Лермонтова особенно посчастливилось по общію переводовъ „Козачьей колыбельной пѣснѣ“: ее переводили, какъ было уже указано, и Гавличекъ¹⁾ съ Челаковскимъ²⁾; переводили ее и Дурдикъ³⁾, и Халупа⁴⁾, и Таборскій⁵⁾; помѣшалась она и въ русскомъ оригиналѣ съ пояснительными примѣчаніями⁶⁾.

Свыше двухъ переводовъ имѣется стихотвореній: „Вѣтка Палестины“, а именно Челаковского⁷⁾, Халупы⁸⁾ и Таборскаго⁹⁾; „Парусъ“ въ переводахъ Пихля¹⁰⁾, Брожа¹¹⁾ и Таборскаго¹²⁾; „Еврейская мелодія“ въ переводахъ Юстовой¹³⁾, Б. Квапиловой¹⁴⁾ и Таборскаго¹⁵⁾; „Три пальмы“ въ переводахъ Челаковского¹⁶⁾, Пражка¹⁷⁾ и Дурдика¹⁸⁾; „Чаша жизни“ — въ переводахъ Брожа¹⁹⁾, Ворачка²⁰⁾ и Таборскаго²¹⁾; „Кинжалъ“ въ переводахъ Арбеса²²⁾,

1) Havlíček. Sebr. spisy I, 1870, 39—40.

2) Čas. Čes. Mus. 1857, 24; Slovanska poesie, Brno, 1874, 164.

3) Květy, 1870, 374; Poesie světova, X, 1874, II, 75 „Kozáčká ukolébavka, př. A. Durdik.

4) Ukolébavka, př. F. Chalupa-Kviti z ruských luhů, 1885, str. 15.

5) Ukolébavka, př. F. Taborský — Čas, 1897, č. 5.

6) Květohor, Brno, 1885, 150—2.

7) Č. Č. M. 1857, 26.

8) Kviti z rusk. luhův, 1885, 114.

9) Větvicez Palestiny — Sb. sv. poes. 38, II, 13.

10) Plachta, př. I. B. Pichl — Čas. Č. M. 1852, 119; Společ krasořečník český, III, Praha 1853, 27.

11) Plachta, př. L. Brož — Obrazy života 1875, 187.

12) Plachetní loď, př. Taborský — Sb. sv. poes., 7, 71.

13) Hebrejska melodie, př. B. Justova-Ruch, 1879.

14) Hebrejska melodie, př. B. Kvapilová — Kalendář česko-židovský, 1898—9, st. 126.

15) Hebrejska melodie, př. F. Taborský — Sb. sv. p. 38, II, 9.

16) Č. Č. M. 1857, 23; Slov. poesie, 1874, 165.

17) Květy, 1868.

18) Poes. svět. 1874, X, II, 58.

19) Čiše života, př. L. Brož — Obrazy života 1875, 187.

20) Pohár žiti, př. I. Voráček — Ruch, 1880, 251.

21) Pohár života, př. Taborský — Sb. sv. p. 7, I, 62—63.

22) Kindžal, př. I. Arbes — Vesna Kutnohorska, 1868, č. 2.

Дурдика 1) и Таборскаго 2); „Бородино“ — въ переводахъ В. Космака 3), Халупы 4) и Таборскаго 5); стихотвореніе „Пророкъ“ извѣстно на чешской почвѣ въ переводахъ Челаковскаго 6) и Дурдика 7) и въ перепечаткѣ русскаго оригинала съ пояснительными чешскими примѣчаніями 8).

Нѣсколько разъ переведенной является и Лермонтовская „Молитва“, а именно Дурдикомъ 9), Буріаномъ 10), Таборскимъ 11) и неизвѣстнымъ 12), а кромѣ того она помѣщена въ русскомъ оригиналѣ съ чешскими примѣчаніями въ „Květobor“ 13).

Если весьма солиднымъ является количество Лермонтовскихъ стихотвореній, переведенныхъ на чешскій языкъ по нѣскольку разъ, то еще болѣе значительно число его произведеній имѣющихся въ двухъ и въ одномъ чешскомъ переводѣ; изъ Лермонтовскихъ произведеній, имѣющихся въ двухъ переводахъ, большая часть падаетъ на долю не разъ упомянутыхъ сборниковъ Дурдика и Таборскаго. Такъ, тѣмъ и другимъ переведены „На смерть Пушкина“, „Умирающій глаadiator“, „Нѣтъ, я не Байронъ“, „Ангель“, „Смерть“, „Не смѣйся надъ моею пророческою тоскою“, „Разстались мы“ и др.

Если большая часть переводовъ изъ Лермонтова, сдѣланныхъ дважды, принадлежитъ перу Дурдика и Таборскаго, то можно отмѣтить и нѣсколько двойныхъ переводовъ, изъ которыхъ одинъ сдѣланъ либо Дурдикомъ, либо Таборскимъ, а другой какимъ-либо инымъ переводчикомъ; въ качествѣ таковыхъ укажемъ переводы: „Выхожу одинъ я на дорогу“, „Два Сокола“, „Сонъ“ и др.

При обилии Лермонтовскихъ произведеній, переведенныхъ на чешскій языкъ по два раза и болѣе, мы находимъ у Дурдика 26, а у Таборскаго 66 переводовъ тѣхъ произведеній Лермонтова, которыя имѣются лишь въ одномъ переводѣ одного изъ указанныхъ лицъ; отмѣтимъ, что переводы Таборскаго вошли лишь въ „Sbornik svět. poesie“, с. 6 и с. 38, а большая часть переводовъ Дурдика появилась не только въ „Světova poesie“ X, 1874, II, но и въ журналахъ „Květy“, „Lumír“, въ сборникѣ „Slovanská poesie“, Vymazal и др.

Помимо переводовъ Дурдика и Таборскаго имѣется и еще нѣсколько единичныхъ чешскихъ переводовъ Лермонтовскихъ произведеній; принадлежатъ они перу Прокеша (I. Prokeš), который сдѣлалъ переводы „Lodka“ и „Divka“ (Album Slov. Listů, 1875), Челаковскаго, переведшаго „Spor“ (Č. Č. M. 1857, 24), Ворачка, изъ-подъ пера котораго вышло „Tak ohnivě víc tebe nemilují“ (Ruch.

1) Dýka, př. Durdik — Poes. sv. X, 1874, II, 70.

2) Dýka, př. Taborsky, Sb. sv. poes. 38, II, 31.

3) Borodino, př. V. Kosmák — Slov. poes. 1874, T. 166.

4) Květy z rus. luhův, 1885, 73.

5) Sbor. sv. poes. 38, II, 23.

6) Č. Č. M. 1857, 25.

7) Květy, 1870, 54; Poes. sv. X, 1874, II, 68.

8) Květobor, 148—150.

9) Květy, 1870, 62; Poes. sv. X, 1874, II, 77.

10) Modlitba, př. K. Burian — Vesna, 1885.

11) Sborn. sv. poes. 38, str. 27.

12) Zora, I, 1882.

13) Květobor, стр. 153.

1880, 251), Юнга, который перевел „Probuzení“ (Květy, 1884, II, 281), а также I. B. „Utěcha“ (Zlaté Klasy 1856, 9) и V. Č. B. „Uvězněný gytiř“ (Lumír 1854, II, 1225).

Переводы Лермонтовских стихотворений не прекращаются на чешской почвѣ съ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка и до появленія болѣе или менѣе полныхъ сборниковъ избранныхъ произведеній Лермонтова въ переводахъ Дурдика и Таборскаго.

Дань этой переводной изъ Лермонтова литературѣ приносятъ такіе крупные дѣятели чешскаго слова, какъ Гавличекъ, Челаковскій, Таборскій и др., при чемъ громадное большинство переводчиковъ и переводчицъ обнаруживаютъ правильное пониманіе оригинала и серьезное отношеніе къ принятому на себя дѣлу.

Изъ нестихотворныхъ произведеній Лермонтова на чешскомъ языкѣ имѣется полный и правильно передающій подлинникъ переводъ „Героя нашего времени“. Переводъ этотъ сдѣланъ Я. Жебро и вышелъ въ изданіи Оттовой дешевой библіотеки въ 1879 г. подъ заглавіемъ „Hrdina naší doby“, přel. I. Žebro, Laciná knihovna národní, č. 29.

Старшимъ переводомъ этого произведенія является сдѣланный изъ „Denpica Warszawska“ переводъ I. Sl. T. въ журналѣ Česká Wěsta 1) 1844 отрывка „Тамань“.

Въ томъ же 1844 году, но въ другомъ журналѣ, именно въ „Květy“ 2) К. М. Letinsky помѣщаетъ сдѣланный съ нѣмецкаго переводъ „Tamaň. Wyňatek z příběhu Lermontowa nazwaného Bohatýr našeho věku“. Позднѣе тотъ же отрывокъ „Тамань“ мы находимъ въ переводѣ Ваулика въ 50-хъ годахъ 3) и въ переводѣ Летинскаго въ концѣ 60-хъ 4).

По обилію переводовъ за „Таманью“ слѣдуетъ „Фаталистъ“, появившійся въ переводахъ 1853 5), 1875 6) и 1881 годовъ 7).

Переводъ „Княжны Мери“ и „Бѣлы“ также появляется въ 50-хъ годахъ: первый въ газетѣ „Pražske Noviny“ 8) изъ-подъ пера Ф. В. К., а второй въ журналѣ „Lumír“ 9) изъ-подъ пера „A. Strauch“.

Отдѣльно появлялись въ чешскомъ переводѣ также отрывки „Karagez, zpomínka z Čerkeska“ въ „Narodní Nowiny“, 1850, № 12, 13 и „Z cestovních zápiskův, z pozůstalosti I. Holého“ въ Koleda, 1877, 269.

Въ 4 переводахъ извѣстна на чешскомъ языкѣ и повѣсть Лермонтова „Ашикъ-Керибъ“. Впервые перевелъ ее въ 1854 г. А. Prachovský 10), затѣмъ

1) Č. Wěsta, 1844, 42, 43.

2) Kwěty, 1844, 62, 63, 64.

3) Tamaň, pověst, př. I. Vaclik — Lumír, 1854, 779.

4) Tamaň, př. K. M. Letinský — Talor, 1869.

5) Fatalista — Praž. Noviny 1853, č. 70—73.

6) Fatalista, př. A. Popel — Stavia, 1875.

7) Fatalista, povídka — Zlat. Listy 1881, 275.

8) Pražske Noviny, 1853, ч. 4—8, 11—14, 16—19, 22, 24, 26, 28, 30—32, 34—38, 40.

9) Lumír, 1855, II, 1010.

10) Ašik-Kerib. Turecka pověst — Lumír 1854, II, 1135.

въ 1874 г. I. Ježek 1), потомъ въ 1880 V. Havel 2) и наконецъ въ 1893 г. Fr. Táborský 3).

Переходя къ вопросу объ оцѣнкѣ личности и творчества Лермонтова чехами, мы должны отмѣтить, что первые видные представители чешскаго Парнаса не въ достаточной мѣрѣ знали и цѣнили Лермонтовскую музу. Такъ знаменитый пѣвецъ славянской взаимности и авторъ „Slavy dcera“ не удѣляетъ мѣста Лермонтову, какъ и Пушкину, въ храмѣ Славы, тогда какъ упомянуты имена не только Ломоносова, Державина, но и Жуковского, и Хомякова. Л. Челаковский, переведившій, какъ мы видѣли, изъ Лермонтова, не включая однако его произведеній въ свою русскую антологию 4).

Далѣе, хотя Гавличекъ и перевелъ „Козачью колыбельную пѣсню“, однако въ письмѣ изъ Москвы въ 1843 г., отзываясь весьма одобрительно о Гоголѣ, онъ обо всѣхъ остальныхъ русскихъ писателяхъ, въ томъ числѣ, слѣдовательно, и объ извѣстномъ ему Лермонтовѣ, отзывается, какъ объ „imitatorum resus“ 5). Въ общемъ вплоть до Г. Махи, этого талантливаго, но безвременно погибшаго чешскаго байрониста, мы не наблюдаемъ на чешской почвѣ особаго расположенія къ поэзии въ духѣ Байрона, Пушкина, Лермонтова, Мицкевича и т. д.

Лишь въ эпоху Галька и Неруды Лермонтовъ на ряду съ Байрономъ и Пушкинымъ начинать служить образцомъ, и въ творчествѣ Пфлегера Моравскаго (Pan Vyšinský), Св. Чеха и др. мы находимъ уже отзвуки Лермонтовскихъ мотивовъ и настроеній.

Среди имѣющихся на чешскомъ языкѣ критическихъ замѣтокъ о Лермонтовѣ обращаетъ на себя вниманіе одна изъ статей 50-хъ годовъ, а именно „Lermontov a předni básnikové Rušti, úvod k překladu Lermontova básně Mcirí od I. V. Kořínka“ 6).

Коржинекъ сообщаетъ въ своемъ очеркѣ краткій біографическій очеркъ о Лермонтовѣ, отмѣчаетъ вліяніе на него Байрона, Пушкина, Жуковского, Бенедиктова и даетъ характеристику и оцѣнку его важнѣйшихъ произведеній, изъ которыхъ особенно высоко ставитъ „Píseň o statném kurcu Kalášnikovi“.

Біографическихъ очерковъ о Лермонтовѣ имѣется у чеховъ нѣсколько, напр. въ книжкѣ „Slovanská poezije“, I, Fr. Vymazal, Brno, 1874, 158; въ монографіи Fr. Provazník 7) „M. I. Lermontov. Literární studie“, гдѣ имѣется біографическій очеркъ и оцѣнка литературной дѣятельности поэта и т. д.

Замѣтку біографическаго характера, по сообщенію Раевского, помѣстилъ О. Červínka въ журналѣ Květy 8), подъ заглавіемъ „O souboji a smrti Lermontova“.

1) Lumír, 1874, 200.

2) Česka Včela 1880, 378.

3) Zlata Praha, 1893, 135.

4) Fr. L. Čelakovského, Sebrane spisy. Spisův básnických kníhy šestery. V Praze. VI, str. 367—401.

5) K. Havlíček, Korrespondence, spoř. L. Quis, 1903, 110.

6) Č. Č. M. 1853, 272—80.

7) Světozor, 1871, 197. 210. 219. 246. 258. 282. 307. 330.

8) Květy, 1887, 471. 507. 644.

Нѣсколько замѣтокъ въ чешскихъ газетахъ и журналахъ появилось въ 1891 г. по случаю 50-лѣтія смерти поэта: такъ намъ извѣстны статья д-ра I. Караска ¹⁾, статья Ф. Таборскаго „K jubileu Lermontova“ ²⁾, статьи „Oslava Lermontova“ ³⁾, статья „27 července 1891“ ⁴⁾ и др.

Можемъ отмѣтить одну извѣстную намъ замѣтку, появившуюся и по поводу 40-лѣтія смерти Лермонтова, именно „Pamatka umrti Lermontova“ въ „Ruch“ 1880—81, 296.

По русскому пособию Евстафьева сдѣлана была замѣтка о Лермонтовѣ, какъ драматическомъ писателѣ, помѣщенная въ журналѣ „Česka Thalia“ 1891, 11 подъ заглавіемъ „Lermontov, jako dramatik“.

Среди чешскихъ монографій о Лермонтовѣ обращаетъ вниманіе на себя помѣщенная въ „Česka Revue“ и появившаяся въ отдѣльномъ изданіи работа Д-ра I. Fölprecht „Michal Iurjevič Lermontov, Praha 1910“.

Являясь результатомъ изученія монографій о Лермонтовѣ на русскомъ языкѣ, а также на нѣмецкомъ, чешскомъ и польскомъ, эта работа обнаруживаетъ знакомство автора съ творчествомъ русскаго поэта какъ въ оригиналѣ, такъ и въ лучшихъ чешскихъ переводахъ.

Пользуется авторъ для своей монографіи трудами Быкова, Н. Котляревскаго и Спасовича, главами о Лермонтовѣ у Бѣлинскаго, Водовозова, Андреевскаго, Пыпина, Энгельгардта.

Изъ нѣмецкихъ пособій Фольпрехтъ воспользовался работами Боденштедта, Рейнхольдта и А. Брюкнера, изъ польскихъ — И. Матушевскаго и М. Здѣховскаго, а изъ чешскихъ — Стина.

Вся монографія состоитъ изъ 3 частей: сначала мы находимъ вступительную часть, являющуюся выраженіемъ взгляда автора на Лермонтова; далѣе идетъ біографическая часть, излагаемая параллельно съ характеристикой типичныхъ для того или иного періода жизни поэта произведеній; наконецъ, дается являющийся наиболѣе цѣннымъ во всей монографіи обзоръ его важнѣйшихъ произведеній: „Демона“, драматическихъ произведеній, „Героя нашего времени“, и дѣлается характеристика его поэтической дѣятельности въ цѣломъ. На основаніи монографій, послужившихъ фундаментомъ для работы Фольпрехта, послѣднимъ выясняется отношеніе Лермонтова къ эпохѣ и другимъ писателямъ иностраннымъ и русскимъ, въ особенности къ Пушкину. Приводя цитаты, авторъ монографіи пользуется неоднократно русскимъ текстомъ Лермонтовскихъ произведеній, передаваемыхъ однако латинской транскрипціей; въ большинствѣ же случаевъ онъ цитируетъ переводы Таборскаго (На смерть Пушкина; Когда волнуется желтѣющая нива; Я, Матерь Божія), Дурдика (Дума; И скучно, и грустно) и др.

Въ заключеніе отмѣтимъ посвященія Лермонтову чешскихъ поэтовъ, а именно: „M. I. Lermontov. Báseň z cyklu „Hroby básníků slovanských“, naps. I. P. Koubek ⁵⁾ и „Hrdina naší doby (na M. Lermontova)“, V. Otomara ⁶⁾.

1) Nar. Listy 1891, 201.

2) Čas, 1891, 474.

3) Čas, 1891 541. 560.

4) Maticе Slovanska, 1893, č. 12, 185—8.

5) I. P. Koubek, Sebrane spisy, Pr. 1857, T. 101—105.

6) Niva, 1893, 270.

6. Лермонтовъ у словаковъ.

Литература о Лермонтовѣ на словацкомъ языкѣ исчерпывается почти исключительно переводами его произведений, при томъ немногочисленными.

Болѣе другихъ Лермонтовскихъ произведений посчастливилось у словаковъ „Герою нашего времени“; раньше другихъ и при томъ дважды получился переводъ „Тамани“: сначала въ журналѣ „Sokol“ ¹⁾ онъ сдѣланъ Зоровитомъ (Zorovit), который далъ достаточно полный и правильный переводъ съ передачей пѣсни дѣвушки контрабандистки стихами; черезъ 10 лѣтъ послѣ этого перевода въ переводѣ Незабудова помѣщается переводъ „Таман“ въ журналѣ „Orol“ ²⁾, при чемъ стихи сначала приведены по-русски въ оригиналѣ, транскрибированномъ латиницей, а въ примѣчаніи данъ стихотворный переводъ на словацкомъ языкѣ.

Одновременно съ переводомъ „Тамани“ въ переводѣ того же Незабудова (Nezabudov-Nosák) помѣщается въ „Orol“ отрывокъ „Fatalist“ ³⁾.

Позднѣе г-жа Шкультети (Bohdana Škultetý), обнаруживающая въ своихъ переводахъ съ русскаго основательное знаніе русскаго языка и любовь къ русской литературѣ, пополнила пробѣлъ словацкой литературы въ области полного перевода „Героя нашего времени“ на этотъ языкъ и помѣстила въ редактируемомъ ею мужемъ, извѣстномъ словацкимъ ученымъ I. I. Шкультетымъ, журналѣ „Slovenske Pohl'ady“ переводъ „Bela“ ⁴⁾, „Maxim Maximič“ ⁵⁾ и „Kňazka Meri“ ⁶⁾. Типичные русскіе и кавказскіе термины переводчица передаетъ языкомъ оригинала, давая въ примѣчаніяхъ надлежащія поясненія; переводитъ она въ примѣчаніяхъ и французскія фразы подлинника.

Изъ переводовъ Лермонтовскихъ нестихотворныхъ произведений можемъ отмѣтить также переводъ „Ашикъ-Кериба“ ⁷⁾.

Перу извѣстнаго словацкаго поэта Гвѣздослава (Hviezdoslav — Pavel Orszagh) принадлежитъ достойный славнаго имени переводчика переводъ Лермонтовской „Píseň o saŕovi Ivanovi Vasiljevičovi, mladom opričníkovi a statnom kircovi Kalašnikoví“ и поэмы „Демонъ“ (въ „Slov. Pohl'ady“ 1912, Soš 7, 8—9).

Изъ Лермонтовской лирики извѣстны намъ переводы на словацкій языкъ „Smrt“ (př. I. Škultetý — Sl. Pohl. 1891, 519), „Jej“ (přel. O. Chrobak), „Eritafia“ (př. O. Chrobak); кромѣ того въ русскомъ оригиналѣ было помѣщено въ Sl. Pohl. 1898, 373 стихотвореніе „Отчизна“.

Изъ посвященныхъ Лермонтову статей на словацкомъ языкѣ можемъ отмѣтить появившуюся въ связи съ 50-лѣтіемъ смерти поэта статью I. I. Шкультетаго въ „Slov. Pohl'ady“. 1891, 9.

У лужицкихъ сербовъ, насколько намъ извѣстно, не имѣется переводовъ изъ Лермонтова и статей о немъ.

II. Заболотскій.

1) Sokol, 1866, 178.

2) Orol 1877, 77—89.

3) Orol, 1877, 279—81; 301—3.

4) Slov. Pohl. 1892, 478. 527.

5) Sl. Pohl. 1892, 601.

6) Sl. Pohl. 1910, 449—501.

7) Ašik-Kerib, př. Škultetý — Sl. Pohl.

III.

Лермонтовъ у нѣмцевъ.

Еще при жизни Лермонтова Н. А. Мельгуновъ рекомендовалъ нѣмецкому писателю Карлу-Августу Фарнгагену-фонъ-Энзе *) для перевода одинъ рассказъ нашего поэта, совершенно до того времени неизвѣстнаго въ Германіи. Тотъ же Н. А. Мельгуновъ и устно и письменно не разъ сообщалъ своему нѣмецкому собрату Генриху Кёнигу матеріалъ для книги: „Literarische Bilder aus Russland“, Stuttgart und Tübingen, 1837 и изъ-за этого вынужденъ былъ вступить въ ожесточенную полемику съ русскимъ журналистомъ Н. И. Гречемъ. Что касается Фарнгагена, онъ служилъ въ 1813 г. капитаномъ въ русской арміи подъ начальствомъ генерала Теттенборна. Затѣмъ онъ въ 1814 г. поступилъ на дипломатическую службу въ Пруссіи, но недолго оставался на ней. Онъ вращался въ Берлинѣ среди высшаго общества, и его какъ въ столицѣ Германіи, такъ и на курортахъ, гдѣ онъ лѣтомъ проводилъ время, посѣщали путешествующіе русскіе аристократы и писатели. Опубликованные „Tagebücher“ („Дневники“) Фарнгагена и его не напечатанное рукописное наследство (хранящееся въ Королевской Берлинской библіотекѣ) свидѣтельствуютъ о его разнообразныхъ сношеніяхъ съ русскимъ обществомъ и обширной перепискѣ съ русскими дѣятелями.

Фарнгагенъ перевелъ „Бѣлу“ Лермонтова въ Киссингенѣ и закончилъ эту работу 10-го іюля 1840 г. Нѣкоторую помощь оказалъ ему при этомъ молодой баронъ Б. фонъ-Икскуль. Переводъ Фарнгагена съ посвященіемъ Н. Мельгунову подъ заглавіемъ: „Bela. Aus den Papieren eines russischen Offiziers über den Kaukasus. (Aus dem Russischen des Michael Lermontoff)“ вошелъ въ собраніе сочиненій Фарнгагена: „Denkwürdigkeiten und Vermischte Schriften“, Leipzig 1840 Band 6; 2-е изданіе Leipzig, 1843, Band 6, Seite 298—355. Въ своихъ „Tagebücher“ (Band 3, S. 122) подъ 15 іюля 1845 г., въ Гомбургѣ, Фарнгагенъ отмѣчаетъ, что его переводъ „Бѣлы“ напечатанъ уже въ третій разъ, и что лѣчившійся на томъ же курортѣ русскій писатель и переводчикъ Эртель, ему рассказывалъ, что „Бѣлу“ перевелъ и онъ, Эртель, а также и принцъ Эмиль Гессенъ-Дармштадтскій. О томъ, что Фарнгагенъ (ум. въ 1858 г.) постоянно интересовался Лермонтовымъ, свидѣтельствуютъ многочисленныя замѣтки его о Лермонтовѣ, находящіяся въ его „Tagebücher“, изданныхъ въ 1861—1870 гг. въ Лейпцигѣ (Band 1, S. 195. 196. 201; Band 2, S. 100. 322;

*) Транскрипція „Фарнгагенъ“ основана на невѣрномъ произношеніи этого слова, чисто-нѣмецкаго по происхожденію.

Band 3, S. 42. 122. 175; Band 9, S. 220. 273; Band 10, S. 328; Band 12, S. 146; Band 14, S. 276).

Начиная съ 1841 г., профессоръ физики А. Эрманъ издавалъ въ Берлинѣ, пользуясь пособіемъ отъ русскаго министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, „Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland“. Въ этомъ журналѣ встрѣчаемъ нѣсколько статей о Лермонтовѣ. Такъ въ первомъ же выпускѣ въ статьѣ: „Neueste russische Litteratur“ (Berlin 1841, S. 231—238) Фарнгагенъ такъ характеризуетъ Лермонтова: „Наиболѣе блестящее и наиболѣе общающее явленіе новой русской поэзіи... Молодой поэтъ, который обладаетъ величайшимъ вдохновеніемъ... Въ его стихотвореніяхъ проявляется и мощь прежнихъ временъ, и свобода, и мастерство нынѣшнихъ. На Лермонтова, по справедливости, обращены взоры, полные ожиданія“.

Дальнѣйшихъ статей Фарнгагена въ „Archiv“ Эрмана не имѣется. Зато знаменитый востоковѣдъ В. Шоттъ въ 3-мъ выпускѣ 2-го тома (Berlin, 1842, S. 439—458) даетъ въ своей статьѣ „Lermontows Gedichte“ прекрасную характеристику (съ цитатами изъ отзыва Шевырева) и между прочимъ пишетъ: „Немногіе поэты отличаются такимъ жаромъ и такой глубокой искренностью чувства; немногіе обладаютъ болѣе пышной красочностью, которую дѣлаетъ еще очаровательнѣе благозвучіе прекраснѣйшихъ стиховъ“... Свою статью Шоттъ сопровождаетъ переводомъ „Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“.

При жизни Лермонтова появилась еще оцѣнка его поэзіи въ „Telegraph für Deutschland“, Hamburg, № 73, Mai 1841, S. 292, въ замѣткѣ, подписанной S.: „Россія полагаетъ, что въ Лермонтовѣ подрастаетъ новый Пушкинъ. Это уже кое-что значить, но еще не особенно много... Съ гораздо большею оригинальностью (чѣмъ находящійся подъ влияніемъ байроновскихъ идей Пушкинъ) выступаетъ Лермонтовъ. Онъ поднимается до такой объективности, которая до сихъ поръ не была достигнута въ такой высокой степени ни однимъ другимъ русскимъ поэтомъ. Его стихотворенія построены съ художественной обдуманностью, его образы — свѣжи, смѣлы, обильны красками и почти надъ всѣми его твореніями вѣетъ опьяняющій восточный запахъ. „Telegraph“ вскорѣ въ состояніи будетъ напечатать въ удачныхъ переводахъ нѣсколько стихотвореній этого подающаго надежды поэта“. Вслѣдъ за этимъ въ „Telegraph“ появились (№ 77 Mai 1841, S. 305—306) два стихотворенія: („Des Terecks Gaben“) „Дары Терека“ и (№ 81, Mai 1841, S. 321) „Три пальмы“ („Die drei Palmen“), переведенныя Августомъ Меттлеркампомъ. Меттлеркампъ былъ русскимъ офицеромъ въ войнѣ 1827 г. съ Персіей, затѣмъ въ 1834 г. штабсъ-ротмистромъ, а въ то время состоялъ лекторомъ нѣмецкаго языка при Харьковскомъ университетѣ.

Въ „Originalien aus dem Gebiete der Wahrheit, Kunst, Laune und Phantasia“, издаваемыхъ Георгомъ Лотцъ въ Гамбургѣ (Jahrgang 25, № 113—119, September — Oktober 1841), Меттлеркампъ напечаталъ подъ своимъ именемъ „Ein Abenteuer aus dem Kaukasus“ — „eine Episode aus dem beliebten russischen Roman „der Held unserer Zeit“ von Lermontow“ [sic!]. Это — отрывокъ изъ „Бѣлы“, онъ обрывается на смерти отца Бѣлы (см. Сочиненія Лермонтова, Академическое изданіе, т. IV, стр. 155—171). Этотъ отрывокъ долженъ былъ

служить „образчикомъ“ въ тѣхъ видахъ, „чтобы по возможности побудить солидные книжныя фирмы предпринять изданіе всего произведенія“. Но, повидимому, такого издателя не нашлось. Поэтому продолженіе появилось опять въ „Originalien“; такъ, въ Jahrgang 26, № 60—84, Mai — Juli 1842 была напечатана глава: „Княжна Мери“ — „Gräfin Maria: Novelle. Aus Petschorins Tagebuch. Dem Russischen nacherzählt von August Mettlerkamp“, причѣмъ имя Лермонтова, какъ автора здѣсь не было упомянуто. Дальше „Originalien“ дали (Jahrgang 26, № 100—104, August — September 1842) „Taman. Aus dem Russischen des Lermontow [sic!] von August Mettlerkamp“. Въ „Originalien“ (№ 124, Oktober 1842) напечатано „Kosackisches Wiegenlied. Frei nach dem Russischen von W. H.“ (то есть, W. Hardt). Имя Лермонтова предусмотрительно не названо, ибо это очень вольный переводъ „Казачьей колыбельной пѣсни“.

Въ рукописномъ наслѣдствѣ Фарнгагена, хранящемся въ Королевской Берлинской библиотекѣ, находится письмо Августа Меттлеркампа, помѣченное „Charkoff 28 Mai 1847“, безъ обозначенія адресата, но, судя по содержанію письма, имъ можетъ быть только нѣмецкій историкъ литературы Оскаръ-Людвигъ-Бернгардъ Вольффъ. Въ этомъ письмѣ Меттлеркампъ сообщаетъ, что онъ желаетъ прекратить занятіе переводами, сознавая все превосходство Боденштедта надъ собою въ этомъ искусствѣ: „Я охотно устранию себя тамъ, — пишетъ Меттлеркампъ — гдѣ берется за перо такой писатель, какъ Боденштедтъ. Переводы Боденштедта, по моему скромному мнѣнію, — настоящія произведенія искусства и едва ли когда-либо могутъ быть превзойдены“.

Прибалтійскій поэтъ баронъ Романъ фонъ-Будбергъ-Беннингсгаузенъ, эстляндецъ по происхожденію, жилъ съ 1840 по 1842 г. въ Берлинѣ. Онъ напечаталъ тамъ (въ 1842 г.) „Мцири“ Лермонтова въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „Der Novize“. Это — первое произведеніе Лермонтова, которое появилось на нѣмецкомъ языкѣ отдѣльной книжкой. Хвалить еще сдѣланный Будбергомъ переводъ стихотворенія Лермонтова: „Wiegenlied einer Kosakin“ („Казачья колыбельная пѣсня“), а въ „Magazin für die Literatur des Auslandes“ (Berlin, № 103, vom 29 August 1842, S. 412) мы находимъ переведенное Будбергомъ стихотвореніе Лермонтова: „Die drei Palmen“. Еще раньше этотъ же „Magazin“ (№ 100, vom 2 August 1842, S. 400) далъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Die Mineralbäder des Kaukasus“ замѣтку о смерти Лермонтова. — Прибалтійскій писатель Егоръ фонъ-Сиверсъ высказываетъ мнѣніе (см. „Blätter für literarische Unterhaltung“, Leipzig № 4, vom 19 Januar 1854, S. 78), что Будбергу во время пребыванія въ Берлинѣ, гдѣ онъ перѣдко встрѣчался съ Фарнгагеномъ, именно Фарнгагенъ далъ мысль обработать — какъ продолженіе „Бэлы“, уже переведенной самимъ Фарнгагеномъ — остальные рассказы „Героя нашего времени“. Дѣло въ томъ, что въ 1843 г. появилась въ Берлинѣ книга: „Aus dem Kaukasus von Roman Freiherrn Budberg-Benningshausen. Nach Lermontoffschen Skizzen“. Въ нее вошли „Taman“, „Der Fatalist“, „Fürstin Mary“; — не хватаетъ, значить, переведенной и изданной уже раньше Фарнгагеномъ „Бэлы“; прибавленъ еще въ концѣ собственный рассказъ Будберга: „Fräulein Katinka“. „Blätter für literarische Unterhaltung“ (Leipzig, № 104, vom 13 April 1844, S. 415—416) очень хвалить въ одной рецензій обработку Будбергомъ Лермонтовскихъ повѣстей.

Переводчикъ Пушкина д-ръ Р. Липпертъ далъ въ нѣмецкомъ переводѣ

три стихотворенія Лермонтова: „Terek“, „Die Kosakin. Wiegenlied“, „Ahnung“ въ періодическомъ изданіи: „Zeitung für die elegante Welt“ (Leipzig № 169, vom 30 August 1842, S. 673—674).

Въ издававшихся I. П. Йорданомъ „Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft“ (1. Jahrgang, Leipzig, 1843) на 57 стр. приведена характеристика Лермонтова, данная С. П. Шевыревымъ, а на стр. 228 въ отчетъ, озаглавленномъ „Die russische Litteratur im Jahre 1842“,—рецензія Шевырева же на посмертное собраніе стихотвореній Лермонтова, изданное въ 1842 г.

Въ 1843 г. вышелъ въ свѣтъ въ Лейпцигѣ первый томъ сочиненія: „Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen. Von C. Wilhelm Wolfsohn (Carl Maien)“. Въ „Übersichtliche“ на стр. 158 Вольфзонъ подчеркиваетъ, что Лермонтовъ, одинъ изъ гениальнѣйшихъ русскихъ новеллистовъ и какъ новеллистъ и какъ лирикъ находился еще въ самой многообъщающей стадіи развитія и обнаруживалъ рѣдкій полетъ мысли. Изданіе Вольфзона было намѣчено въ 4-хъ томахъ, и во 2-мъ и 3-мъ томахъ онъ бы далъ, вѣроятно, въ собственномъ переводѣ образцы стихотвореній Лермонтова. Но интересъ широкой публики въ Германіи къ русской литературѣ былъ еще слишкомъ незначителенъ, и предпріятіе Вольфзона остановилось на 1-мъ томѣ. Вслѣдъ за этимъ появились разсѣянные по разнымъ журналамъ стихотворенія Лермонтова въ нѣмецкомъ переводѣ Вольфзона. Собраны нѣкоторыя стихотворенія Лермонтова въ „Lieder aus der Fremde. Herausgegeben von Hermann Haggys. Hannover, 1857“; здѣсь рядомъ съ тремя лермонтовскими стихотвореніями, переведенными Ф. Боденштедтомъ (стр. 5—6), имѣется пять стихотвореній въ переводѣ Вильгельма Вольфзона (стр. 260—267); кромѣ того, на стр. 353 даны краткія біографическія свѣдѣнія о поэтѣ.

Въ изданномъ Вольфзономъ „Russische Revue“ (Band 1, Leipzig und St. Petersburg, 1863, S. 223—225) мы находимъ перепечатку его перевода стихотворенія Лермонтова: „На смерть Пушкина“.

Въ 1845 году появился переводъ: „Petschorin, oder: Ein Duell im Kaukasus. Aus den hinterlassenen Papieren eines russischen Offiziers herausgegeben von Lermontow. Frankfurt am Main 1845“. Рецензію на этотъ переводъ дали „Blätter für literarische Unterhaltung“, Leipzig № 226, vom 14. August 1846, S. 902; она довольно неблагопріятна для поэта: рецензентъ не находитъ въ русскомъ разсказѣ ничего оригинальнаго: „Печоринъ, — это разочарованный человѣкъ, который со временъ Байрона бродилъ по всѣмъ литературамъ Западной Европы и котораго мы давно считали умершимъ... Только штабсъ-капитанъ, этотъ честный, простой Максимъ Максимовичъ — оригинальная фигура... Тѣмъ не менѣ романъ интересенъ“.

Несмотря на искреннее и во многихъ случаяхъ восторженное признаніе и распространеніе, которыя Лермонтовъ очень быстро нашелъ въ Германіи, извѣстный историкъ литературы „молодой Германіи“ Теодоръ Мундтъ въ своей „Allgemeine Litteraturgeschichte“, Bd. 3, Berlin 1846, вовсе не упоминаетъ о Лермонтовѣ и лишь во 2-мъ изданіи, которое появилось подъ заглавіемъ: „Geschichte der Literatur der Gegenwart. Vorlesungen von Dr. Theodor Mundt“. Leipzig, 1853“, сказано (стр. 789), что рядомъ съ Н. Ф. Павловымъ слѣдуетъ назвать и Лермонтова съ его интересными повѣстями: „Der Novize“

и „Der Held unserer Zeit“; тутъ же вслѣдъ за Лермонтовымъ упоминается какъ талантливая писательница Елена Андреевна Ганъ.

Весьма вѣроятно, что Мундтъ опирается на „Handbuch der allgemeinen Literaturgeschichte von Dr. Johann Georg Theodor Grässe“, 3 Band, 1. Abtheilung, „Geschichte der Poesie Europas“, Dresden und Leipzig, 1848, гдѣ (стр. 1010) сказано, что „среди современныхъ писателей романовъ особенно выдѣляется Лермонтовъ, рядомъ съ которымъ другіе исчезаютъ, за исключеніемъ однако Е. А. Ганъ, урожд. Фадеевой, русской Жоржъ-Сандъ.

Въ своемъ „Lehrbuch einer Allgemeinen Literärgeschichte“, 3 Bd. Abtheilung 3, Hälfte 1 (= Bd. 7), Leipzig 1858, Грессе (стр. 746) называетъ Лермонтова „самымъ талантливымъ лирикомъ Россіи“ и (стр. 753) „однимъ изъ самыхъ искусныхъ рассказчиковъ новаго времени“.

„Baltisches Album“, herausgegeben von N. Graf Rehbinder, Dorpat 1848, содержитъ (стр. 74—76) въ переводѣ Карла Штерна три стихотворенія Лермонтова изъ послѣдняго періода его жизни. („Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю“, Акад. изд. II, 348; „Выхожу одинъ я на дорогу“, II, 347; „Сонъ“, II, 340).

Д-ръ Августъ Больтцъ въ своемъ докладѣ: „Über Russische Literatur“, сдѣланномъ въ Берлинѣ въ 1851 и тамъ же напечатанномъ, выразился о Лермонтовѣ такъ: „Относительно Лермонтова, этого Байрона Россіи, уже тысячи высказывали сожалѣніе, что онъ не родился въ свободномъ Альбионѣ вмѣсто того, чтобы быть сосланнымъ на Кавказъ вторымъ Прометеемъ и въ цвѣтъ лѣтъ быть убитымъ на дуэли пулей убійцы“. Затѣмъ Больтцъ восхваляетъ, со словъ Фаринггена, описаніе нравовъ, характеровъ и природы у Лермонтова и обѣщаетъ, что въ непродолжительномъ времени выйдутъ въ его переводѣ произведенія Лермонтова, томъ прозы и томъ поэзіи. Дѣйствительно, вскорѣ былъ изданъ „Der Held unserer Zeit“. Kaukasische Lebensbilder von Michail Lermontoff. Aus dem Russischen übersetzt von August Boltz. Berlin 1852“. Подробная рецензія на этотъ переводъ подъ заглавіемъ: „Kaukasische Lebensbilder“, написанная Егоромъ фонъ-Сиверсомъ съ историко-литературными ссылками, съ характеристикой лицъ этого поэтического произведенія, съ восхваленіемъ поэта, помѣщена въ „Blätter für literarische Unterhaltung“, Leipzig, № 4, vom 19. Januar 1854, S. 78.

Повидимому, Больтцъ отказался отъ дальнѣйшаго изданія обѣщаннаго имъ перевода лермонтовскихъ произведеній вслѣдствіе одновременнаго появленія переводовъ Боденштедта. Но въ книгѣ „Собраніе избранныхъ романовъ и комедій для перевода на Русскій, Французскій и Нѣмецкій языки, № 4, Бѣла. Рассказъ, соч. Лермонтова. Для перевода съ Русскаго на нѣмецкій приготоуленъ Генр. Риттеромъ. Berlin 1859“ (стр. 58—60) приведены три стихотворенія Лермонтова („Молитва“, „Сонъ“, „Эхо“) по-русски и рядомъ въ нѣмецкомъ стихотворномъ переводѣ А. Больтца. — № 5 того же собранія (Берлинъ 1859) содержитъ (въ одномъ только нѣмецкомъ переводѣ) „Der Fatalist. Novelle von M. Lermontow. Zum Übersetzen aus dem Deutschen ins Russische bearbeitet von Dr. August Boltz“. (Передѣлано для перевода съ нѣмецкаго на русскій д-ромъ Августомъ Больтцемъ).

Настоящимъ переводчикомъ Лермонтова, а поэтому и основателемъ прочной славы его въ Германіи является Фридрихъ Боденштедтъ. Уже въ

1843 г. появилась въ Лейпцигѣ книга: „Kaslow, Puschkin, Lermontow. Eine Sammlung aus ihren Gedichten. Aus dem russischen übersetzt von Friedrich Bodenstedt“. Въ „Blätter für literarische Unterhaltung“, Leipzig, № 362, vom 1. Dezember 1844, S. 1445—1446 переводъ Боденштедта названъ невольнѣ удовлетворительнымъ, но Лермонтовъ признается какъ богато одаренная поэтическая натура. Объ этомъ неудачномъ переводѣ говоритъ самъ Боденштедтъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о пребываніи въ Россіи въ 1841—1845 гг.“ („Русская Старина“, т. 54, 1887 г., стр. 438—439): „Въ моихъ переводахъ было такъ много опечатокъ самаго грубаго свойства, что я не могъ успокоиться по этому поводу и написалъ г. Кольману (Лейпцигскому издателю), чтобы онъ приостановилъ продажу этой книги и оставилъ бы всѣ непроданные экземпляры въ мое распоряженіе въ складѣ. Требованіе мое было исполнено... Но эту книгу не только расхвалили въ нѣмецкихъ газетахъ, но и А. И. Герценъ отозвался объ ней въ такомъ тонѣ, какъ будто переводы мои были образцовые“. (Ср. „Erinnerungen aus meinem Leben“. Von Friedrich Bodenstedt. Berlin, 1888, S. 210—211).

Боденштедтъ здѣсь преувеличиваетъ, что онъ нерѣдко дѣлаетъ, когда ему нужно выставить себя въ болѣе яркомъ свѣтѣ. А. И. Герценъ рекомендуетъ нѣмецкимъ читателямъ въ своей статьѣ: „Von der Entwicklung der revolutionären Ideen in Russland“ (напечатана подъ псевдонимомъ Искандеръ „Aus dem russischen Manuskript“ въ „Deutsche Monatschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben“, herausgegeben von Adolf Kolatschek, II, Bremen, 1851, S. 372—375) только въ краткомъ примѣчаніи „Боденштедтовскій прекрасный переводъ „Мицири“ („Tscherkessenknabe“) и „Сказки о царѣ Иванѣ Васильевичѣ“ („Märchen über den Zaren Iwan Wassiljewitsch“), но дѣлаетъ онъ это, скорѣе имѣя въ виду плохихъ переводчиковъ, напр., Липперта. Герценъ представляетъ нѣмецкимъ читателямъ Лермонтова, какъ поэта глубокаго скептицизма, который во всѣхъ своихъ фантазіяхъ, во всѣхъ наслажденіяхъ не можетъ избавиться отъ сомнѣній, свинцовыми гирями лежащихъ на его душѣ. Переводъ Боденштедта „Lied vom dem Zaren Iwan Wassiljewitsch“ появился сперва въ „Tausend und ein Tag im Orient. Von Friedrich Bodenstedt“. Berlin, 1850, S. 8—25; предпослана ему краткая характеристика Лермонтова и хвалебная замѣтка объ „этомъ великолѣпномъ поэтическомъ твореніи, этой народной пѣснѣ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова“. Во второмъ изданіи „Tausend und Ein Tag im Orient“ Боденштедтъ опустилъ „Пѣснь про царя Ивана Васильевича“. „Кто ее хочетъ прочитать, тотъ пусть купитъ себѣ Лермонтова“ (т. е. „Poetischen Nachlass“ въ переводѣ Боденштедта) пишетъ Боденштедтъ своему Берлинскому издателю изъ Касселя 4-го мая 1853 г. (Friedrich v. Bodenstedt. Ein Dichterleben in seinen Briefen. Herausgegeben von G. Schenk. Berlin. 1893. S. 37).

Еще раньше, чѣмъ появилось полное собраніе стихотвореній Лермонтова въ переводѣ Боденштедта, весьма извѣстный нѣмецкій историкъ литературы Юганнъ Шерръ далъ восторженный отзывъ о Лермонтовѣ. Въ особенности онъ рекомендовалъ „das Lied vom Zaren Iwan Wasiljewitsch“, „какъ самое великое произведеніе, которое удалось Лермонтову, и вообще какъ самое здоровое и наиболѣе національное твореніе, до того времени удавшееся русской поэзіи“. Шерръ далъ образцы произведеній Лермонтова въ переводѣ

Боденштедта въ „Bildersaal der Weltliteratur. Von Dr. Johannes Seherr“, Stuttgart 1848, Neue Titel-Auflage 1855, 3 Auflage 1884 — 1885 въ Bd. 3, S. 280 дается характеристика Лермонтова, а на стр. 361—366—семь стихотвореній его, въ томъ числѣ и „das Lied vom Zaren Iwan Wasiljewitsch“. Шерръ напечаталъ эту „Пѣснь“ безъ сокращеній вмѣстѣ съ другими лермонтовскими стихотвореніями въ своемъ сборникѣ „Dichterkönige“, Leipzig 1855. — Общеизвѣстное изданіе Шерра „Allgemeine Geschichte der Litteratur“ не мало способствовало признанію поэтическаго таланта Лермонтова въ Германіи. Въ первыхъ изданіяхъ этого труда, Stuttgart 1851 und 1852, Шерръ отмѣчаетъ гениальность Лермонтова и называетъ его „однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей разочарованія нашего времени въ прошедшемъ, настоящимъ и будущемъ“ (ср. изданіе 1852 г. въ „Neue Encyclopädie der Wissenschaften und Künste“, Neue Ausgabe, 4. Abtheilung, Bd. 1, Teil 2, S. 547).

Въ многочисленныхъ послѣдующихъ самостоятельныхъ изданіяхъ своей „Allgemeine Geschichte der Litteratur“ Шерръ характеризуетъ поэзію Лермонтова, „какъ самое свободное, самое самостоятельное, самое смѣлое слово, которое до сихъ поръ было сказано въ Россіи“. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ Шерръ приводитъ образцы стихотвореній Лермонтова въ переводѣ Боденштедта. Въ позднѣйшихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ труда Шерра помѣщенъ и портретъ Лермонтова.

Въ 1852 г. появилась въ двухъ томахъ книга: „Michail Lermontoff's Poesischer Nachlass, zum Erstenmal in den Versmassen der Urschrift aus dem Russischen übersetzt, mit Hinzuziehung der bisher unveröffentlichten Gedichte, mit Einleitung und mit einem biographisch-kritischen Schlussworte versehen von Friedrich Bodenstedt“. Во введеніи къ первому тому (S. VII — XXIV) Боденштедтъ даетъ критическій обзоръ новѣйшей русской литературы, начиная съ Кантемира и Ломоносова. Въ концѣ второго тома (стр. 309—352) Боденштедтъ даетъ біографію Лермонтова и подвергаетъ критическимъ анализу и оцѣнкѣ произведенія поэта. Боденштедтъ сообщаетъ также (стр. 330—337) о своей личной встрѣчѣ съ Лермонтовымъ зимою 1840—1841 г. въ Москвѣ. (Ср. по этому поводу: „Erinnerungen aus meinem Leben. Von Friedrich Bodenstedt“. Berlin 1888, S. 155—158 и „Русская Старина“, т. 54, 1887 г., стр. 407—503: „Поэтъ и профессоръ Боденштедтъ“: „Воспоминанія“, стр. 438—441).

Густавъ Шенкъ, владѣлецъ берлинской фирмы „R. v. Decker's Verlag“, которая издала много сочиненій Боденштедта, а также его переводъ Лермонтова, выпустилъ въ свѣтъ письма Боденштедта къ его издателю подъ заглавіемъ „Friedrich von Bodenstedt. Ein Dichterleben in seinen Briefen. 1850—1892. Herausgegeben von Gustav Schenck. Berlin, 1893“. Эти письма бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на Боденштедта, какъ на переводчика. Боденштедтъ пишетъ 17-го января 1852 г. изъ Бремена своему издателю (стр. 20): „Я владѣю всѣмъ поэтическимъ наслѣдіемъ Лермонтова, печатнымъ и рукописнымъ, при томъ собственноручнымъ“. Изъ Касселя онъ пишетъ 15-го мая 1852 г. (стр. 24): „Но въ интересахъ моей собственной репутаціи и Вашего издательства я хотѣлъ бы ограничиться тѣмъ, чтобы дать только поэтическій цвѣтъ, то, что Лермонтовымъ создано для вѣчности и при томъ въ такой обработкѣ, какая въ настоящее время никому, кромѣ меня, въ Германіи не подѣ силу... Мною руководить взгляды, что слѣдуетъ издавать лишь такіе переводы, которые

читаются как вполне отдѣльные оригинальныя произведенія... Мой нѣмецкій переводъ Лермонтовскаго наслѣдія будетъ самымъ совершеннымъ произведеніемъ этого рода, какое только существуетъ, такъ какъ никто кромѣ меня не владѣетъ рукописнымъ наслѣдіемъ моего покойнаго друга"... Въ одномъ мѣстѣ своихъ „Eripnerungen“ (1888, S. 156). Боденштедтъ рассказываетъ, что Павелъ Олсуфьевъ будто бы досталъ ему копіи ненапечатанныхъ стихотвореній Лермонтова. Напротивъ, своему берлинскому издателю онъ пишетъ 19-го августа 1852 г.: „Вторая часть Лермонтова доставила мнѣ вдвое больше работы, чѣмъ первая, вслѣдствіе трудности разобрать рукописи, отчасти написанныя карандашомъ въ походномъ лагерѣ и полустертыя“. (Дальнѣйшія свѣдѣнія о Лермонтовѣ и переводы его можно найти на стр. 17, 19; 21; 22—23; 25; 26; 30; 37; 39). Издатель „Русской Старины“ М. И. Семеvскій въ свое время писалъ (т. 54, стр. 420): „Извѣстно, что г. Боденштедту принадлежить переводъ 17 маленькихъ стихотвореній Лермонтова, яко-бы переведенныхъ имъ съ копіи, списанной однимъ изъ кавказскихъ товарищей поэта, но не бывшихъ, за утратою оригиналовъ, напечатанными въ русскомъ подлинникѣ... Мы просили г. Боденштедта поискать въ его бумагахъ помянутой русской копіи стиховъ Лермонтова, но уважаемый переводчикъ уклонился отъ этого, утверждая, что не можетъ ихъ отыскать. Да проститъ намъ Федоръ Федоровичъ (Боденштедтъ), но доколѣ не отыщется русскій текстъ, хотя бы только копія, помянутыхъ стиховъ Лермонтова, то оставшаяся будетъ невольное сомнѣніе, что переводъ г. Боденштедта будто-бы съ рукописи стиховъ Лермонтова, есть не что иное, какъ оригинальное произведеніе маститаго нѣмецкаго поэта, лишь навѣянное прекрасно извѣстною ему поэзіею Лермонтова“.

Изъ писемъ Боденштедта къ Фарнгагену-фонъ-Энзе (письма находятся въ собраніи рукописей Фарнгагена-фонъ-Энзе въ Королевской Берлинской библіотекѣ) видно, что переводчикъ интересовался Лермонтовымъ и въ 1850-хъ годахъ и собирался составить подробную его біографію. 28-го іюня 1852 г. онъ пишетъ Фарнгагену: „Заключеніе 2-й части моего перевода Лермонтова должны составить характеристика и біографія поэта. Къ сожалѣнію, у меня не хватаетъ для этого еще нѣкоторыхъ необходимыхъ замѣтокъ, такъ какъ о Лермонтовѣ мало свѣдѣній проникло въ широкую публику, а я въ Россіи упустилъ случай собрать необходимый матеріалъ, такъ какъ мнѣ — по совѣсти говоря — десять лѣтъ тому назадъ многое казалось малымъ и ничтожнымъ изъ того, что я теперь признаю весьма важнымъ и цѣннымъ. Если бы Вы, М. Г., оказались обладателемъ свѣдѣній, касающихся творчества и жизни Лермонтова, или если бы Вы были въ состояніи и пожелали дать мнѣ указаніе, какъ получить эти свѣдѣнія, то вы бы меня очень обяжали. Быть можетъ, многое удалось бы достигнуть черезъ Вашего друга Жуковскаго. Но прежде всего простите мою навязчивость, на которую я осмѣлился только изъ-за желанія достойнымъ образомъ соорудить тотъ памятникъ, который я хочу поставить этому поэту“.— Однако, черезъ Жуковскаго ничего нельзя было больше достигнуть, такъ какъ онъ уже 2 мѣсяца тому назадъ, а именно 24/12 апрѣля 1852 г., умеръ въ Бадень-Баденѣ. Въ своемъ дневникѣ Фарнгагенъ подъ 29-мъ іюня 1852 г. записалъ: „Я перечитывалъ Лермонтова, чтобы сравнить переводъ Боденштедта съ оригиналами. Переводчикъ, въ самомъ дѣлѣ, до-

бился чрезвычайныхъ успѣховъ, большихъ чѣмъ я считалъ возможнымъ; онъ соединяетъ мощь съ закругленностью и гладкостью“. Переводъ Лермонтова, сдѣланный Боденштедтомъ, признавался и рекомендовался современной ему нѣмецкой критикой не менѣе, чѣмъ и переведенный имъ русскій поэтъ. „За Боденштедтомъ великая заслуга, что онъ выдающагося русскаго поэта сдѣлалъ доступнымъ иностранцамъ“, — такъ писалъ извѣстный поэтъ Робертъ Прутцъ въ восторженной рецензiи на первый томъ перевода въ издававшемся имъ журналѣ: „Deutsches Museum“, Leipzig, 2 Jahrgang, Juli — Dezember 1852, S. 65—66; второй томъ онъ рецензировалъ въ томъ же журналѣ, 3. Jahrgang, Januar—Juni 1853, S. 433—435, и напечаталъ тамъ два стихотворенiя Лермонтова: „Klagegesang am Grabe Puschkins“ и „Duma — Betrachtung“ (т. е. „На смерть Пушкина“ и „Дума“).

Также и извѣстный поэтъ и писатель Густавъ Фрейтагъ въ издававшемся имъ совмѣстно съ Юлианомъ Шмидтомъ журналѣ политики и литературы: „Die Grenzboten“, Leipzig, 1850, Band 1, S. 253, въ рецензiи на произведение Боденштедта „Tausend und Ein Tag im Orient“, восхваляетъ „прекрасный переводъ національнаго стихотворенiя, которое Лермонтовъ сложилъ изъ старыхъ народныхъ пѣсень, пѣсни о царѣ Иванѣ Васильевичѣ“. Въ томъ же журналѣ 1853 г., т. 4-й (стр. 362) о Боденштедтовскомъ нѣмецкомъ Лермонтовѣ онъ говоритъ: „Его обработка считается у русскихъ превосходной, и мы, нѣмцы, на этотъ разъ рѣшительно не имѣемъ никакого основанiя оспаривать это мнѣнiе“.

Далѣе имѣются отзывы о переводѣ Боденштедта въ слѣдующихъ изданiяхъ: „Magazin für die Literatur des Auslandes“, Berlin, № 122, vom 9. Oktober 1852, S. 487—488, съ 3-мя стихотворенiями для образца; далѣе, въ „Allgemeine Zeitung“, „Beilage“, Augsburg № 335, vom 30. November 1852, S. 5353—5354; № 336, vom 1. Dezember 1852, S. 5370—5372; № 337, vom 2. Dezember 1852, S. 5387—5388, даетъ подробный отзывъ о первомъ томѣ съ длинными отрывками изъ „Tscherkessenknabe“ (Мцири). Въ № 84 той же газеты отъ 25 марта 1853 г., S. 1337—1340, помѣщенъ отзывъ о второмъ томѣ, при чемъ перепечатано стихотворенiе „Walerik“ и наконецъ въ „Blätter für literarische Unterhaltung“, Leipzig, № 50, vom 11 Dezember 1852, S. 1195—1196.

Въ „Album des literarischen Vereins in Nürnberg für 1857“ за статьей о Пушкинѣ (S. 135—153) дана любопытная замѣтка: „Über den russischen Dichter Lermontoff“ д-ра Лѣша. Это — оцѣнка Лермонтова, составленная главнымъ образомъ по Боденштедту, съ выписками (для образца) изъ стихотворенiй Лермонтова въ переводѣ Боденштедта. Между прочимъ, Лѣшь въ этой замѣткѣ высказываетъ предположенiе, что Лермонтовъ долженъ прiйти къ нѣмецкому читателю больше по душѣ, чѣмъ Пушкинъ. Стоить отмѣтить, что Лѣшь, говоря о стихотворенiи „На смерть Пушкина“, упрекаетъ Лермонтова въ слѣпой озлобленной страсти. Но Лѣшь судить только по переводу Боденштедта, содержащему весьма неуклюжiя добавленiя: Дантесъ называется здѣсь „чужеземной змѣей, брызжущей ядомъ“ („Gift spritzende fremde Schlange“), а также „кошкой, которая, крадучись, своими острыми когтями рветъ на части соловья“ и т. п. Эти выраженiя въ оригиналѣ, какъ извѣстно, не встрѣчаются: они сочинены Боденштедтомъ, чтобы компрометировать личность популярнаго въ то время (1852 г.) наполеоновскаго посла Дантеса.

Переводъ Боденштедта произведенийъ Лермонтова появился новымъ изданіемъ въ „Friedrich Bodenstedts Gesammelte Schriften“, Bd. 7, S. 1—114, Berlin 1866. „Введение“ и „Заключеніе“ изданія 1852 г. находятся здѣсь въ значительно сокращенномъ видѣ во „введеніи“ къ 6-му тому, стр. 13—22.—Отзывъ объ этомъ изданіи далъ журналъ: „Deutsches Museum“, Leipzig, № 33. vom 16. August 1866, S. 214—219; онъ принадлежитъ перу извѣстнаго критика Карла Френцеля и содержитъ характеристику и анализъ произведенийъ Пушкина и Лермонтова.

Въ Бреславлѣ появились въ 1876 г. „Prinzipien der Übersetzungskunst, zugleich praktisch nachgewiesen an einer Übertragung des Dämon von Lermontoff, von Dr. Gustav Weck, Königl. Realschuldirektor“. Здѣсь перепечатанъ „Демонъ“ въ переводѣ Боденштедта. Вѣкъ не принадлежитъ къ числу поклонниковъ Боденштедта, онъ, напротивъ, полемизируетъ съ нимъ и отмѣчаетъ ошибки въ его переводѣ. Вѣкъ пишетъ на 23-ей стр.: „Лермонтовъ вездѣ выражается кратко, энергично, изысканно въ словахъ и римахъ и тѣмъ не менѣе просто и естественно, Боденштедтъ же — многорѣчиво, водянисто, неряшливо и очень часто неестественно и вымученно“. Однако, только благодаря переводамъ Боденштедта, Лермонтовъ сдѣлался въ Германіи общеизвѣстнымъ. Въ 1852 г. въ Мейеровскомъ „Das grosse Conversations-Lexicon“, еще нѣтъ имени Лермонтова, но уже въ 4-мъ дополнительномъ томѣ 1854 г. Лермонтову посвящена особая статья. Приблизительно въ то же время біографія Лермонтова появляется впервые въ 10-мъ изданіи „Conversations-Lexicon“ Брокгауза. А затѣмъ уже въ каждомъ изъ послѣдующихъ изданій нашему поэту непременно отводится мѣсто, равно какъ и въ каждомъ другомъ болѣе значительномъ энциклопедическомъ словарѣ. Такимъ образомъ, подробно говорятъ о Лермонтовѣ:

„Pierers Universal-Conversations-Lexicon“ (много изданій);

„Neues Conversations-Lexicon. Staats- und Gesellschafts-Lexicon. Herausgegeben von Herman Wegener“ (Berlin, 1863, Bd. 12).

„Deutsch-amerikanisches Conversations-Lexicon“. Bearbeitet von Prof. Alexander I. Schem, New-York, 1872, Bd. 6;

„Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste. Herausgegeben von I. S. Ersch und I. G. Gruber“ Leipzig 1859, 2. Section, Theil 43; статья о Лермонтовѣ подписана „R“ и написана на основаніи введенія Пыпина къ „Сочиненіямъ Лермонтова“ (3-е изданіе, С.-Петербургъ, 1873 г.).

„Herders Konversations-Lexikon“ Freiburg im Breisgau (много изданій);

„Thoemes Sachwörterbuch. Katholisches Universal-Volkslexikon von Dr. phil. Nikolaus Thoemes“ (Nordhausen am Harz, 1910, Bd. 3).

Приводимъ дальнѣйшіе нѣмецкіе переводы произведенийъ Лермонтова: „Der Held unserer Zeit. Aus dem Russischen von G. F. W. Rödiger“. Wien, Hartlebens Verlag 1856 (= Neues belletristisches Lese-Cabinet, Lieferung 220—222);

„Dichtungen von A. Pusckin und M. Lermontow. Deutsch von Theodor Opitz“. Berlin, 1859 (Classiker des In- und Auslandes, Bd. 54). Здѣсь помѣщенъ „Демонъ“ Лермонтова, переведенный впервые по изданію съ оригинала; переводъ Боденштедта скорѣе поэтическое переложеніе;

„Pentameron, Bilder aus Russland und dem Kaukasus von Lermontow, Druschinin, Golosoff, Michailoff und Gogol“. Leipzig 1868;

„Die Libelle 1869. № 14. Die Drei Palmen. Nach dem russischen des Lermontow. Von H. V.“;

„Der Dämon“. Aus dem Russ. übertragen von Iessen (Ludwig von Osten) Berlin 1876;

„Puschkin und Lermontow, Dichtungen. In deutscher Übertragung von Andreas Ascharin“, Dorpat, 1877; — 2. Auflage Reval, 1885 (одно стихотворение Лермонтова помѣщено также въ „Nordische Klänge, Russische Dichtungen in deutscher Übertragung von A. Ascharin“, Riga, 1894. — Переводами Ашарина неоднократно вытѣснялись въ Германіи переводы Боденштедта и въ новѣйшихъ изданияхъ широкораспространенной Энциклопеди „Meÿers Konversations-Lexikon“ въ статьѣ о Лермонтовѣ замѣчено, что его стихотворенія лучше всего были переведены на нѣмецкій языкъ Ашаринымъ);

„Ein Held unserer Zeit. Deutsch von Wilhelm Lange, Leipzig, 1878 (= Reclams „Universal-Bibliothek“, № 968—969); репутация Lange какъ переводчика очень незавидна;

„Der Dämon. Eine morgenländische Sage. Aus dem Russischen frei übertragen von C. Fischer“. Breslau, 1889; — 2. Auflage, Breslau 1901;

„Gedichte. Im Versmass des Originals von Friedrich Fiedler“ съ портретомъ Лермонтова и съ биографической замѣткой, Leipzig 1893 (= Reclams Universal-Bibliothek“ № 3051). — Переводы Фидлера, одни изъ лучшихъ переводовъ Лермонтова, появлялись сперва въ газетѣ: „St. Petersburger Herold“; не мало стихотвореній Лермонтова помѣщено и въ сборникъ Фидлера: „Der russische Parnass. Anthologie russischer Lyriker“, Dresden, 1889;

„Der Held unserer Zeit“, Wien, 1894 (= Collektion Hartleben. Eine Auswahl der hervorragendsten Romane aller Nationen, Jahrgang 3, Bd. 15);

„Aus russischen Dichtern. (Puschkin und Lermontoff). Übertragen in den Original-Versmassen. Von Geo. Edward“, Reval, 1898;

„Ein Held unserer Zeit. Deutsch von Mich. Feofanoff“, Leipzig 1906.

„Der Dämon und andere Dichtungen, Übersetzt von G. von Mettlerkamp“, Wien, 1908.

Въ нѣмецкой литературѣ существуетъ множество сборниковъ стихотвореній, среди которыхъ можно встрѣтить и произведения Лермонтова;

Приводимъ названія нѣсколькихъ такихъ сборниковъ:

„Ivan F. Holowackij. Russisches Lesebuch. Poetischer Teil Mit besonderer Rücksicht auf Betonung und Aussprache“. Wien, 1860.

„Anthologie russischer Dichter von A. Wald“ Odessa 1860; 2 Auflage — Warschau 1866;

„A. Wald. Russlands bedeutendste Dichter von Lomonossow bis auf die Gegenwart, metrisch ins Deutsche übersetzt“, Riga 1880;

„Orient und Occident. Eine Blütenlese aus den vorzüglichsten Gedichten der Weltliteratur. In deutschen Übersetzungen. Nebst einem biographisch-kritischen Anhang. Herausgegeben von Julius Hart“. Minden in Westfalen 1885 (Spalte 410—414, здѣсь даны стихотворенія Лермонтова въ переводахъ Ф. Боденштедта и I. Шульца; Spalte 575—576, здѣсь даны биографическія данныя и характеристика Лермонтова по Шерру).

„Aus russischen Dichtern in deutschen Übertragungen. Gesammelt und herausgegeben von Alexander Tschernow“. Halle an der Saale (1889) (= Hensdels Bibliothek der Gesamt-Litteratur des In- und Auslandes“, № 277—279), (Spalte 114—138, даны краткая биография и характеристика Лермонтова, за- тѣмъ произведенія его въ переводахъ Ашарина, Боденштедта, Р. фонъ-Буд- берга-Беннингсгаузена, Гелена, К. Миквитца, Каролины фонъ-Павловой);

„Russische Lyrik von Hans Gerschman“, Königsberg in Pr. 1895, S. 8—36, лирическія стихотворенія Лермонтова и „Lied vom Zaren Iwan Wasiljewitsch“ въ переводъ Гершмана;

„Baltische Dichtungen, herausgegeben von Freifrau von Staël-Holstein, geborene Freiin von Nolcken“, Riga, 1896 (S. 421—422, Der Engel. Aus dem Russischen von Lermontoff von Martha Sichmann).

Во многихъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ по исторіи литературы Лермонтову удѣляется почетное мѣсто какъ лирику и новеллисту. Назовемъ наиболее крупныя сочиненія, въ которыхъ упоминается о Лермонтовѣ:

„Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit von Iulian Schmidt“. Bd. 4, „Charakterbilder aus der Zeitgenössischen Literatur“, Leipzig, 1875 (S. 238—271: „Russische Studien. Turgenjew und Pisemski“, здѣсь же (S. 241—242) разборъ „des Helden unserer Zeit“, Пушкинъ и Лермонтовъ въ сравненіи съ Байрономъ);

„Übersicht der neueren russischen Literatur von E. W. Palander“. Tava- stehus, 1880 (S. 39—41);

„Russische Literatur und Cultur von I. I. Honegger“, Leipzig, 1880 (S. 198—217, по русскимъ источникамъ дается подробная характеристика и разборъ сочиненій Лермонтова съ образцами его произведеній въ нѣмецкомъ пере- водѣ);

„Allgemeine Weltgeschichte von Dr. Georg Weber“ Leipzig 1880 (Bd. 15, S. 274—275, подробная хвалебная характеристика Лермонтова и его произве- деній; также и во 2-мъ изданіи, Bd. 15, Teil 1, 1889, S. 271—272);

„Geschichte der neuesten Zeit von Prof. Dr. C. Wernicke“, 6. Auflage, Berlin, 1882 (Bd. 6, S. 617);

„Erinnerungen des Grafen W. A. Sollogub an Gogol, Puschkin und Lermon- tow“. Autorisierte deutsche Ausgabe, Dorpat, Riga, Leipzig, 1880 (S. 40—41);

„Deutsche Rundschau“. Berlin, Bd. 38, 1884 (здѣсь мы находимъ: Iwan Tur- genjews Literatur—und Lebenserinnerungen“, S. 238—239);

„Geschichte der russischen Literatur in gedrängter Übersicht. Von Dr. Paul von Wiskowatow“, Dorpat und Fellin 1881, S. 35—36.

„Geschichte der russischen Literatur von K. Haller“, Riga und Dorpat, 1882, S. 98—103; здѣсь имѣется биография и подробная характеристика Лермонтова и его произведеній;

„Geschichte der neuern Litteratur von Adolf Stern“, Leipzig 1883, Bd. 5, S. 579) и

„Geschichte der Weltliteratur von Dr. Adolf Stern“, Stuttgart 1888 (S. 631);

„Allgemeine Geschichte der Literatur von Dr. Peter Norrenberg“, Münster 1884 (Bd. 3, S. 375);

„Geschichte der russischen Literatur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit von Alexander von Reinholdt“, Leipzig (1884—1886), (S. 589—604, подроб-

ная характеристика Лермонтова и анализъ его твореній съ пространными образами его произведеній въ переводѣ Ашарина);

„Allgemeine Geschichte der Litteratur von Gustav Karpeles“, Berlin, 1891 (Bd. 2, S. 801—803, съ портретомъ Лермонтова);

„Geschichte der Weltlitteratur von Julius Hart“, Neudamm 1896 (= „Hauschatz des Wissens“, Abteilung 1, Bd. 16), S. 983 съ портретомъ Лермонтова);

„Geschichte der Fremden Litteraturen von Otto von Leixner“, 2. Auflage, Leipzig 1898 (Teil 2, S. 451—453, съ портретомъ Лермонтова и образами его произведеній въ переводѣ Боденштедта);

„Spemanns Goldenes Buch der Weltlitteratur“ Berlin und Stuttgart 1901 (Russische Litteratur von Wilhelm Henckel, № 582, съ портретомъ Лермонтова; то же и въ позднѣйшихъ изданіяхъ);

„Deutsche Rundschau“, Bd. 116, Berlin 1903 (S. 99—119); „Krim und Kaukasus in literarischer Beleuchtung von Eugen Zabel“, здѣсь излагается (S. 104—106), какъ Лермонтовъ описываетъ кавказскія воды;

„Baltische Monatsschrift“, Bd. 63, Riga 1907 (S. 347—363: „Puschkin und Lermontow in der Schule. Pädagogische Betrachtungen von K. Blum“, здѣсь (S. 354—362) дается разборъ „Героя нашего времени“);

„Geschichte der russischen Literatur von Dr. A. Brückner“, Leipzig 1905 (= Die Literaturen des Ostens in Einzeldarstellungen, Bd. 2), S. 205—219, подробная характеристика Лермонтова и его произведеній;

„Alexander Brückner. Russlands geistige Entwicklung im Spiegel seiner schönen Literatur“. Tübingen, 1908, (S. 72—73);

„Die osteuropäischen Literaturen und die slavischen Sprachen“, Berlin und Leipzig 1908 (= Die Kultur der Gegenwart. Herausgegeben von Paul Hinneberg“. Teil 1, Abteilung 9). Сюда вошла: „Die russische Literatur von Alexis Wesselovsky“, S. 69—72, краткая, но рельефная характеристика Лермонтова и его поэзии, въ особенности же лирическихъ произведеній и „Героя нашего времени“; Лермонтовъ еще упоминается на стр. 16, 76, 78, 84, 115;

„Geschichte Russlands von Th. H. Pantenius“, Leipzig, 1908 (S. 394);

„Weltgeschichte der Literatur von Otto Hauser“, Leipzig und Wien, 1910, (S. 419, съ портретомъ Лермонтова);

„Die osteuropäischen Literaturen in ihren Hauptströmungen vergleichend dargestellt von Karl Dieterich“, Tübingen, 1911 (S. 139).

За послѣднее время вышли слѣдующія спеціальныя статьи о Лермонтовѣ:

„Einiges über Lermontows „Dämon“. Ein Beitrag zur russischen Litteraturgeschichte. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität zu Breslau von Sigismund Szymański, Posen 1897. (Введеніе, часть 1-я: Лермонтовскій Демонъ сопоставляется и сравнивается съ Гётевскимъ Мефистофелемъ и байроновскимъ Люциферомъ. Часть 2-я: Генезисъ Лермонтовскаго Демона);

„Lermontow als Übersetzer deutscher Gedichte. Von Theodor Fröberg“. St. Petersburg, 1905 (въ отчетѣ Katharinen-Schule).

Въ заключеніе, приведемъ нѣсколько нѣмецкихъ переводовъ стихотвореній Лермонтова для музыкальныхъ композицій:

„Zwölf Lieder aus dem Russischen von F. Bodenstedt. In Musik gesetzt von

A. Rubinstein (op. 36), Wien. C. A. Spina“ (первыя пять пьесъ принадлежать Лермонтову).

„Zwölf zweistimmige Lieder aus dem Russischen von F. Bodenstedt. Componiert von A. Rubinstein“. (op. 48), Leipzig, B. Senff (№ 1 и № 5 принадлежать Лермонтову).

„Sechs Lieder aus dem Russischen von W. Osterwald, componiert von A. Rubinstein (op. 8) Leipzig, B. Senff“. (№ 5 принадлежить Лермонтову).

„Zwölf Lieder aus dem Russischen von W. Osterwald, componiert von A. Rubinstein (op. 78) Leipzig, B. Senff“. (№ 1 принадлежить Лермонтову).

„Die Nixe. Gedicht von Lermontoff. Aus dem Russischen, übersetzt von Robert Sprato, Componiert von A. Rubinstein“. Leipzig B. Senff.

„Dämon. Phantastische Oper in 3 Akten von Anton Rubinstein. Nach dem Russischen von Lermontoff übersetzt von Alfred Offerman“, Leipzig. B. Seuff.

„Kalaschnikoff, der Kaufmann von Moskau. Oper in 3 Akten nach einer Dichtung von Lermontoff, bearbeitet von N. Kulikoff. Deutsch von Hermann Wolff. Musik von A. Rubinstein“. (1880).

„Drei Lieder von Jan Gall“, Leipzig, F. E. C. Leuckart (C. Sander), въ томъ числѣ „Lied des Mädchens von Taman“ Лермонтова.

„Die Wolken von Lermontoff. Deutsch von L. Gey. Componiert von Ludwig Samson“.

„Lied. Spöw. Von Lermontow: Wenn deiner Stimme Klang schmeichelnd ins Ohr mir tönt. Componiert von Bernhard Schneider“ (Переводъ принадлежить, должно быть, Фидлеру, ср. „Lermontows Gedichte, übersetzt von F. Fiedler“. S. 94), Berlin, Ries und Erler 1910.

Berlin.

Kgl. Bibliothek.

Friedrich Dukmeyer.

III.

Лермонтовъ у французозъ.

Знакомство французозъ съ Лермонтовымъ относится къ 1840-мъ годамъ. Книга *La Russie en 1839* маркиза de Custine, въ которой авторъ съ возмущеніемъ разсказывалъ о ссылкѣ Лермонтова на Кавказъ, не упоминая даже объ его имени (*La Russie en 1839*, Paris, 1843, т. II, письмо семнадцатое, стр. 328 — 329), должна была такъ же, какъ и возраженіе Греча на филиппику маркиза (*Examen de l'ouvrage de M. le Marquis de Custine*, intitulé: *La Russie en 1839*, par N. Gretch, traduit du russe par Alexandre Kouznetzoff, Paris, 1844, стр. 107), сильно возбудить любопытство французской публики. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, и до появленія во французской печати намекъ de Custine относительно Лермонтова, нѣкоторые русскіе, проживавшіе во Франціи, какъ напримѣръ гр. Григорій Владиміровичъ Орловъ или кн. Элимъ Петровичъ Мещерскій, читали своимъ друзьямъ изъ парижскихъ беллетристовъ наиболѣе извѣстныя стихотворенія Лермонтова. Такимъ образомъ, талантливый поэтъ Emile Deschamps, не владѣвшій русскимъ языкомъ, имѣлъ возможность сдѣлать красивый переводъ въ стихахъ „Воздушнаго корабля“, напечатанный только въ 1846 г.

Съ 1843 г. уже выходятъ первые переводы „Героя нашего времени“: *Un héros du siècle ou les Russes dans le Caucase*, par M. Stolypine (въ газетѣ *La Démocratie pacifique*, фельетоны съ 29-го сентября по 4-е ноября 1843 г.);— *Une saison de bains au Caucase*, extrait [sic] de Lermontoff, par Léouzon le Duc (Paris, 1845);— *Nouvelles russes: Blanche, Maxime Maximitch, Taman, la princesse Méry, le Fataliste* (въ журналѣ *L'Illustration*, т. VIII, сентябрь—декабрь 1846 г., безъ подписи переводчика; по свидѣтельству С. Д. Полторацкаго въ *Bibliophilie belge*, 1849, т. VI, стр. 25, переводчикъ былъ Louis Viardot).

Въ 1846 г. друзья кн. Э. П. Мещерскаго издають посмертный сборникъ его стихотвореній подъ заглавіемъ *Les poètes russes, traduits en vers français par le prince Élim Mestscherski* (2 т., Paris, 1846). Мы находимъ въ этомъ сборникѣ краткую біографическую замѣтку о Лермонтовѣ, сдѣланный кн. Э. П. Мещерскимъ переводъ (въ стихахъ) стихотворенія „Поэту“ (т. II, стр. 235 — 238) и вышеуказанный переводъ Emile Deschamps „Воздушнаго корабля“ (т. II, стр. 387—391).

Въ это же время появляются первая журнальные статьи о Лермонтовѣ: статья подъ заглавіемъ *La littérature russe contemporaine: Puschkine, Lermontoff, Gogol* (въ *L'Illustration*, 19-го іюля 1845 г., т. V, стр. 330—331, безъ подписи автора);—статья *Charles de Saint-Julien* подъ заглавіемъ *Pouchkine et le mouvement littéraire en Russie depuis quarante ans* (въ *Revue des Deux Mondes*, 1-го октября 1847 г., т. XX, стр. 42—79);—замѣтка о французскихъ переводахъ „Героя нашего времени“ подъ заглавіемъ *Bibliothèque russe-française ou la Russie et la France historiques et littéraires. Premier fragment: Lermontoff* (въ журналѣ *Le Bibliophile belge*, т. VI, Bruxelles, 1849, стр. 20—26, за подписью: S. P., т. е. С. Полторацкій).

Въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ произведенія Лермонтова получаютъ большее распространіе во Франціи. Тогда впервые Лермонтовъ, котораго французскій читатель зналъ какъ новеллиста, сталъ извѣстенъ какъ поэтъ.

Въ статьѣ *La poésie slave au XIX-e siècle, son caractère et ses sources* (*Revue des Deux Mondes*, 1-го апрѣля 1854 г., т. VI) Сурпrien Robert посвятилъ ему три страницы (стр. 162—165). Въ журналѣ *Athenaeum français* (30-го іюля 1855 г., № 26, стр. 546) были напечатаны переводы въ прозѣ, за подписью „Сазоновъ“, двухъ стихотвореній „Есть рѣчи—значенье...“ и „Поэту“. Виконтъ Eugène de Porcy приложилъ къ переводу пушкинскаго „Кавказскаго плѣнника“ переводъ въ стихахъ „Казачьей колыбельной пѣсни“ (*Le prisonnier du Caucase, poème traduit du russe de Pouchkine par Eugène de Porcy, Marseille, 1858*, стр. 33—46). Въ томъ же году P. Pelan d'Angers выступилъ съ переводомъ въ стихахъ „Демона“: *Le Démon, poème par Lermontoff, traduit en vers français par P. Pelan d'Angers, Paris, 1858* (см. критическій разборъ, подписанный П. Б.—нъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1858 г., т. 121, отд. III, стр. 11—22, и статью G. Vapereau въ *L'Année littéraire et dramatique* 1858 г., стр. 38—42). Т. Аносова (Т. Anossow) попыталась тоже, спустя нѣкоторое время, перевести „Демона“ въ стихахъ: *Le Démon, légende orientale, par Lermontow, traduction de T. Anossow, Paris, 1860*. Въ *Revue Britannique* 1861 г. (сентябрь, № 9, стр. 33—52, за подписью: X. M.) Xavier Marmier сообщилъ стихотворный переводъ слѣдующихъ трехъ стихотвореній: „Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю...“, „Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно“ (изъ Гейне) и „Благодарность“. Въ *Bibliothèque universelle et revue suisse* слѣдующаго года (67-е année, nouvelle période, tome XIII, Genève, 1862 г., стр. 52—81) Henri Richard опубликовалъ переводъ прозой „Хаджи-Абрека“ и „Мцири“. И. С. Тургеневъ въ 1864 г., перевелъ также прозой „Мцири“ при содѣйствіи Р. Мэрімэе (*Revue moderne*, т. 34, 1-го іюля 1864 г., стр. 31—43, за подписью: I. Tourguéneff, хотя на обложкѣ указано: I. Tourguéneff et P. Mérimée). Наконецъ P. Pelan d'Angers выпустилъ сборникъ *Chefs d'œuvres poétiques de Lermontoff, le poète du Caucase* (Paris, 1866), заключавшій въ себѣ переводы въ стихахъ „Ангела смерти“, „Хаджи-Абрека“, „Мцири“, „Демона“ (въ нѣсколько исправленномъ видѣ по сравненію съ прежнимъ изданіемъ 1858 г.) и другихъ стихотвореній.

Къ этимъ переводамъ надо еще прибавить „псевдо-переводы“ писателей, не владѣвшихъ русскимъ языкомъ, какъ-то: Emile Deschamps, стихотвореніе котораго *Le vaisseau fantôme* было три раза перепечатано (въ *Revue des Deux*

Mondes 1855 г., 1-го февраля, стр. 517, въ книгѣ *Allemagne et Russie, par Saint-René Taillandier*, Paris, 1856, стр. 295—298, и въ брошюрѣ *Etudes de littérature étrangère, par Froust de Fontpertuis, le Puy*, 1859, стр. 115);—Saint-René Taillandier, который перевелъ прозой, по Боденштедту, шесть стихотвореній: „На смерть Пушкина“, „Дары Терека“, „Казачья колыбельная пѣсня“, „Родина“, „Послѣднее новоселье“, „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ (въ *Revue des Deux Mondes* 1855 г., 1-го февраля, стр. 502—534 и, безъ перемѣнъ, въ книгѣ *Allemagne et Russie, études historiques et littéraires, par M. Saint-René Taillandier*, Paris, 1856, стр. 269—324);—Alexandre Dumas (отецъ), помѣтившій въ своихъ дорожныхъ запискахъ о Кавказѣ стихотворные переводы восьми стихотвореній: „Дума“, „Споръ“, „Утѣсъ“, „Тучи“, „Неизвѣстное“, „Моя мольба“, „Изъ Гете“, „Благодарность“ (*Le Caucase, journal de voyages et de romans*, 4-го мая 1859 г., № 19, стр. 150—152: эти записки о Кавказѣ были впоследствии нѣсколько разъ перепечатаны).

Между тѣмъ, появленіе въ теченіе небольшого промежутка времени четырехъ переводовъ „Героя нашего времени“ свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ Лермонтова, какъ романиста. Вотъ эти переводы: *Choix de nouvelles russes de Lermontof, Pouchkine, von Wiesen, etc., traduites du russe par M. J. N. Chopin*, Paris, 1853;—*Pétchorine ou un héros d'aujourd'hui, scènes de la vie russe dans le Caucase, par Michel Lermontoff, traduction de M. Edouard Scheffter* (въ *Le Mousquetaire, journal de M. A. Dumas*) Paris, 1855, № 23—27, 29, 31—35, 37—44, 46—49;—*Au bord de la Néva, contes russes traduits par X. Marmier* (Paris, 1856);—*Un duel à mort, Lermontof [sic]*, (Paris, 1863), гр. Eugène de Lonlay.

Наряду съ появленіемъ переводовъ и личность и талантъ Лермонтова вызвали характеристики N. Delaveau въ *Athenaeum français*, 25 июня 1853 г., стр. 593;—Alexandre Herzen во второмъ изданіи на французскомъ языкѣ брошюры *Du développement des idées révolutionnaires en Russie* (Londres, 1853, стр. 97—99);—Saint-René Taillandier въ *Revue des Deux Mondes* 1-го февраля 1855 г., стр. 502—534 (эта статья была перепечатана въ книгѣ *Allemagne et Russie, Paris, 1856, стр. 269—324*);—Achille Gallet de Kulture въ книгѣ *Le tzar Nicolas et la Sainte Russie* (Paris, 1855, стр. 69—70, и 2-е изд., подъ заглавіемъ *La Sainte Russie, Paris, 1857, стр. 188—189*: „un poète... dont la courte vie fut une bataille perdue“);—Cyprien Robert въ *Revue des Deux Mondes* 1-го апрѣля 1854 г., т. VI, стр. 162—165;—Léon Godard въ книгѣ *Pétersbourg et Moscou; souvenirs du couronnement d'un tsar* (Paris, 1858, стр. 233—234);—графини Е. П. Ростопчиной (Eudoxie Rostoptchine) въ замѣткѣ присланной Alexandre Dumas и напечатанной въ *Le Caucase* 4-го мая 1859 г., № 19, стр. 147—150 (см. русскій переводъ въ „Русской Старинѣ“ 1882 г., т. XXXV, стр. 610—620);—P. Pelan d'Angers въ предисловіи къ *Chefs d'œuvres poétiques de Lermontoff, le poète du Caucase* (Paris, 1866).

За сборникомъ стихотвореній P. Pelan d'Angers послѣдовала перерывъ. Главныя произведенія Лермонтова были уже переведены, и поэтому новыхъ переводовъ почти не появлялось. Отмѣтимъ только, что переводъ „Героя нашего времени“ въ *Choix de nouvelles russes de Lermontof, Pouchkine, von Wiesen, etc., traduites du russe par M. J. N. Chopin*, вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1873 г. Изъ отдѣльныхъ этюдовъ можно указать лишь на одну главу *Histoire*

de la littérature contemporaine en Russie, par C. Courrière (Paris, 1875, ч. 2-я, гл. III, стр. 132—139), заключающую, вмѣстѣ съ переводомъ въ прозѣ „Думы“, краткую характеристику Лермонтова, и па статью G. Vapereau въ Dictionnaire universel des littératures (Paris, 1876, стр. 2096).

Въ началѣ восьмидесятихъ годовъ, одновременно съ появленіемъ въ Revue des Deux Mondes статей Anatole Leroy Beaulieu и виконта Eugène-Melchior de Vogüé, интересъ къ русской литературѣ сталъ снова возрастать во Франціи. Объ этомъ возбужденіи интереса между прочимъ свидѣлствуютъ: переводъ разсказа „Тамань“ въ воскресномъ приложеніи къ Figaro 9-го октября 1880 г., № 41 (безъ подписи переродчика); — анализъ „Демона“, сдѣланный Emile de Saint Albin въ Le Contemporain 1883 г., за іюнь; — новый переводъ „Героя нашего времени“ — Un héros de notre temps, récits par Michel Lermontoff, traduits du russe par A. de Villamarie (Paris, 1884, Bibliothèque cosmopolite, № 13); — популярно-научная Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'à nos jours par Léon Sichler (Paris, 1886), содержащая характеристику Лермонтова и переводъ прозой нѣсколькихъ отрывковъ (стр. 242—254).

Въ томъ-же 1886 г. выходятъ отдѣльнымъ томомъ собранныя въ одно цѣлое подъ заглавіемъ „Le roman russe“ статьи виконта Eugène-Melchior de Vogüé изъ Revue des Deux Mondes. Въ этой книгѣ, имѣвшей, какъ извѣстно, громадное вліяніе на распространеніе русскихъ писателей во Франціи, въ особенности Тургенева, Достоевскаго и гр. Л. Н. Толстого, посвящено Лермонтову пять страницъ (стр. 53—57), тепло написанныхъ, обнаруживающихъ большое пониманіе поэта и проникнутыхъ сожалѣніемъ о безпомощности переводчика при ознакомленіи читателя съ произведеніями иностранной поэзіи: „ces petites perles, писалъ онъ вслѣдъ за переводомъ извѣстныхъ стиховъ „Разстались мы, но твой портретъ . . .“, tombées dans une prose étrangère, y paraissent mortes et n'ont plus d'orient“ (Le roman russe, Paris, 1886, стр. 56).

Книга виконта Eugène-Melchior de Vogüé представляла вниманію французской публики преимущественно русскихъ романствовъ, но и для поэтовъ-соотечественниковъ Vogüé она была значительнымъ толчкомъ къ увлеченію Лермонтовской поэзіей. Изъ переводовъ Лермонтова, относящихся къ тому времени, отмѣтимъ: Le Démon, récit oriental, poème de Lermontoff, traduit du russe par S. de B. [S. de Biram] (Paris, 1884) — Le Démon, conte oriental, traduit du russe par M-me M. de C. (Genève, 1888); — Un héros de notre temps; la princesse Marie, par Lermontoff; avec notice littéraire et biographique par Charles Simond (Paris, 1888: перепечатка перевода Xavier Marmier); — стихотворный переводъ „Демона“ въ Essais poétiques, suivis de le Démon, traduit du russe par S. de Biram (Paris, 1889); — переводъ въ стихахъ „Казачьей колыбельной пѣсни“ въ Mosaïques, chansons suédoises, hongroises, serbes, russes, tziganes, par Paul Viteau (Paris, 1889, стр. 39 — 41) переводы прозой Louis Leger „На смерть Пушкина“, „Пророкъ“, „Печально я гляжу на наше поколѣніе“, „Бородино“, „Сонъ“, наряду съ переводами прозой и въ стихахъ Mestscherski, Pelan d'Angers, Chopin, Viteau, въ La littérature russe, notices et extraits des principaux auteurs depuis les origines jusqu'à nos jours, par Louis Leger (Paris, [1892], стр. 386—404); — переводы прозой стихотвореній „Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ“, „Нѣтъ, я не Байропъ, я другой . . .“, „Ангель“, „Измаиль Бей“ (отрывокъ), „Вѣтка Палестины“, „Пѣсня про царя Ивана Васильевича,

молодого опричника и удалого купца Калашникова“, „Бородино“, „Когда волнуется желтющая нива...“, „Молитва“, „Три пальмы“, „Дары Терека“, „Мцыри“, „Благодарность“, „Тучи“, „Люблю отчизну я...“, „Последнее новоселье“. „Парусь“, „Бѣглець“, „Спорь“, „Сонъ“, „Свиданіе“, „Тамара“, „Выхожу одинъ я на дорогу...“, „Пророкъ“ въ *Les poètes russes; anthologie et notices biographiques* par Emmanuel de Saint-Albin (Paris, 1893, стр. 225—289);—переводъ или скорѣе варіаціи въ стихахъ на тему стихотвореній „Когда волнуется желтющая нива...“, „Благодарность“, „Ангель“ въ *Petits poèmes russes, mis en vers français* par Catulle Mendès (Paris, 1893, стр. 40—46);—переводъ въ стихахъ „Любовь мертвеца“ въ сборникѣ *Trente poésies russes, mélodies imitées* par Paul Collin (Paris, 1894, стр. 13);—*Le Novice, traduit en vers* de Lermontoff par Louis Pomey (Paris, 1894);—переводы прозой и въ стихахъ нѣсколькихъ отрывковъ въ *Profils et types de la littérature russe*, par Ernest Combes (Paris, 1896, стр. 282—298);—*Poèmes de Lermontov, traduits* par Henri A. Duperré: „Демонъ“, „Хаджи-Абрекъ“, „Бородино“, „Дары Терека“, „На смерть Пушкина“, и др. стихотворенія, всего болѣе пятидесяти, переведенныя всѣ въ стихахъ (Paris, 1897, см. рецензію Louis Leger въ *Revue critique*, 1897, т. II, стр. 429);—переводы кн. Вл. Барятинскаго „Молитва“, „Пророкъ“, „Святая Елена“ въ *Nouvelle Revue* (1-го іюня 1898 г., стр. 484—495);—переводъ A. de Villamarie „Ашикъ-Керибъ“ въ книгѣ Eugène Oniéguine, roman en vers par Pouchkine, traduit du russe en prose par A. de Villamarie, suivi d'Achik-Kérib; conte oriental, par Lermontoff (Nice, 1904);—*Un héros de notre temps, récits, Béla; Maxime Maximitch; Taman; la princesse Marie; le Fataliste; le Démon, poème oriental* par Lermontoff. Trad. du russe par A. de Villamarie; 2-e édition (Paris, 1905);—переводъ въ стихахъ Pascal Monet „Ангель“ въ *Revue des études franco-russes* (за іюль 1905 г., стр. 298);—переводы въ стихахъ за подписью X. стихотвореній „Выхожу одинъ я на дорогу“ и „Казачья колыбельная пѣсня“ (*Revue des études franco-russes*, за августъ 1906 г., стр. 388—390);—переводы въ стихахъ гр. Claude Claudovitch „Вѣтка Палестины“, „Русалка“, „Ангель“ (*Revue des études franco-russes*, за декабрь 1907 г., стр. 534—537);—переводъ въ стихахъ Le Démon, légende orientale, traduit du russe par la princesse Elisabeth Orbéliani, съ предисловіемъ François Coppée (Paris, 1907);—переводы въ стихахъ барона M. de Berwick „Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень“... „Ангель“ (*Revue des études franco-russes*, за мартъ 1908 г., стр. 151).

Послѣ *Le Roman russe* можно указать на слѣдующіе этюды или статьи о Лермонтовѣ: въ посвященномъ Россіи номерѣ *Revue encyclopédique* (№ 24, 1-го декабря 1891 г.) статья виконта Eugène-Melchior de Vogüé (стр. 1003), перепечатанная въ сборникѣ *La Russie géographique, ethnologique, historique, administrative, économique, religieuse, littéraire, artistique, scientifique, pittoresque, etc.*, изданномъ Larousse (безъ указанія года, стр. 283—284);—статья Monpignonnet въ *La Grande Encyclopédie*, т. XXII, стр. 74;—глава о Лермонтовѣ въ *Profils et types de la littérature russe* par Ernest Combes (Paris, 1896, стр. 282—298);—биографическая статья о Лермонтовѣ въ вышеупомянутой книгѣ *Poèmes de Lermontov, traduits* par Henri A. Duperré (Paris, 1897, стр. 5—32);—глава о Лермонтовѣ въ *La Littérature russe* par K. Waliszewski (Paris, 1900, стр. 229—242);—нѣсколько страницъ о вліяніи французскихъ писателей на Лермонтова въ книгѣ Emile Haumont: *La culture française en Russie, 1700—*

1900 (Paris, 1910, стр. 388—391); — и, наконец, обстоятельный трудъ Е. Duchesne: Michel Iouriévitch Lermontov; sa vie et ses œuvres (Paris, 1910. См. критическіе разборы за подписью В — ть, въ „Русскомъ филологическомъ Вѣстникѣ“ 1910 г., №№ 3 и 4, стр. 404—405, — Louis Leger въ Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, 1911 г., т. I, стр. 214—215, — Д. И. Абрамовича въ „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“, новая серія, ч. XXXII, апрѣль 1911 г., стр. 386—389, — А. Веселовскаго въ Archiv für slavische philologie, 1911, т. XXXIII, стр. 245—256).

Изданія музыкальныхъ произведеній на слова Лермонтова представляютъ иногда французскій переводъ подъ русскимъ текстомъ. Такъ издаются напримѣръ: прсеводы D. Calvocoressi: „Когда волнуется желтѣющая нива...“ (муз. Балакирева, изд. Юргенсонъ) „И скучно и грустно...“ (муз. Даргомыжскаго, изд. Юргенсонъ), „Сонъ“ (муз. Балакирева, изд. Циммерманъ), „Звѣзда“ (муз. Ляпунова, изд. Циммерманъ), „Слышу ль голосъ твой“ (изд. Гутхейль) „Пѣсня Селима“ (муз. Балакирева, изд. Гутхейль); — переводъ Jules Ruellé: „Слышу ль голосъ твой“ (муз. Арцыбушева, изд. Belaïeff); — переводы J. Sergeppois: „Слышу ль голосъ твой“ (муз. Блюменфельда, изд. Belaïeff), „Любовь мертвеца“ (муз. Кюи, изд. Belaïeff), „Спи, младенецъ мой прекрасный“ (муз. Гречанинова, изд. Belaïeff), „Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ“ (муз. Римскаго-Корсакова, изд. Belaïeff), „Когда волнуется желтѣющая нива...“ (муз. Римскаго-Корсакова, изд. Belaïeff), „Ангель“ (муз. Римскаго-Корсакова, изд. Belaïeff); — переводъ А. Александровой: „У вратъ обители святой“ (муз. Блюменфельда, изд. Belaïeff); — переводы Pierre Barbier: „Утесъ“, „Кинжалъ“, „Тучи“ и передѣлка для сцены поэмы „Демонъ“ (муз. Рубинштейна, парижское изд. Le Ménestrel), и др.

Въ дополненіе къ вышеуказаннымъ переводамъ слѣдуетъ прибавить переводы напечатанные въ Россіи: Moreau de la Meltière „Послѣднее новоселье“ (переводъ въ стихахъ, напечатанный въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1842 г., т. XXV, отд. библ. и журн. извѣстій, стр. 61—62; объ авторѣ перевода см. „Библиографическія Записки“ 1859 г., № 2, столб. 54 и 55); — Joseph Jules Regault „Воздушный корабль“ (стихотворный переводъ, напечатанный въ „Пантеонѣ“ 1853 г., № 3, отд. IV, стр. 60—62); — Briavoine de Lehaye: Oeuvres de Lermontoff, traduction nouvelle par L. Briavoine de Lehaye. Le Démon. Première partie. Livraison I (С.-Пб. 1876); — Narkiewicz et Guillemin: переводъ прозой „Демона“ (Revue slave, 1878 г., ноябрь, Варшава, стр. 146—163, и отдѣльной брошюрой: Tamara, poème de Lermontoff, traduction de MM. A. Narkiewicz et Guillemin, Varsovie, 1878); — Benjamin Detraux: Traduction en vers du poème de Lermontoff le Démon (Харьковъ, 1892; перепечатка въ томъ же году: Paris, 1892); — Olga Lanceray: Anthologie des poètes russes traduits en vers français (С.-Пб. 1902) съ переводами стихотвореній „Тучи“, „Утесъ“, „Когда волнуется желтѣющая нива...“, „Молитва“, „Ангель“, „Пророкъ“, „Парусъ“, „Вѣтка Палестины“, „Волны и люди“, „Нищій“, „Зови надежду сновидѣнъемъ“, „Тамара“.

Читатель найдетъ подробную библиографію, вмѣстѣ съ критической оцѣнкой, появившихся до 1883 г. французскихъ переводовъ Лермонтова, а также французскихъ трудовъ о немъ въ статьяхъ В. К. Шульца въ „Русской Старинѣ“ 1882 г., т. XXXIV, стр. 223 — 240 и 483 — 498 (переводы

отдѣльныхъ стихотвореній Лермонтова), т. XXXV, стр. 297—322 (переводы поэмъ Лермонтова), и 1883 г., т. XXXVII, стр. 457—472 (переводы „Героя нашего времени“), т. XXXVIII, стр. 486 (поправка В. А. Васильева къ статьѣ В. К. Шульца) и т. XXXIX, стр. 273—298 (біографическія и критическія статьи о Лермонтовѣ). Оттиски четырехъ первыхъ статей В. К. Шульца были собраны въ одну брошюру подъ названіемъ: „Лермонтовъ въ переводѣ французскихъ писателей“ (С.-Пб., 1883).

Изъ переводовъ, вышедшихъ послѣ 1883 г., можно порекомендовать только вышеуказанные сборники Louis Leger, Henri A. Duperré et Emile de Saint-Albin. Трудъ Е. Duchesne окажетъ несомнѣнно большую услугу иностранному читателю, не владѣющему русскимъ языкомъ, но, за исключеніемъ нѣкоторыхъ указаній на возможное вліяніе французскихъ писателей на Лермонтова, дастъ мало новаго русскому изслѣдователю.

Mars 1912.

Paris.

André Mazon.

IV.

Лермонтовъ у англичанъ.

На англійскомъ языкѣ нѣтъ ни одной болѣе или менѣе солидной или оригинальной монографіи о поэзіи Лермонтова; имѣются лишь двѣ-три небольшихъ статьи. Едва-ли не лучшая (безъ имени автора) статья о Лермонтовѣ помѣщена въ журналѣ „National Review“ (vol. XI, стр. 330), перепечатанная послѣ въ „Eclectic Magazine“ за 1861 г., Июнь, LIII т., стр. 167—76. Это — краткій критико-біографическій этюдъ, содержащій біографію, характеристику Лермонтова, разборъ „Мцири“, и замѣтки объ „Измаиль-Беѣ“ и „Демонѣ“, причемъ при разсужденіи о послѣднемъ проведена интересная параллель между Мефистофелемъ Гёте и „Каиномъ“ Байрона. Авторъ статьи считаетъ Лермонтова поэтомъ субъективнымъ *par excellence*, но способнымъ подниматься и до высотъ объективнаго творчества, примѣромъ чему служитъ „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“. Сужденіе автора статьи о реализмѣ нашего поэта заслуживаетъ цитации. „Но что поразительно, пишетъ онъ, такъ это элементъ реализма, который, какъ мы уже замѣтили въ нашей статьѣ о Пушкинѣ, повидимому, составляетъ главную особенность литературнаго характера русской націи вообще. Обладая живою, впечатлительною натурою, громадную наблюдательностью и удивительною способностью ассимилировать впечатлѣнія другихъ, русскіе, повидимому, обладаютъ всѣми необходимыми качествами для того, чтобы развить преимущественно тотъ реализмъ въ литературѣ, который имѣетъ тенденцію стать основою всего современнаго искусства. Лермонтовъ, куда бы онъ ни направлялъ свои мысли, всюду остается на твердой почвѣ реализма, и этому-то именно мы обязаны великою точностью, свѣжестью и правдивостію картинъ въ его эпическихъ поэмахъ, а равно какъ и добросовѣстною точностью его лирическихъ твореній, которая всегда являются вѣрнымъ отраженіемъ его личныхъ настроеній“ (стр. 172). Вторая статья принадлежитъ перу С. Е. Turner, и находится въ его сочиненіи „Studies in Russia

Literature", 1882, London, стр. 318—339. Это краткій биографическій очеркъ *) съ оцѣнкою поэта, и разборомъ „Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ“. Turner тоже отмѣчаетъ субъективный характеръ творчества Лермонтова. „Его поэмы, пишетъ авторъ, могутъ быть разсматриваемы какъ своего рода лексиконъ, въ которомъ мы найдемъ объясненіе многому въ его отношеніи къ внѣшнему міру, что иначе должно бы оставаться загадочнымъ.... онъ, въ строжайшемъ смыслѣ этого слова, являются исповѣдью его души“.... (стр. 318—319). Turner указываетъ также и на байронизмъ въ поэзіи Лермонтова (стр. 324). Въ статьѣ Turner'а даны, кромѣ того, переводы частью цѣлыхъ стихотвореній, а частью въ отрывкахъ. Такъ у него переведены стихотворенія: „Разстались мы; но твой портретъ“, послѣдняя строфа изъ стиховъ „Не думай, чтобы я былъ достоинъ сожалѣнья“, 3, 4 и 7 строфы изъ „Перваго Января“, 13 послѣднихъ стиховъ перваго отдѣла изъ стихотворенія „На смерть Пушкина“, и изъ той же вещи четверостишіе „Замолкли звуки“. У Turner'а дано также много отрывковъ въ переводѣ изъ „Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ“. Третья крупная статья о Лермонтовѣ принадлежитъ перу П. Крапоткина, въ его лекціяхъ *Ideals and Realities in Russian Literature*, London, 1905, стр. 50—59. Здѣсь даны краткая біографія и характеристика поэта, съ указаніемъ на близкое родство по духу между Лермонтовымъ и Шелли. Краткую характеристику поэта мы находимъ въ лекціяхъ князя S. Wolkonsky, читанныхъ въ Америкѣ и изданныхъ подъ заглавіемъ: „*Lowell Lectures. Pictures of Russian History and Russian Literature*“ (1-е изд. 1897 г. Boston; 2-е, 1898, London; о Лермонтовѣ тутъ и тамъ — стр. 208—212). На англійскомъ языкѣ до сихъ поръ еще не имѣется оригинальной исторіи русской литературы; англійская публика довольствуется пока двумя переводами: К. Walisewski, *A History of R. Literature*, 1900, London (о Лермонтовѣ — стр. 229—40) и A. Brückner, *A Literary History of Russia*, London, 1908, (о Лермонтовѣ — стр. 218—32). Краткія біографіи Лермонтова даны въ слѣдующихъ энциклопедіяхъ: Chambers's, т. VI, стр. 586, 1901; *Enc. Britannica*, 9-е изд. т. XIV, стр. 471; 11-е изд. т. XVI, стр. 484—5; и *The New International Enc.* т. XII, стр. 149. Краткая біографія и очень полная бібліографія даны у L. Wiener въ его *Anthology of R. Literature*, т. II-й, стр. 155—57, London and N. York, 1903.

Что касается англійскихъ переводовъ крупныхъ произведеній М. Ю. Лермонтова, написанныхъ стихами и прозой, то изъ стихотворныхъ произведеній на первомъ мѣстѣ, по количеству переводовъ, стоитъ, конечно, „Демонъ“. Послѣдній былъ переведенъ на англійскій языкъ три раза: а) „*The Demon*“, пер. A. C. Stephen, London, 1875; 2-е изд. London, 1881; б) „*The Demon*“, пер. Y. Storr, London, 1894; в) „*The Demon*“, пер. Ellen Richter, London, 1910. „Мцири“ былъ переведенъ на англійскій языкъ съ нѣмецкаго и

*) Въ книгѣ Turner'а мы встрѣтили курьезъ, объясненіе котораго нелегко найти. Авторъ книги называетъ отца М. Ю. Лермонтова „а роог Armenian officer“ (стр. 319)—захудалымъ армянскимъ офицеромъ“. Нужно думать, что почтенный авторъ, кстаи сказать, бывший лекторъ англійскаго языка при С.-Пб. Университетѣ, сдѣлалъ здѣсь ошибку, принявъ русское слово „армейскій“ (офицеръ) за прилагательное отъ слова Армения; отсюда и получился курьезъ — „армянскій офицеръ“.

изданъ подъ заглавіемъ: „The Circassian Boy“, пер. S. S. Conant, 1875, Boston (въ Америкѣ). Изъ прозаическихъ сочиненій М. Ю. Лермонтова въ Англіи очень рано сталъ извѣстенъ „Герой нашего времени“. Существуетъ четыре перевода этого романа: а) „A Hero of our own Times“, самый первый переводъ, London, 1854; б) „The Hero of our Days“, пер. T. Puëszky, London, 1854, CXII томъ въ „The Parlour Library“ (здѣсь нѣтъ главы „Фаталистъ“); в) „A Hero of our Time“, съ введеніемъ и біографіей, пер. R. I. Lipmann, London, 1886 (здѣсь тоже нѣтъ главы „Фаталистъ“); г) „Modern Hero“, въ „Ruttican Reader“, родъ русско-англійской хрестоматіи; даны два текста, русскій и англійскій, и біографія поэта; пер. von Nestor-Schnurmann, Cambridge, 1899 (безъ разказа „Фаталистъ“). Разказъ „Таманъ“ напечатанъ отдѣльно въ „Railway and General Automatic Library“, London, 1892, „Tales from the Russian“ (вмѣстѣ даны „Дубровскій“ Пушкина, и „Наканунъ Нового года“ Григоровича). Разказъ „Максимъ Максимычъ“ съ сокращеніями данъ у L. Wiener въ его „Anthology of Russian Literature“, т. II, London and N. York, 1903. Въ качественномъ отношеніи изъ переводовъ поэтическихъ произведеній Лермонтова мы должны отдать предпочтеніе переводу „Демона“, сдѣланному E. Richter, а изъ прозаическихъ переводовъ лучше другихъ сдѣланъ переводъ „Героя нашего времени“ у N. Schnurmann.

Что касается перевода мелкихъ стихотвореній Лермонтова, необходимо указать на два большихъ собранія этихъ переводовъ: а) C. T. Wilson, Russian Lyrics, London, 1887, и б) J. Pollen, Rhymes from the Russian, London, 1891. У Wilson'a данъ переводъ слѣдующихъ стихотвореній: „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Тучи“, „Чаша жизни“, „Челнокъ“, „Споръ“, „Грузинская пѣсня“, „Казачья колыбельная пѣсня“, „Узникъ“, „Бѣглець“, „Въ полдневный жаръ“, „Въ минуту жизни трудную“, и „Вѣтка Палестины“. Въ книгѣ J. Pollen'a данъ переводъ слѣдующихъ стихотвореній Лермонтова: „По небу луночка“, „Парусъ“, „Въ минуту жизни трудную“, „Благодарность“, „На смерть Пушкина“ (взяты лишь четыре стиха — „Замолкли звуки“, „Въ полдневный жаръ“, „Тучи“, „Я, Матерь Божія“, „И скучно и грустно“, „Выхожу одинъ я на дорогу“, „Волны и люди“, „Морская царевна“, „Пророкъ“, „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Отчизна“, „Разстались мы, но твой портретъ“, „Кинжалъ“, „Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю“, „Споръ“, „Отчего“, и „Москва“ („Москва, Москва!“ изъ поэмы „Сашка“). Нѣсколько стихотвореній въ переводѣ различныхъ лицъ дано у L. Wiener въ его „Anthology“; здѣсь мы находимъ 4 первыхъ станса изъ поэмы „Демонъ“, „Споръ“ (переводъ J. Pollen), „Выхожу одинъ я на дорогу“, „Парусъ“, „Въ минуту жизни трудную“, „Вѣтка Палестины“, „Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою“, „Первое января“ и „Въ полдневный жаръ“ (переводы частью взяты изъ изданій „Anglo-Russian Literary Society“, №№ 11, 14, 16 и 19, и журнала „Free Russia“, т. XI, № 2; послѣднее стихотвореніе дано въ переводѣ J. Pollen).

Относительно переводовъ, напечатанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить переводы въ „Blackwood Magazine“. Здѣсь даны „Дары Терека“ въ LIV т. (переводъ T. B. Shaw) и въ т. CXXXVI, снова „Дары Терека“, „Чаша жизни“, „Казачья колыбельная пѣсня“ и „Узникъ“ (въ переводѣ A. E. Staley). Далѣе въ отчетахъ вышеупомянутого „Anglo-Russian Literary Society“ даны переводы слѣдующихъ стихотвореній Лермонтова:

„Ангель“ и „Въ минуту жизни трудную“ въ № 11; „Онъ былъ рожденъ для счастья“ въ № 13; „Выхожу одинъ я на дорогу“ и „Ангель“ въ № 14; „Вѣтка Палестины“ и „Благодарность“ въ № 16; „Парусъ“ въ № 19; „Дары Терека“ въ № 20; „Выхожу одинъ я на дорогу“ въ № 21; „Казачья колыбельная пѣсня въ № 25; „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“ въ № 26. На страницахъ журнала „Free Russia“ появились переводы слѣдующихъ стихотвореній: „Поэтъ“ въ т. I, № 6; „На смерть Пушкина“ въ т. X, № 6 и 7; „Сосѣдъ“ („Кто бъ ни былъ ты“...), „Отчизна“, и „Первое января“ въ т. XI, №№ 1, 2 и 4. Въ изданіи „The Poetry of the Orient“ (Boston, 1865) дано стихотвореніе „Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою“, въ пер. W. R. Alger (см. у L. Wiener). Въ другомъ изданіи „The Library of the World's Best Literature“ даны переводы слѣдующихъ стихотвореній М. Ю. Лермонтова: „Тучи“ (переводъ N. H. Dale), и перепечатаны переводы A. E. Staley и J. Pollen: „Узникъ“ „Чаша жизни“ и „Ангель“.

London.
British Museum.

К. Н. Фаминскій.

Обзоръ литературы о Лермонтовѣ.

М. Ю. Лермонтовъ, по его собственнымъ словамъ, началъ „марать стихи“ въ 1828 г., будучи въ Благородномъ пансіонѣ (Сочинен., т. IV, стр. 349); но въ печати первое произведеніе его появилось лишь въ 1835 г. — это „Хаджи-Абрекъ“ въ „Библиотекѣ для чтенія“. По воспоминаніямъ А. Меринскаго („Атеней“ 1858 г., № 48, стр. 301), В. П. Бурнашева („Русск. Арх.“ 1872 г., стлб. 1776—77) и Ак. П. Шанъ-Гирея („Русск. Обзор.“ 1890 г., кн. VIII, стр. 737—38), эта поэма была передана въ редакцію „Библиотеки“ Н. Д. Юрьевымъ, школьнымъ товарищемъ и родственникомъ Лермонтова, и напечатана безъ вѣдома автора. По другимъ свѣдѣніямъ, редакция журнала всячески уговаривала Лермонтова не печатать своей первой поэмы, но въ концѣ концовъ уступила настойчивымъ просьбамъ поэта и удовлетворила „эту невинную мечту неопытности“, хотя съ значительными сокращеніями и пропусками. (см. Сочинен., т. II, стр. 431—32).

Какъ бы то ни было, поэма прошла, повидимому, совершенно незамѣченной, такъ что Бѣлинскій, баронъ Розенъ и др. началомъ поэтического поприща Лермонтова считаютъ 1837 годъ. „Первый проблескъ его имени совпадаетъ со смертью Пушкина; новый талантъ вышелъ, такъ сказать, изъ завѣтнаго, только что заколоченнаго гроба поэта, — и сказалъ молодымъ Пушкинымъ, вышедшимъ изъ Царскосельскаго Лицея: та же сила, тотъ же духъ и прочее, словомъ: разительное наружное сходство!“ („Сынъ Отечества“ 1843 г., № 3. Отд. VI, стр. 4: ст. бар. Розена).

Съ появленіемъ стихотворенія „Смерть поэта“ имя Лермонтова получило самую широкую извѣстность.

„Стихи эти, — пишетъ С. А. Раевскій въ своемъ показаніи, — появились прежде многихъ и были лучше всѣхъ, что я узналъ изъ отзыва журналиста Краевскаго, который сообщилъ ихъ В. А. Жуковскому, князьямъ Вяземскому, Одоевскому и проч. Знакомые Лермонтова безпрестанно говорили ему пріветствія, и пронеслась даже молва, что В. А. Жуковскій читалъ ихъ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику, и что онъ изъявилъ высокое свое одобреніе... Экземпляры стиховъ раздавались всѣмъ желающимъ"... („Дѣло о непозволительныхъ стихахъ, написанныхъ корнетомъ л.-гв. Гусарскаго полка Лермонтовымъ“ — въ Лермонтовскомъ Музеѣ: отд. IV, № 11, л. 3. Ср. „Вѣстн. Евр.“ 1887 г., кн. 1, стр. 338).

Въ „Запискахъ“ А. О. Смирновой читаемъ: „Вяземскій, воспользовавшись французскимъ курьеромъ, прислалъ намъ стихи Лермонтова на смерть Пушкина. Стихи превосходны, — они насъ тронули, очаровали. Мой мужъ, ненаходившій Лермонтова симпатичнымъ, восторгался даже больше, чѣмъ я; онъ не ожидалъ, что Лермонтовъ напишетъ такъ хорошо... Joseph пишетъ мнѣ, что Лермонтовъ прославился необычайно; въ полку товарищи не любили его, теперь же онъ сталъ центромъ. Великій князь былъ очень добръ къ нему“... (Ч. II, стр. 14 по изд. 1897 г.).

Въ другомъ мѣстѣ своихъ „Записокъ“ Смирнова передаетъ отзывъ Государя: „Стихи прекрасны и правдивы; за нихъ однихъ можно простить ему всѣ его безумства. Я не за это ссылалъ его, а за многое другое, предшествовавшее стихамъ“. (Стр. 42).

„Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ (въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ за 1838 г.), хотя и обратила на себя вниманіе критики и публики „Отечеств. Записки“ 1841 г., т. XIV. Отд. V, стр. 53—4, и „Сѣверн. Пчелу“ 1840 г., № 284), но не была оцѣнена по достоинству. Зато появлявшіяся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ мелкія стихотворенія вызывали общій восторгъ и давали поводъ утѣшаться, что „судьба, отнявшая у насъ Пушкина, замѣнила его Лермонтовымъ“. („Сынъ Отечества“ 1843 г., № 3. Отд. VI, стр. 4). По словамъ Бѣлинскаго, „всѣхъ поражало могущество вдохновенія, глубина и сила чувства, роскошь фантазіи, полнота жизни и рѣзко-ощутительное присутствіе мысли въ художественной формѣ“. („Отечеств. Записки“ 1840 г., т. X. Отд. V, стр. 30).

Въ началѣ 1840 г. вышелъ романъ „Герой нашего времени“ и имѣлъ такой большой успѣхъ, что черезъ годъ потребовалось уже новое изданіе. Лучшимъ истолкователемъ романа былъ Бѣлинскій, посвятившій „Герою нашего времени“ двѣ большія статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1840 г., т. X, № 6, стр. 27—54, и XI, № 7, стр. 1—38) и тамъ же три критико-библиографическихъ замѣтки (1840 г., т. X, № 5; 1841 г., т. XVIII, № 9, и 1844 г., т. XXXII, № 2. Ср.: Полн. собр. сочин. В. Г. Бѣлинскаго подъ ред. и съ примѣч. С. А. Венгерова. Т. V, стр. 260—61 и 290—372; VI, 312—17).

Въ пониманіи Бѣлинскаго „Герой нашего времени“ — это грустная дума о нашемъ времени, какъ и та, которою такъ благородно, такъ энергично возобновилъ поэтъ свое поэтическое поприще. (Имѣется въ виду стихотвореніе Лермонтова „Дума“).

„Этотъ романъ совсѣмъ не злая иронія, хотя и очень легко можетъ быть принятъ за иронію; это одинъ изъ тѣхъ романовъ,

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствиіи пустомъ.

„Хорошъ же современный человѣкъ!“ воскликнулъ одинъ нравоописательный „сочинитель“, разбирая, или лучше сказать, ругая седьмую главу „Евгенія Онѣгина“. Здѣсь мы почитаемъ кстати замѣтить, что всякій современный человѣкъ, въ смыслѣ представителя своего вѣка, какъ бы онъ ни былъ дурень, не можетъ быть дурень, потому что нѣтъ дурныхъ вѣковъ, и ни одинъ вѣкъ не хуже и не лучше другаго, потому что онъ есть необходимый моментъ въ развитіи человѣчества, или общества“.

Путемъ подробнаго анализа характера и всего душевнаго склада Печорина критикъ приходитъ къ выводу, что „это Онѣгинъ нашего времени, герой нашего времени. Несходство ихъ между собою гораздо меньше разстоянія между Онѣгомъ и Печорюю. Иногда, въ самомъ имени, которое истинный поэтъ даетъ своему герою, есть разумная необходимость, хотя, можетъ-быть, и невидимая самимъ поэтомъ“...

Правда, въ художественномъ отношеніи Печоринъ уступаетъ Онѣгину, зато онъ выше его „по идеѣ“.

„Этотъ человѣкъ (Печоринъ) не равнодушно, не апатически несетъ свое страданіе: бѣшено гоняется онъ за жизнь, ища ея повсюду; горько обвиняетъ онъ себя въ своихъ заблужденіяхъ. Въ немъ неумолчно раздаются внутренніе вопросы, тревожатъ его, мучать, и онъ въ рефлексіи ищетъ ихъ разрѣшенія: подсматриваетъ каждое движеніе своего сердца, разсматриваетъ каждую мысль свою. Онъ сдѣлалъ изъ себя самый любопытный предметъ своихъ наблюденій, и, стараясь быть какъ можно искреннѣе въ своей исповѣди, не только откровенно признается въ своихъ истинныхъ недостаткахъ, но еще и выдумываетъ небывалые, или ложно истолковываетъ самыя естественныя свои движенія. Какъ въ характеристикѣ современнаго человѣка, сдѣланной Пушкинымъ, выражается весь Онѣгинъ, такъ Печоринъ весь въ этихъ стихахъ Лермонтова:

„И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови“.

Въ глазахъ критика Печоринъ заслуживаетъ самой искренней симпатіи.

„Вы говорите противъ него, что въ немъ нѣтъ вѣры. Прекрасно! но вѣдь это то же самое, что обвинять нищаго за то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да не дается оно ему. И при томъ, развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрію? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастья купить эту вѣру, для которой еще не настала часъ его? ... Вы говорите, что онъ эгоистъ? — Но развѣ онъ не презираетъ и не ненавидитъ себя за это? развѣ сердце его не жаждетъ любви чистой и безкорыстной? Нѣтъ, это не эгоизмъ... Судя о человѣкѣ, должно брать въ разсмотрѣніе обстоятельства его развитія и сферу жизни, въ которую онъ поставленъ судьбою. Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою. Его, во многихъ отношеніяхъ, дурное настоящее — обѣщаетъ прекрасное будущее“ ...

„Этот человек не пылкий юноша, который гоняется за впечатлѣніями и всего себя отдаетъ первому изъ нихъ, пока оно не изгладится, и душа не запроситъ новаго. Нѣтъ, онъ вполне пережилъ юношескій возрастъ, этотъ періодъ романческаго взгляда на жизнь... Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и новыхъ думъ, сердце требуетъ новой привязанности: *дѣйствительность* — вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и презирая старые, онъ все-таки по нимъ же судитъ о жизни... Это переходное состояніе духа, въ которомъ для человека все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человекъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ, и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ-то возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и „хандрою“, и „ипохондрією“, и „мнительностью“, и „сомнѣіемъ“, и другими словами, далеко невыражающими сущности явления, и что на языкѣ философскомъ называется *рефлексією*“.

Бѣлинскій соглашается, что со стороны формы изображеніе Печорина не совсѣмъ художественно. Однако причина этого не въ недостаткѣ таланта автора, а въ томъ, что изображаемый имъ характеръ такъ близокъ къ нему, что онъ не въ силахъ былъ отдѣлиться отъ него и объективировать его.

„Вотъ причина неопредѣленности Печорина и тѣхъ противорѣчій, которыми такъ часто опутывается изображеніе этого характера. Чтобы изобразить вѣрно данный характеръ, надо совершенно отдѣлиться отъ него, стать выше его, смотрѣть на него какъ на нѣчто оконченное. Но этого, повторяемъ, не видно въ созданіи Печорина. Онъ скрывается отъ насъ такимъ же неполнымъ и неразгаданнымъ существомъ, какъ и является намъ въ началѣ романа. Отъ того и самый романъ, поражая удивительнымъ единствомъ *ощущенія*, нисколько не поражаетъ единствомъ *мысли*, и оставляетъ насъ безъ всякой перспективы, которая невольно возникаетъ въ фантазіи читателя по прочтеніи художественнаго произведенія, и въ которую невольно погружается очарованный взоръ его. Въ этомъ романѣ удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію чрезъ единство поэтическаго ощущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ бы недоговоренное, какъ въ „Вертерѣ“ Гёте, и потому есть что-то тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ то же время и достоинство романа г. Лермонтова: таковы бываютъ всѣ современные общественные вопросы, высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ: это вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданіе“...

Въ заключеніе критикъ обращаетъ вниманіе на то, что, при всемъ недостаткѣ художественности, вся повѣсть насквозь проникнута поэзією, исполнена высочайшаго интереса.

„Каждое слово въ ней такъ глубоко-знаменательно, самые парадоксы такъ поучительны, каждое положеніе такъ интересно, такъ живо обрисовано! Слогъ повѣсти — то блескъ молніи, то ударъ меча, то разсыпавшійся по бархату жемчугъ! Основная идея такъ близка сердцу всякаго, кто мыслитъ и чувствуетъ, что всякій изъ *такихъ*, какъ бы ни противоположно было его положеніе положеніямъ, въ ней представленнымъ, увидитъ въ ней исповѣдь собственнаго сердца“...

„Глубокое чувство дѣйствительности, вѣрный инстинктъ истины, простота, художественная обрисовка характеровъ, богатство содержанія, неотразаемая прелесть изложенія, поэтический языкъ, глубокое знаніе челоуѣческаго сердца и современнаго общества, широкость и смѣлость кисти, сила и могущество духа, роскошная фантазія, неисчерпаемое обиліе эстетической жизни, самобытность и оригинальность — вотъ качества этого произведенія, представляющаго собою совершенно новый міръ искусства“.

„Герой нашего времени“ принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ истиннаго искусства, которыя, занимая и услаждая вниманіе публики, какъ литературная новость, обращаются въ прочный литературный капиталъ, который съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивается вѣрными процентами“.

Появленіе втораго (1841 г.) и третьяго (1843 г.) изданій „Героя нашего времени“ дало поводъ Бѣлинскому еще разъ высказать свою точку зрѣнія на романъ и его главнаго героя — Печорина.

„Этотъ романъ былъ книгою, вполне оправдывавшею свое названіе. Въ ней авторъ является рѣшителемъ важныхъ современныхъ вопросовъ. Его Печоринъ — какъ современное лицо — Онѣгинъ нашего времени... Не составляя цѣлаго, въ строгомъ художественномъ смыслѣ, почти всѣ эпизоды его романа образуютъ собою очаровательныя поэтическія міры. „Бѣла“ и „Тамань“ въ особенностяхъ могутъ считаться одними изъ драгоцѣннѣйшихъ жемчужинъ русской поэзіи; а въ нихъ еще остается столько дивныхъ подробностей и картинъ, въ которыхъ съ такою отчетливостію обрисовано типическое лицо Максима Максимыча! „Княжна Мери“ менѣе удовлетворяетъ въ смыслѣ объективной художественности. Рѣшая слишкомъ близкіе сердцу своему вопросы, авторъ не совсѣмъ успѣлъ освободиться отъ нихъ и, такъ сказать, нерѣдко въ нихъ путался; но это даетъ повѣсти новый интересъ и новую прелесть, какъ самый животрепещущій вопросъ современности, для удовлетворительнаго рѣшенія котораго нуженъ былъ великій переломъ въ жизни автора... „Перечитывая вновь „Героя нашего времени“, невольно удивляешься, какъ все въ немъ просто, легко, обыкновенно, и въ то же время такъ проникнуто жизнію, мыслию, такъ широко, глубоко, возвышенно... Никто и ничто не помѣшаетъ ходу и расходу этой книжки—пока не разоидется она до послѣдняго экземпляра; тогда она выйдетъ четвертымъ изданіемъ, и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Русскіе будутъ говорить русскимъ языкомъ“...

Съ восторгомъ отозвался о романѣ и Булгаринъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1840 г., № 246, среда 30-го октября). „Герой нашего времени есть созданіе высокое, глубоко обдуманное, выполненное художественно... Лучше романа я не читалъ на русскомъ языкѣ!“ *).

На ряду съ „ревностными почитателями и жаркими поборниками“ романъ Лермонтова встрѣтилъ и самыхъ ожесточенныхъ враговъ — въ лицѣ С. О. Бурачка („Маякъ“ 1840 г., ч. IV, т. 4, стр. 210—19), О. И. Сенковскаго

*) Подробности о появленіи этого лестнаго отзыва см. въ IV т. нашего изданія, стр. 385. Бѣлинскій въ отзывѣ Булгарина видитъ не болѣе, какъ спекуляцію на имя Лермонтова, „чтобы мнимымъ безпристрастіемъ (похожимъ на купленное пристрастіе) исправить въ глазахъ толпы свою незавидную репутацію“. (Сочинен., т. V, 426).

(„Библиотека для чтения“ 1844 г., т. LXIII, отд. VI, стр. 11—12) и Н. Н. Греча („Сынъ Отечества“ 1840 г., т. II, кн. 4, 856—57).

„Ненависть этихъ господъ,—замѣчаетъ Бѣлинскій,—очень понятна: поэзія Лермонтова для нихъ — плодъ слишкомъ нѣжный и деликатный, такъ что не можетъ льстить ихъ грубому вкусу, на который дѣйствуетъ только слишкомъ сладкое, какъ медь, слишкомъ кислое, какъ огуречный разсолъ, и слишкомъ соленое, какъ севрюжина. Эти господа чувствуютъ непреодолимую антипатію даже и къ тѣмъ людямъ, которые восхищаются талантомъ Лермонтова, и они бранятъ ихъ, какъ служители своихъ господъ, которые устрицъ предпочитаютъ трактирной селянкѣ съ перцемъ“... (Сочинен., т. V, 426).

На взглядъ Бурачка, въ „Героѣ нашего времени“ софизмъ на софизмъ, ложь на лжи, нелѣпость на нелѣпости.

„Весь романъ—эпиграмма, составленная изъ непрерывныхъ софизмовъ, такъ что философіи, религіозности, Русской народности и слѣдовъ нѣтъ... Въ комъ силы духовныя заглушены, тому герой нашихъ временъ покажется прелестью, несмотря на то, что онъ — эстетическая и психологическая нелѣпость. Въ комъ силы духовныя хоть мало-мальски живы, для тѣхъ эта книга—отвратительно несносна... Отъ души жалѣешь, зачѣмъ Печоринъ, настоящій авторъ книги, такъ во зло употребилъ прекрасныя свои дарованія, единственно изъ-за грошевой подачки—похвалы людей, зѣвающихъ отъ пустоты головной, душевной и сердечной“.

Согласенъ съ приговоромъ Бурачка и критикъ „Библиотеки для чтения“.

„Откровенно сказать, „Герой нашего времени“ — не такое произведеніе, которымъ русская словесность могла бы похвастаться. „Герой нашего времени“ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ произведеніямъ, гдѣ, по словамъ Пушкина, —

„... отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно,
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданный безвѣрно;
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ“.

Это, просто, неудавшійся опытъ юнаго писателя, который еще не умѣлъ писать книгъ, учился писать; слабый, нетвердый очеркъ молодого художника, который обѣщала что-то, — великое или малое, неизвѣстно, — но только обѣщала. Тутъ на всякомъ шагу еще виденъ человѣкъ, который говоритъ о жизни безъ личной опытности, объ обществѣ безъ наблюденія, о „своемъ времени“ безъ познанія прошедшаго и настоящаго, о свѣтѣ по сплетнямъ юношескимъ, о страстяхъ по слуху, о людяхъ—по книгамъ, и думаетъ, будто понялъ сердце человѣческое — изъ разговоровъ въ мазуркѣ, будто можетъ судить о человѣчествѣ, потому что глядѣлъ въ лорнетку на львенковъ, гуляющихъ по тротуару.

Даровитому отъ природы Лермонтову повредило въ первой книгѣ именно то, что дѣлаетъ смѣшнымъ всякаго двадцатилѣтняго мудреца. Онъ слишкомъ

рано принялся за романъ: въ его лѣта еще не пишутъ этого рода сочиненій. Со временемъ пришла бы и для него пора наблюденій зрѣлыхъ, основательныхъ отчетовъ въ сердцѣ и умѣ, прекрасныхъ разборовъ челоуѣка и прекрасныхъ книгъ“... *)

Критикъ „Сына Отечества“, заявивши, что „грустно смотрѣть на современную литературу русскую“, совсѣмъ отказывается отъ разбора романа, такъ какъ „для многихъ пишущихъ — критика дѣло бесполезное, какъ бесполезны дождь и роса для растений, корень которыхъ подточень неумолимымъ червякомъ... Критикъ здѣсь торопиться нечего. Она всегда успѣетъ догнать больная созданія, влекущіяся между жизнью и смертью въ малый промежутокъ ихъ бѣднаго, эфемернаго бытія“... (1840 г., т. II, кн. 4. Отд. VI, 856—57).

С. П. Шевыревъ въ „Москвитянинѣ“, стоя на славянофильской точкѣ зрѣнія, привѣтствовалъ „блистательный талантъ автора въ созданіи многихъ цѣльныхъ характеровъ, въ описаніяхъ, въ дарѣ разсказа“; но рѣзко осудилъ „главную мысль созданія, олицетворившуюся въ характерѣ героя“.

„Печоринъ, конечно, не имѣетъ въ себѣ ничего титаническаго; онъ и не можетъ имѣть его; онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ пигмеевъ зла, которыми такъ обильна теперь повѣствовательная и драматическая литература запада... Но не въ этомъ еще главный его недостатокъ. Печоринъ не имѣетъ въ себѣ ничего существеннаго, относительно къ чисто-русской жизни, которая изъ своего прошедшаго не могла извергнуть такого характера. Печоринъ есть одинъ только призракъ, отброшенный на насъ Западомъ, тѣнь его недуга, мелькающая въ фантази нашихъ поэтовъ, un mirage de l'occident... Тамъ онъ герой міра дѣйствительнаго, у насъ только герой фантази — и въ этомъ смыслѣ герой нашего времени... Вотъ существенный недостатокъ произведенія... Все содержаніе повѣстей г-на Лермонтова, кромѣ Печорина, принадлежитъ нашей существенной жизни; но самъ Печоринъ, за исключеніемъ его апатіи, которая была только началомъ его нравственной болѣзни, принадлежитъ міру мечтательному, проиаводимому въ насъ ложнымъ отраженіемъ Запада. Это призракъ, только въ мірѣ нашей фантази имѣющій существенность“.

(1841 г., ч. I, № 2, стр. 515 — 38).

Лермонтовъ, повидимому, съ интересомъ слѣдилъ за критическими толками о своемъ романѣ — и въ (черновомъ) предисловіи къ 2-му изданію пишетъ: „Мы жалуемся только на недоразумѣніе публики, не на журналы: они, почти всѣ, были болѣе нежели благосклонны къ этой книгѣ, всѣ, кромѣ одного, который упрямо смѣшивалъ имя сочинителя съ именемъ героя его повѣсти, вѣроятно, надѣясь, что этого никто не замѣтитъ. Но хотя ничтожность этого журнала и служить ему достаточной защитой, однако, всетаки должно признаться, что, прочитавъ пустую и непристойную брань, на душѣ остается

*) Интересно сопоставить отзывъ „Библиотеки для чтенія“ о первомъ изданіи романа, вышедшемъ, какъ извѣстно, при жизни Лермонтова. „Въ повѣстяхъ, изданныхъ имъ теперь подъ заглавіемъ „Герой нашего времени“, онъ является умнымъ наблюдателемъ, съ положительнымъ взглядомъ на предметы и съ поэтическимъ воображеніемъ. Разсказъ его превосходитъ; языкъ легокъ, простъ и весьма пріятенъ. Характеръ этого героя весьма занимателенъ, и хорошо выдержанъ“... (1840 г., т. XXXIX, Отд. VI, стр. 17).

непріятное чувство, какъ послѣ встрѣчи съ пьянымъ на улицѣ". (Сочинен., т. IV, стр. 370—72).

Недолго спустя послѣ „Героя нашего времени“, вышелъ въ свѣтъ сборникъ стихотвореній Лермонтова *).

„Публика едва успѣла ознакомиться съ прекраснымъ дарованіемъ Лермонтова по первому его произведенію, — читаемъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, — какъ вотъ является новая книга съ его именемъ — собраніе стихотвореній, исполненныхъ живой, роскошной поэзіи, рядъ художественныхъ произведеній, какихъ, послѣ Пушкина, еще не являлось въ нашей литературѣ. Это такой дорогой подарокъ для нашего времени, почти отвыкшаго отъ истинно художественныхъ поэтическихъ созданій, что, право, нельзя налюбоваться этою неожиданною находкой, нельзя довольно нарадоваться... Надобно много имѣть силы, много самобытности, много оригинальности, чтобы къ стихамъ приковать общее вниманіе въ то время, когда стихи потеряли весь кредитъ, и оставлены *мальчишкамъ въ забаву*. Лермонтовъ волшебною силою своего таланта привлекаетъ, если не привлекъ уже къ себѣ общаго вниманія просвѣщенной публики... Послѣ Пушкина... ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не дебютировалъ съ такою полнотою свѣжихъ, дѣвственныхъ силъ, съ такимъ запасомъ поэтическаго огня, съ такою глубиною мысли самобытной, независимой отъ чуждаго вліянія. Лермонтовъ — это чисто русская душа, въ полномъ смыслѣ этого слова; и если можно сравнить его поэтическія созданія съ чѣмъ-нибудь, такъ я сравню ихъ съ русскою народною пѣсней, конечно, разумѣя здѣсь сравненіе не формы, не выраженія, но идеи, по элементамъ русскаго духа". (1840 г., №№ 284 и 285: статья Л. Л. = В. Межевича).

О. И. Сенковскій въ „Библиот. для чтенія“ сознается, что ему „жаль разстаться съ такими милыми стихами; мнѣ бы хотѣлось выписывать ихъ до безконечности и не говорить ни о чемъ болѣе въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ... Судя по первому собранію, мы уже знаемъ, чего можно ожидать отъ господина Лермонтова въ тѣхъ изъ будущихъ твореній, которыми онъ захочетъ навсегда утвердить свою славу: стихъ звучный, твердый и мужественный, сильное чувство, богатое воображеніе, разнообразіе ощущеній, простота, естественность, нѣжность, свѣжесть, отсутствіе поддѣльныхъ стихотворныхъ страшишекъ и притворныхъ жалобъ, сарказмъ безъ наглости, грусть безъ пошлаго романа, вотъ — прекрасныя и рѣдкія достоинства, которыми отличаются эти, большею частью мелкія, „Стихотворенія“, и которыя сильно возвысятъ цѣну будущихъ поэмъ его" ... (1840 г., т. XLIII. Отд. VI, стр. 1 — 11).

Статья Шевырева („Москвитянинъ" 1841 г., т. II, № 4, стр. 525—540) начинается выраженіемъ сожалѣнія, что Лермонтовъ поторопился съ изданіемъ своихъ стихотвореній.

„Намъ кажется, что еще рано было ему собирать свои звуки, разсѣянные по альманахамъ и журналамъ, въ одно: такого рода собранія и позволительны и необходимы бывають тогда, когда уже лирикъ образовался и въ замѣчательныхъ произведеніяхъ запечатлѣлъ свой оригинальный, рѣшительный характеръ. Г. Лермонтовъ принадлежитъ въ нашей литературѣ къ числу такихъ

*) „Герой нашего времени" разрѣшенъ былъ цензурою 19 февраля, а „Стихотворенія" — 13 августа.

талантовъ, которые не нуждаются въ томъ, чтобы собирать славу по клочкамъ: мы, судя по его дебюту, въ правѣ ожидать отъ него не одной небольшой книжки стихотвореній уже извѣстныхъ, которыя, будучи собраны вмѣстѣ, ставятъ въ недоумѣнье критика. Да, признаемся, что мы въ недоумѣннн. Мы хотѣли бы начертать портретъ лирика; но матеріаловъ еще слишкомъ мало для того, чтобъ этотъ портретъ былъ возможенъ“.

Въ произведеніяхъ Лермонтова съ перваго раза поражаетъ критика „какой-то необыкновенный протезизмъ таланта, правда, замѣчательнаго, но тѣмъ не менѣе опасный развитію оригинальному“.

„Когда вы внимательно прислушаетесь къ звукамъ той новой лиры . . . , вамъ слышатся попеременно звуки — то Жуковского, то Пушкина, то Кириши Данилова, то Бенедиктова, примѣчается не только въ звукахъ, но и во всемъ форма ихъ созданий; иногда мелькаютъ обороты Баратынскаго, Дениса Давыдова; иногда видна манера поэтовъ иностранныхъ, — и сквозь все это постороннее вліяніе трудно намъ доискаться того, что собственно принадлежитъ новому поэту, и гдѣ предстоить онъ самимъ собою . . . Лермонтовъ, какъ стихотворецъ, явился на первый разъ протеемъ съ необыкновеннымъ талантомъ: его лира не обозначила еще своего особеннаго строя; нѣтъ, онъ подноситъ ее къ лирамъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ нашихъ, и умѣетъ съ большимъ искусствомъ подладить свою на строй, уже извѣстный . . . Мы слышимъ отзывы уже знакомыхъ намъ лиръ — и читаемъ ихъ какъ будто воспоминанія русской поэзіи послѣдняго двадцатилѣтія“ . . . *).

Переходя къ тѣмъ немногимъ стихотвореніямъ, въ которыхъ обнаруживается „какая-то особенная личность поэта, не столько въ поэтической формѣ выраженія, сколько въ образѣ мыслей и въ чувствахъ, данныхъ ему жизнью“, — критикъ отмѣчаетъ, какъ лучшія въ этомъ родѣ, „Дары Терек“, „Казачью колыбельную пѣсню“, „Три пальмы“, „Памяти А. И. О.—го“ и двѣ „Молитвы“. „Тягостное впечатлѣніе“ производятъ на Шевырева пьесы „И скучно, и грустно“, „Журналистъ, Читатель и Писатель“, особенно же „Дума“.

„Поэтъ!.. Если васъ въ самомъ дѣлѣ посѣщаютъ такія думы, лучше бы таить ихъ про себя и не повѣрять взыскательному свѣту . . . Нѣтъ, нѣтъ, не предавайте огню этихъ вдохновенныхъ вашихъ мечтаній о будущемъ, мечтаній о мірѣ очищенномъ и обытомъ вашей поэтической думою въ лучшія минуты ея полной жизни! Ужъ если жечь, то жгите лучше то, въ чемъ выражаются припадки какого-то страннаго недуга, омрачающаго свѣтъ вашей ясной мысли“.

Свою статью критикъ заканчиваетъ изложеніемъ собственнаго взгляда на „современное назначеніе высшаго изъ искусствъ у насъ въ отечествѣ“.

„Намъ кажется, что для русской поэзіи неприличны ни вѣрные сколки съ жизни дѣйствительной, сопровождаемые какою-то апатіей наблюденія, тѣмъ еще менѣе мечты отчаяннаго разочарованія, не истекающаго ни откуда.

*) „Только дикіе невѣжды, черствые педанты, которые за буквою не видятъ мысли и случайную вѣншность всегда принимаютъ за внутреннее сходство, только эти честные и добрые витязи букварей и фоліантовъ,—замѣчаетъ Бѣлинскій, — могли бы находить въ самобытныхъ вдохновеніяхъ Лермонтова подражанія не только Пушкину или Жуковскому, но и гг. Бенедиктову и Якубовичу“ . . . (Полн. собр. сочин. т. VI, стр. 313).

Пуская поэзія Запада, поэзія народовъ отживающихъ, переходитъ отъ байроническаго отчаянія къ равнодушному созерцаію всякой жизни . . .

Если гдѣ еще возможна въ лирикѣ поэзія вдохновенныхъ прозрѣній, поэзія фантазіи творческой, возносящаяся надъ всѣмъ существеннымъ, то, конечно, она *должна быть возможна* у насъ. Поэты русской лиры! Если вы сознаете въ себѣ высокое призваніе, — прозрѣвайте-же отъ Бога даннымъ вамъ предчувствіемъ въ великое грядущее Россіи, передавайте намъ видѣнія свои и создайте міръ русской мечты изъ всего того, что есть свѣтлаго и прекраснаго въ небѣ и природѣ, святого, великаго и благороднаго въ душѣ человѣческой, — и пусть заранѣе предсказанный вами, изъ воздушныхъ областей вашей фантазіи, перейдетъ этотъ свѣтлый и избранный міръ въ дѣйствительную жизнь вашего любезнаго отчества*).

А. В. Никитенко („Сынъ Отечества“ 1841 г., № 1, стр. 3—13) видитъ въ поэтическихъ произведеніяхъ Лермонтова „доказательство, что природа не отказываетъ намъ въ благодатныхъ дарахъ своихъ, которые мы должны только развивать и усовершенствовать“.

„На насъ такъ и вѣтъ благоуханіемъ свѣжихъ, прекрасныхъ стиховъ; слышатся звуки, какіе можетъ изобрѣсти только сердце, чтобы взволновать, очаровать ими людей; около насъ носятся стройные, живые образы: здѣсь непрѣнно живетъ поэзія, иначе быть не можетъ... Въ нихъ есть пѣснь поэіи, поэіи, безъ которой всякая литература не болѣе, какъ трупъ“ . . .

Особенное вниманіе критикъ обращаетъ на „художническое развитие идей“ въ стихотвореніяхъ Лермонтова.

„Что пользы въ высокихъ идеяхъ безъ результатовъ? . . . Давайте намъ *проявленій*, дѣлъ, сдѣланныхъ изъ чего вамъ угодно, изъ поступковъ, стиховъ, прозы, — только непременно дѣлъ, созданій, чего-нибудь такого, что могло бы жить на свѣтѣ, если не долго, такъ хоть столько, какъ маленькая искорка, способная зажечь въ комъ-нибудь мысль, чувство. Право, идея безъ развитія или, что все равно, дурно, т. е. темно развитая, есть самая пустая вещь на свѣтѣ: лучше вмѣсто ея положить въ голову какой-нибудь самой простой, хоть канцелярскій фактъ . . . Мы за то-то и благодарны господину Лермонтову, что у него идеи сдѣлались премилыми, пречудными пѣсками; онѣ вотъ какъ-то сосредоточились въ его теплой и крѣпкой

*) По поводу этой статьи князь П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: „Вы были слишкомъ строги къ Лермонтову. Разумѣется, въ талантѣ его отзывались воспоминанія, впечатлѣнія чужія; но много было и того, что означало сильную и коренную самобытность, которая вполнѣ одолѣла бы все внѣшнее и заимствованное. Дикій поэтъ, т. е. неучъ, какъ Державинъ, напримеръ, могъ быть оригиналенъ съ перваго шага; но молодой поэтъ, образованный какимъ бы то ни было ученіемъ, воспитаніемъ и чтеніемъ, долженъ неминуемо протереться на свою дорогу по тропамъ избитымъ и сквозь рядъ нѣсколькихъ любимцевъ, которые пробудили, вызвали и, такъ сказать, оснастили его дарованіе. Въ поэзіи, какъ въ живописи, должны быть школы. Оригинальность, народность—великія слова; но можно о нихъ много потолковать. Не принимаю ихъ за безусловныя заповѣди“. (Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VI, стр. 237—38).

О Шевыревѣ, какъ критикѣ Лермонтова, см. Чернышевскій. Очерки Гоголевскаго періода русской литературы. Спб. 1893 г., стр. 132—137; С. А. Венгеровъ. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Т. VI, стр. 560—63.

душѣ, не разлетѣлись въ разныя стороны по пространству безконечнаго, организовались, какъ слѣдуетъ всему живому въ природѣ, получили такое хорошенькое тѣло, стройное, здоровое, бѣлое, съ самою прекрасною головкою, съ глазами, полными страсти и ума, съ носикомъ немножко вздернутымъ, потому что это ужъ нѣчто фамильное у всѣхъ олицетворенныхъ идей нашего вѣка: но вѣдь это только новый оттѣнокъ прелести. Вотъ идея стала живымъ существомъ, настоящею поэзіею, которая, наконецъ, устроившись совсѣмъ въ своей внутренней экономіи, получивъ уже и порядочное воспитаніе, какъ слѣдуетъ всякой благородной поэзіи, раскрыла наконецъ свои бархатныя алыя уста и заговорила такими энергическими, живыми, легкими, ясными, такими классическими стихами, что даже строгая и важная критика, заслушавшись ихъ, уронила свой анатомическій ножичекъ и бросилась обнимать и цѣловать милую гостью“ . . .

Какъ и Шевыревъ, Никитенко не одобряетъ такихъ пьесъ, какъ „1-е Января“, „И скучно, и грустно“, „Благодарность“.

„Что въ нихъ хорошаго, достойнаго вашей прелестной фізіономіи? Въ-сто мужественныхъ, жаркихъ, благородныхъ мыслей, которыя вы такъ любите, тутъ выведены самыя обыкновенныя траурныя узоры въ родѣ отцвѣтшихъ надеждъ, угасшихъ страстей, поэтическаго презрѣнія къ толпѣ,—однимъ словомъ эти *лирическія личности* души, обезсиленной своими собственными стремленіями, тщетными притязаніями на право, на которое нѣтъ права, — на право высшаго существованія. Фи! это совсѣмъ нейдетъ къ вамъ. Вы дитя доблести и силы, дитя истиннаго поэтическаго призванія. Ваши самыя слезы должны быть пролиты только во имя великихъ скорбей человѣчества, а не во имя вашей домашней скуки, чтобы отъ этихъ слезъ, какъ отъ благодатной росы неба, прозябло въ душѣ людей святое сочувствіе ко всему человѣческому“ . . .

Бѣлинскій („Отечеств. Записки“ 1841 г., т. XIV. Ср. Полн. собран. сочин., т. VI, стр. 1—62) приступаетъ къ разбору стихотвореній Лермонтова послѣ длиннаго предисловія о сущности поэзіи, для доказательства, что въ этой небольшой книжкѣ стихотвореній „кроются всѣ стихіи поэзіи“.

„Свѣжесть благоуханія, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энергія, могучесть языка, алмазная крѣпость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразіе идей, необъятность содержанія — суть родовыя характеристическія примѣты поэзіи Лермонтова и залогъ ея будущаго, великаго развитія“ . . .

По сравненію съ Пушкинымъ, Лермонтовъ—поэтъ совсѣмъ другой эпохи его поэзія — совсѣмъ новое звено въ цѣпи историческаго развитія нашего общества.

Правда, въ его произведеніяхъ „также виденъ избытокъ несокрушимой силы духа и богатырской силы въ выраженіи; но въ нихъ уже нѣтъ надежды, они поражаютъ душу читателя безотрадною, безвѣріемъ въ жизнь и чувства человѣческія, при жадѣ жизни и избыткѣ чувства. . . Нигдѣ нѣтъ пушкинскаго разгула на пиру жизни; но вездѣ вопросы, которые мрачатъ душу, леденятъ сердце“ . . .

Особенное вниманіе критикъ обращаетъ на „субъективныя“ стихотворенія, въ которыхъ поэтъ является „не безусловнымъ художникомъ, но вну-

тренимъ челоѣкомъ, и по которымъ однимъ можно увидѣть богатство элементовъ его духа и отношенія его къ обществу“.

„Нашъ вѣкъ есть вѣкъ размысленія. Поэтому, рефлексія (размышленіе) есть законный элементъ поэзіи нашего времени, и почти всѣ великіе поэты нашего времени заплатили ему полную дань. Въ наше время отсутствіе въ поэтѣ внутренняго (субъективнаго) элемента есть недостатокъ. Въ самомъ Гёте не безъ основанія порицаютъ отсутствіе историческихъ и общественныхъ элементовъ, спокойное довольство дѣйствительностію, какъ она есть.

Въ талантѣ великомъ избытокъ внутренняго, субъективнаго элемента есть признакъ гуманности. Великій поэтъ, говоря о себѣ самомъ, о своемъ я, говорить объ общемъ—о челоѣчествѣ, ибо въ его натурѣ лежитъ все, чѣмъ живетъ челоѣчество. И потому въ его грусти всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій узнаетъ свою и видитъ въ немъ не только *поэта*, но и *челоѣка*, брата своего по челоѣчеству. Признавая его существомъ несравненно высшимъ себя, всякій въ то же время сознаетъ свое родство съ нимъ“ *).

Бросая общій взглядъ на стихотворенія Лермонтова, Бѣлинскій видитъ въ нихъ „всѣ силы, всѣ элементы, изъ которыхъ слагается жизнь и поэзія“.

„Въ этой глубокой натурѣ, въ этомъ мощномъ духѣ все живетъ; имъ все доступно, все понятно; они на все откликаются. Онъ всевластный обладатель царства явленій жизни, онъ воспроизводитъ ихъ какъ истинный художникъ; онъ поэтъ русскій въ душѣ— въ немъ живетъ прошедшее и настоящая русской жизни; онъ глубоко знакомъ и съ внутреннимъ міромъ души... Все, все въ поэзіи Лермонтова: и небо и земля, и рай и адъ... По глубинѣ мысли, роскоши поэтическихъ образовъ, увлекательной, неотразимой силѣ поэтического обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы,

*) Къ „субъективнымъ“ произведеніямъ относится и „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова“, на которой Бѣлинскій останавливается особенно долго. „Эта „Пѣсня“ представляетъ собою фактъ о кровномъ родствѣ духа поэта съ народнымъ духомъ и свидѣтельствуеетъ объ одномъ изъ богатѣйшихъ элементовъ его поэзіи, намекающемъ на великость его таланта. Самый выборъ этого предмета свидѣтельствуеетъ о состояніи духа поэта, недовольнаго современною дѣйствительностію и перенесшагося отъ нея въ далекое прошедшее, чтобы тамъ искать жизни, которой онъ не видитъ въ настоящемъ... Какъ ни пристально будете вы вглядываться въ поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишняго или недостающаго слова, черты, стиха, образа; ни одного слабаго мѣста: все въ ней необходимо, полно, сильно! Въ этомъ отношеніи, ея никакъ нельзя сравнить съ народными легендами, носящими на себѣ имя ихъ собирателя— Кириши Данилова: то дѣтскій лепетъ, часто поэтической, но часто и прозаическій, нерѣдко образный, но чаще символическій, уродливый въ цѣломъ, полный ненужныхъ повтореній одного и того же; поэма Лермонтова— созданіе мужественное, зрѣлое и столько же художественное, сколько и народное“... Съ теченіемъ времени Бѣлинскій измѣнилъ свой приговоръ надъ „Пѣснью“. „Мы оемѣливаемся думать, что пьеса эта есть юношеское произведеніе Лермонтова, и что никогда бы онъ не обратился болѣе къ пьесамъ такого содержанія. Кто читалъ Кошихина, тотъ не повѣритъ *исторической* правдоподобности „Пѣсни“, особенно, если сличить ее съ той пѣсню въ сборникѣ Кириши Данилова, которая подала Лермонтову поводъ написать его „Пѣсню“ и которая называется „Мастрюкъ Темрюковичъ“... (Полн. собр. сочин. т. VIII, стр. 282).

бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ. Его поприще еще только начато, и уже какъ много имъ сдѣлано, какое неистощимое богатство элементовъ обнаружено имъ: чего же должно ожидать отъ него въ будущемъ? . . .

Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ, и не скажемъ, чтобъ изъ него современемъ вышелъ Байронъ, Гёте или Пушкинъ, ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ — Лермонтовъ“ . . .

Не высоко ставить Бѣлинскій поэму „Мцири“, находя въ ней „незрѣлость идеи и нѣкоторую натянутость въ содержаніи“, но въ то же время соглашается, что „подробности и изложеніе этой поэмы изумляютъ своимъ исполненіемъ. Можно сказать безъ преувеличенія, — что поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у громовъ, гулъ у вѣтровъ, — что вся природа сама несла и подавала ему матеріалы, когда писалъ онъ эту поэму“ . . . *).

Сожалѣтъ Бѣлинскій, что не напечатана другая поэма Лермонтова, дѣйствіе которой совершается тоже на Кавказѣ, и которая въ рукописи ходитъ въ публикѣ, какъ нѣкогда ходило „Горе отъ ума“, т. е. „Демонъ“.

Мысль этой поэмы глубже и несравненно зрѣлѣе, чѣмъ мысль „Мцири“, и хотя исполненіе ея отзывается нѣкоторою незрѣlostію, но роскошь картинъ, богатство поэтического одушевленія, превосходные стихи, высота мыслей, обаятельная прелесть образовъ, ставятъ ее несравненно выше „Мцири“ и превосходить все, что можно сказать въ ея похвалу. Это не художественное созданіе, въ строгомъ смыслѣ искусства; но оно обнаруживаетъ всю мощь таланта поэта и общаетъ въ будущемъ великія художественныя созданія“.

Смерть Лермонтова встрѣчена была общимъ сожалѣніемъ объ утратѣ „молодого писателя, подававшего отечественной литературѣ самыя блестящія надежды“. („Сѣверная Пчела“ 1841 г., № 183. Ср. „Сынъ Отечества“ 1841 г., т. III, № 34, стр. 436; „Библіотека для чтенія“ 1841 г., т. XLVIII. Отд. VI, стр. 41; „Москвитянинъ“ 1841 г., ч. V, № 9, стр. 320).

„Еще утрата въ Русской Литературѣ! — читаемъ въ „Москвитянинѣ“. Одна изъ прекрасныхъ надеждъ ея, М. Ю. Лермонтовъ, скончался на Кавказѣ. Давно ли мы радовались его разцвѣтанію — и уже должны оплакивать потерю! Онъ былъ представителемъ самаго младшаго поколѣнія словесности нашей; бодро шелъ впередъ; развитіе его общало много. Теперь все кончено. Сердце обливается кровію, когда подумаешь, сколько прекрасныхъ талантовъ погибаетъ у насъ безвременно“.

„Русская литература, — добавляетъ „Литературная Газета“, — родилась подъ несчастной звѣздой: цвѣтутъ въ ней репейникъ и терніи въ изобилии,

*) Нѣсколько раньше, въ рецензіи на „Одесскій Альманахъ на 1840 годъ“, Бѣлинскій очень неодобрительно отозвался о стихотвореніяхъ „Узникъ“ и „Ангель“, называя ихъ недостойными имени Лермонтова и высказывая удовольствіе, что они не войдутъ въ подготовляемое собраніе сочиненій поэта. (Полн. собр. сочин., т. V, стр. 226 и 561; Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Т. II, стр. 29).

невѣжество и шарлатанство нерѣдко доживаютъ въ ней до сѣдыхъ волось, которыми нагло хвастаютъ и за которые требуютъ себѣ особеннаго почета и уваженія, а талантъ меркнетъ на самой зарѣ, едва взглянувши на Божій мѣрь... (1843 г., № 9, стр. 176—177).

Бѣлинскій оплакалъ кончину Лермонтова, какъ „новую, великую утрату осиротѣлой, бѣдной русской литературы“, въ статьѣ по поводу 2-го изданія „Героя Нашего Времени“. („Отечеств. Записки“ 1841 г., т. XVIII, № 9. Ср. Полн. собр. сочин., т. VI, стр. 312—317).

„Не смотря на общее единодушное вниманіе, съ какимъ приняты были его первые опыты, не смотря на какое-то безусловное ожиданіе отъ него чего-то великаго, — наши восторженные похвалы и радостные привѣты новому свѣтилу поэзіи для многихъ благоразумныхъ людей казались преувеличенными... Слава ихъ благоразумію, такъ много теперь выигравшему, и горе намъ, такъ много утратившимъ!... Въ сознаніи великой, невознагради-мой утраты, въ полнотѣ ѣдкаго, грустнаго чувства, отравляющаго сердце, мы готовы великодушно увеличить торжество осторожнаго въ своихъ приговорахъ сомнѣнія и охотно сознаться, что, говоря такъ много о Лермонтовѣ, мы видѣли болѣе будущаго, нежели настоящаго Лермонтова, — видѣли Алкида, въ колыбели удушающаго змѣй зависти, но еще не Алкида, сражающаго ужасною палицею лернейскую гидру... Да, все написанное Лермонтовымъ еще недостаточно для упроченія колоссальной славы, и болѣе значительно какъ предвѣстіе будущаго, а не какъ что-нибудь положительно и безотносительно-великое, хотя и само-по-себѣ все это составляетъ важный и примѣчательный фактъ, рѣшительно выходящій изъ круга обыкновеннаго... Небольшая книжка стихотвореній Лермонтова, конечно, не есть колоссальный монументъ поэтической славы; но она есть живое, говорящее приричаніе великой поэтической славы. Это еще не симфонія, а только пробные аккорды, но аккорды, взятые рукою юнаго Бетховена... Лермонтовъ немного написалъ — безконечно меньше того, сколько позволялъ ему его громадный талантъ. Безпечный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣній бытія, самый родъ жизни, — отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устаиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ покойнѣе сталъ вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомленномъ суетою жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романическую трилогію, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣка Екатерины II, Александра I и настоящаго времени), имѣющіе между собою связь и нѣкоторое единство, по примѣру куперовской тетралогіи, начинающейся „Послѣднимъ изъ Могиكانъ“, продолжающейся „Путеводителемъ въ Пустынь“ и „Пионерами“ и оканчивающейся „Степями“... какъ вдругъ —

Младой пѣвецъ

Нашель безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ!...“

Съ выходомъ въ свѣтъ перваго посмертнаго изданія „Стихотвореній“ (въ 1842 и 1844 гг.) начинаются разнообразныя попытки подвести итогъ всей литературной дѣятельности Лермонтова: окончательно выяснить художественное и общественное значеніе его поэзіи и точнѣе опредѣлить его мѣсто въ исторіи нашей литературы и жизни.

Баронъ Розенъ („Сынъ Отечества“ 1843 г., № 3. Отд. VI, стр. 1—18) усматриваетъ въ Лермонтовѣ „разительное наружное сходство“ съ Пушкинымъ и этимъ объясняетъ такой выдающійся успѣхъ его поэзіи.

Лермонтовъ „исшелъ изъ обѣихъ стихій Пушкина, изъ свѣтлой и изъ темной — но болѣе изъ темной; онъ весь *подражатель*, по крайней мѣрѣ въ первыхъ его піесахъ, но подражатель одного Пушкина — хотя и далеко не *весь молодой Пушкинъ!* Лермонтовъ удачно перенялъ легкость и звучность и самый складъ стиха, ясность и гибкость языка и образъ выраженія Пушкина (не довольно ли для обмена чувствъ?), но не могъ перенять ни тонкаго вкуса, ни умственной граціи, ни строгой отчетливости, ни высшей, нѣжнѣйшей обворожительности его генія — словомъ: ему дался талантъ, но не дался геній Пушкина. Что же касается до *воображенія*, то Лермонтовъ едва ли не перещеголялъ Пушкина, и изъ этого источника развился бы и самобытно“ . . .

Въ поискахъ „чистаго и свѣтлаго“ среди „вѣчно-тревожной бранной жизни, сильныхъ и мрачныхъ выраженій скептицизма и прискорбнаго на міръ воззрѣнія“, чѣмъ такъ полна поэзія Лермонтова, — критикъ останавливается и съ радостью отдыхаетъ на Пѣснѣ про купца Калашникова, на Сказкѣ для дѣтей, на нѣсколькихъ стихотвореніяхъ (Дары Терека, Споръ; Любовь мертвеца; Родина и Казачья колыбельная пѣсня) и въ особенности — на Мцири, который „предпочтительно заставляетъ сожалѣть — и горько сожалѣть — о ранней кончинѣ поэта“.

Критикъ „Библиотеки для чтенія“ (1843 г., т. LVI, ч. II, № 2. Отд. VI, стр. 39—46) признаетъ Лермонтова человѣкомъ „съ дарованіемъ, — съ большимъ, прекраснымъ дарованіемъ, которое еще не развилось во всей полнотѣ и силѣ своей, не упрочилось, не нашло своей настоящей дороги, но обѣщало вскорѣ явиться самостоятельнымъ и могущественнымъ. Многого, очень многого не доставало еще Лермонтову, какъ поэту, между прочимъ литературнаго образованія, немножко хорошихъ свѣдѣній, немножко классической учености, столь полезной для вкуса, для силы и изящества мысли, даже для разнообразія воображенія: но Лермонтовъ пріобрѣлъ бы все это непремѣнно, и пріобрѣлъ бы очень скоро, потому что, написавъ шутя пару томиковъ стиховъ и прозы, онъ ужъ начиналъ чувствовать и отгадывать существованіе искусства“ . . .

И критикъ „Литературной Газеты“ (1843 г., № 9, стр. 176—187) соглашается, что „уже и въ томъ, что оставилъ намъ Лермонтовъ, замѣтно много элементовъ, которыхъ до него не было въ русской поэзіи и которые умерли съ нимъ вмѣстѣ, — что же могло еще развиться впоследствии изъ его глубокаго, безпокойно-пытливаго духа? . . . А Лермонтовъ только начиналъ писать, каждое послѣдующее его произведеніе далеко за собою оставляло предыдущее . . . Поэтъ такъ сознательно шелъ по своему пути, такъ *бардо* владѣлъ собою, такъ разумно и свободно умѣлъ подчинять идеѣ свои прихотливыя порывы, сочетать глубину и оригинальность мысли съ не-

обыкновеннымъ изяществомъ формы, что многіе видѣли въ *будущемъ* Лермонтовѣ явленіе утѣшительное для русской литературы... Много блестящаго и отраднaго обѣщало дальнѣйшее развитіе его таланта"...

В. Т. Плаксинъ („Сѣверное Обзорѣніе“ 1849 г., т. III, № 3. Отд. V, стр. 1—20) видитъ въ поэзіи Лермонтова „самый вѣрный и полный отчетъ того, что поэтъ переживалъ и перемыслилъ въ десять лѣтъ своей дѣятельности, въ шумномъ свѣтѣ, — но этотъ поэтический отчетъ въ чувствованіи и ставитъ Лермонтова въ рядъ тѣхъ поразительныхъ личностей, которыя долго не забываются“.

Читая и перечитывая произведенія Лермонтова, критикъ находитъ въ нихъ, за исключеніемъ лишь очень немногихъ мелкихъ стихотвореній, одну общую черту: „преобладаніе страсти предъ творческимъ воображеніемъ, такъ что самыя картины, которыя вездѣ у него такъ живы, всегда происходятъ отъ страстей, даже безжизненная и неорганическая природа нерѣдко у него движется страстями: и небо, и горы, и рѣки то серебрятся, то негодуютъ, то ропщутъ; и страсти его всегда упорны, дики, непокорны и буйны. Изъ этого смѣло можно заключить, что страсти были господствующими двигателями Лермонтова; онѣ вызвали его къ поэтической дѣятельности и воспламенили его воображеніе... Оттого-то произведенія его увлекательны болѣе для людей страстныхъ, для характеровъ неумѣренныхъ, для тѣхъ, которые ищутъ сильныхъ, потрясающихъ душу впечатлѣній: но души покойныя, которыя въ созерцаніе изящнаго погружаются всѣмъ своимъ существомъ, которыя ищутъ наслажденія полнаго, человѣческаго и находятъ его только въ стройномъ сліяніи истины, силы и легкости,—всегда недовольны остаются тѣми впечатлѣніями, которыя онѣ производятъ на нихъ“...

Темною большей части произведеній Лермонтова критикъ считаетъ поэтическую думу: „Печально я гляжу на наше поколѣніе“, потому что „всѣ они, кромѣ немногихъ лирическихъ пѣснопѣній, выражаютъ какую-то неопредѣленную тоску, скорбное соболѣзнованіе, ѣдкую насмѣшку и презрѣніе къ настоящему, ко всему холодное равнодушіе; только изрѣдка промелькнетъ искра горячаго чувства къ добру; да и того дѣйствители его поэмъ, кажется, стыдятся, какъ слабости“... „Лермонтовъ производилъ и создавалъ, удовлетворяя только необходимой естественной потребности, и не думая, не заботясь о томъ, что произведется. Это нетерпѣливый, безпечный, но гордый отецъ, который любитъ въ дитяти своемъ самого себя, который хочетъ имъ блистать и удивлять всѣхъ, который готовъ отказаться отъ него и проклясть его, еслибы тотъ уронилъ его имя; потому онъ развиваетъ въ своемъ ребенкѣ только такія черты, которыя могутъ поражать, ослѣплять толпу, хотя-бы это сдѣлало его нравственнымъ уродомъ и поставляло въ самое неестественное положеніе... Лермонтовъ былъ силачъ, способный поражать, но не возбуждать сочувствіе“.

Литературно-художественное значеніе поэзіи Лермонтова раскрыто Бѣлинскимъ,—съ такой глубиной, тонкостью и талантомъ, что вся дальнѣйшая критика не могла прибавить къ этой блестящей характеристикѣ ни одного новаго штриха. Но отъ Бѣлинскаго не укрылся и общественно-философскій интересъ Лермонтовской поэзіи. Доказывая мелочность и ошибочность мнѣ-

нія, что Лермонтовъ не болѣе, какъ счастливый подражатель Пушкина, еще не успѣвшій проложить собственной дороги для своего таланта, критикъ замѣчаетъ:

„Какъ творецъ русской поэзіи, Пушкинъ на вѣчныя времена останется учителемъ (maestro) всѣхъ будущихъ поэтовъ; но еслибъ кто-нибудь изъ нихъ, подобно ему, остановился на идеѣ художественности, — это было бы яснымъ доказательствомъ отсутствія гениальности, или великости таланта. Вотъ почему, или Лермонтовъ пошелъ дальше Пушкина, или онъ — талантъ обыкновенный, не стоящій тѣхъ разнообразныхъ толковъ и жаркихъ споровъ, предметомъ которыхъ онъ сдѣлался. . . Мы убѣждены, что совершенно ничтоженъ будетъ тотъ, на кого подѣствуетъ хотя немного, нелѣпое внушеніе, что поэзія русская въ лицѣ Лермонтова не сдѣлала ни шагу впередъ противъ Пушкина. . . Нѣтъ двухъ поэтовъ столь существенно различныхъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Пушкинъ — поэтъ внутренняго чувства души; Лермонтовъ — поэтъ безопадной мысли истины. Паеосъ Пушкина заключается въ сферѣ самого искусства, какъ искусства; паеосъ поэзіи Лермонтова заключается въ нравственныхъ вопросахъ осудьбѣ и правахъ челоуѣческой личности. Пушкинъ лелѣялъ всякое чувство, и ему любо было въ теплой сторонѣ преданія; встрѣчи съ *демономъ* нарушали гармонію духа его, и онъ содрогался этихъ встрѣчъ; поэзія Лермонтова растеть на почвѣ безопаднаго разума и гордо отрицаетъ преданіе. . . Демонъ не пугалъ Лермонтова: онъ былъ его пѣвцомъ. Послѣ Пушкина ни у кого изъ русскихъ поэтовъ не было такого стиха, какъ у Лермонтова, и конечно Лермонтовъ обязанъ имъ Пушкину; но тѣмъ не мене у Лермонтова свой стихъ. Въ „Сказкѣ для Дѣтей“ этотъ стихъ возвышается до удивительной художественности; но въ болѣе части стихотвореній Лермонтова онъ отличается какою-то стальной прозаичностію и простотою выраженія. Очевидно, что для Лермонтова стихъ былъ только средствомъ для выраженія его идей, глубокихъ и вмѣстѣ простыхъ своею безопадною истиною, и онъ не слишкомъ дорожилъ имъ. Какъ у Пушкина грація и задушевность, такъ у Лермонтова жгучая и острая сила составляетъ преобладающее свойство стиха: это трескъ грома, блескъ молніи, взмахъ меча, визгъ пули“ . . . („Отечеств. Записки“ 1843 г., № 2. Библиограф. Хроника, стр. 73—77).

Еще болѣе ярко та же мысль выражена въ одномъ изъ писемъ къ Боткину.

„Стихотвореніе Лермонтова „Договоръ“ — чудо какъ хорошо, и ты правъ, говоря, что это — глубочайшее стихотвореніе, до пониманія котораго не всякій дойдетъ; но не такова ли же и болѣшая часть стихотвореній Лермонтова? Лермонтовъ далеко уступитъ Пушкину въ художественности и виртуозности, въ стихѣ музыкальномъ и упруго-гибкомъ; во всемъ этомъ онъ уступитъ даже Майкову (въ его антолог. стих.); но содержаніе, добытое со дна глубочайшей и могущественной натуры, исполнскій взмахъ, демонскій полетъ — *съ небомъ гордал вражда* — все это заставляетъ думать, что мы лишились въ Лермонтовѣ поэта, который, по содержанію, шагнулъ бы дальше Пушкина. Надо удивляться дѣтскимъ произведеніямъ Лермонтова — его драмѣ, „Боярину Оршѣ“, и т. п. (не говорю уже о „Демонѣ“): это не „Русланъ и Людмила“, тутъ нѣтъ ни легкокрылаго похмѣлья, ни сладкаго бездѣлья, ни лѣни золотой, ни вина и шалостей амура: нѣтъ, это — сатанинская улыбка на жизнь, искрив-

ляющая младенческая еще уста, это „съ небомъ гордая вражда“, это — презрѣніе рока и предчувствіе его неизбѣжности. Все это дѣтски, но страшно сильно и *взмашисто*. Львиная натура! Страшный и могучій дух!“ ... (Пыпинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 139).

Вскорѣ послѣ смерти поэта начинается споръ о томъ, какъ нужно издавать литературное наслѣдіе Лермонтова, — споръ, продолжающійся и до настоящаго времени. „Библиотека для чтенія“ (1843 г., т. LVI, № 2. Отд. VI, стр. 39—46) видитъ въ полномъ изданіи „Стихотвореній“ Лермонтова нарушеніе послѣдней воли только что скончавшагося таланта, его литературнаго завѣщанія, утвержденнаго пятьюдесятью тысячами свидѣтелей.

„По какому ... праву, едва закрыль онъ глаза, спекуляція тотчасъ исторгаетъ изъ забвенія всѣ эти неудавшіяся, непризнанныя пробы юнаго пера, перемѣшиваетъ ихъ съ хорошими и признанными сочиненіями, составляетъ изъ этого безвкусную кашу и издаетъ ее въ трехъ тетрадкахъ или, какъ говорится, въ высокомъ книгопродавческомъ слоgѣ, въ трехъ *частяхъ*? Кто разрѣшилъ спекуляціи затмевать блескъ этого таланта тѣмъ, что онъ передъ кончиною старался самъ скрыть отъ публики? Что это такое? необдуманное-ли усердіе или коварная злоба? ... Разобрать трудно: но, я думаю, тутъ нѣтъ ни усердія, ни злобы, а просто спекуляція“ ...

Особенно возмущаетъ критика изданіе „Маскарада“: „несмотря на нѣсколько хорошихъ стиховъ, нельзя не признать этой драмы само-слабѣйшимъ опытомъ Лермонтова ... Но развѣ Лермонтовъ виноватъ этому? Само собою разумѣется, виновата спекуляція!“

Съ другой стороны, Бѣлинскій („Отечеств. Зап.“ 1843 г., т. XXVI № 1. Отд. VI, стр. 1—2), находитъ, что издатели „не должны были, скажемъ болѣе, не имѣть права не собрать и не сдѣлать извѣстнымъ публикѣ всего написаннаго Лермонтовымъ, — всего, что только могли они отыскать ... Все, написанное имъ, интересно и должно быть обнародовано, какъ свидѣтельство характера, духа и таланта необыкновеннаго человѣка ... Публика многого, слишкомъ многого лишилась-бы, еслибъ издатели стихотвореній Лермонтова не сдѣлали извѣстными ей этихъ великихъ начатковъ будущей колоссальной славы будущаго великаго поэта“ ...

Но при этомъ Бѣлинскій высказываетъ свое личное пожеланіе „поскорѣ увидѣть сочиненія Лермонтова сжато-изданными въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ одна заключала бы въ себѣ „Героя Нашего Времени“, а другая — стихотворенія, расположенныя въ такомъ порядкѣ, чтобъ лучшія пьесы помѣщены были одна за другою, по времени ихъ появленія; за ними слѣдовали бы отрывки изъ „Демона“, „Бояринъ Орша“, „Хаджи-Абрекъ“, „Маскарадъ“, „Уздная Казначейша“, „Измаиль-Бей“, а на конецъ уже всѣ мелкія пьесы низшаго достоинства“. („Отечеств. Зап.“ 1844 г., т. XXXVII, № 11. Отд. VI, стр. 1—4).

Въ лицѣ Фридриха Боденштедта очень высоко оцѣнила поэзію Лермонтова и иностранная критика. (Fr. Bodenstedt. Michail Lermontoff's Poetischer Nachlass. Berlin, 1852. II B., p. 311—352. Ср. „Современникъ“ 1861 г. т. LXXXV, отд. II, стр. 317—336). Наиболѣе характерной чертою творчества Лермонтова Боденштедтъ считаетъ глубокую и неподдѣльную *искренность*.

„Онъ былъ счастливъ только когда творилъ, а творить онъ могъ только въ минуты вдохновенія, — что бы ни вдохновляло его: радость, горе, негодование, отчаяніе или гордое сознаніе своей силы. Но безъ этого побужденія, безъ истиннаго душевнаго порыва, онъ никогда не бросался въ объятія музы, такъ что всѣ его произведенія могутъ быть названы Gelegenheits-Gedichte въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому названію Гёте“.

Неопредѣленное, туманное фантазированіе чудно было Лермонтову: обращаетъ ли поэтъ взоръ къ небу или къ аду, онъ всегда беретъ точку опоры на землѣ. Отсюда-то удивительная вѣрность природѣ, свѣжесть и красочность образовъ, художественная правдивость, даръ острой пронизательности и совершенство языка.

Сравнивая Лермонтова съ Байрономъ, критикъ находитъ, что у Лермонтова проявленіе демоническаго элемента естественнѣе, чѣмъ у Байрона: Байронъ — свободный сынъ свободной страны, Лермонтовъ же только внутренно свободенъ, а внѣшне связанъ.

„Байрону предстояло бороться только съ тою ложью, съ тѣмъ лицемеріемъ, надъ которыми плакались мудрецы и пророки всѣхъ странъ и временъ. Онъ могъ громко возвышать противъ нихъ свой голосъ, могъ бороться съ безуміемъ, срывать личину съ лицемерія и поражать ложь острымъ мечомъ истины. Лермонтовъ же, съ своимъ врожденнымъ стремленіемъ къ прекрасному, которое безъ добра и истины не мыслимо, видѣлъ, что совершенно одинокъ въ чуждомъ ему мірѣ, который называли его родиной. Окружавшіе его люди не понимали его или не смѣли понимать, и такимъ образомъ онъ находился въ постоянной опасности ошибиться въ самомъ себѣ или въ челоувѣчествѣ. вмѣсто правды и справедливости онъ встрѣтилъ ложь и высокомеріе; послѣ первыхъ же порывовъ руки ему были связаны, и терновый вѣнецъ вмѣсто лавровъ сдавилъ его высокое чело... Случайности жизни Лермонтова не должны быть упускаемы изъ вида при надлежащей оцѣнкѣ его произведеній. Ими многое объясняется и многое оправдывается. Поэтический стонъ изъ-за тюремныхъ рѣшотокъ производитъ на насъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, нежели бьющая на эффектъ зѣвота скучающаго рифмача или чувствительныя лебединья пѣсни плаксивыхъ ханжей. Не спорю, что въ сильныхъ строфахъ Лермонтовскаго гнѣва звучать по временамъ диссонансы, что иное жесткое слово, иной рѣзкій образъ могли бы быть выпущены изъ нихъ, — но гдѣ же такой садъ поэзіи, гдѣ не росло бы сорныхъ травъ?“...

Изъ отдѣльныхъ произведеній Лермонтова критикъ отмѣчаетъ „Пѣсню о царѣ Иванѣ Васильевичѣ“, которая своею поистинѣ гомеровскою вѣрностью, силою и простотою произвела сильнѣйшее впечатлѣніе во многихъ германскихъ городахъ, гдѣ ее читали публично. На недосягаемой высотѣ стоитъ поэтъ и въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ даетъ широкій просторъ картинамъ природы.

„Онъ рѣшилъ своими изображеніями трудную задачу — удовлетворить требованіямъ и естествоиспытателя и эстетика... Пусть назовутъ мнѣ хоть одно изъ множества толстыхъ географическихъ, историческихъ и другихъ сочиненій о Кавказѣ, изъ котораго можно бы живѣе и вѣрнѣе познакомиться съ характерною природою этихъ горъ и ихъ населенія, нежели изъ которой-нибудь поэмы Лермонтова, гдѣ мѣсто дѣйствія происходитъ на Кавказѣ... Картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ краскахъ, и въ то же

время отъ нихъ вѣтъ какою-то таинственною поэтической прелестью, какъ будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ, цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ" . . .

Лермонтовъ, какъ и другіе молодые поэты, не могъ не подчиниться обаятельному вліянію Пушкина, но о рабскомъ подражаніи, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Онъ выучился у Пушкина простотѣ выраженія и чувству мѣры; онъ подслушалъ у него тайну поэтической формы. Нѣкоторыя изъ его первыхъ лирическихъ стихотвореній, какъ, напр., „Вѣтка Палестины“, — невольно напоминаютъ Пушкина; нѣкоторое внѣшнее сходство съ Пушкинымъ представляютъ и два-три другихъ стихотворенія, въ особенности „Казначейша“. Но противоположности между характерами обоихъ поэтовъ гораздо ярче и опредѣленнѣе этого сходства. Сходство въ нихъ скорѣе случайное, внѣшнее, условное, тогда какъ то, въ чемъ они расходятся, составляетъ самую сущность ихъ личностей . . . Обоимъ пришлось дорого заплатить за первые поэтическіе порывы свои. Пушкинъ вернулся изъ изгнанія; Лермонтовъ въ изгнаніи и умеръ. Пушкинъ сумѣлъ впоследствии примириться и сжиться съ людьми и обстоятельствами, на которыхъ вначалѣ такъ горячо ополчился, которымъ клялся въ непримиримой враждѣ. — Лермонтовъ никогда не могъ и не хотѣлъ дойти до такого примиренія, потому что оно не могло бы быть полнымъ, а половинныхъ мѣръ онъ не терпѣлъ. Пушкинъ, по словамъ Герцена, былъ прежде всего художникъ, и, огородивъ себѣ мирный уголокъ, гдѣ бы онъ могъ спокойно жить со своимъ искусствомъ, онъ уже не такъ строго смотрѣлъ на все остальное. У Лермонтова, напротивъ того, искусство и жизнь были нераздѣльны; онъ никогда не могъ отдѣлить художника отъ человѣка. Вотъ въ чемъ великая между ними разница! . . . О томъ, какъ свято чтить Лермонтовъ искусство, мы можемъ судить по его пѣснѣ „На смерть Пушкина“, по драматической сценѣ „Поэтъ, читатель и журналистъ“, по превосходнымъ стихотвореніямъ „Пророкъ“, „Поэтъ“ и по множеству повсюду разбросанныхъ мыслей. О томъ же, какъ глубоко зналъ онъ сердце человѣка, какъ вѣрно понималъ свое время и какъ нераздѣльно слиты были въ немъ поэзія и жизнь, лучше всего свидѣтельствуетъ его божественно-прекрасная „Дума“ . . .

„Къ Лермонтову, — заканчиваетъ критикъ, — какъ нельзя лучше, примѣняется то, что Гёте замѣчаетъ относительно всѣхъ вообще людей, одаренныхъ художественными способностями, а именно, что они бываютъ обязаны своимъ образованіемъ главнымъ образомъ природѣ и самимъ себѣ. „Вамъ, педагоги, — говоритъ онъ, — никогда не создать искусственно такого разнообразнаго поприща, на которомъ бы гений всегда находилъ достаточно мѣста для дѣятельности своихъ силъ и для наслажденія“. Онъ не замѣчаетъ, что „для генія правила вреднѣе примѣровъ“.

Гоголь, вслѣдъ за Жуковскимъ, опредѣляетъ существо поэзіи Лермонтова словомъ „безочарованіе“. „Попавши съ самаго начала въ кругъ того общества, которое справедливо можно было назвать временнымъ и переходнымъ, которое, какъ бѣдное растеніе, сорвавшееся съ родной почвы, осуждено было безрадостно носиться по степямъ, слыша само, что не прирасти ему ни къ какой другой почвѣ, и его жребій — завянуть и пропасть, — онъ уже съ раннихъ поръ сталъ выражать то раздражающее сердце равнодушіе ко всему,

которое не слышалось еще ни у одного из наших поэтовъ. Безрадостныя встрѣчи, безпечальныя разставанія, странныя, бессмысленныя любовныя узы, неизвѣстно зачѣмъ заключаемыя и неизвѣстно зачѣмъ разрываемыя, стали предметомъ стиховъ его... Какъ нѣкогда съ легкой руки Шиллера пронеслось было по всему свѣту *очарованіе* и стало моднымъ, какъ потомъ съ тяжелой руки Байрона пошло въ ходъ *разочарованіе*, порожденное, можетъ быть, излишнимъ очарованіемъ, и стало также на время моднымъ, такъ, наконецъ, пришла очередь и *безочарованію*, родному дѣтищу Байроновскаго разочарованія. Существованіе его, разумѣется, было кратковременнѣе всѣхъ прочихъ, потому что въ безочарованіи ровно нѣтъ никакой приманки ни для кого "... Гоголю кажется, что Лермонтовъ могъ бы отдѣлаться отъ своего безотраднато состоянія, если бы только въ немъ самомъ сохранилось побольше уваженія и любви къ своему таланту. „Но никто еще не игралъ такъ легкомысленно съ своимъ талантомъ и такъ не старался показать къ нему какое-то даже хвастливое презрѣніе, какъ Лермонтовъ. Незамѣтно въ немъ никакой любви къ дѣтямъ своего же воображенія. Ни одно стихотвореніе не выносилось въ немъ, не возлелѣвалось чадолюбно и заботливо, не устоялось и не сосредоточилось въ себѣ самомъ; самый стихъ не получилъ еще своей собственной твердой личности и блѣдно напоминаетъ то стихъ Жуковскаго, то Пушкина; повсюду — излишество и многорѣчіе. Въ его сочиненіяхъ прозаическихъ гораздо больше достоинства. Никто еще не писалъ у насъ такую правильную и благоуханную прозу. Тутъ видно больше углубленія въ дѣйствительность жизни — готовился будущій великій живописецъ русскаго быта... Но внезапная смерть вдругъ его отъ насъ унесла. Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ"... (Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?).

А. Милюковъ („Очеркъ исторіи русской поэзіи“. Спб. 1847 г.) видитъ въ поэзіи Лермонтова „зеркало современнаго общества“, съ его алчнымъ стремленіемъ къ жизни и невозможностью удовлетворить вполнѣ эту жажду. „Въ ней видно разочарованіе, не столь многозначительное, какъ у Байрона, но и не такъ мелкое, какъ у Пушкина: это стоны богатыря, который, сквозь окно темницы, видитъ ратный стонъ и толпы враговъ, но пригвожденный къ гранитной стѣнѣ, то потрясается въ бѣшенствѣ цѣпями, то въ утомленіи проливаетъ слезы безсилія, то съ гордостью переноситъ страданія.

Къ несчастію, судьба похитила поэта въ то время, когда онъ только начиналъ развиваться; но и въ томъ, что написалъ онъ, нельзя не изумляться обширности его генія и высоко художественной его натурѣ“. . . *).

Въ 1857 г., на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ (т. IX, №№ 10 и 11, стр. 232—263 и 317—344), С. Д. Шестаковъ помѣстилъ статью неизвѣстныхъ доселѣ юношескихъ драмахъ Лермонтова („Испанцы“, „Странный человѣкъ“ и „Два брата“) и въ ней сдѣлалъ нѣсколько попутныхъ замѣчаній объ идеалахъ поэта и общемъ направленіи всей его поэзіи.

„Идеаль человѣка въ представленіи нашего поэта заключался преимущественно въ неодолимой волѣ, въ волѣ, не знающей преградъ, разрушающей

*) Въ I-й кн. „Ученыхъ Записокъ Имп. Казанскаго Университета“ (1856 г., стр. 145—62) появилась рѣчь о Лермонтовѣ старшаго учителя русскаго языка А. Камкова.

и уничтожающей на своемъ пути все, что препятствуетъ ей къ достиженію ея цѣли, въ волѣ, которая, какъ древняя судьба, не щадитъ никого, безъ различія—виновнаго и невиннаго. Таковъ Радинъ, таковъ Печоринъ, таковъ наконецъ Арбенинъ, герой драмы „Маскарадъ“... Поэтъ видимо стремился къ тому, чтобы въ его идеалахъ было что-то не человѣческое, а демоническое... И онъ успѣлъ въ этомъ... Не станемъ здѣсь поднимать вопроса о томъ, откуда взялось въ нашемъ поэтѣ это направленіе? Самобытно ли оно зародилось въ его собственной душѣ, или пришло отъ кого-нибудь, заимствованное отъ другого, родственнаго, но чуждаго ему гения? Мы стали бы во всякомъ случаѣ утверждать первое. Мы не можемъ допустить чуждаго вліянія, если въ собственной душѣ нашей нѣтъ никакого къ нему подготовленія. Если мы знаемъ, что направленіе одного писателя бываетъ сходно съ направленіемъ другого, то это не значитъ еще непременно, что одно направленіе порождаетъ другое, и что послѣднее вышло изъ перваго; но значитъ только, что оба писателя родились съ одинаковымъ направленіемъ, съ одними и тѣми же стремленіями... Даровитый писатель не можетъ быть слѣпымъ подражателемъ другого, хотя бы и гениальнаго писателя; они могутъ только принадлежать къ одному направленію“...

Замѣчанія Шестакова вызвали статью А. Д. Галахова въ томъ же „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1858 г., т. XVI, №№ 13, 14 и 16, стр. 60—92, 277—311 и 583—612). Ближайшая цѣль этой статьи „по возможности опредѣлить, въ чемъ заключается направленіе поэзіи Лермонтова, какъ оно выразилось, и откуда оно взялось“. Критикъ приходитъ къ заключенію, что излюбленный герой нашего поэта, подъ разными именами выведенный въ повѣстяхъ и драмахъ, есть одно и то же лицо. Въ томъ же видѣ выступаютъ черты этого лица и въ лирическихъ стихотвореніяхъ.

„Не нужно большихъ соображеній для того, чтобы видѣть близкое родство идеала, начертаннаго нашимъ поэтомъ, съ героями Байрона. Разочарованіе, апатія, скука, преждевременное знаніе, перевѣсъ духа надъ тѣломъ, неумирающая мысль, какъ главная причина мучительныхъ, убійственныхъ страданій, непреклонная гордость, роковая сила судьбы и природы, несмиримое волненіе жизни, демонизмъ... являются въ различныхъ по имени, но тождественныхъ по значенію герояхъ Байрона: *Дартъ, Конрадъ, Алтъ, Азо, Гую, Гауръ, Селмиъ, Манфредъ, Каинъ и Люциферъ*. Отсюда перешли они въ созданія Лермонтова— *Оршу, Арсенія, Мцири, Арбенина, Хаджи-Абрека, Измаиль-Бая, Печорина, Демона*, тоже неодинаковыя именемъ, но одинаковыя сущностью. Какъ первые могутъ быть названы видоизмѣненіями Чайльдъ-Гарольда, такъ и вторые суть въ большей или меньшей степени Печорины. И какъ самъ Байронъ отразился въ лицѣ Чайльдъ-Гарольда, что, между прочимъ, можно заключить и по лирическимъ его пьесамъ, такъ и лицо Печорина есть отраженіе Лермонтова, какъ позволено утверждать на основаніи лирическихъ же стихотвореній нашего поэта. Поэтому вопросъ о значеніи поэзіи Лермонтова обращается въ вопросъ о значеніи поэзіи Байрона или Байроновской.

Поэзія переходной эпохи создала двѣ личности: одну слабовольную и пассивную, другую энергическую и порывающуюся къ дѣятельности. На послѣдней отразились также болѣзни вѣка: скептицизмъ, страсть къ анализу, нерѣ-

шительность, почему въ ней ясно различается внутреннее раздвоеніе. Оба типа начертаны Лермонтовымъ, но преимущественно и съ бѣльшимъ развитіемъ — второй, въ лицѣ Печорина, Арбенина, Измаиль-Бей, Радина, Демона и другихъ. Всѣ они страдаютъ означеннымъ раздвоеніемъ. Кромѣ вліянія общеевропейской образованности, которое мы испытываемъ наряду съ другими народами, герои Лермонтова приняли вліяніе собственно - національное, т. е. подпали дѣйствию извѣстной эпохи: поэтому они выражаютъ дѣйствительность, запечатлѣны истинностью, а не принадлежать къ вымысламъ, не суть результаты простаго заимствованія у другихъ поэтовъ. Указанныя болѣзни эпохи, дѣлающія человѣка слабымъ, безхарактернымъ, самолюбивымъ, злымъ, Лермонтовъ объясняетъ „гнетомъ просвѣщенія“, при которомъ утрачиваются естественные благородные инстинкты. Имъ противопоставляетъ онъ достоинства старины или жизни младшествующихъ, дикихъ народовъ. Въ этомъ его общественная философія“.

Съ нравственной точки зрѣнія, дѣйствія героевъ Лермонтова не могутъ быть оправданы: они безнравственны и въ гражданскомъ, и въ общечеловѣческомъ отношеніи. Но что касается художественнаго значенія поэзіи Лермонтова, то высокое достоинство ея внѣ всякаго сомнѣнія, и если критикъ мало удѣлилъ вниманія этой сторонѣ, то единственно потому, что имѣлъ въ виду „разсмотрѣть внутреннее значеніе образа, начертаннаго Лермонтовымъ, какъ главнаго идеала его ума и фантазіи“.

Аполлонъ Григорьевъ („Русское Слово“ 1859 г., № 2; „Время“ 1862 г., №№ 10—12) признаетъ Лермонтова „не завершеною, а стихійною силою“.

„Великій поэтъ является передъ нами еще весь въ элементахъ, съ проблесками великой правды, но еще неуяснившейся нисколько самостоятельности, не властелиномъ тѣхъ стихій, которыя заключались въ его эпохѣ и въ немъ самомъ, какъ вышшемъ представителѣ этой эпохи, а еще слѣпою, хотя и могущественною силою, несущоюся впередъ стремительно и почти безсознательно“.

Пытаясь опредѣлить главныя свойства этой „совершенно трагической натуры“, критикъ находитъ, что въ Лермонтовѣ, на самый первый, поверхностный взглядъ, представляются двѣ стороны: Арбенинъ и Печоринъ.

„Арбенинъ (или все равно: Мцири, Арсеній въ „Бояринѣ Оршѣ“ и т. д.)— это необузданная страстность, рвущаяся на широкій просторъ, почти что безумная сила, воспитавшаяся въ дикихъ понятіяхъ, вопіющая противъ всякихъ общественныхъ понятій и исполненная къ нимъ ненависти или презрѣнія, сила, которая сознаетъ на себѣ „печать проклятыя“ и гордо носитъ эту печать, сила отчасти звѣрская, и которая сама въ лицѣ „Мцири“ радуется братству съ барсами и волками. Пояснить возможность такого настроенія души поэта не можетъ, кажется, одно вліяніе музы Байрона. Положимъ, что Лара, Манфредъ обаяніемъ своей поэзіи, такъ сказать, подкрѣпили, оправдали тревожныя требованія души поэта, — но самые элементы такого настроения могли зародиться только или подъ гнетомъ обстановки, сдавливающей страстные порывы Мцири и Арсенія, или на дикомъ просторѣ разгула и неистоваго произвола страстей, на которомъ взросли впечатлѣнія Арбенина“.

При первомъ же столкновѣніи съ „общезитѣмъ, и притомъ съ условнѣйшими изъ условныхъ сферъ его, съ сферою свѣтскою“, — подобныя „противу-общественныя“ стремленія должны потерпѣть неизбежный крахъ: „паденіе или казнь ждутъ ихъ неминуемо“. Арбенинъ „съ своими необузданно самолюбивыми требованіями *провалился* въ такъ называемомъ свѣтѣ“; но въ результатѣ этого паденія мы видимъ „еще не истинно разумное сомнѣніе въ законности произвола личности, а только сомнѣніе въ силѣ личности, въ средствахъ ея“.

„Вглядитесь внимательнѣе въ эту нелѣпую, съ дѣтской небрежностью набросанную, хаотическую драму: „Маскарадъ“, и слѣдъ такого сомнѣнія увидите вы въ лицѣ князя Звѣздича, котораго одна изъ героинь опредѣляетъ такъ:

„...безнравственный, безбожный,
Себялюбивый, злой, — но слабый человѣкъ!“

Въ созданіи Звѣздича — выразилась минута первой схватки разрушительной личности съ условнѣйшею изъ сферъ общезитія, схватки, которая кончилась не къ чести дикихъ требованій и необъятнаго самолюбія... Но и по наступленіи той минуты, съ которой въ натурѣ нравственной должно начаться правильное, т. е. комическое отношеніе къ собственной личности и слабости, — гордость, вмѣсто прямого поворота, предлагаетъ намъ изворотъ. Изворотъ же заключается въ томъ, чтобы поставить на ходули безсилную страстность души, признать ея требованія всетаки правыми; переживши минуты презрѣнія къ самому себѣ и къ своей личности, сохранить однако вражду и презрѣніе къ дѣйствительности“...

Является Печоринъ.

„Въ сущности, — спрашиваетъ критикъ, — что такое Печоринъ? Смѣсь Арбенинскихъ беззаконій съ свѣтскою холодностью и безсовѣстностью Звѣздича, котораго всѣ неблестящія и невыгодныя стороны пошли въ созданіе Грушницкаго, существующаго въ романѣ исключительно только для того, чтобы Печоринъ, глядя на него, какъ можно болѣе любовался собою, и чтобы другіе, глядя на Грушницкаго, болѣе любовались Печоринымъ. Что такое Печоринъ? — Существо совершенно двойственное, человѣкъ, смотрящійся въ зеркало передъ дуэлью съ Грушницкимъ, и рыдающій, почти грызущій землю, какъ звѣренокъ „Мцири“, послѣ тщетной погони за Вѣрою. Что такое Печоринъ? — Поставленное на ходули безсиліе личнаго произвола!“

„Герой нашего времени“ — вовсе не сатира, а художественное засвидѣтельствованіе извѣстнаго факта. Въ образѣ Печорина „сказалась общая тайна эпохи, le secret de tout le monde, если *осми* назвать людей условно-цивилизованной сферы, оторвавшейся отъ всякой почвы, людей, разрозненныхъ съ бытовою непосредственною жизнью... Положимъ или даже не положимъ, а скажемъ утвердительно, что нехорошо сочувствовать Печорину, такому, какимъ онъ является въ романѣ Лермонтова, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были „ротиться и кляться“ въ томъ, что мы никогда не сочувствовали натурѣ Печорина до той минуты, въ которую является онъ въ романѣ, т. е. стихіямъ природы до извращенія ихъ... Печоринъ влекъ насъ всѣхъ неотразимо и до сихъ поръ еще можетъ увлечь, и вѣроятно всегда

будеть увлекать тѣмъ, что въ немъ есть физиологически нашего, а именно — броженіемъ необъятныхъ силъ съ одной стороны и соединеніемъ съ этимъ вмѣстѣ сѣверной сдержанности черезъ присутствіе въ себѣ почти демонскаго холода самообладанія... Какъ онъ ни изъѣденъ анализомъ и какъ ни безпопадѣнъ онъ въ своемъ критическомъ отрицаніи, звѣрство Мцири прорывается въ рыданіяхъ по уѣхавшей Вѣрѣ; чуются люди иной, титанической эпохи, готовые играть жизнію при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, затѣмъ ли, чтобы оставить по себѣ страничку въ исторіи, или просто такъ, изъ удали, въ его похожденияхъ съ контрабандисткой и въ его фаталистической игрѣ, которою кончается романъ... Вотъ этими-то своими сторонами Печоринъ не только былъ героемъ своего времени, но едва ли не одинъ изъ нашихъ органическихъ типовъ героическаго“...

Печоринъ — „сила и выраженіе силы, безъ которой жизнь закисло бы въ благодушествованіи Максимовъ Максимовичей, въ ихъ хотя и героической, но отрицательно-героической безотвѣтности, въ томъ смиреніи, которое легко обращается у насъ изъ высокаго въ баранье... Максимъ Максимычъ, конечно, очень хорошій человекъ, и, конечно, правѣе и достойнѣе сочувствія въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ Печоринъ, но вѣдь онъ тупоумень и по простой натурѣ своей даже и не могъ впасть въ тѣ уродливыя крайности, въ которыя попалъ Печоринъ. Голосъ за простое и доброе, поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хищнаго, есть, конечно, прекрасный голосъ, но за слуга его есть только отрицательная. Его положительная сторона есть застой, закъсь, моральное мѣщанство“.

Что касается Байрона, то его вліяніе, несомнѣнно, отражается въ поэтической физиономіи Лермонтова чертами гораздо болѣе рѣзкими, чѣмъ на болѣе гармонической и раньше достигшей самостоятельности натурѣ Пушкина; но „пояснить *однимъ* Байрономъ и *однимъ* вѣяніемъ байронизма крайнее развитіе... тревожныхъ началъ въ поэзіи Лермонтова — невозможно. Кромѣ того, что эти тревожныя начала не чужды вообще нашей народной сущности, они въ особенности бушевали въ ту эпоху, которой Лермонтовъ былъ завершителемъ: въ эпоху нашего русскаго романтическаго броженія... Байронъ и байронизмъ какъ общее, и нашъ русскій романтизмъ какъ особенное — вотъ элементы того Лермонтова, какой намъ остался въ его произведеніяхъ“.

Въ поэтѣ крылась „великая художественная сила, которая шла, такъ сказать, на помощь къ отрицательному взгляду, узаконивала его неясныя предчувствія, раскрывала ему новые обширные горизонты“. Вотъ почему оппозиція застоя съ такимъ ожесточеніемъ накинулась на Лермонтова при самомъ первомъ его появленіи на литературную арену.

Но „ни оппозиція застоя, ни самый отрицательный взглядъ не знали еще тогда, — думаетъ критикъ, — да конечно и не могли знать, что эти обширные горизонты въ сущности только миражъ, что за ними, за этими туманными картинами, поворотъ къ почвѣ, поворотъ къ народности, что въ самомъ Лермонтовѣ готовился, по справедливой догадкѣ Гоголя, одинъ изъ великихъ живописцевъ нашего быта... Едва только еще отдѣлался поэтъ отъ мучившаго его призрака, едва свелъ его изъ туманно-неопредѣленныхъ областей, гдѣ онъ являлся ему „царемъ нѣмымъ и гордымъ“ въ общежитійскія сферы, въ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ маскированный гвардеецъ Печоринъ, еще

онъ не успѣлъ хорошенъко приглядѣться къ пойманному имъ образу, увидать въ немъ комическую сторону, съ которой неминуемо долженъ былъ начать поворотъ... какъ смерть сразила его"...

Вышедшее въ 1863 г. новое изданіе сочиненій Лермонтова (подъ редакціей Дудышкина и съ его статьею — „Матеріалы для біографіи и литературной оцѣнки Лермонтова“) послужило поводомъ къ критико-библіографической замѣткѣ В. А. Зайцева въ „Русскомъ Словѣ“, имѣющей цѣлью „развѣнчать“ поэта (1863 г., № VI. Библіограф. листокъ, стр. 13—28).

„Странное впечатлѣніе производятъ эти сочиненія на человѣка, нечитавшаго ихъ со времени счастливыхъ дней своей юности. Впечатлѣніе это можно сравнить развѣ съ тѣмъ, которое производить на взрослого домъ, который онъ оставилъ ребенкомъ, а возвратился взрослымъ. Его дѣтскому воображенію казались огромными, великолѣпными эти комнаты, которыя онъ находитъ теперь такими жалкими и пустыми. Темные корридоры, мрачные высокіе потолки, говорившіе ему прежде о чемъ-то таинственномъ, страшномъ, представляются ему теперь грязными, закопченными, сырыми; и не таинственный трепеть, а скуку возбуждаетъ въ немъ видъ того, что нѣкогда ему казалось прекраснымъ. Такъ и сочиненія Лермонтова“...

Обращаясь къ „довольно избитой темѣ“ о вліяніи на Лермонтова поэзіи Байрона, Зайцевъ видитъ „удивительную близорукость эстетическихъ критиковъ, считающихъ Пушкина и Лермонтова нашими Байронами“.

„Наши подражатели напрасно насилывали свой мозгъ, стараясь выдумать какую-нибудь уважительную причину горя того пошлаго лица, въ которомъ они воображали воспроизвести Манфреда. Они не могли достигъ этого потому, что причину скорби искали чисто личную, исключительную. Чего не выдумывали они, чтобы объяснить страданія разныхъ Арбениныхъ, Печоринныхъ и Онѣгинныхъ! Дошли до того, что изобразили страданія раскаявашагося шулера (въ Маскарадѣ)! Но все было тщетно: герои выходили пошлы, а скорбь ихъ пуста и бессмыслена“.

Разобравъ далѣе „Демона“ и затронувъ Печорина, критикъ съ удивленіемъ спрашиваетъ: „Какимъ образомъ человѣкъ, котораго главныя произведенія обличаютъ такую непослѣдовательность идей и образовъ, такую мелочность содержанія, могъ заставить восхищаться собой не только возведенныхъ имъ въ перлъ созданія юнкеровъ и золотушныхъ помѣщичихъ дочекъ, но даже нашу ученую и глубокомысленную эстетическую критику? Какимъ образомъ могъ онъ попасть въ число гениевъ?... Въдь стоитъ только посмотрѣть не сквозь зеленые очки эстетической критики на „Демона“, „Героя нашего времени“ и на „Маскарадъ“, чтобы увидѣть въ нихъ множество нелѣпостей. Или, быть можетъ, у Лермонтова есть что-нибудь кромѣ этихъ произведеній, что даетъ ему право на лавровый вѣнокъ? Но, не говоря уже о томъ, что „Демонъ“ и „Герой нашего времени“ признаны всѣми за лучшія его сочиненія, въ остальныхъ мы не находимъ ничего, кромѣ мелкихъ альбомныхъ стишковъ, мадригаловъ разнымъ графинямъ, и рабскихъ подражаній Пушкину, такъ что нужно имѣть даже громадную память, чтобы запомнить, что именно принадлежитъ ему и что Пушкину... Есть еще, правда, нѣсколько стихотвореній, какъ напримѣръ тѣ, которыя помѣщены въ первый разъ у г. Дудышкина, но они не годны даже для чтенія юнкеровъ. Наконецъ, большая часть, я пола-

гаю, около $\frac{2}{3}$ произведений Лермонтова описывают черкеския, лезгинския и кабардинския страсти, которые намъ кажутся довольно скучны...

Это снова наводитъ мени,—закачиваеъ критикъ,—на мысль о томъ стихотвореніи, гдѣ Лермонтовъ сообщаетъ, что онъ не Байронъ, а другой, —

Какъ онъ, гонимый міромъ, странникъ, —
Но только съ русскою душой.

Изъ этого признанія мы понимаемъ одно, что Лермонтовъ дѣйствительно не Байронъ, а былъ ли онъ гонимый міромъ странникъ,—объ этомъ надо справиться въ его формулярномъ списокѣ; что же касается до его русской души, то эстетическая критика еще доселѣ не рѣшила, чѣмъ именно русская душа отличается отъ кабардинской или турецкой*.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ С. С. Дудышкинъ, подготавливая къ изданію собраніе сочиненій Лермонтова, получилъ отъ А. А. Краевскаго нѣсколько тетрадей съ юношескими произведеніями поэта, писанными въ періодъ времени отъ 1828 по 1831 г., и помѣстилъ обстоятельную статью о нихъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1859 г., т. СХХV и СХХVI, №№ 7, стр. 1—62, и 11, стр. 245—270).

„Хотя мы, — замѣчаетъ Дудышкинъ, — и не принадлежимъ къ тѣмъ біографамъ, которые считаютъ важною для литературы каждую строку описываемаго ими лица, однакожъ, эти тетради показались намъ до-того интересными и важными для біографіи Лермонтова, что мы рѣшили познакомить съ ними публику. Во-первыхъ, эти тетради нагляднѣе всякой біографіи рисуютъ человѣка и его постепенное образованіе. Во-вторыхъ, изъ нихъ читатель увидитъ, какъ рано полюбилъ и какъ постоянно оставался вѣренъ поэзіи Лермонтовъ.

Въ пансіонѣ, на Кавказѣ, дома, вездѣ вносилъ онъ въ эти тетради свои мысли, чувства и свои сначала дѣтскія, потомъ юношескія стихотворенія. Затѣмъ, изъ этихъ же тетрадей читатель увидитъ, что больше всего имѣлъ вліяніе на Лермонтова, что онъ читалъ, чего хотѣлъ, какъ онъ по нѣскольку разъ обращался къ одной и той же мысли. Эти тетради составляютъ счастливое пріобрѣтеніе для біографіи; но, кромѣ того, онѣ и рѣдкость въ литературномъ мірѣ. У какого писателя такъ далеко могутъ восходить воспоминанія?

У кого изъ нихъ уцѣлѣлъ такой матеріалъ, если не всегда важный въ литературномъ, то неопѣненный въ біографическомъ отношеніи? Здѣсь нѣтъ той невольной хитрости, тѣхъ невольныхъ уловокъ мысли, которая всегда замѣтна въ автобіографіяхъ, написанныхъ въ позднюю пору жизни. Нѣтъ желанія отыскивать объясненія позднѣйшихъ явленій, хитрить съ самимъ собою, все подводить подъ одну теорію — однимъ словомъ, нѣтъ умысла, хорошаго или дурного, все-равно. Здѣсь день идетъ за днемъ; передъ вами растетъ человѣкъ, который для васъ интересенъ (конечно, это необходимое условіе); вы, помимо всякихъ свидѣтельствъ, которымъ не всегда можно и должно вѣрить, видите, что онъ любилъ, какъ любилъ, что имѣло на него сильное вліяніе*...

Далѣе Дудышкинъ описываетъ эти, какъ онъ называетъ ихъ, „ученическія тетради“, выбираетъ изъ нихъ — все болѣе интересное въ какомъ-нибудь отношеніи и дополняетъ своими собственными замѣчаніями, гдѣ находитъ это нужнымъ.

Въ вопросѣ объ идеалахъ Лермонтова и общемъ направленіи его поэзіи критикъ оспариваетъ высказанную Шестаковымъ мысль, что „въ жизни нашего поэта, или, по крайней мѣрѣ, въ жизни близкихъ ему людей, были случаи, которые предрасположили его къ такому направленію“. „Нигдѣ не нашли мы и слѣдовъ такихъ „случаевъ“; да они и ненужны дѣлаются для объясненія Печориныхъ, Арбениныхъ, Демоновъ Лермонтова. Кто внимательно просмотритъ эти тетради, тотъ увидитъ, что это была просто подражательность, сначала Пушкину, а потомъ Байрону, котораго и Пушкинъ называлъ въ то время „властителемъ нашихъ думъ“. Тогда всѣ подражали Байрону. Что же касается до того, какимъ образомъ этотъ отвлеченный идеалъ сдѣлался почти главнымъ характеромъ сочиненій Лермонтова, это должно объяснять уже, кромѣ духа времени, и главными душевными свойствами нашего поэта. Къ тому же, ненужно забывать, что въ то время презрѣніе ко всѣмъ и всему было модою. Слѣдовательно, этотъ идеалъ будетъ ясенъ только тогда, когда онъ будетъ рассмотрѣнъ въ трехъ отношеніяхъ: въ чисто-философскомъ, отвлеченномъ, какимъ онъ явился на Западѣ и вытекъ тамъ изъ жизни, въ отношеніи къ Россіи, и лично въ отношеніи къ Лермонтову“.

Общественно-историческое значеніе поэзіи Лермонтова Дудышкинъ выясняетъ въ статьѣ „Матеріалы для біографіи и литературной оцѣнки Лермонтова“ при II-мъ томѣ редактированнаго имъ собранія сочиненій поэта.

„Поставленный между двумя величайшими русскими художниками, образцами для настоящей и будущей нашей литературы, между Пушкинымъ и Гоголемъ, Лермонтовъ занимаетъ болѣе скромное мѣсто, какъ поэтъ, но за то имѣетъ свою особенную, ему исключительно принадлежащую, заслугу. Онъ, одинъ онъ олицетворяетъ то чувство, которое жило въ истинно-образованномъ кружкѣ того времени. Будущій историкъ, который рѣшится описать эпоху Лермонтова, будетъ пользоваться смысломъ его стиховъ, какъ лучшимъ историческимъ матеріаломъ для очерка нравственной жизни эпохи и настроенія умовъ молодого поколѣнія. Новый Тацитъ — если нашему обществу суждено имѣть Тацитовъ — будетъ бесѣдовать съ Лермонтовымъ, какъ римскій историкъ бесѣдовалъ съ знаменитымъ сатирикомъ времянь Нерона, когда писалъ свои безсмертные анналы. Молодые поколѣнія, которыя не захотѣли бы вѣрить, что бывали эпохи такого глубокаго отчаянія, какое замѣтно у Лермонтова, пусть знаютъ, что чувства эти были единственными, которыя каждый образованный человѣкъ носилъ въ себѣ... Тогда-то, въ сороковыхъ годахъ, разразилось въ нашей литературѣ, со всюю силою, полнѣйшее отрицаніе всего существующаго, отъ личности человѣка до основъ общества включительно; то было время „Мертвыхъ Душъ“ въ литературѣ, и такихъ же мертвыхъ душъ въ жизни. Въ эту-то эпоху, въ среду такого общества, съ запасомъ свѣжихъ силъ, съ гармоніей стиха, настроенной великимъ поэтомъ Англии, съ энергіей несокрушимаго убѣжденія и въ то же время отчаянія за общество, явился Лермонтовъ — и всѣ протянули къ нему руки, какъ къ лучшему истолкователю своихъ безвыходныхъ чувствъ. Не изношенность чувства — признакъ аристократической цивилизаціи Запада — слышалась въ этомъ привѣтѣ общества, а первая потребность каждаго человѣка жить и дышать свѣжимъ воздухомъ и чувствовать почеловѣчески; не поддержка той или другой философской системы высказывалась въ этомъ стремленіи, а про-

стая жажда мысли; не на гнилость обществъ европейскихъ указывало оно, а призывало къ лучшему употребленію народныя силы въ нашемъ обществѣ, не поэтическіе диссонансы высокоразвитой личности рисовало оно, а просто взывало къ спасенію личности, посреди омута формальностей и безличностей. Вотъ въ чемъ была сила Лермонтова!... Трудно теперь понять всю ту ненависть къ постыдному бездѣйствию, къ апатіи русскаго общества, ненависть, которую питала въ юношахъ поэзія Лермонтова. Въ ней была единственная отрада наболѣвшей груди, единственное питье, которое и подкрѣпляло и врачевало ослабѣвшія силы“...

Критикъ допускаетъ, что современное общество наложило на поэта „клеймо эпохи, чтобы каждый потомъ узнавалъ, въ какое время привелось жить таланту“, — но „эти недостатки Лермонтова еще болѣе дѣлаютъ его самымъ выпуклымъ представителемъ минувшаго царствованія; онъ выразилъ задушевныя стремленія лучшихъ людей и понесъ на себѣ незаслуженную кару за то, что прикоснулся къ жизни эпохи, не могъ устоять противъ потребности жить во что-бы то ни стало. А кто-же можетъ осудить человѣка за эту первую его потребность? Эта сторона поэзіи Лермонтова, на которой отразились недостатки эпохи, отжила уже свое время и теперь; но другая сторона Лермонтова отъ этого не утратила своего значенія: Лермонтовъ будетъ дорогъ всѣмъ тѣмъ несчастнымъ поколѣніямъ, на долю которыхъ выпадаетъ ужасная судьба его эпохи. Его будутъ читать и перечитывать съ одинакимъ удовольствіемъ всѣ, чьей мысли не будетъ мѣста въ дѣйствительной жизни — всѣ тѣ, которые будутъ страдать отъ своего ложнаго положенія въ обществѣ, кто удержитъ въ душѣ презрѣніе къ подобному обществу“.

Въ той же статьѣ (стр. XXXI) Дудышкинъ еще разъ касается вопроса о значеніи юношескихъ произведеній Лермонтова.

„На стихотворенія, напечатанныя въ предъидущемъ томѣ, мы не можемъ смотрѣть только какъ на игрушку, какъ на праздную забаву честолюбиваго мальчика, который воспѣваетъ въ стихахъ свои небывалыя страсти, огорченія, ненависть къ свѣту, къ людямъ, свое разочарованіе, — нѣтъ; въ этихъ стихахъ пятнадцатилѣтняго Лермонтова мы отыскиваемъ уже главный мотивъ его поэзіи, которому онъ не измѣнялъ до конца жизни. Инстинктъ поэта указалъ ему самому, больному недугами и шалостями общества, на больную сторону тогдашняго человѣка, и всю жизнь свою онъ только больше и больше уяснялъ эту бользнь. Замѣчательная черта многихъ великихъ людей повторилась на нашемъ Лермонтовѣ: онъ въ дѣтствѣ почуялъ ту идею, которой остался вѣренъ до конца жизни“.

Критика шестидесятыхъ годовъ лишь мимоходомъ коснулась поэзіи Лермонтова.

Д. И. Писаревъ видитъ въ Лермонтовѣ не больше, какъ „зародышъ поэта“. „У насъ были или зародыши поэтовъ, или пародіи на поэта. Зародышами можно назвать Лермонтова, Полежаева, Крылова, Грибоѣдова; а къ числу пародій я отношу Пушкина и Жуковскаго“.

Вниманіе Н. А. Добролюбова („Современникъ“ 1859 г., т. LXXV, № 5, стр. 59—98: ст. „Что такое Обломовщина?“) останавливаетъ на себѣ Печоринъ, какъ одинъ изъ типовъ нашей русской *обломовщины*.

„Давно уже замѣчно, что всѣ герои замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей и романовъ страдаютъ оттого, что не видятъ цѣли въ жизни и не находятъ себѣ приличной дѣятельности. Вслѣдствіе того они чувствуютъ скуку и отвращеніе отъ всякаго дѣла, въ чемъ представляютъ разительное сходство съ Обломовымъ. Въ самомъ дѣлѣ, раскройте, напр., „Онѣгина“, „Героя нашего времени“, „Кто виноватъ“, „Рудина“, или „Лишняго человѣка“, или „Гамлета Щигровскаго уѣзда“, — въ каждомъ изъ нихъ вы найдете черты, почти буквально сходныя съ чертами Обломова... Надъ всѣми этими лицами тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльности, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ. Весьма вѣроятно, что при другихъ условіяхъ жизни, въ другомъ обществѣ, Онѣгинъ былъ бы истинно добрымъ малымъ, Печоринъ и Рудинъ дѣлали бы великіе подвиги, а Бельтовъ оказался бы дѣйствительно превосходнымъ человѣкомъ. Но, при другихъ условіяхъ развитія, можетъ быть, и Обломовъ съ Тентетниковымъ не были бы такими байбаками, а нашли бы себѣ какое-нибудь полезное занятіе... Дѣло въ томъ, что теперь-то у нихъ у всѣхъ одна общая черта — бесплодное стремленіе къ дѣятельности, сознаніе, что изъ нихъ многое могло бы выдти, но не выйдеть ничего... Въ этомъ они поразительно сходятся... Они всѣ равно несостоятельны передъ силою враждебныхъ обстоятельствъ, всѣ равно погружаются въ ничтожество, когда имъ предстоитъ настоящая, серьезная дѣятельность... Общее у всѣхъ этихъ людей — то, что въ жизни нѣтъ имъ дѣла, которое бы для нихъ было жизненной необходимостью, сердечной святыней, религіей, которое бы органически срослось съ ними, такъ что отнять его у нихъ значило бы лишить ихъ жизни. Все у нихъ внѣшнее, ничто не имѣетъ корня въ ихъ натурѣ... Они только говорятъ о высшихъ стремленіяхъ, о сознаніи нравственнаго долга, о проникновеніи общими интересами, а на повѣрку выходить, что все это — слова и слова. Самое искреннее, задушевное ихъ стремленіе есть стремленіе къ покою, къ халату, и самая дѣятельность ихъ есть не что иное, какъ *почетный халатъ* (по выраженію, не намъ принадлежащему), которымъ прикрываютъ они свою пустоту и апатію“... Возьмемъ, на примѣръ, Печорина, который имѣетъ въ себѣ какъ будто отъ природы все то, что для Онѣгина составляетъ предметъ заботы. „Онъ все испыталъ, и ему еще въ юности опротивѣли всѣ удовольствія, которыя можно достать за деньги; любовь свѣтскихъ красавицъ тоже опротивѣла ему, потому что ничего не давала сердцу; науки тоже надоѣли, потому что онъ увидѣлъ, что отъ нихъ не зависитъ ни слава, ни счастье; самые счастливые люди — невѣжды, а слава — удача; военныя опасности тоже ему скоро наскучили, потому что онъ не видѣлъ въ нихъ смысла и скоро привыкъ къ нимъ. Наконецъ, даже простосердечная, чистая любовь дикой дѣвушки, которая ему самому нравится, тоже надоѣдаетъ ему: онъ и въ ней не находитъ удовлетворенія своихъ порывовъ. Но что же это за порывы? куда влекутъ они? отчего онъ не отдается имъ всей силой души своей? Оттого, что онъ самъ ихъ не понимаетъ и не даетъ себѣ труда подумать о томъ, куда дѣвать свою душевную силу; и вотъ онъ проводитъ свою жизнь въ томъ, что остритъ надъ глупцами, тревожитъ сердца неопытныхъ барышень, мѣшается въ чужія сердечныя дѣла, напрашивается на ссоры, выказываетъ отвагу въ пустякахъ, дерется безъ надобности... Онъ не знаетъ, куда идти. Сердце его пусто и

холодно ко всему... Но тѣ времена, когда Печоринъ, и даже Онѣгинъ, должны были казаться натурою съ необъятными силами души, — прошли невозвратно. Теперь ужъ всѣ эти герои отодвинулись на второй планъ, потеряли прежнее значеніе, перестали сбивать насъ съ толку своей загадочностью и таинственнымъ разладомъ между ними и обществомъ, между великими ихъ силами и ничтожностью дѣлъ ихъ...

Теперь загадка разъяснилась,
Теперь имъ слово найдено.

Слово это — *обломовщина*“.

Одинъ изъ типовъ „русскаго безсилія“ видитъ въ Печоринѣ и Н. В. Шелгуновъ („Дѣло“ 1868 г., №№ VI, стр. 101—112, и VII, стр. 153—154: ст. „Русскіе идеалы, герои и типы“).

„Въ Печоринѣ мы встрѣчаемъ типъ силы, но силы искалѣченной, направленной на пустую борьбу, израсходовавшейся по мелочамъ на дѣла недостойныя... Онъ сила безъ выхода; сила, ненашедшая дѣла по себѣ, и потому напрашивавшаяся на любовныя дѣла и на борьбу съ такими ничтожествами, какъ Грушницкій. Но ни борьба съ Грушницкими, ни любовныя дѣла не въ состояніи наполнить всего существа Печорина, мелочь надѣдаетъ скоро, сила проситъ большаго дѣла, а большаго дѣла Печоринъ найти не въ состояніи, и на него нападаетъ скука... Въ этомъ *сучко* вся загадка характера Печорина“... Несчастъ Печорина въ томъ, что онъ не можетъ „поставить себя въ правильныя отношенія къ обществу и дать своей дѣятельности разумное и полезное направленіе. Причина этого въ томъ, что Печоринъ былъ воспитанъ не для общественной жизни. Съ первой молодости изъ него создавали одиночку; въ немъ развивали личныя наклонности, желанія и стремленія.

Изъ него создавали деспота, предъ волей котораго должно было все склоняться, желаніямъ котораго должно было все служить. И вотъ эта одиночка stalkивается въ жизни съ другими одиночками, воспитанными точно такъ же, какъ онъ, и такъ же, какъ онъ, жалящими, чтобы все служило имъ. За столкновеніемъ личныяго интереса является борьба, за борьбой неудовлетвореніе, обоюдное неудовольствіе, разочарованіе и озлобленіе. Въ великосвѣтскомъ омутѣ, въ которомъ вращался Печоринъ, онъ не встрѣтилъ сочувствія, потому что каждый думалъ о себѣ, и, озлившись на отдѣльныхъ людей, Печоринъ сталъ вымещать свою злобу на людяхъ, ни въ чемъ передъ нимъ неповинныхъ, и виноватыхъ только въ томъ, что они были такъ же пусты, какъ тотъ большой свѣтъ, который ихъ создалъ. У Печорина не достало ума, чтобы понять, что отдѣльные люди тутъ ни въ чемъ не виноваты, и что глупо вести борьбу противъ отдѣльныхъ единицъ. Возвыситься до пониманія общихъ причинъ, создающихъ аномальныя общественныя явленія и портящихъ отдѣльныхъ людей, у Печорина не достало силы. Только поэтому вся его энергія и сила направилась на борьбу съ отдѣльными лицами, вмѣсто того чтобы бороться съ принципами; только поэтому онъ сталъ разыгрывать демоническую силу, направленную на частную борьбу, вмѣсто того чтобы выдти общественнымъ дѣтелемъ“.

Узость Печорина зависитъ отъ того, что „въ самомъ Лермонтовѣ не шевелилось никакихъ широкихъ общественныхъ интересовъ... Лермонтовъ

далъ большую силу своему герою, но не могъ сообщить ему широкихъ помысловъ, потому что и самъ ихъ не имѣлъ. Въ этомъ отношеніи замѣчаніе критиковъ, что въ Печоринѣ Лермонтовъ рисовалъ свой портретъ — совершенно вѣрно. Лермонтовъ озлился на это замѣчаніе, потому что въ немъ была правда... Авторъ, способный лишь къ кисельному чувству, будетъ изображать только киселей; способный чувствовать и мыслить мелко — изобразить мелочниковъ. Лермонтовъ воспитался въ великосвѣтскости и зналъ только великосвѣтскихъ героевъ. Онъ, кажется, и не подозрѣвалъ, чтобы внѣ общества носителей лайковыхъ перчатокъ и благоуханныхъ будуаровъ могла существовать какая либо жизнь. Для него, какъ и для Печорина, все человѣчество заключалось въ сливкахъ общества... Лермонтовъ увѣряетъ, что Печоринъ современный человѣкъ, какимъ онъ его понимаетъ и какихъ, къ несчастью, слишкомъ часто встрѣчалъ. Если это такъ, то изъ его словъ можно сдѣлать только одинъ выводъ — что великосвѣтская жизнь перерождаетъ человѣка и дѣлаетъ его неспособнымъ для общечеловѣческой порядочности, и что та же самая жизнь кладетъ печать узкости возрѣній на каждого поэта и писателя, выросшаго въ этой жизни... Въ чемъ же и слабость всѣхъ нашихъ поэтовъ и романистовъ, какъ не въ томъ, что они не умѣли мыслить, не имѣли рѣшительно никакого понятія о страданіяхъ человѣческихъ и о средствахъ противъ общественныхъ золъ. Оттого ихъ героями являлись не общественные дѣятели, а великосвѣтскіе болтуны, и, черезъ-чуръ обобщая салонную жизнь они называли „героями нашего времени“ тѣхъ, кого бы правильнѣе назвать „салонными героями“...

Н. Г. Чернышевскій въ „Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы“ относитъ Лермонтова къ числу „такихъ колоссальныхъ талантовъ, какъ Пушкинъ, Гоголь“, а въ одномъ изъ писемъ къ Некрасову замѣчаетъ даже, что Лермонтовъ, какъ поэтъ-художникъ, выше Пушкина. („Современный Міръ“ 1911 г., сентябрь, стр. 172: ст. Е. Ляцкого „Н. Г. Чернышевскій въ редакціи „Современника““).

При 1-мъ томѣ третьяго изданія сочиненій Лермонтова (1873 г.), подъ редакціей П. А. Ефремова, помѣщена вводная статья А. Н. Пыпина (XV—XCVI стр.), заключающая въ себѣ подробную біографію поэта и общественно-литературную характеристику его творчества.

„Поэзія Лермонтова, — заканчиваетъ Пыпинъ, — произвела глубокое и сильное впечатлѣніе на современниковъ — фактъ, котораго не должна забыть вѣрная историческая оцѣнка его дѣятельности. Нѣсколько десятилѣтій измѣнили очень многое въ понятіяхъ, и нѣкоторыя стороны этой дѣятельности потеряли для насъ живое непосредственное значеніе, но въ свое время и эти стороны были понятны, — Лермонтовъ угадывалъ стремленія времени и далъ имъ поэтическое выраженіе. Въ немъ чувствовался поэтъ, близко принимавшій къ сердцу интересы общественнаго развитія, и по праву онъ привлекалъ къ себѣ самое глубокое сочувствіе свѣжихъ умовъ своего поколѣнія. Но эти особенности времени не составляютъ всего содержанія лермонтовской поэзіи; внѣ ихъ, онъ еще надолго останется однимъ изъ любимѣйшихъ представителей русской поэзіи, по энергіи чувства, богатству поэтическихъ мотивовъ и необыкновенной прелести формы“.

Достоевскій, въ „Дневникѣ Писателя“ за 1877 г., причисляетъ

Лермонтова къ тѣмъ русскимъ поэтамъ, которые увѣровали въ „правду народную“. „Лермонтовъ, конечно, былъ байронистъ, но по великой своеобразной поэтической силѣ своей и байронистъ-то особенный,—какой-то насмѣшливый, капризный и брюзгливый, вѣчно невѣрующій даже въ собственное свое вдохновеніе, въ свой собственный байронизмъ. Но если-бъ онъ пересталъ возиться съ больною личностью русскаго интеллигентнаго человѣка, мучимаго своимъ европеизмомъ, то навѣрно-бъ кончилъ тѣмъ, что отыскалъ исходъ, какъ и Пушкинъ, въ преклоненіи передъ народной правдой, и на то есть большія и точныя указанія... Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ стихахъ своихъ онъ мраченъ, капризенъ, хочеть говорить правду, но чаще лжетъ и самъ знаетъ объ этомъ и мучается тѣмъ, что лжетъ, но чуть лишь онъ коснется народа тутъ онъ свѣтелъ и ясенъ. Онъ любитъ русскаго солдата, казака, онъ чтитъ народъ... Остался-бы Лермонтовъ жить и мы-бы имѣли великаго поэта, тоже признавашаго правду народную, а, можетъ быть, и истиннаго „печальника горя народнаго“...

Въ началѣ 80-хъ годовъ профессоръ Юрьевскаго Университета П. А. Висковатовъ, собирая матеріалы для біографіи Лермонтова, совершенно случайно натолкнулся на довольно оригинальный списокъ поэмы „Демонъ“, въ которомъ VI-я строфа второй части составляетъ заключительную строфу первой и очень существенно измѣнены V, VIII, IX и X строфы второй части, не говоря уже о разныхъ мелкихъ измѣненіяхъ во многихъ отдѣльныхъ стихахъ и выраженіяхъ поэмы, „изобличающихъ руку мастера“. Висковатовъ принялъ этотъ списокъ „Демона“, съ подписью и карандашными поправками яко бы самого поэта, за окончательную обработку поэмы, „гдѣ субъективный, личный элементъ первыхъ набросковъ уступая мѣсто эпическому элементу, и поэма основывалась не на автобіографическомъ началѣ, а на народныхъ вѣрованіяхъ, хранящихъ въ себѣ воззрѣнія цѣлой страны, ставшей для поэта второю родиной“... („Русск. Вѣсти.“ 1889 г., кн. III, стр. 213—251: ст. „Демонъ. Поэма М. Ю. Лермонтова и ея окончательная, вновь найденная обработка“). Литературная критика отнеслась къ находкѣ Висковатова очень скептически, заподозрѣвъ поддѣлку. („Новое Время“ 1888 г., №№ 4374 и 4378; 1891 г., №№ 5593 и 5615).

„Я не могу, — писалъ А. С. Суворинъ, — взять на себя трудъ доказывать, что рука Лермонтова поддѣлана — на это у меня нѣтъ ни матеріаловъ, ни знакомства съ подлинными рукописями Лермонтова; но мнѣ извѣстно по многочисленнымъ процессамъ, что поддѣлаться подъ чужую руку — дѣло весьма не хитрое, для чего не надо ни ума, ни таланта, а только навѣкъ. Но поддѣлать стихъ Лермонтова, поддѣлаться подъ его мысли, „дышадія силой“, на которыя, „какъ жемчугъ нижутся слова“, — вотъ что чрезвычайно трудно, ибо тутъ необходимы и умъ, и поэтический талантъ, равные Лермонтову... Поддѣлка не носитъ на себѣ ничего лермонтовскаго, слѣдовательно авторъ карандашныхъ поправокъ поддѣлался подъ руку Лермонтова; кромѣ того, ни въ 1840, ни въ 1841 г. Лермонтовъ не могъ заниматься „обработкой“ „Демона“, и именно въ эти годы относился къ своей поэмі доволно скептически“ („Новое Время“ 1891 г., № 5593).

Желая доказать оспариваемую достоверность найденного и изданного списка „Демона“ (въ III т. собранія сочиненій Лермонтова), Висковатовъ обратился въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ съ просьбою разсмотрѣть эту рукопись и опредѣлить ея достоинство. 8-го февраля 1892 г. состоялось экстренное собраніе Отдѣленія, въ которое приглашены были, кромѣ самого Висковатова, члены-корреспонденты Академіи Наукъ: А. Н. Майковъ, Я. П. Половскій, Н. Н. Страховъ, А. Н. Пыпинъ, Д. В. Григоровичъ и гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. „Достоверность вновь найденнаго списка была признана всѣми присутствующими; причемъ относительно самой рукописи 1840 — 41 г. было заявлено сожалѣніе, что почти всѣ карандашныя поправки совершенно исчезли вслѣдствіе покрытія ихъ лакомъ, а онѣ могли бы служить подкрѣпленіемъ того, что рукопись находилась въ рукахъ Лермонтова и имъ была исправлена. Но, признавая напечатанную проф. Висковатовымъ за несомнѣнно послѣднюю изъ числа извѣстныхъ до сихъ поръ и притомъ лучшую переработку поэмы самимъ Лермонтовымъ, всѣ признали, что, если бы продлилась жизнь поэта, онъ, конечно, на этомъ не остановился бы и, очень можетъ быть, еще разъ рѣшился бы на передѣлку или выправку поэмы. Послѣднюю намъ извѣстную передѣлку, указывающую на совершенно новую конценцію сюжета, не только имѣвшую, но частью выполненную, представляетъ найденный Висковатовымъ списокъ“. (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. 53, стр. V—XX: Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія).

Въ примѣчаніяхъ къ тексту поэмы „Демонъ“ (II, 485—86) мы уже говорили, что найденный и изданный Висковатовымъ списокъ есть не болѣе, какъ позднѣйшая передѣлка подлиннаго текста: слишкомъ много возбуждаетъ онъ серьезныхъ сомнѣній и возраженій, какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны художественно-литературной формы. Не въ пользу списка Висковатова и палеографическія наблюденія: настаивать, что рукопись „была въ рукахъ поэта“ и что имѣющіяся здѣсь карандашныя поправки и помѣтки „представляютъ несомнѣнное сходство съ почеркомъ послѣднихъ рукописей поэта, напримѣръ, 15-й тетради Лермонтовскаго Музея“, — для этого нѣтъ никакихъ основаній *).

Въ январѣ 1888 года В. Д. Спасовичъ прочиталъ двѣ публичныхъ лекціи о Лермонтовѣ, изъ которыхъ составилъ эту „Байронизмъ Лермонтова“, напечатанный въ апрѣльской книгѣ „Вѣстника Европы“ за тотъ же годъ.

Прежде чѣмъ заглянуть въ „поэтическую мастерскую художника“, критикъ дѣлаетъ попытку выдѣлить изъ поэзіи Лермонтова все второстепенное и случайное и отодвинуть на задній планъ стихій политическую и общественную, которыя вообще занимали у него мало мѣста.

„Уроливыхъ условій общежитія Лермонтовъ не изслѣдовалъ, причинъ зла даже и не искалъ, борьбы съ существующимъ и преобразованій не замы-

*) Въ 1885 г. вышла книга В. Трохимовича: „Опытъ изслѣдованія Демона Лермонтова“ — работа, лишенная всякаго историко-литературнаго значенія.

шлялъ. Многое изъ нечистотъ, которыми было заражено тогдашнее общество, прилипло къ нему и срослось съ его личностію, но онъ успѣлъ выразить скорбь одинокой души, влекомой полусознательнымъ порывомъ къ иному, лучшему бытію, съ такою правдою и захватывающею силою, что, умирая въ 28 лѣтъ, онъ уже былъ первокласснымъ поэтомъ, единственнымъ великимъ поэтомъ Николаевской эпохи (Пушкинъ есть преимущественно поэтъ Александровскаго періода)*.

Міросозерцаніе Лермонтова, глубоко печальное и пессимистическое въ коренныхъ своихъ чертахъ, развилось и созрѣло одновременно съ изученіемъ Байрона и подъ влияніемъ Байрона, оставившаго на немъ глубокіе, неизгладимые слѣды, но имѣетъ, однако, свой особенный характеръ.

„Все, что было у Байрона свѣтлоголубого, исчезло у Лермонтова; зато выступило наружу все багровое, злобное, демоническое, съ такою силою, что для людей, которые приноровились распознавать человѣка по его манерѣ писать, по его пошибу, Лермонтовское настроеніе можетъ иногда показаться болѣе Байроновскимъ, чѣмъ у самого Байрона“...

Лермонтовъ похожъ на Байрона „болѣе по темпераменту, нежели по чертамъ лица... Оба они были люди высокой породы, оба принадлежали къ племени Прометея“.

„Въ 16 лѣтъ Лермонтовъ уже тотъ великій и вполне разившійся художникъ, какимъ онъ и умеръ, имѣя не полныхъ 28 лѣтъ, притомъ тотъ же жестокой, своенравный характеръ, человѣкъ сознающій всю ненасытность своихъ желаній, свою неспособность ихъ умѣрить, терпящій жажду явно несбыточнаго счастья, превращающую его жизнь въ пытку, такъ что все перерабатывалось въ этомъ горнилѣ души и поэтическаго творчества въ нѣчто ѣдкое и ядовитое. Существовало полное отсутствіе равновѣсія между ощущеніями, заставляющими человѣка радоваться или страдать, составляющими единственный матеріалъ психической жизни,—и ненасытными желаніями натуры безпкойной и далеко не заурядной, такъ какъ она была одарена весьма сильными умомъ, никогда не отдыхающимъ, не останавливающимся на поверхности вещей и притомъ метафизическимъ, занятымъ прежде всего одними вѣчными вопросами бытія, вопросами о его причинахъ и цѣляхъ, неразрѣшимыми, а между тѣмъ неотвязчивыми“...

Что касается частныхъ вліяній Байроновской поэзіи на Лермонтова, то всѣ предположенія, какъ о пользѣ вліянія Байрона на Лермонтова, такъ и о пользѣ Лермонтовскаго протеста à la Вугон, должны быть,—по мнѣнію критика,—совершенно оставлены, какъ безусловно противныя задачамъ литературной критики и сильно препятствующія анализу фактовъ, долженствующихъ быть прежде всего установленными, притомъ фактовъ не соціальнаго, а психологическаго свойства.

„Не будь Байрона и его вліянія, — изъ Лермонтова вышелъ бы, можетъ быть, крупный поэтъ, не очень высокаго полета, съ узкимъ національнымъ направленіемъ, сильно держащійся за родную почву множествомъ корней, а потому и популярный и любимый. Подъ вліяніемъ Байрона изъ Лермонтова выработался поэтъ весьма высокаго полета, но космополитическій, можетъ быть и безпочвенный, но столь могучій по силѣ генія, что въ теченіе всѣхъ истекающихъ по его смерти 50 лѣтъ ни одинъ изъ появившихся потомъ пѣв-

цовъ не унаслѣдоваль его волшебной лиры, никто не приблизился къ нему, — всѣ они точно маленькіе холмы въ виду этого поэтического Казбека“.

„Несмотря на отсутствіе положительнаго вѣры, а вмѣстѣ съ нею и твердой точки опоры для убѣжденій, несмотря на свой мрачный и радикальнѣйшій пессимизмъ, поэзія Лермонтова не производила, однако, на современниковъ и не производитъ на потомство удручающаго впечатлѣнія и чувствъ отчаянія и безнадежности, которыхъ, повидимому, можно было бы отъ нея ожидать по ея отрицательному направленію. Напротивъ того, дѣйствіе ея было какъ будто бы противоположное: она воспламеняла энтузіастовъ, вселяла скорѣе бодрость, а не малодушіе; она заставила признать Лермонтова прямымъ наслѣдникомъ лиры Пушкина, первымъ въ Россіи поэтомъ, ранняя смерть котораго оплакиваема была какъ народное бѣдствіе. Какъ согласовать эти кажущіяся противорѣчія?“

Критикъ указываетъ на *метафизическій элементъ* въ поэзіи Лермонтова, „обеспечивающій за нею прочное и могучее вліяніе, сообщающій ей чарующую прелесть“. Склонности къ мистицизму у Лермонтова не было, но „всѣми своими помысленіями онъ стремился къ сверхчувственному, къ недоступному для нашего ума, и больше жилъ въ этой угадываемой области, нежели въ мірѣ дѣйствительномъ“.

Исполнившееся 15 іюля 1891 г. пятидесятилѣтіе со дня смерти поэта внесло большое оживленіе въ Лермонтовскую литературу. Появились работы: П. В. Висковатова, Н. А. Котляревскаго, В. О. Ключевскаго, Н. К. Михайловскаго, О. П. Герасимова, Н. П. Дашкевича, П. В. Владимиrowa, и мн. др.

Въ послѣсловіи къ своему труду: „Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Жизнь и творчество“ П. А. Висковатовъ пишетъ:

„Желая дать по возможности полную біографію М. Ю. Лермонтова, — я собиралъ матеріаль для нея, начиная съ 1879 года. Я могъ однако заниматься только урывками. Тщательно слѣдя за малѣйшимъ извѣщеніемъ или намекомъ о какихъ-либо письменныхъ матеріалахъ или лицахъ, могущихъ дать свѣдѣнія о поэтѣ, я не только вступилъ въ обширную переписку, но и совершилъ множество поѣздокъ. Матеріаль оказался разсѣяннымъ отъ береговъ Волги до западной Европы, отъ Петербурга до Кавказа. Иногда поиски были безплодны, иногда увѣнчивались неожиданнымъ успѣхомъ. Исторія разыскиванія матеріаловъ этихъ представляетъ много любопытнаго и поучительнаго, и я предполагаю со временемъ описать испытанное мною. Случалось, что клочекъ рукописи, найденной мною въ Штутгартѣ, пополнялъ и объяснялъ, чтó случайно уцѣлѣло въ предѣлахъ Россіи. Труда своего я не пожалѣлъ; о достоинствѣ біографіи судить читателю. Я постарался прослѣдить жизнь поэта шагъ за шагомъ, касаясь творчества его въ связи съ нею. Необходимо было бы написать еще и подробное *критико-литературное* изысканіе о немъ. Тогда образъ Лермонтова, какъ человѣка и писателя, еще яснѣе вырѣзался бы изъ тумана различныхъ мнѣній и сужденій русскихъ и европейскихъ критиковъ. Каждый великій поэтъ и писатель

является продуктомъ не только жизни, но и литературныхъ токовъ, родныхъ и чужеземныхъ. Касаться токовъ этихъ въ своей книгѣ я могъ лишь слегка и намеками; это требуетъ особаго изученія и особаго труда*. (Стр. 449).

Въ книгѣ Висковатова много спорнаго и лишняго, мало критицизма и историко-литературной оцѣнки творчества Лермонтова, но по богатству и цѣнности биографическаго матеріала, собраннаго съ большою любовью къ поэту и самоотверженіемъ, трудъ этотъ никогда не потеряетъ своего интереса и своего значенія.

Наиболѣе цѣннымъ вкладомъ въ юбилейную литературу о Лермонтовѣ является книга Н. А. Котляревскаго—Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія *).

„Для всѣхъ, кто чутокъ къ красотѣ, кто склоненъ и любитъ думать объ ея смыслѣ и назначеніи въ нашей жизни, поэзія Лермонтова навсегда останется неизсякаемымъ родникомъ наслажденія и размышленія. Но въ ней есть и иная сила, столь же вѣчная, какъ ея красота. Въ художественную форму облекла эта поэзія цѣлый рядъ вопросовъ нравственнаго порядка,—вопросовъ, не только связанныхъ съ опредѣленнымъ историческимъ моментомъ нашей русской жизни, но связанныхъ вообще съ бытіемъ человѣка, поскольку человѣкъ мыслить и ощущаетъ себя не единственнымъ явленіемъ, а частью единаго цѣлаго, въ отношеніи къ которому у него есть и права, и обязанности. Лермонтовъ — изъ семьи моралистовъ, искателей нравственной истины. Чего онъ искалъ и какъ искалъ — вотъ вопросъ, на который авторъ настоящей книги желалъ бы отвѣтить“.

Въ стихахъ Лермонтова авторъ видитъ „плодъ *неустаннаго раздумья чело-вѣка надъ своимъ чувствомъ къ ближнему*“, „правдивый отголосокъ истинныхъ и глубокихъ душевныхъ страданій. Вездѣ, и въ поэмахъ и въ романахъ, и въ стихахъ слышится нота восторга и отчаянія, покрываемая иногда лишь пѣсною гнѣва. Ни радости, ни восторга не встрѣтимъ мы въ поэзіи Лермонтова — и это исключительное господство печальныхъ мотивовъ объясняется, помимо врожденной склонности поэта къ нимъ, также и той тяжелой душевной тревогой, какою онъ испытывалъ всю жизнь при беспокойной своей совѣсти. Лермонтовъ никогда собой доволенъ не былъ, ему всегда казалось, что вся его жизнь — неосмысленное и безцѣльное явленіе, стоящее въ прямомъ противрѣчій съ тѣмъ высокимъ представленіемъ о ней, которое очень рано сложилось въ его умѣ и сердцѣ; и на свою литературную дѣятельность Лермонтовъ смотрѣлъ также очень недовѣрчиво и грустно. Поэтъ страдалъ оттого, что не могъ найти цѣли и назначенія ни своей жизни, ни своему творчеству. Но въ чемъ же первопричина такого мучительнаго, неудовлетвореннаго состоянія духа, причина, не позволившая Лермонтову остановиться ни на одномъ

*) Въ 1912 году книга Н. А. Котляревскаго вышла въ новомъ (четвертомъ) исправленномъ и дополненномъ изданіи. Въ первыхъ десяти главахъ авторъ дѣлаетъ попытку обрисовать отдѣльные періоды въ развитіи міросозерцанія Лермонтова въ связи съ развитіемъ его таланта; въ 11-й („Лермонтовъ и литературное движеніе его эпохи“) выясняетъ прогрессивное историко-культурное значеніе поэзіи Лермонтова, а въ послѣдней (12-й) — отношеніе ея къ современнымъ литературнымъ направленіямъ, отражавшимъ помыслы и чувства тогдашняго образованнаго круга.

какомъ-нибудь произвольномъ рѣшеніи тревожившихъ его вопросовъ и заставлявшая его постоянно думать надъ задачей своей жизни, надъ своимъ великимъ призваніемъ, надъ необходимостью найти себѣ въ окружающей средѣ и мѣсто, и дѣло? Этотъ первоисточникъ душевныхъ страданій поэта, — чувство отвѣтственности передъ жизнью и сознание своей неразрывной связи съ тѣми, чьи печали и радости эту жизнь наполняютъ"... Другими словами, „родникомъ страданій Лермонтова была его недремлющая совѣсть, твердившая ему неустанно, что его жизнь не соответствуетъ его идеаламъ, его творчество — высокому понятію о поэзіи, его отношеніе къ людямъ — тому нравственному чувству, какое поэтъ ощущалъ въ себѣ, но никакъ не могъ оформить и философски обосновать... Лермонтовъ былъ истинный сынъ того XIX вѣка, который поставилъ этическую проблему жизни въ центръ всего мірозданія и такъ интенсивно трудился надъ ея рѣшеніемъ. Работа Лермонтова надъ самимъ собой была частичнымъ проявленіемъ одной общей работы, занимавшей умы и сердца всего культурнаго міра... Лермонтовъ не завѣщалъ людямъ ничего, кромѣ тревожныхъ, вѣчно красивыхъ образовъ, въ которыхъ воплотилось неустанное стремленіе и бореніе человѣческаго духа. Изнурительная душевная борьба приводила къ ряду вопросовъ, на которые не было устойчиваго отвѣта... сила вся уходила на поиски... Въ томъ видѣ, въ какомъ поэзія Лермонтова передъ нами, она — неразрѣшенный душевный диссонансъ“...

Обозрѣвая бѣгло всю литературную дѣятельность Лермонтова, мы вправѣ сказать, что онъ всю жизнь былъ пѣвцомъ своихъ личныхъ чувствъ, отражалъ міръ въ самомъ себѣ и занятъ былъ анализомъ этого отраженія больше, чѣмъ предметами, которые такой анализъ вызывали. Однако, несмотря на полную оторванность отъ дѣйствительности, узкую субъективность, оцѣнивающую явленіе жизни лишь въ ихъ отношеніи къ одной данной личности, неопредѣленность и сбивчивость въ своихъ конечныхъ взглядахъ на міръ и человѣка, — несмотря на все это, поэзія Лермонтова была, безспорно, настоящей „прогрессивной“ силой въ русскомъ обществѣ.

„Она отвергала всякій самодовольный покой духа, не позволяла людямъ засыпать въ довольствѣ настоящимъ, толкала ихъ впередъ, учила строгому суду надъ самимъ собою, и была въ ихъ глазахъ художественно воплощеннымъ принципомъ неустаннаго „стремленія“, т. е. призывнымъ, хоть и грозно-печальнымъ голосомъ, раздававшимся тогда среди, въ большинствѣ случаевъ, инертной и слабовольной массы. Это отрицаніе душевнаго покоя во имя творческой тревоги и постоянного самонаблюденія и есть тотъ общечеловѣчскій элементъ, который, помимо художественнаго, навсегда спасаетъ поэзію Лермонтова отъ забвенія“. „Пусть самые вопросы жизни, затронутые Лермонтовымъ, остались нерѣшенными и только намѣченными, одинъ тотъ фактъ, что они съ невиданной для того времени настойчивостью были пущены имъ въ оборотъ, сохранить навсегда за его поэзіей важное историко-культурное значеніе“.

Въ отношеніи къ другимъ, современнымъ ей, литературнымъ направленіямъ поэзія Лермонтова — совсѣмъ особое, исключительное явленіе. Въ лирическомъ настроеніи старшаго поколѣнія нѣтъ почти ничего, что предвѣщало бы столь быстрый и пышный расцвѣтъ такой тревожной поэзіи. Въ пѣсняхъ сверстниковъ также очень мало на нее откликовъ.

„Всѣ современныя ему пѣвцы своей печали и радости обнаружили... большую уравновѣшенность ума и сердца и большую нелюбовь ко всяческому волненію — идейному или сердечному. Мотивы протеста, титанических порывовъ, боренія духа были имъ чужды. Если въ пѣснѣхъ кого-либо изъ нихъ такіе мотивы встрѣчались, то они вытекали изъ условій личной жизни поэтовъ; и такіе случаи бывали очень рѣдки. Если же нѣкоторые изъ этихъ лириковъ отъ природы получали въ даръ способность волноваться, то они изъ всѣхъ силъ старались подавить въ себѣ это волненіе и неохотно ему уступали. Большинство же молодыхъ лириковъ совсѣмъ его не ощущало, и религіозное чувство, отвлеченная мысль и эстетическая эмоція водворяли въ ихъ душѣ желанный покой и гармонію... Одна только душа Лермонтова кипѣла въ неустанной борьбѣ, въ тревогѣ думъ и быстро смѣняющихся настроеній. Изъ всѣхъ сердецъ, лирически настроенныхъ, только его сердце, и ранѣе и сильнѣе другихъ, отозвалось на то броженіе нравственныхъ понятій и чувствъ, какимъ была полна его эпоха. Поэзія Лермонтова порывала съ міросозерцаніемъ старшаго поколѣнія и говорила ясно и ярко о томъ, какъ трудно рѣшаются нравственныя проблемы и сколь мучительной тревогой покупаются попытки всякаго пересмотра, всякой провѣрки установившихся взглядовъ на коренные вопросы жизни“.

(О книгѣ Н. А. Котляревскаго см. статью В. Спасовича въ „Вѣстникѣ Европы“ 1891 г., кн. XII, стр. 604—634).

В. О. Ключевскій. Грусть. („Русская Мысль“ 1891 г. кн. VII, стр. 1—18).

Въ поэзіи Лермонтова авторъ видитъ только настроеніе, безъ притязаній освѣтить міръ какимъ-либо философскимъ или поэтическимъ свѣтомъ, расширится въ цѣльное міросозерцаніе.

„У него не ищите того поэтического свѣта, какой бросаетъ поэтъ-философъ на мірозданіе, чтобы по своему освѣтить соотношеніе его частей, ихъ стройность или нескладницу, у него нѣтъ поисковъ смысла жизни; но въ ея явленіяхъ онъ искалъ своего собственного отраженія, которое помогло бы ему понять самого себя, какъ смотрятся въ зеркало, чтобы уловить выраженіе своего лица. Онъ высматривалъ себя въ разнообразныхъ явленіяхъ природы, подслушивалъ себя въ нестройной разноголосицѣ жизни, перебиралъ одинъ поэтический мотивъ за другимъ, чтобы угадать, который изъ нихъ есть его собственный, его природная поэтическая гамма, и, подбирая сродные звуки, поэтъ слилъ ихъ въ одно поэтическое созвучіе, которое было отзвукомъ его поэтического духа. Это созвучіе, эта лермонтовская поэтическая гамма — грусть, какъ выраженіе не общаго смысла жизни, а только характера личнаго существованія, настроенія единичнаго духа. Лермонтовъ — поэтъ не міросозерцанія, а настроенія, пѣвецъ *личной грусти*, а не *мировой скорби*“.

Лермонтовъ былъ поэтомъ грусти въ полномъ художественномъ смыслѣ этого слова: онъ создалъ грусть, какъ поэтическое настроеніе, изъ тѣхъ разрозненныхъ ея элементовъ, какіе нашелъ въ себѣ самомъ и въ доступномъ его наблюденію житейскомъ оборотѣ. Потому не психологію надобно призывать для объясненія его поэзіи, а его поэзія можетъ пригодиться для психологическаго изученія того настроенія, которое служило ей источникомъ. Грусть стала звучать въ пѣснѣхъ Лермонтова, какъ только онъ началъ пѣть:

И грусти ранняя на мнѣ печать.

Она проходитъ непрерывающимся мотивомъ по всей его поэзіи; сначала заглушаемая звуками, взятыми съ чужого голоса, она потомъ становится господствующею нотой, хотя и не освобождается вполнѣ отъ этихъ чуждыхъ звуковъ.

Источникъ грусти — не торжество нелѣпой дѣйствительности надъ разумомъ и не протестъ послѣдняго противъ первой, а торжество печальнаго сердца надъ своею печалью, примиряющее съ грустною дѣйствительностью. Грусть лишена счастья, не ждетъ, даже не ищетъ его и не жалуется:

У неба счастья не прошу
И молча зло переносу.

Какъ и подъ какими вліяніями сложилось такое настроеніе поэта?

Поэтическое развитіе Лермонтова, конечно, направлялось особенностями личнаго характера и воспитанія поэта и характеромъ среды, изъ которой онъ вышелъ и которая его воспитала. Изысканныя и тонкія чувства и мечтательныя страданія, черезъ которыя прошла поэзія Лермонтова, прежде чѣмъ нашла и усвоила свое настоящее настроеніе, теперь на многихъ, пожалуй, произведутъ впечатлѣніе досужихъ затѣй стараго барства, и нужно уже историческое изученіе, чтобы понять ихъ смыслъ и происхожденіе. Но самое настроеніе этой поэзіи совершенно понятно и безъ историческаго комментарія. „Основная струна его звучитъ и теперь въ нашей жизни, какъ звучала вокругъ Лермонтова. Она слышна въ господствующемъ тонѣ русской пѣсни — не веселомъ и не печальномъ, а грустномъ. Ея тону отвѣчаетъ и обстановка, въ какой она поется. Всмотритесь въ какой угодно пейзажъ русской природы: веселъ онъ или печалень? Ни то, ни другое: онъ грустенъ. Пройдите любую галерею русской живописи и вдумайтесь въ то впечатлѣніе, какое изъ нея выносите: весело оно или печально? Какъ будто немного весело и немного печально: это значитъ, что оно грустно. Вы усиливаетесь припомнить, что гдѣ-то было уже выражено это впечатлѣніе, что русская кисть на этихъ полотнахъ только иллюстрировала и воспроизводила въ подробностяхъ какую-то знакомую вамъ общую картину русской природы и жизни, произведшую на васъ то же самое впечатлѣніе, немного веселое и немного печальное, — и вспоминаете *Родину* Лермонтова... Это — русское настроеніе, не восточное, не азіатское, а національное русское. На Западѣ знаютъ и понимаютъ эту *резиньяцію*, но тамъ она — спорадическое явленіе личной жизни и не переживалась, какъ народное настроеніе. На Востокѣ къ такому настроенію примѣшивается вялая, безнадежная опущенность мысли и изъ этой смѣси образуется грубый психологическій составъ, называемый фатализмомъ. Народу, которому пришлось стоять между безнадежнымъ Востокомъ и самоувѣреннымъ Западомъ, досталось на долю выработать настроеніе, проникнутое надеждой, но безъ самоувѣренности, а только съ вѣрой. Поэзія Лермонтова, освобождаясь отъ разочарованія, навѣяннаго жизнью свѣтскаго общества, на послѣдней ступени своего развитія близко подошла къ этому національно-религіозному настроенію, и его грусть начала пріобрѣтать отгѣнокъ поэтической резиньяціи, становилась художественнымъ выраженіемъ того стиха мо-

литвы, который служитъ формулой русскаго религіознаго настроенія: *да будетъ воля Твоя*. Никакой христіанскій народъ своимъ бытомъ, всею своею исторіей не прочувствовалъ этого стиха такъ глубоко, какъ русскій, и ни одинъ русскій поэтъ доселѣ не былъ такъ способенъ глубоко проникнуться этимъ народнымъ чувствомъ и дать ему художественное выраженіе, какъ Лермонтовъ*.

(По поводу статьи Ключевского см. статью И. Иванова „Лермонтовскій вопросъ“—въ „Русск. Вѣдомост.“ 1891 г., 18 окт.).

С. А. Андреевскій. Лермонтовъ. Характеристика. („Литературныя чтенія“. Спб. 1891. Изд. 2, стр. 217 — 250. Ср. П. Перцовъ. „Философскія теченія русской поэзіи“. Спб. 1896 г., стр. 131 — 149).

Признавая въ произведеніяхъ Лермонтова чрезвычайную близость ихъ интересамъ дѣйствительности, критикъ останавливается не на реальной сторонѣ таланта поэта, а на сверхчувственной, болѣе глубокой и менѣе изслѣдованной. Исключительная особенность Лермонтова состояла въ томъ, что въ немъ соединялось глубокое пониманіе жизни съ громаднымъ тяготѣніемъ къ сверхчувственному міру. Въ исторіи поэзіи едва ли сыщется другой подобный темпераментъ. Нѣтъ другого поэта, который бы такъ явно считалъ небо своей родиной и землю — своимъ изгнаніемъ. Смѣлое, вполнѣ усвоенное Лермонтовымъ, родство съ небомъ даетъ ключъ къ пониманію и его жизни, и его произведеній. Неизбѣжность высшаго міра проходить полнымъ аккордомъ черезъ всю лирику Лермонтова. Онъ самъ весь пропитанъ кровною связью съ надзвѣзднымъ пространствомъ. Здѣшняя жизнь — ниже его. Онъ всегда презираетъ ее, тяготится ею. Его душевныя силы, его страсти — громадны, не по плечу толпѣ; все ему кажется жалкимъ, на все онъ взираетъ глубокими очами вѣчности, которой онъ принадлежитъ; онъ съ ней разстался на время, но непрестанно и безутѣшно по ней тоскуетъ. Его великая и пылкая душа была какъ бы занесена сюда для „печали и слезъ“, всегда здѣсь „томилась“, и

Звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Все этимъ объясняется. Объясняется, почему ему было „и скучно, и грустно“, почему любовь только раздражала его, ибо „вѣчно любить невозможно“; почему ему было легко лишь тогда, когда онъ твердилъ какую-то чудную молитву, когда ему вѣрилось и плакалось; почему морщины на его челѣ разглаживались лишь въ тѣ минуты, когда „въ небесахъ онъ видѣлъ Бога“, почему онъ благодарилъ Его за „даръ души, растроченный въ пустынь“, и просилъ поскорѣе избавить отъ благодарности, почему, наконецъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній онъ воскликнулъ съ увѣренностью ясновидца:

Но я безъ страха жду довременный конецъ:
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.

Это былъ человѣкъ гордый и въ то же время огорченный своимъ божественнымъ происхожденіемъ, съ глубокимъ сознаніемъ котораго ему пришлось страствовать по землѣ, гдѣ все казалось ему такъ доступнымъ для

его ума и такъ гадкимъ для его сердца. Сожительство въ Лермонтовѣ безсмертнаго и смертнаго челоѣка составляло всю горечь его существованія, обусловило весь драматизмъ, всю привлекательность, глубину и ѣдкость его поэзіи. Какъ поэтъ, явно недовольный жизнью, Лермонтовъ давно причисленъ къ пессимистамъ. Но это пессимистъ совершенно особенный, существующій въ единственномъ экземплярѣ. Въ Лермонтовѣ живутъ какіе-то затаенные идеалы, его взоры всегда обращены къ какому-то иному, лучшему міру. Что воспѣваетъ Лермонтовъ? То же самое, что и всѣ другіе поэты, разочарованные жизнью. Но у другихъ вы слышите минорный тонъ, жалобы на то, что молодость исчезаетъ, что любовь непостоянна, что всему грозитъ неумолимый конецъ, — словомъ, вы встрѣчаете пессимизмъ безсильнаго унынія. У Лермонтова, наоборотъ, ко всему этому слышится презрѣніе. Онъ будто говорить: „все это глупо, ничтожно, жалко,—но только я-то для всего этого не созданъ!“ . . . — „Жизнь — пустая и глупая шутка“ . . . — „Къ ней, должно быть, гдѣ-то существуетъ какое-то дополненіе: иначе вселенная была бы комкомъ грязи“ . . . И съ этимъ убѣжденіемъ онъ бросаетъ свою жизнь, безъ надобности, шутя, подъ первой пріятельской пулей . . . И такъ, лермонтовскій пессимизмъ есть *пессимизмъ силы, гордости, пессимизмъ божественнаго величія дуга*.

Н. К. Михайловскій. Герой безвременья. („Русск. Вѣдомости“ 1891 г., №№ 192 и 216. Ср. Сочиненія, т. V, стр. 303—47).

Основной мотивъ Лермонтовской поэзіи, ту центральную ея точку, которая всего чаще и глубже занимала поэта и къ которой прямо или косвенно сводятся, если не всѣ, то большинство его произведеній, критикъ находитъ въ области героизма. Съ ранней молодости, можно сказать, съ дѣтства, и до самой смерти мысль и воображеніе Лермонтова были направлены на психологію прирожденнаго властнаго, челоѣка, на его печали и радости, на его судьбу, то блестящую, то мрачную.

„Дѣйствовать, бороться, покорять сердца, такъ или иначе оперировать надъ душами ближнихъ и дальнихъ, любимыхъ и ненавидимыхъ, — таково призваніе или коренное требованіе натуры всѣхъ выдающихся дѣйствующихъ лицъ произведеній Лермонтова, да и его самого. Имъ было бы совершенно дико и непонятно то преувеличенное почтеніе къ мысли, идеѣ, теоріи, которое получило такое яркое выраженіе въ знаменитомъ „я мыслю, слѣдовательно существую“ Декарта, равно какъ и многія другія блестящія страницы исторіи философіи. „Я мыслю“ — изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Мысль, идея есть лишь зачатокъ дѣйствія и сама по себѣ отнюдь не можетъ служить доказательствомъ или мѣриломъ существованія. Существованіе самой мысли еще нуждается въ доказательствѣ, которое дается лишь обнаруженіемъ ея въ дѣйствіи. Припомните слова Печорина: „идея зла не можетъ войти въ голову челоѣка безъ того, чтобы онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи — созданья органическія, ихъ рожденіе уже даетъ имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе“. Таковъ, по Лермонтову, естественный строй душевной жизни, и это возрѣніе весьма близко въ тому, которое становится господствующимъ въ современной психофизиологіи. Лермонтовъ дошелъ до него путемъ логическихъ выкладокъ или систематическаго изученія; онъ прочелъ его готовымъ въ своей собственной душѣ, которой была инстинктивно

противна половинчатая жизнь замкнутой мысли, не завершённой дѣйствіемъ. Столь же чуждо Лермонтову было и замкнутое, самодовлѣющее художественное творчество. При всей его горячей любви и глубокомъ уваженіи къ Пушкину, онъ никогда не подписался бы подъ извѣстную поэтическую profession de foi своего старшаго брата по искусству: „не для житейскаго волненія... не для битвъ, мы рождены для вдохновенія, для звуковъ сладкихъ и молитвъ“. Лермонтовъ желалъ, напротивъ, чтобы „мѣрный звукъ его могучихъ словъ воспламенялъ бойца для битвы“, чтобы его стихъ, какъ божій духъ, носился надъ толпой и отзывъ мыслей благородныхъ звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой въ дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.

Но если естественный строй душевной жизни требуетъ превращенія мысли въ дѣйствіе, то въ дѣйствительности мы видимъ постоянныя нарушенія этого закона. Неудивительно поэтому, что значительная часть Лермонтовской поэзіи отличается рѣзко отрицательнымъ тономъ. На каждомъ шагу наталкивался онъ на разнообразныя формы отлученія мысли отъ дѣла или дѣла отъ мысли и, оскорбленный въ коренномъ требованіи своей натуры, металъ направо и налево свой „железный стихъ, облитый горечью и злостью“...

Лермонтовъ — *настоящій герой безвременья.*

„Вся жизнь его протекла въ условіяхъ, совершенно неблагоприятныхъ для пріисканія дѣятельности, сколько-нибудь его достойной, за исключеніемъ, разумѣется, поэзіи, въ которую онъ и вкладывалъ свою уязвленную душу. Отсюда мрачные мотивы и мрачный тонъ этой поэзіи. Въ придачу къ тяжкимъ впечатлѣніямъ дѣтства, быть можетъ и преувеличеннымъ пылкостью воображенія и болѣзненною чуткостью поэта, въ пору сознательной жизни являлось еще нѣчто въ родѣ мукъ Прометей, у котораго печень вновь выростаётъ по мѣрѣ того, какъ ее клюётъ коршунъ... Даже въ юнкерской школѣ, среди веселаго разгула и непростойнхъ упражненій въ поэзіи, Лермонтовъ внутренне угрызался и тосковалъ. И такъ было всю жизнь. Становясь на Кавказѣ во главѣ чего-то въ родѣ шайки башибузуковъ, онъ находилъ нѣкоторое удовлетвореніе, которое самъ сравниваетъ съ ощущеніями азартной игры; но это лишь увлеченіе минуты, за которымъ слѣдуетъ горькое раздумье и разочарованіе. Слепая сила его собственной природы стихійно побуждала его дерзать и владѣть гдѣ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, а голосъ разума и совѣсти клеймилъ эту жизнь печатью пошлости и пустоты. Но опять, при первомъ удобномъ случаѣ, при новой встрѣчѣ съ женщиной, при столкновеніи съ новымъ обществомъ, жажда дерзать и владѣть выступала впередъ, и опять голосъ разума и совѣсти говорилъ: не то! не таково должно быть поле дѣятельности для „необъятныхъ силъ!“ Немудрено, что въ душѣ поэта вспыхивали зловѣщія огни отчаянія и злого, мстительнаго чувства. Немудрено, что жизнь казалась ему временами „пустою и глупою шуткой...“

(См. также „Отечествен. Записки“ 1880 г., кн. IV, стр. 337—43, и Литература и жизнь. СПб. 1892, стр. 244—25).

Н. П. Дашкевичъ. Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова. („Чтенія въ Ист. Общ. Нестора лѣтописца“, кн. VI, отд. II, стр. 231—252).

Самыя разнородныя связи соединяли творчество Лермонтова съ поэзією

Запада. Это не препятствовало однако нашему поэту горячо отзываться на нужды родной земли и вмѣстѣ стать оригинальнымъ выразителемъ національныхъ основъ и собственныхъ могучихъ душевныхъ порывовъ. Какъ истинно даровитый поэтъ, Лермонтовъ воспринималъ изъ общечеловѣческаго творчества то, что подходило къ его личному мировоззрѣнію и настроенію и уясняло послѣднее, и часто лишь вдохновлялся заимствованною общею идеею къ созданію своеобразныхъ новыхъ построеній. Такимъ образомъ, и творчество Лермонтова подтверждаетъ общее наблюденіе, по которому поэзія вѣчно обновляется, преобразуя старія концепціи и сообщая имъ новый смыслъ.

Его же. Демонъ въ міровой поэзіи — тамъ же, кн. VII, стр. 182—253.

Когда Лермонтовъ принялся за первые наброски своей поэмы, онъ зналъ уже и неукротимо гордаго Мильтонова Сатану, сатану-революціонера, который предпочелъ царство въ аду рабству на небѣ, и Байроновскаго Люцифера, вѣчнаго врага Божія: и тотъ и другой величавы и въ самомъ паденіи не утратили первой красоты. Оттуда-то, вѣроятно, чудная и вмѣстѣ страшная краса того демона, образъ котораго рано началъ тревожить душу поэта. Зналъ Лермонтовъ и язвительнаго насмѣшника Мефистофеля, и демона, который являлся Пушкину. Были извѣстны Лермонтову далѣе и нѣкоторые другіе литературные образы демона. Юный поэтъ не убоился состязанія съ корифеями творчества и вышелъ изъ этого состязанія съ торжествомъ, которое тѣмъ значителнѣе, что сюжетъ, которымъ онъ занялся, представлялъ особія трудности въ нашъ вѣкъ нерасположенія къ символизму въ поэзіи. Чѣмъ впервые было обращено вниманіе Лермонтова на сказаніе о любви демона къ смертной, притомъ обреченной себя на служеніе Богу и соблюденіе дѣвства, — мы точно не знаемъ. Мы должны лишь ограничиться предположеніемъ, которое кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ, именно — что исходнымъ пунктомъ поэмы Лермонтова о демонѣ были произведенія сроднаго содержанія, не задолго до того явившіяся въ западной литературѣ; разумѣемъ поэмы: „Éloa“ Альфреда де-Виньи и въ особенности „The loves of the angels“ Томаса Мура. Что до мистерій Байрона „Каинъ“, изъ которой заимствованъ эпиграфъ ко второму очерку „Демона“, „Небо и земля“ и драматической поэмы „Манфредъ“, то онѣ, какъ и нѣкоторыя другія произведенія, оказали второстепенное вліяніе на замыселъ Лермонтова рѣзкимъ выраженіемъ того общаго пессимистическаго взгляда на міръ и жизнь людей, которымъ пропитаны Каинъ, Люциферъ, Манфредъ и большая часть дѣйствующихъ лицъ мистерій „Небо и земля“, и представителемъ котораго въ поэмѣ Лермонтова является демонъ. Такимъ образомъ „Демонъ“ Лермонтова составляетъ творческій славъ мотивовъ, оставшихся въ воображеніи автора отъ впечатлнѣй, произведенныхъ цѣлымъ рядомъ произведеній, съ которыми ознакомился поэтъ; при этомъ главнымъ источникомъ вдохновенія было сближеніе, въ которомъ поэтъ приравнивалъ себя къ демону, подобно послѣднему хватаясь за свою любовь, какъ за единственный выходъ изъ демоническаго пессимизма.

О. П. Герасимовъ. Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ. („Вопросы философіи и психологіи“, кн. III, стр. 1—44).

Авторъ дѣлаетъ попытку установить основные моменты или стадіи въ развитіи внутренней жизни и творчества поэта.

Очень рано, еще въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ, Лермонтовъ видитъ

полное несоотвѣтствіе дѣйствительной жизни съ своими ожиданіями и разочаровывается, какъ въ себѣ, такъ и въ окружающихъ людяхъ, хотя несомнѣнно, что въ это время главную роль играетъ разочарованіе въ окружающихъ, а не въ себѣ. Потому, съ 1831 года, основной причиной мученій поэта является онъ самъ, его собственные недостатки, которые мѣшали ему самому осуществить въ своей жизни нравственныя стремленія, рано въ немъ пробудившіяся; и это разочарованіе въ себѣ, это недовольство собою, начинается мало по малу какъ-бы заслонять разочарованіе въ другихъ людяхъ, недовольство окружающими. Наконецъ, зарождается сомнѣніе въ существованіи въ человѣческой природѣ еще чего-нибудь, кромѣ эгоизма. Съ этого времени разочарованіе въ себѣ и окружающихъ, т. е. мучительное сознаніе, что ни онъ самъ, ни всѣ другіе, съ нимъ живущіе, не удовлетворяютъ тѣмъ нравственнымъ требованіямъ, которыя онъ считалъ необходимымъ предъявлять человѣку, начинаетъ мало по малу переходить у него въ принципиальное безусловное отрицаніе существованія чего-нибудь въ природѣ человѣка, что соотвѣтствовало бы этимъ требованіямъ, начинается переходить у него въ признаніе безусловнаго господства зла въ жизни и въ людяхъ. Мучительное сознаніе безцѣльности и бесплодности всей своей жизни — вотъ та главная нога, которая звучитъ во всѣхъ произведеніяхъ данного періода жизни Лермонтова.

Не видя въ жизни смысла ни въ ея прошломъ, ни въ ея будущемъ, ни въ ея настоящемъ, поэтъ долженъ былъ сказать:

„И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ —
Такая пустая и глупая шутка“.

Такая была рѣзкая, беспощадная критика, таковъ былъ окончательный, безусловный приговоръ Лермонтова надъ жизнью, въ которой подавлены всѣ нравственныя стремленія человѣческой природы и всѣ усилія употреблены на погоню за волненіями и на удовлетвореніе всевозможныхъ эгоистическихъ инстинктовъ. Какое дальнѣйшее теченіе могла бы принять жизнь поэта, этого двадцатилѣтняго титана, — навсегда останется тайной. Несомнѣнно только одно, что если-бы ему суждено было продолжать свою жизнь и если-бы онъ вступилъ въ новый фазисъ своего развитія, онъ всетаки сохранилъ бы то глубоко коренившееся въ его натурѣ нравственное чувство, которое вначалѣ не дало ему возможности примириться спокойно съ господствующимъ зломъ, а потомъ, — когда онъ пришелъ къ убѣжденію, что въ жизни „добродѣтель лишь названіе“ и подавилъ вслѣдствіе этого дорогія для него стремленія, какъ пустая мечта, — не дало ему возможности потонуть въ наслажденіяхъ, а привело его къ убѣжденію, что такая жизнь есть не что иное, какъ „пустая и глупая шутка“.

П. В. Владиміровъ. Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова. Кіевъ. 1892. (Оттискъ изъ VI-й книги „Чтеціи въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца“).

Слѣдя за зарожденіемъ и постепеннымъ развитіемъ историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетовъ у Лермонтова, можно видѣть, какъ отъ подражательныхъ опытовъ, отъ неяснаго представленія о русскомъ народномъ стилѣ, о народномъ бытѣ и исторіи, поэтъ перешелъ къ замѣчательному воспроизведенію историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетовъ, — отчасти

путемъ изученія русской народной поэзіи и исторіи, отчасти путемъ сближенія съ народною жизнью. Выборъ сюжетовъ колебался у Лермонтова между исторіей, военнымъ бытомъ и болѣе широкимъ захватомъ народной жизни. Изъ этихъ сюжетовъ наиболѣе удалось Лермонтову овладѣть эпохой Іоанна Грознаго, и „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ до сихъ поръ остается выдающимся произведеніемъ въ исторіи русской поэзіи. Конечно, значеніе „Пѣсни“ уже не имѣетъ для насъ исключительнаго историческаго интереса, такъ какъ научное изученіе русской исторіи далеко ушло въ настоящее время отъ тѣхъ немногихъ, важныхъ въ свое время, пособій, которыми располагалъ поэтъ. „Пѣсня“ о Калашниковѣ имѣетъ для насъ значеніе, какъ высоко-художественное произведеніе, замѣчательно совпадающее съ русской народной поэзіей, съ ея духомъ, съ ея формой. Эта „Пѣсня“ и другіе народно-бытовые сюжеты Лермонтова относятся къ той разросшейся полосѣ въ русской литературѣ, къ которой принадлежатъ предшествующія Лермонтову произведенія Пушкина и современныя нашему поэту—повѣсти Гоголя, пѣсни Кольцова. Если послѣ Гоголя мы знаемъ блестящихъ преемниковъ въ области романа, повѣсти, сатиры и драмы, то въ незначительномъ затрудненіи очутимся мы, отыскивая въ послѣдующей литературѣ ближайшихъ преемниковъ Лермонтова въ воспроизведеніи историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетовъ.

Изъ менѣе значительныхъ юбилейныхъ работъ о Лермонтовѣ отмѣтимъ:

В. Острогорскій. Мотивы Лермонтовской поэзіи—„Русск. Мысль“ 1891 г., кн. I и II. (Ср. „Этюды о русскихъ писателяхъ“. Изд. 2-е 1910 г.).

Н. Стороженко. Женскіе типы, созданные Лермонтовымъ—„Русскія Вѣдомости“ 1891 г., № 104.

Его-же. Памяти Лермонтова—тамъ же, № 192. (Ср. „Изъ области литературы“. М. 1902 г., стр. 351—372).

С. Южакъ. Любовь и счастье въ произведеніяхъ русской поэзіи—„Сѣверн. Вѣстникъ“ 1887 г., № 2, стр. 125—179.

В. П. Авенаріусъ. М. Ю. Лермонтовъ. Біографическій очеркъ—„Родникъ“ 1891 г., №№ 7 и 8.

А. Александровъ. Памяти М. Ю. Лермонтова—„Московск. Вѣдомости“ 1891 г., № 193.

С. С. Арнольди. Тогда и теперь. („Кому принадлежитъ будущее?—Изъ рукописей 90-хъ годовъ“. Москва, 1905 г., стр. 160—93).

П. Быковъ, М. Ю. Лермонтовъ—„Всемирная Иллюстрація“ 1891 г., т. XLVI, № 3.

Мих... Бор... нъ. Памяти М. Ю. Лермонтова. Его личность и поэзія. (Отд. оттискъ изъ журнала „Благовѣстъ“).

А. К. Бороздинъ. Лермонтовъ. Характеристика. СПб. 1891.

П. Герцо-Виноградскій. Лермонтовъ и его поэзія—„Одесскій Вѣстникъ“ 1891 г., № 182.

К. Говоровъ. М. Ю. Лермонтовъ—приложеніе къ газетѣ „День“ 1891 г., кн. VII, 3—62.

Ю. Елагинъ. Литературно-критическіе очерки. VI. М. Ю. Лермонтовъ—„Русск. Вѣстникъ“ 1891 г., кн. VIII, стр. 285—299.

И. Ивановъ. Послѣдніе дни Лермонтова—„Русск. Вѣдомости“ 1891 г., № 192.

Его же. Мотивы разочарованія въ Лермонтовской поэзіи — тамъ же, № 113.

Его же. Лермонтовъ какъ драматургъ — „Артистъ“ 1891 г., № 15, стр. 42—47.

П. А. Виноградовъ. Свѣтлые мотивы въ поэзіи Л—ва. Москва, 1891.

Его же. М. Ю. Лермонтовъ — „Календарь Лицея цесаревича Николая въ Москвѣ на 1898 г.“ II, 162—177.

Ф. В — гъ. — „Русская жизнь“ 1891 г., 9 іюля.

Е. Ѳ. Карскій. Памяти М. Ю. Лермонтова. Вильна 1891.

А. И. Львовичъ-Кострица. Пятидесятилѣтіе со дня смерти М. Ю. Лермонтова—„Сѣверъ“ 1891 г., № 28.

А. Михайловъ. Памяти М. Ю. Лермонтова—„Живописное Обзорѣніе“ 1891 г., № 28.

П. О. Морозовъ. М. Ю. Лермонтовъ—книжки „Недѣли“ 1891 г., іюль, стр. 5—22.

Е. Некрасова. М. Ю. Лермонтовъ. М. 1891.

Ю. Николаевъ. Нѣсколько замѣчаній о Лермонтовѣ—„Московск. Вѣдомости“ 1891 г., № 193.

П. Никольскій. М. Ю. Лермонтовъ и его литературная дѣятельность. Тула 1899.

Н. — скій. Лермонтовъ — „Сотрудникъ“ 1891 г., № 8, стр. 13—16.

Н. М. Ю. Лермонтовъ въ его историческомъ и литературномъ значеніи— „Новое Время“ 1891 г., № 5522 (15 іюля).

Е. В. Пѣтуховъ. Нѣсколько замѣчаній о лицахъ въ Лермонтовской поэзіи — „Историч. Вѣстникъ“ 1891, кн. X, стр. 137—48.

А. Скабичевскій. Память великаго поэта русской земли М. Ю. Лермонтова „Новости“ 1891 г., № 193.

П. Скриба. Къ 50-й годовщинѣ смерти М. Ю. Лермонтова—„Новости“ 1891 г., №№ 178, 184, 189.

К. Тр-н-кій. М. Ю. Лермонтовъ—„Сѣверн. Вѣстникъ“ 1891 г., августъ и декабрь.

В. Чуйко. Лермонтовъ какъ человѣкъ—„Всемирн. Иллюстр.“ 1891 г., т. XLVI, № 3.

Его же. Мѣсто Лермонтова во всемирной литературѣ—„Одесск. Листокъ“ 1891 г., № 182.

Довольно много статей и замѣтокъ появилось къ 60-лѣтію кончины Лермонтова, въ 1901 г.: В. В. Розанова („Нов. Время“, №№ 9109 и 9146), А. Сакмарова („Новости“, № 192), Сигмы („Нов. Время“, № 9060: „Лермонтовъ какъ націоналистъ“), Н. И. Черняева („Южный Край“, №№ 6891—6933. Ср. №№ 3618. 3620—43 за 1891 г.), Чешихина-Вѣтринскаго („Журналъ для всѣхъ“, № VIII), и др.

Семидесятилѣтіемъ со дня кончины поэта, въ 1911 году, вызваны статьи Н. О. Лернера („Рѣчь, № 191: „Тяжелый человѣкъ“; „Солнце Россіи“, № 38: „Другъ людей и вѣчности“), П. Перцова („Новое Время“, № 12693), Б. Са-

довскаго („Русск. Мысль“ 1912 г., кн. VII: „Трагедія Лермонтова“. Подъ многообъщающимъ заглавіемъ претенціозна статья г. Садовскаго не даетъ ничего новаго для характеристики Лермонтова и его творчества; по мѣстамъ видна недостаточная освѣдомленность въ біографіи поэта; встрѣчаются и внутреннія противорѣчія), Д. Я. Верховца и Е. П. Осипова („Кавказскій Край“, №№ 143 и 156. Памяти Лермонтова посвящены также № 159 „Кавказскаго Края“ и № 7 „Кавказскихъ Курортовъ“ за 1912 г.).

Изъ позднѣйшей критической литературы о Лермонтовѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ публичныя лекціи В. С. Соловьева и Д. С. Мережковскаго, монографія Е. Дюшена, статьи и очерки В. В. Розанова, К. Д. Бальмонта, Р. В. Иванова-Разумника.

Владиміръ Соловьевъ. Лермонтовъ (въ „Вѣстникъ Европы“ 1901 г., кн. II, стр. 441—459. Публичная лекція, читанная въ Петербургѣ, 17 февраля 1899 г.).

Передъ гениемъ Судьба или высшій Разумъ ставятъ дилемму: если ты считаешь за собою сверхчеловѣческое призваніе, исполни необходимое для него условіе, подними дѣйствительность, поборовши въ себѣ то злое начало, которое тянетъ тебя внизъ. А если ты чувствуешь, что оно настолько сильнѣе тебя, что ты даже бороться съ нимъ отказываешься, то признай свое безсиліе, признай себя простымъ смертнымъ, хотя и гениально одареннымъ. Вотъ, кажется, безусловно разумная и справедливая дилемма: или стань дѣйствительно выше другихъ, или будь скромнымъ. А кто не желаетъ принять этой дилеммы и безумно возстаегъ противъ такихъ азбучныхъ требованій разума, какъ противъ какой-то обиды,—кто не можетъ подняться и не хочетъ смириться—тотъ самъ себя обрекаетъ на неизбѣжную гибель. Съ раннихъ лѣтъ ощутивъ въ себѣ силу генія, Лермонтовъ принялъ ее только какъ право, а не какъ обязанность, какъ привилегію, а не какъ службу. Онъ думалъ, что его гениальность уполномочила его требовать отъ людей и отъ Бога всего, что ему хочется, не обязывая его относительно ихъ ни къ чему. Сознавая въ себѣ отъ раннихъ лѣтъ гениальную натуру, задатокъ сверхчеловѣка, Лермонтовъ также рано сознавалъ и то злое начало, съ которымъ онъ долженъ былъ бороться, но которому удалось, вмѣсто борьбы, вызвать поэта лишь на идеализацію его. Насколько высока была степень природенной гениальности Лермонтова, настолько же низка была степень его нравственнаго усовершенствованія. Осталось отъ Лермонтова нѣсколько истинныхъ жемчужинъ его поэзіи, почитать которыя могутъ только извѣстныя животныя; осталось, къ несчастью, въ произведеніяхъ его и слишкомъ много сроднаго этимъ самымъ животнымъ, а главное, осталась обуявшая соль его генія, которая, по слову Евангелія, дана на поправаніе людямъ. Могутъ и должны люди почитать обуявшую соль этого демонизма съ презрѣніемъ и враждою, конечно, не къ погибшему генію, а къ погубившему его началу челоуѣкоубійственной жи. Лермонтовъ ушелъ съ бременемъ неисполненнаго долга—развить тотъ задатокъ великолѣпный и божественный, который онъ получилъ даромъ. Онъ былъ призванъ сообщить намъ, своимъ потомкамъ, могучее движеніе впередъ и вверхъ къ истинному

сверхчеловѣчеству, — но этого мы отъ него не получили. Съ бременемъ неисполненнаго призванія связано у Лермонтова еще другое тяжкое бремя. Облекая въ красоту формы ложныя мысли и чувства, онъ дѣлалъ и дѣлаетъ еще ихъ привлекательными для неопытныхъ, и если хотъ одинъ изъ малыхъ сихъ вовлеченъ имъ на ложный путь, то сознаніе этого теперь уже невольнаго и яснаго для него грѣха должно тяжелымъ камнемъ лежать на душѣ его. Обличая ложь воспѣтаго имъ демонизма, только останавливающаго людей на пути къ ихъ истинной сверхчеловѣческой цѣли, мы подрываемъ эту ложь и уменьшаемъ хотъ сколько-нибудь тяжесть, лежащую на этой великой душѣ.

Первой и основной особенностью Лермонтовскаго генія критикъ считаетъ страшную напряженность и сосредоточенность мысли на себѣ, на своемъ я, страшную силу личнаго чувства; другая особенность, стоящая во внутренней зависимости отъ первой,—это способность переступать въ чувствѣ и созерцаніи черезъ границы обычнаго порядка явленій и схватывать запредѣльную сторону жизни и жизненныхъ отношеній. Необычная сосредоточенность Лермонтова въ себѣ давала его взгляду остроту и силу, чтобы иногда разрывать сѣть виѣшней причинности и проникать въ другую, болѣе глубокую связь существующаго, — это была способность пророческая; и если Лермонтовъ не былъ ни пророкомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, ни такимъ прорицателемъ, какъ его предокъ Тома Риэмачъ, то лишь потому, что онъ не давалъ этой своей способности никакого объективнаго примѣненія. Онъ не былъ *занятъ* ни міровыми историческими судьбами своего отечества, ни судьбою своихъ ближнихъ, а единственно только своею собственной судьбой, — и тутъ онъ, конечно, былъ болѣе пророкомъ, чѣмъ кто-либо изъ поэтовъ.

Д. С. Мережковскій. Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества. Изд. „Пантеонъ“. СПб. 1909.

Сравнивая Лермонтова съ Пушкинымъ, Мережковскій находитъ, что Пушкинъ — дневное, Лермонтовъ — ночное свѣтило русской поэзіи. Вся она между ними колеблется, какъ между двумя полюсами — созерцаніемъ и дѣйствіемъ. У Пушкина жизнь стремится къ поэзіи, дѣйствіе къ созерцанію; у Лермонтова поэзія стремится къ жизни, созерцаніе — къ дѣйствію. На первый взглядъ можетъ казаться, что русская литература пошла не за Пушкинымъ, а за Лермонтовымъ, захотѣла быть не только эстетическимъ созерцаніемъ, но и пророческимъ дѣйствіемъ — „глаголомъ жечь сердца людей“. Стоитъ однако взглянуть пристальнѣе, чтобы увидѣть, какъ пушкинская чара усыпляетъ буйную стихію Лермонтова:

И на бунтующія волны
Льетъ усмирительный елей.

Въ началѣ — буря, а въ концѣ — тишь да гладь. Тишь да гладь — въ созерцательномъ аскетизмѣ Гоголя, въ созерцательномъ эстетизмѣ Тургенева, въ православной реакціи Достоевскаго, въ буддійскомъ недѣланьи Л. Толстого. Лермонтовская дѣйствительность вѣчно борется съ Пушкинской созерцательностью, вѣчно ею побѣждается и сейчасъ побѣждена какъ будто окончательно, раздавлена. Вотъ одна изъ причинъ того, что о Пушкинѣ говорили много и

кое-что сказали, о Лермонтовѣ говорили мало и ничего не сказали; одна изъ причинъ того, что пушкинское вліяніе въ русской литературѣ кажется почти всѣмъ, лермонтовское — почти ничѣмъ. Другая причина того же указана въ статьѣ Вл. Соловьева о Лермонтовѣ, недаромъ предсмертной — какъ бы духовномъ завѣщаніи учителя ученикамъ.

Глубочайшая метафизическая сущность русской литературы, какъ и всей русской дѣйствительности, это — созерцательная бездѣйственность, „безпорывность нашей природы“, которую прославилъ въ Пушкиниѣ сначала Гоголь, а затѣмъ Достоевскій: „смирись, гордый человекъ!“ Это Пушкинское начало, кажется, именно сейчасъ достигло своего предѣла, побѣдило окончательно и, побѣдивъ, изнемогло. Пушкинское солнце закатилось въ кровавую бурю. Когда же и буря прошла, наступила слякоть, сѣрые петербургскія сумерки —

Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ.

И рыщеть въ этихъ сумеркахъ единственный дѣятель среди всеобщаго созерцанія — Натъ Пинкертонъ, вѣчный провокаторъ, „самый обыкновенный чортъ съ хвостомъ датской собаки“. Какъ лунатики, мы шли во снѣ и очнулись на краю бездны. Что же привело насъ къ ней? Созерцаніе безъ дѣйствія, молитва безъ подвига, великая литература безъ великой исторіи — это никакому народу не прощается — не простилось и намъ. На этой-то страшной мертвой точкѣ, на которой мы сейчасъ находимся, не пора ли вспомнить, что въ русской литературѣ, русской дѣйствительности, кромѣ услышаннаго призыва: смирись, гордый человекъ, — есть и другой неслышанный: возстань, униженный человекъ, — кромѣ послѣдняго смиренія есть и послѣдній бунтъ, кромѣ Пушкина есть и Лермонтовъ? Одинъ единственный человекъ въ русской литературѣ, до конца не смирившійся, — Лермонтовъ. Потому ли, что не успѣлъ смириться? — Едва-ли. Источникъ Лермонтовскаго бунта — не эмпирической, а метафизической. Если бы продолжить этотъ бунтъ въ безконечность, онъ, можетъ быть, привелъ бы къ иному, болѣе глубокому, истинному смиренію, но, во всякомъ случаѣ, не къ тому, котораго требовалъ Достоевскій, и которое смѣшиваетъ свободу сыновъ Божіихъ съ чловѣческимъ рабствомъ. Вѣдь уже изъ того какъ Лермонтовъ началъ свой бунтъ, видно, что есть въ немъ какая-то религіозная святыня, отъ которой не отречется бунтующій, даже подъ угрозой вѣчной гибели, той „преисподней, гдѣ пляшутъ красные черти“. Въ этой то метафизически и религіозно утверждающей себя несмирности, несмиримости и кроется конечный смыслъ всей поэзіи Лермонтова, которая есть не что иное, какъ вѣчный споръ съ христіанствомъ, „тяжба съ Богомъ“. Вл. Соловьевъ осудилъ Лермонтова за богоборчество. Но кто знаетъ, не скажетъ ли Богъ судьямъ Лермонтова, какъ друзьямъ Іова: „горить гнѣвъ Мой за то, что вы говорили о Мнѣ не такъ вѣрно, какъ рабъ Мой Іовъ“ — рабъ Мой Лермонтовъ.

E. Duchesne. M. I. Lermontov. Sa vie et ses oeuvres, Paris. 1910.

Появленіе своего труда авторъ мотивируетъ тѣмъ, что не только во французской критической литературѣ, но и въ русской нѣтъ еще полного и цѣльнаго очерка жизни и творчества Лермонтова. Работа Н. А. Котляревскаго, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не можетъ удовлетворить запросамъ иностранца — читателя, такъ какъ она требуетъ предварительнаго знакомства съ

жизнью и произведениями Лермонтова, а также очень мало удѣляеть мѣста эстетической оцѣнкѣ его поэзіи. Не вполне, повидимому, удовлетворяеть автора и очень обстоятельная съ фактической стороны біографія Лермонтова, составленная Висковатовымъ.

Въ первыхъ двухъ частяхъ своей книги (біографическія свѣдѣнія о поэтѣ; обзоръ и характеристика важнѣйшихъ художественно-литературныхъ произведений) г. Дюшенъ чего-нибудь существенно новаго не даетъ, но III-я часть („Les influences dans l'oeuvre de Lermontov“) представляетъ большой интересъ и цѣнность. Вопросъ объ отношеніи поэзіи Лермонтова къ западно-европейскимъ литературамъ — не новый въ нашей критикѣ, но съ такой обстоятельностью, полнотой и — что самое главное — документальностью онъ до сихъ поръ еще не ставился, и въ этомъ несомнѣнная заслуга г. Дюшена.

В. В. Розановъ. „Вѣчно печальная“ дуэль. („Новое Время“ 1898 г. № 7928. Ср. „Литературные очерки“, стр. 155—169).

Критикъ пытается установить связь между Лермонтовымъ и послѣдующей литературой. Гоголь, Достоевскій, Толстой „имѣють родственное себѣ въ Лермонтовѣ, и, собственно, искаженно и частью грязно, „поидя въ сукъ“, они раскрыли собою лежавшіе въ немъ эмбрионы“. Но доказать это очень трудно, „потому что Лермонтовъ только началъ выражаться, и показать это можно только уловляя—

Въ алыхъ тучкахъ пурпуръ розы,

т. е. бѣгучія тѣни и полу-тѣни рознящихся настроеній“...

Его же. М. Ю. Лермонтовъ. Къ 60-лѣтію кончины („Новое Время“ 1901 г., № 9109).

„Необыкновенный человѣкъ“, скажетъ всякій. „Да, необыкновенный и странный человѣкъ“, — это, кажется, можно произнести о немъ какъ общій итогъ свѣдѣній и размышлений“. Къ Лермонтову вполне приложимы слова С. Т. Аксакова о Гоголѣ: „его знали мы 17 лѣтъ, со всѣми въ домѣ онъ былъ на ты, но знаемъ ли мы сколько-нибудь его? Нисколько“. Далѣе проводится параллель между Лермонтовымъ и Гоголемъ, какъ двумя „необыкновенными точками въ исторіи русскаго духовнаго развитія“. „Оба писателя явно были внушаемы, были обладаемы. Были любимы небомъ, скажемъ смѣлое слово, но любимы лично, а не вообще и не въ томъ смыслѣ, что имѣли особенную даровитость... Между ними и совершенно загробнымъ, по-ту свѣтлымъ „х“ была нѣкоторая связь, которой мы всѣ или не имѣемъ, или ее не чувствуемъ по слабости; въ нихъ же эта связь была такова, что они могли не вѣрить во что угодно, но въ это не вѣрить — не могли. Отсюда ихъ гордость и свобода. Замѣтно, что на обоихъ ихъ никто не вляялъ ощутимо, т. е. они никому — въ темпераментѣ, въ настроеніи, въ „потемкахъ“ души — не подчинялись, и оба шли поразительно гордо, свободно поступью.

Поэтъ, не дорожи любовію народной.

Это они сумѣли, и безъ усилій, безъ напряженія, выполнить совершеннѣе, чѣмъ творецъ знаменитаго сонета. Ясно — надъ ними былъ авторитетъ сильнѣе земного, рациональнаго, историческаго. Они знали „господина“ большаго, чѣмъ словѣкъ; ну, отъ термина „господинъ“ не большое филологическое преобразование до „Господь“. „Господинъ“ не здѣшний — это и есть „Господь“, „Адонаи“

Сіона, „Адонъ“ Сидона — Тира, „Господь страшный и милостивый“, явленія котораго такъ пугали Лермонтова, что онъ (см. „Сказку для дѣтей“) кричалъ и плакалъ. Вотъ это-то и составляетъ необыкновенное ихъ личности и судьбы, нѣчто явно чудесное, какое-то маленькое волшебство, загадку... Звѣздное и царственное — этого нельзя отнять у Лермонтова; подлинно стихійное, „лѣшее начало“ — этого нельзя у него оспорить. Тутъ онъ зналъ больше насъ, тутъ онъ владѣлъ бѣльшимъ, чѣмъ мы, и это есть просто фактъ его биографіи и личности“.

Его же „Демонъ“ Лермонтова въ окруженіи древнихъ мифовъ. I. Мечта золотого вѣка („Новое Время“ 1901 г., № 9146) и „Демонъ“ Лермонтова и его древніе родичи („Русск. Вѣстн.“ 1902 г., кн. IX, стр. 45—56),

Интересъ „Демона“, историческій и метафизическій, заключается въ томъ, что онъ сталъ какъ бы въ точкѣ водораздѣла разныхъ религіозныхъ рѣкъ, какъ текущихъ, такъ истекшихъ и еще могущихъ вновь потечь, и снова задумчиво поставилъ вопросъ о началѣ зла и началѣ добра, не въ моральномъ и узелькомъ, а въ трансцендентномъ и обширномъ смыслѣ. Въ сущности Лермонтовъ написалъ одинъ изъ мифовъ. Все равно, если онъ ничего не зналъ о нихъ, — это атавизмъ древности. Въ древности его стихотвореніе стало бы священною сагою, распѣвасюю орѣнками, представляемою въ Элевзинскихъ таинствахъ. Мѣсто свиданій, „монастырь уединенный“, куда отвезли Тамару родители, сталъ бы почитаемымъ мѣстомъ, и самый „Демонъ“ не остался бы съ общимъ родовымъ именемъ, но обозначился бы новымъ, собственнымъ, около Адониса, Таммуза, Бэла, Зевса и другихъ.

К. Д. Бальмонтъ. Горныя вершины. Кн. I. М. 1904. „О русскихъ поэтахъ“.

Все творчество Лермонтова сближаетъ его съ Байрономъ, и не столько потому что онъ подчинился вліянію пѣвца Каина и Манфреда, — хотя вліяніе было очень велико, — сколько потому, что самъ онъ, гордый и угрюмый, и навсегда-оскорбленный, былъ созданъ изъ такого же матеріала, какъ Байронъ; онъ былъ не столько его ученикъ, сколько его младшій братъ, получившій отъ природы такіе же дары и пытки, такую же душу, полную рѣдкой дисгармоніи. Въ его поэзіи слышится земная тоска сильной личности, которой тяжело быть со слабыми ничтожными людьми, которая не находитъ себѣ мѣста въ окружающей обстановкѣ.

Лермонтовъ полиѣс, чѣмъ Пушкинъ, выразилъ одну черту человѣческой богато-одаренной души, ея способность жадать безъ конца бурь и борьбы, хотя бы даже безцѣльной, но зато онъ выразилъ въ своемъ творествѣ только одну эту черту, и такъ какъ она составляетъ скорѣе принадлежность юношескаго темперамента, нежели свойство натуры законченной, его поэзія тѣмъ самымъ пріобрѣла характеръ слишкомъ узкій и однообразный.

Недаромъ Лермонтова такъ любятъ всѣ, кто молодъ, и недаромъ самъ онъ любилъ кинжалъ: его поэзія, узкая и яркая, безусловно напоминаетъ это смертное орудіе.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. I. СПб. 1907.

Ключъ ко всему „міровоздѣйствію“ Лермонтова критикъ видитъ въ „анти-мѣщанствѣ“ поэта. „Анти-мѣщанство“ Лермонтова — основа содержанія его творчества, та его сторона, которая объясняетъ намъ его съ головы до ногъ. Лермонтовъ боролся съ мѣщанствомъ не опредѣленной общественной группы, подобно Пушкину, а съ мѣщанствомъ всего общества въ его цѣломъ, съ мѣщанствомъ самой жизни, какъ таковой. Въ этомъ его оригинальная черта, кажется, до сихъ поръ мало понятая, въ этомъ его основное различіе съ Пушкинымъ, въ этомъ его гѣснѣйшая связь съ великимъ художникомъ, отдѣленнымъ отъ него полувѣкомъ,—съ Чеховымъ... Ненависть къ „обыденному“ привела его къ яркому индивидуализму и приблизила къ тому истинному романтизму, котораго до того времени не было въ Россіи; она же вложила въ его сердце то презрѣніе къ окружающему міру, которое принято считать характернымъ лермонтовскимъ пессимизмомъ... Правда, мысль Лермонтова (о мѣщанствѣ *самой жизни*, а не той или иной общественной группы) была настолько нова, что только черезъ полъ-вѣка послѣ его гибели снова возродилась у Чехова; но всетаки она сдѣлала свое дѣло. И для нашего поколѣнія Лермонтовъ, быть можетъ, самый *современный* поэтъ“...

Характеристику творчества Лермонтова даютъ также труды общаго содержанія:

А. Н. Пыпинъ. Исторія русск. литературы, т. IV. (Глава „Лермонтовъ и Кольцовъ“ предварительно была помѣщена въ „Вѣстникѣ Европы“ 1896 г., кн. I, стр. 292—341).

Поэзія Лермонтова, какъ и его личность, до сихъ поръ заключаютъ много загадочнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ лицѣ Лермонтова прошла въ русской поэзіи личность феноменальная, не менѣе оригинальная и самобытная, чѣмъ даже Пушкинъ; и Лермонтова менѣе всего можно объяснить предшествующимъ развитіемъ и современными условіями. Онъ поражаетъ неожиданностями и противорѣчіями; онъ какъ будто ничѣмъ не былъ обязанъ ни воспитанію, ни особенно школѣ; въ европейской литературѣ, онъ самъ отыскалъ немногихъ писателей, отвѣчавшихъ его мыслямъ и поэзіи, — во главѣ ихъ стоялъ Байронъ. Затѣмъ, черезъ всю его поэзію проходитъ въ разныхъ отѣнкахъ изображеніе одного типа, въ которомъ онъ символически и реально изображалъ внутреннюю борьбу, совершавшуюся въ немъ самомъ, борьбу сильной личности или властнаго духа съ условіями ограниченной жизни или, въ частности, съ условіями общества. Все это сложное содержаніе одѣто было въ гениальную поэзію. По смерти Пушкина юный поэтъ былъ единодушно признанъ его преемникомъ,—и именно преемникомъ независимымъ и самобытнымъ. Оригинальное, глубокое содержаніе, богатство фантази, тонкость чувства, удивительное изящество формы быстро создали ему славу, увлекали читателей, несмотря на то, что тонъ этой поэзіи слишкомъ часто былъ безотрадно отрицательный, что она не давала, повидимому, никакой тѣни положительнаго идеала.

Исторія русск. литературы XIX в. Подъ ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Т. II, стр. 15—42: ст. К. И. Арабажина.

Въ критико-біографическомъ очеркѣ г. Арабажина довольно много фактическихъ недосмотровъ и ошибокъ, напр. мужа В. А. Лопухиной авторъ называетъ Баргеновымъ вм. Бахметева, князя А. И. Васильчикова считаетъ „блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ и флигель-адъютантомъ“ тогда какъ Васильчиковъ въ военной службѣ вовсе не служилъ; въ разсказѣ „Княжна Мери“ критикъ видитъ подробности увлеченія Лермонтова Гоммеръ-де-Гелль, хотя это знакомство состоялось уже по выходѣ въ свѣтъ „Героя нашего времени“, и др.

П. Н. Полевой. Исторія русск. словесности. Изд. А. Ф. Маркса. Т. III, 310—347.

П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣйствительность въ русск. литературѣ. СПб. 1907.

Е. Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки по исторіи русск. литературы XIX в.

Н. Энгельгардтъ. Исторія русск. литературы XIX столѣтія. Т. I. СПб. 1902.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. М. 1906. 2 изд. 1912.

Въ теченіе всей своей короткой жизни Лермонтовъ тяготѣлъ къ духовной тишинѣ, къ „дивной простотѣ“ и много усилій долженъ былъ сдѣлать надъ собою, чтобы найти красоту и глубину простого. И онъ его въ концѣ своей внутренней жизни нашель. Онъ мудростью сердца постигъ философію и религію жизни, онъ сознатель, что картина ея производитъ тѣмъ болѣе потрясающее впечатлѣніе, чѣмъ проще краски, которыми она пишется. Даже стихъ его сдѣлался тогда болѣе проникновеннымъ и близкимъ къ душѣ. Всегда въ немъ было много колоритнаго и красочнаго, много силы и страсти, но была въ немъ и звучная риторика. Въ новомъ фазисѣ Лермонтова она исчезла, и теплое, человѣческое содержаніе приняло и соотвѣтственную интимную форму. Поэтъ долго просилъ бури, и знойныя бури, дѣйствительно, бушевали въ его груди. Но въ то время, когда онъ пронеслись и со дна его души выбросили было свѣтлыя жемчужины и Лермонтовъ пришелъ домой, гдѣ его такъ долго ждало простое и прекрасное,—въ это время онъ былъ убитъ, и не суждено ему было прожить дома. И онъ ушелъ съ душою, міромъ непонятой; онъ ушелъ, сочтенный толпою за гордаго и злого, между тѣмъ какъ онъ былъ только несчастень...

(При болѣе внимательномъ отношеніи къ хронологіи произведеній Лермонтова, сдѣланная г. Айхенвальдомъ характеристика „конечнаго періода душевнаго развитія“ поэта — не выдерживаетъ критики).

А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Т. I. СПб. 1903.

В. Буренинъ. Критическіе этюды. СПб. 1888.

А. И. Введенскій. Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. СПб. 1900.

А. А. Волынской. Книга великаго гнѣва. СПб. 1904. (Современная русская поэзія).

К. Ѡ. Головинъ. Русскій романъ и русское общество. Изд. 2. (Гл. V Русскій романтизмъ).

И. Ивановъ. Новая культурная сила. Русскіе писатели XIX-го вѣка. СПб. 1901.

Н. И. Коробка. Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ. СПб. 1903.

Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. Ч. I. (Гл. V. Печоринъ).

Въ *Печоринъ* Лермонтова критикъ видитъ прямого и ближайшаго преемника *Отъица*. Правда, по натурѣ, по характеру и темпераменту Онѣгинъ и Печоринъ люди разные, но они принадлежатъ къ одному и тому же *общественно-психологическому типу*. „Это типъ *неудачника и мизантропа*. Ихъ индивидуальныя различія только ярче отгѣняютъ ихъ общественно-психологическое родство. Сопоставляя ихъ въ этомъ отношеніи, мы убѣждаемся въ томъ, что въ самомъ дѣлѣ жизнь выработывала особый социальнo-психологическій типъ безпокойно-мечущагося челоуѣка, чувствующаго себя лишнимъ, не находящаго своего мѣста и назначенія, и подъ этотъ типъ подходили весьма различныя, даже противоположныя характеры и натуры. Эти люди не могли осуществить своей „общественной стоимости“, потому что со средою своего круга они не уживались, а другой среды найти не умѣли; они также не располагали тѣмъ душевнымъ содержаніемъ, которое давало бы имъ возможность выносить тяготу душевнаго одиночества. Для лучшихъ людей того времени типъ Печорина былъ не совсѣмъ то, чѣмъ является онъ для насъ. „Съ одной стороны, онъ говорилъ имъ больше, а съ другой — меньше, чѣмъ говоритъ намъ“...

Сборники историко-литературныхъ и критическихъ статей о Лермонтовѣ: В. Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова. Ч. I и II. М. 2 изд. 1904 г.

В. Покровскій. М. Ю. Лермонтовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 3 изд. 1912 г.

(Н. Д. Носковъ). Словарь литературныхъ типовъ. В. III. Лермонтовъ. С.-Пб. 1901.

Подробный перечень литературы о Лермонтовѣ, съ 1825 по 1897 гг., даетъ рукописный трудъ Н. Н. Буковскаго, хранящійся въ Императорской Публичн. Библиотекѣ (см. „Отчетъ“ за 1899 г., стр. 148—149); часть этого труда издана въ III т. Сочиненій М. Ю. Лермонтова подъ редакц. Висковатова.

Изъ другихъ обзоровъ литературы о Лермонтовѣ, менѣе полныхъ, слѣдуетъ указать:

А. В. Мезіеръ. Русск. словесность съ XI по XIX столѣтія включительно. Ч. II, стр. 182—189.

А. Бильдерлингъ. Лермонтовскій Музей Николаевск. Кавалерійск. Училища. СПб. 1883.

Каталогъ Одесской городской публичн. библиотеки. XXIII. Отдѣлъ имени М. Ю. Лермонтова. Одесса 1904.

И. И. Ивановъ — статья о Лермонтовѣ въ т. XVII^a „Энциклопедич. Словаря“ Брокгаузъ-Ефронъ, стр. 584—86.

О языкѣ Лермонтова.

Одною изъ причинъ того успѣха, какой выпалъ на долю поэзіи Лермонтова, является языкъ его художественныхъ произведеній.

„М. Ю. Лермонтовъ, — замѣчаетъ современникъ поэта, — соперникъ Пушкина въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ и побѣдитель его въ легкой прозѣ: языкъ въ „Героѣ нашего времени“ чуть ли не выше языка всѣхъ прежнихъ и новыхъ повѣстей, рассказовъ и романовъ“... (Сушковъ. Московск. Универс. Благородн. Пансіонъ, стр. 86. Ср. „Рауть“. Кн. III, стр. 348).

„Никто еще, — добавляетъ Гоголь, — не писалъ у насъ такую правильную и благоуханную прозою“... .

Бѣлинскій, отмѣтивъ въ первомъ сборникѣ стихотвореній Лермонтова „пять или шесть пятнышекъ“, продолжаетъ: „все остальное... удивляетъ силою и тонкостію художественнаго такта, полновластнымъ обладаніемъ совершенно покореннаго языка, истинно-пушкинскою точностію выраженія“. („Отчеств. Записки“ 1841 г., т. XIV, стр. 79).

Очень высоко цѣнилъ языкъ Лермонтова Чеховъ. „Я не знаю, — говорилъ онъ, — языка лучше, чѣмъ у Лермонтова. Я бы такъ сдѣлалъ: взялъ его рассказъ и разбиралъ бы, какъ разбираютъ въ школахъ, — по предложеніямъ, по частямъ предложенія... Такъ бы и учился писать“. („Русск. Мысль“ 1911 г., кн. X, стр. 46).

Не будучи новаторомъ въ собственномъ смыслѣ, Лермонтовъ неуклонно слѣдуетъ по пути Пушкина, который, по образному выраженію одного изслѣдователя, „вывелъ литературный языкъ изъ спертой атмосферы кабинетовъ и гостиныхъ на чистый воздухъ свѣта Божія, на широкій просторъ русской земли для любованья всему народу русскому“. Но въ дѣлѣ націонализаціи нашего литературнаго языка, въ дѣлѣ сближенія языка книги съ живой народной рѣчью, Лермонтовъ далеко опередилъ своего учителя.

Разные теоретическіе вопросы въ области языка, повидимому, совсѣмъ не интересовали Лермонтова, не справлялся онъ также ни съ грамматиками, ни съ словарями; но зато всегда оставался вѣренъ принципу безпрепятственнаго и свободнаго развитія нашего языка:

... Какъ дикарь, свободѣ лишь послушный,
Не гнется гордый нашъ языкъ... (III, 266).

Особенности языка произведений Лермонтова обуславливаются влиянием трех составных элементов: 1) церковно-книжного, 2) живого народного и 3) иностранного — французского *).

I.

Черты церковно-книжного языка, т. е. церковно-славянского и старинного русского **).

Неполногласныя сочетанія вмѣсто русскнхъ полногласныхъ: брада, браздить, брегъ, бреговыхъ, власы, вранъ, глава, гладъ, гладный, градъ, длани, древо, злато, златить, младость, млечная, хладный и т. п. Ср. также осребрить, сребро, сребристый, престаеъ (II, 384), и др.

Звуки «ж» и «ц» вмѣсто «ж» и «ч»: насажденныя ветелки (IV, 4); чуждый (въ смыслѣ чужой: чуждое мнѣніе IV, 99; чуждые табуны I, 89; князя чуждаго I, 231); въ нощи (I, 124); мечеть (I, 9); живущи разбойники (IV, 165).

Произношеніе «е» вмѣсто «ѣ», какъ видно изъ рнмжующнхся словъ: осужденный—вселенной (I, 303), вселенной—отдаленной (I, 288), осужденный—презрѣнный (I, 254), надменный—смущенной (II, 107), унесенный—забвенный (I, 107), незабвенной—отчужденной (I, 59), драгоценный—восхищенный, священный—восхищенный (IV, 304), озаренной—безцѣнной (I, 177), безцѣннымъ—уединенномъ (I, 158), непремѣнно—смущенный (II, 59), и мн. др.

Онъ чувствовалъ ли трепеть потаенный
Въ присутствіи твоемъ?
Умѣлъ ли презирать онъ міръ презрѣнный
Чтобъ мыслить объ одномъ? (I, 276).

...Ты обладалъ
Душою чистой, откровенной,
Всеобщимъ зломъ не зараженной (I, 164).
Когда же улеталъ мой призракъ драгоценный,
Я въ одиночествѣ кидалъ свой взглядъ смущенный (I, 178).
Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный,
Вамъ строки чудныя писалъ,
И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
Воспоминаясьмъ оживленный,
Онъ передъ вами изливалъ (II, 335).

*) Лермонтовскому языку посвящена работа В. Истомина: „Главнѣйшія особенности языка и слога произведений Лермонтова въ лексическомъ, этимологическомъ, синтаксическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ“ (Варш. 1894. Оттискъ изъ „Русск. Филологич. Вѣстника“),—преслѣдующая главнымъ образомъ учебно-педагогическія цѣли. Матеріалъ здѣсь собранъ довольно значительный и разнообразный, но систематизація его заставляетъ желать многого. Для полноты обзора отмѣтимъ еще статью И. Н. Стефановскаго „Языкъ произведений Пушкина и Лермонтова“ въ „Филологич. Запискахъ“ 1899 г., вып. III—IV.

**) Характерныя особенности языка и графики Лермонтова мы отмѣчаемъ на основаніи автографовъ поэта, а не печатнаго изданія его сочиненій, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по разнымъ причинамъ, отступаетъ отъ оригинала.

Изрѣдка встрѣчаются и такія риемы, какъ *тѣль — сель, стрѣлахъ — селлахъ, совѣмъ — моемъ, Терезы — ррезы, тотъ — животтъ*:

Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣль
Начнетъ бродить среди печальныхъ сель (I, 144).
Заводятъ рѣчь, о мѣткихъ стрѣлахъ,
О покоренныхъ ими селлахъ (I, 11).
Ахъ, нынѣ я не тотъ совѣмъ!

.....
И на челѣ тогда моемъ... (II, 3).
Но говорю: краса Терезы...
Теперь, среди полночной ррезы (II, 3).
Они все тѣ же! — Я не тотъ,

.....
А что жалѣтъ, то живѣтъ (I, 108).

Гласные звуки «о» и «е» вмѣсто выпавшихъ древнерусскихъ гласныхъ «ъ» и «ь»:
вихорь (I, 31), воскормить (III, 76), вослѣдъ (IV, 124), вспомня (I, 110), воспомнивъ (I, 49, 267; III, 13, 97, на ряду съ „вспомяни“ II, 360 и „вспоминаніе“ I, 2, 68, 175, 235, 267, 279, 295, 309, 370; II, 18 и др.); вострепенуться (I, 19), изотлѣвшая нить (IV, 90), любви (I, 55, 121, 175, 177, 298), моха, мохомъ (I, 346; II, 145; IV, 19, 38, 68); свекору (III, 117); содѣлаюсь (I, 103), сокрыться (I, 28, 61); сокрыта (I, 277); сопутники (II, 208; IV, 332); нонече (II, 221), и др.

Окончанія «ья», «ія» вмѣсто «ой», «ей» въ родительномъ пад. единствен. числа именъ прилагательныхъ женскаго рода:

Все проклятъ онъ какъ лживый сонъ,
Какъ призракъ дымныя мечты (I, 51).
Такъ, воръ сѣдой заглохшія дубравы (I, 71).
... Подъ вѣтвями пустынная рябины
Смотрѣтъ на синія, туманныя равнины (I, 65).
Но рыданія звучали
Вплоть до бѣлыя зари (I, 142).
Два отголоска цѣлыя природы (I, 114).
Уже съ Балканскія вершины
Открылись Греціи долины (I, 33).
Сынъ на краю позорныя могилы (III, 86).
Не боюся смерти лютыя (II, 221).

Окончаніе именъ существит. въ творительн. падежѣ единств. числа на «ію» вм. современнаго «ію»:

съ боязнію (II, 50), передъ смертію (II, 59), цѣлію (I, 133), властію (I, 140), мыслию (I, 143; IV, 19, 63, 159), съ любовію (I, 168, 265—327), цѣпію (I, 177), твердостію (III, 195), пѣснію (I, 292), страстію (I, 324; IV, 350).

Нечужныя формы именъ прилагательныхъ и причастій (въ качествѣ опредѣленій и сказуемыхъ): темна ночь (II, 112), цѣлу ночь (II, 243; III, 315), черна бездна (I, 38), прощальну рѣчь (I, 263), бѣгуши волны (I, 27), ярко солнца восхожденъе (I, 6), восточны пѣсни (I, 12), первоначальны впечатлѣнья (IV, 304), котора (I, 18), и др.

Сидить уныль и мраченъ онъ (I, 69).
Скачетъ весель и игривъ (II, 207).
Бродилъ безмолвенъ, одинокъ (II, 310).
Угрюмъ и одинокъ... я выросъ (II, 311).
Онъ жилъ забыть и одинокъ (II, 400).

Мстиславъ возвращается домой печалень, озабочень, угрюмъ (IV, 353), и др.

Глагольные формы и образования: нашедъ (I, 30, 35), подошедъ (IV, 168), лиясь (I, 297), вяся (I, 83, 110), бюющихся (I, 159), протягшись (I, 15).

Склоненіе числительнаго „сто“: саженьяхъ во стѣ отъ насъ (IV, 177).

Слова и выраженія изъ церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ: внемлю (I, 44, 176), внимать (II, 244), вотще (I, 238; II, 149), вѣжды (I, 164; II, 158), вѣтрила (I, 14, 163), глаголу водъ его внимали (II, 352), древле (II, 35, 52; III, 249), дреколіе (IV, 84), заутра (II, 206), зеркало водъ (II, 12), зрю (I, 74), зрѣль (II, 90), зря (I, 212), ибо (V, 61, 158), кои, коими, кущи (I, 284; II, 257), ланиты (I, 326; II, 20, 26, 52; III, 166; IV, 71, 134, 304), ликъ отшельниковъ звучаль (I, 134), шумъ ловитвы (I, 79), любезная (III, 50; IV, 355), во время оно (II, 108), оный часть (II, 330), въ ономъ ужасъ (I, 38), особливо (I, 335; III, 156, 205, 670; IV, 4, 32), отвѣтствуй (II, 94; IV, 56), пени (I, 45, 117; II, 65), перси (I, 65, 80; II, 93, 140, 172; IV, 87), палатки рыбаей (I, 137), покорствуеъ (III, 101), препоны (I, 199, 259), пропадшій (IV, 159), рамена (I, 9), сей (IV, 306), сему (III, 109), о семь (IV, 355), слѣдственно (II, 159; IV, 232, 266, 303), снѣдь (I, 48), супостать (II, 23), тать (I, 42), твердь (II, 73), творилъ убійство (I, 60), трапеза, трикратно (I, 6), трикратъ (I, 9), трикраты (II, 27).

Вліяніемъ церковно-книжнаго языка объясняются также слѣдующія формы и обороты: пламень (почти всегда), сыны (I, 16; II, 8), сыновъ (I, 180; II, 190; III, 134), человекѣи (I, 66), древесъ (I, 6), на земли (II, 17, 190), други (I, 44, 50; III, 80), царю небесный (II, 87), пади (I, 165; II, 124), вспомяни (II, 360), покатитися (II, 217), течи (III, 39, 78), приближась (II, 129), погружась (I, 20), согбенный (I, 209; II, 100, 119, 401), нагбенный (I, 125, 378), спаленный (II, 204, 330), испытующій (II, 239; IV, 271), клянуся (I, 294), змѣлися (II, 275), родилася (II, 234), сошлись (II, 342), осьмнадцать (II, 242); для того (въ значеніи потому III, 32), для чего (въ значеніи почему II, 14; III, 42), и др.

Особенности церковно-книжнаго характера встрѣчаются не только въ раннихъ стихотвореніяхъ, но и въ позднѣйшихъ, а также въ прозѣ.

II.

Особенности народнаго языка (общерусскія и діалектическія) и прочія отегупленія отъ обычной литературной рѣчи.

Твердый звук „н“ въ суффиксѣ именъ прилагательныхъ (признакъ сѣвернорусскаго произношенія): въ дальній сторонѣ (I, 300), въ дальномъ сѣверномъ краю (II, 14; IV, 312), волны дальняя (I, 187), сѣверъ дальный (II, 22).

Твердый звук „р“ въ словахъ: скрытъ (II, 119, 135, 146), рынулся (II, 74), скрыпка (IV, 349).

Переходъ звуковыхъ сочетаній „чи“ въ „ин“: скушно (I, 289; IV, 223. 258).

Мякое произношеніе „и“ въ серединѣ словъ: ханьдра (IV, 327).

Формы род. п. ед. ч. на „у“ отъ именъ существит. мужеск. р. съ основой на „о“:

Крестъ изъ клену (I, 264).

Не знаютъ обману (I, 303).

Прежнимъ чувствамъ нѣтъ возврату (I, 165).

Хотя и держишься размѣру словъ (I, 148).

Слѣду не ници (II, 241).

Не вѣдалъ счету я друзьямъ (II, 1).

Неужели умершіе мужья

Разсудку придають (III, 3), и др.

Форма родит. п. отъ слова „день“: здѣсь на два дни станеть (IV, 93).

Формы именъ существит. средняго рода въ именит. и винит. пад. множ. ч. на (неударяемое) „ы“ вм. „а“: сѣдлы, кольца, вины, знамены, паникадилы и т. п. Ср. также румяны (I, 50), перилы (II, 4).

Кольцы русья кудрей (I, 80).

Расчесывать кольца шелковыхъ кудрей (II, 139).

Гдѣ теплились паникадилы (I, 134: рнѹмуетъ съ „могилы“).

Чтобъ умъ твой не вскружили вины (I, 96: рнѹмуетъ съ „судьбины“).

Впереди несутъ знамены (II, 339),

но рядомъ:

Подъяты знамена (I, 262).

Носились знамена какъ тѣни (II, 206).

Творительный падежъ множ. числа на „ymi“: печьми (IV, 4), звѣрьми (IV, 37).

Когтьми хватаетъ (I, 18).

Страстьми земными не смущаемъ (II, 236).

И крылья легкія какъ сонъ

За бѣлыми плечьми сіяли (II, 397, 411):

Питомецъ рѣзвый Карабаха

Прядеть ушьми (II, 209, 357 на ряду съ „прядеть ушами“ II, 346).

Формы именъ существит. средняго рода именит. пад. множ. ч. на неударяемое „ы“ вм. неударяемаго „а“:

Въ ваши лѣты (III, 210. Ср. II, 44; III, 225 на ряду съ „лѣта“ II, 2).

Форма родит. пад. множ. ч. именъ существ. средн. р. на „овъ“: стадовъ (I, 16).

Особенности въ склоненіи именъ существительныхъ на „мя“ съ основой на „ен“:

Я не имѣлъ ни время, ни охоты (I, 296. Ср. I, 258. 289;

II, 96. 191; IV, 303).

Изъ пламя и свѣта рожденное слово (II, 197. Ср. II, 12. 390).

Не зналъ другого имя (II, 153).

Собирательная форма слова „камень“:

Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено камня (II, 347).

Окончанія именъ прилагательныхъ на „ой“ вм. „ый, ій“ въ случаяхъ безъ ударенія: высокой, всякой, глупой, мятежной, досчатой, сѣрой, косматой, и др. (Почти всегда; исключенія очень рѣдки).

Окончанія именъ прилагателн. въ родит. и винит. пад. на „ова“ и „ева“: земнова (I, 108), ледянова (I, 186), худова (I, 67), былова (I, 304), другова (I, 325), крутова (I, 348), второва (II, 8), до послѣднева (II, 227), роднова (III, 316), больнова (III, 319), молодова, голубова (IV, 256). Ср. также мово (II, 227), твово (II, 215), ково.

Форма именъ прилагат. именит. пад. множ. ч. муж. р. безчленного типа на „и“: ради, что къ тѣмъ попали, гдѣ есть сливки (III, 94); когда мы ради все отдать (II, 1).

Окончаніе „тъ“ вм. ударяемаго „ти“ въ неопредѣленномъ наклоненіи: проинезть (I, 216), принезть (I, 225), подвезть (II, 120), перенезть (II, 329), провезть (II, 346), завезть (III, 242), потрязть (I, 165), и др.

Смѣшеніе глаголовъ съ окончаніемъ на „ся“ и безъ этого окончанія: Надѣ полхими бойцами подсмѣиваетъ (II, 225); разбѣгаютъ (I, 23); распадають (I, 25); стремятъ (I, 19); крутить (II, 11); вино и брага примѣтно распоряджали ихъ словами (IV, 81); распоряджая (I, 216); шерсть отливалась серебромъ (II, 321); усы сѣдые, борода вдругъ отливалась серебромъ (II, 118), примкнулись къ ней (IV, 224), и др.

Формы днєпричастій на „чи“: оскверняючи (I, 163), краснѣючи (I, 139), распѣваючи (II, 219), играючи, разгоняючи (II, 224), пируючи (II, 226), сбѣгаючи (II, 397), скрываючи (III, 91).

Формы неопред. наклон.: сойтиться (II, 313; III, 217 на ряду съ „сойтись“ I, 106).

Отступленія отъ принятыхъ родовыхъ формъ: облакъ (I, 335, 413; II, 72, 81), жнива (II, 330), оттѣнка (II, 29; IV, 48, 87, 255), прилавка (II, 219), папахъ (II, 357), за тополью высокою (II, 344); дочь — самая злая убійца (IV, 335); о, я пошлая дурачина (IV, 339); таская за волосы своего дѣтища (IV, 91), и др.

Изъ другихъ отступленій отъ обычной литературной рѣчи отмѣтимъ, какъ болѣе характерныя, слѣдующія.

а) Въ области этимологій.

Формы родит. пад. мн. ч.: деревъ (II, 99, 317; IV, 186), пѣсней (II, 384), день (I, 198), ставней (II, 135).

Форма творит. пад. ед. ч. отъ слова „бровь“ — бровей: надѣ бровей черная родинка (IV, 375).

Формы надежей мн. ч. отъ слова „листь“: душистые листы (I, 265; II, 31, IV, 4, 62), зеленью листовъ (II, 317, 353).

Формы надежей мн. ч. отъ слова „колѣно“: скользятъ его колѣна (II, 138), на колѣнахъ (I, 270), становился на колѣни (II, 236. Ср. II, 64).

Формы надежей мож. ч. отъ словъ „крыло“ и „плечо“: по слѣду крыль его (II, 412), взмахнулъ крылами (II, 381), на крылахъ (I, 272); закинувъ ружья на плеча (I, 7), соболью шубу на плеча накинулъ онъ (II, 113).

Формы предложн. пад. именъ существит. среди. р. на „ть“: въ ущельѣ (II, 92, 187; III, 311, 314); въ отдаленьѣ (II, 383: риѹмается съ „поклоненье“); въ лобзаньѣ (II, 177: риѹмается съ „страданье“), въ молчаньѣ (III, 166).

Формы глаголовъ прошедш. времени съ суффиксомъ „ну“: отвергнулъ (I, 169; II, 270; III, 75, 80, 131, 143), смолкнулъ (I, 266), мерзнулъ (II, 335), помсркнула (I, 155), проникнулъ (II, 389, 402; III, 180), гаснулъ (I, 172, на ряду съ „гась“ I, 219), погаснулъ (I, 117, 297), избѣгнулъ (IV, 357), постигнулъ (II, 366), проклянуть (I, 265), повергнулъ (IV, 18), затихнула (II, 45 на ряду съ затихъ I, 53), и др.

Формы дѣспричастій отъ глаголовъ совершеннаго вида съ окончаніями настоящаго времени, но съ значеніемъ прошедшаго: послыша (II, 114, 134, на ряду съ послышавъ I, 49, 67, 352), послѣдѹя закону (I, 264), поправя (IV, 135), направя (II, 76), заставя (III, 121), составя (II, 391), оставя (II, 65; III, 93), умертвяся (I, 205), скрѣпяся душой (II, 264), повѣся носъ (II, 300), возвыся голосъ (IV, 202).

Глагольныя формы: останавливаетъ (II, 51), окончалъ (I, 2, 55; IV, 304), выхлебнулъ чай (IV, 187), едва не упадетъ (III, 185), еслибъ не разрушивали гармоніи (IV, 104), распрямливаетъ плечи (II, 225), часть мой билъ (II, 132).

Смѣшеніе мѣстоименныхъ формъ „онъ“ и „они“ (по требованію рѣимы):

Съ товарищами вспоминаетъ
О милой той родной странѣ,
Грустить, но больше, чѣмъ онъ... (I, 20).
Ахъ, было время, время боевъ,
На милой пашей сторонѣ!
Гдѣ-же тѣ года? Прошли онъ... (I, 81).
Увы! твой страхъ, твои моленья —
Къ чему онъ?
Ты знаешь, — мира и забвенья
Не надо мнѣ! (II, 290).
Отецъ! отецъ! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани.
Я плачу. Видишь эти слезы?...
Уже не первая они... (II, 362).

Формы личнаго мѣстоименія „онъ“ безъ вставочнаго „и“ послѣ предлоговъ: мимо его (III, 156; IV, 179), кромѣ ея (I, 207; IV, 108), кромѣ ихъ (IV, 243), прежде его (IV, 242), сзади его (IV, 171), вокругъ ея (II, 185), вокругъ его (II, 175), союзъ межъ имъ и Сашей (II, 186).

Формы множествен. числа именъ существительныхъ, употребляющихся обычно только въ единств. числѣ:

Меня спасало вдохновенье отъ мелочныхъ суетъ (I, 103).
Пилъ чашу радости и нѣгъ (I, 42).
Не знали тайныхъ безпокойствъ,
Душевныхъ болей и разстройствъ (I, 308).
Земля стонала отъ зыбей (I, 18).
Онъ отблескъ сіяній твоихъ (II, 349).

Всѣ призраки, всѣ невѣроятности (IV, 65).

Межъ нихъ ни злата, ни честей не будетъ (I, 133).

Онъ храбръ, въ честяхъ, любезенъ и богатъ (III, 42).

Безразличное употребленіе предлоговъ „въ“ и „во“, „къ“ и „ко“, „съ“ и „со“:
въ фризовой шинели (II, 146), къ злу (III, 38), къ кресту (I, 132), съ страхомъ (I, 346), съ свѣчами (II, 119), съ своею (II, 256), во темную ночь (II, 223), ко берегу (I, 260), и др. Ср. также надъ мною (I, 55), подъ мной (II, 54), предъ мной (I, 46, 134).

Форма предлога „объ“ предъ согласными: объ которыхъ (IV, 150), объ берегъ (I, 28), объ нихъ (IV, 30), объ солнцѣ (IV, 244), объ чемъ (IV, 81), и др.

6) Въ области синтаксиса.

Сказуемое во множественномъ числѣ при имени собирательномъ:

Сто юношей пылкихъ и женъ

Сошлись на свадьбу ночную (II, 342).

Вотъ твоя родня покойницѣ идуть поклониться (III, 275). Ср. также „близкіе родня“ (III, 93).

Глаголы „слыхать“ и „видать“ съ отрицаніемъ въ качествѣ сказуемаго безличнаго предложенья:

Ужель Ижорки не видать (II, 104).

Не слыхать здѣсь пѣнія церковнаго,

Не слыхать звону колокольнаго (I, 169).

Родительный падежъ послѣ глаголовъ „бѣгать“, „вѣрять“, „вытребовать“, „найти“, „пробудить“:

вытребовать полнаго признанія (IV, 32); пробудилъ страстей уснувшихъ и заботы (I, 58); гдѣ-жъ найти уплывшихъ лѣтъ (I, 54); другого средства наврядъ кто найдетъ (III, 122); сонъ бѣжить моихъ рѣсницъ (III, 44); бѣгаешь страстей (III, 219); я васъ не убѣгаю (III, 222); не вѣрю этого (III, 39).

Винительный падежъ послѣ глаголовъ „внимать“ и „вѣрять“:

Нерѣдко внемлетъ житель сихъ береговъ

Чудесные рассказы рыбаковъ (I, 126).

Внимая сладкій и небрежный звукъ (I, 198).

Внимая шумъ волны прибрежной (I, 110. Ср. I, 319; II, 33, 35).

И звуки пѣсни произвольной

Ущелья вторили неволью (I, 12).

Винительный падежъ послѣ глаголовъ „ждать“, „достигнуть“, „бѣжать“, „избѣгать“, „напомнить“, „отказаться“, „отступить“, „рассказать“:

Я ждалъ другіе дни (I, 138. Ср. I, 268).

Ожидая приходъ (I, 294).

Ждала напрасно два, три слова (II, 40).

(Толпа) ожидала только эту причину, эту незначущій
предлогъ (IV, 46).

(Тополі) хотятъ шатерь достигнуть голубой (I, 191).

Я цѣль свою достигъ (III, 280).

Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму (II, 386, 388).

Избѣгая и свѣтъ небесъ и ада тьму (II, 400).

Вы избѣгаете признательность мою (III, 216).

Напомнить дѣло (IV, 92); мнѣ откажутъ отставку (IV, 339); отмстить её (IV, 355); рассказать душу (I, 221), и др.

Творительный падежъ послѣ глаголовъ „радоваться“ и „стыдиться“:

Все, чѣмъ при жизни радовался ты (II, 262).

Порадовался краденымъ кускомъ (IV, 14).

Не стыдись ребячествомъ своимъ (III, 48).

Глаголъ „благодарить“ съ дательн. пад.:

И знакомъ ей благодарилъ (I, 21).

Глаголъ „смѣяться“ съ дательн. пад.:

Своимъ злодѣйствамъ не смѣется (II, 385).

Смѣяться такому письму (III, 171).

Глаголъ „наводить“ съ винит. и дат. пад.:

Наводитъ скуку себѣ и другимъ (III, 158).

Даже сонъ другимъ наводитъ (I, 62).

Глаголъ „пренебрегать“ съ винительнымъ пад.:

Я пренебрегъ и путь любви, и славы путь, все... (I, 131).

Пренебрегая гнѣвъ (IV, 6).

Вы пренебрегли всѣ приличія (III, 201).

Всѣ ихъ законы, всѣ права,

Казалось, онъ пренебрегалъ (I, 238).

Законы мудрые природы

Я безразсудно пренебрегъ (II, 246).

Глаголъ „тѣть“ съ винительнымъ пад.:

Тѣть, кто пѣлъ твою любовь (I, 167).

(Поэтъ) поеть души своей кумиры (I, 357).

И кущи розъ, гдѣ соловьи

Поютъ красавицъ... (II, 353).

Глаголъ „слѣдить“ съ винительнымъ пад.:

Съ трудомъ лишь можетъ глазъ

Слѣдить ковра восточные узоры (II, 269).

Невинной груди трепеть слѣдить (II, 274).

Слѣдила взоромъ сизую волну,

Прибрежныхъ струй приливы и отливы,

Ихъ мѣрный бѣгъ, ихъ золотыя гривы (II, 162).

Слѣдя мелькающія волны (II, 352).

Глаголы „взирать“, „предстать“, „приписать“, „довести“ съ предложномъ „къ“:

И безъ надеждъ къ нему взиралъ (II, 64).

Я вновь къ тебѣ предсталъ (I, 80, на ряду съ „предстать передъ Бога“ III, 183; „предстать предъ нихъ“ III, 251).

Приписать къ уму или къ обстоятельствамъ (III, 280).

Приписать къ скупости (III, 205).

Упрямство къ добру не доведеть (III, 63).

Глаголь „намекать“ съ предлогомъ о :

Не намекай о моемъ безобразіи (IV, 9).

Я не намекалъ ни разу ни о пьяномъ господинѣ, ни о прежнемъ моемъ поведеніи, ни о Грушницкомъ (IV, 226. Ср. IV, 36, 269).

Глаголы „касаться“, „добиться“, „достигнуть“ съ предлогомъ „до“:

Его покоя не смущало;

Что не касалось до него (II, 197).

Что до меня касается (IV, 276. Ср. II, 252; III, 119, 148, 149, 155,
190; IV, 6, 115, 264, 327).

Ни до чего тотъ не добьется (III, 210).

Достигъ до нѣкоторой значительности (III, 148).

Достигъ до чиновъ (III, 242 на ряду съ „я цѣль свою достигъ“ III, 280).

Владѣть надъ кѣмъ:

Волшебная сила надъ нимъ владѣеть (IV, 357).

Различать кого съ кѣмъ:

И какъ же горца на сѣдлѣ

Не различить мнѣ съ казаками (II, 26).

Я могъ бы сволочь различить со знатью (II, 269).

Выиграть съ чѣмъ:

Кто-жъ въ этомъ выигралъ (II, 250).

Прельститься на что:

Прельстился на злато, красоту (IV, 73).

Веселиться о чѣмъ:

О смерти больше веселиться,

Чѣмъ о рожденіи моемъ (I, 122).

Казаться для кого:

Но лучше я, чѣмъ для людей кажусь (I, 146).

Скрыться къ чему: И скрылся къ каменнымъ скаламъ (I, 28).

Вплетать къ чему:

И къ волосамъ своимъ густымъ

Цвѣты весенніе вплетали (I, 12).

Глаголы „быть, стать, дѣлаться“ съ именит. вм. творит. пад.: чтобъ міръ былъ зритель (I, 302); ихъ радость была изступленіе (IV, 45); они были душа этого огромнаго тѣла (IV, 46); изъ безумца сталъ злодѣй (I, 213); человекъ дѣлается снова демонъ (IV, 10); сталъ жертва бури и дождей (II, 397).

Винительн. пад. ем. родит. при глаголахъ дѣйств. залога съ отрицаніемъ:
грусть не утая (I, 113); свой прежній путь не продолжаетъ (II, 50); онъ не услышитъ мой отвѣтъ (I, 291); палачу не дамъ похвальный листъ (II, 169); никогда мнѣ это не забыть (III, 215); не замѣчалъ страхъ (IV, 10); не узналъ этотъ голосъ (IV, 62).

Положъ чѣмъ и чего:

И тѣ мгновенья были мукъ полны (I, 254).
Всѣ чувства тайной мукой полны (II, 2).
Тихія долины
Полны свѣжей мглой (II, 288).
Все полно мира и отрады (II, 142).
...Его душа всегда полна
Поэзіей природы, звуковъ чистыхъ (II, 191).

Сквозъ чего: сквозь сна (I, 193).

Близко чего: близко твоей деревни (IV, 62).

Предлогъ „между, межъ“ съ родит. пад.: между нихъ (II, 239), между вѣтвей (I, 297), межъ губъ (III, 316), между проваловъ и горой (II, 78), межъ двухъ сосѣдей (II, 24), и др.

Своеобразное употребленіе другихъ предлоговъ: на жертву принести (I, 205); на дуплѣ какъ тѣнь сидитъ (I, 3); на кресла упала (II, 275; III, 315; IV, 101. 119); ихъ пламень на груди моей давно затихъ (I, 53); я въ томъ настою (III, 2); въ чужбинѣ (I, 35; II, 90; IV, 334); когда явлюсь въ арену (III, 43); спустился въ мрачное дно (I, 364); въ твоихъ щекахъ какъ метеоръ играетъ пламя крови южной (II, 93); ужась во всѣхъ лицахъ (III, 78); жить для толпы всегда въ ея глазахъ (III, 296); въ высотѣ холмовъ (I, 17); изъ шутки (III, 198); изъ пустяковъ (III, 231); не зналъ покоя по конецъ (I, 134. 286); и крикъ черкесовъ по зарѣ гудитъ, теряясь въ пустынь (II, 67); убирайся съ чортомъ (III, 106); толпа раздвинулась кругомъ (II, 91); изъ оконъ былъ прекрасный видъ кругомъ (II, 162); онъ знакомъ пригласилъ насъ сѣсть кругомъ (IV, 271), и др.

Слова и выраженія изъ народнаго языка (отчасти встрѣчающіяся въ воспроизведеніи простонародной рѣчи): авось (I, 94; II, 188; III, 266); аль (II, 216); балбесъ (IV, 91); бишь (IV, 88); больно (IV, 51, 62); не больно финти (IV, 16); въ буряхъ буевыхъ (I, 358); брякнулась (II, 199); бухнулась (II, 151); важное житье (III, 98); взбѣлниться (IV, 10); вишь ты (IV, 91); ворчунъ (II, 220); вострить (I, 178), сабля вострая (II, 217); впервой, вчерась (III, 277; IV, 120, 135); вѣстимо (III, 121; IV, 54); глазыньки (I, 168; IV, 71, 165); гой (II, 215); голубить (II, 5, 22); гульливая мятель (II, 129); другъ на дружку (II, 172); закорючка (IV, 246); кукушка занываетъ (I, 3); издалеча (II, 76); избочился (II, 232); избочась (IV, 195); изволокъ (IV, 83); индо (III, 119, 121); индѣ (IV, 60); испить (IV, 184); кажись (III, 93, 214; IV, 65); кикимора и рогатые лѣшіе (III, 58); клевокъ (I, 41); клепать (III, 105); кликуша (IV, 81); кормилецъ (III, 171; IV, 62); кручина (I, 68); крушиться (I, 113, 122, 129); кужель (I, 168); кутерьма (IV, 35); коршунъ — летунъ (I, 158); время летунъ сѣдой (I, 110); малость; мастакъ (III, 215); метелица (II, 219); могутныя плечи (III, 225); на-бекрень (II, 196); нагонка (III, 136); намеднясь (III, 105); натянулись бузы (IV, 165); нарохтиться

въ важные люди (III, 93); на чужь (III, 49); небойсь (II, 225); ни гугу (III, 312); нонече (II, 221), нонче (IV, 53); ой ли (IV, 53); окочуриться (IV, 44); отклевалась оть прежняго (III, 243); подтибрить (III, 92); повечеру (IV, 207); пожлать (III, 177); поконецъ (I, 134); полонь (I, 168); промаеть (III, 72); пропадшій чловѣкъ (IV, 159); пропорскаеть (IV, 36); пужаешься (II, 222); пымали (III, 26); расгрустись (I, 121); ретивое (III, 214); рожа (II, 172; III, 211); розный (I, 287), розно (I, 284; III, 264); тебѣ сгрустнется (I, 121); сдуру (II, 139, 158); семь-ка (IV, 47); сердешный (II, 93); скакунокъ (I, 195); смурый кафтанъ (IV, 63); спознаться (II, 357); сироворить дѣло (III, 61); какъ-ста (III, 93); туда-ста (IV, 62); студеный (II, 208); точеть (II, 508: паукъ... точеть нитей своихъ основы); бура тьмить (I, 208); ужасть (III, 102, 338); улакомить (III, 93); умаслить (III, 201); уносная лошади (IV, 173); соловей урчить (II, 164); хошь (III, 103); чай (III, 13); чурь (II, 249; III, 115, 126); што-ли (IV, 71); шубейка (IV, 9, 16); разбить въ пухъ и прахъ (III, 79); лѣшій обошелъ (IV, 91); наше мѣсто свято (IV, 49); кутили мы въ чью голову — не знаю (III, 248); во всѣ лопатки (IV, 64); легокъ на поминѣ (III, 330); изъ жилъ тянутся (III, 169); вотъ тебѣ Христось (III, 92, 113; IV, 93); вотъ тебѣ крестъ (IV, 83); хотъ куда (II, 230); не съ руки (II, 214); горе мыкать (III, 121); чѣмъ свѣтъ (II, 178; IV, 93); простыль и слѣдъ (III, 224); вывестъ на свѣжую воду (III, 330); вынь да положъ (III, 152); снова-здорово (III, 168); туда и дорога (IV, 167); пиръ горой (II, 194); не понутру миѣ этогъ Ванька-Каинъ (III, 219); за тридевять земель (IV, 50); березовая каша (III, 105); губа не дура (IV, 51); видимо-невидимо (IV, 53); забубенная башка (IV, 53); держи ухо востро (IV, 7).

Вліяніемъ народнаго языка объясняются нерѣдко встрѣчающіяся у Лермонтова тривіальныя выраженія, въ родѣ: чортъ знаетъ (III, 201); чортъ съ ними (III, 98); поди ты къ чорту (III, 23); черти ихъ душу возьми (IV, 85); издохни (III, 84); пускай она издохнетъ (III, 71, 90); чтобъ ей подавиться имѣніемъ (III, 117); чтобъ тебѣ сдохнуть, собачій сынъ (IV, 81, 91); чтобъ у тебя засохла глотка (III, 221); рыло обтешеть (IV, 51); не видать... ни кукиша (IV, 91); проваль побери (IV, 71); брюхата (II, 86); сволочь (II, 269), ёрникъ, ярыга, и др.

Къ формамъ народнаго языка относятся также: Ерусалимъ (IV, 244), Степаньчъ (IV, 141), Григоричъ (III, 205), Василичъ (III, 187), Александрычъ (III, 221), Михалычъ (III, 92), Авдотья Николавна (II, 250).

Наконецъ, довольно часто встрѣчаются *народныя пословицы и поговорки*:

Какъ волка не корми, а все въ лѣсъ глядитъ (IV, 76, 121).

Выше лба уши не растутъ (IV, 82).

Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ (IV, 82).

Нашла коса на камень (III, 215).

Будеть и на нашей улицѣ праздникъ (IV, 80, 148).

Утро вечера мудренѣе (IV, 86).

Такъ у него на роду написано (IV, 276).

На грѣхъ мастера нѣтъ (IV, 65).

Не давши слова держись, а давши крѣпись (IV, 52).

Губа не дура (IV, 51).

Кабы зналъ гдѣ упасть, соломки бы подостлалъ (IV, 341).

Плохое дѣло въ чужомъ пиру похмѣлье (IV, 165).

Куда попь, туда и попова собака (IV, 82).

Вашей братьей только улицы мостить (IV, 83).

Гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить (IV, 237).

III.

Иностранные элементы.

Иностранныхъ словъ, выражений и оборотовъ, главнымъ образомъ французскихъ, въ языкѣ Лермонтова довольно много, и въ этомъ можно видѣть слѣды того „проклятаго воспитанія“, на которое жаловался въ свое время Пушкинъ *).

Нѣкоторыя иностранныя слова получили русскую, даже народно-русскую окраску: безъ мадамы (IV, 113); съ мадамой (II, 273); толпа мадамовъ (IV, 125); фарсой площадной (II, 236); изъ-за ширмовъ (II, 235); анжигеръ (IV, 289); бивакъ (II, 24); галдарейка (IV, 8. 19); картеча (II, 76); карактеръ, квартера, комедь (III, 140); мовзолей (II, 29); мусью (II, 294); фатера (IV, 194); цыгарка (IV, 135); шлафоръ (II, 243), и др. Отъ слова „балъ“ форма предложнаго падежа „балъ“ (III, 237. 243. 297. 300. 306. 322; IV, 147. 227. 236. 307. 336).

Иностранныя выраженія и обороты: сдѣлайте мнѣ дружбу (IV, 270); вещи дѣлають впечатлѣнїе на сердце (III, 168); я не имѣлъ въ то время жанды (I, 159); я взялъ свои мѣры (IV, 291); онъ добръ для меня (IV, 20); я ее нашель замужемъ (III, 332); на постели смерти (III, 178); родъ бѣшенства обладаетъ имъ (IV, 358); я имѣю съ вами поговорить (IV, 107); здѣсь все время ужасное (IV, 325); какое прекрасное время (III, 100); ключъ этой загадки (IV, 198); кончить жизнь на соломѣ (IV, 9); ломоть вседневный хлѣба (III, 4); въ его опытахъ виденъ геній (III, 205); недостаетъ способовъ (III, 161); въ первой моей молодости (IV, 273); готовъ на вашу службу (III, 142, 191); я, который здѣсь передъ тобой (I, 221); тотъ, который передъ тобой, есть одна тѣнь (III, 96); меня, которая его воспитала (III, 120); онъ все тотъ же, каковъ былъ сидящій на моихъ колѣнахъ (III, 160); по какому счастливому случаю (III, 109); вы слишкомъ предалися печали эту ночь (III, 276); татары то же утро взяли городъ (IV, 353); одно утро захожу къ нимъ (IV, 176); то же лѣто поѣхала въ городъ (III, 117); покинуть отъ друзей (I, 126); и отъ послѣдней отъ тебя я буду забыть (III, 39).

Потомъ остатокъ жизни, какъ умѣють,

За картами клеветцуть и желтѣють (II, 180).

Тогда я бросилъ дикія проклятыя

На моего отца и мать, на всѣхъ людей (I, 116).

Она искала

Отъ неба даже скрыть свои дѣла (I, 170).

До меня доходятъ слухи,

Что ищешь ты войти въ мое семейство (III, 4).

*) Послѣ Лермонтова остались не только письма на отличномъ французскомъ языкѣ, но даже стихотворенія.

Всадники поминутно находились принужденными оставлять... (IV, 37).
Я могу чрезъ одно пожатье руки превратить тебя въ трупъ (III, 132).

Звукъ, внимаемъ однимъ (I, 266).

...Угрожаемъ Суллою, бѣжить (IV, 357).

Соррини, провожаемый до двери, уходитъ наконецъ (III, 16).

Шутка, предположенная отъ М. Kord. (I, 140).

Нерѣдко хохочу, что такъ мнѣ удастся (I, 49).

Но жаръ подавленный очнется,

Когда за волюшку мою

Въ кругу удалыхъ приведется,

Что чашу полную налью (I, 45).

* Иностраннымъ вліяніемъ объясняются и такіе неправильные обороты, какъ:

Примѣтивъ юной дѣвы грудь

Судьбой случайной какъ-нибудь,

Иль взоръ, исполненный огнемъ, —

Недвижно сердце было въ немъ (I, 162).

Подойдя къ одному изъ отверстій, Юрію показалось (IV, 77).

Окинувъ взоромъ комнату и все, въ ней находящееся, ему стало какъ-то неловко (IV, 138).

Иногда французскія фразы и выраженія приводятся цѣликомъ: III, 204, 235, 295; IV, 207, 221—2.

Попадаются иностранныя слова, вышедшія изъ употребленія: анатомикъ (IV, 210), счастливая диверсія (IV, 265), индигестія (IV, 335), куртизанить (III, 176), клюнгеръ (IV, 294), кокетиться (III, 126), картель (III, 257), поменажируй (III, 136), фанфаронъ порока (III, 346), и др.

Довольно часто встрѣчаются восточныя слова и выраженія, которыя Лермонтовъ слыхалъ на Кавказѣ:

Абрекъ — разбойникъ (IV, 162); аджи — дядя (I, 329); ана — мать (IV, 280); аргамакъ — лошадь арабской породы (II, 117); архалукъ (IV, 255); арчагъ — часть сѣдла (I, 343); ашикъ — пѣвецъ (IV, 277); байранъ (II, 45); буза — брага, пиво (IV, 159); гурда — старинная сабля (IV, 162); гяуръ (IV, 162); джанечка — душенька (IV, 182); джяуръ (II, 84); духанъ (IV, 163); зурна — музыкальный инструментъ (II, 354); юокъ — нѣтъ (IV, 163); каллы (I, 328); калымъ (IV, 166, 167); карагачъ — тернъ (IV, 163); керибъ — странникъ (IV, 281); кизляръ (IV, 170); кунакъ — гость, пріятель (II, 305; IV, 160); кунацкая — комната для гостей (IV, 161); мевлянъ — Господь нашъ (IV, 283); муэззинъ (II, 364); мцири — послушникъ (II, 308); мюридъ (II, 30); намазъ (II, 300); огланъ — юноша (IV, 279); раны — тополи (II, 372); рашидъ — простодушный (IV, 281); саазъ (IV, 277); селямъ алейкумъ (IV, 282); симумъ (I, 343); тулукъ — бурдюкъ (I, 19); узденъ (II, 50, 171); урусъ — яманъ (IV, 167); фарисъ (II, 258); чангура — музыкальный инструментъ (II, 366); чауши — посланцы, слуги (IV, 278); чекмень (II, 84); чечень (II, 21, 278); чихиръ — горское вино (II, 33, 95); чурекъ — прѣсный

хлѣбъ (IV, 330); чуха (II, 356); шайтанъ (II, 32); шапсуги (IV, 184); шинди герурсезъ — скоро узнаете (IV, 282); якши тхе, чекъ якши (IV, 162); ямагъ будетъ твоя башка (IV, 160).

Въ лексикѣ Лермонтова обращаетъ на себя вниманіе обиліе искусственно образованныхъ словъ и формъ, а также частое употребленіе отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій не въ томъ смыслѣ, какой соединяется съ ними въ современномъ литературномъ языкѣ: безвѣстный *вм.* незнающій (очи безвѣстныя слезамъ и сну); бездѣльная рана (IV, 67); безлучный (миръ II, 158; метеоръ II, 174; сводъ II, 509); безотчетливо (IV, 102); безпокойствіе (III, 144); блудящій (огонь I, 59, призракъ I, 378); богохулитель (II, 124); Божеская могила (I, 134); боренье (I, 259; III, 159); бразды (ослушныя кони браздамъ не вѣрятъ I, 215); бредучая стопа (I, 21); бродящія глаза (III, 141, 191); буянство (III, 95); бѣглая звѣзда (II, 188); бѣдственная душа (IV, 41); вживѣ (II, 397, 411); взглянуть изъ окна (II, 4); весельство (IV, 26); владѣющая судьба (I, 164); волнованье (I, 61); вольность (I, 226; II, 24, 168; IV, 352); воспалась мезтью (I, 214); все не потому (*вм.* вовсе III, 216); вскатилось солнце (I, 40); вскричу (III, 25); вѣситъ слова (II, 197); въ дребезгахъ (III, 105); дичь (въ дичи лѣсовъ, въ дичи степей I, 229); довѣренность *вм.* довѣріе (III, 102, 156, 202, 297, 325; IV, 7, 22, 58, 245); дождливыя тучи (I, 205; II, 20); дружество (I, 87); завязка (съ глазъ завязка упадетъ I, 273; съ очей I, 225); задохшаяся вода (I, 200); замкнуло *вм.* намокло (III, 92); замѣшаться въ веселье (IV, 88); заплата *вм.* уплата (въ заплату всѣмъ благодѣяніямъ III, 120); звѣздочныя очи (I, 383); зыблемый песокъ (I, 6); изломиться (III, 15); излучистый Дарьялъ (II, 352); изрытый *вм.* вырытый (мой домъ изрытъ въ расцѣлинахъ скалы I, 346; IV, 58); изсѣченный (родникъ изъ камней... I, 346); искать (нѣтъ того, чтобы искать во мнѣ или Катенькѣ IV, 160); казарность (IV, 113); коварность (I, 69, 137, 381); корнистый дубъ (II, 136); короткое общество (IV, 104); ласкатъ (не ласкай воспоминанья II, 39; я любилъ ласкатъ то мрачныя, то радужныя образы IV, 273); легковѣрность (III, 200); летучій (арканъ, вздохъ, снѣгъ, ураганъ, дымъ: I, 15, 206, 277, 322, II, 50, 206; летучее время II, 291; — наслажденіе I, 198); лилейная рука (II, 211); мечта *вм.* воспоминанье (II, 54); — обмагъ (II, 95); моленья *вм.* молитвы (въ моленіяхъ своихъ I, 208); молитва *вм.* просьба (I, 300); мольба *вм.* молитва (I, 55, 222, 224); молитвенная книжка (III, 3); мучныя колеты (II, 102); павѣчно (II, 155); наблюдать выгоды, обычай (IV, 130; II, 229); награжденье *вм.* награда (III, 344; IV, 140); названье *вм.* имя (I, 225, 275, 282, 306; III, 40, 80; IV, 349); напечатлѣлся образъ (II, 3); насильство (I, 315; II, 23); настращать (меня не настращаешь III, 70); невадали (II, 84); невозвратно (I, 144); невольность (II, 114); невѣрный часть (I, 125); недвижность (II, 80); незнакомыя звѣзды (II, 274); незнаемый молвой (II, 22, 53, 166); незнакомая счастью душа (I, 277); незнаніе *вм.* неизвѣстность (жизнь ихъ, родъ незнанія хранила тишина I, 152); неизбѣгаемый конецъ (I, 406); неизбѣжимый часть (I, 153, 118, 153, 242); неколебимый умъ (I, 64); неживость (I, 294); немолчное веретено (I, 237); необъемлемый (IV, 306); непомилованно храпѣлъ (IV, 49); непріязненные шатры (II, 73); несвѣдущій *вм.* незнающій (I, 64); неусыпныя думы (I, 381); неучти-

вецъ (IV, 186); неѣзжалый путь (II, 391); недоѣзженный конь (II, 87); пріѣзжен-
 ный конь (II, 195); образная лампадка (I, 177); огневая жажда (I, 200), — слеза
 (I, 269); огневое сердце (I, 213); огнистый (I, 160; II, 391, 327, 404); ожидаемый
 гость (II, 179); описать поэму въ стихахъ (IV, 399); опричный (II, 109); осо-
 бливо *вм.* отдѣльно (особливо паслись ихъ кони I, 335); остатки *вм.* останки (I,
 25, 183; IV, 48); остылая (жизнь, душа, грудь I, 74, 168, 318; III, 241); отваж-
 ность (II, 82; IV, 29); отдавать *вм.* издавать (деньги упавая, отдавали глухой
 звукъ IV, 43); отдаленность *вм.* даль (IV, 90); отдохшія поля (I, 203); отзывы
 (отзывы радости и муки I, 93); отнесите обо мнѣ дурно (IV, 214); отяготѣть
 (кровь отяготѣла на душѣ I, 89); очеркъ (вокругъ нея былъ какой-то волшеб-
 ный очеркъ III, 331; луговина, обведенная лѣсомъ какъ волшебнымъ очер-
 комъ IV, 58); ощупать свои способности и честь (III, 213); паства *вм.* пастбище
 (стада, возвращаясь съ паствы IV, 84); перегибистый (II, 31); перловая (грудь,
 роса, бахрома, перловыя брызги I. 338, 75; II, 75, 79); плаканье (IV, 126); пла-
 менникъ войны (I, 214); плескъ восторга (II, 169); плески (II, 210); подставные
 зубы (IV, 135); по-конецъ (I, 286, 134); полноѣсистый (I, 51); по малу (I, 10);
 положить *вм.* сослаться (я положусь на всю дворню III, 93); полотерство не-
 сносное (III, 157); поправа (III, 124); поправное дѣло (III, 104); порывный вѣ-
 теръ (I, 282); пособіе (они пособій отъ рабовъ не просятъ II, 52); праздное мѣ-
 сто (IV, 142); превѣчное средство (I, 170); предварить *вм.* предупредить (IV, 244,
 293; III, 346); предписывать рецепты (III, 168); предузнать (I, 260); презритель-
 ный *вм.* презрѣнный (I, 50); преобразить въ камень (I, 78); препоручать (III,
 97, 117, 122, проказникъ былъ препорученъ старухѣ теткѣ III, 180), препору-
 ченіе (III, 24, 149, 150); призванье *вм.* призывъ (мулла оставилъ алкоранъ и не
 слыхалъ его призванья II, 45; навѣки нѣмъ для призваній III, 83); привѣтный
 (III, 273; IV, 157); примигвая (IV, 175); примѣтный, примѣчательный (IV, 207,
 330, 338); припереть (у тебя все приперто III, 93); пріютные камыши (I, 243);
 произвольная пѣсня (II, 12); пророчій гласъ (I, 180); противъ того (сравни-
 тельно III, 167); проходящій *вм.* прохожій (IV, 44); прошлецъ *вм.* прохожій
 (I, 43, 134, 141, 286, 406); пустынная душа (II, 208); пустынное лобзанье
 (I, 84); пытающій взоръ (I, 202); пѣнная бездна, волна (I, 75, 271, 364); разда-
 вать *вм.* издавать (онъ громкій звукъ внезапно раздастъ I, 58); раздуматься
 (красавицы раздумавшись сидѣли II, 151); различить *вм.* рассмотреть (IV, 64);
 разнеслась гроза (II, 245); размѣня *вм.* обмѣнъ (размѣна чувствъ и мыслей
 между нами быть не можетъ IV, 212); разсколочился крючокъ (IV, 18); рас-
 пудриться (IV, 14); растреснувшій колоколь (I, 133); расхлынулась толпа (IV,
 83); расхлопнуть (IV, 72); расхлопнулись ворота (I, 208); розно *вм.* врозь (I,
 284; III, 214, 226, 264); роптанье (струй листьевъ I, 199; II, 376); роптанье мя-
 тежное (I, 164; III, 133); рушительный; самовидецъ (III, 53); самовыказываніе
 (III, 158); самолюбивый *вм.* самоувѣренный (III, 347; III, 41, 107); своевольный *вм.*
 добровольный (I, 143); семейственный (III, 97, 121, 151, 200; IV, 28); скликались
 голоса (II, 302); скончаться *вм.* кончиться (ударъ скончался II, 332); слетки
 (петербургскіе слетки IV, 246); слѣдственно (II, 159; IV, 232, 267, 303); сослѣ-
 дить (я звѣря сослѣдилъ IV, 83); сосѣдственные люди (I, 200); сперлись ворота
 (I, 8); споконитъ мшенье (I, 66); стоптать розу (I, 322); стремить бѣгъ (I, 35);
 они стремятъ (I, 19); амурь... стремить ярость острой стали (I, 1); струисто (I,
 12); суевѣръ (III, 247; IV, 41); существенность (дѣйствительность III, 157, 167,

366; IV, 13, 139); таинство *эм.* тайна (I, 70); токъ (бури I, 360; рѣки I, 17); трехнедѣльный удалецъ (II, 11); тускливый (IV, 97); тяготѣе *эм.* тяжесть (I, 74); угодность (I, 205; въ угодность товарищей IV, 135); удушить голосъ природы (III, 178, чувства III, 234); униженный (соусъ, униженный трюфелями IV, 132); упрямость (III, 63); ущелины (въ ущелинахъ кавказскихъ скалъ I, 139); хотѣные (по моему хотѣнью III, 124, 142); хранительный (II, 65, 310, 380); чувствованіе (III, 118; IV, 79); являть (остатки прежней красоты являютъ блѣдныя черты II, 396, 410; яви, что жалость есть III, 20; театръ являетъ садъ III, 16; память являетъ ужасныя тѣни I, 269; ср. I, 253, 289), и др.

Необычны для современнаго литературнаго языка и такія выраженія: ты не должна имѣть тайны для жениха (III, 196); рѣчь отрывалась отъ губъ (IV, 33, изъ губъ I, 212); день со днемъ (I, 213 – 235); обреченный тяжкой долей (I, 17); зачѣмъ же ты не можешь (III, 62. Ср. III, 32. 58. 62. II, 184. I, 46. IV, 410); умерла чахоткой (IV, 25); каждый круглый годъ (I, 264); не знали въ немъ себѣ предмета (I, 367); есть въ предметѣ (III, 231); какъ вы нынче въ своемъ здоровьи (III, 338); потираетъ руками (III, 61); онъ былъ мужчина въ 30 лѣтъ (II, 235); не совсѣмъ отлично одѣтый (IV, 105); поступокъ не входилъ ему въ голову (IV, 115); степь родна съ душой (I, 277); волна ко берегу возвратиться не сильна (I, 260); я ничѣмъ тебѣ не долженъ (III, 7); но праздникъ въ томъ не потерялъ (II, 240), и др.

Техническія выраженія (изъ лексикона игроковъ и военныхъ):

Любилъ налѣво и направо
Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
Четвертый кушъ перечеркнуть,
Рутеркой понтирнуть со славою и т. д. (II, 233).
И притузить онъ моего туза (III, 214).
Семпелями плохо (III, 209).
Надо гнуть (III, 209). Ва-банкъ (III, 210).
Карта съ оника была убита (IV, 294).
Кобылу сѣрую собравъ (II, 195).
Не тянулъ онъ ногу въ пятку (II, 196).
Не продавай удивительнаго лова (IV, 341).

Въ сценахъ изъ военнаго быта нерѣдко встрѣчаются такія слова, какъ: бивакъ, жалонеръ, завалы, лафетъ, парадъ, редутъ и т. п.

Двойныя и сложныя слова: затѣйливо-мила (II, 148); утѣшительно-мила (II, 35); безмолвно-мраморныя плиты (II, 404); ложно-черныя сомнѣнія (II, 234); томно-блѣдныя плечи (II, 260); воздушно-неземной (IV, 295); грозно-молчаливо (IV, 59); непонятно-сладостное чувство (IV, 299); мутно-сѣрые глаза (IV, 225); мутно-нѣжный взглядъ (IV, 210); философско-метафизическое направленіе (IV, 211); экономо-политическій мечтатель (IV, 333); звучно-мѣрный (I, 207); полугрустный (IV, 146); полудобрый (IV, 21); полуживой (II, 1); полузабавный (II, 167); полузасохшій (II, 61); полузапекшійся (IV, 74); полумертвый (I, 132); полюбѣтый (II, 51); полупечальный (IV, 87); полурадостный (IV, 87); полуразвитый (IV, 55); полусгнившій (IV, 299); полусвѣтлый (IV, 4); полусиній (IV, 40); полусонный (IV, 48); полусухой (IV, 38), и др.

IV.

Особенности правописанія.

„ѵ“ *вм.* „ѵ“ *посль ж, ч, ш, ш:* ножь, стражь, межь, ужь; лучь, ключь, мечь, плачь, плечь, царевичь; нашь, маршь; плащь, товарищь.

„ѵ“ *посль „ч“ въ серединѣ словъ* (согласно съ произношеніемъ): лучьшій, пичька, ручька, рѣчька, свѣчька, точька, тучька, и др.

„ѵ“ *посль „н“ и „р“ въ серединѣ словъ* (согласно съ произношеніемъ): коньчу, сараньча, епаньча, женьщина; черьвь, верьхъ, скорьбь, верьшина, и др.

„о“ *вм.* „е“ *посль ж, и, ч, и* (согласно съ произношеніемъ): безумцомъ, жоны, нашолъ, пришолъ, рѣшотка, чолнь, чорный, шолкъ, и др.

„е“ *вм.* „э“: етогъ, ета, сто; поеть; Рафаель; епитафія; епиграмма; ешафотъ; емаль; Ельборусъ.

„ц“ *вм.* „сч“: щастье, щеть, щитать (на ряду съ счастье, счеть, считаль).

Сохраненіе „ѵ“ въ серединѣ составныхъ словъ:

въблизѣ, безъдушное, въполнѣ, объгорѣлыя, въмигъ, безъсилень, въдалѣ, безъконечно, въпередъ, подьслушивать, въверху, изьдалека, обвинить, и др.

Безразличное употребленіе окончаній „ме“ и „ья“ въ имен. и винит. пад. мн. ч. именъ прилагательныхъ: завѣтные преданья, чудесныя узоры.

Форма родит. пад. мѣстоименія „она“: ее.

Окончаніе 2 л. единств. ч. глаголовъ на „ѵ“: хранишь, стоишь.

„ю“ *вм.* „я“ *въ 3 л. мн. ч. глаголовъ 2-го спряженія:* прогонютъ (II, 10), заглядютъ, встрѣтлютъ, значютъ, пѣнются, носюся, обходятся.

„и“ *вм.* „е“ *въ 3 л. ед. ч. глаголовъ того же спряженія:* шепчуть, ѣдятъ.

Неопредѣленное наклоненіе страдат. залога и 2 л. единств. числа наст. вр. безъ „ѵ“: пускаются, растатся, освободится, дратся, наговорится, обернешся.

„е“ *вм.* „ь“ *въ корняхъ словъ:* цепь, лесъ, река, зверь, повесть, совесть, клетка, одеть, тесенъ, ведь, ведьма, и др.

„ь“ *вм.* „е“ *въ корняхъ словъ:* безполѣзный, дрѣвній, мѣлкій, мѣчта, нѣмощь, бѣздна, дѣрко, слѣза, вѣчерь, предмѣтъ.

„ь“ *вм.* „е“ *въ глагольныхъ окончаніяхъ:* живѣтъ, найдѣтъ.

„ь“ *вм.* „е“ *во множ. ч. повелит. наклон.:* пейтъ, робѣйтъ, твердитъ, идитъ, отворитъ, свистнитъ, и др.

„ь“ *вм.* „е“ *въ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ средн. р.:* послѣднѣе, вечернѣе, прежниѣе, зимнѣе, и др.

„ь“ *вм.* „е“ и „е“ *вм.* „ь“ *въ степеняхъ сравненія:* ширѣ, кручѣ, корочѣ; чистейшій, и др.

Непоследовательность въ употребленіи „е“ и „ь“:

ветѣръ и ветеръ, севѣръ и северь, вѣщь и вещь, стѣпь и степь, крестъ и крѣсть, наконѣцъ и безконечный, мятѣль и мятель.

„э“ *вм.* „с“ *въ префиксахъ воз —, раз —, низ — и предлогъ из — передъ всякой слѣдующей согласной:*

возхищать, испытать, исчезнуть, низпадать, разпустить, разкинуть, разкаяніе, здѣлать, закрыться, и др.

Любопытны также написанія:

блиско, уской, сдѣсь; притчина, впротчемъ, съ протчими; сонце, сердце, поэно, празничной.

О внѣшней формѣ и отдѣлкѣ своихъ художественныхъ произведеній Лермонтовъ заботился очень много, хотя и любилъ называть свой стихъ „небрежнымъ“ (I, 123; II, 414), свою поэзію — „плодами небрежной музы“ (I, 47). Гоголь, несомнѣнно, впадаетъ въ большія преувеличенія, когда говоритъ, что въ Лермонтовѣ „незамѣтно никакой любви къ дѣтямъ своего же воображенія. Ни одно стихотвореніе не выносилось въ немъ, не возлелѣялось чадлобно и заботливо, не устоялось и не сосредоточилось въ себѣ самомъ“... („Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?“).

Какъ можно видѣть изъ сохранившихся автографовъ Лермонтова, поэтъ по нѣсколько разъ вдумчиво и тщательно передѣлывалъ не только отдѣльныя мѣста, выраженія или стихи, но даже цѣлыя произведенія. Особенно бросается въ глаза упорная работа надъ стихомъ въ произведеніяхъ послѣдняго времени, напр. въ „Валерикѣ“, въ „Мицири“ и въ стихотвореніяхъ, относящихся къ 1841 году. Такъ, стихотвореніе „Они любили другъ друга“ передѣлывалось три раза; „Споръ“, „Сонъ“, „Утѣсь“, „Тамара“, „Свиданіе“, „Дубовый листокъ оторвался“, „Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю“, „Выхожу одинъ я на дорогу“, „Морская царевна“ и „Пророкъ“ — по два раза; поэма „Демонъ“ — не менѣе пяти разъ.

Проза давалась Лермонтову легче стиховъ, и случалось, что онъ даже диктовалъ другимъ свои повѣсти, напр. „Княгиню Лиговскую“, „Тамань“.

Не имѣя намѣренія печатать всего, что вышло изъ-подъ пера, Лермонтовъ очень часто дѣлаетъ переносы изъ одного своего произведенія въ другое не только отдѣльныхъ стиховъ или выраженій, но и довольно значительныхъ отрывковъ. Несомнѣнно, этимъ слѣдуетъ объяснить обиліе у него такъ называемыхъ самоподражаній и умышленныхъ повтореній.

Онъ былъ рожденъ для мирныхъ
вдохновеній,
Для славы, для надеждъ... (I, 188).
Спокойны были всѣ черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.
(II, 133).	Онъ былъ рожденъ для счастья, для
надеждъ
И вдохновеній мирныхъ! (II, 16).
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.
(II, 378).
Она постъ — и звуки тають,
Какъ поцѣлуй на устахъ. (II, 210).
...Любить не ставить въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ.
(I, 101).	Какъ поцѣлуй, звучить и таетъ
Твой голосъ молодой. (II, 212).
...Любить не ставить въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ.
(I, 103).
Слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобъ другъ друга позабыть... (I, 100).	Но слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобы другъ друга позабыть. (I, 104).

И, хоть невинный, началъ жизнь
свою,
Какъ многіе кончаютъ — преступ-
леньемъ. (I, 335).

Слѣды давно погибшихъ чувствъ и
мнѣній,
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній.
(II, 193).

...И звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...
(II, 209).

Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ отверженный — все богъ!
(I, 91).

Что безъ нея земля и рай?
Пустыя, звонкія слова,
Блестящій храмъ безъ божества.
(I, 223).

...Сердце у меня
Есть жертвеникъ, сгорѣвшій отъ
огня. (I, 145).

Есть сумерки души во цвѣтѣхъ лѣтъ,
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;

Жметъ сердце безотчетная тоска,
Жизнь ненавистна, но и смерть
тяжка... (I, 202).

Родной аулъ недалеко...
Тамъ, гдѣ кустарникомъ покрыты,
Встаютъ красивые граниты
Какимъ-то пасмурнымъ вѣнцомъ,
Есть поворотъ и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ.
Оттуда кровы земляные,

И, хоть невинный, началъ жизнь
свою,
Какъ многіе кончаютъ — преступ-
леньемъ. (II, 44).

Отрывки безыменныхъ чувствъ и
мнѣній
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній.
(II, 276).

И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мѣрно, другъ за дру-
гомъ. (II, 366).

Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все богъ!
(II, 209).

Что безъ нея земля и рай? —
Одни лишь звучныя слова,
Блестящій храмъ безъ божества.
(II, 138).

Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?...
Пустыя звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!
(II, 369. Ср. II, 408).

Миръ безъ тебя? что такое?... храмъ
безъ божества... (IV, 55).

Ты, грудь моя, бывшая всегда жер-
твенникомъ однихъ высокихъ
чувствъ, окаменѣй подобно ея
сердцу... (III, 129).

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ ней, ни свѣта
нѣтъ;

Она сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна ей, и смерть
страшна... (I, 213).

Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена;
Жизнь ненавистна, но и смерть
страшна... (I, 259—60).

Есть поворотъ и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ,
Тамъ, гдѣ красивые граниты
Рубчатымъ сходятся вѣнцомъ.
Оттуда онъ, какъ подъ ногами,
Смиранный различить аулъ...
(II, 92: „Хаджи Абрекъ“).

Мечеть, бѣлющий заборъ,
Аргуны воды голубя,
Какъ подъ ногами, встрѣтитъ взоръ!

(II, 79: „Измаилъ-Бей“).

Но дьяволъ, сокрушитель благъ зем-
ныхъ,

Блаженства намъ дарить на краткій
мигъ,

Чтобы ударъ судьбы сразилъ сильнѣй,
Чтобы съ жестокой тягостью своей
Несчастье унесло отъ жадныхъ глазъ
Все, что ему завидно въ иась...

(I, 198: „Джюлю“).

Еще небесное свѣтило
Росистый лугъ не обсушило;
Со скалъ гранитныхъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.

(II, 25: „Измаилъ-Бей“).

Я къ состоянью этому привыкъ,
Но ясно выразить его-бъ не могъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ.

(I, 260).

Въ печальномъ только сердцѣ можетъ
страсть

Имѣть неограниченную власть.
Такъ, въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза вырастаетъ: молода,
И зелена, и взоры веселить,
И украшаетъ сумрачный гранить;
И часто отдыхающій пришлецъ
Груститъ о ней и мыслить; наконецъ,
Порывамъ бурь и зною предана,

Увянетъ преждевременно она!...

(I, 218: „Литвинка“).

Я понималъ ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья. (II, 1).

Покрывшись пѣною рядами,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;

Есть демонъ, сокрушитель благъ зем-
ныхъ,

Онъ радость намъ дарить на краткій
мигъ,

Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй;
Врагъ истины, врагъ неба и людей,
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
Пока страданья не умчатъ, какъ сонъ,
Все, что мы въ жизни цѣнимъ только
разъ,

Все, что ему еще завидно въ насъ.

(I, 214: „Литвинка“).

Еще лѣнивое свѣтило
Росы холмовъ не осушило;
Со скалъ высокихъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.

(II, 92: „Хаджи-Абрекъ“).

Не могъ бы описать подобный мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ!

(II, 81).

Такъ, въ трещинѣ развалинъ иногда

Береза вырастаетъ молода
И зелена, и взоры веселить,
И украшаетъ сумрачный гранить.
И о судьбѣ ея чужой пришлецъ
Жалѣеть. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконецъ,
Увянетъ преждевременно она...
Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ мо-
жетъ страсть

Имѣть неограниченную власть.

(I, 257: „1831 г. іюня 11 дня“).

И толковать ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья.

(II, 400—401).

Покрыта бѣлыми кудрями,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена,

Такъ точно дѣва молодая
Идетъ, гордясь, между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ
нѣжныхъ словъ

Не слушая, не понимая.

(II, 2: „Морякъ“).

И, какъ царица молодая,
Течетъ одна между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ
нѣжныхъ словъ

Не слушая, не понимая...

(II, 400: „Демонъ“).

Ср. также „Ночь I“ и „Смерть“; „Исповѣдь“, „Боярина Оршу“ и „Мцири“; „Сашку“ (ст. 24—37, 1497—1501) и „Памяти А. И. Одоевскаго“ (ст. 24—37, 12—16, 44—48), „Желаніе“ (II, 11—12) и „Узникъ“ (II, 207).

Не мало „самоповтореній“ и въ пріемахъ художественнаго творчества: въ поэтическихъ образахъ, сравненіяхъ, эпитетахъ.

Изъ отдѣльныхъ поэтическихъ образовъ, какъ наиболѣе употребительные, можно отмѣтить слѣдующіе.

Змѣя: съ гордымъ бѣшенствомъ рѣка, крутясь, какъ змѣй (II, 49); Арагва... тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею (IV, 155); туманы... клубясь и извиваясь, какъ змѣи (IV, 172); тропинка извивалась, какъ змѣя (IV, 58); пыль вилась за нимъ змѣею (IV, 278); ползали, какъ змѣи, сѣрые клочки облаковъ (IV, 218); облака, одѣтыя туманомъ, обнявшись, свившись будто куча змѣй, безопасно дремлютъ на скалѣ своей (II, 187); огонь вился змѣей (I, 351); какъ змѣи, кудри на плечахъ (I, 149); печальной молніи змѣя (I, 123); мрачныхъ тучъ огнистыя края рисуются на небѣ, какъ змѣя (I, 125); презрѣніе, какъ змѣя, обвилось вокругъ сердца (IV, 39); печаль ластится, какъ змѣй (II, 372); шевелится грусть, какъ змѣй (I, 339; II, 369); какъ змѣю, мы топчемъ горе (II, 1); шипить воспоминанье, какъ подъ ногой прижатая змѣя; и ползаешь, какъ та среди развалинъ, по жиламъ сердца (II, 150); какъ змѣя, Маврушу обнялъ онъ руками (II, 174); крѣпко обвивалъ всѣ члены, какъ змѣя, канатъ (II, 115); и мы, сплетаясь, какъ пара змѣй, обнявшись крѣпче двухъ друзей, упали разомъ (II, 322); воспоминаніе — пробужденная змѣя (III, 275); змѣя коварства (III, 79); коварна, какъ змѣя (I, 274); тоска-змѣя (II, 132); змѣиная улыбка (II, 275); жало змѣи (I, 88; II, 152); змѣистыя сучья (IV, 18), и др.

Метеоръ: какъ южный метеоръ... выплываетъ... луна (I, 96); Арсеній шелъ, опередивъ своихъ, какъ метеоръ межъ облаковъ ночныхъ (I, 215); темно-красный метеоръ изъ тучи въ тучу пролетѣлъ (I, 233); странно, какъ ночью метеора свѣтъ (I, 319); зарево, какъ метеоръ (I, 238); остановился быстрый взоръ, какъ въ мигъ паденья метеоръ (II, 34); и сталъ бродить, какъ метеоръ во мракѣ полночи глубокой (II, 371); живу надъ моремъ и межъ горъ, какъ перелетный метеоръ (II, 395 и 407), и др.

Свинецъ: принялъ онъ ударъ свинца (I, 42); съ быстротой свинецъ промчался непомѣрной (I, 43); настичь не могъ ихъ мой свинецъ (II, 91); въ стволѣ свинецъ (I, 265); обманулъ его свинецъ (II, 75); съ свинцомъ въ груди, простертый на землѣ (II, 83); съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести (I, 202); печаль давила, какъ свинецъ (I, 245); сердце, яростью облитое, отяжелѣло, какъ свинецъ (II, 393); глаза отяжелѣли, какъ свинецъ (I, 154); смѣхъ тяжелъ, какъ свинецъ (I, 156); свинецъ въ груди на мѣсто сердца (III, 18); свинцу подобны сдѣлалися губы (III, 90); сердце бьется, какъ свинецъ, обли-

тый кровью (III, 119); свинцовыя минуты безвѣстности (III, 143); свинцовая тягость грѣха (III, 114); взоръ свинцовый (IV, 33), и др.

Слеза: слеза свинцовая катится (II, 385, 386, 388, 389); отчаянья свинцовая слеза (III, 167); пламень слезъ (I, 326); слезы... жгли ея лицо (II, 176); слезою, жаркою какъ пламень (II, 336, 388); горячая слеза (IV, 50); слеза кровавая (I, 136; III, 173, 201, 262; IV, 54, 71); двѣ яркія слезы... собою лишь свѣтлы, какъ алмазъ (II, 133); алмазная слеза (IV, 70); упали двѣ слезы двумя звѣздами (I, 347); Отяготѣль твоей ясный взоръ, покрывшись влагою жемчужной (II, 93); свѣтлая слеза — жемчужина страданья (II, 211), и др.

Червь: И червь, движенья не боясь, ползеть черезъ чело (I, 160); И сердце, въ тѣсномъ домѣ гробовомъ, не чувствуетъ, что червь его грызеть (I, 175); кровавый червь—жилецъ могиль (II, 137); и жадный червь грызеть, грызеть (II, 158); незримый червь незримо гложеть (III, 266); червь, грызущій вѣчно и вѣчно ненасытный (IV, 10).

Ядь: ядь рѣчей (I, 239); ядь смерти (I, 152); ядь страданья (I, 266); ядь страстей (I, 135, 200, 191); ядь злобы (I, 74); злобы хладный ядь (I, 364); старинной ненависти ядь (II, 367); ядь коварной лести (II, 373); смертельный ядь его лобзанья (II, 376); ядь преступныхъ черныхъ думъ (II, 394); эти думы — вѣчный ядь (I, 136); въ вопросѣ ядь (I, 281); тайный ядь течеть въ моей крови (I, 98); смертный ядь течеть по моимъ жиламъ (III, 99); чаша яда (III, 128); кубокъ смерти, яда полный (II, 16, 140), и мн. др.

Чрезвычайно характерны такіе образы, какъ: юная *береза* въ трещинѣ развалинъ (I, 218, 257; II, 110; III, 1); грозой оторванный *листокъ* (I, 296; II, 311, 345); „разновидная“ *облака*, ползушія, какъ змѣи, сплетающіяся въ фантастическіе хороводы (I, 338; II, 20, 92, 98, 187; IV, 90, 350); до времени созрѣлый *плодъ* (II, 16, 210, 252); *туча*, „какъ смерть темная и холодная“, летящая безъ цѣли и слѣда (II, 73, 80, 371, 389; III, 19); разъединенные *утесы*, которымъ „не сойтиться никогда“, хранящіе „союза прежняго слѣды“ (I, 100, 106; II, 313); заброшенный *цвѣтокъ* (I, 223, 234; II, 325); разбитый *челнокъ*, „лишенный веселья и гребцовъ“, ждущій напора валовъ (II, 14, 126, 371; III, 226), и др.

Въ поэтическомъ языкѣ раннихъ своихъ произведеній Лермонтовъ заплатилъ обильную дань романтизму, на которомъ онъ выросъ и воспитался; но нѣкоторая слабость къ риторикѣ, дѣланности не оставляетъ его и въ болѣе позднюю пору. Вліяніемъ романтизма объясняются излюбленные поэтомъ антитезы ада и рая (I, 93: пѣсни рая, пѣсни ада; I, 222: небесь и ада не боюсь; I, 373: клянуся небомъ я и адомъ; I, 207: мой адъ среди людскихъ заботъ, мой рай—у ногъ твоихъ; II, 96: въ немъ (мщеніи) адъ и рай души моей; I, 225: въ глазахъ былъ рай, а въ сердцѣ—адъ; I, 174: мой адъ, мой рай—мои мечты; II, 369: мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ; II, 124: они (звуки, очи) мой рай, они — мой адъ; I, 217: свой адъ и рай онъ здѣсь умѣлъ сыскать; ср. также адскій пламень, муки ада, адъ и проклятье, и т. п.); неба и земли; демона и ангела (I, 260; II, 81; III, 39; IV, 2, 9, 13), а равно такіе эпитеты, какъ гіена (III, 232), крокодилъ (III, 173, 311), тигръ (II, 81; III, 53, 98), и др.

Поэтическій языкъ Лермонтова очень живо и ярко охарактеризованъ Бѣлинскимъ—въ статьѣ о первомъ сборникѣ Лермонтовскихъ стихотвореній: „Можно сказать безъ преувеличенія,—что поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи

у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у громовъ, гуль у вѣтровъ, — что вся природа сама несла и подавала ему матеріалы... Какое разнообразіе картинъ, образовъ и чувствъ! тутъ и бури духа, и умиленіе сердца, и вопли отчаянія, и тихія жалобы, и гордое ожесточеніе, и короткая грусть, и мраки ночи, и торжественное величіе утра, и блескъ полудня, и таинственное обаяніе вечера!..." (Поли. собран. сочин. подъ редакц. С. А. Венгерова. Т. VI, стр. 59).

Съ такимъ же восторгомъ отзывается Бѣлинскій и о языкѣ прозы Лермонтова: „Слогъ повѣсти,—читаемъ въ статьѣ о „Героѣ нашего времени“, — то блескъ молніи, то ударъ меча, то разсыпавшійся по бархату жемчугъ!“ (V, 371).

Особенной красочности достигаетъ языкъ Лермонтова въ описаніяхъ природы. (Подробн. см. И. Анненскій. Объ эстетическомъ отношеніи Л. къ природѣ— „Русск. Школа“ 1891 г., кн. XII, стр. 73—83).

Въ поэтическомъ языкѣ Лермонтовъ, какъ и Пушкинъ, очень охотно допускаетъ „смѣлость выраженія“, такъ какъ этого требуетъ самая природа художественнаго творчества:

. . . Мысль сильна,
Когда размѣромъ словъ не стѣснена,
Когда свободна, какъ игра дѣтей,
Какъ арфы звукъ въ молчаніи ночей! (I, 261).

Когда „душѣ отъ чувствъ высокихъ тѣсно“, когда „лава вдохновенья“ клокочетъ на груди, — „стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ“ не удовлетворить „страшной жанды пѣснопѣнья“ (I, 75. 78; II, 256).

Секретъ творчества въ томъ, чтобы стихи не сочинялись, а были естественнымъ выраженіемъ мысли и чувства, чтобы между вдохновеніемъ и пѣснью была полная гармонія.

. . . Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны.
И рѣмы дружныя, какъ волны
Журча, одна во слѣдъ другой
Несутся вольной чередой.
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва:
На мысли, дышашія силой,
Какъ жемчугъ нжутся слова...
Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ... (II, 282—3).

Свидѣтелемъ одной изъ такихъ „минуть вдохновенья“, находившихъ на Лермонтова, былъ А. Н. Муравьевъ. „Въ лѣтній вечеръ, — вспоминаетъ А. Н., — я къ нему зашелъ и засталъ его за письменнымъ столомъ, съ пылающимъ лицомъ и съ огненными глазами, которые были у него особенно

выразительны. „Что съ тобою?“ спросилъ я. „Сядьте и слушайте“, сказалъ онъ, и въ ту же минуту, въ порывѣ восторга, прочелъ мнѣ, отъ начала до конца, всю свою великолѣпную поэму „Мцири“, которая только что вылилась изъ-подъ его вдохновеннаго пера. Внимая ему и самъ пришелъ я въ невольный восторгъ... Никогда никакая повѣсть не производила на меня столь сильнаго впечатлѣнія. Много разъ въ послѣдствіи перечитывалъ я его „Мцири“, но уже не та была свѣжесть красокъ, какъ при первомъ одушевленномъ чтеніи самого поэта“. („Знакомство съ русскими поэтами“, стр. 27).

О стихѣ Лермонтова.

Самъ Лермонтовъ назвалъ свой стихъ „железнымъ“ (II, 278). „Какъ у Пушкина, — развиваетъ мысль поэта Бѣлинскій, — грація и задушевность, такъ у Лермонтова гнучая и острая сила составляетъ преобладающее свойство стиха: это трескъ грома, блескъ молніи, взмахъ меча, визгъ пули... Для Лермонтова стихъ былъ только средствомъ для выраженія его идей, глубокихъ и вмѣстѣ простыхъ своею безопадною истиною, и онъ не слишкомъ дорожилъ имъ... Въ „Сказкѣ для дѣтей“ этотъ стихъ возвышается до удивительной художественности; но въ большей части стихотвореній Лермонтова онъ отличается какою-то стальною прозаичностью и простотою выраженія“. („Отеч. Зап.“ 1843 г., № 2, стр. 76).

Съ внѣшней, технической стороны, въ стихосложеніи Лермонтова не видимъ какихъ-нибудь существенныхъ нововведеній.

Большинство пьесъ Лермонтова, не менѣе 80%, написаны *ямбомъ*: четырехстопнымъ („Демонъ“*), „Мцири“, „Бояринъ Орша“, „Измаилъ-Бей“, „Хаджи-Абрекъ“, „Казначейша“, „Черкесы“, „Кавказскій плѣнникъ“, „Корсаръ“, „Послѣдній сынъ вольности“, „Каллы“, „Азраиль“, „Ангель смерти“, „Исповѣдь“, „Бѣглець“, „Валерикъ“, „Вѣтка Палестины“, „Журналистъ, читатель и писатель“, „Пророкъ“, и мн. др.), пятистопнымъ („Сказка для дѣтей“, „Сашка“, „Ауль Бастунджи“, „Джюлю“, „Литвинка“, III-й очеркъ „Демона“, „Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ“, „Сонъ“, „Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю“, и др.), шестистопнымъ („Когда волнуется желтѣющая нива“, „Умиращій гладиаторъ“, „Ребенку“), двухстопнымъ („Юнкерская молитва“, „Забудь опять“), трехстопнымъ („Веселый часъ“, „Онъ былъ въ краю святомъ“, семистопнымъ („Стояла сѣрая скала“) и, наконецъ, смѣшаннымъ („Смерть поэта“, „Бородино“, „Еврейская мелодія“, „Первое января“, „Любовь мертвеца“, „Отчизна“, и др.).

Въ дальнѣйшія подробности о структурѣ Лермонтовскаго ямба не будемъ входить; замѣтимъ лишь, что, по наблюденіямъ А. Бѣлаго, тахітит ускореній или полуудареній въ четырехстопномъ ямбическомъ стихѣ Лермонтова падаетъ на 3 стопу (v — | v — | vv | v — |, напр. „Сидитъ въ раздумѣ одинокомъ“); на 1 (vv | v — | v — | v — |, напр. „Не украшалъ его кудрей“)

*) За исключеніемъ 331—346 стиховъ окончательной редакціи (II, 360: „На воздушномъ океанѣ“), написанныхъ четырехстопнымъ хореемъ, и III первоначальнаго очерка, написаннаго пятистопнымъ ямбомъ.

и на 2 (— | — | — | — |, напр. „И полдня сладострастный зной“) — сравнительно рѣже*), а на 2 и 3 стопах вмѣстѣ (— | — | — | —) ускореній совсѣмъ не встрѣчается**).

Изъ другихъ стихотворныхъ размѣровъ Лермонтовъ отдаетъ предпочтеніе *амфибрахію*, которымъ написаны такіе перлы его поэзіи, какъ: „Ангель“, „Воздушный корабль“, „Три пальмы“, „Сосна“, „И скучно и грустно“, „Есть рѣчи — значенье“, „Какъ мальчикъ кудрявый“, „На свѣтскія цѣпи“, „Тамара“, „Они любили другъ друга“, „Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой“, и др. Довольно часто встрѣчается *хорей* („Два сокола“, „Гость“, „Черны очи“, „Два великана“, „Желаніе“, „Узникъ“, „Казачья колыбельная пѣсня“, „Дары Терекъ“, „Горныя вершины“, „Спортъ“, „Утесъ“, „Выхожу одинъ я на дорогу“, и др.); рѣже *анapestъ* („Будь со мною, какъ прежде бывала“, „Русалка“, „Сосѣдка“, „Мнѣ любить до могилы“, „Поцѣлуями прежде считалъ“, и др.), *дактиль* („Волны и люди“, „Небо и звѣзды“, „Я, Матерь Божія“, „Плѣнный рыцарь“, „Тучи“, „Морская царевна“, и др.); *гекзаметромъ* написана всего лишь одна пьеса („Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима“).

Народнымъ размѣромъ написаны: „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“, „Что въ полѣ за пыль пылитъ“, „Колоколь стонетъ“, „Атаманъ“.

Не поддается точному опредѣленію вольный размѣръ стихотвореній: „Челнокъ“, „Перчатка“, „Воздухъ тамъ чистъ“, „Слышу-ли голосъ твой“.

Что касается рѣмы, то Лермонтовъ, по его собственнымъ словамъ (II, 268), питалъ особенную слабость къ „тройственнымъ созвучіямъ“ и „влажнымъ рѣмамъ, какъ напримѣръ, на ю“.

При ямбическомъ размѣрѣ поэтъ отдаетъ явное предпочтеніе мужской рѣмѣ: это можно видѣть не только въ раннихъ стихотвореніяхъ и поэмахъ („Литвинка“, „Джюлю“, „Послѣдній сынъ вольности“, „Исповѣдь“, „Азраилъ“ и мн. др.), но и въ позднѣйшихъ, напр. въ „Бояринѣ Оршѣ“, въ „Мири“.

Глагольными рѣмами Лермонтовъ пользуется очень часто, иногда даже злоупотребляя ими, напр. въ стихотвореніи „Ты помнишь-ли, какъ мы съ тобою“ четыре пары глагольных рѣмъ на протяженіи 16 стиховъ; въ „Парусѣ“ двѣ пары такихъ рѣмъ приходятся на 12 стиховъ, а въ „Эпиграммѣ на Кукольника“ — на 6.

Но на ряду съ этимъ есть и такія стихотворенія, гдѣ нѣтъ ни одной глагольной рѣмы, напр. „Русалка“, „Узникъ“, „Я, Матерь Божія“, „Когда волнуется“, „Разстались мы“, „Есть рѣчи — значенье“, „Горныя вершины“, „Сосна“, „Тучи“, „Отчизна“, „Сонъ“, „Утесъ“, „Пророкъ“, и др.

Совсѣмъ безъ рѣмы — стихотворенія: „Желтый листъ о стебель бьется“, „Три ночи я провелъ безъ сна“, „Ночь I“, „Ночь II“, „Смерть“, „Солнце осени“, „Тростникъ“, „Монологъ“ (кромѣ 4-хъ послѣднихъ стиховъ).

*) Ускореніе (полуудареніе) на 2-й стопѣ въ стихѣ „Любила помѣняться съ нимъ“ подало поводъ барону Д. Г. Гинцбургу видѣть здѣсь „ничѣмъ не оправдываемое измѣненіе ритма“. („Du rythme dans les vers“ — въ „Запискахъ Неофилологическаго Общества“, вып. III, № 1, стр. 79).

**) Статьи „Лирика и экспериментъ“, „Опытъ характеристики русскаго четырехстопнаго ямба“ и „Сравнительная морфологія ритма“ — въ сборникѣ *Символизмъ*. М. 1910.

Въ стихотвореніяхъ „Къ Нээрѣ“, „Видали-ль когда, какъ ночная звѣзда“, „Земля и небо“ риѹмуютъ только четные стихи, а въ „Атаманѣ“ — только нечетные.

Изъ другихъ особенностей риѹмы Лермонтова слѣдуетъ отмѣтить.

Риѹмованіе твердою и мягкою зауковъ: домъ — поемъ (II, 1), Днѣпромъ — днемъ (I, 168), притомъ — днемъ (II, 300), томъ — конемъ (I, 97), путемъ — ночномъ (I, 163), кругомъ — ключемъ — (II, 258), перстомъ — въ немъ (II, 306), голубомъ — о чемъ (II, 347—48), братъ — говорятъ (II, 296), градъ — говорятъ (II, 347); стихами — страстями (I, 113), своимъ — роковымъ (II, 335), сѣдыми — съ ними (II, 332), другія — нѣмыя (II, 348), имъ — ледянымъ (II, 256), дрожить — забыть (II, 213), покрыть — дрожить (II, 346), живыхъ — ихъ (II, 296—97), живыхъ — въ нихъ (II, 257); сосенъ — осень (I, 84), очень — озабоченъ (II, 296), и др.

Риѹмы между словами одного корня: будеть — забудеть (I, 142. 313—14), отстанеть — станеть (I, 300), видѣль — возненавидѣль (I, 68. 104), вижу — ненавижу (II, 55), повѣсть — совѣсть (II, 182. 214), странной — иностранной (I, 79—80), своего — его (I, 124; II, 307), для него — его (II, 187), на него — его (II, 347), васъ — насъ (II, 347), чего — ничего (II, 298), и т. п.

Буквальное повтореніе риѹмующихъ словъ:

Оставъ, оставъ мня

Терзаешь ты меня (II, 7).

И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ

Что сердце здѣсь похоронилъ онъ (II, 141).

И мучила меня за то,

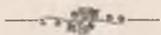
Что часто имъ прощалъ я то (I, 162).

Нерѣдко риѹмуются: *адъ — ать, ядъ — ять, идъ — ить, одь — отъ — етъ, пдь — пть, ядъ — ять:* братъ — назадъ (I, 82), окружать — нарядъ (I, 97), хранять — рядъ (I, 106), видъ — дрожить (I, 120), сбродъ — ждетъ (I, 170), годъ — бредеть (I, 264), годъ — пристаеть (II, 285), восходъ — растеть (II, 289); *гъ — къ — ать, дъ — ть, жь — шь, зъ — съ:* могъ — вѣнокъ (I, 138), знакъ — врагъ (I, 150), привыкъ — мигъ (I, 129), духъ — рукъ (I, 57), моихъ — мигъ (I, 174), грудь — зачерпнуть (II, 303), грудь — путь (II, 338), заснуть — грудь (II, 348), насъ — глазъ (I, 99), погасъ — глазъ (I, 110), французъ — усъ (II, 205), обозъ — началось (II, 302); упадешь — ножъ (I, 61), поймешь — ножъ (I, 144), не тревожь — осмѣшь (I, 175), и др.

Раннія стихотворенія Лермонтова пестрятъ банальными, бѣдными и вообще неудачными риѹмами; но далеко не всегда безукоризненна риѹма и въ произведеніяхъ послѣднихъ годовъ: мои (свои) — любви (I, 109; II, 170, 381); мою (свою) — люблю (I, 53. 54, 100; II, 160, 348); увижу я — заря (II, 241), храню — мою (II, 209), склоня — твоя (II, 331), тебя — твоя (I, 279); кстаги — братьи (II, 160), наѣзды — звѣзды (II, 338); издали — сохрани (I, 127), лечу — ищу (I, 130), него — чело (II, 203), дожгло — разнесло (II, 258); кровь — любовь (II, 8), вновь — любовь (II, 332), горя — моря (II, 345); унылый — могилы

(I, 123), тучи — кипучей (I, 123), увеселеній — тѣни (I, 60), ланиты — забытый (I, 56), нивы — счастливый (I, 66), напрасно — страстной (I, 159), столѣтій — дѣти (II, 258), угрюмый — думы (II, 214), усилій — измѣнили (II, 307), нищій — пищи (II, 347), неизмѣнный — Вѣны (II, 307), открытый — избитый — сердито (II, 205), картины — винный (II, 212), груди — люди — орудій (II, 206), млечной — вѣчно (II, 86); скатится — плачется (II, 257), поплачетъ — значить (II, 297; ср. III, 272), думаю — угрюмую (II, 343), росистымъ — свистомъ (II, 330), татаринъ — благодарень (II, 249), поколѣнье — сомнѣнья (II, 252), дорога — немного (II, 288), завала — заблистало (II, 302), лопата — злато (II, 338), и др.

Особенности въ постановкѣ ударенія довольно часто встрѣчаются въ юношескихъ стихотвореніяхъ: изрѣдка (I, 10; II, 129. 157. 175), музыка, музыкой (II, 272. 301), чувствованье, чувствованій (I, 73. 134), исповѣдникъ (II, 396), призракъ, призрака (I, 124. 151. 126; IV, 304), сударь (III, 220. 309), евнухъ (II, 342), съ гуслиами (I, 149), въ плѣну сестры ея увяли (II, 90), отъ очей (I, 23), свѣчи дрожащія пылали (II, 395. 410), на всѣхъ языкахъ (III, 211), съ дѣятельной и пылкою душой (I, 70), и утонулъ дѣятельнымъ умомъ (I, 78), счастливыхъ невѣждъ (III, 213), не права, права (II, 268; III, 268. 270), сорвалъ, сорвали (I, 266; II, 258; III, 222), сорванъ (I, 6), позволено (I, 97. 282), не продолжитъ (I, 219), не спалъ (I, 117; III, 5), и др.

Лермонтовъ — художникъ.

„Я помню одинъ сонъ, когда я былъ еще 8 лѣтъ, онъ сильно подѣйствовалъ на мою душу. Въ тѣ же лѣта я одинъ ѣхалъ въ грозу куда-то; и помню облако, которое, небольшое, какъ бы оторванный клочекъ чернаго плаща, быстро несло по небу; это такъ живо передо мною, какъ будто вижу“...

„Когда я еще былъ малъ, я любилъ смотрѣть на луну, на разнovidныя облака, которыя въ видѣ рыцарей со шлемами тѣснились будто вокругъ нея, будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства“... (IV, 350).

Это юношескія записи Лермонтова, записи случайныя, но знаменательныя для поэта-живописца. Въ образныхъ очеркахъ онъ сохранилъ впечатлѣнія видимости, которыя въ ярко живописныхъ чертахъ зарисовались въ его памяти: „облако, какъ клочекъ чернаго плаща“, „разнovidныя облака, въ видѣ рыцарей со шлемами“... И эти мотивы „грозовой“ романтики постоянно встрѣчаются въ его разныхъ рисункахъ. Но былъ ли Лермонтовъ подлиннымъ художникомъ, сдѣлалъ ли онъ какой-либо вкладъ въ сокровищницу русской живописи?

Рѣдко кто изъ людей, одаренныхъ гениемъ, могъ въ разныхъ образахъ воплощать свои переживанія. Примѣръ Леонардо да Винчи почти единственный въ міровой исторіи и кромѣ него, этого всесторонняго гения, мало кто можетъ быть названъ талантомъ всеобъемлющимъ. Одному суждено выразить свое мироощущеніе въ живописныхъ образахъ, другому это удастся въ звукахъ, третьему въ краскахъ или формахъ. Лермонтовъ долженъ быть причисленъ къ гениямъ слова, и въ области изобразительныхъ искусствъ онъ не оставилъ слѣда. Но, какъ характеристика его мысли и ощущеній, какъ примѣръ разностороннихъ попытокъ его воплотить свою мечту, — всѣ многочисленныя рисунки и рѣдкія картины Лермонтова должны быть разсматриваемы съ величайшимъ вниманіемъ и интересомъ. Ибо каждый штрихъ его, хотя и слабое, хотя порой и „косноязычное“, но все же — выраженіе его мысли.

Лермонтовскіе рисунки, разсѣянные по разнымъ альбомамъ и хранилищамъ, характерные образцы „культурнаго баловства“ его времени. Въ эту эпоху всякій, принадлежавшій къ извѣстной средѣ, писалъ въ альбомы стихи и набрасывалъ рисунки. И незначительныя, порой полныя огня и дарованія, но всегда дилетантскія попытки Лермонтова рисовать должны быть отнесены именно къ работамъ такого рода. Но тѣмъ не менѣе, при внимательномъ изу-

ченіи ихъ, при пытливомъ ихъ разсматриваніи, видишь сквозь эти подчасъ неуклюжія линіи и неловкіе штрихи романтическую душу поэта. Часто въ неумѣлой композиціи, въ черствомъ очеркѣ вдругъ блеснетъ какая-нибудь яркая живая черта, одухотворяющая „дѣтскій лепетъ“ рисовальщика. Если сопоставлять творчество Лермонтова-живописца съ произведеніями его современниковъ, то ближе всего примыкаетъ оно къ созданіямъ двухъ талантливыхъ диллетантовъ: князя Гагарина и графа де Бальмена. Впрочемъ, первый изъ нихъ, другъ и ученикъ Карла Брюллова, несравненно опытнѣе, болѣе ученъ да и болѣе одаренъ отъ природы. Графъ де Бальмень, оставившій намъ восхитительный альбомъ талантливыхъ набросковъ жизни помѣщиковъ, также болѣе умѣлъ, но и онъ диллетантъ, и Лермонтовъ къ нему близокъ. То же внимательное наблюденіе житейскихъ типовъ, тотъ же бойкій, часто неправильный, но всегда живой и правдивый штрихъ. Особенно занимательны набросанные имъ сцены военного быта, столь хорошо знакомыя поэту, гдѣ каждый росчеркъ карандаша живо повѣствуетъ какой-нибудь эпизодъ. Менѣе удачны картины въ краскахъ, слишкомъ рѣзкія и пестрыя, или композиціи, гдѣ болѣе всего требуется строгая, послѣдовательная школьная выучка. Но тамъ, гдѣ художникъ предоставленъ самъ себѣ и не заботится о „компановкѣ“, тамъ его рука легко и непринужденно воспроизводитъ бѣгъ его мыслей. Какъ хороша и жизненна, напримѣръ, сцена-набросокъ перомъ, хранящійся въ рукописномъ отдѣленіи Публичной Библіотеки. Здѣсь изображенъ какой-то военный „скалозубовскаго типа“ и нѣжная тоненькая дѣвушка, сидящіе на широчайшемъ диванѣ, а въ отдаленіи, въ сторонѣ, — поникшая фигура молодого офицера, приближающагося къ сидящимъ. Мы не знаемъ ни темы этого наброска, ни лицъ, здѣсь представленныхъ, но общая схема рисунка, мѣтко схваченные типы и живо зачерченныя движенія — все это говоритъ о не заученномъ, а природномъ дарованіи рисовальщика. Столь же хорошо, отлично распланированный, широко задуманный очеркъ перомъ: — офицеръ на конѣ и фигура женщины (см. воспроизведеніе). Размахъ, съ которымъ намѣчены деревья и лѣстница, общая спайка фигуръ съ ландшафтомъ — все это свидѣтельствуетъ о далеко не заурядномъ дарованіи. Въ этихъ наброскахъ рука послушна велѣнію мысли и тутъ не видна неумѣлость техники.

Хуже, когда вопросъ касается цѣлой композиціи картины. Здѣсь недостаточно намѣтить, указать главнѣйшее. Здѣсь нужно довести до конца, т. е. синтетически наиболѣе просто и сжато резюмировать всѣ составные элементы художественнаго произведенія, и въ картинахъ диллетантъ скazujeается сейчасъ-же. Оттого и произведенія Лермонтова, претендующія на „картинность“, всегда очень наивны и почти по-дѣтски выполнены. Таковы его такъ называемый „Предокъ“ (см. воспроизведеніе), таковы же и его батальные композиціи.

Если теперь обратиться къ разсматриванію послѣдовательныхъ фазисовъ развитія таланта Лермонтова-живописца, то мы увидимъ съ юныхъ лѣтъ проявлявшееся у него влеченіе къ искусству. Живописность его образовъ уже сама по себѣ свидѣтельствуетъ, что всякое впечатлѣніе запоминалось имъ въ красочныхъ уподобленіяхъ. Первые строки настоящаго очерка, взятыя изъ его записей, свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Съ точки зрѣнія „школьной“, Лермонтовъ ближе всего примыкаетъ къ Брюллову, т. е. отражаетъ, какъ и всѣ диллетанты вообще, наиболѣе яркое

и господствующее теченіе въ искусствѣ. Учителями его были А. С. Солопицкій, мало-извѣстный художникъ, а позже, по выходѣ Лермонтова въ офицеры, давалъ ему уроки рисованія художникъ П. А. Заболотскій (1803—1866), оставившій намъ два портрета Лермонтова. Заболотскій былъ весьма умѣлымъ живописцемъ, отразившимъ въ своемъ творчествѣ романтическій духъ Кипренскаго и Жерико... Сохранившійся въ собраніи Е. Г. Шварцъ „Солдаты“ Заболотскаго написанъ въ густыхъ, темныхъ, „затуманенныхъ“ тонахъ, смѣлой и широкой кистью. Этотъ героическій духъ былъ несомнѣнно близокъ мѣропониманію Лермонтова и естественно, что ученикъ слѣдовалъ за наставникомъ, какъ въ самомъ отношеніи къ природѣ, такъ и въ teknikѣ мастерства.

Въ письмахъ и стихотвореніяхъ Лермонтова можно найти немало указаній на интересъ, который онъ съ раннихъ лѣтъ проявлялъ къ искусству рисованія. „Милая Тетенька — писалъ онъ въ 1827 г. М. А. Шанъ-Гирей — ...Заставьте, пожалуйста, Ефима рисовать контуры; мой учитель говоритъ, что я еще буду ихъ рисовать съ полгода; но я лучше сталъ рисовать, однако-жь мнѣ запрещено рисовать свое“ (IV, 303).

Черезъ годъ, въ декабрѣ 1828 г., онъ пишетъ той же Шанъ-Гирей: „Папенька сюда пріѣхалъ, и вотъ уже двѣ картины извлечены изъ моего portefeuille, слава Богу, что такими любезными мнѣ руками!... Скоро я начну рисовать съ (buste) бюстовъ... Какое удовольствіе!... Къ тому же Александръ Степановичъ мнѣ показываетъ также, какъ должно рисовать пейзажи... Я прилагаю вамъ, милая тетенька,—пишетъ онъ дальше,—стихи, кои прошу помѣстить къ себѣ въ альбомъ, а картинку я еще не нарисовалъ. На ваканцію надѣюсь исполнить свое обѣщаніе. Вотъ стихи:

Поэтъ.

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Дѣвы ликъ священный
Живую кистью окончалъ,
Своимъ искусствомъ восхищенный,
Онъ предъ картиною упалъ.
Но скоро сей порывъ чудесный
Слабѣлъ въ груди его молодой,
И утомленный, и нѣмой,
Онъ забывалъ огонь небесный“.

Въ этихъ стихахъ упоминаніе о Рафаэлѣ и Мадоннѣ въ живописномъ образѣ явно свидѣтельствуяютъ, какъ занимало Лермонтова все, что касалось искусства. Въ позднѣйшихъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ его также не разъ встрѣчаются указанія на картины и имена Рафаэля, Гвидо Рени и Рембрандта. Первые два являются только данью времени, ибо въ эту эпоху это были имена, предъ которыми преклонялись всѣ. Но упоминаніе о Рембрандтѣ, котораго тогда еще знали и любили немногіе, уже гораздо болѣе индивидуально; здѣсь сказались симпатіи самого Лермонтова: любовь къ загадочному, таинственному — черты его „героическаго романтизма“. А это упоминаніе Рембрандта встрѣчается у него и въ отдѣльномъ стихотвореніи „На картину Рембрандта“ (1832 г.) и въ поэмѣ „Сашка“ (1836 г.). Наконецъ, находящійся въ Публичной Библиотекѣ рисунокъ сепіей, представляющій взлхма-

ченнаго челоуѣка съ фонаремъ (см. воспроизведеніе), — несомнѣнно исполненъ подъ вліяніемъ Рембрандта. Въ другихъ стихотворныхъ произведеніяхъ Лермонтова также встрѣчаются тѣ или иныя описанія картинъ:

„Взгляни на этотъ ликъ: искусствомъ онъ
Небрежно на холстѣ изображенъ,
Какъ отголосокъ мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсѣмъ живой,
Холодной взоръ не видитъ, но глядитъ,
И всякаго, не нравясь, удивить.
Въ устахъ нѣтъ словъ, но быть они должны —
Для словъ уста такія рождены.
Смотри: лицо какъ будто отошло
Отъ полотна, и блѣдное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что намъ извѣстно — не гроза страстей
Ему дала болѣзненный тотъ цвѣтъ,
И что въ груди сей чувствъ и сердца нѣтъ.
О, Боже, сколько я видалъ людей
Ничтожныхъ предъ картиною моею,
Душа которыхъ менѣ жила,
Чѣмъ общается видъ сего чела“. (I, 86).

Въ этотъ 1830-й годъ еще не разъ встрѣчаются у Лермонтова и другіе образы, посвященные живописнымъ произведеніямъ, или упоминанія о великихъ мастерахъ: „Есть у меня твой силуэтъ, какъ миль его печальный цвѣтъ“ (I, 90), или образное выраженіе „Какъ у Мадонны Рафаэля ея молчанье говорить“ (I, 105). Или, наконецъ, въ повѣсти „Вадимъ“ (1832) — описаніе дѣвушки: „Женская, розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля, съ дѣтской, полусонной, полупечальной, полурадостной невыразимой улыбкой на устахъ (IV, 87)“. Еще большаго вниманія заслуживаетъ стихотвореніе „На картину Рембрандта“.

Ты понималъ, о, мрачный гений,
Тотъ грустный, безотчетный сонъ,
Порывъ страстей и вдохновеній, —
Все то, чѣмъ удивилъ Байронъ.
Я вижу — ликъ полуоткрытый
Означенъ рѣзкою чертой . . .
То не бѣглець ли знаменитый
Въ одеждѣ инока святой?
Быть можетъ, тайнымъ преступленьемъ
Высокій умъ его убить;
Все темно вокругъ; тоской, сомнѣньемъ
Надменный взглядъ его горить.
Быть можетъ, ты писалъ съ природы,
И этотъ ликъ не идеаль,
Или въ страдальческіе годы
Ты самъ себя изображалъ? —

Но никогда великой тайны
Холодный не проникнетъ взоръ,
И этотъ трудъ необычайный
Бездушнымъ будетъ злой укоръ (I, 172—3).

На какую картину написано это стихотвореніе — памь не извѣстно. Ни одно изъ многочисленныхъ произведеній Рембрандта въ Эрмитажѣ не подходитъ къ этому описанію, и портреты его, принадлежащіе частнымъ русскимъ владѣльцамъ, каталогизированные В. Боде, не могли послужить темой для этого стихотворенія. Вѣрнѣе, что оно относится либо къ картинѣ, нынѣ не существующей, либо, — что гораздо вѣроятнѣе, — написано на портретѣ, который считался за Рембрандтовъ. А таковыхъ въ русскихъ богатыхъ домахъ было немало и много ложныхъ легендъ сложилось вокругъ картинъ съ этимъ ошибочнымъ наименованіемъ.

Въ прозаическихъ произведеніяхъ Лермонтова мы также можемъ указать нѣсколько примѣровъ. Такъ, въ повѣсти „Вадимъ“ (1832 г.) находимъ художественное описаніе комнаты XVIII вѣка съ картиной „Петръ I послѣ Полтавы“ (IV, 4), а далѣе и романтическую картину дѣйствительности съ постоянными сравненіями чисто-живописнаго порядка (IV, 45): „Вокругъ яркаго огня, разведеннаго прямо противъ воротъ монастырскихъ, больше всѣхъ кричали и коверкались нищие. Ихъ радость была изступленіе; озаренные трепетнымъ, багровымъ отблескомъ огня, они составляли первый планъ картины; за ними все было мрачнѣе и неопредѣлительнѣе; люди двигались, какъ рѣзкія, грубая тѣни; казалось, неизвѣстный живописецъ назначилъ этимъ нищимъ, этимъ отвратительнымъ лохмотьямъ, приличное мѣсто; казалось, онъ выставилъ ихъ на свѣтъ, какъ главную мысль, главную черту характера своей картины“...

Столь же многочисленныя художественныя уподобленія встрѣчаются и въ другихъ произведеніяхъ Лермонтова. Такъ, въ романѣ „Княгиня Лиговская“ (1836 г.) мы находимъ подробное описаніе всѣхъ художественныхъ мелочей комнатнаго убранства (IV, 101) и среди нихъ особенно внимательный разборъ картины, висѣщей на стѣнѣ. „Одна единственная картина привлекала взоры, — она висѣла надъ дверьми, ведущими въ спальню; она изображала неизвѣстное мужское лицо, писанное неизвѣстнымъ русскимъ художникомъ, челоукомъ, не знавшимъ своего генія, и которому никто объ немъ не позаботился намскнуть. Картина эта была фантазія глубокая, мрачная. Лицо это было написано прямо безо всякаго искусственнаго наклоненія или оборота; свѣтъ падалъ сверху, платье было набросано грубо, темно и безотчетливо; казалось, вся мысль художника сосредоточилась въ глазахъ и улыбкѣ. Голова была больше натуральной величины, волосы гладко упали по обѣимъ сторонамъ лба, который кругло и сильно выдавался, и, казалось, имѣлъ въ устройствѣ своемъ что-то необыкновенное. Глаза, устремленные впередъ, блистали тѣмъ страшнымъ блескомъ, которымъ иногда блещутъ живые глаза сквозь прорѣзи черной маски. Испытующій и укоризненный лучъ ихъ, казалось, слѣдовалъ за вами во всѣ углы комнаты, и улыбка, растягивая узкія и старыя губы, была болѣе презрительная, чѣмъ насмѣшливая“ (IV, 101—102). Развѣ не характеренъ для Лермонтова этотъ „портретъ“ — таинственный, загадочный и страшный? (Ср. IV, 290).

Внимательно начертаны и другія художественныя описанія на страницахъ „Княгини Лиговской“ — столовая князя и украшающія ее картины, причѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ разбираются съ особенной тщательностью (IV, 128—9, 132). Наконецъ, въ „Отрывкѣ изъ начатой повѣсти“ (1841 г.) Лермонтовъ говоритъ о художественномъ дарованіи и вкусахъ своего героя Лугина и останавливается на портретахъ, находящихся въ нанятой имъ квартирѣ. И здѣсь мы опять встрѣчаемъ тѣ же черты „невообразимой красоты“, „страшной жизни“ и „неизъянимаго“ (IV, 286, 290—292), что такъ характерны для Лермонтова.

Указанія на увлеченіе Лермонтова рисованіемъ и живописью встрѣчаются не только во его сочиненіяхъ, но и во многихъ письмахъ. Такъ 2-го сентября 1832 года онъ писалъ М. А. Лопухиной: „Dans ce moment même je commence à dessiner quelque chose pour vous, et je vous l'enverrai peut être dans cette lettre“. . . . „Mademoiselle Annette m'a dit qu'on n'avait pas effacé la célèbre tête sur la muraille. . . . pauvre ambition! Cela m'a rejoui. . . . et encore comment! Cette drôle de passion de laisser partout des traces de son passage! (IV, 313)... Эта „célèbre tête sur la muraille“ и есть такъ называемая „Голова предка Лерма“, которая была вторично написана Лермонтовымъ на холстѣ и нынѣ находится въ Лермонтовскомъ музеѣ (IV, 393). Картина эта написана черно и плохо, но романтическій замыселъ портрета и таинственное освѣщеніе лица очень характерны для исканій Лермонтова. Въ 1836 г., въ „нравственной поэмѣ“ Сашка, у Лермонтова не разъ встрѣчаются образы изъ области живописи и герой поэта воспроизводитъ въ рисункахъ предметъ своей мечты:

„Разсѣянно въ тетрадкахъ надъ строками
Его рука чертила здѣсь и тамъ
Какой-то женскій профиль, и очами,
Горящими, подобно двумъ звѣздамъ,
Онъ долго на него взиралъ, и нѣжно
Вздыхалъ онъ, и хранилъ его прилежно
Между листовъ, какъ тайный, милый кладъ,
Залогъ надеждъ и будущихъ наградъ“... (II, 171).

Потомъ въ этой же поэмѣ говорится про „силуэтъ рубчатый старухи, изъ картинъ Рембрандта взятой“ (II, 175), „И кто бы смѣлъ изобразить въ словахъ, что дышитъ жизнью въ краскахъ Гвидо-Рени? (II, 176). И въ концѣ „Сашки“ опять чисто-художественное отношеніе Лермонтова къ архитектурѣ стараго барскаго дома и портретамъ предковъ:

„И старый домъ, куда привелъ я васъ,
Его паденья былъ свидѣтель хладный,
На изразцахъ кой-гдѣ встрѣчаетъ глазъ
Черты карандаша, стихи и жадно
Въ нихъ ищеть мысли, и беспощадный часъ
Проходить . . . Кто писалъ? Съ какою цѣлью?
Грустилъ ли онъ, иль преданъ былъ веселью?
Какъ надписи надгробныя, онѣ
Рисуются узоромъ на стѣнѣ —

Слѣды давно погибшихъ чувствъ и мнѣній,
 Эпиграфы невѣдомыхъ твореній.
 И образы языческихъ боговъ —
 Безъ рукъ, безъ ногъ, съ отбитыми носами —
 Лежать въ углахъ, низвергнуты съ столбовъ,
 Раскрашенныхъ подъ мраморъ. Надъ дверями
 Висятъ портреты дѣдовскихъ вѣковъ,
 Въ померкшихъ рамахъ и глядятъ сурово"...

Въ другомъ письмѣ Лермонтова — къ С. А. Раевскому (1837 г.) встрѣчается уже упоминаніе о рисованіи его съ натуры. „Я снялъ на скорую руку — пишеть онъ — виды всѣхъ примѣчательныхъ мѣстъ, которыя посѣщаль, и везу съ собой порядочную коллекцію“ (IV, 330)). По одному изъ рисунковъ перомъ, находящемуся въ альбомѣ Публичной Библіотеки, и по рисункамъ, имѣющимся въ собраніи П. П. Заболотскаго, слѣдуетъ заключить, что Лермонтовъ рисовалъ виды Кавказа съ натуры: такъ точно и мѣтко нарисованъ имъ пейзажъ, на которомъ каждый домикъ и каждое дерево кажутся „портретными“. Какъ часто Лермонтовъ пытался запечатлѣть имъ видѣнное, можно судить и по нѣкоторымъ его записямъ.

Кромѣ другихъ мелкихъ стихотвореній („Разстались мы, но твой портретъ я на груди своей храню“), особенно яркос и живописное уподобленіе встрѣчается въ „Сказкѣ для дѣтей“ (1839 г.):

„Влюбился я... И точно хороша
 Была не въ шутку маленькая Нина.
 Нѣтъ, никогда свинецъ карандаша
 Рафаэля иль кисти Перуджина
 Не начертали, пламенемъ дыша,
 Подобный профиль“... (II, 274).

Вотъ тѣ „слова“, которыми Лермонтовъ, какъ видимъ, неоднократно пытался выражать свои красочныя и живописныя воспріятія жизни. Однако, и по сохранившимся сравнительно многочисленнымъ рисункамъ и картинамъ мы можемъ судить о Лермонтовѣ-художникѣ. Среди этихъ произведеній, конечно, самыми значительными должны быть признаны тѣ, которыя отражаютъ пребываніе поэта на Кавказѣ. Ибо все остальное является уже совершенно любительскимъ и случайнымъ, и подобнаго рода грифонажи и рисунки на клочкахъ бумажекъ еще не давали бы права причислять Лермонтова къ художникамъ. Но красоты и живописная жизнь Кавказа, которыя, по словамъ самого поэта, „были для него съ дѣтства священны“, оставили неизгладимый слѣдъ на его творчествѣ. Знакомство его съ кн. Г. Г. Гагаринимъ было также несомнѣнно, причиной того, что Лермонтовъ сталъ болѣе серьезно заниматься живописью. Впрочемъ, быть можетъ, еще у него въ Петербургѣ Лермонтовъ имѣлъ случай познакомиться съ другомъ и учителемъ Гагарина — знаменитымъ Карломъ Брюлловымъ. Объ этомъ свидѣтельствуеть одинъ изъ рисунковъ Лермонтова, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ. Здѣсь на листкѣ бумаги, рядомъ съ головой какого-то неизвѣстнаго господина въ очкахъ, нарисованъ очень четко и мѣтко характерный профиль Брюллова. Къ этой же

группѣ можетъ быть отнесенъ акварельный автопортретъ (1837 г.) Лермонтова, исполненный, однако, довольно неумѣло и робко и важный для насъ скорѣе въ иконографическомъ отношеніи.

Изъ другихъ многочисленныхъ рисунковъ поэта, разбросанныхъ по разнымъ хранилищамъ и въ частныхъ собраніяхъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ рисунки съ натуры. Лермонтовъ былъ внимательнымъ наблюдателемъ и мѣтко и жизненно схватывалъ движенія и характеризовалъ окружающую его дѣйствительность. Несомнѣнно „портретными“ могутъ быть названы его многочисленные рисунки изъ жизни кавказскихъ войскъ, пейзажи (особенно хороши четыре кавказскихъ вида, уцѣлѣвшихъ въ собраніи П. П. Заболотскаго), какая-то дуэль двухъ офицеровъ, мужичокъ, сидящій въ тѣни дерева, тройка, везущая возокъ, и множество другихъ набросковъ. Вторую категорию выдуманныхъ композицій надо признать гораздо менѣе удачной. Лермонтовъ, какъ диллетантъ, не могъ свободно распоряжаться своими подчасъ весьма живописными замыслами и не имѣлъ достаточныхъ знаній художественнаго ремесла. Поэтому, картины, подсказанныя ему его фантазіей, всегда неуклюжи по выполнению и нѣсколько наивны по компановкѣ. Таково подражаніе Рембрандту — бородатый мужчина съ фонаремъ и „портретъ“ предка. Таковы же его баталическія композиціи: „Валерикъ“ законченный Гагаринымъ *), „Гусары при штурмѣ Варшавы въ 1831 г.“ и „Перестрѣлка въ горахъ Кавказа“, хотя и заимствованныя изъ жизни, но не списанныя съ природы и потому являющіяся скорѣе картинами, а не „портретами жизни“.

Что же касается до рисунковъ Лермонтова, иллюстрирующихъ его же писательское творчество, то, къ сожалѣнію, о нихъ мы ничего сказать не можемъ, ибо серьезныхъ попытокъ Лермонтова конкретно выразить графическимъ путемъ какую-либо мысль или образъ, высказанный имъ, какъ поэтось слова, кажется, не существуетъ **). Къ такимъ попыткамъ позволительно лишь отнести его большой рисунокъ (см. воспроизведеніе въ началѣ IV-го тома), гдѣ на одномъ листѣ, тѣсно прижатые другъ къ другу, помѣщены образы какъ будто бы нѣкоторыхъ лермонтовскихъ произведеній; между прочимъ, среди этихъ набросковъ можно замѣтить иллюстрацію къ „Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ“. Вообще же всѣ живописныя созданія Лермонтова являются скорѣе баловствомъ его досуговъ и, конечно, не играютъ существенной роли въ его біографіи.

Баронъ Н. Врангель.

*) Акварель, находящаяся въ Музеѣ Александра III.

**) „Валерикъ“, находящійся въ Музеѣ Александра III по компановкѣ далекъ отъ текста стихотворенія того же названія; еще менѣе подходитъ къ нему аналогичнаго названія акварель, находящаяся въ Публичной бібліотекѣ (см. воспроизведеніе въ т. II, передъ стр. 305).

Обзоръ художественныхъ работъ Лермонтова.

I.

Составить полный списокъ художественныхъ работъ Лермонтова едва ли когда-нибудь удастся. Какъ и автографы поэта, его рисунки, наброски, этюды, даже картины далеко не всѣ дошли до насъ или доступны изученію. Правда, значительная часть ихъ спасена для потомства, попавъ въ такія хранилища Петербурга, какъ Лермонтовскій Музей, Императорская Публичная Библіотека, Императорская Академія Наукъ, а также въ Московскіе Музеи, но извѣстно, что не мало автографовъ и рисунковъ Лермонтова тaitся въ нѣдрахъ (порою недосягаемыхъ) частныхъ собраній, у случайныхъ владѣльцевъ или въ семейныхъ архивахъ потомковъ лицъ, такъ или иначе бывшихъ близкими къ поэту. Съ другой стороны, дѣло регистраціи художественныхъ работъ Лермонтова осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ не носятъ подписи автора (послѣдняя, какъ исключенье, намъ извѣстна лишь на одномъ рисункѣ, хранящемся въ Публичной Библіотекѣ и подъ одной литографіей Лермонтова, принадлежащей нынѣ П. П. Заболотскому) и установить принадлежность ихъ Лермонтову подчасъ бываетъ труднѣе, чѣмъ опредѣлить подлинность того или иного автографа, выдаваемого за лермонтовскій; наконецъ, дѣло осложняется и завѣдомымъ соучастіемъ въ нѣкоторыхъ работахъ Лермонтова другихъ художниковъ, какъ напр. его учителей, кн. Г. Г. Гагарина и др. Тѣмъ не менѣе, въ группѣ художественныхъ работъ, въ особенности рисунковъ, выдаваемыхъ за произведенія карандаша, пера или кисти Лермонтова (а принадлежность нѣкоторыхъ изъ нихъ поэту — внѣ сомнѣній), найдется достаточно общихъ и характерныхъ чертъ, чтобы притти къ тому или иному выводу, что и попытался сдѣлать въ предшествующей статьѣ баронъ Н. Н. Врангель; не мало помогъ разобраться въ лермонтовскомъ наслѣдіи рисунковъ, какъ увидимъ ниже, кн. Н. Н. Манвеловъ. Здѣсь же приходится отмѣтить, что полный списокъ художественныхъ работъ Лермонтова, если таковой когда-либо будетъ составленъ, едва-ли увеличить художественную

цѣнность этого рода наслѣдія Лермонтова и едва-ли измѣнить установившійся взглядъ на Лермонтова, какъ художника.

Наиболѣе богатое собраніе художественныхъ работъ Лермонтова имѣется въ Петербургѣ, въ Лермонтовскомъ Музеѣ при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ; небольшое собраніе хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Обзору этихъ двухъ собраній и посвящена настоящая статья. Изъ работъ же Лермонтова, имѣющихся въ извѣстныхъ намъ частныхъ собраніяхъ (какъ напр. у В. Н. Поливанова — нѣсколько рисунковъ Лермонтова въ альбомѣ; у А. И. Арапова — двѣ акварели, едва-ли Лермонтова; у О. А. Новосильцовой — двѣ акварели (см. т.т. II и V), у Н. Р. Александренко — двѣ картины масляными красками (см. т. IV), наибольшее вниманіе останавливаетъ на себѣ автопортретъ Лермонтова (собственность Пантелѣева), о которомъ было упомянуто выше, акварель: „Бивуакъ л.-гв. Гусарскаго полка подъ Краснымъ Селомъ“, какъ имѣющая историческое значеніе по лицамъ, изображеннымъ на этой акварели, и четыре кавказскихъ вида въ собраніи П. П. Заболотскаго, сына художника П. Е. Заболотскаго, у котораго Лермонтовъ учился рисованью. Говорятъ, что Лермонтовъ привезъ съ Кавказа въ подарокъ своему учителю цѣлую коллекцію кавказскихъ рисунковъ, но изъ нихъ уцѣлѣло только четыре: Ларсь, видъ Тифлиса, развалины замка и литографія (кавказскій видъ), носящая подпись Лермонтова.

II.

Въ Лермонтовскомъ Музеѣ, при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ, въ III отдѣлѣ, подъ № 22, имѣется небольшая тетрадь съ рисунками.

Тетрадь въ форматъ 4⁰ заключена въ старый полукожаный переплетъ, на оборотѣ верхней крышки котораго карандашомъ нарисована лошадиная голова. Тетрадь заключаетъ 134 перенумерованныхъ страницы съ 213 рисунками, изъ которыхъ 210 перенумерованы. Рисунки сдѣланы частью карандашемъ (185), частью перомъ (25), или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ (3). Къ тетради приложенъ скрѣпленный печатью варшавскаго нотаріуса Христофора Ксеновскаго систематическій перечень рисунковъ въ порядкѣ нумераціи. Кромѣ того, при тетради имѣется краткая замѣтка о рисункахъ, составленная товарищемъ Лермонтова по училищу, кн. Николаемъ Николаевичемъ Манвеловымъ, пожертвовавшимъ тетрадь Музею. Замѣтка засвидѣтельствована 22 декабря 1889 г. бѣлостокскимъ нотаріусомъ К. И. Летченко.

По свидѣтельству кн. Манвелова, не всѣ рисунки въ тетради принадлежать Лермонтову. Онъ пишетъ: „Вообще, сколько помню, рисунки Лермонтова отличались замѣчательной бойкостью и увѣренностью карандаша, которымъ онъ съ одинаковымъ талантомъ воспроизводилъ, какъ отдѣльныя фигуры, такъ и цѣлыя группы изъ многочисленныхъ фигуръ въ различныхъ положеніяхъ и движеніяхъ, полныхъ жизни и правды. Поэтому, встрѣчающіяся въ его тетради фигуры, не отвѣчающія тому отличительному характеру рисунковъ Лермонтова, слѣдуетъ, конечно, приписать кому-нибудь изъ его товарищей“. Въ примѣчаніяхъ къ замѣткѣ указано кн. Манвеловымъ около 60 рисунковъ, „отвѣчающихъ тому отличительному характеру“.

Вотъ эти рисунки:

Рис. № 1. (Каранд. *): Два горца у рѣки, одинъ на конѣ, другой ведетъ лошадь въ поводу (стр. 1).

№ 10: Схватка горцевъ съ козаками (9 фигуръ) (стр. 9).

„ 12: Голова молодого военного (стр. 11).

„ 14: Поясной портретъ молодой женщины въ букляхъ (тамъ же).

„ 19: Постоялый дворъ (стр. 13).

„ 25: Портретъ полковника Алексѣя Степановича Стунѣва, въ сюртукѣ и фуражкѣ, съ бичемъ въ рукѣ (стр. 15).

№ 26: Портретъ юнкера князя Шаховского, прозваннаго товарищами за свой длинный носъ „Курокъ“ (носъ затушеванъ) (стр. 17).

№ 27: Портретъ юнкера Леонида Николаевича Хомутова (тамъ же).

„ 28: Группа юнкеровъ у стола въ дортуарѣ (среди нихъ вышеупомянутый „Курокъ“) (тамъ же).

№ 32: Конный уланъ съ пикой на перевѣсъ въ правой рукѣ (стр. 21).

„ 34: Портретъ штатскаго (стр. 23).

„ 37: Голова крестьянина (стр. 24).

„ 43: Типъ челоуѣка изъ народа (стр. 25).

„ 56 (перомъ): Два вооруженныхъ всадника (стр. 33).

„ 62 (перомъ и каранд.): Всадникъ, проѣзжающій мимо дома, окруженнаго садомъ (стр. 35).

№ 63: Тройка съ санями у постоялаго двора (стр. 37).

„ 65: Коляска, запряженная скачущей тройкой (4 фигуры) (стр. 39).

„ 67: Портретъ молодой женщины въ букляхъ (стр. 40).

„ 69: Портретъ военного (тамъ же).

„ 71: Черкесь на конѣ, стрѣляющій во всадника, показывающагося изъ за деревьевъ (стр. 41).

№ 74: Атака конныхъ улановъ на пѣшихъ гренадеровъ (стр. 45).

„ 75: Вооруженный всадникъ (схожій со всадникомъ рис. 62) (стр. 47).

„ 84: Вооруженный всадникъ (стр. 49).

„ 87: Гулянье въ саду (10 фигуръ) (стр. 51).

„ 89: Лицо мужчины (стр. 53).

„ 94: Пожилой мужчина въ шинели (стр. 54).

„ 96: Манежъ юнкерской школы (стр. 57).

„ 97: Бивуакъ (болѣе 40 фигуръ) (стр. 59).

„ 100: Вооруженный козакъ, перескакивающій верхомъ черезъ препятствіе (стр. 63).

№ 106: Два военныхъ, проѣзжающіе на скачущей тройкѣ мимо бревенчатой избы (стр. 67).

№ 107: Битва французскихъ кирасировъ съ конными егерями (7 фигуръ) (стр. 69).

№ 108: Мужское лицо съ выраженіемъ ужаса (стр. 71).

*) Въ дальнѣйшемъ перечнѣ отсутствіе указанія при № рисунка на способъ исполненія его обозначаетъ, что рисунки исполнены *карандашомъ*; въ другихъ случаяхъ будетъ дано указаніе, что рисунокъ исполненъ *перомъ* или *и перомъ и карандашомъ*.

№ 112: Офицеръ, сидящій на брошенной на землю шинели, разговари-
ваетъ съ курящимъ военнымъ (стр. 73).

№ 113: Конный уланскій штабъ-офицеръ, остановившій лошадь передъ
пѣшимъ уланскимъ офицеромъ (тамъ же).

№ 114: Пѣшій уланъ съ киверомъ въ рукѣ (тамъ же).

„ 115: Уланскій офицеръ, обращенный спиною, съ киверомъ въ рукѣ,
разговариваетъ съ какимъ-то мужчиной (послѣдній набросанъ очень неясно)
(тамъ же).

№ 116: Конный уланъ (тамъ же).

„ 121: Всадникъ (схожій со всадникомъ на рисункахъ 62 и 75) (стр. 79).

„ 126: Голова мужчины (стр. 80).

„ 129: Салютующій саблю конный уланъ (тамъ же).

„ 131: Кибитка на полозьяхъ, запряженная тройкой, у заставы (стр. 81).

„ 136: Портретъ военнаго въ шинели (стр. 83).

„ 141: Двое мужчинъ въ шинеляхъ, подъѣзжающіе въ коляскѣ, запря-
женной четверкой скачущихъ лошадей, къ дому, на балконъ котораго видны
три встрѣчающія ихъ фигуры (7 фигуръ) (стр. 85).

№ 143: Лицо мужчины (стр. 87).

„ 146: Видъ мужчины (спереди) съ кинжаломъ въ рукѣ, склонившагося
надъ трупомъ убитой имъ женщины (тамъ же).

№ 147: Видъ убійцы (сзади) (сюжетъ рис. 146) (тамъ же).

„ 149: Два конныхъ горца, кидаящіяся съ крутого берега въ рѣку
(стр. 89).

№ 162 (перомъ): Зимній пейзажъ (стр. 95).

„ 163: Нападеніе горцевъ на русское укрѣпленіе (стр. 97).

„ 164: Осмотръ ординарцевъ (стр. 99).

„ 165: Сцена изъ кавказскаго быта — передъ постелью умирающаго
(стр. 101).

№ 168: Этюдъ изъ жизни русскихъ войскъ въ укрѣпленіяхъ (стр. 103).

„ 169 (перомъ): Горецъ, стрѣляющій съ лошади въ русскаго коннаго
офицера (стр. 105).

№ 174: Женская голова въ восточномъ головномъ уборѣ (стр. 109).

„ 176: Офицеръ, держашій въ рукахъ письмо (стр. 112).

„ 181: Лицо молодого мужчины въ прическѣ съ кокомъ (стр. 114).

„ 184: Лицо мужчины съ николаевскими бакенбардами (стр. 116).

„ 187: Поясной портретъ молодой женщины въ букляхъ (стр. 119).

„ 199 (перомъ): Портретъ штабъ-офицера съ дымящейся трубкой во рту
(стр. 128).

№ 204 (перомъ): Портретъ преподавателя кавалерійскаго устава въ
училищѣ штабъ-ротмистра Кирасирскаго Его Величества полка Влад. Ив.
Кноринга, въ черныхъ латахъ, наклонившагося съ лошади къ стоящей на
террасѣ женщинѣ (стр. 131).

№ 207: Маневры: движеніе конныхъ егерей въ бродъ черезъ рѣку (9 кон-
ныхъ фигуръ на первомъ планѣ) (стр. 133).

Во всей тетради вовсе не встрѣчается рисунковъ „мертвой природы“,
изображеній внутренности жилищъ, какихъ-либо другихъ животныхъ, кромѣ
лошадей, и пр. Благодаря такому ограниченному кругу сюжетовъ, пред-

ставляется удобнымъ для общаго обзора рисунковъ разбить ихъ по содержанию на слѣдующія группы.

Головы: женщинъ; штатскихъ; военныхъ; простолюдиновъ; горцевъ.

Фигуры: пѣшихъ военныхъ; военныхъ на лошадяхъ; штатскихъ (пѣшихъ и всадниковъ); горцевъ; простолюдиновъ.

Этюды: лошадей; человѣческаго тѣла.

Сцены: бытовая; военная.

Портреты: именные; каррикатурные (безъ подписи).

Предметы убранства.

Пейзажи.

Первая группа — головы женщинъ — представлена въ тетради 6 рисунками (№№ 14*, 15, 67, 68, 174 и 187*), причѣмъ 5 изъ нихъ, повидимому, изображенія одного лица**). Характерная особенность всѣхъ рисунковъ этой группы состоитъ въ трактовкѣ женскаго лица, какъ отраженія демонизма, который сквозитъ въ изгибѣ плотно сжатыхъ губъ и во взглядѣ слегка скошенныхъ глазъ, что придаетъ лицамъ этихъ женщинъ выраженіе чопорной надменности. Къ типу женщины, смотрящей со страницъ тетради, вполне подошло бы то оригинальное названіе, которое другой, принадлежащій къ иной культурѣ, поэтъ далъ болѣзненнымъ и жестокимъ созданиямъ своей фантазіи. Это близкій Лермонтову по духу Барбэ д'Оревилли, назвавшій шесть причудливо созданныхъ имъ женскихъ образовъ именемъ Diaboliques.

Вторая группа — головы и бюсты мужчинъ въ штатскомъ платьѣ — обнимаетъ 8 рисунковъ (№№ 4, 6, 34, 64 — bis, 88, 94, 99 и 192). Шесть изъ нихъ являются изображеніями лицъ средняго возраста, и только два передаютъ лица относительно молодая. Трое одѣты въ сюртуки тогдашняго покроя, на остальныхъ николаевскія шинели. Всѣ лица довольно выразительны и отличаются суровымъ, холоднымъ взглядомъ изъ-подъ рѣзко очерченныхъ бровей.

Рисунковъ третьей группы — головы и бюсты военныхъ — въ тетради — 21 (№№ 2, 11, 12, 13, 16, 30, 35, 69, 70, 78, 93, 122, 124, 126, 136, 142, 159, 160, 198, 199 и 202). Среди нихъ людей молодыхъ и средняго возраста почти поровну. Выраженіе лицъ спокойное, безстрастное; взглядъ живой. Всѣ военные въ форменныхъ сюртукахъ или мундирахъ, и лишь на немногихъ (напр. рис. № 70) шинели.

Четвертую группу — головы крестьянъ — составляютъ 3 весьма характерныхъ рисунка (№№ 37, 39 и 41).

Къ пятой группѣ — головы горцевъ — относится только 2 рисунка (№№ 83 и 142), — не принадлежащихъ, вѣроятно, Лермонтову, и мало характерныхъ. Только головныя украшенія изображенныхъ лицъ позволяютъ судить объ ихъ принадлежности къ жителямъ Кавказа.

Шестая группа — фигуры пѣшихъ военныхъ — заключаетъ 10 рисунковъ (№№ 58, 114, 115, 137, 138, 139, 140, 155, 172 и 176). Рисунки этой группы весьма типичны для времени: на всѣхъ фигурахъ лежитъ печать „фрунтовой“ выправки и тяжелой солдатской „граціи“.

*) Курсивомъ обозначены №№ рисунковъ, признаваемыхъ кн. Н. Н. Манвеловымъ за Лермонтовскіе.

**) Ср. женскій портретъ на автографѣ посвященія драмы „Menschen und Leidenschaften“ (см. воспроизведеніе, т. III, стр. 97).

Седьмая группа — фигуры военных на лошадях — представлена 15 рисунками (№№ 32, 33, 36, 53, 54, 59, 84, 100, 116, 129, 132, 179, 194, 195 и 206). Тип военных тот же, что и в предыдущей группѣ.

Восьмая группа — фигуры горцев — состоит всего из 2 рисунков (№№ 78 и 85).

Группа, въ которую входят изображенія фигуръ мужчинъ въ штатскомъ платьѣ, на лошадяхъ или пѣшихъ, включаетъ 5 рисунковъ (№№ 56, 60, 61, 110 и 173) съ 7 фигурами, изъ коихъ 3 конныя.

Группа фигуръ простолюдиновъ представлена 3 рисунками (№№ 40, 42 и 43) съ изображеніями четырехъ фигуръ.

Группа одинадцатая — этюды лошадей — заключаетъ 12 рисунковъ (№№ 17, 18, 31, 44, 72, 86, 90, 109, 133, 156, 203 и рисунокъ на оборотѣ верхней крышки переплета). У большинства — головы арабскаго типа, и ходятъ онѣ всѣ безъ исключенія иноходью, что составляетъ особенность всѣхъ лошадей, нарисованныхъ въ тетради и вообще рисованныхъ Лермонтовымъ.

Двѣнадцатая группа — этюды человѣческаго тѣла — имѣетъ 42 рисунка (№№ 8, 9, 20, 50—bis, 55, 66, 77, 79, 80, 81, 82, 89, 91, 92, 102, 104, 105, 118, 123, 125, 127, 128, 134, 135, 143, 145, 151, 152, 153, 154, 166, 167, 180, 181, 182, 183, 184, 186, 193, 202, 205 и 208), изъ коихъ 37 посвящено изображеніямъ лица, 4 изображеніямъ ноги и 1 (№ 91) — глаза; послѣдній особенно интересенъ академической правильностью рисунка. Молодые лица на 10 рисункахъ, на остальныхъ (27) лица людей средняго возраста. Изображеній старыхъ лицъ нѣтъ. Выраженіе лицъ самое разнообразное — отъ мрачно угрюмаго до жизне-радостно-веселаго.

Въ тринадцатой группѣ — бытовые сцены — 27 рисунковъ (№№ 5, 7, 19, 24, 28, 62, 63, 65, 73, 75, 87, 96, 98, 106, 120, 121, 131, 141, 146, 147, 148, 162, 170, 171, 185, 188 и 189). Сюда входят: 2 изображенія охоты, прогулки верхомъ (8), 2 сцены изъ жизни юнкеровъ, поѣздки на тройкахъ (7), 2 сцены убійства, дуэль (№ 171) и нѣкоторые другіе сюжеты.

Группа четырнадцатая (военныя сцены) — 20 рисунковъ (№№ 1, 10, 29, 71, 74, 97, 107, 112, 113, 117, 119, 149, 163, 164, 165, 168, 169, 175, 196 и 207). Среди нихъ 6 посвящены изображенію схватокъ. Здѣсь любопытно присутствіе почти на всѣхъ рисункахъ большого количества человѣческихъ фигуръ, чего не наблюдается въ остальныхъ группахъ.

Въ пятнадцатой группѣ — портреты — 4 рисунка (№№ 25, 26, 27 и 204). Объ нихъ упомянуто уже выше, при перечисленіи рисунковъ, за которыми установлено замѣткой князя Манвелова авторство Лермонтова. Интересенъ рис. № 27 (юнкерь Хомутовъ) выразительностью мечтательнаго лица и поэты.

Группа шестнадцатая — анонимные карикатурныя рисунки — представлена въ тетради 15 образцами (№№ 21, 22, 23, 45, 46, 47, 48, 101, 103, 108, 157, 158, 159, 178 и 190). Рисунки эти, между прочимъ, обращаютъ на себя вниманіе сходствомъ съ карикатурами Э. Т. А. Гофмана. Съ литературными фантазіями этого писателя Лермонтовъ, конечно, былъ знакомъ въ подлинникъ: нельзя не видѣть прямого вліянія Гофмана на „Отрывокъ изъ начатой повѣсти“ нашего поэта. Сомнительно, впрочемъ, чтобы Лермонтову случилось видѣть рисунки Гофмана, но любопытно, что онъ не послѣдовалъ въ своихъ карикатурахъ господствовавшей въ его время брюлловской, сухой академи-

ческой манерѣ но показаль въ нихъ довольно яркіе образцы гротескной техники, родоначальникомъ которой былъ великій Жакъ Калло, вдохновитель творчества Гофмана, назвавшего его именемъ цѣлую серію своихъ новеллъ (Разказы въ манерѣ Калло).

Къ семнадцатой группѣ (предметы убранства) принадлежать 2 рисунка (№№ 200 и 201) съ изображеніями камина и вазы на постаментѣ.

Наконецъ, восемнадцатая группа (пейзажи) заключаетъ 8 рисунковъ (№№ 3, 49, 50, 95, 161, 191, 197 и 210). Они принадлежать къ числу самыхъ слабыхъ въ тетради. Этотъ родъ искусства, очевидно, не соответствовалъ ни природѣ дарованія, ни техническимъ даннымъ рисовальщика.

Бросая общій взглядъ на тетрадь, нельзя не замѣтить, что рисунки ея болѣе характерны, чѣмъ художественны. Такъ, несомнѣнно, интересны со стороны композиціи всѣ болѣе или менѣе сложные сюжеты; напримѣръ, въ наброскѣ, изображающемъ бивуакъ (рис. № 97) на небольшомъ пространствѣ бумаги умѣщено, только на переднемъ планѣ, 40 человѣческихъ фигуръ въ различныхъ положеніяхъ. Въ фигурахъ лошадей часто довольно живо передано движеніе, почти всѣ лица на рисункахъ останавливаютъ вниманіе своей выразительностью,—въ костюмахъ, форменныхъ и штатскихъ, схвачены отличительныя особенности, и т. д.

Прежде чѣмъ перейти къ живописи Лермонтова, хранящейся въ Музеѣ его имени, упомянемъ еще объ одномъ прекрасномъ рисункѣ, помѣщающемся на стѣнѣ Музея, среди картинъ работы поэта. На этомъ рисункѣ изображены молодая дѣвушка и старуха. Первая по своему внѣшнему облику очень напоминаетъ молодыхъ жепщинъ того типа, изобразителемъ котораго въ своихъ многочисленныхъ женскихъ портретахъ былъ Карлъ Брюлловъ. Помимо общей печати эпохи, сказывающейся въ мелочахъ туалета и прически, черты сходства съ портретами Брюллова бросаются въ глаза подчеркнутой свѣтскостью изображенной на рисункѣ дѣвушки, но лицо — „лермонтовское“. Разговаривающая съ дѣвушкой старуха — сгорблена, нѣсколько страшна, даже отвратительна, какъ старухи изъ „Caprichos“ и „Proverbios“ Гойи.

На стѣнахъ той же комнаты, занимаемой Музеемъ, висятъ девять картинъ Лермонтова и одна копія съ его работы. Эта послѣдняя (акварель) называется „*Гусары при штурмѣ Варшавы“. Картины же слѣдующія *):

1) *Мужская голова (Предокъ Лерма). Согласно романтическому преданію лицо этого предка явилось Лермонтову во снѣ.

2) Черкезь (написанъ Лермонтовымъ въ 1831 г. въ Селищенскихъ Казармахъ Новгородской губ.). Энергичное, суровое лицо горца — воинственнаго вида.

*) Звѣздочка при названіи картины обозначаетъ, что эта картина воспроизведена въ настоящемъ изданіи.

3) *Воспоминаніе о Кавказѣ (писано тамъ же и тогда же). На картинѣ изображены два черкеса, проѣзжающіе верхомъ среди горъ, въ отблескахъ лучей закатившагося солнца.

4) *Видъ Кавказа (на Эльборусѣ).

5) Остатки замка Тамары. Горное ущелье съ развалинами стариннаго замка. Всѣ эти пять картинъ написаны масляными красками.

Акварелью исполнены:

6) Эпизодъ изъ Кавказской войны. Сдѣлано Лермонтовымъ совместно съ кн. Гагаринимъ на Кавказѣ. Ярко-голубой тонъ неба здѣсь неприятно слащавъ.

7) Портретъ Кикина (миніатюра).

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить:

8) *Эпизодъ маневровъ въ Красномъ Селѣ, относящійся ко времени пребыванія Лермонтова въ школѣ (тушь).

9) Божія Матерь со Спасителемъ. Это довольно слабое подражаніе (сепіей) Гвидо Рени относится къ 1831 г.

Наконецъ, тутъ же виситъ вставленный въ рамку рисунокъ карандашомъ — „Дѣтская головка“, сдѣланная Лермонтовымъ въ 1829 г.

Изъ всѣхъ этихъ картинъ нѣкоторый интересъ представляетъ только „Воспоминаніе о Кавказѣ“ своимъ нешаблоннымъ освѣщеніемъ и удачно переданнымъ тономъ вечерняго неба. Все же прочее до такой степени посредственно, что, при взглядѣ на картины, возникаетъ сомнѣніе въ авторствѣ Лермонтова: слишкомъ ужъ яркъ контрастъ между ними и его рисунками, которые, какъ мы отмѣтили, носятъ на себѣ печать несомнѣннаго таланта рисовальщика. Быть можетъ, даже, что онѣ (за исключеніемъ, конечно, „Предка Лерма“) принадлежать не вполне Лермонтову, а въ большей или меньшей степени кому-нибудь изъ его товарищей.

Если же картины эти дѣйствительно принадлежать Лермонтову, то приходится признать, что Лермонтовъ былъ одаренъ только, какъ рисовальщикъ, а не какъ живописецъ. Вообще же можно установить съ несомнѣнностью, что тамъ, гдѣ на первый планъ выступала внутренняя сторона искусства (вкусъ, художественная интуиція и т. п.), тамъ, гдѣ техническія знанія не играли особенной роли, Лермонтовъ достигъ значительныхъ художественныхъ результатовъ; тамъ же, гдѣ требовалась болѣе сложная техническая работа, поэтъ оказывался художникомъ несостоятельнымъ. Лермонтовъ, конечно, не имѣлъ ни времени, ни особой склонности серьезно заниматься живописью, а потому и тайнъ мастерства въ этой области постигнуть до конца ему не удалось. Тѣмъ не менѣе изъ писателей-художниковъ первой половины XIX вѣка, какъ Баратынскій, Веневитиновъ, Гоголь, Жуковскій, Пушкинъ и др., Лермонтову принадлежитъ не послѣднее мѣсто.

III.

Небольшое собраніе рисунковъ Лермонтова имѣется въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Такъ, въ Рукописномъ Отдѣленіи этой Библиотеки хранится альбомъ (№ 352³), въ 52 листа плотной бумаги, заключенный въ старый коленкорový переплетъ сѣро-сиреневаго цвѣта.

Въ альбомѣ тридцать семь перенумерованныхъ рисунковъ; при обзорѣ мы будемъ обозначать ихъ нумерами въ порядкѣ ихъ слѣдованія.

Одинъ рисунокъ исполненъ акварелью, 4 — перомъ и 31 — карандашомъ. По отношенію къ сюжетамъ рисунки распадаются на семь группъ. Въ альбомѣ имѣются: 4 пейзажа (№№ 1, 5, 16 и 19); 9 мужскихъ головъ (№№ 2, 3, 4, 10, 22, 23, 24, 25 и 26); 6 изображеній всадниковъ (№№ 6, 7, 8, 9, 13 и 28); 4 карикатурныхъ наброска (№№ 34, 35, 36 и 37); 1 фигура горца (№ 27); 5 свѣтскихъ сценъ (№№ 11, 14, 15, 18 и 21) и 8 военныхъ сценъ (№№ 12, 17, 20, 29, 30, 31, 32 и 33).

Всѣ рисунки альбома по художественнымъ достоинствамъ значительно уступаютъ рисункамъ тетради, хранящейся въ Лермонтовскомъ Музеѣ, хотя и въ альбомѣ есть нѣсколько прекрасныхъ образцовъ графическаго дарованія Лермонтова. Къ нимъ должны быть отнесены прежде всего всѣ пейзажи; благодаря примѣненію нарочито упрощенныхъ техническихъ приѣмовъ, въ этихъ рисункахъ достигнуто значительное композиціонное единство.

Среди „свѣтскихъ“ сценъ нѣкоторыя также интересны: напр., рисунокъ съ подписью „Magnétisme du regard et effet de la bourse“. Въ этомъ рисункѣ очень живы обѣ фигуры на переднемъ планѣ, и хороши архитектурныя детали (церковь готическаго стиля). Выразительны двое разговаривающихъ на рис. № 15: молодой военный, который стоитъ, опираясь спиной о каминъ, и штатскій господинъ среднихъ лѣтъ, сидящій въ креслѣ съ подписью: „Diplomatie civile et militaire“. Здѣсь характерны детали окружающей обстановки (каминъ, двѣ вазы, кресло)

Рисунки Лермонтова имѣются и въ нѣкоторыхъ учебныхъ тетрадяхъ поэта, хранящихся въ Рукописномъ Отдѣленіи Публичной Библіотеки. Подъ номеромъ 352/17 имѣется тетрадь in-8° въ темно-зеленомъ бумажномъ переплетѣ съ красной бумажной этикеткой, на которой вытиснено золотомъ: „Лекціи изъ Закона Божія“. Въ этой тетради, куда Лермонтовъ записывалъ лекціи, нашли себѣ мѣсто и шесть рисунковъ: два, изображающіе мужскія головы, и четыре — военныхъ всадниковъ. Интересенъ первый изъ нихъ (голова мужчины мрачнаго типа) сходствомъ съ извѣстной картиной Лермонтова въ Музеѣ его имени „Портретъ предка Лерма“.

Кромѣ перечисленныхъ, въ томъ же Отдѣленіи Публичной Библіотеки находятся еще два рисунка. Одинъ, сдѣланный перомъ (голова пожилого мужчины въ штатскомъ), помѣщается на поляхъ листа 13 (стр. 23) тетради, въ которой поэтъ велъ записи лекцій по словесности. Тетрадь эта такого же типа, какъ и предыдущая, съ надписью на этикеткѣ „Лекціи изъ военного слова“. Второй рисунокъ сдѣланъ акварелью на квадратномъ кускѣ тонкаго картона и изображаетъ мужчину въ средневѣковомъ костюмѣ; въ правой рукѣ онъ держитъ зажженный фонарь, склонившись надъ другой фигурой мужчины. Внизу мелкимъ почеркомъ подписано: „Р. М. Лермонтовъ 31“.

Въ этомъ рисункѣ нельзя не видѣть сознательнаго слѣдованія манеръ Рембрандта въ передачѣ эффекта яркой струи свѣта, разсѣвающей темноту.

Б. Мосоловъ.

Иллюстрированныя изданія Лермонтова.

Всякое иллюстрированное изданіе должно отвѣчать двумъ требованіямъ: во-первыхъ, должно быть хорошо само по себѣ въ смыслѣ шрифта, бумаги и всей совокупной внѣшности, во-вторыхъ, — соответствовать всѣми своими частями духу и литературному облику текста. Въ этомъ смыслѣ въ исторіи русской книги можно насчитать множество отрадныхъ явленій, начиная съ восхитительныхъ рисунковъ гр. Ф. П. Толстого къ „Душенькѣ“ Богдановича и кончая иллюстраціями Александра Бенуа къ „Мѣдному Всаднику“ и „Пиковой дамѣ“. Къ сожалѣнію, Лермонтовскія сочиненія съ иллюстраціями, печатавшіяся многократно съ 1863 по 1912 гг., всѣ, почти безъ исключенія, плохи, и одинъ изъ величайшихъ русскихъ писателей до сихъ поръ еще не изданъ подобающимъ образомъ. Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что большинство сочиненій его издавались въ печальную для русскаго графическаго искусства пору, а изданія послѣднихъ годовъ представляютъ скорѣе торговья спекуляціи, чѣмъ любовное отношеніе къ печатаемому тексту. Въ цѣломъ ворохѣ изданій сочиненій Лермонтова нельзя найти ни одного истинно-художественнаго изданія, и только нѣсколько отдѣльныхъ иллюстрацій болѣе или менѣе могутъ быть названы удовлетворительными. Ни въ одномъ изъ изданій Лермонтова нѣтъ нужнаго соответствія всѣхъ частей: шрифтъ не вяжется съ характеромъ бумаги, иллюстраціи и концовки не связаны единствомъ стиля со шрифтомъ и все вмѣстѣ и порознь чуждо духу Лермонтовской поэзіи и его эпохи. Ни одинъ изъ издателей Лермонтова не проникся настроеніемъ его времени, и ни одинъ изъ художниковъ-иллюстраторовъ не сумѣлъ „перевести на языкъ линій“ литературный стиль и поэтическіе образы поэта. Только нѣкоторыя иллюстраціи Врубеля, хотя и очень современныя намъ, но все же по своему внутреннему содержанію и пафосу выражений осязательно воспроизводятъ Лермонтовскій романтизмъ. Однако, и эти отлично задуманныя и прекрасно исполненныя художникомъ иллюстраціи изданы столь безвкусно и дурно, что въ концѣ концовъ въ смыслѣ книжномъ и онѣ очень мало удовлетворительны.

Что же касается до болѣе раннихъ попытокъ иллюстрировать Лермонтова, то здѣсь даже при первомъ оглядѣ поражаешься убожествомъ всѣхъ замысловъ и выполненій. Первое иллюстрированное изданіе Лермонтова, вышедшее въ 1865 году, украшенное 12 рисунками К. Г. Шарлеманя, имѣетъ на себѣ еще кое-какіе слѣды прежняго любовнаго пониманія книги.

Правда, оно относится къ той печальной эпохѣ русскаго искусства, когда „форма приносилась въ жертву содержанію“, но все же даже въ эту пору еще были живы старья традиціи. О проникновеніи Шарлеманя въ духъ Лермонтова, конечно, нельзя и говорить: рисунки исполнены съ развязной и поверхностной техникой, присущей этому художнику; здѣсь нѣтъ ни историческаго, ни духовнаго пониманія поэта. Но въ отношеніи къ книгѣ еще есть нѣкоторое пониманіе ея значенія, хотя бы въ томъ, что стиль шрифта соотвѣтствуетъ стилю штриха рисунковъ и что размѣщены они не на отдѣльныхъ листахъ, а въ самомъ текстѣ, какъ бы спаянные воедино съ нимъ. Всѣ послѣдующія изданія, не менѣе дурныя въ смыслѣ самихъ иллюстрацій, не имѣютъ даже этихъ небольшихъ типографскихъ заслугъ. Особенно многочисленны и плохи изданія, вышедшія въ 1889—91 гг., представляющія примѣры полного непониманія задачъ книжной иллюстраціи. Рисунки Полякова (изд. Вольфа), М. Малышева (изд. Павленкова), бар. М. П. Клодта, К. А. Савицкаго и др. не только очень плохи сами по себѣ, но и чужды духу Лермонтовской поэзіи, да и въ издательскомъ отношеніи воспроизведены весьма неудовлетворительно. Всѣ эти иллюстраціи трактованы, какъ бытовые анекдотическіе наброски и въ нихъ не видно даже попытки проникнуть и слиться съ духомъ автора текста. Позднѣйшія изданія, кончая самыми послѣдними, даютъ также мало привлекательнаго матеріала. Такъ, появившіяся въ 1896—97 гг. претендующія на роскошь изданія П. И. Бабкина и Суворина должны быть признаны очень неудачными. Первымъ была выпущена сравнительно дорогая книга, отпечатанная очень некрасивымъ шрифтомъ и снабженная многими рисунками. Всѣ они были исполнены въ духѣ ложнаго пафоса, съ тѣмъ искусственнымъ нагроможденіемъ волшебнаго и страшнаго, которое видишь только на сценахъ кинематографовъ, въ „подстроенныхъ“ комбинаціяхъ и приключеніяхъ яко бы дѣйствительной жизни. И весь обликъ книги и заглавныя буквы, не то въ русскомъ, не то грузинскомъ стилѣ, совсѣмъ не вяжутся съ Лермонтовымъ. А. С. Суворинъ поручилъ свое изданіе С. С. Соломко, и этотъ художникъ, способный дѣлать выложенныя картинки для cartes postales, бездушно и механически отнесся къ своей задачѣ. Гладенькія, опрятныя и слащавыя иллюстраціи эти были бы умѣстны для рассказовъ, печатавшихся въ „Нивѣ“, а не для мрачной героической романтики автора „Демона“. Къ тому же въ этой книгѣ примѣненъ ложный принципъ печатанія двухъ виньетокъ на одной страницѣ двумя разными красками, что нарушаетъ самыя примитивныя основы художественнаго вкуса и пониманія.

Послѣдующія изданія Московскаго комитета грамотности (М. 1891 и 1898 гг.), девять маленькихъ книжекъ Павленкова (Спб. 1901 г.), чудовищные рисунки, изданные Панафидинымъ (М. 1901 г.), три плохихъ изданія Сытина (рис. А. Макавскаго и З. Пигучина) и изд. П. В. Быкова (Спб. 1891 г.) съ рисунками Кандаурова, Казачинскаго, Навозова, Овсянникова, Табурина и проч. даже не могутъ быть серьезно разбираемы: такъ далеки они не только отъ достиженія, но даже отъ художественнаго замысла.

Нѣсколько болѣе успѣшныхъ попытокъ и „добрыхъ намѣреній“ видимы въ изданіяхъ Кушнерева и Прянишникова (М. 1891 г.) и въ альбомѣ „Княжна Мери“ даровитаго Зичи (1900 г.). Первое изъ этихъ издательствъ, задавшись цѣлью привлечь къ работѣ многихъ даровитыхъ художниковъ,

все же недостаточно прониклось своей задачей. Основной ошибкой самого замысла было пригласить *несколько* художниковъ для иллюстрированія одного поэта, и всѣ они, разныхъ направлений и индивидуальностей, разныхъ вкусовъ и партій, конечно, не могли дать вмѣстѣ цѣльной книги, спаянной всѣми своими частями. Соединеніе бытовика-передвижника В. Маковского съ мистическимъ Врубелемъ, или остраго и ѣдкаго Сѣрова съ пошловатымъ и обыденнымъ Е. Волковымъ само по себѣ уже бессмысленно. Наиболѣе удачныя иллюстраціи — рисунки Врубеля — типографски воспроизведены столь плохо, что отъ прелести ихъ не осталось и слѣда. Вообще это изданіе можетъ быть названо примѣромъ непроезжихъ затратъ, такъ какъ даже самыя талантливыя изъ участниковъ этой пестрой „художественной ярмарки“ по характеру своего дарованія не пригодны быть комментаторами Лермонтова. Не въ духѣ его мощный и грубоватый „корявый“ рисунокъ Сурикова и слишкомъ жанровый Пастернакъ. Не дурной рисунокъ Коровина къ стихотворенію „Сонъ“ опять таки совершенно не Лермонтовскій, также какъ и прекрасныя рѣзко реалистическія и даже немного вульгарныя наброски Рѣпина и искрящіеся жизнью эскизы Сѣрова. Только одинъ Врубель изумляетъ, поражаетъ и захватываетъ своимъ стилемъ — четкимъ и запутаннымъ, угловатымъ и заманивающимъ, сложнымъ и простымъ, и не смотря на всю его причастность нашему времени, все же передаетъ, хоть и въ „переводѣ на новый языкъ“ поэтическую сущность Лермонтовскаго духа, стиха и стиля.

Рисунки Зичи (изд. Кушнерева и Прянишникова 1900 г.) очень ловкіе по техникѣ все же нѣсколько мелодраматичны, да и воспроизведены весьма посредственно. Наконецъ, третья попытка „добрыхъ намѣреній“ — рисунки А. Эберлинга (изд. Голике, Спб. 1910 г.) — должна быть также признана неудачной. Правда, по внѣшности, разсуждая отвлеченно, книга издана хорошо, но художественная сущность ея замысла все таки безвкусна. „Декадентская“ обложка книги, въ духѣ удешевленной постановки „Жизни человѣка“, тощія и болѣзненные линіи рисунка и общая схематичность компановки слишкомъ плакаты и многовѣщательны. Рисунки слишкомъ сухи, сухи той непріятной „ропсовской“ четкостью, которая такъ безконечно далека отъ пылкой пышности кованнаго Лермонтовскаго слога. Все слишкомъ гладко и обыденно и нарочитые страхи не производятъ должнаго впечатлѣнія.

Лермонтовъ, такимъ образомъ, до сихъ поръ еще не нашелъ своего иллюстратора... Въ послѣднее время кружокъ любителей изящныхъ изданій заказалъ М. В. Добужинскому, такъ тонко проникающему въ духъ прежнихъ временъ, — иллюстраціи къ „Казначейшѣ“, и надо думать, что это дастъ наконецъ толчекъ для изданія достойнымъ образомъ сочиненій одного изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ.

Бар. Н. Врангель.

М. Ю. Лермонтовъ и русская музыка.

Въ сравненіи съ глубокииъ и широкииъ вліяніемъ, опредѣляющимъ будущіе пути развитія, которое, какъ я имѣлъ случай показать въ другомъ мѣстѣ*), оказала поэзія Пушкина на судьбы русской музыки, начиная съ ея перваго крупнаго представителя, М. И. Глинки и кончая нашими днями, аналогичное вліяніе поэзіи Лермонтова должно быть признано гораздо болѣе слабыиъ и менѣе широкииъ. Лирикъ по преимуществу, Лермонтовъ, конечно, нерѣдко привлекалъ своими текстами нашихъ композиторовъ, и нѣкоторыя его стихотворенія клались очень часто на музыку**), но какихъ либо новыхъ элементовъ въ содержаніе и направленіе русской музыки его лирическая поэзія, въ сравненіи съ Пушкинскою, не внесла, если не считать нѣкоторой струи Weltschmerz'a, заключающейся частью въ собственныхъ текстахъ поэта, частью въ его переводахъ изъ Байрона и Гейне (очень немногочисленныхъ, между прочимъ). Любопытно, однако, отмѣтить, что подобные тексты или привлекали лишь очень немногихъ нашихъ композиторовъ, притомъ нерѣдко совѣмъ незначительныхъ, не оставившихъ по себѣ сколько нибудь глубокаго слѣда въ исторіи нашей музыки, или даже у нашихъ лучшихъ композиторовъ воплощены были въ музыкѣ, далеко не соотвѣтствующей по глубинѣ и силѣ настроенія поэтическому содержанію стихотвореній. Такъ, на примѣръ, жгучее

*) См. мой очеркъ „Пушкинъ и русская музыка“ въ „Сборникѣ статей преподавателей и слушателей историко-филол. факультета С.-Петербургскаго университета „Памяти А. С. Пушкина“, изданномъ по поводу столѣтней годовщины рожденія поэта (С.-Пб. 1900 г.), и отдѣльно.

**) Таковы: Ангелъ, Выхожу одинъ я на дорогу, Какъ небеса твой взоръ блистаетъ, Пѣсня золотой рыбки изъ поэмы „Мшири“, Они любили другъ друга (по 9 музыкальныхъ композицій), Горныя вершины, Душа моя мрачна, Желаніе, Отворите мнѣ темницу, Тучки небесныя (по 10 и болѣе музык. композицій), Вверху горитъ одна звѣзда, На сѣверѣ дикомъ, Она поетъ (по 11 сочиненій), У вратъ обители святой (12 сочиненій), Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю (не менѣе 13 сочиненій), Утесъ, Ночевала тучка золотая и Разстались мы (не менѣе 15 сочин. на каждое стихотвореніе), Слышу ли голосъ твой (22 сочиненія), Казачья колыбельная пѣсня (не менѣе 23 сочиненій), Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю (не менѣе 28 сочиненій), Въ минуту жизни трудную (не менѣе 31 сочиненія, въ томъ числѣ одно — Фр. Листа, на нѣмецкій переводъ). Въ этомъ перечнѣ мы имѣли въ виду сочиненія только для одного голоса съ фортепіано. Если прибавить сюда рядъ дуэтовъ, тріо, квартетовъ и хоровыхъ ансамблей на тѣ же тексты, то приведенныя цифры, конечно, увеличатся еще на нѣсколько единицъ.

по силѣ выраженія стихотвореніе „Благодарность“ („За все, за все тебя благодарю я“) было положено на музыку только Варламовымъ и Смирнитской — композиторами дилеттантами, по силѣ дарованія совершенно несоизмѣримыми съ Лермонтовымъ. „Волны и люди“ привлекли къ себѣ только четырехъ композиторовъ также очень невысокаго калибра, въ родѣ дилеттантовъ М. Бѣгичевой и Кн. Куракина, никому невѣдомаго И. Плюто и болѣе солиднаго П. Шенка, который въ техническомъ отношеніи, конечно, нѣсколькими головами выше прочихъ своихъ сотоварищей по музыкальной интерпретаціи названнаго стихотворенія, но, въ смыслѣ силы творчества и художественной индивидуальности, представляетъ собой величину очень скромную. Изъ восьми-девяти композиторовъ, написавшихъ музыку къ „Еврейской мелодіи“ Байрона — Лермонтова („Душа моя мрачна“), только двое — М. А. Балакиревъ и А. Г. Рубинштейнъ — являются настоящими композиторами-художниками (особенно первый), но и ихъ композиціи названнаго текста (изъ нихъ лучшая — Балакиревская) едва ли исчерпываютъ все его поэтическое содержаніе. Такое характерное для поэзіи Лермонтова стихотвореніе, какъ „И скучно, и грустно“, являющееся однимъ изъ основныхъ въ лирическомъ творествѣ поэта, было положено на музыку Даргомыжскимъ, затѣмъ теоретикомъ Гунке, лишеннымъ настоящаго творческаго дарованія, и, наконецъ, дилеттантами чистѣйшей воды — Гурилевымъ, Делюсто, Кастріото-Скандербекомъ и В. Лентовскимъ. Изъ всѣхъ этихъ композицій только одна, Даргомыжскаго, можетъ идти въ счетъ, но и ее никакъ нельзя признать достойнымъ музыкальнымъ истолкованіемъ Лермонтовскаго текста: такъ блѣдна, вяла и мало выразительна ея музыка. Въ лучшемъ случаѣ въ ней отразилось только первое изъ двухъ понятій, выраженныхъ начальными словами стихотворенія („Скучно“). Все остальное осталось за предѣлами выразительности музыкальнаго языка Даргомыжскаго и его средствъ.

Тѣмъ не менѣе на Лермонтовскіе тексты написанъ рядъ произведеній, могущихъ справедливо считаться шедеврами современнаго русскаго романса. Таковы: „Слышу ли голосъ твой“ Глинки и Балакирева, „Изъ подъ таинственной холодной полумаски“ Балакирева, „Какъ небеса твой взоръ блистаетъ“ Римскаго-Корсакова, „Когда волнуется желтѣющая нива“ Балакирева, „Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю“ Даргомыжскаго и Балакирева, „Пѣсни золотой рыбки“ изъ поэмы „Мцири“ Балакирева и Даргомыжскаго, „Сосна: На сѣверѣ дикомъ“ Балакирева, „Она поетъ и звуки таютъ“ Кюи, „Они любили другъ друга“ его же, „Сонъ: Въ полдневный жаръ“ Балакирева, „Утѣсь: Ночевала тучка золотая“ Балакирева и Римскаго-Корсакова. Не говоримъ уже о рядѣ просто хорошихъ или только приличныхъ романсовъ на тексты Лермонтова, въ родѣ „Ангела“ Римскаго-Корсакова, „Будь со мною“ Кюи (соч. 33, № 6), „Выхожу одинъ я на дорогу“ Давыдова, „Грузинской пѣсни: Жила грузинка молодая“ Н. Лодыженскаго, „Еврейской мелодіи“ Балакирева и А. Рубинштейна, „Желтый листь трепещетъ“ Балакирева, „Звѣзды: Вверху одна горитъ звѣзда“ Кюи и Ляпунова, „Какъ духъ отчаянья и зла“ Давыдова, „Какъ небеса твой взоръ блистаетъ“ и „Кинжала“ его же, „Какъ одинокая гробница“ Аренскаго, „Когда волнуется желтѣющая нива“ Римскаго-Корсакова, „Любви мертвеца“ Чайковскаго (единственный у него романсъ на Лермонтовскій текстъ), „Мнѣ грустно“ Римскаго-Корсакова, „Молитвы: Въ

минуту жизни трудную" Глинки, „Пѣсни золотой рыбки" Аренскаго и Ипполитова-Иванова, „Мятедь шумить и снѣгъ валить" Кюи, „На сѣверѣ дикомъ" К. Давыдова, „У вратъ обители святой" его же, Ц. Кюи, Направника и Ф. Блуменфельда, „Они любили другъ друга" Кёнемана, Ф. Блуменфельда и Черепнина, „Плѣннаго рыцаря" Кюи и „Пророка: Съ тѣхъ поръ какъ Вѣчный Судя" его же, „Слышу ли голосъ твой" Даргомыжскаго и Ф. Блуменфельда, „Умирающаго гладіатора" С. Блуменфельда, „Утеса" К. Давыдова и Ф. Блуменфельда и т. д. Во всѣхъ этихъ музыкальныхъ произведеніяхъ не наблюдается, однако, какихъ нибудь существенно новыхъ музыкальныхъ элементовъ, которые можно было бы поставить въ связь съ поэзіей Лермонтова. Основные приемы музыкальной трактовки этихъ текстовъ сложились раньше и были приложены къ текстамъ Лермонтова уже вполне готовыми.

То же самое можно сказать и относительно нашей оперы, которая вдобавокъ сравнительно очень мало пользовалась Лермонтовскими сюжетами, что вполне естественно, въ виду преобладанія лирическаго элемента въ творествѣ Лермонтова. Въ области нашей музыкальной драмы можно указать лишь двѣ композиціи на сюжетъ Лермонтовскаго „Демона": совсѣмъ уже (и по заслугамъ) позабытую, дилеттантскую и блѣдную по музыкѣ „Тамару" барона Фитингофа-Шелля и болѣе счастливую ея соперницу—„Демона" А. Г. Рубинштейна. Последняя опера никакого сколько-нибудь крупнаго принципиальнаго шага впередъ ни въ смыслѣ оперной формы, ни въ смыслѣ содержанія, въ исторіи русской оперы, какъ извѣстно, не представляетъ. Наиболѣе цѣнныя ея страницы—восточныя—примыкаютъ къ тому восточному направленію въ русской музыкѣ, которое ведетъ свое начало отъ восточныхъ страницъ Глинкинскаго „Руслана", имѣющихъ своимъ основнымъ первоисточникомъ Пушкинскую поэму „Русланъ и Людмила", какъ это уже было мною печатно указано въ цитированномъ выше этюдѣ „Пушкинъ и русская музыка" *). Кавказскій востокъ, отразившійся въ „Демонѣ" А. Рубинштейна, былъ уже раньше изобразимъ въ нашей оперѣ въ связи съ поэзіей Пушкина (лезгинка въ „Русланъ и Людмила" Глинки, „Кавказскій Пльнникъ" Ц. А. Кюи, написанный раньше „Демона" Рубинштейна). Такимъ образомъ кавказскіе музыкально-этнографическіе элементы „Демона" не были совершенною новинкой въ нашей оперѣ, и Рубинштейнъ здѣсь шелъ только по готовому пути, уже проложенному его предшественниками, какъ и Лермонтовъ былъ привлеченъ къ Кавказу прежде всего кавказскою поэзіей Пушкина (вспомнимъ его дѣтскія подражанія „Кавказскому плѣннику" Пушкина). Главный герой оперы А. Рубинштейна, давшій ей свое имя, трактованъ авторомъ слишкомъ мелко, въ условномъ оперно-театральномъ вкусѣ и пока еще (къ счастью для русской музыки) художественнаго потомства не имѣетъ и, надо надѣяться, вѣроятно и не будетъ имѣть. Тѣмъ не менѣе, „Демонъ" все же остается пока одной изъ репертуарныхъ нашихъ оперъ, популярныхъ въ средѣ большой пашей публики, чего отнюдь нельзя сказать о второй большой оперѣ А. Рубинштейна на Лермонтовскій сюжетъ—„Купецъ Калашниковъ", данной въ свое время очень небольшое число разъ и быстро снятой со сцены. Цензурныя условія, отразившіяся

*) См. Сборникъ статей преподавателей и слушателей историко-филолог. фак. Спб. университета „Памяти А. С. Пушкина". (Спб. 1900) и отдѣльно.

на театральную судьбу названной оперы, в сущности только ускорили ея естественную смерть. Если бы и не было названного досадного вѣшняго фактора, внутренняя немощь этого мало удачнаго дѣтища Рубинштейновскаго творчества несомнѣнно привела бы его къ тому же, но уже естественному концу — исчезновенію со сцены въ силу блѣдности и малой самобытности ея музыкальнаго содержанія. „Демонъ“ А. Рубинштейна такимъ образомъ является пока единственной жизнеспособной (на долго-ли, покажетъ не особенно далекое будущее) русской оперой на Лермонтовскій сюжетъ, такъ какъ всѣ прочія попытки оперныхъ композицій на Лермонтовскіе тексты или сюжеты или никогда не исполнялись, или не напечатаны и остаются потому недоступными даже специалисту-музыканту, а то такъ вовсе и не окончены. Таковы: не изданная и нигдѣ не исполнявшаяся юношеская одноактная опера А. Г. Рубинштейна „Хаджи-Абрекъ“, относящаяся къ началу 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, такая же опера С. А. Траилина *), также не изданная и не исполнявшаяся, двухъ-актная опера московскаго композитора А. Н. Корещенко „Ангель Смерти“ (ор. 10, изъ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія), тоже не видѣвшая сцены **), рядъ оперъ на сюжетъ „Боярина Орши“: Н. С. Кроткова (изъ послѣднихъ лѣтъ прошлаго вѣка) ***) , К. Д. Агренева-Славянскаго, поставленная въ началѣ 1910 г. въ Тифлисъ ****), и Фистулари, изъ которой издана только арія Арсенія (Спб. Югансенъ), опера „Арбенинъ“ на сюжетъ „Маскарада“ того же г. Фистулари *****); первый актъ изъ неоконченной оперы „Маскарадъ“ Ю. Г. Гербера *****) и т. д. Всѣ перечисленныя здѣсь оперы извѣстны лишь по имени и принадлежать композиторамъ, частью вполнѣ уже опредѣлившимся, въ родѣ А. Г. Рубинштейна („Хаджи-Абрекъ“), частью не занимающимъ сколько нибудь виднаго положенія въ ряду прочихъ русскихъ композиторовъ, въ родѣ гг. Гербера, Фистулари, Кроткова, Траилина, Агренева-Славянскаго и т. д., такъ что едва-ли могутъ представлять значительный художественный или историческій интересъ. Судить о художественной цѣнности „Ангела Смерти“ г. Корещенко, композитора не безъ дарованія, не представляется возможнымъ, такъ какъ опера эта еще не издана и нигдѣ не ставилась. Въ итогѣ очевидно, что одинъ только „Демонъ“ Рубинштейна можетъ быть названъ въ качествѣ болѣе удачнаго образчика русской оперы на Лермонтовскій сюжетъ.

Не богата выдающимися произведеніями на Лермонтовскія темы и наша оркестровая литература. Среди очень немногочисленныхъ русскихъ симфоническихъ произведеній, вдохновленныхъ поэзіей Лермонтова, первое мѣсто занимаетъ такое капитальное произведеніе покойнаго М. А. Балакирева, какъ его превосходная симфоническая картина „Тамара“ (1883 г.), одинъ изъ луч-

*) См. М. Ивановъ, „Исторія музыкальнаго развитія Россіи“, т. II, Спб. 1912, стр. 437—38.

**) Римапъ, „Музыкальный Словарь“. Перев. съ 5 нѣм. изд. Б. Юргенсона“, стр. 1146.

***) „Русск. Музык. Газета“, 1900 г., стлб. 83.

****) М. Ивановъ, „Исторія музык. развитія Россіи“, т. II, Спб. 1912, стр. 188.

*****) „Русская Музык. Газета“ 1906 г., стлб. 1074.

*****) Римапъ, „Музыкальный Словарь“, стр. 1507.

сихъ образцовъ русскаго ориентализма въ музыкѣ, вѣдущаго свое начало отъ восточныхъ страницъ „Руслана и Людмилы“ Глинки. Кромѣ Балакирева, писали симфоническую музыку на Лермонтовскія темы: Э. Ф. Направникъ, третья симфонія котораго (ор. 18, 1874 г.) озаглавлена: „Демонъ“. Изъ поэмы Лермонтова“ (изд. Битнера, Спб.) и отличается обычными достоинствами и недостатками названнаго композитора: солидностью фактуры при отсутствіи сильной и самобытной индивидуальности (типичная капельмейстерская музыка, но по стремленію къ изображенію мѣстнаго восточнаго колорита отражающая вліяніе ориентальной музыки новой русской школы); К. Ю. Давыдовъ со своей симфонической картиной для большого оркестра: „Дары Терека“ (ор. 21, изд. Битнера, Спб.), также не очень содержательной въ смыслѣ самобытнаго творчества и относящейся къ концу 70-хъ или началу 80-хъ гг. прошлаго столѣтія; П. И. Бларамбергъ съ его блѣдной симфонической картиной „Умиращій гладіаторъ“ (1882 г., не издана); С. В. Рахманиновъ, авторъ симфонической поэмы „Утѣсъ“ (ор. 7, 1893, съ эпиграфомъ: „Ночевала тучка золотая на груди утеса великана“), обнаружившей уже въ этомъ юношескомъ произведеніи выдающееся дарованіе автора и его техническую умѣлость; Спендіаровъ, симфоническая картина котораго „Три пальмы“ (ор. 10, Лпц. — Спб. М. П. Бѣляевъ, 1907), исполнялась съ успѣхомъ неоднократно въ Спб. и свидѣтельствуетъ о небольшомъ, правда, но симпатичномъ и свѣжемъ дарованіи автора, и, наконецъ, В. А. Сениловъ, написавшій симфоническую поэму „Мцири“ (исполнялась въ Спб., въ 1908 г., рукопись). По газетнымъ слухамъ, кромѣ того, въ послѣднее время А. К. Глазуновымъ написана музыка къ „Маскараду“ Лермонтова (увертюра и антракты), индѣ еще не исполнявшаяся. Перечисленными произведеніями исчерпывается все, что взяла наша симфоническая музыка у Лермонтова въ смыслѣ поэтическаго сюжета. Еще меньше произведеній, навѣянныхъ Лермонтовымъ, найдемъ въ прочихъ областяхъ музыкальнаго творчества.

Въ области кантаты или свѣтской ораторіи, рода искусства у насъ пока плохо прививающагося, можно указать лишь очень немного: семь картинъ изъ „Демона“ Лермонтова, написанныхъ для хора и оркестра въ срединѣ 60-хъ гг. прошлаго столѣтія извѣстнымъ провинціальнымъ любителемъ музыки Н. Ф. Христіановичемъ (не изданы *); затѣмъ кантату для концертнаго исполненія на тотъ же сюжетъ П. И. Бларамберга, относящуюся къ началу 70-хъ гг. прошлаго столѣтія и исполнявшуюся въ Москвѣ въ 1908 г. (не издана); кромѣ „Демона“, вдохновлявшаго композиторовъ еще и въ области оперы и симфоніи (см. выше), посчастливилось также „Русалкѣ“, которая послужила текстомъ для нѣсколькихъ сочиненій въ вышеозначенномъ родѣ: А. Рубинштейна, для женск. хора и оркестра (С.-Пб., Иогансенъ, 1879); А. А. Ильинскаго, для женск. хора съ оркестромъ; Е. Катуара (ор. 5, для соло, хора и оркестра. Москва, у Юргенсона) и М. Штейнберга (ор. 4, для оркестра, сопрано соло и женскаго хора; Лейпц. — С.-Пб. 1910, М. Бѣляевъ).

Не обошлось дѣло и безъ нѣсколькихъ мелодекламаций, въ родѣ: „Умиращаго гладіатора“ Л. Лисовскаго (Москва, Юргенсонъ), „Двухъ великановъ“

*) „Русск. Музык. Газета“, 1899, стр. 558.

Киришбаума „(Москва, Гутхейль) и „Воздушнаго корабля“ покойнаго сенатора Н. Н. Мясоѣдова (исполнена впервые въ 1905 г. *)).

Какъ своего рода музыкальные курьезы могутъ быть упомянуты „Меломимики“ В. Ребикова на стихотворенія: Утесъ, Русалка, Парусъ, Сосна, Ангелъ (ор. 19, № 1, 3, 4, 5, 6; Москва, Юргенсонъ) и Лукина, ор. 3. Утесъ, музыкальная картина для арфы (Москва, Юргенсонъ, 1906).

Какъ видно изъ всего выше сказаннаго, только лирическая поэзія Лермонтова нашла себѣ болѣе полное музыкальное отраженіе въ произведеніяхъ нашихъ отечественныхъ композиторовъ, но и въ этомъ отношеніи ей не особенно посчастливилось. Едва ли мы ошибемся, высказавъ наше твердое убѣжденіе, что русская музыка далеко еще не исчерпала всего содержанія Лермонтовской поэзіи. Надо надѣяться, что съ развитіемъ средствъ выраженія, она еще вернется къ ея музыкальной интерпретаціи и дастъ конгеніальное истолкованіе тѣхъ произведеній Лермонтова, которыя до сихъ поръ были оставлены нашими композиторами безъ вниманія, или нашли себѣ лишь частичное и несовершенное музыкальное отраженіе въ ихъ произведеніяхъ.

Аурингонранта, январь 1913 г.

С. Буличъ.

*) См. „Русск. Музыкальная Газета“, 1905, № 5, 136.

Приложенія.

I.

Стихотворенія М. Ю. Лермонтова, не вошедшія въ собраніе его сочиненій.

Морякъ.

(ОТРЫВОКЪ).

O'er the glad waters of the dark blue sea,
Our thoughts as boundless, and our souls as free,
Far as the breeze can bear, the billows foam,
Survey our empire, and behold our home!

(The Corsair. L. Byron).

- Въ семьѣ безвѣстной я родился
Подъ небомъ сѣверной страны,
И рано, рано приучился
Смирять усилія волны! —
- 5 О дѣтствѣ говорить не стану.
Я подаренъ былъ океану,
Какъ лишній въ мірѣ, въ тѣ года
Безпечной смѣлости, когда
Намъ все равно: земля иль море,
- 10 Родимой или чуждой домъ;
Когда безъ радости поёмъ,
И, какъ раба, мы топчемъ горе,
Когда мы рады все отдать,
Чтобъ вольнымъ воздухомъ дышать.
- 15 Я воленъ былъ въ моей темницѣ,
Въ полуживой тюрьмѣ моей;
Я все имѣлъ, что надо птицѣ:
Гнѣздо на мачтѣ межъ снастей!
- 20 Когда на воздухъ качался,
Держась упругою рукой
За парусъ иль канатъ сырой;

Я былъ межъ небомъ и волнами,
На облака и внизъ глядѣлъ,
25 И не смущался, не робѣлъ,
И, все окинувши очами,
Я мчался выше. О! тогда
Я счастливъ былъ, да, счастливъ, да!

Найдите счастье мнѣ другое!
30 Родными былъ оставленъ я;
Мой кровъ сталъ — небо голубое,
Корабль сталъ родина моя:
Я съ нимъ тогда не разставался,
Я, какъ цѣпей, земли боялся;
35 Не вѣдалъ счету я друзьямъ:
Они всегда тѣснились къ намъ,
Катились слѣдомъ, забѣгали,
Шумя, толкаяся впередъ,
И намъ нестись по лону водъ,
40 Казалось, запретить желали;
Но это шутка лишь была,
Они не дѣлали намъ зла.
Я ихъ угадывалъ движенья,
Я понималъ ихъ разговоръ,
45 Живой и полной выраженья;
Въ немъ были ласки и укорь,
И былъ звучнѣй тотъ звукъ чудесный,
Чѣмъ вѣтра вой и шумъ древесный!
И каждый вечеръ предо мной
50 Они въ одеждѣ парчевой,
Какъ люди, гордые, являлись;
Обворожень, я началъ имъ
Молиться, какъ богамъ морскимъ,
И чувства прежнія умчались
55 Съ непостижимой быстротой
Предъ этой новою мечтой!...

Миръ обольстительный и странный,
Миръ небывалый, но живой,
Блестящій вмѣстѣ и туманный,
60 Тогда открылся предо мной;
Все оживилось: безъ значенья
Межъ тучекъ не было движенья,
И въ морѣ каждая волна
Была душой одарена.
65 Безумны были эти лѣта!
Но что-жъ? ужели былъ смѣшнѣй
Я тѣхъ неопытныхъ людей,
Которые, въ пустынѣ свѣта

- Блуждая, думаютъ найти
70 Любовь и душу на пути?
Всѣ чувства тайной мукой полны,
И всякій плакаль, кто любилъ:
Любилъ ли онъ морскія волны,
Иль сердце женщинамъ дарилъ!
- 75 Покрывшись пѣною рядами,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;
Такъ точно дѣва молодая
- 80 Идетъ гордясь между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая!
Но вьнуть дѣвы въ тишинѣ,
А волны — волны все однѣ.
- 85 Я обожатель ихъ свободы! —
Какъ я въ душѣ любилъ всегда
Ихъ безконечные походы:
Богъ вѣсть откуда и куда;
И въ часъ заката молчаливый
- 90 Ихъ раззолоченныя гривы,
И бесполезный этотъ шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ родины и безъ могилы,
Безъ наслажденья и безъ мукъ;
- 95 Однообразный этотъ звукъ,
И наконецъ, всѣ эти силы,
Употребленныя на то,
Чтобъ малость обращать въ ничто!
- Какъ я люблю ихъ дерзкій шопоть
- 100 Передъ летучимъ кораблемъ,
Ихъ дикій плескъ, упрямый ропоть,
Когда утесъ, склоняясь челомъ,
Всѣ ихъ усилья презираеть,
Не имъ грозить, не имъ внимаеть;
- 105 Люблю ихъ ревъ и тишину,
И эту вѣчную войну
Съ другой стихіей, съ облаками,
Съ дождемъ и вихремъ! — Сколько разъ
На кораблѣ, въ опасный часъ,
- 110 Когда летала смерть надъ нами,
Я въ ужасѣ Творца молилъ,
Чтобъ океанъ мой побѣдилъ! —

конецъ.

Въ собраніяхъ сочиненій Лермонтова, начиная съ 4-го изданія Глазунова (1856 г.), стихотвореніе „Морякъ“ печаталось въ томъ видѣ, въ какомъ оно появилось въ 1851 г. на страницахъ литературнаго сборника „Раутъ“, куда было передано К. К. и Н. Ф. Павловыми. Въ томъ же видѣ оно напечатано и во второмъ томѣ академическаго изданія (стр. 1—3); здѣсь печатается по автографу, принадлежащему редакціи „Русскаго Библюфила“ и воспроизведено въ № 1 этого журнала за 1913 г.

- * * *
- 1 Когда стою подъ древнимъ сводомъ храма,
И хоръ гремитъ хвалебныхъ голосовъ,
Когда въ дыму кадиль и еиміама
Святой обрядъ исполниться готовъ,
5 Когда всѣ въ прахъ склоняются смиренно,
Познавъ тщету земного бытія,
Тогда и я молюсь колѣнопреклоненно,
Но я молюсь не за себя.
О, мнѣ ужъ не о чемъ молиться,
10 У неба нечего просить:
Пусть невозбранно совершится
То, что должно со мною быть.

- Мой конченъ путь, гляжу безъ страха
И безъ надежды я впередъ,
15 Я сынъ земли, могилы, праха...
И скоро прахъ меня возьметъ.
Мнѣ все равно, куда ни броситъ
Меня могучій вихрь судьбы:
Блаженства сердце ужъ не проситъ,
20 Въ душѣ о счастья нѣтъ мольбы.
Такъ я стою одинъ съ моей тоскою,
Нѣтъ ни одной молитвы за себя...
Съ покорною, беззвучною душою,
Предъ будущимъ смиряюсь я,
25 И какъ разбойникъ...
Я говорю передъ Христомъ:
О, помяни меня, Владыко,
Егда придеши во Царствіи Твоемъ!..
Еще молюсь за тѣхъ, которымъ нѣтъ надежды,
30 Которые клянутъ угрюмый рокъ,
И только ждуть, когда засыплетъ вѣжды
Могильный имъ песокъ...
Еще молюсь за тѣхъ, которые сгубили
Во мнѣ мечты о счастья бытія,
35 Которые мнѣ душу отравили,
За тѣхъ молюся я!..

Стихотвореніе это было впервые напечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1856 г., № 14, стр. 325—326, но въ полныя собранія сочиненій Лермонтова не входило, такъ какъ П. А. Ефремовъ и др. библиографы почему-то приписали его В. И. Соколовскому. Автографъ стихотворенія, принадлежащій А. Н. Еремѣву, воспроизведенъ въ журналѣ „Сѣверъ“ 1912 г., № 1.

Среди автографовъ Лермонтова, принадлежащихъ Лермонтовскому Музею, находится два неизданныхъ еще стихотворенія поэта: 1) эпиграмма „А. Д. З.“ („О, ты, котораго клеветь твой вѣрный Павелъ“) и 2) „Счастливыи мигъ“ („Не робѣй, краса младая“), но для печати эти пьесы не удобны.

II.

Стихотворенія, приписываемыя М. Ю. Лермонтову.

Изъ стихотвореній, приписываемыхъ Лермонтову, но принадлежащихъ другимъ авторамъ, намъ извѣстно нѣсколько остающихся до сихъ поръ въ рукописи (напр., въ бумагахъ П. А. Висковатова, въ альбомѣ В. П. Ягнъ и др.) и значительное количество уже появившихся въ печати. Между прочимъ, удалось установить, что Лермонтову приписывались стихотворенія такихъ писателей, какъ И. С. Аксаковъ, Я. П. Полонскій, М. П. Розенгеймъ и др. Изъ такого рода стихотвореній, не принадлежавшихъ Лермонтову, но съ именемъ Лермонтова изданныхъ, отмѣтитъ слѣдующія:

1) „Пусть мѣръ нашъ прекрасенъ, пусть жизнь хороша“ („Русск. Вѣстн.“ 1856 г., № 14, стр. 323).

2) „А годы несутся, а годы летятъ“ (тамъ же, стр. 324—325. Эти два стихотворенія принадлежатъ М. П. Розенгейму).

3) „Клеймо домашняго позора Мы носимъ, славные извнѣ“...

4) „Зачѣмъ душа твоя смирна? Чѣмъ въ этомъ мѣрѣ ты утѣшенъ“... (Два послѣднихъ стихотворенія принадлежатъ И. С. Аксакову. См. „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“. Т. I. Приложен., стр. 92—93; т. II, стр. 277—78. Ср. „Историч. Вѣстн.“ 1894 г., кн. IX, стр. 900).

5) Сердце. „У сердца сокровищъ такъ много“... („Русск. Арх.“ 1888 г., кн. I. Стихотвореніе принадлежитъ Я. П. Полонскому. См. студенческой сборникъ „Подземные ключи“. 1842 г., стр. 13, и „Лепта въ пользу нуждающихся“. Спб. 1892, стр. 5—6).

6) Тройка. „Луна привѣтно такъ сіяла“. (Стихотвореніе принадлежитъ С. В. Пассеку. См. „Нов. Время“ 1894 г., № 6595).

Кромѣ того, безъ всякихъ основаній были приписаны Лермонтову, между прочимъ, слѣдующія стихотворенія:

7) Разлука. „Гдѣ ты, радость, гдѣ ты, счастье Сиротѣющей души?“ („Современникъ“ 1854 г., т. XLVI, № 7, стр. 6).

8) Евфразія. „Суровый римлянинъ Евфразію узрѣлъ“ („Русск. Арх.“ 1864 г., № 10, стлб. 1087—88).

9) Смерть. „Она придетъ неслышимо, незримо“ („Развлеченіе“ 1860 г., т. III, № 13, стр. 145. Ср. „Радуга“ 1883 г., № 2; „Русск. Обозр.“ 1896 г., апрѣль, май и сентябрь).

10) „Повѣрю совѣсти присяжнаго дьяка, Повѣрю доктору, жиду и лице-мѣру“...

11) „Виптовка пулю вѣрную послала, Свинцовая запѣла и пошла“...

12) „Привѣтствую, тебя я, злое море, Широкое, глубокое для думъ“... (Послѣднія три напечатаны въ „Сборникѣ литературныхъ статей, посвященныхъ русскими писателями памяти покойнаго книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина“. Спб., 1858. Т. III, стр. 353—58).

13) „Забываю любовь; Миѣ не хочется вновь“...

14) Отвѣтъ на придиричивую рецензію. „Когда поэта міръ надменный Насмѣшкой, злобою клеймить“... („Наше Время“ 1862 г., № 190, стр. 760).

15) „И ты думаешь, будто я хладенъ и нѣмъ? Малютка, подь этимъ молчаньемъ“... („Русск. Арх.“ 1887 г., № 12).

16) „Когда легковѣренъ и молодъ я былъ, Браниться и драться я страстно любилъ“... („Русск. Арх.“ 1877 г., кн. I, стр. 263. Толычева. Историч. рассказы, анекдоты и мелочи).

17) „Когда я гордую, блистательную даму Встрѣчаю въ обществѣ порой“... („Журналъ для Всѣхъ“ 1896 г., № 2).

Наконецъ, довольно много эпиграммъ и экспромптовъ, якобы принадлежащихъ Лермонтову, приводитъ П. Мартыяновъ въ своей статьѣ „Послѣдніе дни жизни М. Ю. Лермонтова“.

Редакція журнала „Иллюстрація“ (1847 г., т. V, № 48, стр. 386) обѣщала помѣстить въ одномъ изъ первыхъ номеровъ журнала за 1848 г. „неизданный“ рассказъ Лермонтова — „Кавказецъ“; но ни въ этомъ году, ни послѣ, обѣщанный рассказъ не появлялся.

III.

О воспроизведеніяхъ, помѣщенныхъ въ изданіи.

Въ настоящемъ изданіи воспроизведенъ рядъ портретовъ Лермонтова и его ближайшихъ родственниковъ, а также рядъ его рисунковъ, картинъ и автографовъ и, наконецъ, видовъ и мѣстностей, связанныхъ съ именемъ поэта.

I. Изъ портретовъ Лермонтова воспроизведены: 1) автопортретъ (т. I), 2) Лермонтовъ—въ дѣтскомъ возрастѣ (т. V), 3) Лермонтовъ—студентъ (т. I), 4) портретъ работы А. И. Клиндера (т. IV), 5) портретъ, сдѣланный барономъ Д. П. Паленомъ (т. II), 6—7) два портрета работы К. А. Горбунова (т.т. II и III), 8) портретъ, писанный П. Е. Заболотскимъ (т. III) и 9) портретъ работы А. П. Шанъ-Гирея (т. V). (Послѣдній портретъ весьма схожъ съ только что отмѣченнымъ портретомъ работы П. Е. Заболотскаго).

Всѣ воспроизведенія сдѣланы непосредственно съ оригиналовъ или съ фотографій, принадлежащихъ Лермонтовскому Музею.

Изъ другихъ намъ извѣстныхъ портретовъ Лермонтова не воспроизведены: 1) портретъ, сдѣланный карандашемъ въ 1839 г. П. Е. Заболотскимъ; 2) портретъ, писанный масляными красками Р. Шведе на другой день по смерти поэта (собственность Лермонтовскаго Музея), а также портреты Лермонтова, сдѣланные много лѣтъ спустя по смерти поэта, какъ напр. А. А. Бильдерлингъ (Лермонтовъ-юнкеръ), Астаповымъ (изданъ Л. Э. Бухгеймомъ въ Москвѣ) и др. Первый не воспроизведенъ, такъ какъ не удалось получить на то права отъ владѣльца (П. П. Заболотскаго), второй—какъ весьма слабый въ художественномъ отношеніи, послѣдніе, — такъ какъ писаны не съ натуры и не представляютъ ни исторической, ни художественной цѣнности.

II. Изъ портретовъ родственниковъ Лермонтова воспроизведены портреты: отца поэта (т. I), матери (т. II) и бабушки—Е. А. Арсеньевой (т. III) по фотографіямъ, принадлежащимъ Лермонтовскому Музею. И родители и бабушка представлены въ сравнительно молодыхъ годахъ.

III. Изъ картинъ и рисунковъ Лермонтова, принадлежащихъ Лермонтовскому Музею, Императорской Публичной Библіотекѣ и частнымъ лицамъ—Н. Р. Александренко и О. А. Новосильцовой, воспроизведено на отдѣльныхъ листахъ свыше 20 картинъ, рисунковъ и набросковъ поэта (перечень ихъ и подробности о нихъ см. въ статьяхъ барона Н. Н. Врангель и Б. С. Мосолова, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ, — стр. 210—226).

IV. Списки факсимиле произведений и писемъ Лермонтова, помѣщенныхъ во всѣхъ пяти томахъ, приведены въ оглавленіи къ каждому тому.

V. Изъ видовъ и мѣстностей, связанныхъ съ именемъ Лермонтова, и памятниковъ поэту, воспроизведены:

1. Домъ Е. А. Арсеньевой въ селѣ Тарханахъ — по фотографіи (т. III).

2. Внутренній видъ часовни въ селѣ Тарханахъ, надъ прахомъ поэта—съ картины масляными красками (т. V).

3. Домикъ Лермонтова — съ акварели А. А. Бильдерлинга (т. III).

4. Памятникъ на мѣстѣ дуэли Лермонтова — по фотографіи (т. II).

5. Памятникъ надъ могилой Лермонтова на Пятигорскомъ городскомъ кладбищѣ — по фотографіи (т. II).

6. Лермонтовскій гротъ — съ картины масляными красками работы Г. П. Кондратенка (т. III).

(Оригиналы всѣхъ этихъ воспроизведеній принадлежать Лермонтовскому Музею).

Нѣкотораго поясненія требуютъ послѣднія четыре воспроизведенія. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о такъ наз. „домикѣ Лермонтова“. Въ какомъ именно домикѣ, въ Пятигорскѣ, на усадьбѣ, принадлежавшей во время М. Ю. Лермонтова Чилиеву, жилъ поэтъ, — т. е. въ одномъ изъ надворныхъ флигелей, или домикѣ, выходящемъ на улицу (нынѣ Лермонтовскую), — пятигорскіе старожилы спорятъ и понынѣ. Въ 1859 г. въ журналѣ „Орель“ (№ 2, стр. 41—42) было помѣщено самое раннее изъ извѣстныхъ намъ изображеній домика, относящееся къ 1853 году; авторъ рисунка и статьи („Нѣсколько словъ о Лермонтовѣ“), Н. Симаковъ, сообщаетъ, что „Лермонтовъ занималъ небольшой домикъ, крайній въ городѣ, стоявшій на углу верхней городской площадки. Внутренность домика очень скромная: три небольшихъ чисто выбѣленныхъ комнаты, два окна на площадь съ полисадникомъ, обнесеннымъ простой деревянной рѣшеткой“... Впослѣдствіи, однако, одержало верхъ и нынѣ преобладаетъ мнѣніе, что Лермонтовъ жилъ не въ лицевомъ, а въ надворномъ флигелѣ, примыкающемъ къ саду. Этотъ домикъ и былъ въ концѣ 1870-хъ годовъ сфотографированъ фотографомъ Раевымъ, въ 1882 г. зарисованъ художникомъ Г. П. Кондратенкомъ и около того же времени А. А. Бильдерлингомъ; въ нашемъ изданіи воспроизведенъ послѣдній рисунокъ (оригиналы обонхъ — собственность Лермонтовскаго музея).

Въ настоящее время внѣшній видъ домика, неоднократно подвергавшійся измѣненіямъ, мало чѣмъ напоминаетъ изображенный на рисункѣ А. А. Бильдерлинга. Уже въ 1880-хъ годахъ, когда усадьба Чилиева перешла отъ его сына къ нѣкому Вейштордту, домикъ былъ обложенъ кирпичемъ; ставень при окнахъ уже не было, маленькое окно было увеличено до высоты остальныхъ оконъ; съ южной стороны дома, на мѣстѣ крыльца, ведущаго въ низъ дома, сдѣлана пристройка одной комнаты и легкаго типа сѣней подъ отдѣльной отъ дома крышей. 15 іюля 1884 г. пятигорской городской думой была установлена на первой фасадной сторонѣ дома при входной двери мраморная доска съ надписью: „Домъ, въ которомъ жилъ поэтъ М. Ю. Лермонтовъ. 1837—1841“. Въ 1894 г. во владѣніе дома вступилъ П. С. Георгіевскій, который, между прочимъ, сдѣлалъ надъ входной дверью корридора съ сѣверной стороны желѣзный зонть, по бокамъ двери деревянныя балясины, а корри-

доть, по ширинѣ дома, удлинилъ до окончанія стѣны его, выходящей въ садъ, и домикъ, мало по малу, принялъ видъ типичной современной постройки *). Въ 1909 г. Разрядомъ изящной словесности Императорской Академіи Наукъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы эта реликвія перестала составлять частную собственность, и въ 1912 году (15 марта) пятигорская городская управа приобрѣла всю усадьбу за 15.000 руб. въ собственность города, а 15-го іюля того же года въ этомъ домикѣ было положено начало музею имени поэта; въ сосѣднемъ же флигелѣ размѣщенъ музей Горнаго Общества.

Инженеръ И. И. Байковъ, авторъ воспроизведеннаго въ нашемъ изданіи памятника на мѣстѣ дуэли, любезно сообщилъ намъ слѣдующее. До 1901 года на мѣстѣ дуэли М. Ю. Лермонтова, на сѣверо-западномъ склонѣ горы Машуки, скромно ютился каменный обелискъ изъ Машукскаго камня, служившій единственнымъ указателемъ мѣста незабвенной утраты. Обелискъ этотъ представлялъ изъ себя квадратнаго сѣченія пирамидальный камень, высоту 0,37 саж., установленный на тесаномъ же камнѣ высотой въ 0,18 саж. Въ 1901 году, 15 Іюля, исполнилась 60-ти лѣтняя годовщина смерти поэта. Къ этому времени у бывшаго Директора Кавказскихъ Минеральныхъ Водъ В. В. Хвоцинскаго, его ближайшихъ сотрудниковъ и нѣсколькихъ частныхъ лицъ изъ почитателей поэта, — явилась мысль устроить на мѣстѣ дуэли ко дню годовщины особое памятное сооруженіе, болѣе отвѣчающее своему высокому назначенію—служить наглядною памяткою мѣста безвременной гибели М. Ю. Лермонтова. 1-го Іюня 1901 года В. В. Хвоцинскимъ былъ организованъ особый Комитетъ, для постановки временнаго сооруженія на мѣстѣ дуэли и выработки программы чествованія 60-ти лѣтней годовщины смерти поэта. Названный Комитетъ изъ представленныхъ ему техниками Управленія Водъ проектовъ памятнаго сооруженія, остановился на проектѣ архитектора Кавказскихъ Минеральныхъ Водъ И. И. Байкова, одобрилъ его и поручилъ автору возвести его къ 15 Іюля 1901 года. Имѣвшійся на постройку памятнаго сооруженія 3-хъ недѣльный срокъ, а равно крайне малая сумма денегъ, собранная для этой цѣли, достигавшая всего 894 руб. 5 коп., — заставили автора выполнить сооруженіе изъ дерева и оштукатурить его. Въ планѣ сооруженіе имѣло въ длину около 6-ти пог. саж. и ширину около 2-хъ пог. саж. Средняя высота ажурныхъ ограждающихъ стѣнокъ сооруженія составляла 4 аршина, а наивысшая часть постамента съ бюстомъ поэта достигала 11 аршинъ. 15 Іюля 1901 года памятникъ этотъ, воспроизведенный въ нашемъ изданіи, былъ торжественно открытъ и тѣмъ какъ-бы включенъ въ семью тѣхъ немногихъ памятныхъ сооруженій, на которыя доселѣ такъ скупа наша родина. Уже при самой постройкѣ этого сооруженія изъ дерева на него смотрѣли какъ на временное, какъ на ту, въ натуральную величину исполненную модель, по которой это сооруженіе необходимо будетъ возобновить впоследствии, когда будутъ изысканы нужныя для сего денежные средства.

Въ 1907 году деревянный остовъ сооруженія совершенно подгнилъ и все временное сооруженіе пришлось разобрать впредь до возобновленія его изъ

*) Сообщеніемъ нѣкоторыхъ подробностей мы обязаны Я. Д. Верховцу. См. также стр. СХІV.

матерьяловъ постояннаго типа. Временно бюсть поэта установленъ на простомъ деревянномъ постаментѣ, исполненномъ мѣстнымъ скульпторомъ Л. К. Шодкій. Въ 1910 году Директоръ Водъ С. В. Тиличевъ разрѣшилъ автору проекта памятника — И. И. Байкову сдѣлать за счетъ Управленія Водъ гипсовую модель памятнаго сооруженія въ томъ видѣ, какъ она была выполнена въ натурѣ, но лишь съ декоративными измѣненіями нѣкоторыхъ деталей. Модель эта выставлена нынѣ въ Лермонтовской галлерей Пятигорской группы вмѣстѣ со сборною кружкою на добровольныя пожертванія почитателей поэта, для дѣла сооруженія этой модели изъ цемента или камня, въ зависимости отъ размѣра пожертваній.

Изъ памятниковъ Лермонтову, кромѣ обелиска, сдѣланнаго по проекту того же инженера И. И. Байкова, и поставленнаго на мѣстѣ прежняго погребенія Лермонтова на Пятигорскомъ кладбищѣ (см. воспроизведеніе), извѣстны: 1) памятникъ въ Пятигорскѣ въ Лермонтовскомъ скверѣ; 2) памятникъ въ гор. Пензѣ; 3) памятникъ — бюсть въ Петербургѣ въ Александровскомъ саду. Въ настоящее время одобренъ проектъ памятника работы Б. М. Микѣшина для постановки въ Петербургѣ передъ зданіемъ Николаевского Кавалерійскаго Училища.

Что касается „Лермонтовскаго грота“, то въ нашемъ изданіи воспроизведенъ этотъ гротъ по картинѣ Г. П. Кондратенка (собственность Лермонтовскаго Музея), писанной масляными красками въ 1882-мъ году. Въ настоящее время нѣкоторыя подробности общаго вида, конечно, измѣнились.

Указатель собственных именъ, встрѣчающихся въ произведеніяхъ и письмахъ М. Ю. Лермонтова.

- Ааронъ.** I, 43; II, 450, 212.
Аббадона. II, 174.
Абидосская невѣста. I, 328.
Аварія. II, 300.
Августъ. II, 62.
Авдогья Николавна, казначейша. — См. „Бобковская“.
Авраамъ. III, 34, 86.
Аврора. II, 231.
Ада („Ангель Смерти“). I, 316—319, 323, 324.
Адамъ. II, 144; III, 204.
Адонисъ. II, 168, 440.
Азамать („Герой нашего времени“). IV, 160—168, 171, 178.
Азія. IV, 175, 330.
Азовскіе берега. I, 67.
Азраиль. I, 304, 306, 307, 310.
Амбулатъ („Каллы“). I, 328, 330.
Амбулатъ („Ауль Бастунджи“). I, 334—351, 413, 414.
Алварецъ донъ („Испанцы“). III, 4—15, 25, 41, 42, 53, 54, 59, 65, 71—79, 87, 362.
Алеко („Цыганъ“). I, 72.
Александра Михайловна (Верещагина). IV, 307, 308. — См. Alexandrine, Сашенька.
Александринскій театръ. IV, 105, 109.
Alexandrine, miss. IV, 356. — См. Александра Михайловна, Сашенька.
Александръ (сюжетъ). IV, 359, 360; V, 38.
Александръ Великій. IV, 237, 377.
Александръ Степановичъ (Солоницкій). IV, 304.
Alexis (Алексѣй Александровичъ Лопухинъ). IV, 315, 316, 321, 325, 328, 331, 335, 338—340, 394, 395, 399, 400, 402, 405, 403 (Алексѣй).
Алексѣевскій монастырь. IV, 348.
Алексѣй Аркадьевичъ (Столыпинъ). IV, 329, 342. — См. Столыпинъ.
Алѣха (Алексѣй Степановичъ Стунѣвъ). II, 87.
Алеша (Шанъ Гирей). IV, 305.
Али, татаринъ. IV, 351, V, 38.
Алина („Вудстокъ“). III, 99.
Аліпе, мамзель („Сашка“). II, 185.
Алябьева (Александра Васильевна). I, 92.
Америка. II, 79; IV, 179, 342, 356.
Аминтъ. I, 62.
Амуръ. I, 159; II, 243.
Анапа. IV, 329.
Англія. I, 191; IV, 107, 326.
Андрей („Казначейша“). II, 243.
Анна Акимовна (Петрова). IV, 305.
Анненковъ, Николай Николаевичъ. IV, 342.
Appette, m-elle (Анна Григорьевна Столыпина). IV, 313, 315, 393, 394.
Аннушка („Странный человекъ“). III, 158—163, 181—185, 365.
Антоній. IV, 357.
Анюта („Вадимъ“). IV, 66, 67.
Апалыха. IV, 304.
Аполлонъ. IV, 346.
Аполлонъ Бельведерскій. IV, 106.
Апфельбаумъ, фокусникъ. IV, 248.
Аравія. III, 257; IV, 179.
Арагва. II, 308, 326, 353, 356; IV, 155, 173.

- Арбатъ. IV, 124.
- Арбенина, Марья Дмитревна („Странный человекъ“). III, 149 (Анна), 158, 163, 174, 181—184, 365.
- Арбенина, Нина Павловна („Маскарадъ“). III, 209, 226—241, 263, 264, 286, 292 (Настасья Алексѣвна), 293—298, 301—308, 315—321.
- Арбенинъ, Александръ Сергѣевичъ („Отрывокъ“). IV, 298, 299.
- Арбенинъ, Владимиръ Павловичъ („Странный человекъ“). III, 148—160, 163—185, 187—207, 364—368.
- Арбенинъ, Евгенийъ Александровичъ („Маскарадъ“). III, 209—217, 220—234, 241—254, 257—262, 264—285, 286—294, 298—322, 369.
- Арбенинъ, Павелъ Григорьевичъ („Странный человекъ“). III, 147—150, 159—162, 177—182, 190, 194, 205, 206, 366.
- Арбенинъ (вторая редакція „Маскарадъ“). IV, 326.
- Аргуна. II, 42, 49, 79.
- Арзерумъ. IV, 279, 280, 282.
- Арзиньянъ. IV, 279, 282.
- Арзиньянъ-гора. IV, 279.
- Ариадна. II, 174, 444.
- Атманд, m-me („Сапка“). II, 185.
- Арида. III, 19; IV, 350.
- Арсеній („Бояринъ Орша“). II, 114, 118—125, 132—136.
- Арсеній („Литвинка“). I, 204—218, 394.
- Арсеньевъ, Николай Николаевичъ. I, 96.
- Архимедъ. IV, 145, 216.
- Аскаръ. I, 83.
- Асмодей. I, 170, 171, 391; II, 192.
- Аспелиндъ. IV, 338.
- Атала. IV, 356.
- Атуевъ, Федосей („Вадимъ“). IV, 37, 49, 50, 64, 65, 71, 72, 74, 364.
- Афось. I, 33, 34.
- Ахвердовъ. V, 35.
- Ахиллесъ. IV, 134.
- Ахмедъ-Ибрагимъ. II, 416.
- Ахметъ-Булатъ. II, 48.
- Ахметъ, султанъ („Двѣ невольницы“). I, 186.
- Ахметъ, татаринъ. IV, 351, 352, V, 38.
- Ашикъ-Керибъ. IV, 277—283.
- Achille, арапъ. IV, 308.
- Аякъ-Ага. IV, 277.
- Аванасій Алексѣевичъ (Столыпинъ). IV, 327.
- Байдара, рѣка. IV, 175.
- Байронъ. I, 136, 143, 163, 166, 172, 226, 273, 300, 328, 382; II, 116, 128, 138, 140, 426, 430; III, 147, 166; IV, 102, 148, 180, 211, 214, 238, 349—351, 356, 377; V, 34.
- Балабинъ. IV, 333.
- Балкапы. I, 33; IV, 101.
- Банко. IV, 31.
- Барантъ. IV, 336, 337, 407.
- Barbe, m-elle (Барвара Александровна Лопухина) IV, 325, 402.
- Barbier, A. II, 255.
- Бартенева (Прасковья Арсеневна). I, 93.
- Бастилия. II, 263.
- Бастунджи, аулъ. I, 332, 334, 352.
- Vachmetieff, M-r (Николай Федоровичъ Бахметьевъ). IV, 325, 402.
- Бахчисарайскій фонтанъ. V, 34.
- Башиловъ (Александръ Александровичъ). I, 94.
- Башуцкой. I, 148, 386.
- Бей Булатъ („Измаиль-Бей“). II, 44.
- Бей Булатъ („Хаджи Абрекъ“). II, 90—94, 97, 101.
- Бенкендорфъ (графъ Александръ Христовичъ). IV, 337, 407.
- Верро. II, 425.
- Беппо („Отрывокъ“). IV, 387.
- Берлинъ. IV, 328, 403.
- Бетховень. IV, 345.
- Бешту. I, 333, 336, 348; II, 22, 24; IV, 204, 221, 374.
- Биби (Бибиковъ Димитрій Сергѣевичъ). IV, 341.
- Бибиковъ (Димитрій Сергѣевичъ). II, 103.
- Blackeys, Miss. I, 140. — См. Souchkoff.
- Блинниковъ, купецъ („Отрывокъ“). IV, 288.
- Бобковская, Авдотья Николаевна („Казначейша“). II, 234, 235, 241—244, 250.
- Бобковскій, казначей. II, 232, 247.
- Болотина („Странный человекъ“). III, 186.
- Vogée. V, 34.
- Бородино. I, 178—180; II, 204, 206.
- Браницкій („Княгиня Лиговская“). IV, 127, 128, 135, 136, 369.
- Брюлловъ. IV, 132.
- Булгаковъ, (Константинъ Александровичъ). I, 95.
- Бургось. I, 163; III, 5.
- Бухарина (Вѣра Ивановна). I, 91.
- Бухаровъ (Николай Ивановичъ). II, 142.
- Бѣлборodka („Вадимъ“). IV, 38, 85, 88.
- Бѣлинскій, Дмитрій Василичъ („Странный человекъ“). III, 150—154, 169—177, 187, 188, 192—201, 202 (Павель), 203.
- Бѣла. IV, 161, 164—185, 190, 373, 385.
- Вавилонъ. IV, 346, 356.
- Вадимъ („Вадимъ“). IV, 3—29, 36—44, 53—57, 71—74, 80—95, 362, 367.

- Вадимъ („Послѣдній сынъ вольности“). I, 230—249, 397.
- Вадковскій, Иванъ. IV, 318, 396.
- Вакхъ. I, 57; II, 182.
- Валерикъ. II, 298, 305; IV, 341.
- Вальтеръ Скоттъ. II, 430; III, 99; IV, 38, 255, 379.
- Вампиръ. IV, 245, 371.
- Ванька („Сашка“). II, 177.
- Ванюшка („Два брата“). III, 342, 343.
- Варвара Александровна (жена Алексѣя Александровича Лопухина). IV, 338, 340.
- Варвары св. день. IV, 351.
- Варшава. IV, 127.
- Варюша. II, 150 („Сашка“).
- Василиса („Menschen und Leidenschaften“). III, 92, 94, 100.
- Василій, князь. IV, 354.
- Василій Петровичъ („Фаталистъ“). IV, 275.
- Василія Блаженнаго церковь. IV, 346.
- Ватерлоо. IV, 265.
- В***, графъ. IV, 284, 386.
- Велберхова, артистка. V, 39.
- Великая, рѣка. IV, 357.
- Вельяминовъ (Алексѣй Александровичъ, генераль-лейтенантъ). IV, 329.
- Венера. I, 73.
- Венеція. I, 84, 195.
- Венецкой домъ. IV, 331.
- Верещагина, Александра Михайловна. I, 313, IV, 307, 308.
- Верзилина, Надежда Петровна. II, 348.
- Вернеръ, докторъ. IV, 210—214, 227, 232, 241, 244, 252, 256, 263, 375.
- Вертеръ. III, 200; IV, 351.
- Византія. I, 82.
- Викторъ, отецъ („Кн. Лиговская“). IV, 125.
- Вилія, рѣка. I, 208.
- Виргинія. II, 334.
- Владикавказъ. IV, 185.
- Владиміръ, князь. IV, 357.
- Вознесенская ул. IV, 97.
- В... ка. I, 386.
- Вознесенскій мостъ. IV, 98, 106.
- Волга. I, 270; II, 162, 173, 443; IV, 298, 362.
- Волина, Любовь Васильевна („Menschen und Leidenschaften“). III, 92, 99—102, 108—112, 125, 126, 129—134, 144—146.
- Волина, Элиза Васильевна. III, 92, 99—102, 112, 125, 144, 146.
- Волинь, Василій Михалычъ. III, 92, 94, 106—108, 113—118, 124, 133—139, 146, 363.
- Волинь, Николай Михалычъ. III, 92—94, 103, 106—108, 113—117, 122, 123, 134—139, 146, 363.
- Волинь, Юрій Николаичъ. III, 92—99, 103—146, 363.
- Волховъ. I. 79. II, 10.
- Вольтеръ. II, 273; III, 246.
- Воробьевы Горы. IV, 124, 349.
- Воронежская губ. IV, 99.
- Воронежъ. IV, 315, 316, 394.
- Воронцова-Дашкова, графиня Александра Кирилловна. II, 293; IV, 341.
- Воскресенскъ, монастырь. I, 133.
- Врути, графъ („Маскарадъ“). III, 244.
- Всеволодъ. IV, 354.
- Вудстокъ. III, 99.
- Вуичъ. IV, 383.
- Вуличъ. IV, 269—274. — См. Вуичъ.
- Вышневскій („Странный челоѣкъ“). III, 163, 164, 168.
- Вѣна. II, 307.
- Вѣра Г — ва („Герой нашего времени“). IV, 218, 220, 222, 223, 228—230, 235, 236, 242, 243, 247—252, 263, 264, 377, 378, 381.
- Вѣра („Два брата“). — См. „Лиговская“.
- Вѣра („Княгиня Лиговская“). — См. Лиговская.
- Вѣра Николаевна. IV, 307.
- Вяземскій (кн. Петръ Андреевичъ). IV, 332, 405.
- Галубъ („Валерикъ“). II, 304.
- Галь. IV, 341.
- Гамба, путешественникъ. IV, 174.
- Гамлетъ. II, 164; IV, 306.
- Гарниъ, штабъ-ротмистръ („Казначейша“). II, 236, 239, 245, 247.
- Гарунъ („Бѣглець“). II, 263, 265, 266.
- Гвадалквивиръ. I, 187, 219, 394.
- Гвадьяна. III, 28.
- Гвидо-Рени. II, 176.
- Гвинся. II, 187.
- Гвоздевъ (Павель Александровичъ). IV, 329.
- Г — въ, Семенъ Васильевичъ („Герой нашего времени“). IV, 219, 247, 252.
- Гейне. II, 289, 341, 461.
- Геленджикъ. IV, 195, 197.
- Геллеспонтъ. I, 33.
- Гельвеція. I, 50.
- Gendroz, M.—г. G. IV, 305.
- Георгій, св. IV, 280.
- Геркулесь. IV, 72, 304.
- Германія. I, 191; III, 106, 107; IV, 107, 123.
- Hero. V, 34.
- Гёте. II, 288; IV, 200, 286.
- Геургъ. IV, 352.
- Гехи. II, 302.
- Гирей („Кавказскій Пльнникъ“). I, 15.

- Глазунова, И. типографія. IV, 139.
 Годуновъ. IV, 348.
 Голицынъ, Леон. V, 35.
 Голландъ. IV, 109, 110.
 Голофѣвъ, генер.-лейтен. IV, 340.
 Nottaire de Helle, m-me. II, 298.
 Gopz. I, 11.
 Горинкинъ, Геннадій Васильевичъ („Вадимъ“). IV, 14, 15.
 Горинкинъ („Странный человѣкъ“). III, 186.
 Горшченко („Княгиня Лиговская“) IV, 136.
 Гостомысль. I, 231.
 Грандиссонъ. I, 140.
 Греція. I, 32, 33, 34, 48; II, 424; IV, 39.
 Григорій Васильевичъ. IV, 326.
 Гричко („Вадимъ“). IV, 81, 94.
 Грозная, крѣпость. IV, 340.
 Громова, Марѳа Ивановна („Menschen und Leidenschaften“). III, 92, 93, 102—108, 113—124, 135, 140, 142, 363.
 Грузиновъ (Іосифъ Романовичъ). I, 63.
 Грузія. II, 309, 333, 352, 365; III, 212, 288; IV, 155, 174, 184, 191, 329, 330.
 Грушицкій. IV, 205—217, 221—232, 235—242, 246—254, 257—262, 266, 375, 377, 380, 381, 502.
 Гудаль („Демонъ“). II, 353, 354, 355, 359, 379, 382.
 Гудъ-Гора. IV, 157, 172, 174.
 Гулистанъ. IV, 69.
 Гуммель. IV, 37.
 Гюльнара („Двѣ невольницы“). I, 186, 187.
 Л. Г—а, кн. I, 279.
 Дагестанъ, II, 96, 340, 480; IV, 174.
 Дамонъ, I, 63.
 Дантъ. IV, 58.
 Дарья („Menschen und Leidenschaften“). III, 92—94, 102—108, 113, 117—124, 139—141, 146, 363.
 Дарьяль. II, 213, 259, 341, 342, 352.
 Дарьяльское ушелье. IV, 185.
 Дашенька, (С.). IV, 315, 394, 395.
 Декартъ. III, 246.
 Демидова. IV, 311.
 Демосеенъ, II, 160.
 Джемать, ауль. II, 89, 90, 91, 100.
 Джулио. I, 189—203.
 Дивъ. II, 190, 335.
 Дидо-Ладо. I, 239; IV, 53.
 Діана. I, 63; II, 160, 230.
 Днѣпръ. I, 149, 168. II, 109, 116, 126, 128, 138.
 Додо (Евдокія Петровна Ростопчина). I, 94. См. Ростопчина.
 Дольчини. III, 310, 311.
 Доминикъ, св. III, 17, 29, 74.
 Донской монастырь. III, 186; IV, 348.
 Донъ, рѣка. I, 4, 10, 19. IV, 28.
 Дороховъ (Руфинъ Ивановичъ). IV, 340.
 Дубельтъ (Леонтій Васильевичъ). IV, 327.
 Дубенскій (Дмитрій Никитичъ), IV, 303, 304.
 Дунай. I, 32; II, 139, 339; IV, 67, 69.
 Дурновъ. I, 57, 59, 167.
 Д — въ (Дурновъ). I, 47, 70.
 Д. (Дурновъ). I, 282.
 К. Д. I, 87.
 Dirgè, m-g („Сашка“). II, 185.
 Digand, m-g („Сашка“). II, 185.
 Дюсисъ. IV, 306.
 Ева. II, 144, 173.
 Евгений („Письмо“). I, 135.
 Евреиновъ, Павелъ. IV, 308, 314, 315, 317, 394, 396.
 Euridyce. V, 34.
 Европа. II, 26, 104; IV, 107, 129, 179, 328, 330.
 Егорушка („Странный человѣкъ“). III, 185.
 Египеть. I, 198; II, 456, 459.
 Екатерина II. IV, 26.
 Екатериноградъ. IV, 185, 372.
 Екимъ (Шанъ Гирей). IV, 303, 339, 342.
 Елена Св. I, 267.
 Елизавета Александровна (Лопухина). IV, 308.
 Елизавета Петровна, императрица. IV, 58.
 Елизаветинскій источникъ. IV, 204, 205.
 Еремѣвна („Пѣсня про купца Калашникова“). II, 220.
 Еремѣвичъ („Фаталистъ“). IV, 274.
 Ермоловская ванна. IV, 240.
 Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ. II, 300; IV, 156, 159, 174.
 Ерусалимъ. II, 142, 338, 480; III, 21, 30, 56, 67, 86; IV, 352.
 Ерусаланъ Лазаревичъ. IV, 352.
 Эссенуки. IV, 265, 268.
 Ефимычъ („Фаталистъ“). IV, 275.
 Ефремовская деревня. I, 53.
 Echo. V, 34.
 Желѣзная гора. II, 25; IV, 221.
 Жигимондъ (Семенъ Осиповичъ). V, 37.
 Жоржъ Зандъ. III, 234.
 Жуковский (Василій Андреевичъ). IV, 332, 339, 405; V, 32.
 Завадовскій, гр. V, 35.
 Загорскина, Анна Николаевна („Странный человѣкъ“). III, 154, 156, 185—189, 192.
 Загорскина, Вѣринька—княгиня Лиговская („Два брата“). III, 324.

- Загорскина, Наталья Ѳедоровна. III, 153—158, 164, 165, 169—171, 175—177, 185—189, 192—201, 204, 205, 364, 367, 368.
- Заира („Двѣ невольницы“). I, 186.
- Зара („Ауль Бастунджи“). I, 337—350, 414.
- Зара („Вадимъ“). IV, 68, 69.
- Зара („Измаиль Бей“). II, 35—41, 53, 82, 83.
- Зарубова („Menschen und Leidenschaften“). III, 105.
- Заруцкій („Menschen und Leidenschaften“). III, 92, 95—102, 113, 125—129, 144, 364, 365.
- Заруцкій („Странный человѣкъ“). III, 163—168.
- Зафиръ („Сашка“). II, 186.
- Звѣздичъ, князь („Маскарадъ“). III, 209, 210, 212—220, 222—224, 235—239, 250, 254—265, 274, 277—279, 282—285, 286—298, 307, 309, 312—316, 321, 322.
- Земфира („Цыгане“). I, 71, 72.
- Змѣиная гора. II, 25; IV, 221.
- Зораимъ („Ангель смерти“). I, 315—326, 409.
- Зубова, графиня. IV, 338.
- И.** I, 185.
- Н. И. I, 274.
- Н. Ф. И. I, 91, 113.
- Ивана Великаго колокольня. IV, 345.
- Ивановъ. IV, 101.
- Иванъ („Казначейша“). II, 231.
- Иванъ („Маскарадъ“). III, 250, 254.
- Иванъ („Menschen und Leidenschaften“). III, 92—94, 141, 142, 146.
- Иванъ („Странный человѣкъ“). III, 190, 191, 366.
- Иванъ Васильевичъ, царь. II, 108, 215—219, 225, 227; IV, 347.
- Иванъ Игнатьевичъ („Герой нашего времени“). IV, 257, 258, 261.
- Иванъ Ильичъ („Маскарадъ“). III, 209, 286.
- Иванъ Ильичъ („Сашка“). II, 159, 161, 163, 173, 177, 443, 444.
- Ижорка. II, 104, 105.
- Измаиль-бей. II, 19, 43, 47—66, 69—84.
- Израиль. I, 154. III, 49, 57.
- Ильмень. I, 226, 239, 240, 248.
- Ингелотъ („Послѣдній сынъ вольности“). I, 230, 231, 244, 248.
- Индія. IV, 179.
- Индостанъ. I, 314.
- Ипать („Вадимъ“). IV, 7.
- Исаакъ. III, 86.
- Испанія. I, 188; III, 362.
- Италія. I, 50, 191; II, 263; IV, 132, 284, 286, 386, 387.
- Ичкерія. II, 302.
- Janus. V, 34.
- Иерусалимъ Освобожденный. IV, 244.
- Йорданъ. II, 141.
- Юсифъ („Испанцы“). III, 33.
- Иуда. I, 44, 45; II, 247; III, 141, 191; IV, 45.
- Жабарда. IV, 162, 185.
- Кавказъ. I, 68, 105, 106, 109, 110, 128, 197, 332; II, 19, 20, 48, 82, 89, 98, 171, 262, 313, 329, 336, 337, 352, 360, 364, 414; III, 264, 269; IV, 158, 159, 174, 177, 179, 187, 190, 194, 204, 206, 210, 214, 221, 329, 331, 334, 339, 341, 349, 355, 405, 406, 446, 512.
- Казань. I, 270, 400; II, 197.
- Казаринъ, Аванасій Павловичъ („Маскарадъ“). III, 209—212, 214, 215, 241—249, 258—261, 275, 286—293, 298—301, 308—315, 321, 322, 369.
- Казбекъ. I, 197; II, 21, 213, 259, 304, 337—340, 352, 364, 379, 383, 503; IV, 204.
- Казбекъ, станція. IV, 185.
- Казбичъ („Бѣла“). IV, 161—167, 171, 177—184.
- Казоть. II, 263.
- Каинъ. II, 387, 505; III, 344.
- Калашникова, Алена Дмитріевна. II, 218—223, 228.
- Калашниковъ, купецъ Степанъ Парамоновичъ. II, 215, 219, 220, 223, 225—228.
- Калліопа, журналъ. IV, 304.
- Калмаръ („Гость“). I, 262, 263.
- Калужская губернія. IV, 29.
- Каменный Бродъ. IV, 158.
- Кантъ. III, 107.
- Капгаръ. II, 416.
- Карабахъ. II, 357.
- Караванная уллица. IV, 98.
- Карагезъ, конь. IV, 163, 166, 167.
- Карамзина, Софья Николаевна. II, 295.
- Каратыгинъ. IV, 305.
- Карлъ Первый. III, 6.
- Карсъ. IV, 280, 282.
- Кароагень. IV, 357.
- Каспій. I, 81; II, 259.
- Кастилія. III, 2.
- Катерина („Казначейша“). II, 231.
- Катерина („Сашка“). II, 184.
- Катерина Дмитріевна („Странный человѣкъ“). III, 185.
- Катюша (Екатерина Павловна Веселовская, рожд. Петрова). IV, 305.
- Катюша (Шанъ Гирей). IV, 303, 305.
- Кახетія. IV, 329.

- Кизляръ. IV, 329.
 Кирибѣвичъ („Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“). II, 216, 217, 222, 225—227.
 Кисловодскъ. IV, 240, 242, 244, 262, 265, 268.
 Кифейкинъ, купецъ („Отрывокъ“). IV, 288.
 Кіевъ. III, 118, 123, 352, 359.
 Клара („Литвинка“). I, 206—216.
 Клариса („Гость“). I, 262, 263.
 Клейнмихель (графъ Петръ Андреевичъ). IV, 327, 337.
 Клязьма, рѣка. III, 166, 365.
 Коби. IV, 175, 184.
 Козловъ, крѣпость. II, 335.
 Койшаурская долина. II, 381; IV, 155, 173.
 Кокушкинъ мостъ. IV, 286, 287.
 Кольцо, гора. IV, 244.
 Kord. M.—г. I, 140.
 Кошинцевъ. V, 37.
 Краевскій (Андрей Александровичъ). IV, 327, 328, 341.
 Крапоткина. I, 94.
 Красинскій, Станиславъ („Княгиня Лиговская“). IV, 136—141, 143—148.
 Красная Шапка. IV, 37, 39, 83, 364.
 Красное село („Вадимъ“). IV, 85.
 Красный Кабачекъ. II, 197.
 Кремль. I, 354; II, 145, 193, 219, 225; IV, 347, 348.
 Крестовая гора. IV, 157, 173, 174, 330.
 Крымъ. IV, 197.
 Куба. IV, 329, 330.
 Кубань. II, 24, 162, 167.
 Кузнецкій мостъ. II, 185; III, 332, 338.
 Кукольникъ (Несторъ Васильевичъ). II, 210.
 Кунигунда. I, 77.
 Купидонъ. I, 1; II, 180.
 Кура, рѣка. II, 308, 326, 344; IV, 351.
 Курдюкова м-те. II, 294, 295.
 Куршудъ-бекъ. IV, 278, 282, 283.
Л. I, 273.
 Лаваль, графиня. IV, 336.
 La Harpe. I, 29; V, 34.
 Лада. I, 79, 82, 238.
 Ладыженская (Елизавета Александровна). IV, 325, 402.
 Лазарь. IV, 62.
 Ламбертъ, графъ (Карлъ Карловичъ). IV, 338.
 Лара (Байронъ). II, 430; IV, 102.
 La Rochefoucauld. IV, 324, 400.
 Ларсъ. IV, 185, 372.
 Лафа („Уланша“). II, 105—107. См. Поливановъ Н. И.
 Лафатеръ. III; 205; IV, 99, 341.
- Léandre. V, 34.
 Леда („Послѣдній сынъ вольности“). I, 234—247, 395.
 Леила („Хаджи Абрекъ“). II, 94—96, 100.
 Лель I, 102, 105.
 Леокадія. IV, 342.
 Леонидъ. IV, 39.
 Лепажъ (пистолеты), III, 256.
 Лета. I, 58; IV, 315, 394.
 Летось. I, 34.
 Ливанъ. I, 316, 379; II, 141.
 Лиговская, княгиня Вѣра Дмитриевна—Вѣрочка („Кн. Лиговская“). IV, 102, 119—129, 132—135, 142—152, 369.
 Лиговская, княгиня („Герой нашего времени“). IV, 207, 212, 219, 222, 223, 228, 235, 240, 248, 251, 266, 267.
 Лиговская, княгиня Вѣра („Два брата“). III, 324—337, 345—352.
 Лиговская, княжна. — См. „Мери“.
 Лиговскій, князь Петръ („Два брата“). III, 325—332, 338—340, 350—352, 370.
 Лиговскій, кн. Степанъ Степановичъ (Кн. Лиговская“). IV, 100, 102, 110, 119—122, 127, 128, 133—142, 148, 151.
 Лидина, Полина („Странный чело-вѣкъ“). III, 176.
 Лизавета Аркадьевна (Столыпина). IV, 326.
 Литва. I, 208, 209, 214, 215; II, 107, 109, 129.
 Лоаръ. I, 10.
 Лондонъ. IV, 328.
 Лопухинъ (Алексѣй Александровичъ). II, 255. — См. Alexis.
 Лора („Джюлио“). I, 192, 193, 199, 200.
 Лугинъ („Отрывокъ“). IV, 284—296, 386—389.
 Лужина. IV, 305.
 Лысяя гора. IV, 221.
 Лѣтній садъ. IV, 331.
 Любовь („Menschen und Leidenschaft“). — См. Волина.
 Лютеръ. III, 71, 82.
 Люциферъ. II, 387, 505.
 Мавра Петровна („Странный чело-вѣкъ“). III, 186.
 Мавруша („Сашка“). II, 171—178, 443.
 Магдалина. II, 176.
 Магометъ. I, 5, 283; II, 23, 32, 47; III, 152; IV, 364.
 Магуль-Мегери („Ашикъ Керибъ“). IV, 277—279, 282, 283.
 Мадридъ. III, 7, 13, 44.
 Мазепа. II, 4.
 Маѣшка („Монго“). II, 195, 196, 198, 200.
 Макбетъ. IV, 31.
 Макбетъ (Шиллера). I, 59.

Максимъ Максимычъ. IV, 159, 160, 168—170, 178, 181—193, 255, 277, 372, 385.
Малашка („Казначейша“). II, 231.
Малая Мѣщанская улица. IV, 288.
Марать. II, 168, 440.
Маргарита (Фаустъ). IV, 55.
Marie, m-elle (Марія Александровна Лопухина). IV, 324, 331, 332. — См. Mary, miss.
Mary, miss. IV, 314.
Марія, донна („Испанцы“). III, 2, 3, 12—15, 41—48, 61, 75—78, 359, 362.
Марій. IV, 357.
Маркъ, евангелистъ. III, 105.
Марсъ. I, 73.
Мартынова (Наталья Соломоновна). I, 93.
Марѳа Ивановна („Странный человекъ“). III, 185.
Марѳа Ивановна. — См. „Громова“.
Марѳуша („Кн. Лиговская“). IV, 111, 112.
Марфина роща. IV, 123, 345.
Марья Дмитревна. — См. „Арбеннина“.
Марья Николавна („Сашка“). II, 160, 161, 162.
Марья Акимовна (Шанъ Гирей). IV, 326.
Маша (Шанъ Гирей). IV, 305.
Машукъ. I, 333, 340; II, 22; IV, 204, 205, 218, 222, 232, 241, 242, 377, 378.
Мекка. IV, 330.
Мелна. I, 84.
Мелина („Джюлю“). I, 197, 198.
Мельмогъ. IV, 371.
Мери, княжна. IV, 204, 207, 208, 217, 218, 221—230, 236, 240, 241, 244, 249, 264, 267, 376, 381.
Меркурій. IV, 103.
Мертвое море. IV, 69.
Меттернихъ. IV, 130.
Мефистофель. I, 170; II, 186, 269; IV, 55, 211.
Мещериновъ. IV, 341.
Миланъ. IV, 285.
Миллионная улица. IV, 147.
Мининъ. IV, 347.
Минская („Отрывокъ“). IV, 284—287.
Миньона. IV, 200.
Мирза, лошадь. II, 106.
Мирабо. II, 440.
Мисхоръ. II, 298.
Митрофанъ („Недоросль“). II, 248.
Митька („Герой нашего времени“). IV, 168.
Мицкевичъ. II, 335.
Моисей. I, 310; II, 4; IV, 83, 313, 392.
Моисей („Испанцы“). III, 20, 21, 33—39, 49, 52—58, 85, 86, 357—362.
Молчановка. IV, 408.

Монго. II, 195, 198, 200, 201, 484.
Mont St-Cristophe. IV, 174.
Морская улица. IV, 110, 118, 141.
Москва, рѣка. II, 192, 217, 220, 223, 224, 228; IV, 347.
Москва. I, 52, 95, 102, 148, 178, 371; II, 108, 144, 145, 180, 204—207, 224, 281, 307; III, 99, 147, 162, 168, 207; IV, 4, 13, 14, 51, 102, 123—126, 129, 143, 151, 176, 207, 213, 214, 298, 303, 305, 308, 313, 315, 317, 318, 320, 322, 325—328, 331, 335, 340, 342, 345, 347, 359, 396, 398, 400, 401, 403, 404, 408.
Мосоловъ. I, 148.
Мочаловъ. III, 164; IV, 305.
Мстиславъ (Сюжетъ). IV, 352—354.
Мстиславъ Черный. IV, 354.
Мурильо. IV, 132.
Муръ Томась. I, 143.
Мусина-Пушкина, гр. Э. К. (Эмилия Карловна). II, 263.
Мятлевъ, Ишка (И. П.). II, 295.
Наполосогъ. I, 63, 110, 125, 126, 127, 267; II, 169, 249, 425; IV, 6, 27, 265, 328, 347, 362.
Нарзанъ. IV, 242, 255.
Narcisse. V, 34.
Нарышкина, Л. I, 93.
Настасья Алексѣвна (Нина. II ред. „Маскарада“). III, 292.
Настя („Фаталистъ“). IV, 274.
Наталья Алексѣвна (Столыпина). IV, 313, 325, 326, 393, 402.
Неаполь. I, 191; II, 153, IV, 285, 328.
Нева. I, 95, 371; II, 144, 153, 230, 271, 272, 457, IV, 315.
Невскій монастырь. IV, 111.
Невскій проспектъ. IV, 98, 122, 136.
Негурова, Елизавета Николаевна („Кн. Лиговская“). IV, 103, 104, 109—118, 127, 147, 149—152.
Негурова, Катерина Ивановна. IV, 110, 111.
Негуровъ, Николай Петровичъ. IV, 111.
Негуровы. IV, 368.
Нелидовъ („Странный человекъ“). III, 176, 177.
Нероновы („Странный человекъ“). III, 292.
Неронъ. IV, 243, 359.
Нигель. IV, 379.
Нижегородская губ. IV, 58.
Никита („Монго“). II, 201.
Никита, камердинеръ („Отрывокъ“). IV, 291.
Николы Явленнаго приходъ. IV, 408.
Никонъ, патриархъ. I, 133.
Ниль, рѣка. II, 338, 480.
Нина („Сказка для дѣтей“). II, 274.

- Нина (Къ). I, 61.
 Нина. — См. Арбелина.
 Новая Элоиза. IV, 351; V, 49.
 Новгородская губернія. IV, 331.
 Новгородъ. I, 161, 231, 232, 236, 238, 248; II, 9, 10; IV, 330, 404.
 Новикъ Послѣдній. IV, 125.
 Новицкая. IV, 109, 110.
 Ность, князь (кн. I. Шаховской — „Уланна“). II, 106.
 Ноэми („Испанцы“). III, 29—39, 50—58, 88—90, 362.
 Нэра. I, 88, 89.
 Н., полковникъ („Герой нашего времени“) IV, 187, 188.
 Н., крѣпость. IV, 255, 266.
 Обуховъ мость. IV, 137.
 Одоевскій, Александръ Ивановичъ. II, 261.
 Одоевскій (князь Владимиръ Федоровичъ). IV, 341, 409.
 Ока, рѣка. IV, 8, 24, 34, 54.
 Олень. I, 78—82.
 Оленька (II редація „Маскарада“). III, 286, 294—298, 306—308, 312—314, 316, 317, 320—322, 369.
 Ольга („Вадимъ“). IV, 5—23, 27—36, 43, 46—48, 55—58, 63—65, 69—79, 92, 363, 366.
 Ольга (Сюжетъ „Мстиславъ“). IV, 352—354.
 Онѣга, рѣка. I, 81.
 Онѣгинъ (Пушкина). II, 229.
 Опочининъ (Константинъ Федоровичъ). IV, 336.
 Oritheje. V, 34.
 Орленко („Вадимъ“). IV, 81—86, 89—95, 367.
 Ogrhee. V, 34.
 Орша, Михаилъ, бояринъ. II, 108, 109, 111, 115, 118, 121, 129, 435, 437.
 Оссаевское Поле. II, 68.
 Оссанъ. I, 138.
 Острожская, Амалия („Княгиня Лиговская“). IV, 142.
 Острожская, графиня Роза. IV, 142.
 Острожская, Эвелина. IV, 142.
 Острожскій, графъ. IV, 142.
 Отелло. I, 186.
 Офелія. IV, 306.
 Павелъ, апостолъ. IV, 44.
 Павелъ (Еврейновъ). II, 13; IV, 310. См. Еврейновъ.
 Павелъ Ивановичъ („Menschen und Leidenschaften“). III, 115, 116, 117.
 Павловъ (Николай Филипповичъ). I, 92.
 Паганини. IV, 101.
 Палестина. II, 86, 141.
 Палицына, Наталья Сергѣевна („Вадимъ“). IV, 4, 5, 14—18, 25, 36, 40, 46, 48, 50 (Настасья С.—вар. 362, 365).
 Палицыно, село. IV, 63.
 Палицынъ, Борисъ Петровичъ. IV, 2—5, 8—18, 23—29, 36—39, 48—52, 58—63, 78, 79, 82—86, 90, 93, 94, 362, 363.
 Палицынъ, Юрій Борисовичъ. IV, 25—36, 44—52, 63—71, 75—80, 92, 93, 366.
 Пантелеймоновскій мость. IV, 331.
 Паишишка („Монго“). II, 200.
 Параша („Сашка“). II, 150, 152, 155, 182.
 Парголово. IV, 148, 336.
 Парижъ. I, 150, 194; II, 168; III, 194; IV, 107, 328.
 Парма. IV, 362.
 Парнасъ. I, 52.
 Паткуль. I, 287.
 Пегасъ. I, 52.
 Педро, донъ („Испанцы“). III, 22.
 Пензенская губернія. IV, 58.
 Перовскій. IV, 330.
 Персія. I, 331; II, 354, 403; IV, 190, 191, 193, 330.
 Перуджино. II, 274.
 Петербургъ. I, 371; II, 185, 428; III, 327; IV, 104, 106, 112, 113, 118, 126—129, 132, 148, 191, 213, 214, 286, 287, 297, 298, 310, 311, 315, 318—322, 325—327, 330, 331, 335, 336, 340, 342.
 Петергофъ. II, 102, 197.
 Петковъ („Маскарадъ“). III, 265.
 Петровский замокъ. IV, 345.
 Петровский паркъ. IV, 123.
 Петровский театръ. IV, 346.
 Петровъ, Аркадій Павловичъ. II, 214.
 Петровъ, Павелъ Ивановичъ. IV, 329.
 Петруха („Вадимъ“). IV, 63, 95, 96.
 Петрушка („Вадимъ“). IV, 49.
 Петрушка („Два брата“). III, 370.
 Петръ I. IV, 4, 174, 346.
 Петръ, князь (Петръ Ивановичъ Шаликовъ). I, 96.
 Петр. Г. (Замѣтки). IV, 351; V, 38.
 Петръ („Монго“). II, 201.
 Печорина, Варвара Александровна — Варенька („Кн. Лиговская“). I V, 100—103, 123, 127, 128, 134, 135.
 Печорина, Татьяна Петровна („Кн. Лиговская“). IV, 99, 124 (Дмитріевна), 126, 127.
 Печоринъ, Григорій Александровичъ — Жоржъ („Кн. Лиговская“). IV, 99—110, 114—152, 368, 369.
 Печоринъ, Григорій Александровичъ („Герой нашего времени“). IV, 154, 160, 161, 165—171, 176, 178, 180—194, 205, 217, 227, 232, 233, 238, 239, 246, 250, 251, 261, 266, 271, 370—373, 385.

Пиеня. II, 191.
Pietge („Монго“). II, 199.
Плутархъ. IV, 357.
Погодинъ. V, 37.
Подкумокъ. I, 336. II, 22. IV, 242, 244, 264.
Поклонная гора. IV, 347.
Поливановъ, Николай Ивановичъ. См. Лафа. I, 254.
Полтава. I, 179, 180; IV, 4.
Польская кампанія. IV, 126, 142.
Помпея. IV, 132.
Прага. II, 148.
Пренеста. IV, 357.
Прометей. II, 59; IV, 38, 304.
Пронскій, гр. („Странный человекъ“). III, 153.
Прѣсня. II, 145.
Псковъ. I, 81.
Пугачевъ. IV, 3, 7, 8, 50, 51, 92, 362.
Пу — нь. I, 46.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. II, 202; IV, 97, 129, 237; V, 34.
Пятигорскъ. IV, 204, 209, 221, 248, 250, 264, 339.
Пятигорье. I, 334.
Пятницкая, улица. II, 192.
П. (Г-нь). I, 62.
Н. П. („Княгиня Лиговская“). IV, 139.
Радинъ, Александръ Дмитріевичъ („Два брата“). III, 323—324, 332—338, 342—350, 352—355. Родинъ—вар. 370.
Радинъ, Дмитрій Петровичъ. III, 323—327, 336—342, 352—355, Родинъ — вар. 370.
Радинъ, Юрій Дмитріевичъ. III, 323—327, 330—332, 336—342, 345—350, 353—355, Родинъ—вар. 370.
Раевичъ. IV, 207, 209.
Разинъ (Александровъ). II, 106. („Уланша“).
Раичъ (Семень Егоровичъ). I, 57.
Рауль (вино). III, 248.
Рафаэль. I, 2, 102, 105; II, 274; IV, 87, 304, 368.
Рашидъ. IV, 281.
Р—вы („Кн. Лиговская“). IV, 124—126.
Ревель. IV, 112, 148.
Рейнь. I, 10, 195.
Рембрандтъ. I, 172; II, 175; IV, 132.
Римъ. I, 50; II, 62, 108, 138, 139, 334, 434, 478; IV, 357.
Робеспьеръ. II, 440.
Робинзонъ Крузо. IV, 207.
Розень, баронъ (Григорій Владиміровичъ). IV, 329, 342.
Ромодановскій, Матвѣй, бояринъ („Пѣсня про купца Калашникова“). II, 215.

Рона. I, 10.
Росламбекъ („Измаилъ Бей“). II, 21, 24, 41—43, 47—50, 61, 63.
России. IV, 101.
Россія. I, 47, 144; II, 43, 107, 108, 168, 286, 309, 336; III, 278; IV, 104, 112, 113, 122, 159, 184, 194, 198, 200, 221, 329, 336, 346, 348, 352—356; V, 38.
Ростопчина, граф. (Евдокія Петровна). II, 295; IV, 339. См. Додо.
Руссо, Жанъ Жакъ. IV, 194, 351.
Русь. I, 57, 148, 169; II, 218, 235, 281; IV, 153.
Рымникъ. I, 179, 180.
Рюрикъ („Послѣдній сынъ вольности“). I, 231, 232, 236—239, 248, 249.
Рябиновъ („Странный человекъ“). III, 163—166.
Р., баронъ („Кн. Лиговская). IV, 103, 116, 147.
Сабурова. I, 95.
Сабуровъ. I, 47, 48, 61.
Савельичъ („Валерикъ“). II, 301.
Saint-Ange. V, 34.
Саламины. II, 424.
Саратовская губ. IV, 58, 99, 377.
Саратовъ. I, 151; IV, 58, 174.
Сарра („Баллада“). II, 4, 5.
Сарра („Испанцы“). III, 30—39, 56—58, 88—90.
Сауль. II, 158.
Саша (Александра Николаевна Карамзина). II, 295.
Саша, горничная („Маскарадъ“). III, 268, 269.
Сашенька. II, 414; IV, 342. См. Александра Михайловна, Alexandrine.
Сашка. II, 143, 153—157, 165—168, 171—186, 440—444.
Свитской, графъ („Странный человекъ“). III, 186.
Святославъ (Святославъ Аванасевичъ Раевскій). IV, 325, 327, 329, 332.
Святославъ, князь. I, 386.
Sevigné (à la). IV, 129.
Селимъ („Ауль Бастунджи“). I, 335—351, 413, 414.
Селимъ („Бѣглець“). II, 264.
Селимъ („Измаилъ-Бей“). II, 62—66, 69, 70, 73, 75—83.
Семіоновскій мостъ. IV, 98.
Сена. I, 195.
Сенковский (Осипъ Ивановичъ). II, 336.
Сенька („Странный человекъ“). III, 366.
Сергѣй Сергѣичъ („Странный человекъ“). III, 192.
Середниково. I, 65, 135, 140, 151, 264, 266; IV, 308.
Сибирь. III, 140.

- Сидоръ („Монго“). II, 201.
 Симбирская губ. IV, 58.
 Симбирскъ. II, 161, 173, 443.
 Симоновъ монастырь. IV, 124, 347.
 Синавъ. I, 231.
 Синодалъ („Демонъ“). II, 356.
 Сюнъ. I, 119; II, 390; III, 49.
 Скопинъ. II, 210, 448.
 Скуратовъ, Малюта. II, 217, 222.
 Сленовъ („Странный человѣкъ“). III, 154.
 Слукинъ („Маскарадъ“). III, 246.
 Смирнова, Александра Осиповна. II, 293, 295; V, 37.
 Снѣгинъ („Странный человѣкъ“). III, 163—168, 364.
 Соколовъ, Матвѣй („Вадимъ“). IV, 82.
 Соколъ („Бояринъ Орша“). II, 111—116.
 Сокольники. IV, 123, 338.
 Сократъ. II, 188; IV, 3.
 Солимъ. II, 141; III, 49.
 Соловей, Разбойникъ. IV, 174.
 Соломирская, Марья Павловна. II, 290.
 Соломонъ, царь. II, 155; III, 150.
 Соррини, патеръ („Испанцы“). III, 8—15, 21—26, 42, 43, 47, 48, 58, 61—76, 83—86, 357—362.
 Sophie, m-elle. IV, 394, 395. См. Софія Александровна.
 Софія Александровна (Бахметьева). IV, 307, 310, 315, 316.
 Софья Николаевна, княжна („Странный человѣкъ“). III, 154—158, 170, 175—177, 186—189, 192—197, 203, 365, 367.
 Софья („Сюжетъ“). IV, 359.
 Ставрополь. IV, 156, 338, 340, 342.
 Стамфуль, царь. IV, 357, 358.
 Степанъ („Монго“). II, 201.
 Степанъ. IV, 339.
 А. С. (Анна Григорьевна Столыпина). I, 59.
 Столыпинъ (Алексѣй Аркадьевичъ). IV, 337, 407. См. Алексѣй Аркадьевичъ.
 Столыпинихъ домъ. IV, 315.
 Столярный пер. IV, 286, 287, 288.
 Стрибогъ. I, 80.
 Суворовъ. I, 150; II, 148; IV, 67.
 Сулла. IV, 357.
 Сура, рѣка. IV, 363.
 Сусанна. II, 148.
 Сухарева башня. IV, 346.
 Souchkoff, m-elle (Евдокія Петровна Сушкова, гр. Ростопчина). I, 128.
 Souchkoff Catherine (Екатерина Александровна Сушкова) m-elle S. IV, 319, 322—324, 397—401. См. Blackes, miss.
 С***, майоръ („Фаталистъ“). IV, 269.
 Тайницкія ворота. IV, 347.
 Талейранъ. IV, 130.
 Тамань. IV, 194, 203.
 Тамара, царица. II, 341, 342.
 Тамара („Демонъ“). II, 353, 359, 362, 364, 368, 374, 377, 501.
 Тамбовъ. II, 230, 231, 234, 237; IV, 174.
 Танталъ. IV, 98.
 Танюша („Уланша“). II, 106, 107.
 Тарасъ („Монго“). II, 201.
 Тарханы. IV, 325.
 Тассъ. IV, 242.
 Тверь. IV, 310.
 Тегеранъ. II, 338.
 Тереза („Мазепа“). II, 3.
 Терекское ущелье. IV, 185.
 Терекъ. I, 4, 6, 11, 12, 17, 19, 23, 27, 67, 197, 358; II, 254, 258, 260, 278, 341, 342; IV, 159, 162, 167, 186.
 Терешка („Вадимъ“). IV, 49, 50.
 Термопилы. II, 424.
 Tess de marquis („Сашка“). II, 167.
 Тибръ. II, 334.
 Тиверій. II, 334.
 Тирза („Сашка“). II, 148, 152, 153—157, 182, 184.
 Тифлисъ. II, 309, 343; IV, 155, 159, 186, 277—280, 282, 330, 340, 351; V, 38.
 Толстая (Аграфена Федоровна). I, 93.
 Троицкая Лавра. III, 100.
 Трубецкой. I, 92.
 Труворъ. I, 231.
 Трущовъ („Маскарадъ“). III, 212, 288.
 Туркестанъ. IV, 277.
 Турція. IV, 67.
 Тьеръ. II, 456.
 T, le prince (Н. Н. Трубецкой). IV, 319, 398.
 Уварова. I, 95.
 Углицкая. IV, 324, 401.
 Украина. II, 293.
 Ульяна („Вадимъ“ вар.). IV, 365.
 Уналаска. III, 298.
 Ундина. IV, 201.
 Уралъ. II, 339; IV, 85.
 Уральская степь. IV, 86.
 Фабрицій. II, 108, 434.
 Фанагорія. IV, 197.
 Fanchette („Сашка“). II, 185.
 Фаустъ. I, 170; III, 96.
 Фебъ. I, 48.
 Федосей („Вадимъ“) см. „Атуевъ“.
 Федосей („Два брата“). III, 353—355, 370.
 Фенелла. IV, 103, 105, 109.
 Фениксъ. IV, 104, 105.

- Фернандо („Испанцы“). III, 2—10, 13—21, 33—40; 42—59, 67—72, 75—90, 357—363; IV, 350.
- Фиделька. II, 184.
- Фильдъ. IV, 37.
- Финляндія. I, 83.
- Финскій заливъ. II, 144.
- Флери. II, 199.
- Фоблазъ. II, 171.
- Фонтанка. IV, 98, 331.
- Franguestan. II, 19.
- Франція. I, 48, 267; II, 169, 285, 286, 306, 425; III, 106; IV, 107, 129, 200.
- Жадерилазъ. IV, 280, 281, 283.
- Хаджи-Абрекъ. II, 89, 94—96.
- Халафъ. IV, 278, 279, 282.
- Хива. IV, 330.
- Хомутова, Анна Григорьевна. II, 335.
- Хомутовъ, генералъ (Михаилъ Григорьевичъ). IV, 338.
- Христофоръ Васильевичъ („Странный человѣкъ“). III, 161—163.
- Царское Село. IV, 148, 321, 326, 330, 332, 399.
- Царьградъ. II, 335.
- Цедлицъ. II, 284.
- Цейдлеръ (Михаилъ Ивановичъ). II, 253.
- Serbège. V, 34.
- Цинна. IV, 357.
- Цицеронъ. IV, 211.
- Цна, рѣка. II, 231.
- Чатырдагъ. II, 335.
- Чацкій („Странный человѣкъ“). III, 154.
- Челахова магазинъ. IV, 215.
- Челяевъ („Странный человѣкъ“). III, 163, 164, 168.
- Чембарскій уездъ. IV, 325.
- Чембаръ. I, 2.
- Черкасскъ. IV, 338.
- Черкъсъ, лошадь. IV, 264.
- Черная рѣчка. IV, 336.
- Чернобогъ. I, 229, 233.
- Черное море. II, 263, 345; IV, 329, 340.
- Чертова долина. IV, 174.
- Чесма. I, 179.
- Чечня. II, 300, 302; IV, 158, 338—340.
- Чичисбей. I, 84.
- Чортово логовище. IV, 58—63, 77, 92.
- Шайтанъ, гора. II, 51, 59, 61.
- Шамиль. IV, 338.
- Шать-гора. II, 29, 337, 339.
- Шведскія скалы. I, 189, 192.
- Швейцарія. I, 195.
- Шекспиръ. I, 186; IV, 306, 307, 339.
- Шемаха. IV, 329.
- Шеншинъ (Николай Семеновичъ). I, 225.
- В. Ш. (Владиміръ Александровичъ Шеншинъ). I, 268.
- Шень, Андрей. I, 296.
- Шиллеръ. I, 59, 61, 74, 76, 77; III, 164, 171.
- Шильонскій узникъ. V, 34.
- Шприхъ, Адамъ Петровичъ („Маскарадъ“). III, 209—211, 214—217, 221, 239—246, 257, 286, 287, 290.
- Штоссъ („Отрывокъ“). IV, 286, 288, 295, 388, 389.
- Штраль („Маскарадъ“ II ред.). III, 310.
- Штраль, баронесса („Кн. Лиговская“). IV, 132.
- Штраль, баронесса („Маскарадъ“). III, 209, 234—240, 251—257, 262.
- Шубертъ. IV, 286.
- Шумова, Лиза („Странный человѣкъ“). III, 176.
- Шумовы, князья. III, 154.
- Шура, крѣпость. IV, 342.
- Шуша. IV, 329.
- Шушерина Алешка („Вадимъ“). IV, 7.
- Щербатова (княжна Анна Александровна) I, 95).
- Щербатова, княгиня Марья Алексѣевна. II, 293.
- Эмилиа, графиня. II, 263.—См. Мусина-Пушкина.
- Эмилиа („Испанцы“). III, 2—4, 12—20, 24—26, 39, 43—48, 51, 56, 59, 61—70, 73, 77—80, 83, 86—88, 357—362.
- Энгельгардтъ („Маскарадъ“). III, 216.
- Эльба. II, 288.
- Эльборусъ. I, 12; IV, 204, 205, 259, 328, 403.
- Эолова Арфа, павильонъ. IV, 205.
- Эротъ. I, 1.
- Этна. II, 28.
- Югельскій баронъ. II, 414.
- Юлій Цезарь. IV, 259.
- Юрій („Вадимъ“). — См. „Палицынъ“.
- Юрій („Два брата“). — См. „Радинъ“.
- Юрій („Menschen und Leidenschaft“). — См. Волинъ.
- Юрьевъ (Николай Дмитриевичъ). IV, 333.
- Янко („Таманъ“). IV, 196, 197, 202, 203.
- Ѳ-въ А. А. (Александръ Александровичъ). II, 88.
- Ѳедоръ („Монго“). II, 201.
- Ѳедька („Вадимъ“). IV, 7.
- Ѳедька („Кн. Лиговская“). IV, 99, 103.
- Ѳедька, мужикъ („Странный человѣкъ“). III, 172.
- Ѳотька. — См. Атуевъ.

5-00

